

Геннадий Филиппович Матвеев

Пилсудский

(Жизнь замечательных людей #1131)

Имя Юзефа Пилсудского (1867 – 1935) много лет окружалось молчанием как в СССР, так и на его родине, в Польше. Этому есть объяснение – Пилсудский, боровшийся за независимость своей страны, был непримиримым врагом как царской, так и советской России. В самой Польше он установил диктатуру, жестоко подавлял оппозицию, поощрял возникновение культа своей личности. Несмотря на это, Пилсудский остается виднейшим польским политиком первой половины XX века, восстановителем польского государства после многих лет колониального угнетения, ярким и неординарным человеком, личность которого наложила отпечаток на все последующее развитие страны. Первая в России биография Ю. Пилсудского написана известным ученым, доктором исторических наук Г. Ф. Матвеевым на основе широкого круга источников. Эта книга будет полезна всем, кто интересуется историей Польши, многими нитями связанной с Россией.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Написать биографию Юзефа Пилсудского – значит рассказать о судьбе польского народа и государства в конце XIX – первой трети XX столетия, в которой его участие было далеко не второстепенным. Конечно, жизненный путь Пилсудского никак нельзя назвать типичным для его земляков: ведь далеко не каждому поляку выпали на роду сибирская ссылка, руководство террористической организацией, роль первого главы, а позже и диктатора независимой Польши. И это еще далеко не все значимые моменты его богатейшей политической биографии. Пилсудский в полной мере познал привязанность и ненависть сограждан, радость военных побед и горечь поражений. Он никогда не останавливался перед трудными, непопулярными, а порой и морально сомнительными решениями, если считал, что они служат главной цели его жизни – возрождению независимой Польши и созданию прочных основ ее развития.

Значительная часть жизни Пилсудского пришлась на годы, когда Польша, некогда одна из крупнейших европейских стран, была стерта с политической карты мира, а поляки помимо своей воли стали подданными Австрии, Пруссии и России. Историки до сих пор спорят о причинах трагической и бесславной кончины в конце XVIII столетия Речи Посполитой, как после слияния Королевства Польского и Великого княжества Литовского в 1569 году стало называться это объединенное государство. В XIX веке оформились две основные точки зрения на этот вопрос. Сторонники одной из них винили во всем агрессивных соседей, решивших поживиться за счет Польши, переживавшей далеко не лучшие свои времена. Их оппоненты предлагали искать причины в самих поляках, в особенностях их менталитета, прежде всего в присущей им склонности к анархии, нежелании подчинять свои частные интересы общим, в том числе и государственным.

Этот спор имел характер, далеко выходящий за пределы чистой науки. В зависимости от ответа на мучивший всех вопрос «кто виноват?» формулировался и ответ «что делать?». До 1860-х годов, пока главная вина за гибель государства возлагалась на агрессивных соседей, польская политическая элита, представленная в основном шляхтой (дворянством), считала правильным только один ответ – восстание и освобождение любимой отчизны от оккупантов. Не смирившиеся с падением Польши патриоты приняли самое активное участие в Наполеоновских войнах, в том числе и в русском походе. Написанная в те годы польским легионером «Мазурка Домбровского» после 1918 года стала официальным гимном Польши.

В 1807 году, после разгрома Пруссии, Наполеон на отторгнутых ею польских землях создал марионеточное Варшавское герцогство. Правда, оно не получило международно-правового признания, а действия его властей целиком контролировались французами. Тем не менее в случае победы Наполеона у поляков были бы большие шансы на восстановление своего государства. Однако этого не случилось. Участники Венского конгресса, занявшиеся после разгрома Франции упорядочением Европы, подтвердили законность разделов Речи Посполитой в XVIII веке. В результате проведенного перераспределения польских земель большая их часть, включая столицу Варшаву, которая прежде была во владении Пруссии, досталась России, прежде этнически польскими территориями не владевшей. Уменьшилась и доля Австрии, у которой остались только Галиция и часть Малой Польши с Краковом.

Все три державы пообещали в Вене обеспечить своим польским подданным свободу развития национальной жизни, а Россия даже согласилась создать на полученной в 1815 году территории Речи Посполитой автономное государство в составе империи – Царство (Королевство) Польское. Связь этого нового государственного образования с метрополией осуществлялась посредством личной унии – российский император одновременно являлся польским царем (королем). К Царству Польскому был применен хорошо известный средневековый рецепт объединения различных государственных образований под скипетром одного правителя: с одной стороны, полное внутреннее самоуправление с сохранением традиционных институтов власти, собственной армии и полиции, с другой же – введение института наместничества, с помощью которого император осуществлял свои верховные властные полномочия в автономном образовании. Первым наместником с титулом вице-короля стал генерал польской и русской службы Юзеф Зайончек. В соответствии с действовавшим в то время в Европе принципом внешняя политика осталась прерогативой монарха, правительство Царства Польского не имело права ведения какой-либо самостоятельной внешнеполитической деятельности. Определенный таким образом статус Царства Польского в империи Романовых был закреплен в дарованной ему Александром I конституции. Главнокомандующим 35-тысячной польской армией стал младший брат императора Константин Павлович, которого в 1826 году, после смерти Зайончека, Николай I назначил своим наместником в Варшаве.

В Царстве Польском успешно развивалась экономика, остался в силе введенный в герцогстве Варшавском кодекс Наполеона, отменявший личную зависимость крестьян от помещиков. Для подготовки нужных стране кадров была создана сеть польских военных и гражданских учебных заведений. Поляки, попавшие под власть Вены и Берлина, таких широких возможностей

для национального развития не получили, хотя и здесь местная шляхта была уравнена в правах с австрийским и прусским дворянством, а аристократы без особых затруднений могли делать придворную карьеру.

Следует сказать, что надежды Александра I на благодарность и лояльность поляков Царства Польского династии Романовых, которые активно поддерживал в нем его ближайший друг и советник – польский князь Адам Чарторыйский, оказались напрасными. В польском обществе не только сохранялась память о собственной государственности, но и не угасало стремление к ее возрождению. В ноябре 1830 года слушатели военной школы подняли в Варшаве мятеж, поддержанный значительной частью армии, шляхты и горожан. В его ходе был убит ряд польских военных, сохранивших верность присяге и не примкнувших к восставшим. Чудом избежал пленения и возможной гибели наместник Константин. После низложения в январе 1831 года польским сеймом династии Романовых началась польско-русская война, завершившаяся осенью того же года полной победой русских войск. С этого момента Россия стала считать, что владеет Царством Польским по праву завоевания, а не на основании решений Венского конгресса. Лучшее средство предотвращения нового мятежа Петербург видел в лишении усмирённой провинции всех прежних привилегий и свобод, а также в постепенном уравнивании ее статуса с внутренними областями империи. Осуществление этой политики было поручено генерал-фельдмаршалу графу Ивану Федоровичу Паскевичу-Эриванскому.

Всем военнотружущим польской армии, участвовавшим в боевых действиях против русской армии и вылазках на территорию империи после детронизации Романовых, была объявлена амнистия. Но она не распространялась на организаторов и активных участников выступлений в первые месяцы восстания, когда Царство Польское формально было еще частью империи. Многие из этих людей вынуждены были бежать на Запад, других постигло наказание в виде тюремного заключения, каторжных работ или ссылки в отдаленные районы России. Вместо конституции 1815 года был введен в действие «Органический статут», объявлявший сохранившую прошлое название провинцию нераздельной частью Российской империи и ликвидировавший основные институты автономии.

В условиях жесткого режима, установленного в Царстве Польском наместником И. Ф. Паскевичем, свободолубивые устремления «русских» поляков были на несколько десятилетий загнаны в глубокое подполье. Но в 1840-е годы активизировалось польское национально-освободительное движение в Краковской республике – полусамостоятельном государственном образовании под эгидой австрийцев. В 1846 году в Кракове вспыхнуло

восстание, после подавления которого эта территория лишилась прежнего статуса и вошла в состав Австрии. Спустя два года, в обстановке общеевропейской революции («весны народов»), охватившей в том числе и немецкие государства, активизировались «пруссские» поляки. Но и здесь их национальные устремления не нашли удовлетворения – очень скоро удержавшиеся на троне Гогенцоллерны отказали полякам во всех уступках, на которые они вынуждены были пойти во время революции.

Поражение России в Крымской войне, смерть Николая I, а в 1856 году и наместника Паскевича, восшествие на престол не чуждого либеральным идеям Александра II создали в Российской империи новую атмосферу. Император объявил амнистию участникам восстания 1830 – 1831 годов и разрешил вернуться на родину эмигрантам. Не задерживавшиеся долго на своих постах очередные наместники взяли курс на уступки требованиям поляков. В условиях ослабления репрессивной политики русских властей в обществе Царства Польского вновь усилились никогда, впрочем, не умиравшие надежды на возрождение самостоятельного государства. Правда, относительно путей достижения независимости единства не было. Часть политического класса считала, что промежуточным решением стало бы восстановление прежнего автономного статуса. Это позволило бы покончить с начавшейся русификацией края и создать условия для развития национальной государственности, экономики и культуры. Олицетворением этого направления стал маркиз Александр Велепольский. Другие же по-прежнему видели выход в непосредственном завоевании полной независимости с помощью вооруженного восстания. Своей главной опорой они считали молодых шляхтичей и горожан, не познавших горечи поражения 1831 года и не согласных с оппортунистической линией старшего, более умудренного жизнью, поколения.

Формальным поводом для восстания стал объявленный в конце 1862 года по инициативе Велепольского рекрутский набор в русскую армию. Интрига заключалась в том, что, вопреки действовавшему закону, призыв в армию проводился не по жеребьевке, а по составленным властями спискам. Таким образом, Велепольский пытался удалить из Царства Польского нелояльный элемент и разрядить взрывоопасную обстановку. Однако эффект получился обратным.

Незаконные действия администрации края вызвали недовольство в обществе и массовый исход из городов молодых мужчин, которым грозил призыв в русскую армию. Сторонники радикального решения польского вопроса сочли сложившуюся ситуацию наиболее благоприятной для начала восстания. В январе 1863 года русские гарнизоны в крае подверглись одновременному неожиданному нападению инсургентов. Сколько-нибудь серьезных потерь

армия не понесла, но смелая акция положила начало достаточно масштабной партизанской войне. Она развернулась не только в Царстве Польском, но и в литовских, белорусских и украинских землях бывшей Речи Посполитой, включенных в состав России еще в последней четверти XVIII века. Здесь доля польского населения была существенной, а среди дворянства и помещиков – подавляющей.

Руководителям восстания очень скоро стало ясно, что имевшихся у них сил явно недостаточно для успеха предприятия. Восстание и на этот раз не нашло живого отклика у крестьян. А после того, как правительство приступило к проведению аграрной реформы, по которой польские крестьяне безвозмездно становились собственниками всей находившейся в их пользовании земли, поражение восстания было предопределено. Попытки правительств Великобритании, Франции, Австрии и некоторых других европейских держав ссылавшихся на постановления Венского конгресса, заставить Петербург сесть за стол переговоров с мятежниками были им решительно отвергнуты. Подавление восстания было поручено энергичным и решительным генералам. В Царстве Польском – новому наместнику, генералу графу Федору Федоровичу фон Бергу, в Виленском генерал-губернаторстве (оно включало Литву и Белоруссию) – генералу Михаилу Николаевичу Муравьеву. Благодаря предпринятому ими комплексу мер, в том числе и репрессивного характера, к началу 1864 года восстание угасло.

Последствия восстания были для поляков плачевными – десятки тысяч погибших, сосланных в Сибирь, эмигрировавших, потерявших свои поместья. В Виленском генерал-губернаторстве, где размах повстанческого движения был меньшим, по приговору военно-полевых судов было казнено 128 его активных участников, за что либеральное общественное мнение России и Польши окрестило М. Н. Муравьева «вешателем».

Польское восстание 1863 – 1864 годов утвердило Петербург во мнении, что всякая попытка управлять краем с помощью либеральных методов неизбежно приводит к восстанию. Этот вывод стал для властей убедительным аргументом в пользу оправданности жесткого курса в отношении своих польских подданных и необходимости перехода к более активной политике государственной интеграции Царства Польского в империю.

Восстание не прошло бесследно и для поляков. Наметившийся уже накануне его раскол на сторонников и противников вооруженной борьбы за независимость стал еще более заметным. Для сторонников постепенного, бескровного движения к независимости трагедия восстания стала дополнительным аргументом в пользу правильности их позиции. В среде

польской интеллигенции все большее распространение стала получать позитивистская теория «органического труда», согласно которой сила и авторитет народов определяются их богатством, а не героическими порывами, не приводящими их к каким-либо позитивным результатам. Поэтому поляки должны как можно больше трудиться, накапливать материальные блага, развивать свою культуру, воспитывать в национальном духе низшие слои общества, особенно крестьянство, достаточно равнодушно воспринявшее выступления шляхты в 1830 – 1831 и 1863 – 1864 годах. Польская историография, базирующаяся на прославлении лишь активных форм противостояния политике властей, до сих пор характеризует период господства в обществе теории позитивизма как «социальный маразм».

Распространению идей «органического труда» благоприятствовал начавшийся в последней трети XIX века в польских землях промышленный переворот, рост влияния в обществе нового, предпринимательского класса, для которого деятельность в масштабах огромной империи облегчала быстрое обогащение. В деревне постепенно зарождался новый тип крестьянина, грамотного, предприимчивого, социально активного, стремившегося освободиться от традиционной опеки со стороны помещиков и клира. Одновременно наблюдался процесс разорения и падения прежнего общественного авторитета шляхты, являвшейся в предшествующие десятилетия главной опорой сторонников вооруженного пути восстановления независимости.

Все громче и настойчивее добивался человеческого к себе отношения промышленный пролетариат. Забастовки с экономическими требованиями являлись основным оружием рабочих в их борьбе за сносные условия существования. С конца 1860-х годов в польских землях Австро-Венгрии стали возникать первые рабочие организации. Они не имели массового характера, не преследовали политических целей, но само их возникновение демонстрировало способность и готовность численно растущего пролетариата к организации и превращению в политическую силу.

В среде польской интеллигенции появляются первые глашатаи социалистических идей. В австрийской Польше это был Болеслав Лимановский, в Царстве Польском Людвик Варыньский и Станислав Крусинский, сблизившиеся с народниками во время учебы в Петербурге. В прусской части Польши до принятия законов против социалистов пропагандой своих взглядов занимались немецкие социал-демократы. Важнейший центр зарождающегося польского социалистического движения возникает в Швейцарии, в среде эмигрантов. Именно здесь возникает мысль о создании социалистической партии. Правда, единого мнения о характере будущей партии в среде польских социалистов не было. Варыньский считал, что она

Г.Ф. Матвеев. Пилсудский

должна воспитывать рабочих в духе интернационализма и готовить их к социальной революции. Его оппонент Лимановский настаивал на том, что главным для партии должна быть борьба за национальное освобождение.

Вернувшийся в конце 1881 года из эмиграции в Варшаву Варыньский активно принялся за создание в Царстве Польском международной социально-революционной партии «Пролетариат», известной позже как «Великий Пролетариат». Партия признавала индивидуальный террор как важное средство политической борьбы. Ее члены развернули активную агитационно-пропагандистскую и организационную деятельность среди промышленных рабочих и интеллигенции. Однако уже осенью 1883 года на партию обрушились репрессии, продолжавшиеся весь следующий год. В конце 1885 года состоялся суд над 29 членами «Пролетариата». 6 человек были приговорены к смертной казни, остальные – к каторжным работам или ссылке. Конечно, разгром партии не означал гибели идеи, которая пустила достаточно глубокие корни в умах многих представителей интеллигенции.

Таким образом, восстание 1863 – 1864 годов стало важным рубежом в развитии польского народа. Перспектива возрождения государственности утратила для поляков всех трех частей разделенной страны реальные очертания и в лучшем случае стала представляться делом неопределенного будущего. Культ жертвенности ради этой прекрасной мечты у большинства мыслящих национальными категориями поляков уступил место теории малых дел. В их сознании наметился сдвиг с трудно предсказуемыми в тот момент последствиями. Ясно было одно: путь отчаянных и бесплодных национальных восстаний ведет в тупик, лишает польский народ его лучших сынов и дочерей и подрывает материальные основы его существования. Но на вопрос о том, по какой дороге следует идти дальше, единого ответа у польской элиты не было. Ситуацию осложняло и то, что именно в это время на польской политической сцене появилась новая сила – социалистическое движение, делавшее упор на классовые противоречия.

В это переломное для польской нации время и появился на свет человек, с именем которого спустя десятилетия его сторонники будут связывать (и продолжают это делать сейчас) воскрешение Польши из политического небытия. Имя этого человека – Юзеф Пилсудский.

Глава первая

ГОДЫ юности

5 декабря 1867 года в поместье Зулуве Виленской губернии в семье богатого

помещика Юзефа Винценты Пилсудского родился четвертый ребенок, получивший спустя десять дней при крещении, по обычаю польских католиков, два имени – Юзеф Клеменс. Как и подавляющее большинство его соплеменников, он всю жизнь будет пользоваться только первым из них и свои именины станет отмечать 19 марта, в день святого Иосифа, супруга Богородицы.

Пилсудские вели свою родословную от упоминающегося в документах XV века литовского боярина Гинета, который, в свою очередь, согласно легенде, имел самое непосредственное отношение к княжеской династии Довспрунга, правившей в Литве до Гедиминовичей. Точно известно только то, что в XV столетии этот Гинет был причислен к польской шляхте, а один из его потомков принял фамилию Пилсудский по названию своего имения Пилсуды. История рода хорошо прослеживается только с XVIII века, от Роха Миколая Пилсудского, волковысского стольника, женатого на Малгожате Панцежиньской, сестре известного и богатого виленского епископа Кароля Панцежиньского. Приданое Малгожаты существенно улучшило материальное положение до этого момента не слишком богатой семьи. Эта ветвь Гинетовичей была достаточно богатой, однако в начале XIX столетия мотовство Казимежа, прадеда будущего первого маршала польской армии, поставило семью на грань разорения. Его поместье пошло с молотка, а сыновья Казимира Петр и Валериан средства для жизни зарабатывали арендой чужих имений. Один из троих детей Петра, Юзеф Винценты, и был отцом нашего героя. В спутницы жизни он избрал свою кузину Марию – скромную милую девушку из старинного и весьма зажиточного рода Биллевичей, на девять лет моложе жениха. В детстве Мария переболела костным туберкулезом, вследствие чего одна нога у нее была короче, и при ходьбе она прихрамывала. Их свадьба состоялась 23 апреля 1863 года. Слишком близкое родство молодоженов порождало определенные трудности, в связи с чем за разрешением на брак пришлось обращаться к местному епископу.

За Марией было дано весьма солидное приданое – более 11 тысяч десятин земли в поместьях Зулув, Сугинты и еще одном в Таурагеском уезде, а также несколько сот тысяч рублей, что в совокупности с собственностью жениха гарантировало новой семье безбедное существование.

Юзеф Винценты, как и другие польские помещики в Литве, симпатизировал восстанию 1863 года и принял в нем посильное участие, выполняя функции комиссара Ковенского (Каунасского) уезда. В его обязанности входил сбор продовольствия и денег для партизанских отрядов. В восстании принимали участие и многие близкие родственники Юзефа. Его двоюродный брат Александр Пилсудский, студент Московского императорского университета,

погиб в бою, а бабушка и тетка будущего маршала некоторое время провели в заключении. Когда стало ясным, что виленский генерал-губернатор М. Муравьев решительно настроен на полное искоренение смуты во вверенном его власти крае, семья почти сразу после свадьбы покинула родную Жемайтию и переехала в имение Зулув, расположенное в 60 километрах от Вильно. Именно здесь и началась подлинная история этой семьи.

Думается, что не только хорошее материальное положение и набожность родителей Пилсудского были причинами того, что Мария, не отличавшаяся особым здоровьем, за 18 лет родила 12 детей, из которых только двое близнецов, Петр и Теодора, умерли в младенчестве. Сохранившиеся свидетельства о Марии Пилсудской рисуют ее бесконечно любящей свою семью, необыкновенно заботливой матерью.

А с детьми как раз не все было в порядке. Биографы Пилсудского полагают, что близкое родство супругов стало причиной высокого процента отклонений от нормы среди их детей. Самый младший сын, Каспар, был проклятием семьи, неисправимым kleptomаном. Старший, известный этнограф Бронислав, заразившись в ссылке на Сахалине венерической болезнью периодически впадал в протрацию и в конце концов в 1918 году покончил жизнь самоубийством. Старшая дочь Хелена была умственно отсталой, еще одна дочь, Мария, помешалась уже в зрелые годы.

Отец Пилсудского, получивший хорошее агрономическое образование, был энергичным, полным идей и планов, но абсолютно непрактичным человеком. Вот описание некоторых его хозяйственных инициатив в «Воспоминаниях» известного польского социолога Людвика Кшивицкого: «Он покупал сельскохозяйственные машины, о которых где-то услышал и которые были бы уместны где-нибудь за границей, но на Виленщине из-за необыкновенной дешевизны рабочей силы они были невыгодными – самый неотесанный работник прекрасно управлялся с сохой и деревянной бороной, но не знал, что делать с различными видами железных борон. Не использовавшиеся машины приходили в негодность, постепенно превращаясь в груды ржавого железа. Тогда он построил завод по производству спирта. Зулувские земли были пригодны для возделывания картофеля, но их владелец оказался никудышным предпринимателем-спиртоделом. Аккурат в начале производственного сезона, открытие которого зависело, в частности, от присутствия акцизного чиновника, Пилсудский уехал из имения. Когда начали гнать спирт, оказалось, что не хватает емкостей. Пришлось использовать все имевшиеся в домашнем хозяйстве котлы, кастрюли, жбаны, ведра. Их, естественно, не хватило, и спирт, производство которого не было остановлено, просто выливали на землю» [Krzywicki L. Wspomnienia. T. III. Warszawa, 1959. S. 262 – 263.]. Сходной была

судьба и многих других начинаний владельца Зулува, которые, по его расчетам, должны были приумножить его состояние. Спустя годы Пилсудский-сын вспоминал, что вследствие различных инициатив его отца Зулув выглядел как селение, подвергнутое ураганному артобстрелу.

Но до поры до времени семья Пилсудских не очень-то задумывалась над тем, что попытки отца завести современное высокодоходное хозяйство могут в конце концов подорвать основы ее благополучия. К ее услугам были большой барский дом с двенадцатью комнатами и большой штат прислуги. По традиции в поместье проживали также вышедшие на покой служащие и приживалки.

Зулув был раем для детей: река, пруд, большой тенистый сад, начинавшийся сразу же за усадьбой дремучий лес с затерянным в его глубине озером – все это было в их распоряжении в любое время года. Не забывали родители и о их образовании. Опять же по традиции до поступления в гимназию детей учили дома специально нанятые с этой целью домашние учителя. В числе обязательных для поступления в классическую гимназию предметов много места отводилось языкам. Польские биографы Юзефа Пилсудского, которого домашние ласково звали Зюком (производное от уменьшительного звучания его имени «Юзюк»), всегда отмечают, что его учили немецкому и французскому языкам. Но серьезнее всего он конечно же должен был заниматься русским языком, поскольку на территории Российской империи в последней четверти XIX века преподавание во всех государственных гимназиях велось только на нем. Дома же его учили читать и писать по-польски.

Из родителей Зюк эмоционально больше всего был связан с матерью, все свое время проводившей с детьми. Мария, сама воспитанная в польском патриотическом духе, стремилась привить свои убеждения детям. Благодаря ей они рано познакомились с польской классической литературой. Наиболее близка Зюку была поэзия одного из крупнейших польских романтиков Юлиуша Словацкого; на протяжении всей своей жизни он перечитывал и часто цитировал его произведения. Именно мать воспитала в Юзефе чувство горечи за утрату былой славы и величия Польши и желание сделать все от него зависящее для ее воскрешения.

Безмятежное существование семьи было прервано самым неожиданным образом в июле 1874 года. В жаркий день, в отсутствие отца и работников-мужчин, уехавших в город за очередной машиной, в поместье вспыхнул пожар, быстро поглотивший все хозяйственные постройки и барский дом. Сгорел и только что собранный урожай зерна; причиненный огнем урон был огромным. Тут-то и оказалось, что оставшихся у семьи от еще не так давно немалого капитала средств явно недостаточно для восстановления поместья. Пилсудские

так никогда и не сумели оправиться от этой катастрофы.

Было принято решение переехать всей семьей на съемную квартиру в Вильно. Нынешняя столица Литвы в то время представляла собой среднего размера губернский город, со смешанным, большей частью польским и еврейским населением, без единого высшего учебного заведения. Существовавший здесь еще в период автономии Царства Польского университет был в 1832 году закрыт, а его здание отдано под государственную Первую мужскую виленскую гимназию. Именно в ней и предстояло получать образование отпрыскам Пилсудских.

Переезд в город не уберег семью от дальнейшего ухудшения материального положения, о чем свидетельствуют неоднократные переезды с одной квартиры на другую, каждый раз меньшую и худшую. Очередные наполеоновские планы главы семейства по кардинальному изменению ситуации, как и прежде, не давали ожидаемых результатов, а банковские кредиты, получаемые под залог земли, в основном уходили на пропитание большой семьи.

Зюк поступил в гимназию в 1877 году. Он чувствовал себя в школе достаточно уверенно, потому что классом выше учился его старший брат Бронислав, к которому он был очень привязан. Но особой любви к школе он не питал. Ему не нравились царившая там рутина, нежелание педагогов видеть в своих учениках равных себе людей, их бесконечные придирки, стремление унижить, глумление над всем тем, что он ценил и любил. Политика русификации, последовательно проводившаяся после разгрома восстания 1863 – 1864 годов в Западном крае (так назывались области, в результате разделов Речи Посполитой отошедшие к России), не могла не вызывать несогласия и внутреннего протеста в душе мальчика, воспитанного матерью в духе глубокого патриотизма, любви к польской истории и культуре и неприязни ко всему русскому. Известно, что родители при всем своем гостеприимстве никогда не приглашали домой русских и не водили с ними близкого знакомства.

Несомненно, проведенные в гимназии годы также имели громадное значение для формирования личности Юзефа. Он относился к той категории учеников, которые никогда не доставляют особых хлопот ни родителям, ни учителям. Если и прогуливал уроки, то всегда по уважительным причинам – по болезни или семейным обстоятельствам. За все время обучения в гимназии он только три раза был наказан карцером – один раз за разговор по-польски в школьной раздевалке и дважды за то, что не поклонился на улице генерал-губернатору и директору гимназии. Вряд ли в этом следует усматривать какой-то бунт мальчика против школьного регламента, а уж тем более политический протест,

как это делали некоторые биографы маршала.

Учился Зюк без особого напряжения, особым прилежанием не отличался, домашние задания, в частности по русскому языку, выполнял не всегда аккуратно, поэтому говорил на нем и писал с ошибками. Зато очень много читал по-польски – и художественных произведений, и исторических трудов, особенно по военной тематике. Любовь к занятиям историей сохранится у него на многие годы, и особенно глубоко он будет изучать историю Наполеоновских войн и восстания 1863 – 1864 годов.

В школьные годы все более определялись его характер, привычки, манера общения с окружающими. Юзеф отличался живым, веселым и при этом достаточно сильным характером. Был честолюбив, любил находиться в центре внимания окружающих и умел этого добиваться. Свойственный ему подростковый эгоцентризм временами переходил в эгоизм, но в целом он умел ладить и со сверстниками, и с взрослыми, и, по свидетельству Бронислава, был баловнем семьи. Сохранились свидетельства, что во время учебы в гимназии он давал частные уроки, зарабатывая на карманные расходы и помогая тем самым семье.

Естественные для молодых тяга к тесному общению со сверстниками и неприятие конформизма взрослых выразились у виленских гимназистов-поляков в создании в 1882 году кружка закрытого характера «Спуйня» («Связь»). В то время в России среди гимназистов старших классов и студентов различного рода кружки были в большой моде. При отсутствии легальных возможностей обсуждать вопросы общественной жизни и политики кружки нередко становились единственным местом, где можно было свободно говорить о волновавших молодежь проблемах и искать ответы на наиболее острые вопросы бытия. Именно из таких кружков вышли народовольцы и ранние социалисты.

Судя по направленности деятельности «Спуйни», главной своей задачей члены кружка считали самообразование, знакомство с новыми общественными движениями и теориями, о которых не могло быть и речи в классических гимназиях. С этой целью они приступили к созданию библиотеки, комплектуя ее книгами из домашних библиотек, приобретаемыми новинками и легальными периодическими изданиями на польском языке. На периодически организуемых «сессиях» кружка его участники обсуждали прочитанное, читали вслух, рассуждали на различные темы. Помимо литературы патриотического содержания особой популярностью у них пользовались бывшие в то время на слуху труды Ч. Дарвина, О. Конта, Т. Гексли, Г. Спенсера, Л. Бюхнера и других естествоиспытателей и социологов, большинство которых сразу же после

выхода в свет на родине переводились на русский язык. По мнению Анджея Гарлицкого, одного из знатоков биографии Пилсудского, «скорее всего молодые конспираторы из прочитанного понимали не очень много, но это было свидетельством идейных поисков того поколения» [Garlicki A. Jozef Pilsudski. 1867 – 1935. Warszawa, 1990. S. 12.].

Перечень волновавших гимназистов тем был весьма широким. Они обсуждали еврейский вопрос, особенно актуальный для Вильно, входившей в «черту оседлости», спорили о роли шляхты в польской истории, о степени ее ответственности за несчастья страны и способности противодействовать политике русификации, о социализме как наиболее популярной в то время среди передовой молодежи теории переустройства мира на справедливых началах. Какой-либо запрещенной деятельности кружковцы не вели, связей с другими аналогичными объединениями в Вильно или других городах не поддерживали, следов в делах охранного отделения не оставили.

Юзеф Пилсудский, будучи членом «Спуйни», относился к ее деятельности без особого интереса, предпочитая проводить свободное время за чтением Генрика Сенкевича, и только в выпускном классе стал проявлять активность. Это свидетельствовало о том, что у него постепенно формировались интерес и вкус к общественной деятельности.

1 сентября 1884 года семья Пилсудских понесла невосполнимую утрату. После продолжительной болезни умерла мать, на которой, собственно говоря, и держался дом. Мария была необычайно сильна духом, стоически переносила свой недуг и сыпавшиеся на семью несчастья. Выросшая в атмосфере полного достатка, даже богатства, с годами она вплотную столкнулась с призраком бедности, неумолимо вторгавшимся в жизнь глубоко любимой ею семьи. Болезнь, проникшая в ее организм в детстве, все явственней производила свою разрушительную деятельность, и последние годы Мария почти не вставала с постели. И все-таки она не сломалась, не пала духом, до последнего дня своей жизни продолжая поддерживать в семье атмосферу душевного тепла и любви. Однажды Пилсудский, возвращаясь мыслями к прожитым годам, признался, что именно от матери он унаследовал твердость характера. Марию Пилсудскую похоронили в родных местах, в Сугинтах, и лишь спустя полвека, по желанию уже смертельно больного сына, ее останки были торжественно перенесены из ставшей к тому времени независимой Литвы на виленское кладбище Росса.

Прошли экзамены на аттестат зрелости, отгремел выпускной бал, и в 1885 году перед семнадцатилетним юношей встал вопрос о выборе профессии. Можно было остаться в Вильно и попытаться помочь отцу спасти остатки поместья. Но для этого нужно было иметь хорошие административные способности и

отстранить отца от ведения дел. А это было нереально, к тому же Зюк никакого интереса к занятию сельским хозяйством не проявлял. Отец хотел, чтобы Юзеф, как и его старший брат Бронислав, отправился в Петербург и поступил в один из технических институтов, тем более что ему неплохо давалась математика. Профессия инженера в стране с бурно развивавшейся промышленностью была и престижной, и хорошо оплачиваемой. Но Зюка не влекли к себе ни столица империи, ни техническое образование.

Его выбор остановился на медицинском факультете Императорского Харьковского университета. Как он сам признавался позже, сделал он это не из-за желания нести помощь больным и страждущим, а наперекор отцу. Некоторые исследователи полагают, что определенное влияние на выбор провинциального университета могли оказать и чисто материальные соображения: жизнь в провинциальном городе была существенно дешевле, чем в столице. Но с таким же основанием можно допустить, что дело было в другом. Юзефу не нравился громадный, не имевший ничего общего с его любимым Вильно Петербург. Ведь не случайно же он после окончания первого курса решил перевестись из Харькова в Дерпт (Тарту), а не в столичный университет. Между тем обучение в Петербурге позволило бы отцу сэкономить на квартирной плате, да и жить вместе с любимым братом было бы намного веселее.

Несмотря на недостаточно хорошее знание русского языка, учеба в Харькове шла достаточно успешно, были сданы все экзамены и зачеты. Пилсудский явно не относился к числу студентов, живших только учебой. Проявившийся в гимназические годы интерес к общественной активности не угас. Пилсудский принял участие в несанкционированной студенческой демонстрации по случаю 25-й годовщины отмены крепостного права в России. За это вместе с девятнадцатью другими задержанными участниками выступления он был наказан шестью днями карцера и предупрежден, что в случае любой новой провинности он будет немедленно исключен из университета. Это был уже второй его арест за время учебы в Харькове; первому, сроком на два дня, он подвергся в зимнем семестре 1885/86 учебного года.

В это же время Юзеф сблизился с группой студентов, находившейся под влиянием идей «Народной воли», и даже участвовал в дискуссии по поводу теории общинного социализма Петра Лаврова. Но очень скоро он отошел от этой группы, якобы потому, что членами кружка были в основном русские и очень мало поляков.

Во время каникул, которые он проводил в семье в Вильно, Пилсудский принимает решение перевестись из Харьковского университета в Дерптский.

Подлинные мотивы этого его решения неизвестны. Может быть, ему хотелось учиться ближе к любимому Вильно, а может, как это утверждают польские биографы, свою роль сыграло то, что в Дерптском университете училось больше поляков, он считался более престижным, профессура была более либеральной, да и Дерпт был не столь провинциален, как Харьков. Впрочем, последнее утверждение вряд ли справедливо, поскольку Дерпт был небольшим университетским городком с преобладанием немецкого населения, а Харьков – быстро растущим губернским городом, центром хлеботорговли и развивающейся промышленности. Да и лекции в Дерптском университете в основном читались на немецком языке, который Пилсудский в то время знал плохо. Может быть, причина заключалась в том, что он уже был на заметке у университетского начальства и не очень верил в то, что со своим темпераментом не сорвется за оставшиеся четыре года учебы. Но это всего лишь логические конструкции и домыслы.

В августе 1886 года Пилсудский отправил по почте на имя ректора Харьковского университета заявление с просьбой переслать его документы в Дерпт и стал ждать вызова для продолжения учебы. Начался учебный год, а вызова все не было. Причины затяжки с решением вопроса о переводе не известны. Некоторые исследователи полагают, что это могло случиться из-за провинностей Пилсудского в Харькове [Suleja W. Jozef Pilsudski. Wroclaw – Warszawa – Krakow, 2004. S. 13.]. Но тогда это не очень вяжется с утверждением о большем либерализме дерптской профессуры. Как бы там ни было, решение вопроса затягивалось, Пилсудский еще в декабре 1886-го попытался «найти концы» и довести дело до конца. В это же время он подумывал о том, чтобы уехать учиться куда-нибудь за границу.

Не имея никаких обязательных занятий и располагая свободным временем, Пилсудский возобновил свои контакты с друзьями гимназических лет. Вместе с ними и несколькими студентами из Петербурга он организовал конспиративный кружок социалистической направленности. Об истории этого кружка известно очень мало, и опять-таки в основном из воспоминаний самого Пилсудского, которыми он делился в начале 1930-х годов. Члены группы, как когда-то участники «Спуйни», знакомились и обсуждали социалистическую литературу и даже, по словам Пилсудского, издавали на гектографе газетку соответствующего содержания, пытались установить контакты с рабочими. Именно в это время он прочитал пропагандистские брошюры Шимона Дикштейна «Кто чем живет» и Вильгельма Либкнехта «В защиту правды», а также взялся за изучение переведенного на русский язык первого тома «Капитала» Карла Маркса. Но очень скоро от этого намерения отказался, мотивируя это позже тем, что абстрактная логика Маркса и господство товара

над человеком не укладывались в его голове. Столкнувшись с утверждением, что стол равен или может быть равен сюртуку с точки зрения количества и стоимости затраченного на изготовление обоих этих предметов труда, он закрыл книгу. Такой подход к вопросу показался ему полной бессмыслицей.

В свете подобных высказываний Пилсудского его в это время вряд ли можно было считать приверженцем теории научного социализма, логическим выводом из которой была идея социальной революции и общественного переустройства. Для него социализм был привлекателен прежде всего тем, что он был нацелен на активную борьбу с существующим порядком вещей – а значит, и с царизмом, с угнетением и дискриминацией польского народа. Причем социализм намеревался задействовать в этой борьбе новые общественные силы, особенно рабочий класс. Правда, в России он еще только выходил на арену политической жизни, но, как свидетельствовал опыт Западной Европы, в будущем ему предстояло стать весомой силой. Именно потенциально определяющая роль пролетариата в решении польского вопроса и привлекала к социализму внимание Пилсудского и многих его сверстников.

Вхождение в состав виленской социалистической группы петербургских студентов неожиданно самым серьезным образом сказалось на судьбе Юзефа Пилсудского. Именно через них он оказался в орбите воздействия уцелевших после разгрома «Народной воли» сторонников индивидуального террора против членов династии Романовых и высших государственных служащих. В их числе были выходцы из Вильно Юзеф Лукашевич, Константы Гамолецкий и Бронислав Пилсудский, а также старший брат В. И. Ленина Александр Ульянов. В конце 1886 года группа приступила к подготовке покушения на Александра III. Для полной уверенности в успехе террористической акции было решено помимо взрывчатого вещества начинить готовящуюся для этого бомбу сильнодействующим ядом, чтобы даже в случае легкого ранения император погиб. Этот яд уезжавший на рождественские каникулы в Вильно Бронислав Пилсудский обязался добыть у члена виленской конспиративной группы, владельца аптечного склада Титуса Пашковского. За ядом приехал из Петербурга участник заговора Михал Канчер. Бронислав поселил его у своей тетки Стефании Липман, где в это время он проживал вместе с Юзефом. На следующий день Бронислав покинул Вильно, оставив Канчера, совершенно не знавшего город, на попечение младшего брата.

Некоторое время спустя Юзеф Пилсудский оказал гостеприимство еще одному участнику петербургского заговора, который, чтобы не навести следившую за ним полицию на след группы, решил скрыться за границей и по дороге останавливался в Вильно.

Заговор Александра Ульянова и товарищей провалился по чистой случайности. 1 (13) марта 1887 года, во время третьей попытки покушения на императора, заговорщики были схвачены. Полиция следила за одним из них, но совершенно по иному поводу. Когда вдруг выяснилось, что задержанные готовили покушение на Александра III, началось энергичное следствие, во время которого двое из арестованных, в том числе и М. Канчер, стали давать показания. Среди людей, с которыми он общался в Вильно, был назван и Юзеф Пилсудский. 22 марта 1887 года он был арестован и вскоре переведен в Петропавловскую крепость в Петербурге.

На начавшемся 27 апреля судебном процессе заговорщиков Юзеф проходил как свидетель. Что же касается его старшего брата Бронислава, то он был признан виновным в участии в антиправительственной организации и приговорен к 15 годам каторги на Сахалине. Наказание не обошло стороной и младшего брата – еще до начала суда ему была назначена пятилетняя административная ссылка в Восточную Сибирь.

Арест и приговор стали глубоким потрясением для девятнадцатилетнего юноши, не посвященного в планы заговорщиков и не считавшего себя виновным. Сохранились приписываемые Пилсудскому стихи, которые он якобы послал отцу накануне отправки из Бутырской тюрьмы по этапу к месту ссылки. Они имеют форму обращения к сверстникам человека, пережившего потрясение и серьезно задумавшегося о том, как жить дальше:

Пусть мой пример и сломанная жизнь,
Моя судьба – помогут им понять,
Что не достигнем цели, действуя тайком,
Желая мысль свою осуществить
И навязать другим свои решенья.
Пусть сгоряча за дело не берутся,
В труде созреют – и, продумав все,
Пойдут путем, указанным им жизнью,
А не высоким, но пустым мечтаньем...
Вот путь, которым следует идти...

Были в этом стихотворении и полные печали строки о себе:

Себе скажите: было ему больно,

Строго расплата за минутную ошибку.

Он зря погиб, и не достигнет целей,

Намеченных на жизненном пути.

Достоин он прощения, он в жизни очень многое любил [Этот подстрочный перевод точнее передает содержание поэтического послания Ю. Пилсудскому, чем его литературная версия, принадлежащая перу В. А. Федоренко. – См.: Наленч Д., Наленч Т. Юзеф Пилсудский: легенды и факты. М, 1990. С. 15.] .

Среди исследователей жизни Пилсудского нет единства мнений относительно авторства этого стихотворения. Так, издатели его трудов в 1930-е годы не включили его в состав собрания сочинений своего кумира. С ними согласен составитель хроники жизни Пилсудского Вацлав Енджеевич, а Влодзимеж Сулея просто не упомянул его в своей достаточно подробной биографии. Другие же авторы, в частности Анджей Гарлицкий, Дарья и Томаш Наленчи, склоняются к признанию его подлинности. Не вдаваясь в источниковедческий анализ, можно, исходя из содержания стихов, согласиться скорее со второй точкой зрения. Добавим только от себя, что звучащие в стихотворении нотки раскаяния писались не только под впечатлением от сурового приговора, но и с учетом того, что почта осужденных обязательно проходила перлюстрацию. А раз так, то в письмах следовало всячески демонстрировать осознание своей вины и желание стать законопослушным подданным Романовых. К тому же в стихотворении нет однозначного осуждения борьбы с режимом как жизненного пути. Речь идет только о том, что становиться на него следует не под воздействием романтических мечтаний, а вследствие сознательного, хорошо продуманного выбора.

Сходные мотивы раскаяния будут встречаться и в письмах ссыльного из Сибири. Так, в 1890 году в одном из писем Леонарде Левандовской, его первой известной исследователям возлюбленной, он писал, что мог бы дать властям «слово чести, что больше в подобные 1 марта дела не буду вмешиваться. Однажды я обжегся и то без особого желания, поэтому после такой науки тем более буду осторожен... Вот как приходится расплачиваться за грехи молодости и отсутствие опыта...» [Там же. С. 16 – 17.]. Но это кажущееся на первый взгляд искренним сожаление о непродуманном проступке не мешает ему по возвращении домой без промедления включиться в антиправительственную

деятельность.

25 мая 1877 года из московской Бутырской тюрьмы в Иркутск отправили партию из 60 осужденных, в состав которой был включен и Пилсудский. Путь до места ссылки занял все лето и раннюю осень. До Нижнего Новгорода осужденных везли в арестантском вагоне, там пересадили на баржу и по Волге и Каме доставили в Пермь, оттуда поездом до Тюмени, затем снова баржей по Иртышу и Оби в Томск. После двухнедельного отдыха в местной тюрьме начался пеший переход сначала в Красноярск (около 560 километров), а затем в Иркутск (около 1100 километров). Юзеф Пилсудский, как дворянин, преодолел пешую часть этапа на повозке.

Польские биографы Пилсудского, описывая его поездку к месту ссылки, традиционно перечисляют встречавшиеся на этом пути тяготы: комары, антисанитария в тюрьмах по пути следования, духота в трюмах барж и в вагонах, грубость конвоя, холод и, что подчеркивается особо, – отсутствие в партии других поляков. Учитывая, что Пилсудский к этому времени уже достаточно хорошо владел разговорным русским языком, последнее обстоятельство представляется несколько надуманным. Некоторые говорят и о присутствии в партии осужденных уголовников, что вряд ли верно, потому что ее официально называли «первой политической группой». Во время этапа проявилась еще одна черта характера Пилсудского, что видно из его корреспонденции, относящейся к этому времени. Он писал, что его спутники, чтобы отогнать от себя тревожные мысли о том, что их ждет впереди, много шутили и подтрунивали друг над другом или над собой. А Пилсудский не мог настроиться на этот лад, разговаривал мало и не со всеми, предпочитая предаваться своим мыслям и мечтам, которыми ни с кем не делился. По его собственному признанию, в результате усугублялась свойственная ему скрытность характера. И в будущем он редко будет делиться своими мыслями, намерениями и планами даже с близкими ему людьми, что приведет к возникновению между ним и окружающими определенной дистанции.

Иркутск не был конечным пунктом в сибирской одиссее Пилсудского. Местом ссылки для него был назначен городок Киренск, расположенный примерно на 1000 километров севернее. Добраться к нему можно было только по реке, а поскольку на дворе было уже начало октября, то пускаться в путь по воде было уже поздно и нужно было ждать, пока река замерзнет.

Во время вынужденного, более чем двухмесячного пребывания в Иркутской пересыльной тюрьме произошло событие, глубоко врезавшееся в память Пилсудского. Условия содержания в тюрьме были вполне сносными. Часть ссыльных разместили в одиночных камерах, других – в многоместных. Среди

последних был и Пилсудский. Днем двери камер были открыты, и их обитатели могли свободно перемещаться по мужскому отделению тюрьмы. Сокамерником Пилсудского был некто Цейтлин, чья невеста, тоже «политическая», находилась в той же тюрьме, только в женском отделении. Тюремное начальство разрешило их ежедневные часовые встречи в канцелярии. Во время одной из таких встреч, 1 ноября, в канцелярию неожиданно вошел полицмейстер, которого Цейтлин, увлеченный беседой, не поприветствовал, как того требовали тюремные правила. В ответ на грубое замечание чиновника последовала не менее резкая реакция ссыльного. Результатом возникшего между ними скандала стал приказ полицмейстера посадить строптивого «преступника» на три дня в карцер. Однако Цейтлин отказался подчиниться приказу и укрылся в камере.

Сокамерники отказались выдать своего товарища пришедшему за ним заместителю директора тюрьмы. Тюремные власти еще раз попробовали разрешить возникший конфликт без насилия, но ссыльные стояли на своем. Ночь прошла спокойно, следующее утро началось как обычно, но потом надзиратели вдруг закрыли на замок двери одиночек. Возмущенные этим ссыльные из многочисленных камер освободили своих товарищей, выломав запертые двери. И на этот раз видимой реакции тюремного начальства не последовало. Пришел вечер, и томимые неопределенностью арестанты собрались в одной из камер, чтобы посоветоваться, что же им делать дальше. И в этот момент дверь в большую камеру неожиданно была закрыта на ключ. Спустя некоторое время появился полицмейстер в сопровождении солдат и приказал всем покинуть камеру и перейти в другое помещение. Сделать это ссыльные отказались. Последовал приказ офицера солдатам: «Бейте их, ребята, чтобы долго помнили!» Беззащитных узников избили прикладами до бессознательного состояния, а затем выволокли во двор тюрьмы. Пилсудский вспоминал, что пришел в себя в тот момент, когда двое солдат пытались поставить его на ноги. Ничего не соображая, он вырвался от них и побежал в сторону ворот, где также стояли солдаты. Там он был остановлен каким-то унтер-офицером. И именно в этот момент рядом оказался один из догонявших его солдат, который, не раздумывая, ударил его в лицо прикладом, выбив два зуба. Обруганный унтер-офицером, пристыженный, солдат попытался обтереть рукавом шинели кровь с лица своей жертвы, подхватил его под мышки и повел к остальным заключенным, приговаривая при этом: «Ну, варначок, иди! Видишь! Не бунтуй! Ослабел, бедненький?»

Усмиренных бунтовщиков закрыли в камерах. Но когда выяснилось, что трое из них, в том числе и Цейтлин, отсутствуют, политические объявили голодовку протеста. Лишь на третий день, когда двое из отсутствующих соединились со

своими товарищами, а третий, как оказалось, был уже отправлен к месту ссылки, восстановилось спокойствие.

Этот эпизод, известный от самого Пилсудского, более или менее подробно излагают почти все биографы. Среди сопутствующих этому рассказу комментариев есть самые разные, естественно, все позитивные для образа их героя. Но почему-то никто не обращает внимания на то, что, видимо, к этому времени молодой ссыльный поляк уже достаточно близко сошелся со своими коллегами по несчастью, которые принадлежали к самым разным национальностям. Это не значит, что он стал интернационалистом, но в последующей жизни ему всегда были чужды фобии на национальной почве. Он не был ни русофобом, ни антисемитом, каким его пытались и до сих пор пытаются представить многие политические оппоненты.

6 декабря 1887 года состоялся суд над взбунтовавшимися ссыльными, приговоривший Пилсудского как несовершеннолетнего к трем месяцам тюрьмы [Это было на следующий день после его двадцатилетия, а по российским законам того времени совершеннолетними становились в возрасте 21 года.]. Позже, по протесту прокурора, приговор был пересмотрен, и срок заключения удвоили. Пилсудский отбывал это наказание уже в Киренске, с ноября 1888-го по апрель 1889 года, причем не в неприспособленном к зиме арестантском доме, а в тюремной больнице, где он исполнял обязанности писаря.

13 декабря ссыльного на санях отправили в Киренск, куда он прибыл спустя десять дней, в канун сочельника. Это было типичное крупное сибирское поселение, что-то среднее между городком и селом, с преимущественно рублеными домами, чаще всего одноэтажными. В нем проживала довольно многочисленная колония ссыльных. Были среди них и поляки, в частности, один из первых польских социалистов Станислав Ланды, сосланный сюда еще в 1882 году. Пилсудский, который был на 12 лет моложе своего нового знакомого, очень любил общаться с этим интересным, хорошо образованным человеком. Станислав и его жена полюбили молодого собрата по несчастью как сына, помогали ему адаптироваться к непривычным и довольно суровым условиям жизни. Их тесное общение продолжалось до ноября 1888 года, когда семья получила разрешение переехать в Иркутск.

Жизнь в этом медвежьем углу текла неспешно и размеренно. Ссыльные из бедных семей, которым не хватало получаемого государственного содержания в размере 10 рублей серебром в месяц, давали уроки или работали у местных купцов делопроизводителями. Пилсудский вначале также получал государственную субсидию, но затем ему в ней отказали как сыну богатых

родителей. Он с таким решением не смирился и подал прошение о пересмотре, одновременно устроившись писарем к местному акцизному чиновнику.

Свободное время ссыльные проводили на рыбалке, охоте, в беседах, за чтением книг, игрой в шахматы или карты, устраивали вечеринки по случаю именин. Как и во всех небольших, изолированных от внешнего мира коллективах, пересуды и сплетни были весьма распространенным явлением. Периодически между ссыльными по самым ничтожным поводам возникали конфликты, долго потом будоражившие колонию.

О жизни Пилсудского в Киренске известно не очень много. Он не вел дневник и не оставил об этом периоде сколько-нибудь подробных воспоминаний. Из всей его корреспонденции на волю сохранились только письма к любимой девушке, Леонарде Левандовской. Леонарда, полька с Украины, младшая сестра жены С. Ланды, также отбывала ссылку в Киренске. Она была на несколько лет старше Пилсудского. Начавшееся в доме Ланды знакомство двух молодых людей переросло во взаимную любовь.

Это было первое серьезное увлечение Пилсудского, очень нуждавшегося не только в близком человеке, но и во внимательном слушателе, которому можно было доверить свои самые сокровенные мысли. Этого последнего обстоятельства биографы Пилсудского почему-то не замечают, предпочитая интерпретировать имеющиеся в их распоряжении письма Пилсудского Леонарде как переписку двух вполне сложившихся, руководствующихся рассудком, а не страстями взрослых людей. А Юзеф и Леонарда были еще очень молоды. К тому же им пришлось жить в условиях, имевших мало общего с теми, в которых прошли их детство и ранняя юность. Они оба были в том возрасте, когда человек ищет свое место в жизни, задается вопросами о ее цели и своем в ней предназначении, мечтает о славе, чтобы оставить прочный след в памяти потомков. Философствование о смысле жизни особенно характерно для молодых людей, проживающих вдалеке от крупных городских и культурных центров. Большие города с их стремительным ритмом жизни предлагают молодежи много разнообразных возможностей интересно провести свободное время, меньше располагают к философствованию. В маленьких же населенных пунктах картина иная – «церковь да базар, городской бульвар». А у ссыльных круг общения ограничивался главным образом братьями по несчастью, потому что местные жители неохотно сближались с «варнаками» из европейской части империи, тем более с католиками. Да и местное начальство такие контакты не поощряло.

Срок ссылки Леонарды окончился в 1890 году. В марте она покинула Киренск и переехала в Иркутск. Здесь ее догнал Пилсудский, добившийся по

состоянию здоровья согласия властей на то, чтобы оставшиеся два года ссылки провести в не столь суровом климате. Новым местом отбывания наказания ему было определено небольшое бурятское село Тунка, находившееся в 200 километрах к юго-западу от Иркутска. Молодые люди провели в Иркутске вместе около месяца, пока в конце июля Леонарда не уехала домой. В момент расставания они поклялись друг другу в вечной любви и решили соединить свои судьбы после освобождения Юзефа. Единственной возможностью общения с этого момента для них стала переписка. В начале она была очень интенсивной (с учетом того, что почта из Тунки отправлялась один раз в неделю, а письмо шло в одну сторону около шести недель), а с февраля 1891 года все более редкой. Формальным поводом для разрыва стало признание Пилсудского в письме от 24 июня 1891 года Леонарде в том, что он изменил ей с другой женщиной и поэтому недостоин ее. После этого еще какое-то время длилось выяснение отношений, но вернуться к прежней тональности отношений им так и не удалось. Последнее из сохранившихся писем Юзефа Леонарде датировано декабром 1891 года. Видимо, к этому моменту их почтовый роман закончился. Следующее известное исследователям послание, датированное концом августа 1892 года, когда Пилсудский уже вернулся из ссылки, слишком официально по форме и содержанию, чтобы его можно было считать обращением к любимому человеку.

Конечно, объяснить причины, по которым люди влюбляются друг в друга, не то что сложно, а практически невозможно. Даже сами влюбленные не в состоянии обстоятельно ответить на вопрос, что стало причиной охватившего их чувства, а уж тем более оценить его прочность. Несомненно одно – в любви Юзефа и Леонарды не последнюю роль сыграло, как уже говорилось выше, их обоюдное желание иметь собеседника для душевного общения. Пилсудского раздражало, что его возлюбленная, полька по национальности, плохо знала родной язык. Он ей об этом часто напоминал, но при этом просил сохранять спонтанный характер писем и не редактировать их только для того, чтобы они были написаны грамотно по-польски. «Я хотел некоторые твои выражения выписать из писем, но боюсь, что ты обидишься на это замечание и будешь писать мне письма, следя за собой, что всегда делает письма немного искусственными, а я хотел бы иметь от тебя весточку, идущую прямо из твоей головы, без какого-либо посредничества рассуждений и раздумий», – писал он Леонарде в октябре 1890 года. С этим письмом перекликается другое, от 4 марта 1891-го: «Ты относишься к разряду людей, которым трудно выразить многие из своих чувств и взглядов; особенно трудно тебе [делать] это по-польски, на языке, для тебя почти чужом. Понятно, я был бы очень рад, если бы ты подробно описывала мне свое душевное состояние, если бы я знал, о чем ты думаешь, что собираешься делать, и поэтому я даже согласился с тем чтобы

время от времени ты мне писала по-кацапски» [Pobog-Malinowski W. Nieznane listy Jozefa Pilsudskiego // Zeszyty Historyczn. Paryz, 1962. № 2. S. 185, 213.].

Из этих писем видно, что Пилсудскому нужен был близкий ему по духу человек которому он мог бы доверить свои самые сокровенные мысли и от которого ждал того же. Именно Леонарде он писал о своем часто повторяющемся «безумном желании не то чтобы славы, но выхода из ряда обычных смертных». И при этом не стеснялся признаться: «Мне привили веру в мои способности и исходя из этого – в мое необычайное предназначение. Эта вера глубоко в меня въелась, но при этом во мне не воспитали настойчивости, без которой, понятно, многие намерения ими и останутся» [Ibid. S. 211, 215.]. В XIX веке существовало не так уж и много занятий, на поприще которых можно было добиться широкой известности. Главным образом это были военная служба и литература. О военной карьере в ненавистной ему русской армии Пилсудский в то время не думал. Оставалась только литература; ею он и пытался заняться в ссылке, даже начал писать несколько произведений, но вскоре бросил это занятие, почувствовав, что он к нему пока что не готов. Да и особой целеустремленностью он в то время, как видно по его собственному признанию, не отличался.

Когда Левандовская покинула Сибирь, она уже больше не могла быть доверенным слушателем Пилсудского, поскольку ответное письмо приходило лишь спустя три месяца. Поэтому с полным основанием можно полагать, что любовь Юзефа и Леонарды убило расстояние. Нет никаких сведений о том, что Пилсудский, вернувшись из ссылки, пытался возобновить отношения со своей сибирской подругой, кстати, еще в 1891 году простившей ему измену. Оказалось, что его чувство не столь глубоко, как это казалось во время их совместной жизни в Киренске и Иркутске.

Исследователи отмечают также, что Пилсудский в ссылке недостаточно занимался самообразованием, мало читал, совершенно не готовил себя к революционной деятельности. Но и в этом нет ничего удивительного, если иметь в виду, что и в последующем он отдавал предпочтение практике перед теорией. Таков уж был склад его характера, а поскольку в ссылке он был предоставлен самому себе, то некому было принуждать его к более интеллектуальному времяпровождению.

Последние два года ссылки, уже на новом месте, прошли легче, чем первые три. Пилсудский повзрослел, возмужал, поверил в свои силы, научился сходить с людьми разного возраста и взглядов. В Тунке он поддерживал отношения с одним из известных деятелей левого крыла польского конспиративного движения кануна восстания 1863 – 1864 годов Брониславом

Шварце, который был арестован и сослан в Сибирь еще в 1862-м. Здесь же он познакомился с Михалом Манцевичем и Стефаном Ющинским, членами уже упомянутой нами Международной социально-революционной партии «Пролетариат», полностью разгромленной властями к середине 1880-х годов. Несомненно, беседы с ними позволили ему лучше представить себе цели социалистического движения, глубже познакомиться с его теоретическими основами.

Из других своих знакомых по Тунке Пилсудский называет в письмах Леонарде врача Афанасия Михалевича, детям которого он давал домашние уроки. Кстати, это был основной источник его доходов до конца 1890 года, когда было, наконец, принято решение о возобновлении ему государственной десятирублевой субсидии и выплате компенсации за пять предшествующих месяцев. Благодаря этому Пилсудскому удалось расплатиться со своими долгами. Свободное время, которого у него было более чем достаточно, он проводил на охоте, в разговорах со знакомыми ссыльными, игре в шахматы и карты. В Тунке он также довольно близко сошелся с двумя девушками – Губаревой (имя неизвестно) и Лидией Лойко, с одной из которых он и изменил Леонарде Левандовской.

20 апреля 1892 года ссылка подошла к концу. Ее срок не был продлен, чего Пилсудский очень опасался, особенно в связи с участием в бунте в иркутской тюрьме в 1887 году. Ему было разрешено покинуть Сибирь с запрещением поселения в университетских городах, а также в Твери и Нижнем Новгороде. 24 мая того же года Пилсудский покинул Иркутск. Его путь лежал в Вильно. На Украину, как он за два года до этого обещал Леонарде, он не поехал и 30 июня был уже в родном городе.

Дома Пилсудский застал ту же ситуацию, что и пять лет назад. Материальное положение семьи не только не улучшилось, но стало еще хуже – из всех владений в ее руках осталось только одно имение в Жемайтии. Старший брат был на каторге, другие еще слишком молоды. Нечего было и думать, что Юзеф один сможет обеспечить более или менее сносные условия существования всем Пилсудским. Нужно было думать о выборе профессии. Запрет на проживание в университетских городах лишал его возможности продолжить медицинское образование в России. На учебу за рубежом средств не было. Единственной возможностью получения высшего образования оставался экстернат по одной из гуманитарных специальностей. Пилсудский, полный желания устроить свою жизнь, решил подготовиться к сдаче экзаменов экстерном на юридическом факультете. Но юриспруденция его интересовала не более, чем медицина. По его собственному признанию, просидев полгода за учебниками, он отказался от задуманного, испугавшись огромного числа дефиниций, которыми была полна

юридическая литература.

Устраиваться на службу в какую-либо канцелярию, давать частные уроки или заняться сельским хозяйством, в котором он мало что понимал, означало только одно – отказ от своего предназначения, в которое он безгранично верил. Судя по всем его последующим действиям, им было освобождение своей родины от иноземных угнетателей и возрождение суверенного польского государства.

Глава вторая

ТОВАРИЩ ВИКТОР

Первые шаги социалиста

Между биографами Пилсудского нет согласия относительно того, был ли его приход в нелегальное социалистическое движение в какой-то мере случайностью, продиктованной неблагоприятными обстоятельствами, с которыми он столкнулся в Вильно по возвращении из ссылки, или же осознанным решением. Действительно, за прошедшее после разгрома «Великого пролетариата» время ситуация в польском социалистическом движении существенно изменилась. В начале 1888 года в результате объединения нескольких варшавских социалистических кружков была создана Польская социально-революционная партия «Пролетариат». В программном и тактическом отношении она попыталась продолжить линию «Великого пролетариата». Однако партии, получившей в литературе название «Второй пролетариат», не удалось распространить свою деятельность за пределы Варшавы, да и здесь ее влияние было незначительным. К тому же в конце того же года прошли аресты ряда партийных активистов.

Летом 1889 года в Варшаве возник Союз польских рабочих (СПР), создатели которого отрицали не только индивидуальный террор и заговорщическую деятельность, но и вообще всякую политическую борьбу. Они надеялись, что концентрация внимания СПР только на экономической борьбе позволит его членам избежать арестов. Но полиция не обратила внимания на эти расчеты, и в конце 1891 года многие члены союза были арестованы.

Польские социалисты активно включились в организацию забастовок и демонстраций по случаю 1 мая, объявленного в 1889 году II Интернационалом Днем международной солидарности рабочих. В 1892 году в Лодзинском текстильном округе празднование Первой мая переросло в шестидневную всеобщую забастовку с участием 60 тысяч рабочих.

В ноябре 1892 года в Париже был образован Заграничный союз польских социалистов (ЗСПС), а также принята программа будущей Польской социалистической партии (ППС), которую в русской Польше планировали создать путем объединения всех действовавших там социалистических организаций. С этой целью в Варшаву в начале 1893 года из-за границы прибыл известный социалист Станислав Мендельсон. Результатом его переговоров с представителями «Второго Пролетариата» и Союза польских рабочих стало согласие на вхождение этих организаций в ППС.

Правда, не все собеседники Мендельсона готовы были признать программу-минимум ППС, прежде всего из-за того, что ее авторы в качестве первоочередной задачи называли создание самостоятельной демократической республики, а не пролетарского государства, а также обходили молчанием вопрос о роли международной солидарности пролетариата в борьбе за социализм. Опять дали о себе знать разногласия, которые проявились в среде польских социалистов с самого начала их движения. Для их единомышленников в странах Западной Европы национальный вопрос не имел принципиального значения, поскольку они действовали в независимых государствах. Иным было его значение для социалистов угнетенных народов Австро-Венгрии, Германии и России. Здесь от ответа на вопрос «За что бороться?» зависели выбор тактики действий, определение главных союзников и противников, темпы движения к социалистическому государству, понимаемому как государство пролетариата. Что касается вопроса о конечной цели борьбы, то по нему расхождений не было. Конечно же молодой Пилсудский и его однопартийцы, подобно всем социалистам, мечтали о социалистическом обществе, свободном от социального неравенства и классовой борьбы. Разногласия возникали по проблеме движения к конечной цели.

Авторы программы-минимум ППС считали завоевание национальной независимости непременным условием борьбы за собственно пролетарское государство. По их мнению, борьба за социализм должна была пройти несколько этапов. Сначала пролетариат должен возглавить борьбу за национальное освобождение своего народа и лишь затем, уже в независимой стране, приступить к решению собственных задач – ликвидации социального неравенства и построению социалистического общества. При таком подходе главными противниками польского пролетариата на ближайшую перспективу были правительства разделивших Польшу империй. А основными союзниками – все прочие социальные группы угнетенных народов этих государств, борющиеся за национальное освобождение.

Их оппоненты отрицали необходимость промежуточного этапа, поскольку он

грозил заражением рабочего движения националистической идеологией и подчинением национальной буржуазии. Непосредственной задачей пролетариата они считали его социальное освобождение и построение социалистического общества, в котором автоматически будут решены и национальные проблемы. Достижение этой цели связывалось с общеевропейской социалистической революцией, а единственным союзником считался пролетариат других стран и народов. Спор между приверженцами обеих концепций длился в Польше семь десятилетий и завершился не потому, что исчерпал себя, а под непреодолимым давлением Сталина и ВКП(б) во второй половине 1940-х годов.

Итак, слова Пилсудского о том, что задуманная им в ссылке реформаторская работа к этому моменту стала излишней, не противоречат реальному состоянию дел в социалистическом движении. Вопрос лишь в том, когда будущий маршал в этом убедился – сразу по возвращении из ссылки или позже, после встречи с Мендельсоном, состоявшейся, по всей видимости, в январе 1893 года. Прямого ответа на вопрос нет, но есть некоторые косвенные свидетельства того, как Пилсудский пришел к приведенному выше заключению.

Известно, что через непродолжительное время после возвращения из Сибири он сблизился с участниками небольшого социалистического кружка в Вильно и вскоре стал его лидером. Тогда же, во второй половине 1892 года, Пилсудский побывал в Варшаве, где познакомился с некоторыми активистами «Польской лиги» – сторонниками нового национального восстания, ярыми противниками интернационализма и социальной революции. Казалось бы, если Пилсудского интересовала только борьба за возрождение Польши, то он должен был бы сблизиться с этими людьми и наладить с ними тесное сотрудничество. Но этого не произошло. С варшавскими социалистами, большинство из которых в тот момент были как раз интернационалистами, ему в тот приезд, скорее всего, встретиться не удалось. А значит, никакого суждения о направленности польского социалистического движения недавний ссыльнопоселенец тогда составить не смог. Вполне возможно, что, не установив контактов с социалистами Варшавы, Пилсудский понял ограниченные возможности деятельности в родном городе и задумался о будущей профессии.

Когда он узнал о возникновении Заграничного союза польских социалистов и принятой им программе ППС? Думается, довольно быстро, поскольку участником учредительного съезда в Париже был литовский татарин Александр Сулькевич (он же Хузман Эмирза-бег), впоследствии многолетний соратник Пилсудского по нелегальной социалистической работе, шурин одного из участников виленского кружка социалистов. Сулькевич после окончания съезда вряд ли долго оставался за границей, поскольку служил на таможне – как

мусульманин, он имел право занимать государственные должности в России, в том числе и в «Привисленском крае», как после упразднения автономии официально именовалась Польша. Он мог вернуться домой уже в начале декабря 1892-го и рассказать своему шуруну о съезде и принятой на нем программе. Весьма показательно, что именно в конце 1892-го – начале 1893 года Пилсудский отказался от намерения получить высшее образование экстерном. Да и встречу Мендельсона с Пилсудским в 1893 году никак нельзя считать случайной; очень высока вероятность того, что она состоялась при посредничестве того же Сулькевича.

Встреча с зарубежным эмиссаром Мендельсоном стала поистине поворотным моментом в жизни Пилсудского. Во-первых, именно после нее в общем-то случайно угодивший в Сибирь молодой человек становится профессиональным революционером-подпольщиком со всеми вытекающими из этого последствиями: активная и сознательная борьба с властями, жизнь под чужим именем, постоянная угроза провала и ареста, непрерывные денежные затруднения...

Во-вторых, Юзеф получил возможность своеобразно реализовать свою давнюю мечту, о которой писал в свое время Леонарде Левандовской, – писать и публиковать собственные произведения. Правда, не рассказы, повести или романы, а публицистические статьи для польских социалистических изданий. Более того, многие годы он будет одним из издателей газеты «Роботник» («Рабочий»), центрального органа ППС в Царстве Польском.

Мотивы, по которым 25-летний Пилсудский согласился вступить в ППС, также не имеют в литературе одинаковой трактовки. Одни авторы говорят о том, что только так он мог удовлетворить свое честолюбие, найти для себя достойное место в жизни, быстро занять высокое положение в партии, еще не имевшей устоявшейся иерархии. Другие придерживаются иного мнения, полагая, что Пилсудский связал свою судьбу с зарождавшейся ППС не потому, что оказался «лишним человеком» в своей среде, не из-за честолюбивых соображений, а руководствуясь принятым еще в ссылке решением направить польское социалистическое движение по единственно правильному, с его точки зрения, пути – завоевать независимость для своего народа и затем заняться решением чисто пролетарских задач [Свое понимание задач социалистического движения в Польше Пилсудский сформулировал позже: «Социалист в Польше должен стремиться к независимости страны, а независимость является знаменательным условием победы социализма в Польше». – Pilsudski J. Pisma zbiorowe. T. U. S. 52 – 53.].

Эта вторая позиция представляется более близкой к истине, поскольку

деятельность в нелегальной партии, даже на самой вершине ее руководства, никогда не делала человека ни знаменитым, ни успешным. Все могло кончиться очень быстро – опять-таки Сибирью, откуда возвращались далеко не все. Поэтому можно согласиться с теми, кто считает выбор Пилсудского результатом хорошо продуманного решения, принятого для себя еще в ссылке.

Еще одним итогом встречи Мендельсона с Пилсудским стало переименование виленского кружка в Литовскую секцию ППС. Но не известно, был ли одновременно установлен контакт с варшавской организацией партии или же он существовал только с ЗСПС, в пользу чего свидетельствуют статьи Пилсудского в его печатном органе «Пшведзит» («Заря»). Они стали достаточно регулярно появляться там под псевдонимом «Ром» начиная с марта 1893 года.

Успех Мендельсона по объединению «Второго пролетариата», Союза польских рабочих и ЗСПС в составе Польской социалистической партии оказался непрочным. Варшавская организация партии не одобряла взгляды Заграничного союза польских социалистов и считала, что его члены предают коренные интересы рабочего класса. Тлевший несколько месяцев конфликт принял открытые формы после публикации в майском номере «Пшведзита» за 1893 год «Наброска программы Польской социалистической партии».

Попытки приехавшего в июне того же года в Варшаву эмиссара ЗСПС Станислава Войцеховского, будущего президента межвоенной Польши [В декабре 1922 года, после убийства первого президента Польши Габриэля Нарutowича, парламент избрал на этот пост Войцеховского. Он оставил его добровольно 14 мая 1926 года в знак несогласия с государственным переворотом Пилсудского. После этого он отошел от политики и умер в 1953 году.], найти выход из возникшего кризиса отношений успеха не имели. Уже в июле 1893 года раскол в новорожденной ППС стал свершившимся фактом. Вышедшие из ее состава члены варшавской организации отвергли парижскую программу ППС и приняли решение о создании Польской социал-демократической партии, чуть позже переименованной в Социал-демократию Королевства Польского (СДКП). Ее идейным вдохновителем стала, в частности, Роза Люксембург, отстаивавшая мысль о том, что интеграция польских земель в экономику Австро-Венгрии, Германии и России зашла уже так далеко, что всякое ее нарушение принесет этим землям лишь вред. С возникновением СДКП идейный раскол польского социалистического движения приобрел четкие организационные формы.

В ППС осталась лишь ее литовская секция во главе с Пилсудским. В конце июня или в начале июля 1893 года в Понарских лесах в окрестностях Вильно

состоялось совещание Войцеховского с членами виленской организации Пилсудским, Стефаном Беляком, Александром Сулькевичем и Людвиком Зайковским. Встречаются утверждения, что в совещании якобы участвовали представители варшавской и петербургской, прусской и галицийской организаций ППС, но они ничем не подтверждены.

Впоследствии это совещание узкого круга было названо I съездом ППС. Как бы ни относиться к вопросу о репрезентативности данного форума на свежем воздухе, последующее развитие этой партии убедительно показало, что она оказалась востребованной польским обществом, в том числе и пролетариатом.

Съезд, несмотря на ограниченное число участников, принял несколько важных решений. Во-первых, Пилсудскому было поручено разработать вопрос об отношении к русским революционерам. Сделано это было не случайно. Собранным было известно, что для себя он давно уже на него ответил. Так, в опубликованном в мае 1893 года в «Пшедсвите» воззвании «К товарищам социалистам-евреям в отторгнутых польских провинциях» Пилсудский призывал еврейскую интеллигенцию не запрягать свой народ «в колесницу всероссийской политики объединения», поскольку такая политика наносит вред как освободительному движению в Польше, Литве и на Украине, так и интересам еврейского пролетариата [Pilsudski J. Pisma zbiorowe. T. I. S. 28 – 33.].

Его отчетом о выполнении партийного поручения можно считать опубликованную в августовском номере «Пшедсвита» за 1893 год статью «Отношение к русским революционерам», которую редакция анонсировала как официальную позицию ППС. Пилсудский признавал необходимость взаимодействия со всеми противниками царизма, включая и русских революционеров, но считал, что из-за отсутствия среди русских социалистов единства в основе сотрудничества должно лежать не идейное единство, а готовность к совместным политическим действиям на условиях признания права польского народа на независимость и согласия на контроль со стороны ППС за всеми их действиями не только в Царстве Польском, но и на литовских, белорусских и украинских территориях, входивших прежде в состав Речи Посполитой.

Нередко встречавшееся в советской историографии осуждение этой позиции ППС не только как раскольнической, нарушавшей единство социалистического движения, но и экспансионистской, оправдывающей право поляков решать судьбы соседних народов, представляется не совсем научным. Хорошо известно, что русское социалистическое движение в это время еще не вышло из младенческого возраста, отсутствовали устоявшиеся организационные формы и

четкие идейно-теоретические установки, в том числе и по национальному вопросу. Что же касается освободительных движений народов Западного края империи, то они, исключая польское, вообще находились в зачаточном состоянии. Поэтому позицию ППС в тот момент по отношению к русскому и другим революционным движениям вряд ли стоит подвергать резкой критике. А вот позже, в начале XX века, когда литовское, белорусское, украинское, еврейское и другие национальные движения станут политической реальностью, Пилсудский будет выступать за более тесное сотрудничество с ними. Если же говорить о его оппонентах в социалистическом движении, то жизнь покажет несостоятельность ряда их теоретических постулатов – заставит, в частности, признать важность национального вопроса, отказаться от идеи мировой или европейской социалистической революции и других положений, которые в конце XIX века представлялись им единственно верными.

Второй важный вопрос, ставший предметом обсуждения на лесном съезде в Понарах, касался пропагандистской работы партии. Опыт польских социалистов показывал, что исключительно устная пропаганда в «полицейском государстве» крайне неэффективна. Пропагандисты в российских условиях очень скоро становятся известны полиции и оказываются в тюрьмах. Учитывая это обстоятельство, а также растущий по милости имперских властей уровень грамотности населения, участники съезда пришли к выводу о том, что главным инструментом пропаганды идей ППС следует сделать нелегальные издания.

Определенным успехом Войцеховского, сразу же после съезда вернувшегося в Варшаву, стало вовлечение в ППС некоторых варшавских социалистов и создание Рабочего комитета, который должен был руководить всей деятельностью партии до созыва ее очередного съезда. Правда, из трех его членов активность проявлял только Ян Строжецкий. Существенную работу в партии вели также виленцы Пилсудский, Сулькевич и варшавянин Казимеж Петкевич, начинавший свою нелегальную деятельность еще в «Великом пролетариате».

Официальная, если так можно выразиться, партийная карьера социалиста Юзефа Пилсудского началась в феврале 1894 года, на состоявшемся в Варшаве II съезде ППС. Съезд определил организационную структуру партии. Она предусматривала создание центрального и местных рабочих комитетов, института доверенных лиц, а также кружков агитаторов. Пилсудский был избран в состав Центрального рабочего комитета (ЦРК) как представитель Литовской секции. Ему было поручено организовать подпольную типографию и наладить выпуск центрального органа партии газеты «Роботник» [ППС самым серьезным образом относилась к печатной пропаганде. ЗСПС издавал «Пшесвиг» и различные брошюры, которые затем нелегально доставлялись в

русскую Польшу и распространялись среди сторонников партии. В самой Варшаве был налажен выпуск листовок и воззваний. Издание «Роботника» придавало этому направлению деятельности социалистов более заверченный вид.]

Первым делом следовало подумать о месте, где будет печататься газета. Было решено делать это не в Царстве Польском, а в Литве. Для типографии было выбрано небольшое местечко Липнишки на Виленщине, в 12 километрах от железнодорожной станции Бастуны. Скорее всего, расчет делался на то, что полиция вряд ли могла подумать, что в таком захолустье, где все жители хорошо знают друг друга, революционеры будут печатать свою газету. Конечно, при этом следовало соблюдать осторожность, поскольку появление в местечке новых людей не могло остаться незамеченным. В итоге было найдено оригинальное решение. Как раз в это время в Вильно после окончания медицинского факультета Московского университета приехал Казимеж Парневский, который через члена виленской организации ППС Доминика Рымкевича познакомился с Пилсудским. Тот уговорил его открыть в каком-нибудь местечке аптеку и под ее прикрытием организовать подпольную типографию.

Выбор пал на Липнишки Ошмянского уезда, в полусотне километров от Вильны. Под аптеку был снят дом, в котором поселился наборщик Владислав Гловацкий. Сюда же был привезен закупленный Войцеховским в мае 1894 года в Лейпциге за 125 рублей портативный английский печатный станок марки «Model-Press» (эта популярная у российских революционеров модель называлась «бостонкой»). Лондонская фирма выслала его в Кенигсберг, а оттуда он был переброшен в Россию Сулькевичем [Таможенник Сулькевич оказывал социалистическим организациям на территории Российской империи огромную помощь. Только в 1893 году при его значительном участии в Россию через границу было переправлено около 22 тысяч экземпляров газет, брошюр и листовок, отпечатанных за рубежом для польских, русских и еврейских социалистов.]

Издание газеты было не только опасным, но и физически тяжелым делом. Печатный станок представлял собой небольшой по размерам, весивший около семи пудов (110 килограммов) и легко разбирающийся аппарат, который без особого труда можно было перевозить с места на место. Конструкторы предназначали его для выпуска малотиражной печатной продукции: небольших объявлений, визитных карточек и т. п., а не нелегальных изданий. Через каждые 50 страниц на печатную форму следовало наносить новую порцию краски. Печать производилась вручную, что было делом не только тяжелым, но и чрезвычайно нудным. Пилсудский вспоминал, что очень не любил эту работу

прежде всего по последней причине и всегда радовался, когда очередной номер был готов. К достоинствам станка относились его небольшие габариты, что позволяло хранить его в небольшом запиравшемся на ключ шкафчике непосредственно в жилом помещении. С целью звукоизоляции подпольщики оклеивали и обматывали резиной, кожей, сукном все движущиеся части станка, которые могли издавать шум. Конечно, такая звукоизоляция была непрочной – периодически приходилось останавливать процесс печатания и восстанавливать ее.

Бумагу приобретали на месте, тем более что ее требовалось не так уж и много. Для печати 1300 экземпляров «Роботника» объемом в 12 страниц достаточно было девяти пачек канцелярской бумаги стандартного формата. Типографскую краску закупами за границей и доставляли в страну с помощью того же Сулькевича. Через него же за рубеж переправлялась часть тиража, предназначенная для эмигрантов.

Тираж «Роботника», когда его редактором был Пилсудский, колебался в пределах 1200 – 2000 экземпляров при объеме газеты 10 – 12 страниц. При производительности станка 300 – 400 полос в час на печать тиража газеты требовалось 15 – 16 дней достаточно тяжелой работы по 9 – 11 часов ежедневно. При этом следует учитывать, что на скорость печатания газеты влияли и другие объективные трудности. Во-первых, формат рамы 14x22 сантиметра был меньше стандартного листа бумаги, продававшейся в писчебумажных магазинах. Поэтому каждую отпечатанную страницу или воззвание затем следовало обрезать обычным ножом, а обрезки сжигать, что отнимало дополнительные время и силы. Во-вторых, в наборной кассе не хватало некоторых часто используемых литер, поэтому при наборе в уже отредактированные тексты нужно было вносить изменения.

После завершения печатания номера его нужно было распространить среди читателей. По вполне понятным причинам услуги почты и другие легальные возможности отпадали. Безадресное распространение «Роботника» было недостаточно эффективным, поскольку в этом случае часть тиража неизбежно попадала к случайным людям, не только не интересовавшимся политикой, но и способным сообщить о подрывной газете в полицию. Поэтому издателями социалистической газеты была разработана схема ее адресного распространения среди надежного круга читателей. Готовый номер раскладывали, как правило, в пачки по 50 экземпляров, а затем развозили по так называемым «постоялым дворам». Оттуда их забирали специально выделенные местными организациями люди и распространяли уже непосредственно среди читателей. Транспортировкой газеты от типографии до «постоялых дворов», располагавшихся в крупных городах Царства Польского и

университетских центрах империи, как правило, занимался Пилсудский.

Эта система распространения партийной газеты имела несомненные плюсы. Во-первых, в нее вовлекалось небольшое количество людей, причем никто из них, кроме Пилсудского, не знал места нахождения типографии. Во-вторых, это позволяло более точно определить нужный тираж. Это было немаловажно хотя бы потому, что «Роботник» распространялся бесплатно, а на покупку краски, бумаги, развозку, а также содержание печатавших его людей нужны были деньги. Партия оставалась немногочисленной, и ее члены не были обязаны платить членские взносы. Газета издавалась в основном на средства, получаемые от состоятельных сочувствующих и членов ППС, эмигрантов и студентов-поляков из российских университетских центров – Риги, Дерпта, Петербурга и Киева. Их сбором главным образом занимался Пилсудский. Он же был редактором «Роботника» и автором многих напечатанных на его страницах материалов. Газета предназначалась для достаточно широкого круга читателей: интеллигенции, студенческой и гимназической молодежи, рабочих, образование которых в лучшем случае ограничивалось начальной школой. Из этой же среды рекрутировались и достаточно активные корреспонденты газеты. Обычно присылаемые ими материалы нуждались в серьезной редакторской правке, причем важно было сохранить авторские особенности стиля.

Издатели стремились, чтобы газета выходила раз в месяц, хотя это и не всегда удавалось сделать, интервалы между очередными номерами доходили до двух и более месяцев. Поскольку сама печать занимала около двух недель, а за это время могли произойти очень важные события, требовавшие реакции и комментария партии, газету обычно начинали печатать с середины. Это позволяло помещать в раздел хроники в конце газеты сообщения о наиболее свежих событиях, делать ее достаточно оперативной.

Первый 10-страничный номер «Роботника» с обозначенным тиражом 10 тысяч экземпляров был датирован июнем 1894 года. Местом издания значилась Варшава. Обе эти информации были ложными и преследовали цель запутать полицию. На самом деле газета была отпечатана 12 июля 1894 года. Всего в Липнишках удалось отпечатать шесть номеров «Роботника». В последнем номере из этой серии, вышедшем с датой 24 декабря 1894 года, читателям сообщалось о временной приостановке издания [Причина этого решения была следующей. Наборщик Гловацкий, молодой человек, у которого было достаточно много свободного времени, завел роман с кухаркой аптекаря. Стараясь повысить свою значимость в глазах подружки, на которой он к тому же обещал жениться, ухажер, видимо, дал ей понять, чем занимается. Когда же кухарка по истечении какого-то времени поняла, что наборщик вовсе не торопится исполнять свое обещание, она стала его шантажировать. Над

типографией нависла реальная опасность провала. Уговоры и даже взятое у кухарки священником монастыря в Ченстохове обещание хранить тайну не гарантировали, что угроза провала миновала. В конечном счете все же удалось убедить Гловацкого жениться и отправиться во внутренние районы России. Но оставлять типографию в Липнишках после всего этого было слишком рискованно. После длительных размышлений и поисков нового места для нее остановились на Вильно. Станок разобрали и в начале 1895 года с оказией перевезли на новое место.]

Вождь партии

Издание «Роботника» не являлось единственной обязанностью Пилсудского в ППС. К концу августа 1894 года партия была почти полностью обезглавлена арестами; из четырех членов и двух кандидатов в члены ее Центрального рабочего комитета на свободе остались только Пилсудский, «излишне осторожный» Петкевич и непригодный для руководящей работы рабочий Паулин Климович. Удар по партии был столь сильным, что пришлось даже перенести на более поздний срок ее III съезд, назначенный на сентябрь 1894 года. Активизации работы ЦРК должна была послужить кооптация в его состав 28-летнего Людвика Кульчицкого, участника социалистического движения с восьмилетним стажем.

На Пилсудского, уже пользовавшегося в это время псевдонимом Виктор, пали основные обязанности по руководству партией, которые до своего ареста исполнял Стржецкий. В первую очередь нужно было восстановить нарушенные связи и привлечь к делу новых людей, продолжая одновременно издание «Роботника», постепенно становившегося символом партии. Пока выходила эта газета, ППС продолжала существовать в общественном сознании, независимо от того, как много ее активистов оставалось на свободе.

В это же время в руках Пилсудского оказались и основные контакты с Заграничным союзом польских социалистов. После встречи с Мендельсоном в Вильно в 1893 году Пилсудский стал постоянным корреспондентом «Пшедсвита», на его страницах он опубликовал большинство своих статей о тактике и стратегии ППС. В декабре 1894 года состоялась первая поездка «товарища Виктора» за границу – он представлял ППС на I съезде ЗСПС в Швейцарии. Здесь произошло его знакомство с известными деятелями польской социалистической эмиграции: Сигизмундом Балицким, Станиславом Грабским, Александром Дембским, Болеславом Енджеевским, Ромуальдом Мельчарским, Феликсом Перлем. Как старого знакомого его приветствовали Станислав Войцеховский и Витольд Йодко-Наркевич, которого он принимал в Варшаве несколькими месяцами ранее в качестве представителя ЗСПС на так и

не состоявшемся III съезде ППС. Со временем большинство этих людей, как и сам Пилсудский, порвут с социалистическим движением и перейдут во враждебные ему политические партии. Но пока что всех их объединяла вера в то, что только пролетариат способен повести польский народ на борьбу за независимость, демократию и лучшую долю.

Из Швейцарии Пилсудский съездил ненадолго в Англию. Здесь он познакомился с еще одним будущим польским президентом Игнацием Мосьцицким [Вскоре Мосьцицкий отойдет от социалистического движения и сделает успешную научную карьеру в области химии. В 1926 году, после государственного переворота и добровольной отставки Войцеховского, парламент по указанию Пилсудского изберет его президентом страны. Этот пост Мосьцицкий будет занимать до сентября 1939 года. После оккупации Польши немцами он эмигрировал в Швейцарию, где и умер вскоре после окончания войны.], участником несостоявшейся террористической акции в соборе Святой Троицы в Варшаве в 1892 году, эмигрантом, проживавшим в то время в Лондоне и активно участвовавшим в деятельности ЗСПС. Они сразу же прониклись друг к другу глубокой симпатией. Здесь же жена Дембского сделала Юзефу протезы вместо выбитых в иркутской тюрьме двух передних зубов. Но в мае 1895 года новые зубы Пилсудского вместе с кошельком и тремя рублями вытащил карманный вор. «Que faire? [Что делать? (фр.)] Видимо, моя судьба ходить без зубов» – так отозвался будущий маршал на это происшествие.

После возвращения в страну Пилсудский вновь с головой погрузился в конспиративную деятельность [Подлинный статус Пилсудского в это время установить очень сложно. Его биографы сходятся в том, что нелегал, которого искала полиция, предпочитал проживать под чужой фамилией, а связь с семьей поддерживал путем переписки, которую вел через своих зарубежных знакомых, хотя упоминаются и непосредственные контакты с родными. Знала ли охранка о том, что Пилсудский имеет отношение к деятельности запрещенной партии? Есть свидетельства, что в 1895 году его искали за «подрывную пропаганду», в том числе и за рубежом. Известно, что его фамилия фигурировала в показаниях некоторых из его партийных товарищей, попавших в руки полиции, – например Кульчицкого в 1895 году. Но остается без убедительного объяснения вопрос, почему же Пилсудский в 1899 году не побоялся под своей фамилией официально оформить брак. Ведь его заключению, как того требовало каноническое право, предшествовало трехкратное публичное объявление о готовящемся акте, а свидетелями были два его младших брата. И почему Пилсудский безбоязненно ездил собирать средства в университетские центры России, а также за рубеж? К сожалению, любой ответ на каждый из этих

вопросов может иметь только гипотетический характер. Если все то, что по этому поводу пишут биографы Пилсудского, правда, то тогда получается, что охранка работала из рук вон плохо. Но как же тогда объяснить непрерывные провалы других конспираторов в том же Царстве Польском?]. Вынужденное перемещение типографии «Роботника» не могло продолжаться долго, поскольку это наносило ущерб партийному строительству. Нужно было искать нового наборщика, что было не так и просто сделать при ограниченном количестве в тот момент профессиональных революционеров в рядах ППС. В конечном счете эту задачу поручили будущему президенту Войцеховскому, который в эмиграции освоил наборное дело.

20 марта 1895 года Войцеховский приехал в Вильно под именем Казимежа Пашкевича и снял квартиру на окраине города. Именно здесь и была организована новая типография «Роботника». Ее адрес и на этот раз был известен самому узкому кругу людей – помимо Войцеховского его знали только Пилсудский и Сулькевич. Седьмой номер газеты вышел под датой 7 июня 1895 года. Виленский этап в истории центрального органа ППС продлится до 1899 года и будет достаточно успешным. «Роботник» начнет печататься более или менее регулярно, а самое главное, его издатели и на этот раз сумеют избежать провала, что было отнюдь не так легко.

В конце июня 1895 года в Понарах прошел III съезд ППС. Хотя пропагандистская деятельность партии (имелось в виду распространение «Роботника» и изданий, поступавших из-за рубежа) получила достаточно высокую оценку, но было указано, что без активизации организационной работы и роста ее рядов у ППС нет будущего. Поэтому особое внимание было обращено на деятельность низовых звеньев партии – кружков агитаторов, решение о создании которых было принято предыдущим съездом, но так и не реализовано. Членам партии съезд рекомендовал сосредоточиться на деятельности только в ее рядах, не состоять в других организациях и обществах. Примечательно, что съезд ППС и на этот раз не поставил вопрос о создании низовых ячеек партии, в которых могли бы действовать рабочие, а посчитал достаточным ограничиться лишь местными комитетами и кружками агитаторов. Несомненно, такая организация партии снижала риск провалов, но она по-прежнему оставляла во главе угла ее деятельности пропаганду, а не организационную работу.

В традиционном для польских социалистов ключе была выдержана резолюция съезда об отношении к другим народам Российской империи: следовало всемерно поддерживать их сепаратистские устремления и крепить взаимодействие с ними в борьбе с царизмом. III съезд показал, что в партийном активе появилось понимание необходимости перехода к решению более

широких политических задач, что в ППС пришли новые люди, хотя и не так много, как хотелось бы. Именно так оценил итоги съезда Пилсудский, вновь избранный в состав Центрального рабочего комитета наряду с Кульчицким (он в сентябре того же года был арестован, а на его место кооптирован Войцеховский) и Сулькевичем. Таким образом, все руководство до следующего съезда сосредоточивалось в руках виленских социалистов.

Конечно, такой состав ЦРК облегчал работу, поскольку все трое были единомышленниками и имели большой опыт совместной подпольной деятельности. Однако он не позволял успешно развивать организационную деятельность, как того требовали решения III съезда. Сулькевич как государственный чиновник должен был ежедневно ходить на службу в литовском городке Таураге. К тому же главной его обязанностью была переправка через границу нелегальных изданий, и в этом он был незаменим. Войцеховский, которому было поручено поддержание связей с местными организациями (рабочими комитетами и кружками агитаторов), по-прежнему занимался изданием «Работника», что отнимало у него много времени. На Пилсудского были возложены две основные задачи: обеспечивать наполнение партийной кассы и поддерживать контакты со студентами-поляками в российских университетских центрах, русскими социалистами и деятелями национально-освободительного движения народов империи.

Несмотря на титанические усилия «товарища Виктора», деньги для ППС удавалось добывать с трудом. Так, в октябре 1895 года в партийной кассе было всего 202 рубля 54 копейки. В связи с этим Пилсудский писал своим товарищам в Лондон, что они с Войцеховским уже не раз подумывали закрыть типографию и устроиться на службу, чтобы зарабатывать себе на хлеб.

Поскольку издание подпольной газеты требовало времени, денег и сил, у Войцеховского даже возникла мысль перенести типографию за границу. Но Пилсудский был решительно против этого. Выходом мог стать только приезд из-за рубежа еще одного человека, которой бы занялся «Работником». Тогда Войцеховский смог бы полностью переключиться на работу с местными организациями. Для этого даже был подходящий кандидат – Игнаций Мосьцицкий. В конечном счете от этой задумки пришлось отказаться, так как у ППС не было денег на содержание семьи Мосьцицкого в случае его приезда в Вильно. Новый наборщик для «Работника» приехал из-за границы лишь в 1899 году, когда Войцеховский в связи с женитьбой принял окончательное решение покинуть Россию.

Вторая половина 1890-х годов для Пилсудского была наполнена уже привычной партийной деятельностью. Ее содержание в эти годы, несмотря на

решения III съезда ППС, существенно не изменилось. Печатная пропаганда по-прежнему оставалась главным направлением работы. К «Пшедсвиту», «Роботнику», брошюрам и листовкам добавились нелегальные «Гурник» («Горняк») и «Лодзянин», за рубежом стали издавать ежемесячник «Святло» («Свет»). По ориентировочным подсчетам, в 1899 году в России распространялось не менее 100 тысяч экземпляров польских социалистических изданий, которые попадали в руки примерно 30 – 40 тысяч человек. Для глубоко законспирированной и не очень многочисленной организации это был реальный успех.

Хуже обстояло дело с привлечением в ППС новых членов. Связывать свою судьбу с запрещенной партией решались немногие, главным образом не обремененные семьями и житейскими заботами молодые люди обоих полов. Даже решение обособившейся в свое время Социал-демократии Королевства Польского признать в 1896 году программу ППС и войти в ее состав не изменило существовавшего положения, поскольку СДКП после ряда провалов в это время была фактически представлена одной немногочисленной региональной организацией. Правда, именно тогда был впервые преодолен раскол в польском социалистическом движении, причем на основе программы ППС.

Но единство продлилось недолго. Уже в 1899 году бежавший из вятской ссылки 22-летний Феликс Дзержинский, тогда уже житель Вильно, занялся воссозданием самостоятельной социал-демократической партии, которая на следующий год конституировалась как Социал-демократия Королевства Польского и Литвы (СДКПиЛ).

Продолжали развиваться и зарубежные контакты «товарища Виктора». В марте 1896 года он приехал в Англию почти на полгода. Крышу над головой ему любезно предоставил активный деятель польского социалистического движения Болеслав Антоний Енджеевский. С его детьми Пилсудский с удовольствием проводил свободное время, которого, правда, у него было очень мало. И здесь он активно занимался издательской деятельностью, встречался и поддерживал переписку с единомышленниками в Европе и США, писал статьи, занимался печатанием и переброской в Россию за деньги нелегальной литературы для русских и еврейских левых организаций. И рвался домой, в Вильно.

Однако он все же дождался IV конгресса II Интернационала, назначенного на 27 июля. В мае Пилсудский обратился к Сулькевичу за мандатом на право официально представлять на конгрессе ППС. В состав польской делегации на международный форум социалистов вошли 10 человек, представлявших

социалистические организации всех польских земель, в том числе Мосьцицкий, Дашиньский, Енджеевский, Йодко-Наркевич, Дембский. Пилсудский зарегистрировался под именем Виктор Косьцеша [Косьцеша (Koscięsza) – герб Пилсудских и ряда других шляхетских родов. По легенде, дарован еще в XI веке храброму рыцарю Косьцеше, которого нашли на поле битвы со сломанным мечом и стрелой, вонзившейся в грудь. Эти меч и стрела в стилизованном виде изображены на гербе.]

Главной своей целью польские делегаты считали принятие конгрессом резолюции по польскому вопросу, проект которой они готовили самым тщательным образом. В тексте говорилось, что угнетение одного народа другим выгодно лишь капиталистам и деспотам, а для трудящихся как польского, так и угнетающих его народов оно одинаково губительно, что особенно царизм, внутренние силы и международное значение которого базируется на владении польскими землями, больше всего грозит развитию международного рабочего движения. Поэтому конгрессу предлагалось заявить, что независимость Польши является политическим требованием, одинаково актуальным как для международного рабочего движения, так и самого пролетариата.

Проект резолюции вызвал бурное обсуждение, к нему было сделано много поправок, окончательный вариант существенно отличался от исходного, ограничиваясь заявлением о праве каждого народа на самоопределение и выражением сочувствия рабочим всех стран, которые стонут под ярмом военного, национального или другого деспотизма. Пилсудский остался недовольным такой редакцией важного для него документа.

В проекте резолюции особенно бросается в глаза, что там конкретно говорится только о польских землях в составе России. Если отказ от тезиса о положении польского пролетариата в Австро-Венгрии еще можно объяснить тем, что в ней польские провинции пользовались автономией, то игнорирование польских областей Германии с проводившейся там жесткой политикой германизации не имело даже такого оправдания. Авторы фактически пытались свести польский вопрос только к его российской составляющей – видимо, для того, чтобы обеспечить ему поддержку западных социалистов с помощью уже тогда активно культивировавшегося на Западе мифа о России как главной для него угрозе.

Во время пребывания в Лондоне Пилсудский познакомился с Георгием Валентиновичем Плехановым, еврейскими социалистами из США, немцем Вильгельмом Либкнехтом и французом Жоржем Сорелем. Все они обещали поддержать польскую резолюцию по национальному вопросу.

Покинув Лондон в конце августа 1895 года, Пилсудский вначале направился в Галицию. Перед отъездом он в конспиративных целях сбрил бороду и постриг густые брови. Во Львове «товарищ Виктор», ожидая, пока ему сделают фальшивый паспорт, возобновил знакомство с Брониславом Шварце, перебравшимся сюда после окончания сибирской ссылки. Разговоры со старшим товарищем пробудили у Пилсудского интерес к истории восстания 1863 – 1864 годов, который он сохранит на многие годы и сам внесет немалый вклад в изучение этой темы.

А затем опять были Вильно, печатание газеты и поиск денег, которые поступали очень нерегулярно. Так, в октябре 1896 года приход составил лишь 130 рублей, и Пилсудский жаловался, что будущий президент Войцеховский, несмотря на наступающие холода, ходит в летнем пальто, у него нет калош, деньги из Петербурга не поступили и они по уши в долгах. Но уже в январе 1897 года он переводит 140 рублей на избирательную кампанию социалистов в Галиции и покрытие долгов ЗСПС. В следующем месяце на эти же цели расходуется 180 рублей. Согласно приведенным им на IV съезде ППС обобщенным данным, среднемесячные доходы организации составили в 1895 году 234 рубля, в 1896-м – 439 рублей, в 1897-м – 454 рубля, а расходы – порядка 445 рублей, в том числе 125 рублей на содержание нелегалов.

Свидетельством высокого авторитета Пилсудского в партии стало его повторное избрание в состав Центрального рабочего комитета на IV съезде ППС в ноябре 1897 года. Соратниками Виктора в руководящем органе партии на очередной срок стали Войцеховский и хорошо зарекомендовавший себя на партийной работе инженер Александр Малиновский.

Сильные позиции в ППС позволяли Пилсудскому серьезно влиять на польскую социалистическую эмиграцию. В декабре 1897 года он принял участие в очередном съезде ЗСПС в Швейцарии и сумел настоять на сохранении в его центральных руководящих органах своих друзей Дембского, Йодко-Наркевича и Енджеевского. Более того, он обеспечил приятелям руководство Конспиративной комиссией, задачей которой была непосредственная связь по конспиративным и негласным вопросам с ЦРК ППС, а также добился вывода этой комиссии из-под контроля секретариата ЗСПС.

Отныне у Пилсудского расширились возможности влияния на деятельность польских социалистов за границей. Уже в январе 1898 года он вменил во временные обязанности секретаря Конспиративной комиссии Енджеевского все вопросы переброски нелегальной литературы в Россию, переписку, заботу об архиве ППС, ведение специальной учетной книги для финансовых операций партии с заграницей. Он также назначил Енджеевского редактором «Сьвятла»,

предложив преобразовать его в журнал, полностью независимый от руководства ЗСПС.

В июле 1898 года Пилсудский вновь посетил Лондон – эту Мекку политических эмигрантов и диссидентов вплоть до наших дней. На этот раз целью поездки было издание документов, показывавших, что истинным мотивом, по которому лояльные царизму политики Царства Польского призывали поляков следовать их примеру, была надежда получить личные льготы от Николая II. В распоряжение партии компромат попал случайно, в Петербурге. Это были меморандум варшавского генерал-губернатора князя Александра Имеретинского с личными пометами императора, достаточно нелицеприятными для поляков, а также сопутствующие документы. Общий объем материалов составил 146 страниц типографского текста, подготовить к печати и издать их в подпольных условиях не представлялось возможным. А сделать это Пилсудский считал нужным во что бы то ни стало, в том числе и для поднятия престижа ППС как организации, имеющей доступ к самым большим государственным секретам.

Пилсудский написал к изданию документов предисловие, разоблачавшее враждебную интересам польской нации политику соглашателей и показывавшее истинное отношение Романовых к своим польским подданным. Брошюра «Тайные документы русского правительства по польскому вопросу» была отпечатана в Лондоне от имени ППС тиражом в две тысячи экземпляров. Спустя несколько месяцев тем же тиражом вышло ее второе, на этот раз краковское издание. Около тысячи экземпляров было переброшено в Россию, остальные разошлись в Галиции и на Западе. Несомненно, это был шаг в направлении, избранном Пилсудским в 1895 – 1896 годах в качестве основной тактики, – возбуждать за границей интерес к польскому вопросу в России.

Во время этого визита Пилсудского в Англию Леон Василевский отметил, что он ведет себя как безусловный руководитель всего польского социалистического движения, в том числе и его зарубежного отряда. Во время заседания руководства ЗСПС он по какому-то поводу устроил Василевскому, бывшему тогда секретарем Заграничного союза, суровый разнос, подкрепляя свои слова притопыванием ног. Василевский запомнил эту сцену на всю жизнь.

Такое поведение Пилсудского показывало, что он для себя уже решил судьбу ЗСПС – лишение самостоятельного статуса. В декабре 1898 года «товарищ Виктор» настойчиво порекомендовал перенести на более поздний срок традиционно проводившийся в это время съезд Заграничного союза, так как «в данный момент у нас абсолютно нет времени заниматься делами союза до

такой степени, что мы не пришлем никакого делегата на съезд». В марте следующего года, во время очередного приезда в Лондон, Пилсудский провел переговоры о преобразовании прежде самостоятельного ЗСПС в Заграничный отдел ППС. Главным его аргументом в пользу такого решения был большой финансовый долг союза, на покрытие которого не было средств. Зато большую ценность представляли собственная типография союза и книжный склад. В обмен на эти активы ЦРК соглашался покрыть долги союза. В течение 1899 года удалось согласовать все вопросы ликвидации Заграничного союза польских социалистов.

В начале 1900 года съезд союза принял решение о вхождении ЗСПС в состав ППС и преобразовании в ее Заграничное отделение. Руководить его текущей деятельностью должен был Заграничный комитет ППС, создававшийся ЦРК ППС. Но вопрос об иерархии зарубежной и внутренней организаций партии не ставился, поскольку в процессе многолетнего взаимодействия ЗСПС и ЦРК ППС, когда одни и те же люди работали и в эмиграции, и в России, между ними сложились достаточно конструктивные отношения.

Женитьба борца за свободу

Партийная работа отнимала у Пилсудского много времени. Но он находился в том возрасте, когда у активного человека, занимающегося любимым делом, сил хватает на все. Судя по тому, как улучшались литературные достоинства выходивших из-под его пера статей и писем, он много читал. В эти же годы в его жизнь вошла Мария Юшкевич, известная из-за своей необычайной красоты в кругу социалистов как «Прекрасная дама» (Piękna Pani) или «ППС без С».

Мария, дочь известного виленского врача Констанция Коплевского, появилась на свет в 1865 году, а в шестнадцать лет уехала в Петербург для учебы на знаменитых Бестужевских женских курсах. Спустя год она вышла замуж за петербургского поляка, преуспевающего инженера Мариана Юшкевича. Их брак вскоре распался. Для того чтобы облегчить бракоразводный процесс, супруги поменяли католическое вероисповедание на протестантское. Их дочь, Ванда, осталась с матерью.

Хорошо обеспеченная, красивая, умная молодая женщина вела в Петербурге открытый дом, поддерживала широкие связи с жившими в столице поляками, в том числе и с участниками нелегальных организаций. Неудивительно, что ее несколько раз задерживала полиция.

После переезда в Варшаву Мария сблизилась с кружком интеллигентной молодежи, сплотившейся вокруг демократического еженедельника «Глос»

(«Голос») и занимавшей патриотические позиции. Это стало причиной того, что ее в административном порядке выслали на родину, в Вильно, где она поселилась у матери.

И здесь она осталась верна себе – в ее салоне, где царила свободная, демократическая атмосфера, собирались прогрессивно настроенные виленские интеллигенты. Молодых людей привлекали в этот дом не только возможность высокоинтеллектуального общения, но и сама хозяйка. В частности, говорили, что ее благосклонности добивался Роман Дмовский, в будущем лидер национальных демократов, одной из сильнейших польских политических партий националистического толка. Как раз в это время его в административном порядке выслали из Царства Польского в Митаву (Елгаву), откуда он довольно часто приезжал в Вильно. Прямых свидетельств ухаживания Дмовского за Юшкевич нет, но в пользу этого несостоявшегося романа свидетельствует то, что, когда в 1921 году оставленная Пилсудским ради другой женщины Мария умерла, многие ведущие газеты национальных демократов посвятили ей, никогда никакого отношения к этой партии не имевшей, специальные статьи.

Однако «Прекрасная дама» отдала свое сердце Пилсудскому, который довольно часто посещал ее дом. Уже никто и никогда не узнает, почему именно «товарищ Виктор» стал ее избранником. Конечно, он выгодно отличался от Дмовского как биографией, в которой к этому времени были и сибирская ссылка, и активное участие в нелегальной деятельности, и жизнь под чужим именем, так и внешностью. Сохранилось описание облика и манеры поведения Пилсудского в те годы, сделанное, правда, по памяти, более двух десятилетий спустя, когда Пилсудский уже имел всеобщую известность: «Товарищ Виктор... был тогда тридцатилетним, очень красивым и всегда тщательно одетым мужчиной. Роста выше среднего, чуть подающаяся вперед фигура, волосы густые, темные, средней длины, подстриженные под ежик и не поддающиеся никаким усилиям расчески, лицо, обрамленное густой, по-разному, но чаще всего под тупой клин подстриженной бородкой, большие, взъерошенные усы, выступающие вперед, и всегда как бы надутые губы – вот его портрет в то время. С первой же встречи Виктор производил чрезвычайно приятное впечатление. Прежде всего поражали его глаза. Умные, живые глаза смотрели из-под густых сросшихся бровей, глубоко посаженные и изучающие мир как бы из укрытия. Говорил Виктор властным и уверенным тоном, при этом отличался употреблением чрезвычайно образных и ядерных выражений. Стиль его выступлений был правильным и часто возвышенным, в частных же беседах симпатию вызывали его постоянная сердечная улыбка, шутки с их особым, насыщенным характерными русскими выражениями языком и при этом умение

просто изложить любой вопрос. В своей сказочной политической карьере он всегда, в том числе и в то время, имел фанатичных поклонников, готовых за него на смерть, которые думали как он, шли за ним повсюду, слепо ему верили и слушали только его» [Пит. по: Garlicki A. Jozef Pilsudski...S. 60 – 61.]. Даже если сделать поправку на то, что это описание Пилсудского сделано его ярким поклонником, все равно мы имеем перед собой портрет мужчины, умеющего привлечь к себе внимание в любой компании.

Трудно сейчас назвать все причины, по которым двое взрослых людей с непростыми судьбами и неясными перспективами на будущее решили связать свои судьбы церковным обрядом, а не жить в гражданском браке. Несомненно, главными из них были взаимная любовь и готовность Марии делить все тяготы и неудобства жизни с нелегалом, вынужденным постоянно скрываться от полиции, не имеющим ни профессии, ни стабильных источников дохода. Может быть, имело значение и то, что Юзеф, воспитанный матерью в традициях уважительного отношения к женщине, считал брак естественной формой сосуществования двух любящих людей. Ведь не случайно же он в свое время серьезно собирался жениться на Леонарде Левандовской. Наконец, брак с Марией давал ему возможность обрести дом, которого он был лишен после того, как связал свою судьбу с ППС. Известно, что он был очень привязан к своей падчерице Ванде; ее преждевременная смерть в возрасте 19 лет в середине августа 1908 года стала для него глубоким потрясением.

Младший брат Юзефа Пилсудского Ян утверждает в воспоминаниях, что Мария, решаясь на брак с нелегалом, не боялась возможных тяжелых для себя последствий в случае его ареста. Дело в том, что по российским законам жена не отвечала за противоправные действия супруга, поэтому брак освобождал ее от уголовной ответственности в случае провала мужа. Ян также передает объяснение старшего брата по поводу его решения: он собрался плотно заняться партийной типографией и хочет иметь при себе женщину, которая вела бы домашнее хозяйство. Однако не исключено, что это позднее свидетельство Яна Пилсудского, как бы ставящее под сомнение наличие большой любви между Марией и Юзефом, сделано с учетом последующих пертурбаций в их личной жизни. Зато известно, что Мария сохранила верность своему выбору до последнего вздоха и не предала супруга после их ареста в 1900 году в Лодзи, хотя это и стоило ей почти годичного предварительного заключения.

Препятствием к браку Пилсудского и Юшкевич стало католическое вероисповедание жениха. Для католической церкви Мария по-прежнему оставалась замужней женщиной, поскольку ее развод был правомочен только с разрешения папы римского. Единственным выходом для любящих сердец

оставался переход Юзефа в лютеранскую веру, что он и сделал 24 мая 1899 года в Ломже. 25 июня того же года в кирхе в Папроче-Лужей Ломжинской губернии было сделано первое публичное объявление о предстоящем браке Юзефа Пилсудского и Марии Юшкевич, а 15 июля 1899 года он был заключен в присутствии свидетелей, которыми были Адам и Ян Пилсудские, младшие братья жениха. И этот факт не может не вызвать удивления, учитывая широко распространенное мнение о полицейском характере Российского государства, где якобы царила тотальная слежка.

После свадьбы молодожены остались жить в Вильно по поддельным документам, скорее всего под фамилией Домбровские. В поддельном свидетельстве о браке Мария Юшкевич значилась Марией Карчевской, а Пилсудский – Юзефом Владиславом Домбровским.

Итак, казалось, что 1890-е годы кончались для Пилсудского вполне удачно. У него получалось практически все, за что брался. Он успешно занимался партийной работой, доставлявшей ему подлинное удовлетворение, прежде всего своим живым характером, вращался в кругу людей, руководствовавшихся в жизни не меркантильными соображениями, а высокими идеалами. Рядом с ним наконец-то была любимая женщина, пытавшаяся в меру сил создать ему домашний уют. Но это хрупкое благополучие висело на волоске, что подтвердили события самого ближайшего времени.

Провал нелегала

В июне 1899 года был напечатан последний виленский номер «Роботника». Было решено переместить типографию на территорию Царства Польского, в его крупнейший промышленный центр – Лодзь. Пилсудский объяснял это решение причинами «общего и личного характера», в том числе тем, что относительная пассивность виленской полиции приучила подпольщиков пренебрегать правилами конспирации. Пока Пилсудский был холостым, скрываться было проще, а вот жизнь семьей, с женщиной яркой и широко в городе известной, грозила провалом. К тому же арестованный в это время один из членов организации стал давать показания против всех знакомых ему людей, и полиция по цепочке могла выйти и на редактора «Роботника».

В центральной части Лодзи, на Восточной (Восходней) улице, 19 четой Пилсудских была снята четырехкомнатная квартира на имя Домбровских. Вопреки общепринятой у конспираторов практике устраивать типографию на первом этаже, чтобы соседи не слышали снизу шума работающего печатного станка, на этот раз выбрали квартиру на втором этаже – на первом располагался склад хлопка и чулок. Исследователи связывают прием Пилсудскими на работу

приходящей домработницы с желанием создать у соседей впечатление, что рядом с ними поселилась зажиточная семья коммерсанта. Но причина могла быть и более прозаической. Вся предшествующая жизнь Марии прошла в достатке, и вряд ли она, ведя открытый дом, утруждала себя готовкой, глажкой и уборкой. Она была достаточно обеспеченной женщиной, и у нее не было никакого желания в 35 лет менять привычки.

На новом месте удалось беспрепятственно напечатать еще три номера газеты. За многие годы ее издания и распространения был накоплен большой опыт; даже замена Войцеховского новым наборщиком К. Рожновским (он бросил учебу в Московском университете, эмигрировал в Англию и овладел там этой элитной типографской профессией) и смена адреса типографии не создали каких-то дополнительных трудностей. По-прежнему о месте расположения печатного станка знали немногие.

И все же лодзинский этап в истории «Роботника» оказался непродолжительным. Рубеж веков ознаменовался в Царстве Польском заметной интенсификацией деятельности жандармов, обеспокоенных активизацией различных течений в социалистическом движении. В конце декабря 1900 года был, в частности, арестован активный деятель ППС Максимилиан Горвиц-Валецкий, началась слежка за Феликсом Саксом, врачом по профессии, связавшим свою судьбу с ППС в 1898 году. Дурные предчувствия возможного провала посещали и Пилсудского, и на сей раз они оказались не напрасными.

В ночь с 21 на 22 февраля 1900 года чета Пилсудских была арестована. Причиной провала, несомненно, было нарушение правил конспирации. Полиция вела слежку за членом ЦРК Малиновским, к этому времени перешедшим на нелегальное положение. 19 февраля он приехал в Лодзь по партийным делам. Здесь на улице его, видимо, случайно, опознал полицейский агент. Началась слежка за каждым его шагом. Малиновский, не подозревая об этом, купил бумаги и отправился на квартиру Пилсудских. Поскольку он был нездоров, то остался в гостях до полуночи 21 февраля, когда отправился на вокзал, чтобы ехать в Домбровский бассейн. У вокзальной кассы его и арестовали.

Жандармы решили выяснить, к кому он заходил в доме на Восточной улице, и глубокой ночью ворвались в квартиру «Домбровских» через черный вход. Каково же было их удивление, когда в одной из комнат они обнаружили типографский станок с первой страницей очередного, 36-го номера «Роботника». Пилсудский успел предупредить Марию, чтобы она не сразу называла их настоящую фамилию. После окончания затянувшегося до полдня обыска арестованные были препровождены в городскую тюрьму, условия

содержания в которой были отвратительными: маленькая камера без всякой мебели, плохое питание, запрет на курение.

После почти двух месяцев, проведенных в лодзинской тюрьме, 17 апреля 1900 года Пилсудский оказался в камере № 39 X павильона Варшавской крепости (Цитадели). Это была самая надежная в Царстве Польском тюрьма для политических заключенных. Условия содержания здесь существенно отличались от лодзинских в лучшую сторону. Узник получал еду с офицерской кухни и мог курить, да и допросы полковника Ковалевского больше напоминали беседы. Во время следствия Пилсудский обвинялся не только в принадлежности к нелегальной политической организации, печатании «Роботника» и распространении запрещенной литературы подрывного содержания – делались попытки приписать ему участие в убийстве двух провокаторов, внедренных охранкой в ряды ППС. Конечно, «товарищ Виктор» непосредственного участия в устранении провокаторов не принимал, но как член ЦРК давал соответствующие указания. В зависимости от окончательного обвинительного заключения ему могло грозить от десяти лет ссылки до смертной казни.

Обнадеживало только то, что жандармы не очень хорошо представляли себе роль Пилсудского в партии и не идентифицировали применявшийся им псевдоним «Виктор» с ним самим. Поэтому арестант не возражал против таких очевидных, известных властям фактов, как печатание газеты и распространение нелегальных изданий, но упорно настаивал на том, что с 1895 года проживал за границей и вернулся в Россию только в 1899-м. Он был всего лишь ответственным за издание «Роботника», с руководителями партии Виктором и Казимежем (псевдоним Малиновского) имел непродолжительные встречи в Варшаве и других местах при передаче отпечатанного тиража газеты. Но как долго можно было водить жандармов за нос? Точного ответа на этот вопрос он не знал.

Единственным спасением для Пилсудского мог стать побег или же освобождение силой, но пока он сидел в X павильоне, об этом нечего было даже думать. Оставалось или смириться с печальной судьбой, или же попытаться организовать перевод заключенного в другое место содержания, которое охранялось бы не так строго. Именно к этому выводу и пришли Сулькевич и Гертруда Пашковская, занимавшаяся в ППС распространением нелегальной литературы и связью, близкая подруга Марии Пилсудской, с которой она в свое время училась на Бестужевских курсах в Петербурге и жила на одной съемной квартире. Было решено, что Пилсудский будет симулировать душевную болезнь, для лечения которой его должны были перевести в психиатрическую клинику в местечке Творки под Варшавой.

Оставалось проинструктировать Пилсудского о намеченном плане и симптомах, которые он должен был демонстрировать тюремным врачам. Контакт с арестованным удалось установить без особого труда через Алексея Седельникова, помощника начальника тюрьмы в Цитадели и ее интенданта. Он был женат на польке и с большой симпатией относился к польским революционерам. Пашковская давно уже пользовалась его услугами для помощи политическим заключенным. Необходимые сведения о симптомах заболевания были получены от известного варшавского психиатра, либерала и масона Рафала Радзивилловича. Было решено, что Пилсудский должен симулировать неизлечимое в условиях тюрьмы психическое заболевание, проявлявшееся в том, что он не выносит вида жандармского мундира и ничего не принимает из рук жандарма, в том числе и пищу. В результате Пилсудский начал голодовку, резко ухудшившую состояние его здоровья. Получивший свидание с узником младший брат вспоминал, что тот выглядел ужасно: нестриженные и нечесанные волосы, полужакрытые, глядящие в пол глаза, худое, осунувшееся, землистого цвета лицо.

Однако тюремное начальство, видимо, не очень верило в болезнь арестанта, тем более что он не мог до бесконечности отказываться от пищи, чтобы не умереть от истощения. Время шло, а Пилсудский по-прежнему оставался в X павильоне. Позже он признавался, что, симулируя сумасшествие, действительно начинал сходить с ума. Не видя иного выхода, его друзья пошли на риск. Пашковская обратилась к директору варшавской психиатрической больницы Ивану Сабашникову, буряту по национальности, с просьбой осмотреть Пилсудского прямо в камере. Согласившись, тот без труда понял, что имеет дело с симуляцией. Тем не менее после часовой беседы с арестованным о Сибири, которой Пилсудский был очарован и вспоминал ее до конца своих дней, Сабашников подтвердил как заболевание, так и невозможность его излечения в тюремных условиях. Что заставило этого опытного врача поставить ложный диагноз, узнать уже никогда не удастся. К тому же другой авторитет, известный кардиолог и пульмонолог Игнаций Барановский, также осматривавший арестанта, написал в медицинском заключении, что дальнейшее содержание в крепости грозит ему туберкулезом.

Однако решение властей оказалось не таким, на которое рассчитывали авторы плана побега. Пилсудского было решено перевести в петербургскую психиатрическую больницу Николая Чудотворца, и 15 декабря 1900 года он покинул Варшаву.

После 11 месяцев тюрьмы под денежный залог в 500 рублей была освобождена Мария Пилсудская. Как уже говорилось, закон не предусматривал наказания жены за преступления мужа, а Мария настаивала, что любовь не позволяла ей

сообщить властям о его противоправной деятельности. Но ей запретили оставаться в Царстве Польском и отправили под надзор полиции в Вильно.

В петербургской больнице Виктора поместили в общей палате с настоящими сумасшедшими, которых он очень боялся. Директор больницы, поляк Отгон Чечот, как и его варшавский коллега, распознал симуляцию, но не сообщил об этом полиции. Это избавило Пилсудского от необходимости и дальше притворяться больным, что было для него крайне важно, ибо он находился на грани нервного срыва и физического истощения.

А в это время Сулькевич по-прежнему обдумывал план побега своего друга. Задачу облегчало то, что Пилсудского содержали в обычной палате, никаких стражников к нему не приставляли. В конечном счете было решено внедрить в больницу надежного социалиста, который должен был на месте найти наилучшее решение.

Таким человеком стал член петербургской организации ППС Владислав Мазуркевич, как раз в это время закончивший Военно-медицинскую академию и намеревавшийся устроиться врачом в Лодзи. Приехавшему в марте в Петербург Сулькевичу удалось уговорить молодого эскулапа посодействовать побегу Пилсудского. Чечот легко согласился принять Мазуркевича на работу в свой госпиталь, хотя тот и специализировался в области кожно-венерических болезней. Какую-то роль сыграло и то, что отец молодого медика был человеком с широкими связями, за него хлопотал даже столичный градоначальник генерал Клейгельс.

Прошло больше месяца после трудоустройства польского венеролога в больницу для умалишенных, прежде чем появилась реальная возможность осуществить задуманный побег. Мазуркевичу доверили самостоятельное дежурство в ночь с 14 на 15 мая по новому стилю (с 1 на 2 мая по ст. ст.), когда в России отмечали государственный народный праздник, установленный властями для того, чтобы отвлечь людей от празднования Дня международной солидарности трудящихся.

Побег прошел удачно, хотя и не совсем в соответствии с первоначальным планом. Вначале все шло хорошо. Заступив на дежурство, Мазуркевич посетил Пилсудского в его палате, а затем приказал санитару привести к нему «больного» для осмотра. Поскольку тот буйным не числился, врач на время осмотра санитару из кабинета отпустил. Пилсудский переоделся в гражданское платье и двинулся вслед за Мазуркевичем к гла И в этот момент Мазуркевич заметил, что у входа дежурит незнакомый ему привратник. Поэтому он вывел Пилсудского на улицу через неохраняемый служебный выход, и они, меняя

пролетки, добрались до конспиративной квартиры на 10-й линии Васильевского острова. Здесь они встретились с Сулькевичем и его коллегой, которые решили уже, что план освобождения провалился. Не дожидаясь, пока жандармы хватятся беглеца, Сулькевич и Пилсудский, оба в фуражках таможенников, немедленно выехали в Ревель (ныне Таллин). Оттуда их путь лежал на Полесье, в имение Левандовских Чистолужа, где к ним присоединилась Мария Пилсудская, тайно покинувшая Вильно. В этой глуши, вдали от населенных пунктов, супруги провели около месяца.

Пилсудский и организаторы побега понимали, что оставаться ему в России в данный момент нельзя, надо уезжать за рубеж. Но прежде чем это сделать, «товарищ Виктор» посетил Киев, где в это время как раз печатался 39-й номер «Роботника», а оттуда выехал в Замостье (Замосць), чтобы нелегально перейти границу с Австро-Венгрией. 20 июня 1901 года чета Пилсудских была уже во Львове. У Юзефа наконец-то появилась возможность отдохнуть и восстановить силы в спокойной обстановке, не опасаясь полиции, провала, тюремного заключения, каторги или ссылки в отдаленные районы Российской империи. К тому же у него вновь, как уже было во время сибирской ссылки, возникло подозрение, что в тюрьме он заразился туберкулезом, даже сейчас одной из страшных, трудно излечимых болезней. К счастью, его страхи оказались безосновательными.

Старый знакомый Пилсудского по Лондону Игнаций Мосьцицкий, делавший в это время научную карьеру в университете во Фрибурге в Швейцарии, приглашал приехать в эту альпийскую республику, где политэмигранты из России чувствовали себя в не меньшей безопасности, чем в Англии. Но Швейцария была не по карману семье, глава которой не имел ни профессии, ни постоянных доходов. Местом отдыха был избран уже достаточно популярный в это время городок Закопане, расположенный высоко в польских Татрах. Здесь чета Пилсудских провела два месяца. По признанию Пилсудского, он в это время в основном предавался лени, ему не хотелось ни читать, ни писать и даже вести долгие беседы. Такое полное расслабление помогло ему быстро восстановиться после почти 15-месячного заключения в варшавской Цитадели и петербургской психиатрической клинике.

Новый курс

Аресты в начале 1900 года стали серьезным испытанием для ППС. Наборщик Рожновский, предупрежденный Марией Пилсудской через домработницу о провале типографии, немедленно выехал в Вильно, чтобы сообщить неприятную новость Сулькевичу. Многоопытный Сулькевич, поняв, что после ареста Пилсудского и Малиновского ППС оказалась обезглавленной, решил

безотлагательно воссоздать ЦРК. В его состав он включил Рожновского, а также хорошо себя зарекомендовавших Феликса Сакса из Варшавы и Генрика Сарчевича из Белостока. Казалось, что негативные последствия ареста Малиновского и Пилсудского удалось минимизировать. Но уже ближайшие дни принесли новые неприятности. В конце февраля были арестованы Рожновский и Сахс. Затем полиция разгромила организацию ППС в Домбровском бассейне.

Вдобавок ко всему партию постиг раскол. Ее ряды покинула группа активистов во главе с Кульчицким, создавшая Польскую социалистическую партию «Пролетариат» («Третий пролетариат»). В ППС было известно, что Кульчицкий при аресте в 1895 году дал признательные показания. После его побега из ссылки в 1899 году ЦРК решил, что он не должен оставаться на нелегальной работе в России, и ввел его в состав Заграничного комитета ППС. Кульчицкий выехал в Австро-Венгрию и поселился во Львове, в то время преимущественно польском городе.

Узнав о лодзинском провале, он, далеко не во всем соглашавшийся с Пилсудским, решил вернуть польское социалистическое движение к его истокам. Кульчицкого не устраивало, в частности, чрезмерное увлечение руководства партии пропагандой в ущерб активной организационной и воспитательной работе в рабочей среде. Главным в деятельности социалистов он считал установление в России конституционного строя и ради этого настаивал на тесном взаимодействии с русскими революционерами. По его мнению, важным средством дестабилизации царизма и пробуждения масс должен был стать индивидуальный террор в отношении представителей власти.

И все же, несмотря на все обрушившиеся в начале 1900 года на ППС удары, партия устояла на ногах. На свободе остались ее такие опытные и энергичные деятели, как Сулькевич и Войцеховский, прекрасно понимавшие, что для вывода партии из кризиса нужно безотлагательно возобновить печатание «Роботника» и пополнить состав ЦРК новыми членами, тем более что, согласно решениям III съезда ППС, это можно было сделать путем кооптации. Все вопросы, связанные с изданием центрального органа, были поручены Войцеховскому курсировавшему в 1900 году между Англией и Царством Польским. Уже 20 апреля 1900 года тираж очередного, 36-го номера газеты, напечатанный в Лондоне, был передан Сулькевичу. В августе через границу был переправлен новый печатный станок для издания «Роботника» в России. Местом расположения типографии выбрали Киев.

В начале сентября 1900 года в небольшом городе Скерневице, где располагалась одна из польских резиденций Николая II, прошел V съезд ППС.

В ЦРК вошли Сулькевич, Войцеховский и Сакс. Избранный состав был не самым удачным. Войцеховский по семейным обстоятельствам должен был возвращаться в Англию. Его в ЦРК заменил Болеслав Чарковский. Сакс, которого в мае 1900 года отпустили из тюрьмы под залог до завершения следствия, не стал дожидаться этого момента и выехал в Австро-Венгрию. В связи с этим основная тяжесть работы по руководству партией легла на плечи Чарковского, человека с хорошими организаторскими способностями и весьма активного.

27-летний Чарковский, несмотря на молодость, считался в партии опытным революционером. В 1890-е годы за революционную деятельность он несколько лет провел в тюрьме и сибирской ссылке, пожил в эмиграции в Лондоне. Но там ему не понравилось, он рвался на практическую революционную работу. Поэтому Чарковский вернулся в Россию и вновь занялся подпольной деятельностью, сначала в Домбровском бассейне, а затем в варшавской организации ППС в качестве ее руководителя. В 1901 году его ближайшим помощником в партийной работе стал Валерий Славек, действовавший до этого в лодзинской организации ППС, впоследствии один из ближайших соратников Пилсудского. В целом можно было считать, что проект ППС, так как он был сформулирован в 1890-е годы, доказал свою жизнеспособность, а ее актив продемонстрировал умение быстро возрождать партию в самых, казалось бы, неблагоприятных условиях.

Обо всем этом Пилсудский узнал во всех подробностях вначале от Сулькевича, потом от других товарищей по партии, с которыми он встречался в Киеве и Галиции, наконец, из документов и переписки ЦРК с Заграничным комитетом ППС, предоставленных ему в Лондоне, куда он приехал с семьей в ноябре 1901 года. Дело в том, что из Галиции Пилсудский поехал не в Россию, чтобы продолжить свою прежнюю деятельность, а в Англию, все еще остававшуюся основным центром средоточия социалистов-поляков, эмигрировавших из России. В числе причин такого решения некоторые исследователи на первое место ставят опасения ареста, поскольку после побега из петербургской больницы он был объявлен в общероссийский розыск [Наленч Д., Наленч Т. Указ. соч. С. 33.]. Несомненно, такие соображения нельзя сбрасывать со счетов. Но вряд ли, спустя всего полгода, когда Пилсудский в конце апреля 1902 года вернулся в Россию, чтобы продолжить начатое девятью годами ранее дело, полиция забыла о беглеце. Скорее всего, он мог позволить себе поездку в Англию, потому что считал, что партия находится в руках надежных руководителей, вполне успешно ведущих подпольную работу.

За многие годы партийной деятельности «товарищ Виктор» свыкся с прежними методами работы, считал их вполне подходящими и не требующими

замены. Именно в этом он фактически признавался позже, в пространным письме в адрес Заграничного комитета ППС от 14 сентября 1903 года, осуждая традиционную тактику партии: «Мы ходили по старым тропкам, придерживались, как и прежде, проторенной дороги, с настойчивостью факира повторяли: независимость, конспирация, нелегальные издания, независимость, конспирация и так без конца». Он фактически игнорировал тревожные сигналы, доходившие до Лондона из России, в частности от Чарковского (партийная кличка Леон), жаловавшегося на то, что действовавшие в рабочей среде члены партии привыкли поступать шаблонно, по старинке, и считавшего, что виновата в этом рутина, устаревшие принципы организации ППС. Пилсудский заметил, что Леон, как и многие другие, был слишком высокого мнения об эффективности ППС и вдруг убедился, что и «на Солнце есть пятна, и что у нас нет хорошей организации».

Но это вовсе не значит, что Пилсудский не задумывался о будущем партии, особенно в условиях, когда в Российской империи наблюдались устойчивые тенденции к оживлению политической и общественной жизни. Как известно, рубеж веков стал не только в России, но и во всем мире временем переоценки многих, еще недавно казавшихся незыблемыми, навыков, взглядов, доктрин и идеологий. Европа вот уже три десятилетия жила в состоянии стабильности, которую с полным основанием можно назвать своеобразным застоем. Видимо, это противоречит человеческой природе, ей претит погружение в летаргический сон. Первыми это показали творцы культуры, с азартом обратившиеся к поиску новых средств и форм выражения в живописи, литературе, архитектуре и т. д. В обществе появилось чувство подсознательной, по сути, иррациональной неудовлетворенности окружающей действительностью, а вслед за этим и желание изменить ее. Авторитет власти неуклонно снижался, зато все больше внимания привлекали к себе ее критики. Симптомом этого ментального перелома можно считать и возникновение в Великороссии и на национальных окраинах империи различных неформальных групп, предтеч современных политических партий различных толков.

Не осталась вне этого процесса и разделенная Польша, в том числе и ее русская часть, где любые политические партии были запрещены. В рабочей среде помимо ППС, не прерывавшей деятельности с момента своего создания, действовали возрожденная на рубеже веков социал-демократия и Общееврейский рабочий союз «Бунд». Интерес к рабочим проявляли национальные демократы (эндэки), активно разрабатывавшие и пропагандировавшие идеи так называемого «современного» национализма. Первые шаги делали христианские демократы, в соответствии с социальной доктриной Ватикана выступавшие в защиту ряда справедливых требований

рабочих. Все партии социалистического толка в своей деятельности звали к одной и той же цели – построению справедливого общества. Они использовали схожие формы работы, прежде всего агитацию и пропаганду, организовывали различные акции политического и экономического характера, но при этом выступали как организации, жестко конкурирующие между собой за влияние на рабочих. Можно говорить, что теперь каждой из рабочих партий нужно было вести борьбу, во-первых, с царизмом, во-вторых, с другими социалистическими партиями, в-третьих, с националистами (эндеками).

Ситуация, с которой столкнулась ППС в начале XX столетия, требовала от ее вождей, в том числе и Пилсудского, поиска новых способов привлечения в свои ряды потенциальных членов из числа рабочих и интеллигентов. Сделать это, находясь в комфортных условиях эмиграции, было очень трудно и даже невозможно. Поэтому возвращение «товарища Виктора» в Россию рано или поздно должно было случиться. В начале 1902 года он об этом еще не думал. Но когда Войцеховский, не хуже Пилсудского знавший соратников и условия работы в России, по объективным причинам отказался от выезда в Царство Польское, а русская полиция арестовала нескольких активных деятелей партии, у Юзефа не осталось выбора. К тому же 15 апреля 1902 года в возрасте 69 лет скончался его отец. В последние годы жизни он работал директором ликероводочного завода в Петербурге, где и был похоронен на католическом кладбище на Выборгской стороне. Пилсудский даже ездил в Вильно для встречи с членами семьи, чтобы принять участие в решении возникших в связи с этим печальным событием имущественных проблем. Это еще одно свидетельство того, что он боялся ареста не больше, чем всегда.

Возвращаясь в Россию, Пилсудский не мог не отдавать себе отчета в том, что за два года, пока он не принимал непосредственного участия в руководстве ППС, партия изменилась. На место арестованных, осужденных, сосланных в отдаленные уголки России, эмигрировавших активистов, которых он хорошо знал по совместной работе, пришли новые люди. Конечно, «товарищ Виктор» был для них легендой, авторитетом, но из прошлой, а не сегодняшней жизни. Иное дело Заграничная организация ППС с ее устоявшейся иерархией, старыми испытанными кадрами, среди которых Пилсудский был своим человеком. Как уже говорилось выше, при преобразовании Заграничного союза польских социалистов в Заграничную организацию ППС в 1899 году вопрос о ее роли в объединенной партии не ставился. Но рано или поздно он должен был возникнуть. И сделал это Пилсудский, причем предложил решение, ущемлявшее роль партии в пользу Заграничного комитета.

На VI съезде ППС, проходившем в Люблине в июне 1902 года, Пилсудский предложил разделить всю территорию Царства Польского на четыре округа, к

которым бы прибавились Литва (понимаемая в историческом смысле, с включением Белоруссии) и Украина как пятый округ. Руководители окружных организаций, редактор «Роботника» и представители Заграничного комитета составляли бы ЦРК, собирающийся на свои заседания дважды в год. Все основные направления деятельности партии («конспирация, финансы, интеллигенция, отношения с другими государствами и народами») оказывались в ведении Заграничного комитета, становившегося фактическим руководящим центром ППС. Именно в его руках были бы сосредоточены контакты с партийными руководителями всех уровней. Повышению эффективности руководства партии Заграничным комитетом должен был также служить его переезд из Лондона в Галицию. В случае принятия проекта Пилсудского съезд партии как высший руководящий орган во многом терял бы свою роль, а тем самым уменьшалось бы влияние первичных организаций на высшее партийное руководство. Примечательно, что Пилсудский не собирался занимать ни один из постов в новой структуре партии, в том числе и редактора ее центрального органа. Он входил бы в состав ЦРК от Заграничного комитета. Это, в частности, позволяло бы ему оставить семью за рубежом и самому проводить больше времени вне границ России.

Предложение Пилсудского натолкнулось на несогласие ряда участников съезда, в частности Сакса, Адама Буйно и Феликса Перля, ставшего после Пилсудского и Войцеховского редактором «Роботника». В итоге было принято компромиссное решение об избрании расширенного состава ЦРК и формировании его Исполнительной комиссии в составе Пилсудского, Чарковского и Буйно как постоянно действующего органа с местом постоянной дислокации в России. Спор о том, кто важнее – организация в империи или Заграничная организация, был решен съездом, по крайней мере, формально, в пользу первого подхода.

Среди исследователей истории ППС и биографов Пилсудского нет единства в оценке роли VI съезда партии в ее истории. Предметом разногласий является главным образом вопрос, были ли возникшие в его ходе расхождения спором о компетенциях и игрой амбиций, или же первой ласточкой ожидающего вскоре партию ожесточенного столкновения «старых» и «молодых» – конфликта, который завершится ее расколом. Для нас важнее другое. Съезд показал, что Пилсудский в тот момент уже не обладал непререкаемым авторитетом в руководящих кругах партии, у него появились достаточно сильные оппоненты, иначе видящие ее будущее развитие. И это не могло ему понравиться. Он смотрел на ППС как на своего любимого ребенка и считал, что только он знает, что ей нужно для успеха, не заметив, что дитя выросло и начинает тяготиться излишней опекой. Не случайно Пилсудский снисходительно отзывался об

упоминавшемся выше меморандуме Чарковского о состоянии дел в ППС как о «разрушительной критике всего того, что было и есть и одновременно открытии давно уже открытых Америк», стремлении продемонстрировать ничем не подкрепленное умение самостоятельно мыслить [Pobog-Malinowski W. Jozef Pilsudski 1867 – 1914... S. 206.].

Но нельзя не отметить, что в ходе спора о полномочиях Пилсудский впервые так зримо продемонстрировал очень важное для руководителя качество – готовность идти на компромисс, если это служит намеченной цели. Создание Исполнительной комиссии и было таким компромиссом, с одной стороны, благоприятным для «товарища Виктора», поскольку «старые» были в ней в большинстве, а с другой, заключенным в ущерб его личным интересам [В это время Пилсудский настаивал на присылке в Лондон регулярной информации о деятельности ППС в империи, в том числе и потому, что она будет важна будущему историку. В начале 1909 года по его инициативе была создана специальная историческая комиссия, которая собрала свидетельства всех участников нападения на почтовый поезд на станции Безданы и передала их на хранение в архив ППС.]. Условие, что члены Исполнительной комиссии обязательно должны находиться в России, не позволяло ему уехать в эмиграцию без потери своей руководящей функции.

Компромисс подтвердил и снижение в партии авторитета «старой гвардии», включая и Пилсудского, конец их монополии на руководство. Вряд ли «товарищ Виктор» не понял скрытого смысла этого компромисса и не подумал о том, как нейтрализовать наметившуюся неблагоприятную тенденцию, не нарушив при этом единства рядов ППС. Не случайно, что именно в эти предреволюционные годы он вновь много пишет, причем не только по вопросам текущей политики, о целях и задачах партии, но и о ее прошлом.

Благодаря этому в руках исследователей оказались очень важные свидетельства о событиях, которые невозможно восстановить с помощью каких-то других источников [В 1903 году в состав Исполнительной комиссии вместо Буйно был введен Чарковский, и в ней не осталось оппонентов Пилсудского.], в том числе и в силу их полного отсутствия. Прежде всего, это статья «Как я стал социалистом», а также работа «Революционная борьба в русской части Польши. Факты и впечатления последних десяти лет», печатавшаяся с продолжением в легальной краковской социалистической газете «Напшуд» («Вперед») во второй половине 1903 года. Полностью Пилсудский ее не написал, а опубликованные в «Напшуде» части составили брошюру под общим названием «Неподцензурная печать» (по-польски «Бибула»), многократно переиздававшуюся и в последующие годы, в том числе и на иностранных языках под оригинальным названием. Кстати, именно за этот

цикл статей в легальной газете Пилсудский получил в 35-летнем возрасте первый в жизни авторский гонорар.

Столь пристальное внимание к недавнему прошлому партии вряд ли можно объяснить только стремлением Пилсудского показать молодежи, в каких невероятно тяжелых условиях рождалась ППС, или же привлечь к ней внимание рабочих и интеллигентов, желающих связать свою жизнь с социалистическим движением. Несомненно, правы те, кто считает, что публицистика Пилсудского была также достаточно веским аргументом в его неявном споре со скрытыми оппонентами в пользу подтверждения само собой разумеющегося права когорты партийных активистов 1890-х годов на руководство своим детищем.

Пилсудский по-прежнему много внимания уделял разъяснению программных целей и задач Польской социалистической партии. Для всякой политической организации, особенно нелегальной, постоянное возвращение к этому вопросу является просто необходимым. Во взрослую жизнь входят новые поколения потенциальных сторонников партии, и они должны знать, за что она борется, какие цели перед собой ставит и как намеревается их достичь. Умение рассказать об этом просто и понятно – не столь уж часто встречающийся у политиков дар. У Пилсудского он, несомненно, был. Вряд ли есть смысл упрекать его в недостаточном интересе к марксистской теории. «Товарищ Виктор» был практиком революционной борьбы, конспиративной работы, организации людей на конкретные действия, без этого он терял интерес к жизни и впадал в ничегонеделание. Именно так он вел себя в Галиции и Англии после побега из петербургской больницы в 1901 году и так же будет вести себя позже, когда по каким-то причинам ему придется отходить от практической деятельности.

В своей публицистике в это время Пилсудский особенно часто задавался вопросами о 1) ближайшей цели ППС, 2) ведущих к ней путях и 3) возможных союзниках. И каждый раз давал на них одни и те же ответы: 1) завоевание независимости для Царства Польского, 2) восстание, главную роль в котором будет играть руководимый ППС пролетариат, 3) все поляки, готовые бороться за независимость, а также национально-освободительные движения угнетенных народов империи Романовых [Эти свои взгляды Пилсудский популяризировал, в частности, на страницах журнала «Валька» («Борьба»), решение об издании которого специально для литовских и белорусских земель он провел на VI съезде ППС. С октября 1902-го по ноябрь 1903 года им чуть ли не единолично были подготовлены и напечатаны в Кракове и Лондоне три номера этого издания. Затем, из-за занятости Пилсудского другими делами, издание было приостановлено и возобновлено уже только в 1906 году другим редактором.]

Пилсудский по-прежнему не считал нужным делать ставку в этой борьбе на российских социалистов. У них, полагал он, были свои, отличные от польских коллег задачи – свержение самодержавия, установление конституционного строя, выяснение отношений с угнетенными народами страны с соответствующей перестройкой государства и т. д. Следует сказать, что программа-минимум ППС и ее представления о союзниках в свое время критиковались Лениным и Социал-демократией Королевства Польского и Литвы (СДКПиЛ) как вредные для рабочего движения Российской империи, разрушающие сплоченность его рядов. Эта критика положила начало историографической традиции, полностью не преодоленной вплоть до настоящего времени.

Но если посмотреть на динамику взглядов самого Ленина на ключевые вопросы революции, невольно обращаешь внимание на то, что в конечном счете он пришел к ряду сходных с ППС выводов и тактических решений. Это выразилось, в частности, в признании им необходимости для России буржуазно-демократического этапа развития и возможности социалистической революции в одной отдельно взятой стране, что было равнозначно отказу от догмы обязательного взаимодействия пролетариев всех стран в свержении буржуазного строя и уничтожения государственных границ. В 1940-е годы правильность линии ППС на завоевание независимости как первоочередной задачи будет признана Владиславом Гомулкой – генеральным секретарем Польской рабочей партии, прямой наследницы польских социал-демократов.

Поэтому, как бы критически ни относиться к теоретическим представлениям Пилсудского (незрелые, нечеткие, поверхностные и т. д.), у исследователей нет никаких оснований считать, что до определенного времени он не был марксистом. Просто для него марксизм был инспирирующим началом, а не догмой. Поэтому и к партии Пилсудский относился не как к высшей ценности, вещи в себе, а как к инструменту, помогающему решать ряд последовательно встающих перед рабочим движением задач – достижения сначала национальной независимости и лишь потом социальной справедливости. Что же касается его оппонентов в социалистическом движении, то они в буквальном смысле слова перескакивали в своих представлениях через один необходимый этап в развитии наций в новое и новейшее время – этап национальной государственности. Необходимость этого этапа подтвердил со всей очевидностью опыт Великобритании, Советского Союза, Чехословакии, Югославии и других европейских государств.

Будучи прагматиком, а не догматиком, имея четкую, выбранную сознательно цель – независимость для своего народа (конкретнее, для поляков Российской империи – о чем обычно его биографы предпочитают не говорить), Пилсудский

ради нее был готов на самые неожиданные даже для своих соратников шаги. Он был классическим примером политика с нестандартным мышлением, умеющего быстро осмысливать складывающуюся ситуацию и принимать не всегда оптимальные, но, как правило, оправданные решения. Как он признавался в 1931 году, всю жизнь ему претили любые доктрины. Доктрины дают спокойствие, с которым люди не любят расставаться. В жизни все постоянно меняется, развивается, доктрины же стоят на месте.

Поэтому компромисс, на который «товарищ Виктор» пошел на VI съезде ППС, он не считал провалом своих представлений о партии как инструменте, помогающем двигаться к цели, а не формальной группе, в которой все решения обязательно должны приниматься только коллективно и в строгом соответствии с догмами марксистской теории. Существует достаточно много косвенных свидетельств того, что его кредо после съезда становится принцип «цель оправдывает средства». Сам по себе этот лозунг весьма неоднозначный, очень трудно определять ту грань, за которой место цели начинают занимать честолюбивые амбиции его приверженца.

Нет ни малейших сомнений в том, что, не сумев легально реализовать свой план перестройки партии и обеспечить себе и единомышленникам полную власть над ППС, Пилсудский решил преступить определенную норму, прежде признававшуюся им как само собой разумеющуюся. Не порывая с ППС как единственной организованной силой, участие в руководстве которой придавало ему определенный политический вес, он стремился выстроить с ней новые отношения, позволяющие действовать от имени партии без ведома ее центральных органов, ЦРК и съезда. Но конечно же он мог пойти по этому пути, лишь опираясь на преданных и пользующихся его полным доверием партийных деятелей. К 1903 году такая группа была уже налицо. Ее стержень составили Витольд Йодко-Наркевич и Болеслав Антоний Енджеевский, пришедшие в социалистическое движение еще в 1880-е годы и активно действовавшие в рядах Заграничного союза польских социалистов и Заграничной организации ППС, а также Александр Малиновский. Именно с ними он обсуждал свои самые потаенные планы, они же стали его первыми помощниками в их реализации.

Глава третья

МЫ ПОЙДЕМ ДРУГИМ ПУТЕМ

Операция «Вечер»

После Русско-турецкой войны 1877 – 1878 годов и завершения в общих чертах

колониального разграничения в Африке и Азии многим казалось, что человечество вступает в вожделенную пору вечного мира. Но это была только иллюзия, внешняя оболочка, скрывавшая подспудно происходившие сдвиги поистине вселенского масштаба. Клонилось к закату былое могущество великих держав XIX века – Франции, Великобритании, Австро-Венгрии и России, а на авансцену мировой истории выходили новые актеры, молодые, динамичные, уверенные в своем высоком предназначении: Германия, США, Япония. Время, как и прежде, незаметно, но неумолимо, вершило главное свое дело – историю.

Российская внешнеполитическая и экономическая активность, основным направлением которой на рубеже XIX и XX веков стал Дальний Восток, натолкнулась в Корее и Китае на встречную экспансию Японии, стремившейся к превращению в континентальную империю. В силу ряда объективных и субъективных причин в январе 1904 года российско-японский спор за сферы влияния перерос в военный конфликт [Подробнее о причинах, отдельных аспектах и последствиях войны см., например: Русско-японская война 1904 – 1905. Взгляд через столетие. М, 2004.].

Юзеф Пилсудский очень быстро и достаточно точно оценил те новые возможности, которые появлялись для борьбы за независимость Польши в связи с этим конфликтом. Он и его ближайшие сподвижники были убеждены, что Россия эту войну, скорее всего, не выиграет. Но Япония в одиночку не может разгромить такую громадную империю, для этого у нее не хватит сил. Однако если бы Россия одновременно получила ощутимый удар на западе [Это следует из письма В. Йодко-Наркевича на имя японского посла в Лондоне в марте 1904 года: «Россия могущественна и хитра, и, даже проиграв Японии, она попытается в ближайшем будущем взять реванш; но если она будет атакована с двух сторон, то может быть разгромлена, и только это может ее ослабить полностью и окончательно». – Цит. по: Swietek R. *Lodowa sciana. Sekrety polityki Jozefa Pilsudskiego 1904 – 1918.* Krakow, 1998. S. 129.], то это привело бы к ее реальному ослаблению. Теоретически сделать это могли вместе или по отдельности Великобритания и Германия, желающие ослабить своего конкурента. Другой возможностью было восстание в бывших провинциях Речи Посполитой, оказавшихся под властью династии Романовых. Но если на развитие событий по первому варианту ППС никак повлиять не могла, то довести антирусские настроения поляков до состояния готовности к открытым выступлениям против самодержавия при определенных условиях ей было вполне по силам.

О том, что «товарищ Мечислав» (такова была отныне партийная кличка социалиста Пилсудского) [Впервые использована в ноябре 1902 года.] мыслил

именно в этом направлении, свидетельствуют его февральские письма 1904 года, в которых он писал о необходимости активизации деятельности партии в массах и создании в ней особой дисциплинированной, активной военной группы, которую можно было использовать в разных целях.

Есть свидетельство, правда, более позднее, одного из участников нелегального собрания польских студентов-социалистов в Петербурге в конце февраля 1904 года, на котором Пилсудский изложил основные задачи ППС на ближайшую перспективу. Он исходил из того, что главным противником польской независимости всегда была и остается Россия. Военные формирования, создававшиеся поляками в моменты, когда империя оказывалась втянутой в войну или существовала такая возможность, были склонны вступать в союз «даже с дьяволом», чтобы разгромить Россию, так как только на ее развалинах может возродиться независимая Польша. Такую же позицию поляки должны занять в связи с началом Русско-японской войны: ни о каком взаимодействии с Россией не может быть и речи. ППС делает ставку на сознательное и организованное вооруженное выступление с целью завоевания независимости, нечего надеяться на какую-то автономию как промежуточный этап в движении к собственному государству. Могущество России сомнительно, в войне победит Япония, поэтому ППС должна взаимодействовать с ней и облегчить ей победу. В войну на Дальнем Востоке могут оказаться втянутыми другие европейские государства, и тогда полякам нужно будет принять участие в мировом вооруженном конфликте в качестве самостоятельной, осознающей свои цели и пути силы, а не союзника русских, пруссаков или австрийцев. Задачей ППС являются убеждение масс в необходимости вооруженного выступления, подготовка соответствующих командных кадров, создание боевых дружин и организация коллективных и индивидуальных выступлений против оккупантов.

Думается, что оценки руководителями ППС перспектив борьбы за независимость в новых условиях, порожденных вступлением России в войну с Японией, базировались, в том числе, и на анализе уроков польского восстания 1863 – 1864 годов [Об этом, в частности, свидетельствует статья программного характера «Наша тактика» в апрельском номере «Пшедсвита» за 1904 год, в которой предостерегали от повторения опыта 1863 года, когда стали искать оружие после выхода в поле.]. Они очень боялись стихийного развития событий в Царстве Польском, следствием чего стал бы новый разгром освободительного движения. Следовало исключить неблагоприятный сценарий и подчинить стихийные выступления масс жесткому контролю со стороны конечно же ППС, которая считалась вождями социалистов единственной партией, последовательно отстаивавшей интересы польского народа в России.

Пилсудского весьма занимал вопрос о денежных средствах (в переписке этого времени не раз употреблялся термин «монета»). Имевшиеся на тот момент в распоряжении ППС источники денежных средств были весьма ограниченными. Денег, собираемых среди сторонников и получаемых от российских и еврейских антиправительственных организаций за переброску в Россию нелегальной литературы, едва хватало на содержание относительно небольшого числа профессиональных революционеров-нелегалов и издательскую деятельность. Подготовка же восстания требовала резкого увеличения числа задействованных людей и много оружия. В начале 1904 года «арсенал» партии состоял из небольшого количества пистолетов и револьверов, предназначенных для самозащиты ее руководителей. Поэтому изыскание новых источников финансирования деятельности ППС, на порядок превосходящих прежние, приобретало статус первоочередной задачи.

Начавшаяся война давала подсказку, где можно было найти деньги. Взятый Пилсудским на вооружение принцип «цель оправдывает средства» автоматически приводил его к очевидному умозаключению: «враг моего врага – мой друг». Следовательно, таким другом должна была стать далекая Страна восходящего солнца [Надо сказать, что японский Генеральный штаб приступил к осуществлению плана использования в будущем военном конфликте с Россией деструктивного потенциала революционных и сепаратистских движений уже в 1902 году. Его практическое воплощение было поручено полковнику Мотохиро Акаси, военному атташе Японии первоначально в Париже, а с августа 1902 года в Петербурге. После начала войны он стал военным атташе во вновь открытом посольстве Японии в Стокгольме, но своей деятельностью охватывал практически всю Западную Европу. Раньше всего он наладил сотрудничество с руководителями финских оппозиционных партий, находившимися в эмиграции в Швеции, прежде всего с Конни Зиллиакусом, руководителем Финской партии активного сопротивления.]. К аналогичному выводу пришли и некоторые другие польские эмигранты, в том числе и социалисты, ничего не знавшие о вынашиваемом Пилсудским плане налаживания сотрудничества ППС с Токио [Подробнее см.: Swietek R. *Lodowa sciana...* S. 117-124.].

Запланированная группой Пилсудского акция сотрудничества с японцами на антирусской основе получила наименование «Вечер» – именно под таким названием она известна в историографии. При ее оценке вполне уместен вопрос о моральной стороне такого сотрудничества. Конечно, Пилсудский и товарищи были российскими подданными, поэтому с формальной точки зрения, начиная оказывать японцам услуги разведывательного характера, они совершали государственную измену. Но если принимать во внимание, что они были

сознательными, непримиримыми противниками не только самодержавия как такового, но и борцами за освобождение поляков, оказавшихся под русским господством, то их действия представляются морально оправданными. Именно поэтому они не испытывали ни малейших сомнений относительно правильности своего решения, практически сразу же после начала Русско-японской войны приступив к поиску контактов с официальными представителями Японии в Вене, Париже и Лондоне. Другое дело, что они приняли это решение без согласования с другими членами Центрального рабочего комитета, то есть фактически за спиной партии [Пилсудский крайне скептически оценивал деловые качества своих партнеров по ЦРК Чарковского, Буйно, Сахса и др. – Ibid. S. 155 – 156.]. И впоследствии Пилсудский еще не раз будет поступать подобным же образом, демонстрируя тем самым приверженность своим представлениям о соотношении цели и средств, к ней ведущих.

Уже во второй половине февраля 1904 года польские участники акции «Вечер» определили свои предложения для будущего соглашения с японцами. В их числе были: 1) издание патриотического воззвания к солдатам-полякам в русской армии с призывом переходить на сторону противника, которое японцы распространяли бы на театре военных действий; 2) проведение акций саботажа и диверсий, включая подрыв мостов на Транссибирской магистрали; 3) предоставление японцами денег ППС как враждебной России силе; 4) создание на стороне Японии польского легиона из эмигрантов.

Совершенно очевидно, что последнее предложение носило чисто политический характер и имело дальний прицел. В случае его принятия японцами они автоматически становились страной, реанимирующей польский вопрос на международной арене. Причем это затрагивало бы интересы не только России, но также Германии и Австро-Венгрии, чего Япония не могла себе позволить. Понимал ли это Пилсудский в тот момент? Скорее всего, понимал. Ведь не случайно он в письме Малиновскому в Лондон от 19 марта 1904 года, когда японцы уже четко обозначили неприемлемость для них этого предложения, комментировал их отказ следующим образом: «Прежде всего, не злитесь. По моему мнению, главными для нас сейчас являются внутренние дела, внешняя политика может подождать, к тому же без внутренней силы мы в ней ничего не добьемся» [Цит. по: Swietek R. *Lodowa sciana...* S. 134.]. Эти слова заслуживают серьезного к ним отношения, ибо дают представление о понимании «товарищем Мечиславом» соотношения стратегической задачи и тактических действий, которые должны помочь ее решению. Из них следует, что Пилсудский не отказывался от своей внешнеполитической цели (то есть интернационализации польского вопроса), а лишь откладывал ее на потом, пока

не будут созданы внутренние предпосылки («внутренняя сила») для ее достижения.

Налаживание прямого контакта группы Пилсудского с японцами было поручено Йодко-Наркевичу. С помощью близкого полякам британского журналиста Дэвиса Дугласа [Дуглас, шотландец по происхождению, вырос на Украине в польской среде, являлся членом ППС и одновременно сотрудничал в прессе польских национальных демократов.] ему удалось получить рекомендательное письмо британского консульства в Киеве японскому посольству в Лондоне. По дороге в Великобританию Йодко встречался с сотрудником японского посольства в Париже, но никаких конкретных результатов их беседа не дала.

15 марта 1904 года состоялась первая из серии встреч Йодко-Наркевича с японскими дипломатами в Лондоне, положившая начало сотрудничеству ППС с Генеральным штабом и министерством иностранных дел Японии, длившемуся до завершения Русско-японской войны. Уже с начала переговоров стало ясным, что японцев интересуют только участие польских социалистов в совместных действиях оппозиционных сил в России, которые ослабляли бы ее изнутри, диверсии на железной дороге и получение информации разведывательного характера о переброске войск из Европейской России на театр военных действий. Как уже упоминалось выше, предложение о создании польского легиона было японцами с порога отвергнуто под тем предлогом, что оно противоречит их конституции, запрещающей службу иностранцев в национальной армии.

Следует согласиться с польским историком Рышардом Съвентеком, что Йодко-Наркевич и японский посланник в Лондоне Тадасу Хаяси 20 марта 1904 года заключили соглашение, означавшее, что японская сторона согласна на сотрудничество с ППС на определенных условиях и только в военной области. Польские социалисты брали на себя обязательство поставлять японской стороне информацию разведывательного характера. Были решены технические вопросы, касающиеся каналов связи и передачи разведывательной информации, а также получено согласие на поездку в Токио эмиссара ППС Дугласа в качестве корреспондента львовской газеты «Слово польске», издававшейся яркими противниками партии Дилерского – национальными демократами [Ibid. S.135 – 137. Фиксированная ежемесячная плата за информацию составляла 90 фунтов стерлингов. Для ППС в тот момент это были большие деньги. Именно благодаря им Пилсудский и Титус Филипович смогли летом 1904 года совершить поездку в Токио на переговоры с представителями Генштаба и МИДа Японии.]. Одновременно японцы требовали от польских социалистов единства действий с другими революционными и оппозиционными партиями и

организациями России. Это создавало серьезные трудности для ППС, изначально отрицавшей сотрудничество с российскими революционерами в борьбе с самодержавием. Нужно было искать такой алгоритм поведения, чтобы он устраивал японцев и в то же время не требовал отказа от главных программных постулатов, принятых в ППС в момент ее основания. Совершенно естественно, что Йодко-Наркевич не мог взять на себя решение возникшей проблемы без совета с Пилсудским и другими членами группы, посвященными в план операции «Вечер».

Положение облегчалось тем, что японцы не торопили своих партнеров с ответом. Это позволяло Пилсудскому более детально продумать тактику дальнейших действий. С конца марта 1904 года он активно включается в операцию «Вечер». Выслушав отчет Йодко-Наркевича о результатах переговоров с японским посланником в Лондоне, Пилсудский одобрил достигнутые в их ходе договоренности, в том числе и по вопросу о сборе и передаче японцам информации разведывательного характера. Более того, как сообщал Йодко-Наркевич в письме посланнику Хаяси от 26 марта 1904 года, Пилсудский был уверен в том, что, как только будет достигнута договоренность о финансировании японцами ППС, она незамедлительно создаст организацию, способную учесть каждого русского солдата, направляющегося в Сибирь. Заверения о готовности группы Пилсудского сотрудничать с японцами были подкреплены приложенными к письму сведениями разведывательного характера, касающимися мобилизационных мероприятий, предпринятых в России накануне и после начала войны.

Вслед за этим Пилсудским был подготовлен специальный доклад, состоявший из подробного плана организации разведывательной сети в Западной Сибири и Европейской России, а также калькуляции необходимых для его осуществления финансовых средств. Текст доклада, отредактированный и переведенный на английский язык Титусом Филиповичем, был передан японцам в конце апреля 1904 года, но с его основными положениями они были ознакомлены уже на рубеже марта и апреля.

Важно отметить, что именно в этом докладе Пилсудский и его ближайшие сотрудники впервые прибегли к мистификации как средству достижения крупных политических целей. Он был составлен от имени якобы существовавшей в ППС особой структуры – департамента военной разведки, занимавшегося сбором информации военного характера на территории Польши и Литвы. Эта структура изъясляла готовность собирать аналогичную информацию и в других районах России, но только при условии соответствующего финансирования. Понятно, что этот блеф был нужен польским участникам операции «Вечер» только с одной целью:

продемонстрировать дальневосточным партнерам свой солидный разведывательный потенциал и склонить их к финансированию ППС.

Их расчеты оказались верными. Уже 22 апреля 1904 года японцы передали через Филиповича «разведывательному бюро» ППС ряд конкретных заданий разведывательного характера, а спустя три дня сообщили о своей готовности выделить ППС на создание разведывательной сети в Западной Сибири и Европейской России громадную сумму в 10 тысяч фунтов стерлингов. Но японцы предполагали выплатить ее не сразу, а частями и только в случае регулярного получения интересующих их сведений. Это был большой успех авторов плана операции «Вечер», у которых появился реальный шанс получить деньги, существенно превосходившие все прежние годовые бюджеты партии. Но японского транша было явно недостаточно для подготовки нового крупномасштабного польского восстания, которое как раз и было программной целью ППС.

Одновременно под давлением японцев предпринимались шаги по налаживанию сотрудничества с российскими революционными партиями, в частности эсерами, РСДРП, а также с грузинскими, финскими, еврейскими, литовскими и прочими нелегальными организациями. Но делалось это крайне неохотно, постоянно подчеркивалось, что взаимодействие возможно только на условиях равноправного партнерства, а само оно ограничивалось главным образом поддержанием контактов и обсуждением возможных направлений сотрудничества. В каких-либо конкретных совместных действиях с этими партиями группа Пилсудского не участвовала ни до, ни после визита миссии ППС в Токио летом 1904 года.

В конце апреля 1904 года произошло важное событие в развитии операции «Вечер». Познакомившись с предложениями Пилсудского и его соратников, Генеральный штаб и МИД Японии пришли к заключению о необходимости проведения в Токио прямых переговоров с представителями ППС. 7 мая известие об этом было получено Пилсудским, решившим отправиться в японскую столицу лично. 21 мая в Вене состоялась первая прямая встреча «товарища Мечислава», которому ассистировал Иодко-Наркевич, с приехавшим из Лондона японским военным атташе Таро Уцуномия, в обязанности которого входило поддержание прямых контактов с представителями ППС.

Показательно, что Пилсудский, выступавший под собственной фамилией, представился членом Центрального рабочего комитета ППС, в отделе которого якобы и существовал департамент военной разведки. Это означало, что он не собирался отказываться от линии поведения, выбранной при подготовке

упоминавшегося выше плана сотрудничества с японцами. То есть Пилсудский давал понять, что развертывание ППС полномасштабной разведывательной и подрывной деятельности возможно только при условии ее полноценного финансирования японцами. Однако Уцуномия показал себя весьма опытным дипломатом и быстро поставил Пилсудского на место. Он согласился и в будущем оплачивать поставляемую разведывательную информацию на прежних условиях, то бишь за 90 фунтов стерлингов в месяц. Но при этом восточный спонсор не скрывал, что Токио сотрудничает не только с ППС, но и с другими враждебными царизму политическими и национальными партиями и организациями России. Его слова могли означать только одно: в случае несговорчивости Пилсудского и его соратников японцы найдут других партнеров.

Уцуномия также намекнул Пилсудскому, что японцы параллельно поддерживают контакты и с другими поляками, которыми могли быть только национальные демократы. Для Пилсудского не было секретом, что их лидер Роман Дмовский именно в это время завершал важный идейный поворот, придя к выводу, что решение польского вопроса возможно только в два этапа. Сначала следовало объединить все польские земли под властью династии Романовых на условиях автономии, и только затем бороться за их полную независимость. При этом из тактических соображений Дмовский предпочитал не говорить о том, как будет протекать второй этап. По его мнению, неудачное восстание в Царстве Польском (а в его победу Дмовский не верил) непременно опрокинуло бы этот сценарий, и решение польского вопроса вновь было бы отложено на десятилетия. О том, что Дмовский с 15 мая 1904 года уже находился в Токио, Уцуномия Пилсудскому не сказал; это значило, что японцы не собирались делать ставку в их игре только на его партию.

Результаты венских переговоров были оценены их польскими участниками как неудовлетворительные, но не безнадежные. Именно тогда Пилсудский окончательно понял, что решения стратегического характера могут быть приняты только в ходе его прямых переговоров в Токио и туда следует ехать как можно быстрее. На этом настаивали и японцы.

В начале июня 1904 года Пилсудскому и сопровождавшему его Филиповичу удалось собрать достаточные средства для поездки за океан. Был также подготовлен проект договора с японцами, включавший в себя обязательства сторон – шесть японских и восемь польских. Предусматривалось, что Япония будет не только финансировать деятельность ППС и поставлять ей оружие и амуницию, но и согласится на создание польского легиона, а также будет оказывать неявную поддержку (лучшее отношение к военнопленным-полякам, воздействие на контролируруемую Токио европейскую и американскую прессу в

благоприятном для польского вопроса духе), а в случае поражения России в войне или революции в ней – и открытую помощь в решении польского вопроса. Достаточно вызывающе звучали сформулированные в проекте предложения, чтобы японский партнер согласился делиться с ППС информацией о предполагаемом сроке окончания войны с Россией, о внутренней и международной ситуации в Европе, а также помогал устанавливать связи с любой силой, обществом или партией, деятельность которой направлена против России.

По крайней мере внешне документ выглядел как проект договора равных партнеров, а не суверенного государства и одной из нелегальных партий России. Вне всякого сомнения, это делалось только с одной целью – убедить японцев, что они имеют дело с серьезной силой, не только обладающей определенными разведывательными возможностями, но и считающей себя вправе выступать от имени всего польского общества. Об этом свидетельствует и то, что преамбула документа начиналась следующим образом: «Общий интерес Японии и Польши заключается в ослаблении России и уничтожении российского могущества. Несомненно, из этого следует общность интересов, и сторонам легко отыскать аргументы в их пользу».

Существенно более скромно выглядели сформулированные в проекте договора обязательства ППС. Она изъявляла готовность прислать в Японию своих людей для помощи при допросах пленных и организации польского легиона, снабжать японских агентов воззваниями на польском, украинском, литовском и еврейском языках с призывом к дезертирству из русской армии, а также распространять аналогичные пропагандистские издания среди военнослужащих в России и Маньчжурии. Более привлекательными для японцев могли стать пункты с IV по VIII: оказывать помехи возможной мобилизации; совершать диверсии; организовать духовную оппозицию русскому правлению в Польше и Литве, а в случае возникновения благоприятных политических условий и подготовить вооруженное восстание; налаживать взаимодействие между всеми оппозиционными народами России; создать «специальную агентуру, которая будет снабжать Японию информацией о составе дислокации и перемещениях русской армии» [Полный текст проекта соглашения приведен в: SwiqtekR. *Lodowa sciana...* S. 180 – 181.].

Получив рекомендательные письма от японского посланника и военного атташе в Лондоне, 4 июня эмиссары ППС сели в порту Ливерпуля на пароход «Компания» и отправились в путь через Атлантический океан. Спустя неделю, занятую сном, едой и игрой в шахматы, они прибыли в Нью-Йорк. Затем было путешествие через весь Североамериканский континент в Сан-Франциско с кратковременными остановками для осмотра таких природных

достопримечательностей, как Ниагарский водопад или Пайкс-Пик. 22 июня эмиссары ППС отплыли на пароходе «Коптик» в Японию с заходом в Гонолулу на Гавайях.

Время морского путешествия было использовано Пилсудским для более углубленной проработки и уточнения проекта соглашения с японцами. С этой целью им были подготовлены два новых документа: «Объяснения к отдельным пунктам проекта договора» и «Заключение» к проекту соглашения. В частности, в «Объяснениях» он решил не ограничиваться прежним требованием выплатить ППС за ее действия в пользу Японии 10 тысяч фунтов стерлингов, а настаивать, чтобы такая же сумма была выплачена и в начале следующего, 1905 года, и, кроме того, добиться согласия японцев на ее увеличение в последующем. Потребность в увеличении субсидии он мотивировал большими затратами на приобретение оружия за границей и его доставку в Царство Польское.

Много внимания было уделено обоснованию необходимости и допустимости с точки зрения соответствия нормам международного права создания в Японии польского легиона. Пилсудский успокаивал японских адресатов «Объяснений», что существует столетняя традиция создания за рубежом польских легионов, поэтому никто не обвинит их в том, что они пользуются какими-то новыми средствами ослабления своего противника. Весьма показательна оценка им значения создания польского легиона: большая часть поляков трактовала бы его как зародыш будущей армии, а для мирового сообщества он бы стал символом ненависти поляков к русскому господству. Выиграли бы от создания легиона и японцы, так как это привело бы к массовому дезертирству из русской армии и ее серьезной дезорганизации, а также увеличило численность японских сил на фронте.

Важным для понимания хода мыслей Пилсудского и его ожиданий от переговоров с японцами следует считать «Заключение», в котором было сформулировано отношение к возможным формам сотрудничества ППС с японским правительством. Делая выбор между краткосрочным соглашением, рассчитанным только на период войны Японии с Россией, и долгосрочным, которое позволяло бы создать длительную угрозу России, Пилсудский однозначно отдавал предпочтение второму. Р. Сьвентек в связи с этим приходит к выводу, что Пилсудский в тот момент не питал надежд на скорое решение польского вопроса, а предложение о создании польского легиона в Японии делалось им исключительно по тактическим соображениям. От поездки в Токио инициатор проекта «Вечер» ждал только получения денежной субсидии в 10 тысяч фунтов стерлингов, решение о выделении которой, как он знал, было уже принято.

С этим утверждением польского историка можно согласиться с большими оговорками. Если бы Пилсудский думал только о получении японских денег за информацию разведывательного характера, то ему вряд ли нужно было самому ехать в Токио. Это мог с таким же успехом сделать и его соратник Йодко-Наркевич. Ведь именно он первым установил контакт с японскими дипломатами в Лондоне, договорился с ними о ежемесячной выплате ППС 90 фунтов за информацию разведывательного характера, обрабатывал поступающие из России в Краков сведения и направлял готовые донесения в Лондон для передачи японцам. Наконец, он получил их обещание дать полякам на закупку оружия 10 тысяч фунтов в британской валюте, которые Пилсудский надеялся получить в Токио.

Вне всякого сомнения, будущий маршал в 1904 году понимал, что польский вопрос давно уже утратил свой международный характер, Западная Европа потеряла к нему всякий интерес. Выход же на авансцену современной истории новой державы, не втянутой в запутанные европейские отношения, не сулившие полякам каких-либо перемен к лучшему, мог переломить неблагоприятную ситуацию и вновь вернуть тему Польши в мировую политику. Как вспоминал много лет спустя соратник Пилсудского Валерий Славек, именно это намерение Пилсудский назвал на октябрьской 1904 года конференции ЦРК ППС основной целью своей поездки в Токио [Биографы Пилсудского фактически игнорируют сделанное им на конференции признание о тактических (получение технической помощи на вооружение польского движения) и стратегических (постановка польского вопроса на международной арене) целях поездки в Японию, акцентируя основное внимание на том, что его выступление вводило собравшихся в заблуждение и служило дальнейшему сокрытию от руководства партии всей правды о японском контакте. Нет сомнения в том, что, когда Пилсудский говорил о «незначительных результатах переговоров с японцами», он имел в виду провал стратегической цели.]

Шанс на успех был невелик, но он все же был, и его нельзя было упустить. Поэтому Пилсудский и отправился в Токио лично, оставив семью без копейки денег и партию в тот момент, когда в Царстве Польском в любой момент могли начаться серьезные события, которых он ожидал с момента создания ППС. Конечно, деньги были нужны, но ведь найдет же он уже в 1905 году способ добывать их, не покидая России. А вот еще одна оказия вступить в непосредственные отношения с правительством сильного государства и попытаться склонить его к поддержке польского вопроса в ближайшее время могла и не представиться. И наилучшим выходом было бы долгосрочное, а не кратковременное сотрудничество, опирающееся только на заинтересованность японцев в получении разведывательных сведений.

Еще один документ, подготовленный во время плавания через Тихий океан, был озаглавлен «Слабые стороны России». В нем Пилсудский обосновывал особую, более значимую, чем у финнов или кавказских народов, роль, которую поляки могут сыграть в ослаблении России. Это был первый документ, предназначенный для иностранного правительства, в котором «товарищ Мечислав» сформулировал свое понимание единственно возможной польской политики в отношении России. Он считал нужным сделать все возможное для расчленения Российского государства по национальным рубежам и восстановления самостоятельности насильно включенных в его состав народов. Только в случае ослабления России Польша сможет почувствовать себя в безопасности, впрочем, как и Япония. И начать и возглавить эту борьбу из всех народов Российской империи в состоянии только поляки.

Вполне уместен вопрос, стоит ли усматривать в этих рассуждениях Пилсудского изложение основ его будущей восточной политики после ноября 1918 года. На первый взгляд аналогии слишком очевидны, чтобы оставить их без внимания. Но при этом не следует забывать, что это были мысли представителя достаточно слабой нелегальной партии, а не главы государства, а сам документ предназначался для японцев, слабо ориентирующихся в польском вопросе [О незнании японцами ситуации на польской политической сцене см. подробнее: SwiqtekR. Lodowa sciana... S. 201-203.].

В окончательном виде меморандум, впоследствии переданный японскому руководству, состоял из трех частей: записки «Слабые стороны России», проекта общего договора и «Заключения». В пакет документов были также включены уже известный японцам план создания разведывательной сети ППС в России, а также «Объяснения к отдельным пунктам проекта договора».

Пароход, на котором эмиссары ППС пересекали Тихий океан, прибыл в японский порт Иокогама в ночь с 9 на 10 июля 1904 года, но из-за непогоды пассажиры смогли сойти на берег только 11 июля. Их встретил представитель японского Генерального штаба, отвез в Токио и помог разместиться в небольшом отеле, расположенном в стороне от центра столицы. В тот же день произошла встреча Пилсудского с Романом Дмовским. Пилсудский пригласил своего политического оппонента на обед, сопровождавшийся длительной беседой с участием Филиповича и Дугласа. Их беседы, в том числе и с глазу на глаз, о содержании которых не осталось достоверных свидетельств проходили еще несколько раз до момента отплытия лидера национальных демократов из Японии 22 июля 1904 года.

Итоги визита в Токио разочаровали Пилсудского. Его охотно принимали в Генеральном штабе, но ни один из высокопоставленных сотрудников МИД в

переговоры с ним не вступил. Не удалось встретиться и с начальником Генерального штаба генералом Кодамой, который незадолго до их приезда был назначен начальником штаба действующей армии. Главным переговорщиком с японской стороны был назначен генерал Ацуси Мурата, руководитель одного из отделов Генерального штаба. Переговоры вновь показали, что японцы не намереваются брать на себя никаких обязательств политического характера, касающихся польского вопроса. Они по-прежнему хотели от ППС только разведывательной информации и участия в совместных акциях российской оппозиции по дестабилизации режима, то есть оказания посильной помощи Японии в ее войне с Россией. Со своей стороны, отмечал Пилсудский, они пообещали ему лучше обращаться с пленными поляками а также не выдавать поляков-дезертиров против их воли России после окончания войны [В свою очередь, Дмовский считал, что именно он добился от японцев этих обязательств. – См.: Micewski A. Roman Dmowski. Warszawa, 1971. S. 92 – 93.].

Исследователи не располагают документальным подтверждением того, что эмиссарам ППС удалось заключить формальное соглашение о сотрудничестве с японскими военными. Именно поэтому большинство биографов Пилсудского утверждают, что миссия в Токио не дала результатов. Р. Сьвентек с этим мнением не согласен. Он считает, что 21 июля 1904 года, на последней встрече с поляками, Мурата подтвердил достигнутое в свое время в Лондоне соглашение о финансировании ППС в обмен на ее конкретные действия в пользу Японии на территории России. В подтверждение своей правоты он называет то, что контакты японских военных и дипломатов с представителями ППС, а также передача им крупных сумм денег после визита Пилсудского в Токио продолжались практически до октября 1905 года. И с этим аргументом польского историка нельзя не согласиться.

В пользу его вывода свидетельствуют и другие известные исследователям факты. Во-первых, эмиссары ППС не стали добиваться встречи с министром иностранных дел или кем-то из высокопоставленных чиновников МИД, чтобы обсудить политические аспекты широкого соглашения. Видимо, ответ Мураты на их меморандум был настолько категоричен и однозначен, что у них не оставалось ни малейшей надежды убедить японское правительство в необходимости действовать в пользу польского вопроса. Во-вторых, японская сторона профинансировала их обратный проезд в Европу выделив для этого 200 фунтов стерлингов.

Что же касается существенно более позднего свидетельства Пилсудского (сделанного в 1931 году) о том, что визит «не дал технических результатов», то его можно интерпретировать и таким образом, что главная цель, ради которой он ездил в Токио, то есть реанимация польского вопроса на международной

арене, действительно достигнута не была.

Образовавшаяся от момента окончания переговоров и до отплытия в США свободная неделя была использована для отдыха. У Пилсудского и Филиповича не было причин торопиться с отъездом, поскольку поступавшие через японское посольство в Лондоне телеграммы соратников свидетельствовали о благоприятном развитии операции «Вечер». Они совершили двухдневную поездку на Фудзияму, продолжили знакомство с городом, общались с Дугласом, который после отъезда Дмовского оказался в их полном распоряжении, а также опекавшими их японцами.

На прощальном обеде, данном польскими гостями в честь своих сопровождающих, произошел курьез, надолго запомнившийся Пилсудскому. Им подали блюдо из сырой рыбы (известное сегодня многим нашим соотечественникам сашими), справиться с которым будущий маршал смог только с помощью нескольких рюмок коньяка.

30 июля 1904 года Пилсудский и Филипович отплыли на небольшом торговом судне «Тартар» из Йокогамы в Канаду. 13 августа они были в порту Виктория, где с ними произошел еще один курьезный случай. Пока они искали, где в этом городе можно было поесть мороженого, судно отплыло, увозя их вещи и деньги. Пришлось догонять его на другом корабле. Забрав багаж, они из Ванкувера через Торонто и Монреаль направились в Нью-Йорк, а оттуда в Ливерпуль. 31 августа эмиссары ППС прибыли в Лондон, а в начале сентября Пилсудский был уже в Кракове. Самое длительное в его жизни путешествие завершилось.

Несомненно, оно не прошло для него бесследно. Во-первых, Пилсудский понял, что партию вполне можно использовать для достижения собственных целей без согласования с ее уставными руководящими органами. Во-вторых, он убедился в эффективности действий конспиративной группы единомышленников, организованной в рамках более широкой структуры. В-третьих, у него появился собственный, неподконтрольный Центральному рабочему комитету ППС источник финансирования, позволявший проводить самостоятельную политику, формально не разрушая единства рядов ППС [Среди исследователей нет единства мнений относительно того, сколько денег было получено инициаторами акции «Вечер» от японцев. В. Енджеевич считает, что за 1904 – 1905 годы японцы выделили ППС на различные цели около 20 тысяч фунтов стерлингов, с ним согласен и А. Гарлицкий. По подсчетам Р. Свентека вся сумма составила 33 430 фунтов, что по курсу 1998 года было равнозначно 13 миллионам 370 тысячам долларов США. Львиная доля этих средств была израсходована на приобретение оружия и

финансирование революционной деятельности партии. Часть же пошла на содержание семи участников проекта «Вечер» в Кракове и Лондоне. По подсчетам Р. Свентека, на это тратилось в среднем 252 фунта в месяц, то есть примерно 2 520 царских рублей. Подробнее об этом см.: Swiętek R. *Lodowa sciana...* S. 321, 343 – 346.]. В-четвертых, был приобретен ценный опыт налаживания связей и ведения переговоров с высокопоставленными официальными лицами, наделенными полномочиями принимать самостоятельные решения, презентации им своих взглядов, достижения взаимовыгодного консенсуса. Этот опыт понадобится Пилсудскому при поиске поддержки своих планов со стороны Австро-Венгрии.

«Нельзя убить солдата Марксом»

Поездка в Токио временно оторвала Пилсудского от участия в делах ППС, но зато дала возможность в более спокойной обстановке еще раз, с учетом новых финансовых возможностей, обдумать вопрос о тактике партии в новых условиях.

Как говорилось ранее, уже в феврале 1904 года Пилсудский говорил о необходимости создания в рамках социалистической партии дисциплинированной военизированной организации для развертывания массового революционного движения в Царстве Польском. Ее штаб должен был располагаться в Варшаве. Если учесть, что в соответствии с положением об Исполнительной комиссии ЦРК ее члены были обязаны находиться в России, то возглавлять организацию и штаб реально мог только Ю. Пилсудский, в это время уже безусловный лидер пэпээсовских «стариков».

Все близко знавшие Пилсудского люди, а вслед за ними и его биографы сходятся в том, что он никогда не был теоретиком, кабинетным мыслителем. Зато его отличало необычайное умение воплощать на практике, казалось бы, самые невероятные идеи и замыслы, если он считал, что они могут приблизить к реализации главной цели его жизни – возрождению польского государства. Так было, в частности, при создании ППС, налаживании выпуска ее центрального печатного органа, формировании кадрового костяка партии. С не меньшей энергией «товарищ Мечислав» занялся в первой половине 1904 года организацией «десяток», то есть боевых групп ППС. Он придавал очень большое значение тому, чтобы их участники не боялись действовать открыто, были смелыми, дисциплинированными, точными и готовыми беспрекословно исполнять приказы своих руководителей. Одним словом, они должны были стать вооруженным плечом партии, офицерами и унтер-офицерами будущего восстания.

Формированию требуемых качеств характера должны были служить, например, мини-демонстрации, когда группа боевиков, вооруженная спрятанными под верхней одеждой дубинками, неожиданно сходилась с тротуара на мостовую, образовывала колонну, разворачивала красное знамя, некоторое время маршировала. Надо сказать, что усилия Пилсудского по созданию боевых групп долгое время давали ограниченные результаты. Малочисленные группы благодаря активности Пилсудского, Славека и Бронислава Бергера летом 1904 года удалось создать только в Варшаве, в провинции же их не было вообще. Тем не менее было положено начало оформлению военизированной структуры со строгой иерархией, дисциплинированной и исполнительской, своего рода армии в миниатюре. В последующие годы Пилсудский будет развивать и обогащать свою идею новыми решениями, придавая ей самостоятельное значение и все дальше отходя от партийной деятельности. Но в 1904 – 1905 годах он не ставил вопрос о выходе Боевой организации из состава достаточно аморфной партии социалистов. Думается, что определенную роль в неспешном расставании с ППС сыграла сильная привязанность «товарища Мечислава» к партии, которой было отдано более десяти лет его жизни, и особенно понимание того, что на данном этапе только она может обеспечивать приток в Боевую организацию смелых и идейно убежденных людей, а не просто искателей острых ощущений и авантюристов.

Заметное усиление разочарования общества в самодержавии с его консерватизмом и нежеланием перемен, подогреваемое поражениями русской армии во все более непопулярной войне на Дальнем Востоке, порождало настроения недовольства в различных слоях населения Российской империи, в том числе и в Царстве Польском. Правда, еще во второй половине 1904 года ситуация была далека от революционной, но не наблюдалось и признаков ее стабилизации, не говоря уже об улучшении. Прежняя тактика ППС, отдававшая предпочтение пропагандистской деятельности, в новых условиях становилась неэффективной. Теперь было нужно не столько вызывать недовольство масс правительством и его политикой, сколько придавать стихийно рождающемуся протесту организованные формы и направлять его против существующего порядка вещей, на достижение тактических и стратегических целей партии. Именно в это время и проявились давно уже дававшие о себе знать разногласия в рядах ППС.

На мартовской и особенно августовской конференциях ЦРК, созванных без санкции Исполнительной комиссии, «молодые» подвергли резкой критике «стариков» за отрицание ими необходимости единых действий польского и русского рабочего движения, за подготовку очередного польского восстания, а не пролетарской революции. Они настаивали на том, что

заигрывание с японцами может навредить авторитету ППС, считающей себя врагом существующего общественного строя в мире и защищающих его правительств. Первая социальная революция или четвертое национальное восстание – вот дилемма, которая встала перед Польской социалистической партией в 1904 году. И поскольку эта дилемма имела теперь не теоретический, как прежде, характер, а приобретала сугубо практическое содержание, то ее нельзя было проигнорировать или решить компромиссным образом.

Преодолеть возникшие в партийных рядах разногласия попытались участники конференции Центрального рабочего комитета ППС, созванной в Кракове в октябре 1904 года Исполнительной комиссией, то есть в полном соответствии с принятой в партии процедурой. Пилсудский, связывавший с ней большие надежды, выступил на конференции несколько раз. В своей речи от 18 октября он заявил, что его не устраивает, что ППС тащится в хвосте событий. Конечно, подобная тактика дает партии гарантии хотя и медленного, но все же поступательного развития, однако она таит в себе серьезную опасность. В том случае, если ППС не откажется от этой тактики, она потеряет свое влияние не только в широких слоях общества, но и среди рабочих. Избежать этого можно, лишь превратив ее в партию действия. Нужно, чтобы ППС повела за собой общество на большие дела общенационального масштаба. Партия в ответе за то, что польский вопрос умер не только в Европе, но и в России и самой Польше. Ее задача – любыми средствами переломить пассивность общества, покончить с заблуждением, что все решится само собой или кем-то другим. Поэтому, заявил Пилсудский, нужно обязательно перейти к новой тактике, если даже это приведет к восстанию, утопленному в крови. Партия от этого потеряет меньше, чем от нынешнего бездействия. Но совершать этот поворот нельзя, не подготовив к нему партию.

Отметим, что это было выступление опытного оратора, знающего, как заинтересовать и убедить своих слушателей, давно уже не новичков в политике. Пилсудский лишь в самой общей форме определил, как должна выглядеть новая тактика, зато очень детально объяснил, что и почему не устраивает его в прежней политической линии ППС.

Дав участникам конференции возможность на досуге лучше обдумать сделанные им критические замечания, Пилсудский на следующий день, то есть 19 октября 1904 года, остановился, наконец, на главном вопросе – как он понимает стратегическую цель смены тактики. И на этот раз партиец по кличке Мечислав не сразу перешел к главному. Для начала он заговорил о волновавшей всех присутствующих проблеме восстания и высказал убеждение в том, что «наше решение – то или иное, – не предопределяет, что восстание обязательно будет». Более того, текущий момент ему не способствует. Но если бы смена

тактики, как считают некоторые, все же привела к восстанию, то он бы не противился ему, «не жалел бы даже о подавленном восстании». Тем самым Пилсудский дал понять, что не видит непосредственной причинноследственной связи между сменой тактики и будущим восстанием. Из этого вытекало, что он не считает восстание главным в деятельности ППС в обозримой перспективе, но и не является его решительным противником.

Пилсудский был убежден, что тактику ППС нужно менять по более веской причине: «Единственная цель предлагаемой тактики – воскрешение польского вопроса. Этот вопрос живет, но только у нас, живет в широком значении национального вопроса, но он не живет как политический вопрос, который должен решать весь мир». Таким образом, Пилсудский определил в качестве главной промежуточной цели ППС на пути к независимости Польши возвращение польского вопроса на международную арену, то есть его интернационализацию.

В заключительной части выступления Мечислав охарактеризовал два, по его мнению, имевшихся у партии пути воскрешения польского вопроса. Первый из них, ставку на внешний фактор в виде «революционизирования всей Европы», он назвал «старой псевдореволюционной теорией». Следует сказать, что жизнь подтвердила правильность его диагноза, поставленного одному из основных постулатов социалистического движения XIX – начала XX века. Второй путь – это опора на собственные силы, «убеждение тех, от кого мы зависим, в том, что наше дело живет». При этом Пилсудский подчеркнул, что партии нужно гордиться не мелкими материальными завоеваниями в результате забастовок, а успехами в «презираемой большой политике». И одной из таких первоочередных задач в области большой политики, решению которой должна способствовать новая тактика, он назвал подрыв веры в могущество России [Pibudski J. Pisma zbiorowe. Uzupelnienia. Т.П. 1899 – 1914. Warszawa, 1993. S.189 – 191.].

Свои надежды на успех новой тактики ППС Пилсудский во многом связывал с деятельностью боевых групп. Оценивая опыт варшавской боевой организации, он сделал вывод, что в нем преобладают позитивные моменты. Поэтому боевые организации следует создавать везде, где для этого имеются необходимые условия. Это его предложение было закреплено в соответствующем решении конференции, как и идея организовать в Варшаве и других городах массовые уличные манифестации и подготовиться к вооруженному сопротивлению, в случае если власти попытаются разогнать их силой.

Несомненно, заявления Пилсудского на октябрьской 1904 года конференции ЦРК ППС следует считать программными, определившими направление его

действий на ближайшие 14 лет. Главной задачей ППС на перспективу Пилсудский определил не участие в общероссийской революции, а интернационализацию польского вопроса. Что же касается новой тактики, то ее он свел к созданию Боевой организации, убеждению польского общества в необходимости борьбы за национальную независимость и преодолению боязни могущества России.

Весьма характерно, что Пилсудский обошел вниманием вопрос о судьбе поляков в Австро-Венгрии и Германии. Он не мог не знать, что политика германизации в прусских землях Польши проводится давно и с не меньшей настойчивостью и решительностью, чем русификация в Царстве Польском. Но и на этот раз, даже на закрытом заседании достаточно узкого круга соратников, он сделал вид, что там польского вопроса не существует. Нельзя полностью исключить, особенно с учетом операции «Вечер», что Пилсудский уже тогда думал о возможности сотрудничества с правительствами этих стран на антирусской основе, и даже того, что он сам или кто-то из его окружения уже сумели кое-что сделать в этом направлении [Кстати, нет ясности и по некоторым другим вопросам. Например, почему в 1902 году было решено перевести Заграничный комитет ППС из Великобритании, традиционно толерантно относящейся к политэмигрантам, в Австро-Венгрию, которая к такого рода странам не относилась, почему так уверенно чувствовали себя Пилсудский и его соратники в Австро-Венгрии в 1904 – 1905 годах, создавая здесь тайные склады оружия, организуя школы для боевиков, переходя австрийскую границу с Россией, Германией, Швейцарией и обратно по подложным документам или нелегально, иногда создается впечатление, что австрийской полиции просто не существовало. Русская охранка знала о тайных пэпээсовских складах оружия в Галиции, а австрийская нет. Вполне можно допустить, что тайными покровителями могли быть какие-то высокопоставленные лица из польской администрации этой автономной австрийской провинции. К сожалению, при сегодняшнем состоянии источниковой базы ответить на эти вопросы не представляется возможным.]

Развитие событий в Царстве Польском в ближайшие дни и недели после октябрьской конференции ЦРК подтвердило правильность взятого на ней курса на активизацию деятельности ППС. Решение властей о мобилизации резервистов в Царстве Польском вызвало акции протеста. Одна из них, организованная варшавской организацией ППС 28 октября 1904 года, была жестоко разогнана силами правопорядка. Рабочие требовали оружия, чтобы отомстить казакам и полиции.

У членов боевых групп появилась возможность проверить себя на практике. И это должно было произойти не стихийно, а в результате серьезной подготовки,

чтобы достичь поставленной цели – показать, что с полицией и казаками можно успешно сражаться и побеждать. Общий замысел назначенной на 13 ноября 1904 года в Варшаве вооруженной демонстрации протеста против мобилизации принадлежал Пилсудскому, он же организовал закупку оружия на полученные от японцев деньги, для чего в Венгрию, немецкую Верхнюю Силезию и на Украину были отправлены доверенные люди [Не вызывает сомнения, что планируемая акция была частью проекта «Вечер» и должна была показать японцам силу организации Пилсудского. Поэтому к участию в ней были привлечены все боевики варшавской организации ППС.]. Всего они приобрели и доставили в Варшаву 60 пистолетов и револьверов. Было решено, что выступление должно проходить под патриотическими, а не классовыми лозунгами, но с обязательным указанием организовавшей его партии [Сам Пилсудский в день демонстрации находился в Австро-Венгрии, отдыхал в Закопане. Трудно сказать однозначно, какие обстоятельства послужили причиной отъезда «Мечислава» за рубеж в столь важный для его плана момент. Сам он называл причиной опасение перед возможным арестом. Вполне естественным было ожидать, что власти после вооруженной демонстрации обязательно активизируют преследование подпольщиков. Следует сказать, что Пилсудский провел за границей, в Галиции и Швейцарии, почти всю зиму 1904/05 года. Некоторые биографы объясняют это его плохим здоровьем, но последнее не мешало ему принимать участие в различных мероприятиях в Галиции. Но не исключена и иная версия. Будучи хорошим тактиком в политике, он понимал, что в условиях охватившего массы революционного брожения и роста влияния в ППС «молодых» его шансы на проведение собственной политической линии невелики и лучше некоторое время постоять в стороне от центра событий.].

Непосредственное руководство акцией поручили Юзефу Квятеку одному из руководителей варшавской организации ППС. Местом проведения демонстрации была избрана Гжибовская площадь. Согласно разработанному плану, вооруженные боевики Бергера, находившиеся среди демонстрантов, должны были открыть огонь по полицейским и казакам, когда те начнут разгонять протестующих. Жители Варшавы были оповещены о планируемой демонстрации с помощью воззваний «К рабочим», «К молодежи», «Ко всему населению». Вследствие этого демонстрация не была тайной и для властей.

События 13 ноября развивались более или менее в соответствии с планом. Гжибовская площадь уже в предполуденные часы стала местом притяжения как жителей города, желающих принять участие в демонстрации, и зевак, так и полиции и казаков, укrywшихся во дворах окружающих площадь зданий.

Когда в полдень окончилась служба в расположенной на площади церкви Всех

Святых и ее участники стали выходить на площадь, стоявшие у входа в храм около 60 боевиков подняли над головами красное знамя с надписью «ППС. Долой войну и царизм! Да здравствует свободный польский народ!», запели «Варшавянку» и направились в сторону одной из улиц, увлекая за собой людей. Полицейские, попытавшиеся отобрать знамя, были обращены в бегство выстрелами. Оренбургским казакам удалось рассеять манифестантов, но охранявшая знамя группа боевиков сумела с помощью оружия прорваться через оцепление к перекрестку улиц Свентокшижской и Маршалковской. Здесь знамя было свернуто, а боевики смешались с прохожими.

На этом демонстрация не кончилась. Стычки с применением оружия с обеих сторон продолжались на прилегающих к Гжибовской площади улицах, постепенно перемещаясь и в другие районы города. С большим трудом силам правопорядка к шести часам вечера удалось овладеть ситуацией в городе. Было арестовано более 600 демонстрантов, около десяти человек убито, несколько десятков ранено.

Выступление 13 ноября 1904 года в целом достигло ставившихся перед ним целей. Это была первая после подавления восстания 1863 – 1864 годов вооруженная демонстрация воли поляков к независимости. Властям дали понять, что они больше не смогут безнаказанно разгонять протестующих против правительственной политики людей. Манифестация положила начало процессу преодоления поляками чувства страха перед полицией и казаками, которые наряду с чиновниками и военными олицетворяли в глазах общества Царства Польского господство России. Наконец, члены боевой организации ППС приобрели первый практический опыт борьбы с полицией и казаками, исполнявшими в Царстве Польском функции нынешнего спецназа. Прошло проверку на пригодность к условиям уличного боя имевшееся у них оружие. Демонстрация на Гжибовской площади эхом отозвалась в других городах Царства Польского, где также состоялись массовые выступления. Царство Польское, как и вся Российская империя, неуклонно приближалось к революции. Пилсудский позаботился и о том, чтобы о демонстрации написали английские и другие европейские газеты.

На рубеже 1904 – 1905 годов боевиками ППС было проведено несколько взрывов на железных дорогах, но особого успеха эта акция не имела. У подрывников не было необходимых знаний и опыта, вследствие чего повреждения железнодорожных сооружений оказались несущественными, и движение поездов прерывалось лишь на короткое время. Поэтому руководители акции «Вечер», проинформировав японцев об этих диверсиях, в дальнейшем их не осуществляли.

Первые успехи боевиков, несомненно, еще больше убедили Пилсудского в правильности выбранного им курса на создание вооруженного крыла партии. В конце 1904 года он начинает серьезно изучать историю вооруженной борьбы поляков в XIX веке, о чем, например, свидетельствует его лекция в Закопане по случаю очередной годовщины восстания 1863 – 1864 годов. В начале 1905 года «товарищ Мечислав» носился с мыслью об обращении к обществу с призывом делать добровольные денежные пожертвования на приобретения оружия для армии, созданием которой он собирался заняться. Об этом он беседовал, в частности, с крупнейшими польскими литераторами рубежа веков Стефаном Жеромским и Станиславом Выспяньским.

Жеромский согласился с ним, а с Выспяньским вышел некоторый казус. Выслушав Жеромского, он тут же написал заявление об отставке с должности профессора Краковской академии искусств, а также подарил на будущую армию 11 картин и рисунок Ченстоховской Божьей Матери. Относительно воззвания писатель сказал, что он его, собственно говоря, уже написал. Это гимн *Veni Creator*, под которым инициаторы воззвания и планируемые подписанты могут поставить свои автографы. Когда Жеромский передал это разговор Пилсудскому тот только рассмеялся, представив себе, как пэпээсовцы перевозят через границу рисунок Богоматери. В конечном счете на этот раз идея Пилсудского не была реализована.

Михал Сокольниковский, как раз в это время сблизившийся с Пилсудским, оставил его интересное описание: в чем-то рубаха-парень, одновременно великодушный, сердечный, до кончиков ногтей барин, вместе с тем скрытный и осторожный. Для него были характерны упрямство и гордыня, практический реализм и большие скрытые силы. Охотнее всего он говорил о веселых вещах, метко и нелюбезно характеризовал людей, сам смеялся и радовался открыто и от всего сердца. Поражали его глаза – светлые, смотрящие вдаль, редко обращенные на человека, глаза хищной птицы.

Неспровоцированная, жесточайшая даже по меркам самодержавия, расправа властей с мирной демонстрацией в Петербурге 9 (22) января 1905 года потрясла Россию и явилась прологом первой русской революции. Весть о Кровавом воскресеньи вызвала в стране волну стихийных стачек и демонстраций протеста под лозунгом «Долой самодержавие!». И так не слишком высокий авторитет власти неудержимо покотился вниз. В силу вступали законы неуправляемого поведения больших масс людей, предвестники близящейся революции. Главной ареной политической жизни становились улицы и площади городов, а больше всего аплодисментов срывали самые непримиримые критики существующего порядка вещей.

Наступало время практической проверки соответствия требованиям времени как отдельных политиков, так и политических партий и организаций, а также их программ, стратегий и тактик. Причем стремительный ход событий заставлял торопиться, чтобы поспеть за ними, не оказаться на обочине или в хвосте движения масс. Не стала в этом отношении исключением и ППС. 28 января 1905 года находившиеся в стране члены партийного руководства, преимущественно из числа «молодых», огласили без согласования с руководящими партийными инстанциями «Политическую декларацию ППС». В ней они требовали демократизации общественной жизни, независимости Польши и созыва в Варшаве сейма для создания национальных органов власти. Авторы декларации высказались за всеобщую политическую стачку и тесное взаимодействие с русскими революционерами в борьбе с царизмом. Их поддержал ряд местных организаций ППС.

«Молодые» в ППС ориентировались на форсирование революционного процесса, полагая, что активность пролетариата будет развиваться по восходящей линии вплоть до момента социального переворота, который покончит с самодержавием, эксплуатацией человека человеком и принесет свободу польскому народу. Они открыто заявляли, что главным в своей деятельности на ближайшую перспективу считают участие в общероссийской революции и получение автономии в составе России, а не борьбу за независимость Польши. Это было не что иное, как отход от прежней генеральной линии ППС.

Линия «молодых» не могла быть принята Пилсудским и его единомышленниками, для которых возрождение независимой Польши всегда оставалось главной целью. Даже давление японцев, заинтересованных в согласованных действиях всех оппозиционных партий и организаций России, не заставило их изменить свою позицию. Участие Йодко-Наркевича, Малиновского и Казимежа Келлес-Крауза в тайно финансируемой японцами конференции оппозиционных и революционных организаций России, проходившей с 30 сентября по 9 октября 1904 года в Париже, имело сугубо тактический характер. При обсуждении проекта совместной резолюции конференции они настойчиво отстаивали право Польши на независимость. И лишь опасение, что выказываемая ими настойчивость может повредить отношениям с дальневосточным спонсором, заставило делегацию ППС согласиться на постулат об автономии Царства Польского. Однако состоявшаяся во второй половине октября 1904 года конференция ЦРК ППС показала, что «старые» не собирались придерживаться принятой в Париже резолюции и вели речь только о независимости Польши.

У Пилсудского, как, впрочем, и у других «молодых» и «старых» членов

руководства ППС, не было опыта деятельности в условиях, когда политика становится делом не отдельных личностей, а больших масс людей, еще вчера не проявлявших никакой общественной активности. Поэтому принимаемые ими решения чаще всего основывались на интуиции, а также знании психологии поведения людей в различных жизненных ситуациях, в том числе и экстремальных. История революции 1905 – 1907 годов показала, что у Пилсудского это получалось лучше, чем у других его коллег по руководству. Думается, что не последнюю роль в этом сыграли возраст «товарища Мечислава» и его богатый жизненный опыт, в том числе сибирская ссылка, многолетняя подпольная деятельность и пребывание в заключении в 1900 – 1901 годах.

В отличие от «молодых» Пилсудский не поддавался охватившей общество эйфории, когда казалось, что дни самодержавия сочтены, что еще один натиск, и оно рухнет, открывая путь к свободе благосостоянию, социальной справедливости. 30 января 1905 года он писал Станиславу Войцеховскому: «Все люди здесь радуются и тешатся... а меня иногда, стыдно сказать, разбирает злость. Так это по-детски и глупо... В России революция, а мы что, хуже? И вперед. Когда я думаю, какие великолепные вещи без особых усилий можно было бы извлечь из этого всеобщего возбуждения, если бы показать серьезность и силы движения, мне становится не по себе. Но ничего не поделаешь – нужно делать хорошую мину при этой плохой игре и думать о спасении положения, когда, что вероятно, Варшава выговорится и выдохнется. Но в любом случае ситуацию можно и нужно использовать» [Цит. по: Jędrzejewicz W, Cisek J. Kalendarium zycia... T. I. S. 200.].

Ценность этого признания прежде всего в том, что оно предназначалось для одного из его ближайших единомышленников, а не для широкого круга. Поэтому Пилсудский был в данном случае абсолютно откровенен. Что же не устраивало его в развитии событий в Царстве Польском? Во-первых, то, что революция из средства достижения стратегической цели ППС, то есть независимости Польши, сама стала целью. Во-вторых, неспособность ППС использовать «всеобщее возбуждение» для демонстрации миру и России стремления польского народа к независимости. Думается, что под «движением» Мечислав понимал не партию, а именно польский народ, организованный на борьбу за независимость. В-третьих, он считал, что положение все же не безнадежно и его можно и нужно использовать в интересах реализации стратегической цели ППС. Но для этого, писал Пилсудский в том же письме, ППС должна суметь так подчинить себе стихийное движение масс, чтобы, например, начать всеобщую забастовку и по команде ее прекратить. Вот тогда бы все убедились в силе партии.

Итак, уже в самом начале революции 1905 – 1907 годов в Польской социалистической партии обозначились принципиальные разногласия не по каким-то второстепенным аспектам тактики, а по вопросу о ее стратегической цели. «Молодые», для которых главным было свершение социальной революции, были убеждены в абсолютной необходимости тесного союза польского и русского пролетариата. Они были против выдвижения в качестве первоочередной задачи завоевания Польшей полной свободы от России, поскольку в этом случае о таком союзе не могло быть речи. А для «старых», боровшихся за отрыв от России польских земель (они включали в их состав также Литву, Белоруссию и немалую часть Украины) и создание суверенного государства, такой союз был только помехой. В качестве союзников они предпочитали иметь непролетарские слои польского общества, включая даже ту часть буржуазии, которая стремилась к независимости. «Старые» не отрицали необходимость для Польши социализма, но только в будущем, после освобождения. То есть, в отличие от «молодых», они стояли на платформе не социальной, а национально-освободительной революции.

Два этих лагеря в ППС расходились и в вопросах тактики. «Молодые» делали ставку на массовые формы борьбы пролетариата – забастовки, стачки, агитацию и пропаганду ярко выраженного социалистического характера. «Старые» весьма скептически оценивали предпочтения своих оппонентов, все надежды связывали с активными формами борьбы с русским господством в Польше. Естественно, публично они об этом не говорили, но в своем кругу не делали из этого тайны. Так, один из активных деятелей ППС периода первой русской революции М. Сокольников вспоминал о своем разговоре с Пилсудским в начале ноября 1905 года: «Я пытался что-то рассказать ему об энтузиазме движения, о небывалом размахе событий. Но он необычайно резко прервал меня: и это революция? Сложить руки и ничего не делать? Надеяться складыванием рук и прекращением работы победить врага? Без борьбы? Что за толстовские привились у нас принципы? Без борьбы, без усилий, без сопротивления злу? Чего же мы хотим добиться забастовкой, всеобщей забастовкой, здесь в Варшаве? Навредим ли мы чем-нибудь русскому правительству прекращением работы? Наоборот, мы лишь ослабим собственное общество и страну, у нас будет меньше сил для борьбы» [Sokolnicki M. Czternascie lat. Warszawa, 1936. S. 201 – 202.].

Совершенно очевидно, что сосуществование в рядах одной партии двух течений, радикально отличающихся друг от друга, рано или поздно должно было кончиться. В ППС этот «бракоразводный процесс» длился до 1907 года, то есть, учитывая чрезвычайно высокую насыщенность этих лет событиями, достаточно долго. И в этом немалая заслуга Пилсудского, который до

последнего момента стремился сохранить хотя бы формальное единство партийных рядов.

Начало борьбы «молодых» и «старых» было положено на VII съезде ППС, состоявшемся в Варшаве в начале марта 1905 года. Законность съезда, с точки зрения партийного устава, была достаточно сомнительной, ибо он был созван без согласования с Исполнительной комиссией ЦРК и Заграничным комитетом ППС. Первоначально это была конференция ряда руководящих партийных работников, действовавших в Царстве Польском, которая провозгласила себя высшим партийным форумом. Пилсудского и Йодко-Наркевича, которые до этого фактически руководили партией, на съезде не было. По словам Йодко-Наркевича, они были о нем поздно оповещены и поэтому не успели приехать из-за рубежа. А вот Келлес-Крауз упрекал их в том, что, игнорируя съезд и отказываясь от участия в его работе, они пытались принизить значение этого форума или даже сорвать его проведение.

Основная дискуссия на съезде развернулась по двум принципиальным вопросам. Первый: что должна делать партия – вести массы пролетариата в революцию или готовить национальное восстание. Второй: каким должен быть лозунг текущего момента – независимость или автономия.

Участники съезда еще не до конца осознали глубину разделявших их разногласий, поэтому принятые ими решения в основном имели компромиссный характер. Съезд призвал всячески укреплять революционный союз польского и российского пролетариата, но при этом не отрицал возможности, при возникновении благоприятных условий, и национального восстания. Задачей текущего момента был назван созыв демократического сейма в Варшаве, то есть борьба за автономию Царства Польского в составе демократической России, а реализация требования независимости Польши откладывалась на будущее.

Съезд принял решение о создании ряда отделов, в том числе и Боевого [Первоначально официально он назывался Заговорщицко-боевым отделом, затем Боевым. Для удобства мы будем пользоваться последним названием.], задачами которого было бы не только руководство массовыми уличными выступлениями, но и создание Боевой организации для развертывания в соответствующий момент вооруженной борьбы. Его руководителями стали Валерий Славек и Александр Пристор. Таким образом, съезд санкционировал создание вооруженного плеча партии, за что уже давно ратовал Пилсудский.

Авторитет Пилсудского в партии был по-прежнему высок, поэтому его, несмотря на отсутствие на съезде, избрали членом Центрального рабочего

комитета ППС, правда, с условием, что он будет находиться на территории Царства Польского. «Молодые», не тронув Пилсудского, одновременно попытались ослабить влияние его группы на партию. Серьезный конфликт вызвало устранение из состава Заграничного комитета ППС Леона Василевского, одного из старейших членов ППС, близкого соратника Пилсудского. В знак протеста против этого решения о своем выходе из этого важного партийного органа заявили Йодко-Наркевич и Енджеевский. В среде «старых» были даже настроения не признавать решений съезда, созванного с нарушением принятой в партии процедуры, и созвать новый форум. Конфликт, действительные причины которого были куда более глубокими, грозил перерасти в раскол партии.

Пилсудский сделал все, чтобы не допустить такого развития событий и хотя бы частично сохранить в руководящих партийных органах позиции «старых». И на этот раз его готовность к компромиссу помогла разрешить конфликт. Василевский остался в составе Заграничного комитета, отозвали свои заявления Йодко и Енджеевский. Но, в целом, «молодые» и после съезда, пользуясь нарастанием революционных настроений среди польского пролетариата, продолжали оттеснять «старых» от руководства ППС и агитационно-пропагандистской работы.

Главное внимание Пилсудский сосредоточил на Боевой организации как необходимом условии реализации главной цели своей жизни. Йодко-Наркевич писал в мае 1905 года Войцеховскому о существовании у Пилсудского плана из двух пунктов. Во-первых, создать «заговорщицкую» организацию, зависящую от ЦРК только сверху, через Боевой отдел, в который будут привлечены верные люди, с помощью денег и кадров обеспечить максимальный рост ее рядов. Во-вторых, добиться созыва нового Партийного совета, который изменил бы решения предыдущего форума и состав ЦРК, то есть вернул все на прежние рельсы.

Утвержденные съездом ППС руководители Боевой организации, так же как и «молодые», были заморожены невиданным прежде размахом массовых выступлений пролетариата. В первое время после съезда все имевшиеся в их распоряжении силы они использовали для защиты организуемых партией массовых мероприятий от сил правопорядка, не отказываясь также и от индивидуального террора в отношении чиновников и полиции. Пилсудского же заботило исполнение другой части решения VII съезда о Боевой организации, согласно которой она должна была заниматься подготовкой членов партии к вооруженному восстанию. Он считал, что они должны уметь владеть оружием и знать основы военного дела. Рано или поздно произойдут столкновения с армией, и люди должны быть к этому готовы, потому что, иронизировал он,

«хотя я очень ценю сознательность, но понимаю, что нельзя убить солдата Марксом» [Pibudski J. Pisma zbiorowe. Uzupełnienia. T. II. S.204 – 205.].

Важным рубежом в процессе реализации планов Пилсудского по установлению контроля над боевой организацией стало заседание Партийного совета в июне 1905 года, собранное в соответствии с решениями VII съезда ППС. После длительной дискуссии было принято сформулированное при самом активном участии Пилсудского предложение Боевого отдела ЦРК о начале «постепенной подготовки организованных кружков к техническим задачам революции, таким как произнесение речей, обращение с оружием, ознакомление с основами военного дела и т. д.». Партийный совет признал необходимым организовать боевиков и обучить их использованию на практике групповой тактики, а также разрешил применять террор только в значимых случаях.

На этом же совещании Партийного совета проявилось дальнейшее обострение внутривнутрипартийных отношений. Поскольку большинство из 34 его делегатов поддержали курс «молодых», Пилсудский отказался от вхождения в состав вновь избранного Центрального рабочего комитета ППС, но на раскол партии не пошел и на этот раз.

В ближайшие несколько месяцев после июньского Партийного совета произошли события, позволившие Пилсудскому замедлить неблагоприятный для «старых» ход событий. Стихийно вспыхнувшее в конце июня 1905 года восстание рабочих в Лодзи было подавлено с большим количеством жертв, а массовые манифестации, прокатившиеся по всему Царству Польскому, не смогли поколебать русского господства. Боевая организация испытывала острую нехватку финансовых средств для своей деятельности. Выход попытались найти в организации в начале августа нападений на четыре уездные кассы. Но только в одном случае был достигнут достаточно ограниченный успех – в Опатове удалось экспроприировать 12 тысяч рублей.

Почти сразу же после этой операции были арестованы многие наиболее активные и хорошо подготовленные боевики, в том числе Юзеф Монтвилл-Мирецкий, руководивший акцией в Опатове, Валерий Славек, Медард Довнарлович и другие [Арестованные боевики, поскольку они не были схвачены на месте преступления, вышли на свободу в связи с амнистией по случаю дарования императором октябрьского манифеста.], почти весь Варшавский рабочий комитет партии и три члена ЦРК. В условиях серьезных кадровых потерь Партийный совет ППС в октябре 1905 года доверил руководство Боевым отделом ЦРК Пилсудскому. Было также решено засекретить деятельность Боевого отдела и его групп от партийной организации. Это

открывало путь к выделению центральной боевой группы из структур ППС и ее выходу из-под контроля ЦРК.

Состояние Боевой организации после ряда арестов было плачевным, фактически она представляла собой совокупность мало связанных друг с другом боевиков. Никаких серьезных задач, в том числе и по организации массовых выступлений, они решать не могли. Это стало очевидным в ходе так называемых «дней свободы», наступивших в России после провозглашения 17 (30) октября 1905 года манифеста Николая II «Об усовершенствовании государственного порядка». Не встречая организованного сопротивления, власти достаточно быстро восстановили общественный порядок. Не получило реального отклика в Царстве Польском и Декабрьское вооруженное восстание в Москве, хотя ЦРК ППС и издал соответствующее воззвание к польскому пролетариату.

Пилсудский ответственно подошел к созданию дееспособной боевой организации, используя с этой целью оружие и средства, полученные от японцев. В отличие от своих предшественников, бросавших боевиков в дело без соответствующей подготовки, «товарищ Мечислав» самое серьезное внимание уделил их тренировке, для чего было решено создать специальные школы. Первая из них начала свою работу в Кракове уже в ноябре 1905 года. В числе ее преподавателей был и Пилсудский. В это время он читал много военной литературы, внимательно изучал Наполеоновские, Англо-бурскую и Русско-японскую войны, труды Клаузевица. Обучение в школе длилось от четырех до шести недель, в конце слушатели сдавали экзамены. Всего состоялось три выпуска, общая численность прошедших обучение боевиков составила около 100 человек. В ходе обучения слушатели изучали огнестрельное оружие, взрывчатые вещества, основы диверсионной работы и ориентации на местности, занимались строевой и огневой подготовкой. На первых курсах были подготовлены инструкторы для обучения слушателей последующих курсов. Таким образом, боевики получали необходимую начальную подготовку, приучались к дисциплине и строгому исполнению приказов.

Организация боевых групп должна была осуществляться только после завершения слушателями этих школ полного цикла обучения. Партийный совет также постановил, что услуги силового характера окружным организациям ППС будут оказывать специальные технико-боевые группы, формировавшиеся из членов уже существующих боевых групп. Деятельность Боевого отдела и новых групп надлежало засекретить от других руководящих инстанций партии, а также освободить их от повседневной агитационной работы. Решения Партийного совета объективно создали условия для вывода Боевой организации из-под непосредственного контроля руководства партии и

передачи ее в единоличное ведение Пилсудского. Фактически у него появилась возможность, не форсируя событий, приступить к формированию своего рода партии в партии.

О том, как Пилсудский представлял себе в 1905 году будущее Боевой организации, он без обиняков рассказал в 1910-м, когда ему не нужно было скрывать от товарищей по партии свои подлинные намерения: «Благодаря чрезвычайному стечению обстоятельств, способствовавшему ослаблению „левого“ течения в боевой организации, и вследствие полной неспособности и беспомощности представителей „левого“ течения, которые не сумели создать даже такую армию, в которой они нуждались, – благодаря этому руководство Боевой организацией перешло в руки их противников. Эти же, не будучи в состоянии организовать многочисленные боевые кадры, которые затем ассимилировали бы более широкие массы, поглощая их, стремились к созданию кадров, сильных внутренним единством, солидарностью. Дело заключалось в том, чтобы из-за неприязненного отношения „левого“ партийного руководства постепенно создать сильную, внутренне проникнутую единым духом организацию... Руководители планировали овладеть с помощью боевой организации провинцией, начиная с небольших городов, где партийные организации были слабыми и где в результате этого „левые“ не могли сорвать начатую работу. Ход рассуждений был следующим: когда боевая организация встанет на ноги, она с подготовленными уже в провинции силами пойдет в „столицы“ движения, где создаст соответствующие боевые кадры» [Там же. Т. III. S. 29.]. Из этого откровенного высказывания Пилсудского следует, что в боевой организации он видел инструмент борьбы не только за независимость Польши, но и за возвращение в будущем руководства ППС в руки «старых».

Дальнейшее усиление позиций Пилсудского произошло на VIII съезде ППС, состоявшемся в феврале 1906 года. Среди 141 делегата высшего форума партии, насчитывавшей в то время около 50 тысяч членов, преобладали представители «молодых». Тем не менее съезд одобрил деятельность Пилсудского на посту руководителя Боевого отдела ЦРК, а также подчинил ему техническо-боевые организации, прежде находившиеся в распоряжении окружных рабочих комитетов партии. В результате вся боевая работа ППС оказалась в ведении «товарища Мечислава». Некоторые ограничения, например, использование техническо-боевых групп только с разрешения окружных комитетов, имели скорее формальный характер. На руку Пилсудскому было также решение о лишении Центрального рабочего комитета исключительного права назначать членов отделов и контролировать кооптацию в их состав, а также передаче этого права самим отделам.

1906 год оказался для Пилсудского непростым. В партийном руководстве

постепенно зрело понимание того, что оно теряет контроль над Боевой организацией, значение которой в жизни ППС, в связи с наметившимся спадом революционной волны, заметно возрастало. Желание ЦРК вновь подчинить себе боевиков проявилось на заседании Партийного совета в июне 1906 года. На фоне весьма жестких оценок «молодыми» положения дел в Боевой организации было решено произвести ее реорганизацию. С этой целью съезд избрал специальную комиссию и определил основные параметры перемен. Было решено восстановить подчинение Боевого отдела Центральному рабочему комитету, он же должен был утверждать бюджет отдела и распоряжаться всеми конфискованными средствами. Организационная структура Боевой организации подлежала перестройке путем ликвидации деления на центральные и локальные боевые группы; вся ее деятельность должна была контролироваться окружными комитетами с участием подконтрольного ЦРК руководителя боевых сил. Компетенции Боевого отдела ограничивались вооружением и боевой подготовкой партийных организаций, выделением инструкторов, разработкой и координацией плана боевых действий в масштабах всего Царства Польского. Над «старыми» нависла угроза утраты Боевой организации и полного устранения из руководящих партийных инстанций.

Неблагоприятные для Пилсудского тенденции давали о себе знать и в Боевой организации. Люди приходили в нее по велению сердца, движимые желанием активно бороться с имперским господством, а вместо этого им предлагали тактику выжидания, накапливания сил для будущих боев. Росту недовольства содействовала и успешно проведенная варшавской организацией операция по освобождению десяти приговоренных к смерти политических заключенных из варшавской следственной тюрьмы Павяк. Ее план был разработан самой организацией и ЦРК, без участия Боевого отдела. Весной 1906 года недовольные линией отдела члены организации даже созвали конференцию, на которой выразили свои претензии к руководителям. Для успокоения фрондирующих соратников Пилсудский согласился на проведение нескольких небольших боевых акций, в том числе террористических и так называемых «эксов», то есть нападений на почтовые фургоны, волостные кассы и управы с целью экспроприации денежных средств. Планировалось также нападение на почтовый поезд в окрестностях Варшавы в июне 1906 года.

План операции был тщательно продуман, но совершенно неожиданно, когда группа боевиков уже готовилась напасть, в руках Валерия Славика разорвалось взрывное устройство. Бедолага был тяжело ранен, потерял глаз и оглох на правое ухо, у него были изуродованы лицо и руки. Опасаясь провала, товарищи Славика по операции оставили его в лесу, где он и был задержан полицией. В

декабре 1906 года суд оправдал его, не сумев опровергнуть версию боевика, что во время прогулки он якобы нашел пакет, а когда поднял его, то раздался взрыв. После выхода на свободу Славек поспешил покинуть Царство Польское и выехал в Галицию. До полного выздоровления он жил в Кракове, на квартире у Пилсудского.

Сам «товарищ Мечислав», видя в решениях июньского Партийного совета серьезную угрозу позициям «старых» в ППС, решил не дожидаться пассивно дальнейшего развития событий. О направлении его дальнейших действий свидетельствовал ход созванной в начале июля 1906 года конференции боевой организации ППС, которая в самом начале своей работы самоопределилась как съезд Боевой организации. В ответ на резкую критику Боевого отдела за недостаточную активность Пилсудский согласился отойти от прежней тактики и усилить деятельность Боевой организации. Его не могло не радовать, что в главном для него вопросе – отношении к решениям Партийного совета – съезд занял сторону Боевого отдела, причем так решительно, что в воздухе опять запахло расколом партии. И вновь Пилсудский счел момент не подходящим для столь решительного шага, лишавшего его надежды на восстановление в ППС позиций «старых». Поэтому он приложил максимум усилий, чтобы убедить участников съезда не идти на крайний шаг.

По результатам продолжительной дискуссии участники съезда Боевой организации почти единогласно приняли весьма провокационное по отношению к партийному руководству решение. С одной стороны, они согласились с идеей придания ППС характера боевой структуры, унификации деятельности Боевой организации и ее более тесной связи с работой партии. С другой стороны, категорически заявили, что считают определенные Партийным советом методы осуществления этих идей вредными и даже убийственными как для дальнейшего развития и усиления боевой организации, так и судеб революции, а тем самым и для дела польского пролетариата. Боевики зарезервировали за собой право созывать съезды Боевой организации без санкции ЦРК, лишь уведомляя его об этом.

Одновременно было выдвинуто требование приостановить до созыва очередного съезда ППС реализацию принятых июньским Партийным советом решений, касавшихся Боевой организации.

Таким образом, представители Боевой организации продемонстрировали решимость диктовать руководству ППС условия, на которых они были готовы действовать в дальнейшем, но при этом вынудили руководителей Боевого отдела скорректировать прежнюю тактику. Оценивая годы спустя итоги июльского съезда Боевой организации, Пилсудский отметил, что он отверг пути

как Партийного совета, так и Боевого отдела, и выбрал промежуточный – «создания централизованной армии, не растворяющейся в локальных организациях и при этом идущей в бой невзирая на имеющиеся силы, чтобы своим примером увлечь народ и толкнуть его на революцию» [Там же. Т. III. С. 31.].

О том, как себе представлял Пилсудский реализацию этой концепции, оставил свидетельство его ближайший сподвижник по боевой организации В. Славек. В своих воспоминаниях он писал: «То, что боевики преодолели в себе благодаря качествам собственных характеров, то же нужно было преодолеть в коллективной психологии. Поэтому разлив боевой акции по всему Царству рассматривался нами уже не как плановое развитие боевых действий, а как акция, целью которой была, скорее, психологическая подготовка народа к последующей борьбе... Эти нападения на поезда, почты, монополюшки, волости и российских чиновников заставили противника всюду расставить войска, каждый полицейский исполнял службу не иначе как в сопровождении не менее четырех солдат. В результате это вело к распылению военных сил на маленькие отряды. Можно представить, и я знаю, что Пилсудский об этом думал, что если бы напряжение революционного движения можно было сохранить более продолжительное время без психологического спада как на польской территории, так и во всей России, и если бы численно возросло количество вооруженных отрядов, то тогда бы начался второй этап борьбы. А именно – можно было бы, атакуя мелкие, распыленные отряды русской армии, принудить их к концентрации в более крупные отряды, вследствие чего были бы освобождены определенные районы страны и появилась возможность организации более крупных повстанческих отрядов» [Цит. по: Samus P. Walery Slawek. Droga do niepodleglej Polski. Plock, 2002. S. 230.].

Фактически был взят курс на национальное восстание, на войну с царизмом за свободу Царства Польского. Это был, несомненно, слишком умозрительный план, реализация которого зависела не столько от собственных возможностей Боевой организации ППС, сколько от ситуации во всей империи, на которую Пилсудский не имел никакого влияния. А Боевая организация ППС, общая численность которой не превышала в июне 1906 года 840 человек, конечно же не могла выиграть открытого столкновения с расквартированной в Царстве Польском третьей частью русской армии.

Выполняя решения июльского форума, Боевая организация заметно активизировала террористическую деятельность. Помимо «эксов», один из которых – нападение на почтовый поезд недалеко от городка Прушкув под руководством Юзефа Монтвил-Мирецкого – принес добычу в размере 172 тысяч рублей, началась настоящая охота на высокопоставленных царских

чиновников. 15 августа 1906 года в Варшаве, Лодзи и еще нескольких городах Царства Польского была устроена серия покушений на жандармов и полицейских, жертвами которой стали около 80 человек. Стражи порядка в тот день предпочли на улицах городов не появляться. Успешные теракты оказывали, несомненно, определенное психологическое воздействие на общество, но не сумели переломить объективный ход событий.

На распустье

Революционная волна неумолимо шла на спад, и даже самые громкие покушения не могли поколебать позиций российских органов государственной власти в Царстве Польском. Таким образом, ни тактика «молодых», ни тактика «старых» не принесли ожидавшихся в 1904 – 1905 годах результатов. Несомненно, и те и другие сыграли определенную роль в развитии революционного процесса, но все же главным в нем было стихийное движение масс, возглавить которое в Царстве Польском так и не удалось ни социалистам, ни их конкурентам из Социал-демократии Королевства Польского и Литвы. Зато рабочими партиями был накоплен определенный опыт работы в условиях стихийного массового движения, пригодившийся в последующие годы.

Задачам сплочения «старых» и развертывания их контрнаступления в ППС должен был послужить новый печатный орган «Трибуна», издававшийся в Кракове с периодичностью в две недели. В первом номере газеты от 1 ноября 1906 года была помещена примечательная статья Пилсудского «Политика активной борьбы», в которой он подводил итоги деятельности партии в предшествующий период и ставил задачи на будущее. Одной из проблем, занимавшей в то время его внимание, был вопрос о том, чья тактика в революции была правильной – «молодых» или «старых». Ответ был предсказуем и звучал следующим образом: стачки и демонстрации отходят в политической жизни Царства Польского на второй план, а их место занимают активные выступления, наиболее значимым из которых был августовский погром полиции. Далее следовали рассуждения о переоценке руководством партии забастовок и агитации как средств борьбы с правительством, о революционном движении как единственной причине того, что самодержавие вынуждено было пойти на уступки населению Царства Польского в социальной и национальной областях, а также о непрочности этих уступок. Это была откровенная критика линии «молодых» в революции. Содержание статьи свидетельствует, что в момент ее написания Пилсудский еще верил, что революция не завершилась, что она переживает всего лишь временный спад, а затем начнется новый подъем активности масс. И поэтому ППС нужно серьезно заниматься подготовкой восстания как единственного пути к победе.

Статья Пилсудского была изложением политической платформы «старых», так и не признавших решений VII и VIII съездов ППС по программным вопросам. Это не могло не вызвать обострения отношений между двумя крыльями партии, особенно учитывая, что статья появилась за 19 дней до начала работы очередного, IX партийного форума. Конфликт усугубляло также нежелание Боевого отдела выполнять решения ЦРК по вопросам деятельности Боевой организации. ЦРК ППС был противником «эксов», поскольку при их проведении гибли солдаты, сопровождавшие почтовые поезда, в которых перевозились деньги. По убеждению «молодых», это вредило агитационной работе партии в армии. Более отвечающим интересам революционного движения были, с их точки зрения, террористические акты в отношении высокопоставленных государственных служащих, в частности, акция возмездия за еврейский погром, организованный властями в городе Седлец в начале сентября 1906 года.

Чашу терпения ЦРК переполнило открытое игнорирование Боевым отделом 8 ноября 1906 года запрета нападения на почтовый поезд на станции Рогово Варшавско-Венской железной дороги. Ответом стала приостановка деятельности Боевого отдела. Но это не остановило Пилсудского. В середине ноября 1906 года, то есть уже после жесткого решения ЦРК, в Закопане была проведена конференция Боевой организации. Участники конференции выразили полное доверие Боевому отделу и поддержали проведение роговской акции, что было прямым вызовом руководству ППС. Суровой критике подверглись ряд программных установок «молодых» и их отношение к Боевой организации, звучали даже предложения создать на базе Боевой организации новую партию.

Однако Пилсудский, будучи отменным тактиком, демонстративно воспротивился таким высказываниям. Он не мог не понимать того, что сама по себе Боевая организация, насчитывавшая менее тысячи членов, не имея опоры в политической партии, очень скоро утратила бы ореол главного борца за пролетарское дело и превратилась в обычную уголовную группу. Как и того, что время работает не на «молодых», чья тактика массового натиска на самодержавие не принесла ожидаемых результатов, и они будут терять свои господствующие позиции в ППС в пользу «старых». В этих условиях важно было не подталкивать события, а ждать, пока плод созреет и сам упадет в руки.

Кроме того, к концу сентября 1906 года относятся первые шаги по налаживанию контактов Пилсудского с австро-венгерским Генеральным штабом, предпринятые Пилсудским и Йодко-Наркевичем, его главным помощником в проекте «Вечер». На встрече с полковником Францем Каником, начальником штаба 10-го корпуса, состоявшейся 29 сентября 1906 года в

Пшемысле (Перемышле), они утверждали, что выступают от имени политической партии, насчитывающей 70 тысяч вооруженных членов и способной в случае войны Австро-Венгрии с Россией быстро поставить под ружье не менее 200 тысяч человек [Galicyska dzialalnosc wojskowa Pilsudskiego 1906 – 1914. Dokumenty. Warszawa, 1967. S. 443. Как видно, к этому времени Пилсудский уже хорошо ознакомился и умело применял приемы политического блефа, игры на ожиданиях партнеров по переговорам.]. Раскол ППС ослабил бы позиции Пилсудского на переговорах с австрийскими военными, лишив его столь важного аргумента, как численность стоящей за ним партии.

Участники конференции Боевой организации приняли решение о придании ППС характера военизированной организации, что формально отвечало решению VII съезда о вооружении партии. Для этого ее следовало преобразовать в подчиняющуюся Боевому отделу милицию (понимаемую в исходном значении этого слова как вооружение народа), а также соответствующим образом трансформировать и Боевую организацию. Решению был придан характер ультиматума, в случае его непринятия съездом было решено обратиться напрямую к партийным массам. Реализация этого постановления означала бы превращение всей партии в вооруженную организацию, руководящие позиции в которой, естественно, заняли бы имеющие соответствующий опыт члены Боевого отдела и Боевой организации. Было решено, что участники конференции немедленно отправятся в свои партийные организации и начнут агитацию в пользу программы «старых». Конференция показала, что Пилсудский может рассчитывать на солидарную поддержку боевиков в его противостоянии с «молодыми», что ради этого они готовы пойти на нарушение норм внутривнутрипартийных отношений. Только так следует понимать уговор держать ход конференции и принятые на ней решения в секрете от партии.

19 ноября 1906 года в Вене начали свою работу 46 делегатов с решающим и 12 с совещательным голосом IX съезда ППС. С первого же дня форума в центре их внимания оказалась Боевая организация. Мандатная комиссия признала недействительными полномочия четырех представителей Боевой организации, избранных на конференции в Закопане. Поводом было то, что конференция состоялась после приостановки ЦРК деятельности Боевого отдела. После бурного обсуждения вопрос съезд признал правомочность только двух мандатов. Мандаты двух других делегатов, в том числе Пилсудского, как членов Боевого отдела съезд не признал. «Товарищ Мечислав» и еще шесть делегатов демонстративно покинули зал заседаний. Это была откровенная попытка оказать психологическое давление на съезд. Но особого эффекта на

оставшихся в зале она не произвела. Съезд продолжил работу, и у Пилсудского не было возможности влиять на ее ход. На этот раз его тактический расчет не оправдался.

Но настоящий удар по всей тактике Пилсудского был нанесен на следующий день, когда произошло событие, заставившее его забыть об амбициях и поторопиться вернуться на съезд. На съезде неожиданно появился Станислав Гемпель, один из участников конференции боевиков в Закопане, и откровенно рассказал о ее ходе и принятых ультимативных резолюциях. Его выступление вызвало эффект разорвавшейся бомбы. Как считает историк Анджей Гарлицкий, делегатов съезда больше всего поразило нарушение Пилсудским и его сторонниками этических норм революционера, запрещавших обман товарищей по партии [Garlicki A. Jozef Pilsudski 1867 – 1935... S. 118.]. А в данном случае обман был налицо.

«Старые» оказались в чрезвычайно трудном положении, поскольку для сколько-нибудь убедительной мотивировки своей правоты у них не было достаточных аргументов. Это показало выступление Пилсудского, в котором он пытался, с одной стороны, оправдать себя и соратников, а с другой – переключить внимание делегатов на ошибки «молодых» в руководстве ППС. В ходе развернувшихся по данному вопросу прений Пилсудский и на этот раз демонстрировал готовность к компромиссу, предлагал даже распустить Боевую организацию, а ее членов отдать под партийный суд. Раскол партии по причинам, о которых говорилось выше, был для него крайне невыгодным.

Зато по-иному считали «молодые», понимавшие, что следующий съезд ППС, скорее всего, будет происходить в не столь благоприятных для них условиях. Ф. Сакс внес проект решения, согласно которому члены Боевого отдела и солидаризировавшиеся с ними участники конференции Боевой организации в Закопане своими действиями поставили себя вне партии. После двух голосований и некоторой корректировки проект был принят 28 голосами при 11 против и двух воздержавшихся. Случилось то, чего так не хотелось в тот момент Пилсудскому, – раскол ППС, у истоков которой он стоял и развитию которой посвятил 13 лет жизни. И самым неприятным для него было то, что не он исключал своих соперников из партии, а они его, причем имея на то веские основания [Выступая 23 ноября 1906 года на I конференции исключенных из ППС деятелей, Пилсудский попытался дать свою интерпретацию случившегося на IX съезде партии раскола. Он заявил, что всегда был противником раскола ППС, но в последний день работы съезда убедился, что партия построена на ложных основах, поскольку «стремится к изоляции движения польского пролетариата от движения всего государства» (то есть польского общества в самом широком значении), поэтому он решил на создание новой партии.

Смысл его слов заключался в том, что не «старых» исключили из ППС, а они сами покинули ее ряды.]

Пилсудский и его сторонники стойко перенесли удар, тем более что идея раскола не раз уже звучала в их среде. Более того, они, чтобы удержать в орбите своего влияния как можно больше партийцев, заметно активизировали свою деятельность, всячески демонстрировали революционность, верность пролетарскому делу и т. д. «Старые» как бы возвращались к истокам ППС, к тому времени, когда именно их партия была для многих олицетворением революционности. Это проявилось даже в названии организации, созданной покинувшими съезд делегатами, – Польская социалистическая партия – революционная фракция (ППС-РФ или просто «фракция»).

В первое время «старые» не теряли надежд на восстановление единства ППС, выдвигали соответствующие предложения, которые, однако, не находили отклика у «молодых». Идейные разногласия между ними зашли так далеко, что о примирении и объединении не могло быть речи. После IX съезда ППС началось самостоятельное развитие двух крыльев некогда единой партии [«Молодые», вскоре прибавившие к названию своей партии определение «левица» (левая), все больше сближались с Социал-демократией Королевства Польского и Литвы, а через нее с большевиками. В декабре 1918 года две эти партии объединились в Польскую коммунистическую рабочую партию (с 1924 года Коммунистическая партия Польши – КПП). ППС-революционная фракция («фраки»), в 1909 году вернувшаяся к прежнему названию, в 1919 году объединилась с родственными социалистическими партиями из австрийской и прусской частей Польши в Польскую социалистическую партию. Эта общепольская партия прошла сложный путь развития, пережила несколько расколов и официально прекратила свое существование в декабре 1948 года, будучи поглощенной Польской рабочей партией, идейной преемницей КПП. Несогласные с капитуляцией руководителей официальной ППС социалисты продолжали некоторое время действовать в подполье, а также в эмиграции до падения в Польше «реального социализма». Попытки воссоздания сильной ППС после 1989 года не увенчались успехом.]

В марте 1907 года состоялся I съезд ППС-РФ, назвавший себя, чтобы показать правопреемственность с прежней, еще единой партией, X съездом ППС. Пилсудский принимал участие в его работе и даже выступил с речью о боевой тактике партии. Сформулированные им положения были положены в основу решений по вопросам Боевой организации. В частности, был одобрен устав «боевых сил», в состав которых были включены Боевая организация и партийная милиция. Боевой отдел и Боевая организация сохранили автономию по отношению к ЦРК, причем районные и окружные комитеты получили лишь

ограниченное право надзора над партийной милицией, формируемой Боевой организацией. В задачи милиции вменялись организация самообороны партии и общества от правительственного террора и борьба с бандитизмом, а также подготовка масс для будущей вооруженной борьбы.

Фактически милиция ППС должна была освободить Боевую организацию от части прежних обязанностей, а также стать резервом ее кадрового пополнения. В качестве задачи Боевой организации на перспективу съезд определил формирование массовых, специально подготовленных для вооруженной борьбы с правительством сил. В текущей же деятельности ей следовало активизировать усилия по дезорганизации власти путем организации вооруженных выступлений против администрации и репрессивного аппарата, индивидуального террора в отношении их представителей, а также нападений на государственные финансовые учреждения. Таким образом, съезд учел и одобрил все постулаты Пилсудского, дав ему возможность реализовать их без каких-либо помех со стороны партии.

Пилсудский на выборах Центрального рабочего комитета свою кандидатуру не выставлял. В распоряжении историков нет точных свидетельств, почему наиболее авторитетный деятель «старых» отказался войти в состав ППС – революционной фракции, где были одни лишь его единомышленники. Некоторые биографы Пилсудского объясняют снижение его активности характерным для него психическим срывом, обычно происходившим после сильного эмоционального всплеска. В данном случае, считает А. Гарлицкий, причиной спада активности были события, связанные с расколом ППС.

Несомненно, Пилсудский, как и каждый человек, живущий в постоянном напряжении, не мог не быть подверженным психологическим колебаниям и даже срывам. И все же только такое объяснение его охлаждения к партийной работе представляется не совсем точным. Ведь в 1909 году, когда его физическое состояние было значительно хуже (частые заболевания гриппом, проблемы с сердцем), он все-таки вошел в состав ЦРК ППС. К тому же именно в 1907 году он занимался подготовкой «экссов» вначале в Киеве, а затем в Безданах.

Думается, что в основе отказа Пилсудского от работы в ЦРК новой партии лежал более сложный комплекс причин. К этому времени стало ясно, что ни революция в Царстве Польском, ни действия Боевой организации ППС не всколыхнули общественное мнение на Западе до такой степени, чтобы оно заставило правительства великих держав поставить польский вопрос на международной арене. Следовательно, не было ни малейшей надежды, что это удастся сделать с помощью более слабой партии и к тому же в условиях отлива

революционной волны.

Надо было искать другие пути все к той же промежуточной цели, как он считал, единственно ведущей к решению основной стратегической задачи его жизни – восстановлению независимости Польши [Характерно, что такую же задачу в это время пытался решить его политический оппонент, а во время революции и откровенный враг Роман Дмовский. – См.: Micewski A. Roman Dmowski... S. 138 – 144.]. К тому же игнорирование австрийским Генеральным штабом предложения о сотрудничестве снижало в глазах Пилсудского значение партии. Участие в ее руководящем органе имело бы для него значение лишь в случае иного ответа австрийцев, о чем опять-таки свидетельствует его вхождение в состав ЦРК в 1909 году, когда сотрудничество с Веной было налажено.

Заметим, что раскол ППС был в определенном смысле выгоден Пилсудскому. Наконец-то он приобрел никем и ничем не ограниченную власть над Боевой организацией, большая часть членов которой поддержали «фраков», а тем самым и возможность беспрепятственной реализации своего плана развертывания партизанской войны с правительством. Однако очень скоро выяснилось, что имевшихся в его распоряжении сил явно недостаточно для осуществления разработанной им тактики групповых действий, в которой нетрудно проследить влияние известного принципа «коллективного террора» Михаила Бакунина. Активность пролетариата неуклонно шла на убыль, рабочих все сложнее было мобилизовать даже на экономические акции, не говоря уже о политических.

Немалая часть общества, взгляды которой выражали национальные демократы Дмовского, была против дальнейшего сохранения напряженности в Царстве Польском, желала воспользоваться в полной мере вырванными у самодержавия политическими уступками, покончить с широко распространившимся во время революции бандитизмом. Организуемые национальными демократами боевые группы выслеживали и убивали боевиков ППС. Не бездействовали и силы правопорядка. Были арестованы и казнены многие, как бы сейчас сказали, «полевые командиры», в том числе легендарные в рядах ППС Генрик Барон и Юзеф Монтвил-Мирецкий. Очень скоро пришлось отказаться от тактики групповых действий и вновь перейти к индивидуальному террору. Не дали результата предпринятые усилия по созданию рабочей милиции в промышленных центрах Царства Польского, и в конце 1907 года от них пришлось отказаться сначала в Лодзи, а затем и в Домбровском бассейне. План развертывания партизанской войны провалился.

Провал надежд на мобилизацию общества на борьбу за освобождение Царства

Польского из-под власти Российской империи с помощью Боевой организации подтолкнул Пилсудского к мысли о создании новой структуры для той же цели. Отныне помогать полякам должны были военизированные формирования не классового, а общенационального характера. Начинать их создание следовало не в Царстве Польском, где для этого не было условий, а в Галиции, давно уже освоенной ППС в качестве тыловой базы. Помимо «крулевяков» (выходцев из Царства Польского) в них могли бы участвовать и поляки-добровольцы из Австро-Венгрии. Именно это имели в в Несомненно, у Пилсудского в 1906 году были лишь самые общие наброски плана будущих действий. Над их конкретизацией он будет работать несколько последующих лет. Так, 1 декабря 1907 года он писал Йодко-Наркевичу: «Сейчас я работаю над двумя вещами: а) получением монеты как учредительного капитала на будущее и б) агитацией, как я ее называю, военной, то есть агитацией в пользу обучения и подготовки к боевым задачам революции. Я боялся, что это будет выглядеть смешным, но, к моему великому удивлению, я нахожу людей, охотно об этих вещах слушающих. Если бы у меня эти две вещи получились хотя бы частично – в первом случае я для себя определил минимум 300 тыс., во втором – формирование в итоге хотя бы определенного направления мысли и интереса к этому вопросу у молодежи и людей – я был бы весьма доволен. Тогда бы я мог спокойно работать над созданием чего-то более отвечающего целям, чем нынешняя Боевая организация» [Piisudski J. Pisma zbiorowe. T. II. S. 286.]. Совершенно очевидно, что к концу 1907 года идея еще находилась на стадии проверки ее восприятия соратниками, и результат его удовлетворил.

Одновременно начался активный поиск финансовых средств, без которых не было возможности не то что осуществить задуманный план, но и оплачивать текущие расходы партии и боевой организации. Японские субсидии позволили Пилсудскому закупить на Западе и перебросить в Галицию и Царство Польское тысячи единиц огнестрельного оружия. К тому же на эти деньги жили он сам и его ближайшие сотрудники. После окончания войны японский Генеральный штаб прекратил финансирование группы Пилсудского. Деньгами, поступавшими от «эксов», а также членов и сторонников ППС, распорядился ЦРК. Принимая во внимание масштабы деятельности партии, необходимость содержать достаточно большой штат профессиональных революционеров, оказывать помощь арестованным и их семьям, этих средств было немного.

Как упоминалось выше, уже в сентябре 1906 года Пилсудский попытался найти нового спонсора в лице австрийского военного ведомства, но тогда его инициатива не встретила желательного отклика. На первый взгляд беседа с полковником Каником кончилась безрезультатно. В действительности же, как показало время, все выглядело не так уж и плохо. О содержании беседы и

сделанных польскими собеседниками предложениях, прежде всего разведывательного характера, был подробно проинформирован начальник австрийского Генерального штаба. Тем самым Пилсудский попал в поле зрения австрийских военных самого высокого ранга. Но поскольку война с Россией была в то время для Австро-Венгрии далекой перспективой, им незачем было давать немедленный положительный ответ. К тому же бюджет австрийской военной разведки составлял в то время 120 тысяч крон, а приобретение только карабинов для 70 тысяч членов ППС, как того хотел Пилсудский, обошлось бы более чем в 600 тысяч крон [Swiątek R. *Lodowa sciana...* S. 379 – 380.].

Скорее всего, Пилсудский надеялся, что отказ Вены от сотрудничества не окончателен, тем более что без взаимодействия с австрийской военной разведкой он не мог рассчитывать на свободу действий в Галиции. В ноябре 1907 года последовала новая попытка, правда, через посредника, наладить сотрудничество с армией Габсбургов. На этот раз на нее последовал ответ самого начальника Генерального штаба генерала Конрада фон Гетцендорфа, на первый взгляд отрицательный. Он сводился к тому, что ни военный министр, ни начальник Генерального штаба не могут принять «какой-либо партийный орган», тем более что «к целям Польской социалистической партии относится, вероятно, антимилитаризм, который хотя и обращен в первую очередь против России, мог бы распространиться и на нашу территорию». По мнению Р. Сьвентека, такой ответ мог быть воспринят Пилсудским как призыв австрийцев перестроить ППС в военизированное движение, после чего можно было бы налаживать сотрудничество. Кроме того, австрийским военным напомнили о существовании антирусски настроенной польской партии, с помощью которой, помимо всего прочего, можно было бы установить контроль над национальным польским движением в Австро-Венгрии [Ibid.].

Но все это могло произойти только в будущем, а пока что на реальные австрийские деньги рассчитывать не приходилось. Денежные поступления из Царства Польского были столь малы, что приводили Пилсудского в отчаяние. Это видно из текста его письма старому товарищу по партии Феликсу Перлю, отправленного накануне «экса» в Безданах. В нем он подводил самые важные итоги своей жизни и объяснял, почему сам решился принять участие в весьма рискованной операции. Весь текст письма полон эмоций, но они буквально перехлестывают через край, когда речь идет о деньгах: «Монета! Черт бы ее побрал, как я ее презираю, но я предпочитаю добывать ее таким способом, как добычу в бою, чем клянчить у впавшего в детство от трусости польского общества...» [Piłsudski J. *Pisma zbiorowe*. Т. II. S. 300. Оригинал письма хранится в настоящее время в Российском государственном военном архиве (РГВА) (Ф. 476. Оп. 2. Д. 3. Л. Поб. – 12об.). Оно написано на сложенном

пополам небольшом листке бумаги, как бы на одном дыхании, в тексте имеются зачеркивания, что свидетельствует, что для автора было важным содержание, а не внешний вид.]

В этих условиях единственным источником средств оставались «эксы». Практика показывала, что в Царстве Польском они приносили не так много денег, как бы хотелось. Три удачные операции, проведенные в период с октября 1907-го по февраль 1908 года, дали всего лишь около 40 тысяч рублей. Поэтому Пилсудский планирует своеобразные «гастроли» – решает проводить акции экспроприации в других областях империи, где польские боевики прежде не действовали. Весной 1907 года возникла мысль ограбить филиал Государственного банка в Киеве, чтобы получить сразу большую сумму денег. Подготовка к операции заняла несколько месяцев. В расчет брались два варианта. Поскольку хранилище располагалось над котельной, то надо было попытаться устроить своего человека истопником, ночью взломать пол и забрать деньги. Вторым вариантом была покупка соседнего с банком владения и устройство подкопа. Пилсудский лично ездил в Киев, чтобы на месте учесть все детали и тщательно продумать действия участников операции. Однако оба варианта оказались трудновыполнимыми, и в итоге от операции в Киеве отказались.

Эта поездка, несмотря на неудачу, сыграла важную роль в личной жизни Пилсудского. Еще в мае 1906 года он познакомился с Александрой Щербиньской, молодым членом ППС, которой в то время исполнилось 24 года. Она уже два года была членом партии и Боевой организации, участвовала в демонстрации на Гжибовской площади в Варшаве в ноябре 1904-го. Боевая организация поручила ей устройство тайных складов оружия в Праге, правобережной части Варшавы, а Пилсудский приехал проверить состояние дел. Поскольку он был старше Александры на 15 лет и носил бороду, то показался ей уже пожилым человеком.

Но, встретившись с ним снова в июле 1906 года на конференции Боевой организации, где она исполняла обязанности секретаря, и пообщавшись ближе во время длившейся несколько часов поездки в одном купе поезда из Кракова в Закопане, она изменила свое мнение. Пилсудский покорила ее рассказами о своем пребывании в Сибири, о ее дикой природе, тайге, заснеженных горах.

Вот портрет Пилсудского в то время в описании Щербиньской: «Передо мной стоял мужчина среднего роста, широкоплечий, с тонкой талией. Его движения были красивы и элегантны, что он сохранил до конца жизни... У него была небольшая голова правильной формы, легко заостренные, прислушивающиеся уши, глубоко посаженные глаза, думающие, но внимательные, серо-голубые.

На подвижном лице отражались почти все его мысли. Самым интересным был контраст между его правой и левой рукой. Левая ладонь – узкая и нервная, красивой формы и нежная, заканчивавшаяся почти женскими пальцами, была рукой артиста и мечтателя. Правая была более крупной, как бы принадлежащей другому человеку. Сильная, даже грубая, с ровными, квадратными пальцами, настолько сильная, что, казалось, могла бы гнуть подковы; это была рука солдата и человека действия...» [Piisudski R. Wspomnienia. Londyn, 1960. S. 85 – 86.]

Пилсудский увлекся Александрой, симпатичной молодой девушкой, связавшей свою судьбу с ППС, одним из творцов которой он был в далекие уже 1890-е. Характер нелегальной деятельности не позволял им встречаться часто, к тому же Александра в январе была задержана полицией и пробыла несколько месяцев под арестом. Но поскольку у полиции не было доказательств вины девушки, ее пришлось освободить. После освобождения она была включена в состав участников операции в Киеве, ей поручили доставку туда оружия. Именно здесь у них с Пилсудским появилась возможность длительного общения во время совместных прогулок. Обычно скрытный, Пилсудский делился с ней созидательными планами, которые намеревался осуществить в независимой Польше. Он говорил о будущих законах, которые будут приняты в интересах людей, об организации политехнического института в Лодзи и возобновлении университета в Вильно. Ее поражала жившая в нем глубокая вера в исполнение своего жизненного предназначения – воскрешение польского государства [Выше уже упоминалось, что Пилсудский был глубоко убежден в своем высоком предназначении воскресителя Польши. Но эти воспоминания жены Пилсудского интересны еще и тем, что они дают представление о территории будущего польского государства. Как известно, политехнический институт в Лодзи в межвоенной Польше не был создан, потому что ее потребности в инженерах вполне удовлетворяли Варшавский и Львовский институты. Следовательно, о возвращении Галиции Пилсудский в тот момент не говорил даже с самым близким ему человеком. Зато во вхождении в состав Польши Литвы он был уверен.]

Во время одной из таких прогулок Юзеф признался Александре в любви, чем ее несказанно удивил. Она считала, что их связывают только дружеские отношения, а оказалось, что этот зрелый 40-летний мужчина, много повидавший на своем веку, женатый, питает к ней самые трепетные чувства. Александра не отвергла его любовь, и с этого момента начался их совместный путь по жизни. Оформить их отношения законным образом не представлялось возможным, поскольку Мария отказала Пилсудскому в разводе, а он не нашел в себе сил и решимости порвать с ней. Поэтому вплоть до 1917 года Пилсудский

сохранял общий дом с Марией и даже пытался наладить какой-то *modus vivendi* в сложившемся треугольнике. В начале 1909 года он писал Александре: «Я с самого начала стремился, чтобы все решения принимались совместно, как результат воли трех заинтересованных сторон, результат часто очень сложных чувств и мыслей, но результат, единственно возможный в этих отношениях. Моя и твоя воля в этом отношении ясна и однозначна, воля третьей стороны до сих пор боролась, цепляясь за все, лишь бы не допустить ясного и однозначного результата. В этом случае я должен учитывать худшее в таких случаях положение женщины, чем мужчины, и мечтаю о том, чтобы мы вместе с тобой могли вынести тяготы переходного времени, которое, я тоже согласен, длится очень долго... но я не могу изменить моего принципиального поведения, достижения соглашения относительно совместной нормализации существующих отношений. Другой путь ведет, по моему мнению, к излишне тяжелым формам перехода, накладывающим тяжелый отпечаток и на дальнейшую не только мою жизнь, он недопустим» [Пит. по: Jedrzejewicz W, Cisek J. *Kalendarium zycia...* Т. I. S. 204 – 205.].

Следующий «экс» Пилсудский запланировал в Литве. В качестве объекта был выбран курьерский поезд, в котором обычно перевозили деньги в Петербург, а местом нападения – станция Безданы в 25 километрах от Вильно (сейчас на территории Белоруссии). Пилсудский решил принять непосредственное участие в операции. Трудно сказать, чем он в данном случае руководствовался. Многие биографы, исходя из содержания его упоминавшегося выше прощального письма [Это письмо позволяет лучше понять движущие мотивы, которыми руководствовался Пилсудский в своей деятельности в 1908 году. Он писал: «Я борюсь и умру только потому, что в сортире, каковым является наша жизнь, я не могу жить, это оскорбляет – слышишь, оскорбляет меня как человека с нерабским достоинством. Пусть другие занимаются разведением цветов, или социализма, или польскости, или чего-то другого в сортирной (даже не клозетной) атмосфере – а я не могу! Это не сентиментализм, не плаксивость, не машинка социальной эволюции или чего-то там еще, это обычная человечность. Я хочу победить! А без борьбы, причем борьбы жестокой, я даже не борец, а просто скот, которого бьют палкой или нагайкой... Не отчаяние, не самопожертвование руководят мною, а жажда победы и подготовки победы. Моя последняя идея, которую я еще нигде не развивал, это необходимость в наших условиях создания в каждой партии, а тем более в нашей, функции физической силы, функции, использую столь невыносимое для ушей „гуманистов“ определение (истерические барышни, которые не выносят царапанья по стеклу, но терпят, когда их бьют по щекам), функции brutального насилия. Эти идеи я хотел реализовать в своей деятельности последних лет. И поклялся сам себе, что или сделаю свое, или погибну. Я уже многое сделал для

этого, но слишком мало, чтобы почитать на лаврах и серьезно заняться непосредственной подготовкой к борьбе...» – См.: Piisudski J. Pisma zbiorowe. Т. II. S. 299 – 300. В этом письме особенно важно полупризнание о новой идее, которую он, по его словам, еще нигде не развивал, но которую решил во что бы то ни стало реализовать.], считают, что он желал пресечь разговоры о том, что он отправляет боевиков на смерть, а сам предпочитает пребывать в безопасности. Несомненно, это утверждение имеет полное право на существование, но вряд ли его можно считать исчерпывающим. Следует помнить, что это была последняя крупная операция, после которой Пилсудский основные усилия посвятил реализации своей новой задумки. Не исключено, что он просто пожелал проверить себя в реальном деле, а может, хотел быть уверенным в том, что операция, с которой он связывал немалые надежды, проведена в полном соответствии с планом. Но в любом случае это было смелое решение, все последующие годы работавшее на его авторитет среди соратников и на легенду в обществе.

Между принятием решения о нападении на почтовый поезд и его осуществлением прошел почти год. Первоначально Пилсудский планировал провести операцию весной 1908 года, но в партийной кассе не оказалось для этого достаточных средств. С целью их получения было решено продать часть оружия, находившегося на партийных складах в Вене и Берлине, а также осуществить один небольшой «экс» в окрестностях Калиша, который, правда, не удался. Наконец в конце августа 1908 года появились деньги, и началась непосредственная подготовка к проведению налета на поезд.

Базой операции стало Вильно. Сюда уже в феврале из Варшавы перебрался Александр Пристор, один из разработчиков плана операции, уроженец этих краев. Пилсудский бывал в городе наездами, регулярно курсируя между Галицией, Варшавой и Вильно. Операция была назначена на субботний вечер 19 сентября 1908 года. В ней должны были участвовать 19 боевиков, разделенных на три группы. Первой, в составе шести человек под командованием Томаша Арцишевского, надлежало бросить бомбу под почтовый вагон курьерского поезда Варшава – Петербург и нейтрализовать охранявших деньги солдат. Второй группе из четырех человек во главе с Пилсудским предстояло ворваться в вагон и взять деньги. В задачу восьми боевиков, руководимых оправившимся после взрыва 1906 года Славеком, входило овладение станцией, нарушение связи, блокировка семафоров и нейтрализация станционных служащих и пассажиров. Еще один боевик должен был доставить на бричке на место операции взрывное устройство и оружие, а затем увезти деньги.

Во все детали операции были посвящены только несколько человек, остальные

должны были узнать о своих задачах в последний момент. Сам Пилсудский позже признавал, что ситуацию в группе несколько осложняло то, что не было однозначного решения о поручении руководства операцией именно ему. Поэтому он, например, не хотел указывать, кто из участников какую будет исполнять роль. Пилсудский ожидал, что боевики сами назначат его руководителем, но они этого не делали, видимо, не до конца доверяя человеку, впервые пошедшему на столь рискованное и опасное дело.

Операция началась неудачно. В намеченный срок провести ее не удалось, поскольку многие из ее участников прибыли на место с опозданием. Пилсудский, несмотря на возражения некоторых боевиков, предлагавших не рисковать еще раз и попытаться счастья немедленно, перенес осуществление акции на 29 сентября 1908 года. На этот раз, несмотря на некоторые «накладки», акция с участием 17 боевиков была проведена в соответствии с планом. Добыча налетчиков составила 200 тысяч рублей ассигнациями, серебром и ценными бумагами. Так много денег в ходе одного «экса» Боевая организация еще не захватывала. «Монеты» сразу же после акции были спрятаны в лесном тайнике, в нескольких десятках километров от Бездан, и спустя два месяца привезены в Галицию Александрой Щербиньской, активно участвовавшей в операции. В ходе операции погиб один жандарм, пять человек из охраны были ранены. У боевиков потерь не было. Однако впоследствии шестеро из них были арестованы и приговорены к различным срокам каторги.

Р. Съвентек, проанализировав все обстоятельства операции боевиков ППС в Безданах, высказал неожиданную гипотезу. Он не исключает, что охранка знала о готовящейся операции, поскольку ей еще в апреле 1908 года удалось арестовать и склонить к сотрудничеству одного из ее участников. Но она оставила полученную информацию без последствий, желая использовать факт нападения на курьерский поезд для того, чтобы еще раз продемонстрировать царю жизненную необходимость своего существования. Говорить о том, насколько эта версия имеет право на существование, при нынешнем состоянии источниковой базы, не приходится, с чем, впрочем, согласен и сам ее автор [Swiątek R. *Lodowa sciana...* S. 401 – 407.].

В начале октября 1908 года Пилсудский был уже на территории Австро-Венгрии. Судя по всему, операция в Безданах далась ему непросто. Встретившийся с ним в ноябре Сокольников отметил, что его здоровье было подорвано, взгляд погрустнел, но зато в высказываниях появилось больше твердости. Хотя полученная в ходе операции в Безданах сумма и была меньше той, о которой он мечтал, но ее хватило, чтобы расплатиться с партийными долгами, помочь арестованным и вплотную заняться реализацией овладевшей Пилсудским новой идеи.

Глава четвертая

ИМЯ ИМ ЛЕГИОН

Уроки революции

Несомненно, в основе реализованных Пилсудским в 1908 – 1914 годах планов лежал анализ причин, хода и итогов первой русской революции. Это был его первый опыт деятельности в революционных условиях. На этапе подъема революционерам не надо было искать доступ к массам, убеждать их в необходимости пересилить страх и громко заявить о своих желаниях и намерениях. Люди стихийно выходили на демонстрации и строили баррикады, не боялись вступать в стычки с полицией и казаками, с готовностью откликались на призывы к забастовкам и стачкам, вплоть до всеобщей. Тогда многим казалось, что дни режима сочтены и впереди их ждут долгожданная свобода и всеобщее счастье.

Был и другой опыт, относившийся ко времени отлива революционной волны, перехода в контрнаступление правительственных сил. Массами, еще вчера чувствовавшими себя хозяевами положения, вновь овладевали настроения страха перед силой самодержавия, покорности, нежелания рисковать ради идей, не имеющих прямого отношения к их повседневным проблемам. Общественные настроения не просто возвращались к предреволюционному состоянию, но становились еще более подавленными и мрачными, потому что обыватели на практике убедились в своей бессилии и неспособности изменить жизнь к лучшему.

Из этой нехитрой совокупности лежащих на поверхности фактов не мог не рождаться вопрос о причинах того, почему ППС не удалось реализовать ту огромную разрушительную энергию, которая таилась в массах в период подъема революционной волны. Ответ на этот вопрос в наиболее общей форме, так сказать, в первом приближении, Пилсудский дал, в частности, в уже упоминавшейся статье «Политика активной борьбы», опубликованной 1 ноября 1906 года в «Трибуне». Это было сделано в момент, когда казалось, что революция не кончилась, а лишь временно отступила, чтобы вскоре вспыхнуть с новой силой.

Пилсудский утверждал, что партия чрезмерно увлеклась организацией массовых демонстраций и забастовок, а также агитацией, что ее руководители самым мощным оружием в борьбе с правительством считали всеобщую забастовку. Вынужденные уступки режима, от которых он обязательно откажется, как только снова укрепит свои позиции, они посчитали

свидетельством близкой победы революции. «Принципиальной ошибкой является мнение, – писал Пилсудский, – что правительство „в принципе“ изменило внутреннюю политику, что сегодняшняя реакция кончится, когда завершится внутреннее беспокойство. Если бы настало столь желанное для министров и сентиментальных трусов „внутреннее спокойствие“, – то немедленно и в культурной, и в национальной областях наступила бы такая реакция, которой никогда прежде не было» [Pilsudski J. Pisma zbiorowe. T. II. S. 264 – 265.].

Из рассуждений Пилсудского следовало, что главной причиной, по которой ППС не удалось реализовать революционный потенциал масс, явился выбор ее руководителями неправильных методов борьбы с царизмом – то есть не объективный, а субъективный фактор. Следует сказать, что это был в основе своей верный и одновременно чересчур оптимистический вывод. Пилсудский реабилитировал массы и указывал на возможность успеха в случае нового революционного подъема.

Требовал ответа и вопрос о том, что нужно сделать, чтобы победить врага и добиться независимости Царства Польского. Пилсудский дал на него не менее обоснованный ответ: эту силу можно уничтожить только мечом [Там же. S. 265.]. Поскольку опорой режима является регулярная армия, то и революция должна иметь свою армию. Ее основу должны составить обученные военному делу люди, не только умеющие обращаться с оружием и соответствующим образом организованные, но и имеющие практический опыт ведения боевых действий в составе небольших партизанских отрядов. С помощью этой тактики можно было бы решить еще одну задачу: заставить правительство раздробить армию на мелкие группы и поручить им выполнение полицейских функций не только в крупных городах, но и в селах, рабочих поселках и местечках. В результате ежедневного общения гражданского населения с солдатами в обществе исчезнет страх перед армией, оно начнет более реально оценивать ее силу и его легче будет увлечь на борьбу.

От этих своих выводов Пилсудский не отказался и тогда, когда стала очевидной тщетность надежд на новый подъем революции в ближайшее время. Это видно из его статьи «Как мы должны готовиться к вооруженной борьбе», опубликованной в «Роботнике» 4 февраля 1908 года. В ней он более четко, чем двумя годами ранее, сформулировал свое понимание причин неудачи революции: «Всех своих побед революция добилась благодаря моральной силе, а все неудачи и поражения явились следствием отсутствия физической силы» [Там же. Т. II. S. 293.]. Поэтому главной задачей является подготовка необходимой физической силы для будущей борьбы. В статье прозвучал, хотя и не очень выразительно, новый для Пилсудского мотив: свои умозаключения он

адресовал не только ППС, но и другим, точно не определенным, политическим силам Царства Польского: «Этот урок прошлого должны извлечь все те, кто ставит перед собой ту или иную политическую цель. Независимо от того, ограничил ли кто-то свои требования в Польше даже сохранением царского манифеста, дающего России конституцию, или же стремится к завоеванию конституанты или полной независимости страны, – каждый должен понимать, что без поддержки своих стремлений борьбой с физическим насилием царизма он не сможет достичь своей цели» [Там же. Т. II. S. 294 – 295.].

Приведенную цитату вполне можно рассматривать как свидетельство того, что Пилсудский окончательно осознал неудачу прежней концепции завоевания независимости Царства Польского с помощью одного только пролетариата. Он последовательно приближался к выводу о том, что реализовать главную цель его жизни можно только объединенными усилиями всех политических направлений и социальных групп, как и он, стремящихся к освобождению русской Польши.

Окончательную форму своим размышлениям об итогах революции и задачах на будущее Пилсудский придал в лекциях, прочитанных в боевых школах ППС в 1909 году и изданных спустя год сначала в «Работнике», а затем отдельной брошюрой «Практические задачи революции в русском захвате» под псевдонимом «З. Мечиславский». Его генеральный вывод оставался прежним: «Революция, которую мы хотим осуществить, – это война двух армий, нашей, революционной, народной, с правительственной, оккупационной... Революция... – это борьба за власть, реализованная насильственными средствами в относительно короткое время» [Там же. Т. III. S. 6 – 7.]. Нетрудно заметить, что здесь четко проглядывает что-то хорошо знакомое, ленинское...

Более конкретно, хотя и не прямолинейно, была сформулирована мысль о возможной новой конфигурации лагеря борцов за независимость. Он заявил, что практически все общественные классы и слои Царства Польского могут включиться в борьбу за независимость, нужно лишь освободить их от страха перед силой царизма. Несомненно, налицо было завершение его эволюции с позиции социалиста-независимца на платформу патриота-независимца. Конечно, это не значило, что он созрел до разрыва со своей партией. Это был бы преждевременный шаг, поскольку именно ППС обеспечивала его общественный статус. Но активное движение в патриотическом направлении началось.

Заслуживает самого серьезного внимания намеченная Пилсудским программа борьбы за независимость русской Польши, которую он традиционно называл революцией. Пилсудский считал, что для успеха революции недостаточно

партийных организаций – она должна стать делом всего общества. До начала революции следует заняться подготовкой ее будущих руководящих кадров, способных решать задачи организации практической жизни на освобожденных от противника территориях. С началом революции в первую очередь следует создать правительство, способное осуществлять свои властные функции с помощью морального авторитета или силы. Необходимыми политическими шагами правительства Пилсудский считал широкое оповещение о своем создании, назначение представителей на местах, публичное объявление войны с помощью манифеста, содержащего основные политические и осмотрительно сформулированные социальные постулаты, разнообразные действия по обеспечению успеха революции (налаживание снабжения армии и населения, работы промышленности и т. д.). Вторым условием успеха Пилсудский назвал создание армии и ее вооружение. Создание армии нельзя пускать на самотек, к нему следует заблаговременно готовиться с помощью соответствующей организации.

Весьма подробно им были охарактеризованы четыре группы действий, которые следует предпринять в начале вооруженной революции (овладение территорией, демонстративные нападения, разрушение инфраструктуры транспорта и связи, укрепление вооруженной силы), а также слабые стороны русской армии, умелое использование которых может повысить шансы революции на успех. В целом, видимо, Пилсудский считал, что ему удалось разработать четкий и реальный план действий на случай возникновения условий для начала очередного национального восстания в русской Польше, названного им вооруженной революцией.

Говоря о «Практических задачах...», нельзя не обратить внимания на несколько моментов, игнорируемых польскими биографами Пилсудского. Во-первых, он четко и публично обозначил, что территорией будущего восстания будет только Царство Польское. Это было очень важное его обязательство, если принять во внимание установленное к этому времени сотрудничество с австрийской армией. С этими же контактами, несомненно, связано указание в перечне первоочередных задач повстанцев действий по уничтожению инфраструктуры. Ведь именно этого от людей Пилсудского ожидали австрийцы в случае начала войны с Россией. Во-вторых, бросается в глаза его абсолютная уверенность в том, что в случае прихода в Царство Польское польских формирований из Галиции все его общество без колебаний поднимется против господства петербургского самодержавия и встанет на сторону их немецких союзников.

В том же 1910 году вышла из печати еще одна брошюра авторства Пилсудского – «Военная география Королевства Польского». В ней он

обосновывал мысль о том, что в случае войны России с Центральными державами основные силы русской армии будут отведены на правый берег Вислы, а к западу от нее останется только незначительный арьергард. Это позволит незамедлительно приступить здесь к формированию польской армии и вообще реализовать весь его план [Р. Свентек пишет, что австрийские военные в середине 1910 года познакомили Пилсудского с добытыми агентурным путем директивами нового русского плана военных действий, в соответствии с которыми русская армия с началом войны должна была отойти за линию Демблин – Варшава – Модлин, и он использовал их в своих лекциях и в указанной брошюре. – См.: Swiętek R. *Lodowa sciana...* S. 509, 512.]. Как и в случае с характеристикой настроений в обществе Царства Польского, и эта оценка вероятного сценария развития событий, как показало начало Первой мировой войны, была излишне оптимистической.

Пилсудский не мог не задумываться о времени нового революционного подъема. Опыт польских восстаний в XIX веке свидетельствовал, что после поражения проходило время, и немалое, пока общество решалось на новый освободительный порыв. В среднем этот период занимал 30 – 40 лет. Если бы эта закономерность сохранилась, то Пилсудскому было бы к моменту новой революции 70, а то и все 80 лет. К тому же вряд ли в этом случае имело смысл готовить кадровый резерв для будущей революционной армии. По опыту Боевой организации Пилсудский знал, что рвущихся в бой людей нельзя долго держать без дела, ибо велика опасность того, что они выйдут из-под контроля, станут действовать на свой страх и риск, а то и просто превратятся в обыкновенных бандитов.

И все же он был далек от пессимизма. История ППС свидетельствовала, что социалисты, начав в 1890-е годы пропагандистскую деятельность среди аполитичного польского пролетариата, сумели превратить его в значимую общественную силу, не испугавшуюся вступить в борьбу с правительством под политическими лозунгами. Партия накопила реальный опыт мобилизации масс под социальными и национальными лозунгами, имела необходимые для этого средства, прежде всего прессу, и кадры.

О характерных для окружения Пилсудского настроениях того времени дают представление воспоминания Славека: «Для нас все пережитое нами имело особое значение. Была огромная разница между положением дел в период, предшествующий началу Русско-японской войны, и тем, что проявилось, стало фактом после революции. Прежде все находились под воздействием вооруженного европейского мира, небывалого развития военной техники. Воспоминания о поражении наших восстаний, ощущение численного преобладания России, отказ верхних слоев нашего общества от мысли о

безрассудных порывах и их попытки – под прикрытием тезиса о создании материальной силы нации – примириться с судьбой, вот те условия, в которых мы начинали борьбу за независимость. Мы – несколько человек или чуть больше... Революция открыла новые горизонты, даже та, которая завершилась проигрышем, даже она приблизила нас к цели. Уже не на поколения следует считать время. Уже что-то стало происходить. Один порыв революции в России был подавлен, но могут прийти следующие порывы. Революция уже перестала быть абстрактным понятием. Это была реальность, мы познали ее условия и формы. Мы могли оценить действия каждого из нас и определить ту роль, которая на нас, маленькую группу, была возложена. Более того, мы могли сделать выводы из развития движения, обнаружить недостатки подготовки, недостатки, которые следовало устранить уже в ходе самой борьбы. Вывод был простым – следующая волна революции должна застать нас более подготовленными» .

По словам верного соратника Пилсудского, «нужно было устранить недостатки технической и организационной подготовки. Нужно было в первую очередь воспитывать и готовить боевых инструкторов. Нужно, когда придет следующий период революционизирования масс, чтобы они не растрачивали силы на бессмысленные манифестации и забастовки, а овладели показанной им формой борьбы с оружием в руках, формой массового партизанского движения. Кроме того, следует иметь достаточное количество людей, способных руководить этой массовой вооруженной борьбой, чтобы через них обеспечить определенный уровень плановости всего движения. И этих людей объединить с организацией» [Цит. по: Samus P. Walery Slawek... S. 239 – 240.]. Конечно, воспоминания Славека относятся к более позднему времени, однако они ни в чем не противоречат как высказывавшимся в то время Пилсудским идеям, так и практическим действиям, предпринимавшимся с 1908 года.

Серьезные надежды связывал Пилсудский и с внешним фактором, с состоянием дел на европейской арене. Завершение в основных чертах складывания двух противостоящих коалиций вселяло в него веру в то, что не за горами новая европейская война, в которую обязательно будет вовлечена Россия. Эту веру укрепил международный кризис, разразившийся в октябре 1908 года в связи с аннексией Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины, находившейся под ее оккупацией после Берлинского конгресса 1878 года. Следствием боснийского кризиса стала «первая военная тревога», показавшая всю остроту существовавших в Европе противоречий.

С будущей войной Пилсудский связывал двойкие надежды. Во-первых, он был уверен, что она неизбежно вызовет новую революцию в России, как это сделала Русско-японская война. Во-вторых, поскольку разделившие Польшу империи

оказались по разные стороны баррикады, у польского национально-освободительного движения появляется шанс опереться на одну из них и серьезно продвинуть вперед решение польского вопроса. Пилсудский был убежден, что польские военизированные формирования помогут возвращению польского вопроса на международную арену. В феврале 1914 года он следующим образом сформулировал эту мысль: «Развитие военных приготовлений уже принесло несомненные позитивные результаты: оно представляет для нашей страны определенную ценность на политическом рынке Европы, с которого польский вопрос после поражения восстания 1863 г. был безжалостно вычеркнут. Вошло в привычку не принимать нас в расчет в международных калькуляциях и комбинациях. Военное движение вновь возвращает польский вопрос на европейскую шахматную доску...Только меч сегодня что-то значит на весах судеб народов...» [Pilsudski J. Pisma zbiorowe. Т. III. S. 252 – 253.]

Сложившаяся в Европе расстановка сил и планы Пилсудского касательно будущей судьбы Царства Польского ставили его перед необходимостью ответить еще на два важных вопроса. Во-первых, какую из держав убеждать в выгоды для нее союза с ППС. Во-вторых, как согласовать заинтересованность в дальнейшей милитаризации Европы и войне с принадлежностью к ППС, одной из партий II Интернационала, в тот момент заявлявшего о себе в качестве решительного противника милитаризма. Оба вопроса не относились к разряду второстепенных, от ответа на них зависел выбор и облика ППС, и ее тактики, возможно, на достаточно продолжительное время.

Вопрос о том, на какую державу следует ориентироваться, имел для польского национально-освободительного движения революционный характер. Его традиционным союзником была Франция, в XIX веке символ и эталон демократии, прибежище для всех волн польской политической эмиграции. Однако Франция, заботясь о собственных интересах и безопасности, еще в 1893 году вступила в тесный союз с Россией, и ее официальные круги утратили всякий интерес к польскому вопросу, считая его внутренним делом своего стратегического союзника. Аналогичные тенденции наблюдались и в политике Великобритании.

Следовательно, патрона следовало искать в противостоящем Антанте лагере, в тот момент представленном Германией и Австро-Венгрией, – то есть среди государств, принимавших самое активное участие в разделах Речи Посполитой и в переделе польских земель в Вене в 1815 году. Убедить общественность Царства Польского в оправданности такой ориентации было весьма сложной задачей [В этом отношении значительно проще было Дмовскому, который,

активно эксплуатируя антигерманские настроения, весьма распространенные во всех частях разделенной Польши, пропагандировал в то время пророссийскую, а тем самым и проантантовскую ориентацию. Его концепция в случае успеха позволяла изменить положение всех частей Польши, а не только Царства Польского, по крайней мере, прервать процессы германизации поляков в Пруссии, а также формирования ментальных отличий, грозящих единству польской нации как культурного феномена.]

Выбор в качестве покровителя Австро-Венгрии, где положение поляков было куда предпочтительнее, чем в Германии, качественно ситуации не менял, поскольку любому внимательному наблюдателю было ясно, что решающее слово в союзе двух немецких империй принадлежит Берлину, а не Вене. А значит, союзником изначально выбиралась самая слабая из разделивших Польшу держав. Но даже она заведомо не пошла бы на добровольный отказ от польских провинций в пользу независимого государства, будь оно образовано на территории русской Польши, поскольку тем самым создавался бы прецедент для других национальных областей империи. Как известно, немцы составляли меньшинство в империи Габсбургов, в силу чего в публицистике за ней закрепилось название «лоскутной». В оправдание Пилсудского можно сказать только то, что в 1908 году это был единственно возможный выбор, если он желал иметь покровителя в лице некоего субъекта международных отношений [В польской историографии уже не одно десятилетие ведется спор о том, имела ли ориентация Пилсудского на Австро-Венгрию, а тем самым на Центральные державы, стратегический характер, или же это был тонкий тактический ход. Сторонники первой точки зрения говорят о стратегическом просчете Пилсудского, который ни на шаг не приблизил решение польского вопроса. Их оппоненты утверждают, что будущий маршал точно просчитал развитие ситуации вплоть до конца мировой войны (включая даже участие в ней США, до 1917 года придерживавшихся доктрины невмешательства в европейские дела). Он планировал использовать успех Центральных держав в войне с Россией для создания в Царстве Польском польской армии (возможно, и правительства) как одного из важнейших институтов будущей польской государственности, а затем, когда чаша весов перевесит в пользу держав Антанты, перейти на их сторону и освободить остальные польские земли. При всей привлекательности для почитателей гения Пилсудского второй позиции у нее слишком много слабых сторон. Одна из них заключается в том, что все источники, на которых она базируется, почему-то введены в научный оборот только после смерти маршала в 1935 году. Сам же Пилсудский при жизни ни разу не озвучил столь выгодную для него концепцию.]. Но этот выбор был до такой степени непопулярным в польском обществе, что Пилсудский предпочитал не особенно его демонстрировать [Стоит обратить внимание на

выступление Пилсудского перед польскими эмигрантами в Париже 21 февраля 1914 года. По сообщению присутствовавшего на встрече агента охраны, Пилсудский заявил, что присоединить Царство Польское к Австрии – это значит бороться за независимость Польши. Но в отчет о выступлении в прессе эти слова включены не были. – См.: Pilsudski J. Pisma zbiorowe. T. III. S. 251 – 253.]

Второй вопрос, об ориентации на милитаристские авторитарные государства, был чисто внутривнутрипартийным делом. Но его решение по мысли Пилсудского имело для него большое значение, если учесть, что к этому времени он и так потерял влияние на значительную часть ППС периода первой русской революции. Этот вопрос мог казаться неважным рядовым социалистам, но не представителям партийной элиты, руководившимся в своей деятельности идейными соображениями.

Таким образом, в послереволюционный период Пилсудский оказался в весьма непростой ситуации. Он считал, что движение к независимости Царства Польского невозможно без радикального поворота в политике ППС, но его необходимость признавалась далеко не всеми в партии, хотя в руководстве остались лишь те, кто поддержал его на IX съезде ППС в 1906 году. А это означало, что его вновь ожидала большая разъяснительная и организационная работа, а также неизбежное обновление окружения, его пополнение новыми, молодыми деятелями, и не только выходцами из боевой организации ППС.

Союз активной борьбы

Первым свидетельством политической эволюции Пилсудского стало создание в 1908 году тайной военизированной организации – Союз активной борьбы (САБ). Уже само название новой структуры достаточно определенно указывало на ее связь с идеями, которые Пилсудский пропагандировал после 1906 года. Представляется вполне естественным предположение, что он имел к ее возникновению самое непосредственное отношение. Однако у исследователей жизненного пути Пилсудского и истории САБ нет тому прямых свидетельств.

Инициатором создания новой тайной польской организации был Казимеж Соснковский, 23-летний выходец из Царства Польского, член ППС с 1905 года. Он состоял в Боевой организации и продвинулся по иерархической лестнице до уровня окружного руководителя [По одним сведениям, Соснковский в годы революции последовательно руководил Варшавской, Радомской и Домбровской окружными боевыми организациями, по другим – только одной из них.]. После поражения революции Соснковский выехал в Галицию, где записался в число студентов Львовского политехнического института, продолжая политическую

деятельность как руководитель-координатор львовских кружков милиции ППС-революционной фракции. В этом качестве он поддерживал достаточно оживленные контакты со Славек, который принимал самое непосредственное участие в создании и деятельности милицейских кружков за границей.

Эти кружки, после неудачных попыток организовать милицию ППС в рабочих центрах Царства Польского, стали создаваться в университетских центрах Галиции и Западной Европы. Первоначально они объединяли преимущественно состоявших в партии студентов и молодых интеллигентов, главным образом выходцев из Российской империи. Организация кружков осуществлялась в соответствии с установками Боевого отдела ЦРК ППС-РФ на формирование милиции в качестве резерва Боевой организации. Славек был в числе первых руководителей партии и Боевой организации, выступивших против практики приема в них только членов ППС. На встрече с участниками милицейского кружка в Париже в конце апреля 1908 года он прямо заявил, что в кружки можно и нужно принимать не только партийцев, но и всех высокоморальных, не боящихся конспиративной работы людей, желающих учиться военному делу.

Найти таких людей Славеку помог весной 1908 года Мариан Влодзимеж Кукель, 23-летний студент Львовского университета, связанный с социалистическим движением в Галиции и ППС. Он некоторое время состоял в тайной молодежной Организации непримиримых, члены которой занимались пропагандой среди львовских студентов идей независимости Польши, а также начальной военной подготовкой. От него же Славек узнал и о группе «Возрождение», существовавшей к тому времени уже шесть лет и проводившей деятельность, аналогичную Организации непримиримых. По словам Кукеля, группа поддерживала контакты с австрийскими военными и даже имела несколько карабинов. В числе ее видных деятелей был 27-летний Владислав Эугениуш Сикорский, именно в 1908 году оканчивавший Львовский политехнический институт. К этому времени он успел послужить в австрийской армии и имел воинское звание подпоручика пехоты. Кукель познакомил Славека с руководителями «Возрождения», которые произвели на него в целом положительное впечатление. Поскольку Славеку нужно было возвращаться в Краков, он передал только что установленный контакт Соснковскому, который в отсутствие Пилсудского и Славека, занимавшихся подготовкой операции в Безданах, принял решение о создании новой организации – Союза активной борьбы.

В конце июня 1908 года на квартире у Соснковского состоялось учредительное собрание САБ, принявшее программу организации. Ее целью объявлялась

подготовка вне границ России организаторов и технических руководителей будущего вооруженного восстания в Царстве Польском, а также создание независимой демократической Польской республики. Учредители САБ считали необходимым после обретения независимости провести радикальные социальные реформы, в том числе аграрную, сопровождающуюся национализацией и последующей передачей всей земли крестьянам. Было решено не придавать союзу политического характера, но принимать в него только людей левых взглядов, согласных с положениями программы-минимум ППС, главным образом с постулатом независимости.

В Царстве Польском САБ должен был стать помощником Боевой организации ППС, находиться у нее в подчинении как до, так и во время восстания, выполнять все ее поручения [Именно это положение заставляет усомниться в том, что Пилсудский имел непосредственное отношение к организации САБ. Согласно воспоминаниям Соснковского, в начале лета 1908 года Пилсудский имел с ним встречу и сказал, что Боевая организация – это уже отыгранная карта истории. Поэтому Соснковский якобы и решил создать САБ как беспартийную военную организацию. Но зачем же тогда было подчинять ее Боевой организации ППС?]. Союз активной борьбы был задуман как тайная, действующая в условиях строгой конспирации жестко структурированная организация. Его высшим руководящим органом являлся съезд, а текущая работа в промежутке между съездами поручалась Отделу САБ из четырех человек, избранных на съезде, и делегата Боевого отдела ППС. Первичной ячейкой САБ была шестерка во главе со старшим. Три шестерки образовывали отряд, два отряда – район под командованием начальника. Районы объединялись в округа. В промежутках между съездами, не реже одного раза в три месяца, собирался Совет САБ, в состав которого входили члены Отдела и руководители территориальных подразделений.

Свою активную деятельность САБ начал осенью 1908 года, после окончания студенческих каникул. Как видно из истории возникновения Союза активной борьбы, Пилсудский не имел к этому прямого отношения. Но нет никаких сомнений в том, что его статьи об оптимальных путях подготовки к вооруженной борьбе с русским господством в Царстве Польском повлияли на действия Соснковского.

Первым из членов руководства ППС и Боевой организации о возникновении новой военизированной организации пропэпээсовского толка узнал Славек. Об этом ему рассказал в начале августа 1908 года сам Соснковский. При этом он добивался от Славика как члена партийного руководства одобрения своих действий. Вначале проект Соснковского насторожил его собеседника, опасавшегося, что к руководству САБ могут прийти люди, не имеющие ничего

общего ни с революционностью, ни с Боевой организацией ППС. Получив разъяснение, что в руководстве САБ гарантировано участие представителя Боевого отдела социалистической партии, он свои возражения снял, но окончательный ответ обещал дать только после разговора с Пилсудским.

По мнению П. Самуся, Славеку удалось подробно рассказать Пилсудскому о Союзе активной борьбы только в октябре 1908 года, когда участники операции в Безданах после возвращения из России отдыхали в Закопане. Пилсудский одобрил создание новой организации. И даже несколько раз возвращался к вопросу о необходимости дальнейшего расширения масштабов подготовки к вооруженной борьбе за независимость и привлечения к ней сил, не связанных с социалистическим движением. Сходными мыслями он делился в ноябре 1908 года и с М. Сокольниковым. В этом свете понятны высказанные им Славеку критические замечания в адрес САБ за чрезмерный радикализм социальных постулатов программы и недостаточно четкое определение его характера как чисто военизированной, а не политической структуры. И то и другое могло оттолкнуть от САБ людей, готовых бороться с оружием в руках за независимость Царства Польского, но при этом не разделявших социалистических идей.

Следует сказать, что в своих расчетах Пилсудский руководствовался не абстрактными, а вполне конкретными соображениями. Именно в это время в Галиции появилось достаточно много молодых людей из Царства Польского. С одной стороны, это были не определившие свои политические симпатии участники бойкота русских средних и высших учебных заведений, которые решили продолжить образование в Галиции. С другой – члены молодежной организации «Зет», а также Национального рабочего союза, в годы революции главного проводника влияния эндеков в рабочей среде, которые не согласились с пророссийским, как им казалось, курсом Дмовского и порвали с национальными демократами.

Но одобрения Пилсудским и Славеком проекта САБ как воплощения в жизнь новой концепции руководителя Боевой организации ППС-РФ было недостаточно, чтобы он стал общепризнанным в партии делом. Потребовалось немалое время, чтобы проект поддержали даже ближайшие сподвижники Пилсудского, в том числе известные нам Перль, Йодко-Наркевич, Енджеевский, Филипович и Сулькевич. Их возражения вызывали очевидный «милитаризм» САБ, отход от марксистского понимания революции, а также попытки вовлечения в него буржуазных элементов. Они опасались, что фактический отказ от ряда идеологических и программных положений социалистического движения ослабит боевой дух рабочего класса, который борется не только за Польшу, но и за свои классовые цели. По тем же мотивам

против концепции Союза активной борьбы высказывались многие члены Боевой организации и даже Боевого отдела.

В связи с этим Пилсудский вынужден был прилагать большие усилия для убеждения оппонентов в том, что военная подготовка и политическая деятельность не нанесут никакого ущерба социалистическому характеру ППС-революционной фракции, а САБ не превратится в организацию радикальных сторонников независимости. Наоборот, доказывал он, САБ позволит партии распространить свое влияние на другие группировки и социальные слои населения.

Решение Пилсудского возглавить САБ совпало по времени с важным для его планов событием. В октябре 1907 года начальником разведывательной группы Учетного отдела Генерального штаба австро-венгерской армии вместо Альфреда Редля, который, как стало известно позже, был еще в 1901 году завербован русской разведкой, был назначен Максимилиан Ронге. В условиях разразившегося осенью 1908 года боснийского кризиса австрийский Генштаб резко активизировал свою деятельность по подготовке возможной войны с Россией. При разработке разнообразных планов будущей кампании штабисты, как принято, должны были учитывать самые различные возможности ослабления своего противника, в том числе и использование сепаратистских движений в империи Романовых. В связи с этим в Вене вспомнили о предложениях Пилсудского о сотрудничестве на антироссийской основе, сделанных в 1906 и 1907 годах.

Установление контакта с Пилсудским было поручено капитану Густаву Ишковскому, блестящему офицеру польского происхождения, выходцу из австрийской Силезии, немного знавшему польский язык. С июля 1908 года он возглавлял разведывательный центр во Львове, деятельность которого была сориентирована против России. Осенью 1908 года Ишковский наладил связь с жившим во Львове Александром Малиновским, старым соратником Пилсудского, который в свое время имел некоторое отношение к операции «Вечер». Его интересовали отношение населения Царства Польского к России в случае ее войны с Австрией, возможность использования польских революционных организаций для диверсионной работы, а также их позиция. Содержание беседы было доведено до Пилсудского, который дал согласие на сотрудничество в разведывательной области, но пока что только во время войны [Galicyska dzialalnosc wojskowa Pilsudskiego... S. 458.].

19 октября 1908 года Ишковский направил Ронге рапорт, рекомендовавший привлечь ППС к разведывательной работе. Реакция руководства была положительной, и примерно в конце ноября – начале декабря 1908 года

Пилсудский лично встретился в Вене с майором Ронге для обсуждения различных аспектов взаимодействия. В распоряжении исследователей нет записи этой беседы, но, как считает Р. Съвентек, можно с большой долей достоверности восстановить ее ход и результаты. По его мнению, польский гость был ознакомлен с тайными планами Учетного отдела Генштаба по привлечению революционного движения в Царстве Польском к участию в разведывательной и диверсионной деятельности. Австрийская разведка, в свою очередь, обещала обеспечить Пилсудскому эффективную опеку и поддерживать конспиративную легенду движения сторонников независимости, но только Царства Польского. Всякая деятельность против монархии Габсбургов исключалась. Пилсудский соглашался снабжать австрийскую сторону разведывательной информацией о России, трактуя эту деятельность как борьбу с царизмом. Обе стороны могли быть удовлетворенными результатами встречи, хотя у них и были разные цели [Swiątek R. *Lodowa sciana...* S. 418.].

Правда, делами САБ и развитием сотрудничества с австрийской военной разведкой Пилсудский занялся не сразу. Его организм был истощен чрезмерным напряжением сил в последние годы, он часто температурил и даже подозревал у себя туберкулез, беспокоило сердце. Сокольниковский вспоминал, что многим тогда даже казалось, что Пилсудский не жилец на этом свете. Для поправки здоровья врачи рекомендовали ему длительное, не менее двух-трех месяцев, курортное лечение. Пилсудский выбрал модный в то время живописный далматинский курорт Абазию (сейчас Опатия), расположенный недалеко от Фиуме (Риеки). Выбор несколько неожиданный, если верить некоторым мемуаристам, по словам которых у Пилсудского в то время была всего одна пара брюк, и та дырявая...

На время своего отсутствия ведение дел Союза активной борьбы Пилсудский решил поручить Славеку, ставшему к тому времени его доверенным лицом. Славек хорошо зарекомендовал себя в Кракове. Благодаря его усилиям удалось преобразовать местные милицейские кружки ППС в отделение САБ, что существенно расширяло возможности привлечения новых членов в эту организацию.

Прежде чем покинуть Галицию и уехать на Адриатику, Пилсудскому следовало во что бы то ни стало переломить негативное отношение к САБ других членов руководства «фраков». Не мог он оставить без внимания и только что налаженное сотрудничество с Учетным отделом Генштаба австрийской армии. Для этого нужно было подобрать себе доверенных помощников.

Эти чрезвычайно важные для Пилсудского вопросы удалось решить за одно воскресенье 17 января 1909 года. В этот день состоялось два важных мероприятия с его участием. Вначале, на встрече с участием Иодко-Наркевича, Малиновского и Енджеевского (все они участвовали в свое время в операции «Вечер») он рассказал о разговоре с Ронге, а также поручил Малиновскому ввести в курс дела отсутствовавшего на совещании Славека. В первое время все они участвовали в контактах с капитаном Ишковским, а со второй половины 1909 года основным связным стал Слабек. Для ведения дел во Львове был принят общий для всех участников операции псевдоним «Роман», который использовался в качестве пароля при назначении встреч или обмене информацией. Как полагает Р. Съвентек, этот пароль был производным от «Осведомитель "Р"» («Konfident "R"»), кодового названия проекта сотрудничества с ППС-революционной фракцией в Учетном отделе австрийского Генштаба [Там же. S. 416 – 417, 422.].

В тот же день, 17 января, состоялось собрание руководящих деятелей партии, в ходе которого Пилсудский настойчиво, но безуспешно пытался убедить оппонентов в своей правоте. После его окончания, во время ужина в кругу ближайших сподвижников Пилсудский поставил вопрос ребром. Или они выражают ему вотум доверия, или же он покидает ряды ППС-революционной фракции. В этих условиях собравшиеся предоставили ему свободу действий в отношении САБ, с тем, однако, что сами они не будут участвовать в этом проекте. Как отмечал Слабек в своих воспоминаниях, «формально Пилсудский получил согласие руководства ППС-революционной фракции на работу в САБ и с этого времени уделял ему свое основное внимание» [Пит. по: SamusP. Walery Slawek... S. 263.].

И, только решив первоочередные на тот момент для него вопросы, Пилсудский в конце января или первой половине февраля 1909 года отправился вместе с женой Марией на три месяца на курорт. Его личная жизнь в Галиции устроилась единственно возможным способом, если принять во внимание, что совесть и моральные соображения не позволяли решительно порвать с законной женой, а сердце принадлежало другой, причем его роман с Александрой был хорошо известен Марии. Видимо, для того, чтобы не доставлять Марии дополнительных страданий, было решено, что Александра поселится во Львове. У влюбленных было достаточно возможностей для встреч, так как Пилсудский довольно часто наезжал из Кракова по делам САБ в город Льва. Кроме того, они вместе бывали в Закопане. А в остальное время писали друг другу полные любви письма, благо австрийская почта работала быстро и между двумя столицами Галиции было небольшое расстояние.

А вот в Кракове Пилсудский принадлежал только Марии. Ее по-прежнему

интересовали дела мужа. Она вела достаточно открытый дом, который посещали их многочисленные друзья, любила уютные краковские кафе, требуя, чтобы муж ее сопровождал, они вместе ездили на отдых и лечение за границу. На первый взгляд даже могло показаться, что это дружная, прочная семья, сумевшая стойко пережить постигшее ее несчастье – смерть дочери и падчерицы Ванды Юшкевич, которую они оба очень любили.

Чтение сохранившихся писем из Абазии может привести к ошибочному наблюдению, что Пилсудский полностью отошел от галицийских дел. Именно в таком духе об этом периоде пишут некоторые его биографы. На самом же деле он продолжал заниматься наиболее важными для него на тот момент вопросами, которые не мог перепоручить даже самым близким своим соратникам. 10 марта 1909 года в Вене состоялась его важная встреча с представителями австрийской военной разведки. Были обсуждены условия и принципы сотрудничества ППС-революционной фракции с австрийским партнером, определены информационные, разведывательные и технические возможности новой агентуры. По мнению Съвентека, именно тогда было заключено первое из трех важных соглашений Пилсудского с австрийской разведкой. В обмен на предоставление интересующей австрийскую военную разведку информации о Царстве Польском и западных областях России австрийское правительство обязалось обеспечить членам ППС свободу проживания и организационной деятельности в Галиции [Swiątek R. *Lodowa sciana...* S. 439.]. Но так как никаких документов об этой встрече на сегодняшний день не обнаружено, то и о ее деталях ничего конкретного сказать невозможно.

Реализация вероятного соглашения началась весьма оперативно. Уже 18 марта в «Роботнике» появился призыв собирать сведения о дислокации, личном составе, материальнотехническом снабжении русской армии в Царстве Польском. Известен и секретный циркуляр местным организациям ППС-революционной фракции, обязывавший членов партии собирать и передавать по инстанции информацию разведывательного характера.

Съвентек полагает, что Пилсудский располагал относительно небольшим количеством агентов в России. Это были, во-первых, посвященные в операцию «Осведомитель "Р"» несколько ее руководителей, использовавшие в разведывательных целях структуры Боевой организации ППС, САБ и стрелковых союзов. Во-вторых, локальные функционеры, получавшие информацию от подчиненных им организованных групп членов ППС и САБ. В-третьих, ничего не подозревавшие члены перечисленных выше организаций, в-четвертых, так называемые доверенные лица. Все они, кроме членов первой группы, постоянно проживали на территории Российской империи.

Самой крупной частью агентуры была ППС-РФ, насчитывавшая летом 1909 года около двух тысяч членов. Остальные структуры были немногочисленными, к тому же их члены в большинстве случаев одновременно состояли в ППС. К последней, пятой группе относились галицийские члены ППС и других организаций, подконтрольных Пилсудскому игравшие вспомогательную роль по отношению к ранее перечисленным группам. До 1911 года наиболее важной была группа доверенных лиц, члены которой, уже многие годы сотрудничавшие с ППС, постоянно проживали на территории России. Они были наиболее глубоко законспирированными, их учет вел лично Пилсудский, и только он поддерживал с ними связь через посредство самых доверенных деятелей ППС и САБ [Там же. S. 474 – 477.]. Начиная с 1910 года для сбора информации разведывательного характера Пилсудский активно использовал ведущих деятелей САБ, направляемых с инспекционными целями в Царство Польское, а также выезжавших на каникулы в Россию студентов галицийских вузов. Добытая ими информация стекалась к Пилсудскому, обобщалась им и передавалась австрийским генштабистам Ю. Рыбаку и Г. Ишковскому.

Успешно развивалось двустороннее сотрудничество и в области контрразведки, в борьбе с агентами охраны, засылавшимися в Галицию с целью сбора сведений о деятельности политических эмигрантов из России. Одним из его результатов стал, например, подготовленный в ноябре 1910 года Рыбаком рапорт о действиях Охранного отделения против Австро-Венгрии, в том числе и разведывательного характера. Всего в 1910 – 1913 годах состоялось несколько десятков шпионских процессов против русских агентов, многие из них стали возможными в результате действий контрразведки Пилсудского [Об этом направлении сотрудничества см.: Swiqtek R. *Lodowa sciana...* S. 514 – 523.].

Неравноправный характер тайного союза нелегальной подрывной партии из соседней страны и австрийского официального учреждения требовал от более слабого партнера свидетельств лояльности. Сам Пилсудский, видимо, не решился на открытую манифестацию своей проавстрийской ориентации, хотя косвенно не раз уже об этом публично заявлял. За него это сделал Йодко-Наркевич, в тот момент один из его ближайших соратников. В статье «Независимость для одной части или трех частей?» в апрельском номере «Пшедсвита» за 1909 год Йодко доказывал, что в настоящее время невозможно освобождение всей Польши одновременно, поскольку внутренняя ситуация как в Германии, так и Австро-Венгрии была стабильной и не было надежд на войну между тремя соседними империями сразу.

Совершенно по-иному оценивал Йодко положение России. Он считал, что весьма высока вероятность того, что она окажется в состоянии войны с

партнерами по разделам Польши или же в ней вскоре вновь вспыхнет революция. И тогда национально-освободительное движение в Царстве Польском сможет завоевать независимость. И явно с целью успокоить австрийцев и немцев автор заявил, что «мы преследуем цель освобождения только русской части; если бы пожелали сделать то же с Галицией или Познанщиной, то мы должны были бы начать борьбу с Австрией и Германией, а этого ни один разумный человек никогда не посоветует». Правда, в конце статьи декларировалась и борьба за освобождение и объединение других частей Польши, но как некая перспектива на неопределенное будущее.

Еще более четко необходимость ориентации польского национально-освободительного движения на Центральные державы была сформулирована Иодко-Наркевичем в брошюре «Польский вопрос и приближающийся конфликт Австрии с Россией», увидевшей свет в том же 1909 году.

Не бездействовали и австрийцы. Весной 1909 года непосредственное взаимодействие с представителями ППС в области разведки было поручено 27-летнему поручику Юзефу Рыбаку, выходцу из Австрийской (Тешинской) Силезии. Незадолго до этого он возглавил вновь созданный краковский центр австрийской военной разведки, в ведение которого передавалась разведывательная деятельность на территории Царства Польского. На этот раз для участников операции был избран общий псевдоним «Стефан», поэтому в некоторых источниках сама операция иногда называется «Осведомитель "С"» («Konfident "S"»). Курировавший прежде это направление Ишковский должен был теперь сосредоточить свое внимание на Украине, а также на подготовке ППС и САБ к диверсионно-повстанческой деятельности в случае войны Австро-Венгрии с Россией. Такое разделение обязанностей между Краковом и Львовом сохранялось до 1912 года, когда было принято решение о передаче всех направлений сотрудничества с ППС Рыбаку.

Очень скоро польские участники операции «Осведомитель "Р"» сумели оценить выгоды от налаженного взаимодействия. 1 июня 1909 года по обвинению в шпионаже в пользу России краковской полицией был задержан Валерий Славек, один из четырех людей из окружения Пилсудского, посвященных в тайну сотрудничества с австрийцами. Сведения об аресте попали в прессу, в связи с чем возникло опасение, что об этом узнают русские власти и потребуют выдачи известного охранке боевика, заочно осужденного за нападение на почтовый вагон в Безданах. И здесь на помощь пришла австрийская военная разведка, в результате вмешательства которой Славека спустя две недели освободили из-под стражи, а дело против него прекратили.

В июле 1909 года состоялся I совет (съезд) Союза активной борьбы. К этому

времени организация, несмотря на нехватку средств, инструкторских кадров (лишь немногие члены САБ имели за плечами службу в армии) и специальной литературы, достигла определенных успехов в увеличении своих рядов, главным образом за счет студентов и гимназистов старших классов. Отделения союза создавались также в западноевропейских и российских университетских центрах, в том числе в Петербурге и Киеве [В ноябре 1908 года САБ насчитывал 64, а в июне 1909 года уже 147 членов. Рост его рядов Стрелки, шпионы и Главный комендант

Важным событием в жизни Пилсудского стал XI (II) съезд ППС-революционной фракции в августе 1909 года в Вене. На нем было решено вернуться к изначальному названию партии – Польская социалистическая партия. Резолюции съезда еще раз повторили прежние программные установки партии. В качестве ближайшей цели было названо создание, пусть даже только в Царстве Польском, независимой буржуазно-демократической республики, в качестве конечной цели – образование независимого социалистического польского государства в составе всех польских земель.

Обращала на себя внимание интерпретация съездом антивоенных лозунгов, весьма важных в связи с явственно ощущавшимся приближением большой европейской войны. С одной стороны, подчеркивалась антивоенная позиция партии, но, с другой, отмечалось, что особое положение, в котором находится польский пролетариат, с неизбежностью потребует от него и ППС мобилизации всех сил для борьбы против главного угнетателя польского народа – русского самодержавия. Тем самым съезд фактически поддержал пропагандировавшуюся рядом партийных деятелей ориентацию на Австро-Венгрию, а точнее, на Центральные державы. Более того, война Австро-Венгрии с Россией была признана единственным условием, позволяющим развернуть активную борьбу за независимость. Из этого следовало, что партия должна всячески провоцировать ухудшение отношений между империями Николая II и Франца Иосифа I, чтобы подступить к реализации своей основной цели – освобождению Царства Польского от русского господства.

В целом традиционно были определены задачи деятельности ППС – социалистическая агитация, а также подготовка пролетариата к вооруженной борьбе с помощью Боевой организации и популяризации военных знаний. При этом съезд косвенно поддержал САБ, отметив как достижение в работе то, что в некоторых местах началась настоящая военная подготовка членов и сторонников партии.

Свидетельством дальнейшего дрейфа ППС на общенациональные позиции являются решения о вероятных союзниках. Съезд заявил о невозможности

всякого взаимодействия с другими социалистическими партиями в Царстве Польском, прежде всего с ППС-левицей и СДКПиЛ, как организациями, отрицающими важность для польского пролетариата первоочередного решения национального вопроса. И одновременно указал на допустимость временных союзов с буржуазными силами, если они выразят готовность бороться с царизмом. Тем самым высший форум ППС поддержал идею Пилсудского о расширении социальной базы национально-демократической революции в Царстве Польском.

Съезд избрал Центральный рабочий комитет в составе Пилсудского, Филиповича и Йодко-Наркевича. Принимая во внимание, что двое последних давно уже входили в узкий круг соратников Пилсудского и безоговорочно признавали его авторитет, в свое время участвовали в операции «Вечер», такой состав ЦРК означал, что Пилсудский получил прекрасную возможность единолично направлять деятельность ППС, Боевой организации и Союза активной борьбы. Организационно это было не так уж и сложно делать, поскольку в Царстве Польском активность партии была крайне незначительной: и ЦРК, и Боевой отдел, и САБ основную свою деятельность вели в Галиции.

Произошли существенные изменения в структуре руководящих органов партии, создан Партийный совет ППС. В его состав входили члены ЦРК, руководители отделов, число которых было сокращено, а также некоторое количество назначаемых местных партийных деятелей. Новый уставной коллегиальный орган практически заменил высший партийный форум, следующий съезд ППС был созван спустя шесть с лишним лет. Это еще больше усиливало позиции узкого партийного руководства, выводило его из-под контроля местных организаций.

В 1909 году вновь остро встала проблема финансов. Добытые в Безданах деньги разошлись достаточно быстро на оплату долгов и текущие расходы партии, на помощь бывшим боевикам, эмигрировавшим в Галицию и оказавшимся здесь без работы и средств к существованию. Поэтому было решено провести новый «экс». После долгих поисков объекта было решено ограбить уездную кассу в Мозыре. В качестве базы операции был избран расположенный примерно в 200 километрах от этого белорусского городка Киев. С этой целью было снято несколько дачных домов в киевском пригороде Куреневке. Выбор Мозыря объяснялся тем, что этот провинциальный полесский городок лежал в стороне от железной дороги, в нем не было военного гарнизона, а с немногочисленной полицией опытные боевики справились бы без труда. Подготовка к проведению операции началась летом 1909 года, а завершилась лишь в октябре. К участию в ней были привлечены

боевики, укрывавшиеся в Галиции, потому что Боевая организация в Царстве Польском к этому времени уже не представляла собой сколько-нибудь серьезной силы. Подготовкой «экса» руководил лично Пилсудский, среди участников были близкие ему люди: Щербиньская, Славек, Пристор, Соснковский.

В соответствии с планом после захвата денег боевики должны были на трех моторных лодках по Припяти и Днепру вернуться в Киев. Французские лодочные моторы системы «Motogodill», приобретенные Пристором, были слабыми и шумными [РГВА. Ф. 476. Он. 1. Д. 79. Л. 12.]. Но это не беспокоило организаторов, поскольку большую часть пути можно было незаметно проделать по пустынной местности.

Но мозырская операция так и не состоялась. Незадолго до ее начала решили испытать купленные моторные лодки на Днестре. И тут выяснилось, что качество моторов оставляет желать лучшего, они непрерывно глохнут, к тому же из-за неосторожности испытателей на одной из лодок загорелся бензин, и пожар с трудом удалось погасить. Поэтому Пилсудский отказался от проведения операции [Если сравнить возникшее затруднение с обстоятельствами операции в Безданах, то причина отказа от мозырского «экса» не совсем понятна. Видимо, в это время Пилсудскому было уже что терять, и у него были резервные возможности получить средства на свою военизированную деятельность.]. Это была одна из последних попыток Боевой организации провести крупный «экс» и последняя предвоенная поездка Пилсудского в Россию. Следующий раз он пересечет границу империи только в августе 1914 года.

В 1910 году боевики провели еще несколько террористических актов и нападений на государственные кассы и учреждения в Царстве Польском, но захваченные суммы были столь незначительны, что не перевешивали риск потерять проверенных людей. Боевая организация хирела, не было достаточного притока свежих сил, начиналась деморализация ее членов, остававшихся на свободе. Пилсудский все больше терял к ней интерес. Его не могло не раздражать недоброжелательное отношение членов и руководителей организации к Союзу активной борьбы, на который он в это время делал основную ставку. Ареной столкновений были заседания Партийного совета, в конечном счете победа осталась на стороне Пилсудского и его сторонников. В середине 1911 года Боевой отдел отозвал своего представителя из руководства САБ, утратив тем самым всякое на него влияние. САБ получил возможность беспрепятственно создавать свои организации на территории русской Польши.

Росту рядов Союза активной борьбы и его превращению в действительно

массовую организацию в какой-то степени мешал тайный характер деятельности. Особенно если речь шла о галицийской молодежи, опасавшейся проблем с властями в случае, если бы стало известно о их принадлежности к официально незарегистрированной организации. Тайный характер САБ создавал определенные трудности и австрийским военным, поощрявшим антирусские приготовления Пилсудского. Выход был подсказан капитаном Ишковским и поручиком Рыбаком. По свидетельству Славека, именно они предложили создать стрелковый союз, который бы действовал на основании «Распоряжения о поддержке добровольческого стрелкового движения» от 6 мая 1909 года, изданного в интересах тирольских стрелков. По мнению этих офицеров, деятельность на законном основании должна была позволить польским революционерам-эмигрантам из Царства Польского, участвующим в военных приготовлениях, избежать неприятностей со стороны административных органов.

Пилсудский некоторое время колебался, опасаясь возможных негативных последствий легализации своего начинания. Если бы австрийские власти через какое-то время запретили деятельность стрелкового союза, то они без труда могли бы взять под свой контроль его главное на тот момент детище. В конечном счете он все же согласился с предложением офицеров австрийской разведки. Было решено создать два отдельных стрелковых общества, в Кракове и Львове, чтобы избежать впечатления, что это единая организация. Первым был создан Стрелковый союз во Львове, его устав был утвержден в апреле 1910 года, а в декабре того же года был зарегистрирован устав общества «Стрелок» в Кракове. Вслед за этим стали создаваться аналогичные общества в других населенных пунктах Галиции.

Согласно их уставу это были организации допризывной подготовки, подчинявшиеся формально местным органам ландвера (ополчения). Их возглавляли лояльные австрийские граждане, хорошо известные властям и обществу. Например, в Кракове это был Влодзимеж Тетмайер, художник, деятель крестьянского движения и депутат рейхсрата (парламента). Фактически же работой союзов руководили члены тайного САБ, входившие в их руководящие органы. В Кракове это был будущий преемник Пилсудского в независимой Польше на посту Генерального инспектора вооруженных сил Эдвард Рыдз, пользовавшийся псевдонимом Смиглы, во Львове – Сикорский и Соснковский. Со стороны властей деятельность союзов контролировали львовский и краковский центры австрийской военной разведки, то есть Ишковский и Рыбак. С их молчаливого согласия в ряды стрелковых организаций вступали не только галичане, но и эмигранты из русской Польши, хотя это и противоречило их уставу.

Легализация военизированной структуры борцов за независимость Царства Польского позволила австрийским военным более свободно оказывать им необходимую помощь, например, безвозмездно предоставлять карабины, патроны армейские стрельбища. Кроме того, теперь венским властям проще было отказывать, как это было, например, в 1912 году, в удовлетворении требований российской стороны о прекращении деятельности враждебных ей польских организаций.

В мае 1910 года возникла серьезная опасность разоблачения усиленно распространявшейся Пилсудским легенды, согласно которой он свою активную антирусскую деятельность в Галиции якобы вел в полной тайне от австрийцев. В трех номерах газеты «Киевлянин» депутат Государственной думы и известный журналист Александр Савенко, ссылаясь на имеющиеся в его распоряжении подлинные документы, привел факты о контактах представителей австрийского Генерального штаба с ППС. Эти статьи немедленно были перепечатаны польской прессой. Польское общественное мнение отнеслось к этим публикациям с большим недоверием, считая их провокацией охранки. Иного мнения были посвященные в тайну операции «Осведомитель "Р"», которых не могло не насторожить знание Савенко сути дела. Они поняли, что в руководящих кругах движения за независимость Царства Польского есть хорошо информированные агенты русской разведки или охранки. Встревожился и австрийский Генштаб, опасавшийся, что публикация Савенко может спровоцировать вмешательство противников обострения отношений между Австрией и Россией в розыгрыш польской карты.

От внимания Пилсудского не могли ускользнуть процессы, протекавшие в лагере сторонников освобождения Царства Польского из-под власти царизма с оружием в руках. В конце 1908 года порвавшие с национальными демократами активисты молодежной организации «Зет» и боевики из Национального рабочего союза создали в Кракове Польский военный союз (ПВС). Затем аналогичная организация возникла во Львове и вскоре заняла лидирующие позиции в новом движении. Идейным центром, вокруг которого группировались недавние адепты идей Национальной лиги, стал журнал «Зажеве» («Очаг»). В 1910 году движением были сформированы тайные политическая (Легион независимости) и военная (Польская армия) организации. Военную организацию возглавляли Мечислав Нейгебауэр и Мариан Янушайтис, в независимой Польше впоследствии дослужившиеся до генеральских званий.

Польская армия (ПА), построенная по военному образцу, присваивавшая своим членам воинские звания, занималась деятельностью, аналогичной той, которую вел Союз активной борьбы. ПА главным образом ориентировалась на

молодежь, активно работала в скаутском движении. В 1911 годона приступила к созданию легальных Польских стрелко вых дружин (ПСД), уставной деятельностью которых была определена допризывная подготовка молодежи. В октябре 1911 года возникла первая дружина во Львове, правление которой формально возглавлял профессор Львовского университета географ Эугениуш Ромер. Реально же руководство было сосредоточено в руках лидеров Польской армии. Аналогичные дружины были созданы в Кракове и других городах Галиции. В июне 1912 года в ПСД состояло около 600 членов.

С весны 1911 года наметилось постепенное сближение Союза активной борьбы и Польской армии. Сотрудничество началось с создания совместной комиссии для выработки строевого устава, но со временем взялись и за преодоление политических и идеологических разногласий, а также личной предубежденности. Идти на компромисс было непросто в том числе и потому, что руководители САБ были заметно старше своих коллег из ПА (например, Янушайтис был моложе Пилсудского на 22 года).

Большое напряжение сил в связи с активным образом жизни сказывалось на здоровье Пилсудского. Судя по всему, он был человеком весьма мнительным и всерьез опасался легочного или сердечного заболевания. Его письма любимой Александре в предвоенные годы полны жалоб на состояние здоровья. А близко знавший его Игнаций Дашиньский с сочувствием отмечал в 1915 году, что фронтовые условия не очень хорошо влияли на организм Пилсудского, «который всю жизнь боролся с болезнью сердца и жил вопреки всем диагнозам врачей». В отдельные периоды жизни Пилсудский не выдерживал перенапряжения и практически прекращал всякую активность. Так было, например, в начале 1911 года, когда он в очередной раз начал подозревать у себя тяжелую легочную болезнь и поэтому отправился с Марией на итальянский курорт Нерви в окрестностях Генуи. Здесь он лишь изредка раскладывал пасьянс, а обещанные издателям материалы и статьи так и не подготовил. После таких более или менее продолжительных пауз наступал новый всплеск активности, и так до следующего недомогания.

К 1912 году, когда стрелковое движение включило в свой состав практически всех, кто готов был бороться за независимость Царства Польского и при этом придерживался левых убеждений, Пилсудский и его соратники столкнулись с проблемой новых кадров. Кроме того, социалистическая родословная руководителей движения служила серьезным препятствием при сборе средств на военную подготовку. Необходимо было искать доступ к тем кругам потенциальных меценатов, которые были не только далеки от социалистического движения, но и враждебны ему.

В связи с этим возникла идея организации так называемой Военной казны, то есть специального фонда для финансирования деятельности всех организаций, определивших своей целью борьбу за независимость Царства Польского. Его должны были возглавить известные в широких кругах, свободные от каких-либо политических пристрастий общественные и культурные деятели, сторонники активных форм борьбы за независимость русской Польши. На VII заседании Партийного совета в конце мая – начале июня 1912 года Пилсудскому удалось убедить его членов в необходимости созыва такой конференции.

В июне того же года офицерский совет САБ принял важное решение о структурных изменениях с целью дальнейшей централизации руководства этой организации. Функции прежнего коллегиального отдела, руководившего делами САБ, были переданы Главному коменданту, ежегодно избираемому советом офицеров союза. Первым комендантом стал Пилсудский, его назначение повторялось и в последующие годы. При Главном коменданте действовал совет, были созданы главный и местные штабы. Начальником главного штаба стал Соснковский. Аналогичным образом перестраивалась и структура стрелковых организаций. Июньская реформа САБ способствовала дальнейшему укреплению авторитета Пилсудского в его окружении и среди сторонников активных форм борьбы за независимость русской Польши.

Несомненно, реформирование САБ Пилсудский проводил не только для того, чтобы усилить свои позиции в движении сторонников независимости Царства Польского. Они и без этого были достаточно прочными, особенно среди соратников, оставшихся приверженцами главных задач ППС, сформулированных в начале далеких 1890-х. Ему нужна была сильная организация для достижения более серьезной цели. Видимо, Пилсудский считал, что рост напряженности в международных отношениях в 1912 – 1913 годах и все более явно обозначившийся конфликт между Австро-Венгрией и Россией на Балканах создавали благоприятную атмосферу для начала политических переговоров с австрийцами относительно будущего Царства Польского. Об этом свидетельствуют его памятная записка, врученная Рыбаку в августе – сентябре 1912 года для передачи по инстанции, а также подготовленный в это же время по его поручению М. Кукелем аналогичный документ, переданный в военную канцелярию эрцгерцога Франца Фердинанда. Там весьма обстоятельно перечислялись возможные выгоды, которые австрийская сторона могла бы получить от взаимодействия с ППС в случае войны с Россией, и подчеркивалось, что они были бы еще значительнее, если бы Австро-Венгрия помогла подготовить достаточное количество руководителей повстанческих отрядов. В случае принятия предложения

Пилсудского центр тяжести сотрудничества между его соратниками и австрийской военной разведкой смещался бы с разведывательно-диверсионной деятельности в область партнерского взаимодействия польской и австро-венгерской армий [Эти документы подробно проанализированы Р. Свентеком. – См.: Swiątek R. *Lodowa sciana...* S. 576 – 585.]. Тем самым возникали бы благоприятные условия для возвращения польского вопроса на международную арену.

В августе 1912 года в Закопане по инициативе Пилсудского была проведена конференция сторонников независимости Царства Польского [Некоторые польские исследователи вслед за Пилсудским безосновательно называют ее съездом ирредентистов, что не соответствует точному содержанию этого итальянского термина. Как известно, первоначально он означал еще не освобожденные территории с итальянским населением в составе Австрии. Признание правомочности употребления определения ирредентизм к движению сторонников борьбы за освобождение Царства Польского от русского господства подразумевает, что польские земли в составе Австрии и Германии уже были свободными территориями. А это не так.]. Формально ее инициатором был Владислав Студницкий, известный публицист и общественный деятель. Конференция не имела характера межпартийного совещания, каждый из более чем 30 ее участников формально представлял только себя самого. В ней приняли участие члены ППС и других партий Царства Польского и Галиции, Польской армии и Польских стрелковых дружин, несколько депутатов рейхсрата, известные писатели Анджей Струг и Стефан Жеромский, поэт и публицист Тадеуш Мициньский. Среди участников было несколько известных польских масонов – Р. Радзивиллович, те же Струг и Жеромский. Хотя на конференции они особой активности не проявляли, важным был сам факт их присутствия, показывавший поддержку «вольными каменщиками» движения за независимость Царства Польского.

Главным событием первого дня конференции стало программное выступление Пилсудского, в котором он подвел итоги подготовки военизированных организаций к борьбе с царизмом, а также призвал польское общество оказывать им материальную и моральную поддержку. При этом Главный комендант не жалел критических замечаний в адрес польского народа за его покорность русским властям и настойчиво проводил мысль, что «Польша должна помнить про меч». Игнорирование Пилсудским вопроса о роли социализма и пролетариата в этой борьбе вызвало несогласие Дашиньского, однако Пилсудский сумел убедить его. Несомненным успехом инициаторов конференции было также принятие решения о создании тайного фонда – Польской военной казны (ПВК).

Задачей ПВК было финансирование всех военных приготовлений – организаций, занимавшихся военной подготовкой, военных изданий и т. д. Состоявшее из шести членов правление ПВК возглавил 77-летний участник восстания 1863 года Болеслав Лимановский, прошедший через шестилетнюю административную ссылку во внутренних районах России и 30-летнюю эмиграцию на Западе. Заслуги и патриотические взгляды обеспечивали ему доверие и уважение в самых различных кругах польского общества. Казначеем фонда стал Анджей Сливинский, а секретарем, формально не входившим в состав его правления, – Валерий Славек. Через них Пилсудский мог существенно влиять на деятельность ПВК.

Польская военная казна нужна была Пилсудскому для облегчения процедуры сбора средств на деятельность всех военизированных структур, прежде всего, конечно, Стрелкового союза. Традиционными способами добывать деньги ему и его соратникам становилось все труднее, далеко не все, кто готов был стать спонсором, хотели отдавать деньги социалистам. Иное дело, когда средства собирал аполитичный фонд, в правление которого входили уважаемые люди: профессор, публицист, художник, врач, депутат австрийского парламента... Кроме того, наличие единого источника финансирования в виде ПВК должно было способствовать сближению различных течений в движении за независимость русской Польши и облегчать Пилсудскому возможность оказывать на него существенное влияние.

Из военизированных организаций в ПВК первоначально вступили лишь стрелковые союзы. Но уже на втором заседании Главного правления фонда в сентябре 1912 года Пилсудский указал на необходимость начать переговоры о вступлении в ПВК с Польскими стрелковыми дружинами, имевшими собственный фонд – Польскую финансовую казну.

Для сбора средств была создана специальная структура. Хорошо известные членам правления ПВК и Славеку авторитетные в польском обществе Галиции люди назначались представителями фонда на местах. Те в свою очередь подбирали кандидатуры финансовых комиссаров, которых затем в этом качестве утверждало правление Польской военной казны. В их задачу входила популяризация военной подготовки сторонников активных форм борьбы за независимость Царства Польского, а также сбор средств, пересылаемых Славеку или во Францию, где один из членов правления размещал их на банковском счете.

В августе 1912 года была также сделана попытка объединения всех стрелковых организаций Галиции в рамках Польской стрелковой федерации со штаб-квартирой во Львове, но власти, ссылаясь на то, что ее устав противоречит

законодательству, не дали на это разрешения.

Консолидация сторонников активных форм борьбы за независимость Царства Польского совпала по времени с новым обострением ситуации в Европе. 9 октября 1912 года началась Первая балканская война между Болгарией, Сербией, Черногорией и Грецией с одной стороны и Турцией с другой. Одряхлевшая Османская империя быстро понесла поражение и лишилась почти всех своих европейских владений. За православными балканскими государствами стояла Россия, и их победа усиливала ее позиции в этом невралгическом регионе континента, вполне справедливо именуемом в то время «пороховым погребом Европы». Это не могло не вызывать недовольства Австро-Венгрии, давно уже стремившейся подчинить эти государства своему влиянию.

Взрывоопасную ситуацию в Юго-Восточной Европе нетерпеливые польские активисты, в том числе и Пилсудский, расценили как преддверие скорой войны между Австро-Венгрией и Россией. 5 октября 1912 года Главный комендант издал общий приказ по САБ, призывавший членов организации добровольно отправиться в Царство Польское и начать там подготовку национального восстания [Pibudski J. Pisma zbiorowe. Т. III. S. 158 – 159.]. Сам он проводил эти первые недели конфликта в разъездах между Закопане и Львовом, где размещалось руководство САБ.

Свое видение будущего развития событий в Европе Главный комендант публично сформулировал в приветственной речи к съезду Немецкой социал-демократической партии Австрии 31 октября 1912 года. Характерно, что он обращался к австрийским социал-демократам, названным им партией, ближе всего стоящей к ППС, не как к классовой организации а как к государственным, сумевшим найти решение сложного национального вопроса в Австрии. Главное содержание его небольшой речи свелось к тому, что и Австрии, и Царству Польскому грозит страшная война. И хотя силы русской Польши ослаблены неудачной революцией, ППС не отступится от своей главной цели и с «вашей помощью мы распространим мощь свободы на наши земли. Если начнется война, то мы, естественно, постараемся, осуществить наши идеалы, чего не смогла сделать революция, и тогда в стенах свободной Варшавы мы сможем подготовить прием дорогих гостей Международного конгресса» [Там же. Т. III. S. 160.].

Из выступления Пилсудского внимательный наблюдатель мог сделать три вывода. Во-первых, что он не верил в возможность нового подъема революции в Царстве Польском [На VIII заседании Партийного совета ППС 3 декабря 1912 года, в кругу близких ему людей, он откровенно признался в слабости

партийных организаций в Царстве Польском, а также в том, что массы можно будет привлечь к акции только со временем. Поэтому все планы и расчеты следует базировать на тех силах, которыми ППС располагает в Галиции.]. Во-вторых, надеялся освободить Царство Польское с помощью Австрии. В-третьих, был заинтересован в скорой войне. Весьма знаменательно, учитывая тесное взаимодействие Пилсудского с австрийскими военными, отсутствие в приветствии четкого определения статуса Царства Польского в случае победы монархии Габсбургов. Если учесть данную им высокую оценку решения национального вопроса в Австрии и заявление, что «мы будем с вас брать пример», то его слова о свободном Царстве Польском можно было толковать поразному: и как о суверенном государстве, и как о коронном крае Австро-Венгрии.

Пилсудскому казалось, что неумолимо приближается исторический момент для реализации его планов освобождения Царства Польского, и к нему следует заблаговременно подготовиться в соответствии с ранее продуманным планом. Как уже говорилось выше, первоочередной задачей в процессе движения польских губерний Российской империи к независимости он считал создание революционного правительства, представляющего весь политический спектр сторонников активных форм борьбы за освобождение. 10 ноября 1912 года в Вене состоялась конференция представителей семи политических партий из русской и австрийской частей Польши.

Пилсудский выступал на ней дважды. Он внес и всесторонне обосновал предложение о создании Временной комиссии как органа межпартийного сотрудничества, который не позволил бы событиям застать движение сторонников независимости Царства Польского врасплох. Задачей комиссии была бы организация временного правительства в Царстве Польском сразу же после начала войны между Австро-Венгрией и Россией. Это правительство должно было объявить войну России и сформировать польскую армию. Для того чтобы поднять авторитет комиссии в глазах поляков Галиции до начала войны, ей поручались контроль деятельности Польской военной казны и военизированных организаций, а также развитие связей с польскими политическими партиями по вопросам будущей вооруженной борьбы. Это означало, что комиссия занималась всеми вопросами подготовки восстания.

Вскоре после конференции свою готовность участвовать в работе Временной комиссии подтвердил ряд политических партий и организаций, включая ППС, Польскую социальную демократическую партию Галиции и Силезии, Польские стрелковые дружины. Налицо был факт полной мобилизации политических сил, поддерживавших линию Пилсудского в вопросе о путях достижения независимости Царства Польского.

Одновременно с усилиями по консолидации политических сил Пилсудский проверял уровень управляемости соратников. Для активизации разведывательной деятельности местных организаций ППС и САБ в Царстве Польском в Россию были отправлены специальные эмиссары. 17 ноября 1912 года появился приказ Пилсудского о мобилизации членов стрелковых союзов, 12 декабря – еще один аналогичный приказ. Вряд ли результаты этой проверки его обрадовали. На VIII заседании Партийного совета 3 декабря 1912 года Главный комендант был вынужден признать, что на призыв отправиться на нелегальную работу в Царство Польское откликнулось лишь несколько десятков человек. Но даже их Пилсудский не мог использовать, поскольку не имел достаточных финансовых средств. Австрийцам от него нужна была только разведывательная информация. Не было денег и в ПВК в октябре 1912 года главное командование стрелковых союзов получило из нее только 200 крон, то есть менее ста тогдашних рублей.

Развитие отношений между австрийскими военными и Пилсудским в период европейского кризиса, вызванного Балканскими войнами, показало, что австрийская сторона попрежнему стремилась использовать находившиеся в распоряжении Пилсудского силы только для ведения разведки или контрразведки, а также организации диверсий в тылу русской армии после начала войны. Вся помощь австрийцев ограничилась выделением в распоряжение Рыбака трех тысяч карабинов устаревшей системы, трех тонн взрывчатки и 20 тысяч крон, а также взносом в Польскую военную казну 10 тысяч крон на нужды стрелкового движения [Stachiewicz J. *Polskie plany mobilizacyjne przed wojna swiatowa* // *Niepodleglosc*. 1933. Z. 18. S. 34.]. Самое обидное, что оружие и взрывчатка были размещены на складах армии и жандармерии и предназначены для передачи Пилсудскому только в случае войны с Россией.

Но зато австрийская армия надежно выполняла функцию прикрытия в отношении всей деятельности Пилсудского. Повышенная активность Главного коменданта, исходившие из его окружения слухи о том, что движение активистов борьбы за независимость Царства Польского поддерживают австрийские армейские круги, вызывали обеспокоенность консервативных политиков и администрации Галиции. Они опасались, что авантюризм Пилсудского и его сторонников, если им удастся спровоцировать очередное восстание в русской Польше, не только закончится очередным разгромом, но и может оживить антигабсбургские настроения среди галицийских поляков, а также негативно сказаться на взаимоотношениях Австро-Венгрии с Россией. Чтобы успокоить возбуждение, спровоцированное в галицийском обществе начавшейся войной на Балканах, члены польской фракции в рейхсрате 24

октября 1912 года обратились к своим избирателям с призывом не слушать людей, пропагандировавших идеи национального восстания в Царстве Польском и национально-освободительной войны с Россией.

Резко отрицательно по отношению к движению сторонников активных методов борьбы за независимость Царства Польского был настроен наместник Галиции, известный польский историк граф Михал Бобжиньский. 15 октября 1912 года он направил повятовым (уездным) старостам циркуляр, обязывавший их чинить всяческие препятствия деятельности лиц, выступающих «под знаменем независимости Польши с мыслью о создании национального правительства и даже организации собственных вооруженных сил» [Galicyjska dzialalnosc wojskowa Pifeudskiego... S. 569 – 570.]. Аналогичную позицию он неоднократно призывал занять и министерство внутренних дел Австрии [Там же. S. 570 – 572, 573 – 577, 583 – 587.]. 9 декабря 1912 года его поддержали участники совместного заседания депутатов польских фракций галицийского сейма и рейхсрата, принявшие резолюцию, косвенно осуждавшую движение сторонников активных методов борьбы за независимость русской Польши.

Результатом настойчивых усилий консерватора Бобжиньского стало обращение министра внутренних дел Австрии Карла Хейнольда к военному министру Александру фон Кробатину 13 декабря 1912 года он попросил изложить позицию военных по вопросам деятельности в Галиции движения сторонников активных методов борьбы за независимость Царства Польского, а также взаимодействия армии с польскими стрелковыми организациями. 26 декабря в ответе военного министра были более чем откровенно изложены взгляды австрийского военного руководства на сотрудничество с ППС и деятельность стрелковых организаций в Галиции.

Генерал Кробатин признался в сотрудничестве армии с ППС в области контрразведки и разведки, обосновав его необходимостью применять во время войны любые средства, способные повредить неприятелю и приблизить победу. В связи с этим, подчеркнул министр, непростительной ошибкой был бы отказ от использования зарубежного политического движения, направленного против России. Вместе с тем генерал указал, что австрийские военные не берут на себя никакой ответственности за то, как будет относиться неприятель к польским партизанским отрядам, создаваемым в России или в любом другом месте, и не связывают себя какимилибо обещаниями относительно реализации после окончания войны их политических целей.

К тому же, указал Кробатин, существование польских стрелковых организаций не противоречит австрийскому законодательству, и поэтому армия не видит причин отказывать им в помощи, если только они не выйдут за пределы своей

уставной деятельности.

Таким образом, австрийские военные в очередной раз взяли под защиту активистов борьбы за независимость Царства Польского, обосновывая свою заинтересованность в них жизненными интересами монархии. Несомненно, такая позиция Вены объяснялась только положительными результатами трехлетнего сотрудничества австрийской военной разведки с Пилсудским.

Кризис, вызванный двумя Балканскими войнами 1912 – 1913 годов, хотя и обострил до крайности отношения Вены и Петербурга, но так и не перерос в вооруженный конфликт. В обстановке спада напряженности в Восточной Европе среди политиков, составивших Временную комиссию, возникло мнение о ее ненужности. Такие настроения выражали, в частности, представители польской армии и Польских стрелковых дружин. Хорошо известно, что сплоченность разномастных коалиций, возникающих для борьбы против общего врага, сохраняется лишь до того момента, пока существуют условия для реальной борьбы с ним. Если таких условий нет или противник повержен, то верх берут центробежные силы и коалиция распадается. Эта же судьба грозила и Временной комиссии, когда стало ясным, что Австро-Венгрия с Россией воевать не будет.

Но Пилсудский не хотел допустить ликвидации коалиции, на создание которой он потратил несколько лет жизни и много сил. Она была ему нужна для обеспечения двух главных условий решения вопроса о судьбе Царства Польского. Во-первых, для консолидации различных течений в движении активистов борьбы за независимость польских губерний династии Романовых. Во-вторых, для уверенности в том, что, по крайней мере, участники коалиции безоговорочно признают то правительство, которое он намеревался создать сразу же после начала войны с Россией.

Поэтому Пилсудский делал все возможное для сохранения и консолидации коалиции. 1 декабря 1912 года на первом заседании Временной комиссии было решено преобразовать ее во Временную комиссию конфедерированных политических партий-сторонниц независимости (ВККПП-СН). В ней изъявили желание участвовать шесть партий из Царства Польского и Галиции. Секретарем комиссии стал соратник Пилсудского Йодко-Наркевич. Тогда же комиссия назначила Пилсудского Главным комендантом стрелковых союзов и стрелковых дружин. Спустя некоторое время верховенство ВККПП-СН признало правление Польской военной казны.

На первый взгляд могло показаться, что Пилсудский последовательно осуществляет цели подготовительного этапа своего плана освобождения

Царства Польского. Были созданы военизированные организации, готовящие будущие командные кадры повстанческой армии, налажено взаимодействие социалистических и несоциалистических партий и организаций, необходимое для формирования общенационального временного правительства и повстанческой армии, организован фонд для финансирования стрелкового движения, объединенного под его руководством. Продолжало успешно развиваться сотрудничество с австрийскими военными. И хотя к 1913 году австрийцы создали собственную разведывательную сеть в Царстве Польском и меньше нуждались в помощи Пилсудского, они широко использовали его возможности для борьбы с русской агентурой в Австро-Венгрии.

Но на практике дела обстояли не так хорошо, как хотелось бы Главному коменданту. Его усилия по созданию военизированного движения не находили безоговорочной поддержки в рядах ППС. И не только среди членов Боевой организации, ревниво относившихся к выдвигению стрелкового движения на первый план в деятельности их бывшего руководителя, но и среди части руководителей ППС, решительно вставших на его сторону в 1906 году. В 1913-м ряды партии покинули Феликс Перль и ряд других известных деятелей, недовольных отходом Пилсудского и его сторонников от социализма. Они образовали ППС-оппозицию, попытавшуюся создать в Царстве Польском параллельную партийную структуру, правда, без особого успеха.

Не внушали оптимизма и темпы роста Стрелкового союза. Организация Польской военной казны не привела к немедленному оживлению спонсорства ни в Галиции, ни тем более в Царстве Польском. Положение с финансами изменили к лучшему успешные действия известного деятеля ППС Александра Дембского. В начале XX века он выехал в США и активно включился в общественную жизнь польских эмигрантов. По его инициативе в декабре 1912 года был создан Комитет национальной обороны с участием важнейших организаций американской Полонии [Общее название польских эмигрантских организаций.], одной из задач которого стал сбор средств для помощи движению активистов борьбы за освобождение Царства Польского. В 1913 году из Америки в Галицию ежемесячно стали переводиться ощутимые суммы – от нескольких тысяч до нескольких десятков тысяч австрийских крон. По размеру они превышали все другие поступления. Так, с октября 1912-го по сентябрь 1913 года в ПВК поступили из Галиции 38 884 кроны, из Царства Польского – 1 624, из европейских центров эмиграции – 3 728, а из США – 111 455 крон. Особая позиция Дембского в Комитете национальной обороны предопределила то, что все контакты с польской эмиграцией в США оказались в руках Славека, а тем самым и Пилсудского.

Деятельность активистов борьбы за независимость попрежнему наталкивалась

на противодействие ряда политических партий Галиции. И не только национальных демократов, выступавших за одновременное решение национального вопроса для всех частей разделенной Польши, а не одного Царства Польского, но и консерваторов, уповавших на преобразование дуалистической монархии Габсбургов в триалистическую путем уравнивания Галиции в правах и статусе с Австрией и Венгрией. Ими был создан пользовавшийся поддержкой польской фракции галицийского сейма Национальный совет, составивший серьезную конкуренцию Временной комиссии.

Пропаганда активистов не находила широкого отклика у польского населения Галиции. Немалая его часть воспринимала стрелковое движение как ничего не значащую забаву «горбатых и хромых студентов», которым не жалко свободного времени и денег на покупку формы и проезд до мест учений. Это вынужден был признать и сам Пилсудский, с грустью и возмущением говоривший в августе 1912 года, что старшее поколение относится к членам военизированных формирований с издевательско-снисходительной улыбкой, считая их «оловянными солдатиками».

Значительно успешнее развивались в это время другие военизированные организации, политически связанные с национальными демократами. В частности, полевые дружины гимнастического общества «Сокол» насчитывали в 1913 году около 30 тысяч членов, из которых каждый четвертый имел военную подготовку. Военизированная крестьянская организация «Дружины Бартоша» – порядка шести тысяч человек, а годом позже ее ряды удвоились.

Последовательное возвышение Пилсудского, сумевшего с помощью членов своей группы овладеть ведущими позициями в Польской военной казне и Временной комиссии, вызывало недовольство у руководителей Польской прогрессивной партии и Польских стрелковых дружин. В феврале 1913 года по их инициативе было ограничено влияние Славека как секретаря правления ПВК. Руководители стрелковых дружин выражали недовольство сложившейся практикой распределения средств казны, львиная доля которых доставалась Стрелковому союзу.

Стремясь разрядить обстановку, Пилсудский на заседании Временной комиссии в апреле 1913 года попросил освободить его от обязанностей Главного коменданта военизированных организаций. Он объяснял, что этот пост был ему поручен тайными военными организациями, образующими польскую армию, лишь на период войны. Теперь, когда Турция признала свое поражение и угроза европейской войны отступила, он должен подать в отставку. Для того чтобы сохранить единство военизированного движения, на

следующем заседании комиссии в мае 1913 года Главное командование было заменено Военным отделом Временной комиссии, в котором на паритетной основе были представлены Стрелковый союз и Польские стрелковые дружины. И на этот раз Пилсудскому удалось обеспечить себе преобладающие позиции в военизированном движении. Контролерами ВККПСН, введенными в состав Военного отдела для наблюдения за деятельностью военизированного движения с правом решающего голоса, стали близкие ему Сокольников и Сикорский. К тому же в принятой резолюции была отмечена необходимость при возникновении новой военной тревоги вновь создать Главное командование.

Несмотря на все затруднения, чинимые активистам борьбы за освобождение русской Польши их конкурентами, а также внутренние конфликты, развитие военизированного движения с осени 1912 года заметно оживилось. К середине 1913 года численность членов стрелковых организаций возросла в несколько раз, до 9 – 10 тысяч человек. Этот рост происходил за счет не только студентов и гимназистов, но и молодых рабочих, ремесленников и крестьян, послушавшихся призывов польских крестьянской и социально-демократической партий.

Изменение социального состава военизированных организаций открывало перспективу обеспечения будущей повстанческой армии в Царстве Польском не только офицерскими, но и унтер-офицерскими кадрами. Конечно, уровень военной подготовки в большинстве стрелковых союзов, особенно создававшихся в селах и местечках, не всегда был на высоте, но эти организации выполняли важную пропагандистскую функцию, популяризируя среди молодежи идею вооруженной борьбы с Россией за освобождение Царства Польского.

Для более углубленной, серьезной военной подготовки стали создаваться специальные солдатские, унтер-офицерские и офицерские школы, прежде всего в Кракове и Львове, обучение в которых могло длиться до нескольких месяцев. В них слушатели проходили не только теоретическую, но и практическую подготовку. Летом 1913 года по инициативе Пилсудского в селе Стружа в окрестностях Лимановы была организована школа инструкторов Стрелкового союза, он же стал ее начальником и одним из преподавателей. Выпускники этой школы получали военную подготовку, позволявшую им сдавать экзамен на офицерское звание. Пилсудский вел в ней занятия по военной истории, тактике революционных войн и военной географии Царства Польского как будущего театра военных действий [Оказавшись после поражения революции в Галиции, Пилсудский активно занимался самообразованием в области военного дела. Он изучал военные уставы и наставления, историю партизанской войны

во время восстания 1863 – 1864 годов и Англо-бурской войны, историю войн, включая и последнюю, Русско-японскую. Его кумиром в области военного дела был Наполеон.]. Непосредственное общение со слушателями в классах, поле и во внеучебное время позволило ему лично познакомиться с будущими командирами стрелковых организаций различных уровней, а им в свою очередь ближе узнать своего коменданта [Вождем Пилсудского начнут называть позже, уже в независимой Польше. Но люди, составлявшие его окружение в эти годы, всегда будут называть его комендантом.].

Окончание недельных полевых учений было ознаменовано 19 августа 1913 года марш-броском около 90 слушателей и преподавателей школы с места их проведения в Закопане. Они были одеты в мундиры военного образца серо-голубого цвета и так называемые фуражки-мацеювки [Эта форма останется любимой одеждой Пилсудского все последующие годы, вплоть до его кончины.], за плечами у них были боевые карабины и солдатские ранцы. В Закопане Пилсудский устроил торжественный смотр, после которого стрелки, несмотря на протесты местной администрации и полиции, еще несколько дней оставались в этой курортной местности, где любили отдыхать поляки из всех трех частей Польши. Конечно, такая откровенно антироссийская манифестация не могла бы состояться без согласования с австрийскими военными, но отдыхающие не могли этого знать. Благодаря освещению смотра в галицийской прессе Пилсудский добился определенного пропагандистского эффекта. Как считают исследователи, обществу был продемонстрирован зародыш будущей польской армии. Но, думается, не меньшее значение эта демонстрация имела для ее участников, их сплочения вокруг Пилсудского, их коменданта, благодаря которому они почувствовали себя участниками судьбоносного для Польши проекта.

Историки именно к 1913 году относят очень важное событие в развитии движения активистов борьбы за независимость Царства Польского и жизни самого Пилсудского. Благодаря присущей ему харизме и организаторским способностям он все больше обособливается от своего окружения (по выражению Сокольниковского, становится все более одиноким в собственном лагере), превращается в безусловный авторитет для определенной, весьма сплоченной группы людей, посвятивших свою жизнь общей цели – освобождению русской Польши. И эта его позиция со временем будет только крепнуть. Близко знавший его член боевой организации А. Лютце-Бирке воздействие Пилсудского на окружающих объяснял присущей ему «логикой рассуждений и определенной «exterieur» [Здесь: игра на публику.] ... В разговоре с ним нельзя было болтать ерунду, нужно было следовать за ходом его мысли и эту мысль развивать: да или нет, но нужно было ее развивать.

Нужно было идти за ним. А поскольку он для себя многие вещи обдумал, то доминировал над своим собеседником» [РГВА. Ф. 476. Он. 1. Д. 79. Л. 14.].

Уже в это время у Пилсудского вырабатывается определенный стиль отношений с подчиненными, который он сохранит до конца жизни. По свидетельству близко знавшего его Сокольниковского, он заключался в том, что Пилсудский не все выражал словами. Очень многое значили его долгие паузы, внимательно-изучающий или гневный взгляд, ворчание или жесты, в которых сквозило презрение или недовольство, если его не понимали. Иногда, после долгого обсуждения какого-то вопроса, он вдруг формулировал краткие решения. И при этом эти окончательные решения и отдаваемые приказы, касавшиеся вопросов деликатного свойства, были осторожными и сознательно неясными. Иногда он ограничивался полусловом, оставлял многое на усмотрение самих подчиненных. Пилсудский в этих случаях скорее демонстрировал свое намерение, чем указывал, как и что следует делать. Исполнитель должен был понять, чего от него хочет его комендант, и далее действовать по обстоятельствам. Не у всех это получалось. Одни осторожничали и пасовали, если обстоятельства не соответствовали намерениям Пилсудского, другие действовали излишне рьяно, что не всегда приносило пользу делу. И лишь те, кто мог подладиться к Пилсудскому оставались в его окружении.

Что касается его ближайших соратников по ППС, Союзу активной борьбы, Стрелковому союзу, то они постепенно превращались в своего рода штаб при лидере, становились его помощниками и советниками по политическим и военным вопросам. С каждой новой инициативой Пилсудского в составе этой группы появлялись свежие люди, а некоторые из прежде близких его сотрудников отходили в тень. Но при этом они, как правило, оставались лояльными Главному коменданту. В немалой степени это было заслугой самого Пилсудского, предпочитавшего в непростых условиях предвоенных лет не наживать себе лишних не то что врагов, но даже оппонентов.

Это качество его характера в очередной раз дало о себе знать на конгрессе конфедерированных политических партий, созванном для определения задач деятельности комиссии в условиях стабилизации международных отношений. Конгресс состоялся на рубеже ноября и декабря 1913 года. Пилсудский выступил на нем с отчетом о деятельности в качестве Главного коменданта стрелков и дружинников. Обсуждение обнаружило несовпадение мнений по ряду важных вопросов, в том числе относительно задач и принципов деятельности Комиссии конфедерированных партий (теперь она перестала называться временной) и Польской военной казны. И все же по спорным моментам удалось принять компромиссные решения, сохранив тем самым две

эти очень важные для Пилсудского структуры.

Конгресс изменил характер Комиссии конфедерированных партий. Она перестала быть органом, предназначенным для формирования правительства Царства Польского в момент начала войны, превратившись в структуру для координации борьбы отдельных партий за независимость польских губерний самодержавного государства. В ее компетенцию теперь входили контроль деятельности ПВК и отделов комиссии (военного и прессы), распределение средств из фонда военной казны, определение основных направлений военной работы, инициирование и организация совместных политических акций партий, входящих в состав комиссии, принятие решения о вооруженном выступлении стрелковых организаций. Комиссия не имела права вмешиваться во внутренние дела вошедших в нее партий, препятствовать их свободному развитию и даже спорам между ними. За ней не признавалось никаких правительственных функций, она не могла создавать какие-либо постоянные органы, помимо отделов финансового, военного и по делам печати. Партии сохраняли право самостоятельно определять политику и методы борьбы за независимость [Garlicki A. Jozef Pifeudski... S. 149 – 150.].

Не меньшую склонность к компромиссу проявил Пилсудский на X Партийном совете в январе 1914 года при обсуждении вопроса о ППС-оппозиции. Несмотря на то, что многие участники форума требовали занять жесткую позицию в отношении раскольников, прошло предложение Главного коменданта обратиться к ним с призывом вернуться в партию без всяких предварительных условий. Несомненно, это способствовало ликвидации раскола. 3 августа того же года лидеры ППС-оппозиции приняли решение о роспуске своей организации и возвращении в ряды ППС.

Но Пилсудский решительно пресекал все попытки нарушения субординации в Союзе активной борьбы, даже если виновниками были люди, занимавшие высокие места в этой организации. Так было, например, в случае с членом ППС с 1904 года Генриком Минкевичем. За ненадлежащую субординацию Пилсудский не только отстранил его от должности руководителя стрелкового союза в Закопане, но и исключил из САБ.

В начале 1914 года казалось, что наметившийся в 1913-м кризис в лагере сторонников активных форм борьбы за независимость Царства Польского удалось преодолеть. Однако развитие событий очень скоро показало непрочность достигнутого Пилсудским успеха. В феврале разразился скандал, спровоцированный финансовой нечистоплотностью секретаря Комиссии конфедерированных партий Йодко-Наркевича, известного своей любовью к красивой жизни. Дело, инициированное Тетмайером, до недавнего времени

тесно сотрудничавшим с группой Пилсудского, было передано в суд. В конечном счете по взаимной договоренности сторон скандал был замят, но давний соратник Йодко вынужден был уйти со всех своих постов. Для Пилсудского это был серьезный удар. Из игры был выведен один из его ближайших друзей, посвященный в операции «Вечер» и «Осведомитель "Р"».

Еще более сильный удар по позициям Пилсудского был нанесен с совершенно неожиданной стороны. В апреле Галицию посетили эмиссары американской Полонии, проверявшие порядок использования денежных средств, поступавших в Польскую военную казну из США. Контролерами оказались сторонники национальных демократов. Несмотря на все старания Славека, Пилсудского, Сокольниковского, Василевского доказать, что американские средства расходуются безупречно, выводы проверяющих оказались для Главного коменданта неблагоприятными. По результатам отчета контролеров американский Комитет национальной обороны в июне 1914 года решил производить сбор средств не вообще для ПВК, а для каждой из отдельных организаций в Галиции. Насчитывавшие около семи тысяч человек стрелковые организации не могли больше претендовать на львиную долю американских средств. Это не только лишало смысла существование этой структуры, но и обеспечивало Польским стрелковым дружинам финансовую независимость от ПВК. С этого момента участие в Комиссии конфедерированных партий перестало их интересовать. В мае 1914 года Польские стрелковые дружины, которые по численности своих рядов быстро догоняли Стрелковый союз (5 тысяч членов в июле и 6 тысяч спустя месяц против 7 тысяч у Пилсудского), порвали с Комиссией конфедерированных партий и Польской военной казной.

В мае 1914 года Комиссию конфедерированных партий покинул Национальный рабочий союз. И хотя большинство партий осталось в составе Комиссии, она утратила характер единого политического представительства сторонников освобождения Царства Польского из-под русского господства, созданием которого Пилсудский занимался все послереволюционные годы. Более того, теперь она, если не считать ППС, в основном представляла польские партии из Галиции. А ведь цели своей борьбы комиссия не меняла.

В июне 1914 года появилась еще одна угроза планам Пилсудского. Военное министерство Австро-Венгрии, не питавшее доверия к находившимся под влиянием национальных демократов военизированным организациям, предложило включить все польские стрелковые формирования в состав австрийского государственного стрелкового союза. И хотя эта инициатива не нашла у поляков поддержки, Пилсудский не мог не понимать, что австрийские власти рано или поздно доведут задуманную унификацию до конца. В этом случае у Стрелкового союза даже теоретически не оставалось бы возможности

стать зародышем будущей самостоятельной польской армии. Политическому проекту Пилсудского, на разработку и осуществление которого ушло почти шесть лет, грозил провал.

Ко всему прочему, Пилсудскому никак не удавалось придать своему взаимодействию с австрийской военной разведкой политический характер. Австрийцы охотно использовали возможности Пилсудского в сфере контрразведки. Как отмечает Р. Съвентек, большинство русских шпионов в Галиции были разоблачены при самом активном участии людей Пилсудского. В 1914 году, по договоренности с Рыбаком, стал издаваться журнал «Стшелец» («Стрелок»). На его страницах, в частности, была напечатана подробная инструкция по организации диверсий, после ознакомления с которой любой человек, не имевший специальной подготовки, мог взорвать, например, железнодорожный мост. Велся, хотя и не очень активно, сбор разведывательной информации, которая затем передавалась все тому же Рыбаку.

На пороге Великой войны

В начале лета 1914 года будущее проекта Пилсудского оказалось под большим вопросом, а две ничем не завершившиеся военные тревоги в Европе несколько притупили остроту восприятия им происходящих событий. В результате он не сразу понял значение случившегося в Сараево 28 июня 1914 года покушения на наследника австрийского престола эрцгерцога Франца Фердинанда. На этот раз действия Пилсудского ничем не напоминали ту лихорадочную активность, которую он проявлял в 1908 и 1912 годах. По воспоминаниям Славека, Пилсудский и после рокового выстрела Гаврилы Принципа полагал, что сараевское покушение не повлечет за собой каких-либо международных последствий, а Вена и на этот раз не отважится на решительные действия [Samus P. Walery Slawek... S. 364.]. Свидетельство Славека подтверждается, в частности, тем, что участники проходившего 27 – 28 июня съезда Главного совета САБ и офицеров стрелковых союзов, узнав о покушении на наследника престола, не озаботились мобилизацией движения, а спокойно разъехались по домам.

Серьезность ситуации стала понятна Пилсудскому, видимо, лишь в середине июля 1914 года. По мнению П. Самуся, примерно 18 июля он встретился с Юзефом Рыбаком, к тому времени уже капитаном, руководителем разведывательного центра в Кракове и одновременно начальником оперативного отдела 1-го армейского корпуса. Тот потребовал незамедлительно начать подготовку к проведению не только разведывательных действий, но и диверсий на территории Царства Польского, то есть мероприятий,

предписанных соглашениями между Пилсудским и Рыбаком только на случай войны.

20 июля австрийская разведка получила первую информацию о призыве резервистов в русские приграничные части и концентрации в Царстве Польском кавалерийских корпусов. На следующий день из Вены поступил приказ разведывательным центрам в Кракове, Львове и Перемышле ввести повышенную готовность и начать переброску в Россию взрывчатки для проведения диверсий. Кроме того, 20 июля Рыбак получил от Генерального штаба новое задание. По словам Р. Сьвентека, ему был поручен оперативный надзор над стрелковыми организациями в Галиции, а П. Самусь говорит о том, что Рыбаку вменили в обязанности формирование польских воинских частей – легионов. Несомненно, что таким путем австрийцы пытались обойти одну из норм международного права, запрещавшую призыв в армию жителей оккупированной территории. Иное дело легионы, то есть добровольческие формирования, участники которых на свой страх и риск решаются служить врагам той страны, гражданами которой они являются. Самусь также утверждает, что Рыбак сообщил о своем назначении и плане создания легионов Пилсудскому и Славеку. Он не просто хотел опереться на них при выполнении поручения, а планировал кандидатуру Пилсудского на должность коменданта (командира) легионов [Там же. S. 369.].

Зная от Рыбака о настроениях в австрийском Генеральном штабе, Пилсудский на XII заседании Партийного совета ППС 26 июля 1914 года заявил о возможности войны и предложил обратиться к членам партии с призывом готовиться к такому развитию событий. Некоторые биографы Главного коменданта считают, что в этот момент он еще не был до конца убежден в неминуемом скором начале войны. Поэтому в повестке дня работы Партийного совета преобладали вопросы, связанные с деятельностью ППС в мирных условиях. Но возможна и другая интерпретация его поведения: нежелание давать понять коллегам по партийному руководству, что у него есть свои, абсолютно достоверные источники в австрийской армии, знающие, что война – решенное дело ближайших нескольких дней. Официально в ППС не приветствовалось сотрудничество ни с одним буржуазным правительством, а тем более с властями монархии, участвовавшей в разделах Польши. В пользу этого говорит поведение Пилсудского после заседания Партийного совета.

На следующий день, 27 июля, собралась Комиссия конфедерированных партий. Весьма показательны принятые ею решения, свидетельствующие о том, что участники совещания серьезно считались с возможностью войны. Было решено снять деньги ПВК с банковских счетов и распределить их между командованием стрелковых организаций и Комиссией конфедерированных

партий, направить в Вену Иполита Сливинского и Станислава Довнаревича для переговоров о будущем Царства Польского, а также постараться наладить сотрудничество с близкими по духу политическими партиями и военизированными организациями в Галиции.

Полученные Рыбаком из Вены приказы были положены в основу третьего по счету соглашения о сотрудничестве с ППС. Его проект Рыбак предложил Пилсудскому 28 июля 1914 года, в день объявления Австро-Венгрией войны Сербии. Австрийский офицер потребовал от собеседника оживить деятельность разведывательной сети в Царстве Польском и готовиться к вторжению в русскую Польшу. Пилсудский решил повременить с окончательным ответом и использовать паузу для решения нескольких важных вопросов.

Во-первых, нужно было убедить галицийских поляков в том, что только лагерь сторонников освобождения Царства Польского из-под русского господства решает польский вопрос. 28 июля от имени Комиссии конфедерированных партий было издано воззвание, призывавшее встать под ее знамена и поддержать военизированные организации – зародыш будущей польской армии. В нем также декларировалось намерение Комиссии исполнять руководящую роль в польском лагере сторонников независимости русской Польши до момента создания национального правительства. Это воззвание предвосхитило решения, принятые на заседании комиссии на следующий день, 29 июля.

Во-вторых, необходимо было оповестить население Царства Польского о тех задачах, которые оно должно помочь решить сторонникам движения за освобождение этой части Польши из-под русского господства. С этой целью 28 июля Комиссией конфедерированных партий и Крестьянским союзом были изданы предназначенные для распространения в русской Польше возвания, выдержанные в духе плана Пилсудского относительно будущего этой части Польши. Особенно показательна листовка Крестьянского союза: «Братья! В наших сильных руках будущее Польши... С первым известием о начале войны Австрии с Россией мы все как один должны встать на борьбу под собственным командованием, ради Польши. Вместе с австрийским войском вступят в Королевство (Царство Польское. – Г. М.) наши братья крестьяне и рабочие из Галиции, организованные как польское войско в стрелковые шеренги, чтобы вместе с нами здесь, в Королевстве, начать войну против московского господства, борьбу за независимую народную Польшу... С первым известием о том, что польские войска уже действуют в Королевстве, поспешим в польские шеренги... Пусть москали почувствуют, что наша почва под их ногами ненадежна. Портить московским войскам все что можно. Уничтожать телеграфные провода, мосты, железнодорожные рельсы. Затруднять всеми

способами каждое движение и каждое действие. Не давать русским войскам правдивых сведений о наших, только ложные и вводящие в заблуждение, чтобы москали нашим вредить не могли и сами потерпели поражение. Нашим польским частям следует доставлять правдивые и очень достоверные сведения о том, где, в каком количестве и какого рода войск находятся вражеские москали. Уже сейчас нужно внимательно отслеживать передвижение войск, военные склады, форты и т. п. Если в Королевство войдут другие чужие войска, враждебные Москве, – мы должны показать им, что здесь мы законные хозяева, и нашим поведением склонить их к уважению наших прав» [Пит. по: Swiątek R. *Lodowa sciana...* S. 673.]. Содержание этого воззвания настолько точно соответствует готовившемуся в тот момент третьему соглашению о сотрудничестве между австрийской военной разведкой и ППС, что невольно напрашивается мысль о причастности к его написанию Пилсудского или Славека.

В-третьих, Пилсудский не мог не знать, что сил только Стрелкового союза явно недостаточно для того, чтобы увлечь население Царства Польского на восстание. На вооружении его стрелков на 2 июля 1914 года было всего лишь 530 многозарядных карабинов системы Манлихера, 355 устаревших однозарядных карабинов системы Верндла с патронами с дымным порохом и 62 карабина других систем. В конце июля было приобретено в Вене еще 80 карабинов Манлихера [Swiątek R. *Lodowa sciana...* S. 660, 662.]. Всего получилось 1027 разномастных единиц огнестрельного оружия. Поэтому нужно было попытаться использовать возможности других стрелковых организаций – Польских стрелковых дружин, «Дружин Бартоша» и полевых сокольских дружин. 29 июля вопрос о сотрудничестве четырех стрелковых организаций обсуждался на совместном заседании, но оно не дало желательного Пилсудскому результата. Представители «Дружин Бартоша» и полевых сокольских дружин по-прежнему отказывались признавать Комиссию конфедерированных партий, предложив обратиться ко всему обществу, чтобы оно сформировало правительство и высшее военное руководство. Пилсудский же считал, что такие вопросы в данный момент должны решать политические партии. В результате дискуссии победила его точка зрения, но только на уровне декларации. «Дружины Бартоша» и сокольские дружины отказались подчиняться Главной комендатуре при Комиссии конфедерированных партий. Правда, оставалась надежда на взаимодействие с Польскими стрелковыми дружинами.

Вопреки утвердившемуся в польской историографии мнению, вряд ли правомочно считать неудачной поездку в Вену делегатов комиссии Сливинского и Довнарвича. 28 – 29 июля они провели серию политических

переговоров в военном министерстве и министерстве иностранных дел, пытаюсь выяснить, какие обязательства готова дать Австро-Венгрия в качестве вознаграждения за организацию восстания в Царстве Польском в случае войны. Их вполне удовлетворило словесное заверение, что Центральные державы согласны на создание из русской Польши буферного польского государства, связанного с Австро-Венгрией [Собеседниками польских делегатов были опытные государственные мужи, прекрасно знавшие, что любые территориальные изменения возможны, согласно международному праву, только после окончания войны, по решению мирной конференции. Поэтому связывать себя письменными обязательствами в момент, когда война еще только начиналась, было бы, по крайней мере, легкомысленно. Да и за поляками в тот момент ничего реального не стояло. Поэтому венские переговоры следует трактовать как демонстрацию сторонами намерений, а не как форум, по результатам работы которого надлежало принять обязательные для его участников решения.]. Такое определение австрийцами одной из целей начинавшейся войны полностью соответствовало планам руководителей движения за освобождение Царства Польского из-под господства Петербурга, озвученным в парижском выступлении Пилсудского 21 февраля 1914 года. 29 июля члены Комиссии конфедерированных партий, ознакомившись с результатами венских переговоров Сливинского и Довнаровича, выразили свое удовлетворение и Содержание воззвания комиссии от 28 июля и ее решений от 29 июля однозначно свидетельствовало о претензиях этого политического центра на монополию в движении сторонников освобождения Царства Польского. А эти претензии давно уже не признавались частью политических сил Галиции. В условиях приближающейся войны они сочли нужным консолидироваться, чтобы увеличить свой вес в обществе. 28 июля в Львове национальными демократами, частью консерваторов (так называемыми подоляками) и Польской крестьянской партией «Пяст» был создан Центральный национальный комитет (ЦНК). Его участники выражали готовность поддержать австрийцев в приближающейся войне только при условии, что после изгнания русских из Царства Польского Вена согласится на создание здесь независимого государства. Этому политическому центру подчинились «Дружины Бартоша» и полевые сокольские дружины. Первоначально ЦНК, рассчитывая на возможность соглашения с Комиссией конфедерированных партий, не афишировал широко факта своего создания. Комитетом также было решено направить в Вену львовского профессора Станислава Гломбиньского для выяснения позиции официальных кругов по вопросу о судьбе Царства Польского.

В конце июля Пилсудский попытался договориться с краковскими демократами и консерваторами. С этой целью Дашиньский организовал его

встречи с крупнейшими представителями этих партий. Их результаты оказались для Пилсудского неутешительными – обе влиятельные в Галиции политические силы отказались от официальной поддержки его инициативы.

30 июля Пилсудский сообщил Рыбаку о своей готовности подписать договор. В этот день Россия объявила всеобщую мобилизацию, но собеседники еще об этом не знали. Соглашение предусматривало в случае всеобщей мобилизации в России или Варшавском военном округе резкую активизацию на всей территории Царства Польского антироссийских действий членов подчинявшихся Пилсудскому организаций (ППС, САБ, стрелков). Они должны были затруднять мобилизацию резервистов, нарушать телефонную и телеграфную связь, проводить диверсии на военных и транспортных объектах, включая казармы, склады, станционные сооружения и мосты, а также активизировать разведывательную деятельность.

Обязательства австрийской стороны Рыбак ограничил предоставлением взрывчатки и небольших денежных сумм на проведение диверсий. Излагая содержание соглашения в рапорте майору Ронге, он напомнил адресату о том, что действительной политической целью ППС является организация «вооруженных банд», предназначенных для вторжения из Галиции на территорию Домбровского бассейна в Царстве Польском и развертывания там революционного движения. Из рапорта следует, что для реализации своего плана Пилсудский просил 3 тысячи винтовок Манлихера и 300 тысяч патронов к ним, а также освобождение от призыва в австрийскую армию людей, «которые стали бы кадровой основой и организовали бы планируемые банды» [Полный текст рапорта Ю. Рыбака с условиями соглашения приводит Р. Свентек. – См.: Swiętek R. *Lodowa sciana...* S. 667 – 669.], то есть инструкторов стрелковых организаций.

Пока в Вене изучали текст этого соглашения, Пилсудский продолжал начатую в предыдущие дни подготовку стрелков к участию в войне с Россией, хотя официального согласия австрийцев на это еще не имел. Уже 30 июля были отданы первые распоряжения на предмет мобилизации членов стрелковых союзов, а 1 августа окружные комендатуры стрелковых союзов получили приказ, разрешавший им мобилизацию отрядов после объявления Австрией войны России. Важным событием стало согласие 31 июля Польских стрелковых дружин подчиниться Главной комендатуре при Комиссии конфедерированных партий.

Поздно вечером 1 августа 1914 года, в день объявления Германией войны России, Ронге по телефону известил Рыбака о том, что Главное командование армии утвердило краковские договоренности с Пилсудским от 30 июля 1914

года. Одновременно майор приказал на основании агентурной сети Пилсудского развернуть глубокую разведку в междуречье Вислы и Буга, особенно в районе Люблина, Холма и Ковеля, не жалея на это денег, а также без промедления приступить к формированию группы, предназначенной для агитационной и подрывной деятельности в Домбровском бассейне. Как отмечает Р. Сьвентек, именно на основании этого приказа Пилсудский получил возможность приступить к мобилизации стрелков и выдвижению в Царство Польское [Swiątek R. *Lodowa sciana...* S. 675 – 676.].

Поддержка из Вены окрылила Пилсудского. Он был уверен, что в самые ближайшие дни наконец-то начнет осуществляться главная цель его жизни, и он добьется независимости Царства Польского. Поздним вечером 1 августа наместничество Галиции по телефону информировало Вену о том, что в ближайшие два дня туда прибудет депутация представителей движения сторонников независимости Царства Польского с Дашиньским во главе. Делегаты хотят сообщить, что через 48 часов после объявления войны одной из сторон в русской Польше начнется восстание с участием многих десятков тысяч человек с целью помешать проведению мобилизации и будущим военным операциям. Все уже готово, они только хотят получить гарантию, что «в случае заключения мира революционеры не будут принесены в жертву» [Galicyjska dzialalnosc wojskowa Pifeudskiego... S. 616. Правда, И. Дашиньский в своих воспоминаниях об этом ничего не пишет, что вовсе не означает, что наместничество послало в столицу непроверенную информацию. Телефонграмма как нельзя лучше передает иллюзии, свойственные Пилсудскому и его окружению в тот момент.].

Охваченный нетерпением, Пилсудский непрерывно разъезжал по Кракову в автомобиле, предоставленном в его распоряжение одним из почитателей. В ночь с 1 на 2 августа в кафе «Эспланада», где офицеры Стрелкового союза и Стрелковых дружин шумно отмечали достигнутое соглашение об объединении, в двух изолированных от зала для посетителей комнатах начал работу импровизированный штаб Пилсудского.

2 августа, в воскресенье, Учетное бюро разослало в разведывательные центры в Кракове, Перемышле и Львове инструкцию относительно формирования польских стрелков, а военное министерство выделило в их распоряжение 3 тысячи однозарядных винтовок Верндла и 300 тысяч патронов к ним. Это оружие предназначалось для выдачи стрелкам еще в 1912 году и с того времени хранилось на армейских складах [На следующий день австрийское военное министерство издало приказ о передаче стрелкам еще десяти тысяч винтовок Верндла и одного миллиона патронов к ним со складов в Темешваре и Граце. Выделение стрелкам устаревшего оружия не было случайным делом. 3 августа

министр обороны страны направил наместнику Галиции распоряжение о преобразовании всех военизированных организаций в части ландштурма (народного ополчения). Эти формирования надлежало вооружить карабинами Верндла, а в случае использования на фронте ополченцам следовало носить на левой руке черно-желтые повязки для обозначения, что они находятся под охраной международного права. В тот же день было издано еще одно распоряжение того же министра, запрещавшее использование этих частей в качестве партизанских отрядов, так как это вело бы к нарушению норм международного права, а также вооружение их многозарядными винтовками. Ополченские формирования следовало подчинить командирам линейных частей, а их офицерский корпус сформировать из людей, служивших в австрийской армии (офицеров в отставке, офицеров запаса, а также старших унтер-офицеров). – См.: *Galicyska dzialalnosc wojskowa Pilsudskiego...* S. 616 – 617. Из этих распоряжений однозначно следует, что вооружение ополченцев пулеметами и артиллерией ни в коем случае не предусматривалось.]

В тот же день Пилсудский встретился с Рыбаком. Капитан разрешил коменданту стрелков начать мобилизацию своих подчиненных, а также обсудил вопросы, связанные с их вооружением и вторжением в русскую Польшу. В разговоре были затронуты очень важные для Пилсудского сюжеты. Выяснилось, что Рыбак не уполномочен дать Пилсудскому какие-либо политические гарантии. На прямой вопрос Пилсудского, имеет ли он свободу рук в политических вопросах, представитель австрийского Генерального штаба якобы ответил: «Естественно».

Тогда же Пилсудскому было сообщено об изменении маршрута вторжения стрелков в Царство Польское. Вместо Домбровского бассейна, который вошел в полосу наступления германской армии, стрелки должны были действовать на направлении Мехув – Енджеюв – Кельце, то есть преимущественно в аграрных районах. Это неожиданное для Пилсудского решение [В пользу неожиданности говорит хотя бы тот факт, что Славек именно в этот день направил в Домбровский бассейн трех эмиссаров с задачей ведения организационной и разведывательной деятельности. Одновременно на территорию Царства Польского в район Енджеюва был выслан кавалерийский разъезд из семи человек под командованием Владислава Пражмовского (псевдоним Белина), перед которым была поставлена задача сорвать в этом уезде мобилизацию в русскую армию.], о котором ему сообщили за четыре дня до начала войны Австро-Венгрии с Россией, показывало действительное отношение австрийцев к его плану, по которому восстание начнется именно в Домбровском бассейне, где ППС могла рассчитывать на поддержку многочисленных местных рабочих. Поведение австрийцев не обескуражило Пилсудского, хотя для него было

очевидным, что события развиваются не совсем по его сценарию. Он не скрывал, что в основу его жизненного кредо был положен наполеоновский принцип: «Главное ввязаться в бой, а там посмотрим» [Об этом Пилсудский прямо говорит, например, в работе «Практические задачи революции». Ссылаясь на авторитет Наполеона, Мольтке и других выдающихся стратегов и знатоков военного искусства, он утверждал, что следует разрабатывать только начало кампании, так как ее дальнейший ход и развитие зависят прежде всего от действий и поведения неприятеля. – См.: Pihudski J. Pisma zbiorowe. T. III. S. 10.]

3 августа договорились о процедуре передачи после начала войны части хранившегося на военных складах Кракова оружия и взрывчатки представителю Пилсудского Славеку. Определили места перехода стрелками границы с Россией. Главный комендант также был поставлен в известность, что в оперативном отношении его стрелки подчинены командованию 7-й кавалерийской дивизии генерала Игнаца фон Корды, входившей в состав оперативной группы генерала Генриха Куммера фон Фалькенфеда, действовавшей на левом фланге 1-й австрийской армии генерала Виктора фон Данкла.

3 августа в Кракове, в районе Блони (большой луг, место народных гуляний и выставок), в так называемых Олеандрах, где в выставочных помещениях проводились летние офицерские курсы стрелков, было сформировано подразделение числом 144 человека, получившее название 1-й кадровой роты. Это означало, что Пилсудский предполагал ее быстрое развертывание в крупную воинскую часть. Главный комендант отобрал в роту на паритетной основе слушателей офицерских школ стрелковых союзов и стрелковых дружин. Несомненно, это было чисто политическое решение с целью избежать упреков, что комендант отдает предпочтение лишь своим людям.

В торжественной речи Пилсудский подчеркнул, что с этого момента нет ни стрелков, ни дружинников, а все они теперь польские солдаты, единственным отличительным знаком которых является белый орел (то есть польский национальный герб). Для устранения прежних различий он предложил произвести символический обмен отличительными знаками. Сам Пилсудский обменял своего стрелкового орла на бляху члена стрелковых дружин Станислава Бурхардт-Букацкого. Свою речь комендант завершил словами, что он смотрит на роту как на кадровое подразделение, на базе которого возникнет будущая польская армия [Pilsudski J. Pisma zbiorowe. T. IV. S. 7 – 8.]

Формирование воинского подразделения из членов сравнительно недавно находившихся в конфронтации организаций за три дня до выхода на фронт

вряд ли следует считать удачным решением. Отобранные в роту стрелки недостаточно хорошо знали друг друга, среди них еще не выделились неформальные лидеры. К тому же Пилсудский принял оригинальное решение отказаться от установления воинских званий бойцам роты, заявив, что свои звания они завоюют в бою. Были назначены только командиры из числа наиболее опытных стрелков. Впоследствии это породило неразбериху и трудности. Командиром роты Пилсудский назначил одного из ближайших своих соратников, члена САБ и Стрелкового союза, коменданта швейцарского округа САБ, руководителя офицерской школы Стрелкового союза Тадеуша Адама Каспшицкого.

Из всех стрелковых подразделений только 1-я рота была вооружена многозарядными карабинами Манлихера, приобретенными еще до войны на деньги Польской военной казны. Рота получила от Пилсудского приказ первой, до начала военных действий, пересечь границу Царства Польского и двигаться в направлении Кельце и далее на Варшаву, опережая других стрелков и регулярные австрийские части. Содержание приказа свидетельствует, что Пилсудскому было известно об оставлении русскими войсками уже в первые дни августа приграничных районов и отходе в места концентрации на правом берегу Вислы. На левобережье остались только небольшие казачьи подразделения для ведения разведки. Поэтому Пилсудский не ожидал какого-то серьезного сопротивления русских [Об этом же свидетельствует и составленный Рыбаком совместно с Пилсудским и Славекком график движения стрелков от Кракова в Галиции до располагавшегося в 60 километрах от государственной границы Енджеюва в Царстве Польском. – См.: Swiątek R. *Lodowa sciana...* S. 687 – 688.].

Стремительное продвижение 1-й кадровой роты в направлении Келец нужно было не столько для поднятия морального духа ее бойцов, сколько в пропагандистских целях. Появление на оставленных русскими территориях военных с польскими кокардами на фуражках должно было возбудить патриотические чувства у местного населения и стимулировать приток добровольцев в стрелковые формирования. А если бы первыми шли австрийцы, то тогда у оппонентов Пилсудского, особенно национальных демократов, были бы все основания утверждать, что его стрелки были привезены в русскую Польшу в обозе австрийцев и немцев. Кроме того, руководителям стрелков, видимо, не чужда была честолюбивая мысль первыми, раньше немцев и австрийцев, войти в оставленную русскими Варшаву. Австрийцы же не возражали против движения стрелков впереди армии не только потому, что надеялись вызвать тем самым благоприятное отношение к себе со стороны местного населения, но и желая опередить немцев и первыми войти в столицу

Царства Польского [Одновременно шло формирование еще четырех рот (чуть позже они были сведены в две), которые должны были выступить в поход вслед за 1-й кадровой ротой, а также различных вспомогательных служб. Уже 1 августа 1914 года при Главной комендатуре стрелковых союзов было образовано разведывательное бюро. До 5 августа им руководил Славек, а затем его обязанности перешли к Раймунду Яворовскому, одновременно возглавлявшему варшавскую организацию Стрелкового союза. 5 августа для ведения разведывательной и пропагандистской деятельности в прифронтовой полосе и во внутренних районах Царства Польского Пилсудский создал специальный разведывательный отдел, составленный главным образом из бывших боевиков ППС. Его руководителем он назначил Т. Арцишевского. Во главе женской секции разведывательно-курьерской службы была поставлена Александра Щербиньская. Были организованы интендантская и санитарная службы.]

Наряду с радостными для Пилсудского событиями 3 августа он потерпел очередную неудачу на политическом поле. В этот день прошла встреча членов Комиссии конфедерированных партий с делегатами львовского Центрального национального комитета. Она завершилась безрезультатно, хотя формально возможность для соглашения в будущем еще оставалась. Но когда члены ЦНК познакомились с результатами венских встреч своего посланца Гломбиньского, они заняли откровенно неприязненную Пилсудскому позицию. Дело в том, что 31 июля австрийский министр иностранных дел граф Леопольд Берхтольд и начальник Генерального штаба генерал Конрад фон Гетцендорф откровенно объяснили представителю ЦНК, что сторонники освобождения Царства Польского от русского господства нужны им только для того, чтобы поднять восстание в тылах русской армии и снабжать австрийцев разведывательной информацией. Это значило, что австрийцы намеревались использовать движение во главе с Пилсудским в своих целях, ничего не обещая взамен. Поэтому ЦНК счел дальнейшие переговоры с комиссией бесперспективными и 5 августа широко объявил о своем появлении в качестве самостоятельного политического центра.

Таким образом, Пилсудскому не удалось изменить облика комиссии как центра притяжения политических партий преимущественно левого толка. Тем самым она так и не добилась права выступать от имени всех польских общественных и политических сил, а тем более формировать будущее национальное правительство Царства Польского. В своем прежнем виде комиссия больше не нужна была Пилсудскому, а это означало, что ее дни сочтены.

5 августа, в среду, в полуденные часы прошла очередная встреча Пилсудского с руководителем краковского разведывательного центра. Возможно, что

именно тогда было решено не преобразовывать подчинявшиеся Пилсудскому стрелковые союзы и дружины в части ландштурма, как того требовали распоряжения министра обороны, а предоставить им возможность действовать самостоятельно, впереди австрийской армии. Не случайно, что в своих рапортах в Учетный отдел Рыбак называл стрелковые подразделения «вооруженными бандами». Для Пилсудского в тот момент преобразование стрелковых формирований в ополченские части было бы равнозначно провалу его плана, хотя бы потому, что ополченцам следовало подчиняться австрийским военным и носить желто-черные повязки на рукавах.

Капитан Рыбак от имени австрийского штаба передал собеседнику официальное назначение на должность командира польских вооруженных формирований и разрешение на вторжение стрелков на следующий день на территорию Царства Польского. Согласно полученным инструкциям подчиненные Пилсудскому подразделения должны были вести разведку и наблюдение за противником в районе Варшавы и Ивангорода (Демблина), а также вызывать восстания повсюду, начиная с Келецкой и Радомской губерний.

Вечером 5 августа на холостяцкой квартире Славека состоялась дружеская встреча тесного круга людей из близкого окружения Пилсудского. Только что официально назначенный австрийцами на должность командир всех стрелковых формирований был возбужден и полон надежд. И не удивительно, ведь на следующий день он в очередной раз приступал к осуществлению главной цели своей жизни – освобождению Царства Польского из-под русского господства...

Глава пятая

ВЕРХОМ НА КАШТАНКЕ

Провал «рискованной аферы»

6 августа 1914 года Австро-Венгрия объявила войну России. Наконец-то произошло событие, ожидавшееся Пилсудским все последние годы. Рухнул более чем вековой союз трех империй, как могильная плита придавивший разорванную на три части Польшу. Своей несомненной заслугой Пилсудский мог считать то, что на этот раз поляки Царства Польского не были застигнуты врасплох возникновением благоприятных для них внешних обстоятельств. Благодаря настойчивой, самоотверженной деятельности его самого и его верных соратников были созданы военизированные организации, готовые бороться за освобождение польских земель от русских оккупантов. Удалось решить вопрос о союзниках: Австро-Венгрия оказывала его формированиям

материально-техническую помощь и не возражала против использования Галиции в качестве их базы, Германия не выступала против. В итоге у Пилсудского были все основания считать, что впервые после 1815 года у поляков Царства Польского на международной арене появились не мнимые, а реальные союзники. Конечно, он был уверен, что это союзники временные, только на период войны, что никаких обязательств относительно будущего Царства Польского они на себя брать не захотят. Но вряд ли это его серьезно беспокоило, если вспомнить разделявшийся им жизненный принцип: «Главное ввязаться в бой, а там посмотрим».

Теперь успех плана Пилсудского по освобождению Царства Польского от русского господства зависел только от одного: найдет ли он поддержку у польских подданных династии Романовых, откликнутся ли они на призыв к оружию и вольются ли в массовом порядке в ряды повстанческой армии. 6 августа 1914 года для Пилсудского во всей своей полноте встал гамлетовский вопрос: «Быть или не быть?»

По приказу Пилсудского 1-я кадровая рота была поднята по тревоге в три часа ночи. Стрелки быстро построились и спустя полчаса пешим порядком двинулись в направлении лежавшего по русской стороне границы Мехова. По пути они повалили русские пограничные столбы. Этот жест имел некое символическое значение, но был совершенно неуместен, если они собирались восстанавливать польскую государственность на территории Царства Польского. Но кто же в такой исторический момент руководствуется логикой? В приказе, изданном по случаю первой годовщины выхода стрелков на фронт, Пилсудский, имевший склонность к патетике, определил это событие как судьбоносное в истории польского народа. Он подчеркнул, что в момент, когда на бой вставал весь мир, когда «на живом теле нашей родины собирались мечами вырубать новые границы государств и народов», он не мог позволить, чтобы это происходило без поляков, чтобы «на весах судеб... на которые были брошены мечи, не было польской сабли» [Pihudski J. Pisma zbiorowe...Т. IV. S. 40.].

Несмотря на огромную литературу, посвященную значимости выхода 1-й кадровой роты на фронт, на самом деле это была не более чем демонстрация, рассчитанная на пропагандистский эффект. Дойдя без единого столкновения с русскими войсками до Мехова, расположенного примерно в 40 километрах от Кракова, рота расположилась здесь на постой. 7 августа к ней присоединились еще 450 стрелков из Кракова, получившие оружие в Кшешовицах. 9 августа эта группа из 600 стрелков выступила в направлении города Кельце, расположенного примерно в 80 километрах от Мехова.

Проводив 1-ю кадровую роту на фронт, Пилсудский остался в Кракове. Сделал он это не только для того, чтобы контролировать формирование других подразделений стрелков. Даже вступив на стезю военной службы, Пилсудский до мозга костей оставался политиком, прекрасно отдавая себе отчет в том, что сражения выигрывают военные, а войны – политики. Все действия Главного коменданта стрелков, начиная с 6 августа 1914 года, показывают, что он счел галицийский период в своей биографии уже законченным или почти законченным. Его право командовать стрелками было подтверждено австрийцами, от них же он получал теперь оружие и патроны.

Это был его несомненный успех, но далеко не полный. Для окончательного успеха плана необходимо было общенациональное восстание в Царстве Польском, на которое он мог рассчитывать только в том случае, если бы его стрелки представляли собой вооруженное крыло некоего общенационального политического движения. Как уже говорилось ранее, попытки Пилсудского объединить большинство польских политических партий вокруг своего плана решения вопроса о судьбе Царства Польского не удалось. Поэтому в общественном восприятии Комиссия конфедерированных партий оставалась блоком левых партий радикального толка. Продолжать признавать комиссию в качестве политического патрона стрелков значило заранее обречь их на ту же не очень популярную в обществе роль, которую в годы революции 1905 – 1907 годов играла боевая организация ППС. Одним словом, еще недавно столь близкая сердцу Пилсудского комиссия становилась помехой для его дальнейшей деятельности на территории русской Польши. Но просто так порвать с комиссией он не мог хотя бы потому, что ее стержнем была ППС, одним из руководителей которой он все еще оставался.

И Пилсудский применил ход, который, как ему казалось, освобождал его от балласта Комиссии конфедерированных партий и одновременно обеспечивал неограниченную свободу дальнейших политических шагов. Принимая во внимание, что о своем решении он известил членов комиссии 6 августа 1914 года, можно полагать, что оно созрело у него раньше, скорее всего в конце июля – начале августа. На заседании комиссии Пилсудский огорошил собравшихся известием о том, что в Варшаве 3 августа создано Национальное правительство, которое потребовало, чтобы Главная комендатура ему подчинилась. Зная людей, создавших правительство, он согласился с этим требованием. Теперь на повестке дня соревнование с пруссаками за право первыми войти в Варшаву. Вторым пунктом его заявления стало требование, чтобы комиссия признала этот *fait accompli* (свершившийся факт).

Членам ККП-СН не оставалось ничего иного, кроме как согласиться с Пилсудским, но при этом постараться сохранить лицо. Они единогласно

признали его право принимать любые решения в военной области, заявив, правда, что продолжают оставаться на посту и готовы как можно скорее установить связь с Национальным правительством. Было также поддержано предложение Пилсудского в течение трех дней не разглашать содержание заседания.

Вполне закономерен вопрос, зачем Пилсудский попросил членов комиссии хранить молчание. Сам он на эту тему не высказывался, не задавались этим вопросом и его биографы. Не исключено, что будущий маршал мог опасаться оценки австрийцами не согласованной с ними политической акции как попытки дистанцироваться от них и играть самостоятельную роль. А это грозило большими неприятностями – прекращением формирования и отправки на фронт стрелковых подразделений, а также срывом начатой по распоряжению Пилсудского акции создания военных комиссариатов Национального правительства на местах. Именно так можно интерпретировать его сообщение в штаб оперативной группы Куммера от 9 августа 1914 года о мотивах, которыми он руководствовался в своих действиях. Текст столь красноречив, что заслуживает пространный цитирования: «Для придания моей организационной деятельности политического характера я решил известить, что в Варшаве возникло Национальное правительство, назначившее меня Главным комендантом польских добровольческих отрядов. Тем самым я создал политическую базу, которая облегчит мне мою организационную деятельность в сфере гражданской организации и использование края (Царства Польского. – Г.М.) во всех моих начинаниях. От имени этого правительства я намереваюсь распустить все ненадежные локальные организации и заменить их новыми, состоящими из верных людей, назначенных мной или моими делегатами. Я убежден, что таким образом я облегчу будущую организационную деятельность австрийской армии и выполню ту часть задания, которая мне поручена» [Galicyjska dziaialnosc wojskowa Pifeudskiego... S. 626.].

Из этого сообщения можно было сделать только один вывод: все политические действия Пилсудского между 6 и 9 августа служили исключительно интересам воюющей монархии Габсбургов. Кроме того, нужно было время, чтобы составить, отпечатать и распространить воззвание этого мифического правительства. На состоявшемся сразу же после заседания комиссии на квартире В. Славека совещании ближайших соратников Пилсудский поручил написать текст возвания и изготовить печать с орлом и надписью «Национальное правительство». Воззвание подготовил Л. Василевский, а печать перочинным ножом вырезал из мягкого камня Станислав Седдецкий – в независимой Польше сенатор.

Вторым направлением в деятельности Пилсудского оставалось формирование

стрелковых подразделений. 6 августа появился приказ Главной комендатуры стрелковых союзов о всеобщей мобилизации членов стрелковых организаций и стрелковых дружин. 10 августа, помимо авангарда в 600 бойцов, были мобилизованы и вооружены еще 2500 стрелков, которые 11 августа 1914 года покинули Галицию и двинулись в направлении Кельце и Варшавы.

Огорошив членов Комиссии конфедерированных партий известием о появлении в Варшаве национального правительства и о своем ему переподчинении, Пилсудский поспешил вслед за 1-й кадровой ротой. По дороге он посетил расположенное недалеко от границы местечко Кшешовицы. Здесь, на посту жандармерии, сформированные вслед за 1-й кадровой ротой стрелковые подразделения получали карабины и патроны, а затем отправлялись в Мехов. Туда же стремился и Пилсудский, надеясь без задержки возглавить национальное восстание в русской Польше. Только с ним Главный комендант связывал в тот момент успех своего плана решения польского вопроса. 9 августа владелец одного из поместий в окрестностях Мехова подарил ему четырехлетнюю кобылу Каштанку, которая верно ему служила до ноября 1927 года и была любимицей домочадцев и солдат [Именно Каштанка изображена на наиболее известном конном портрете Пилсудского кисти Войцеха Коссака, для которого маршал позировал в ноябре 1927 года.]. 12 августа Пилсудский на Каштанке во главе отряда стрелков в количестве нескольких сот человек, в составе которого была и кадровая рота, вошел в оставленный русскими губернский город Кельце и остановился в губернаторском дворце. Это был кульминационный момент в реализации его грандиозного плана изменения статуса Царства Польского.

Но Пилсудского ждало оглушительное разочарование. Казалось бы, им были учтены все факторы, от которых зависел успех плана: ненависть к России, патриотизм и жертвенность поляков, война как детонатор освободительного движения, план ведения войны противником, согласно которому русские войска должны спешно покинуть левобережную Польшу, многолетняя пропаганда восстания, организационные мероприятия по созданию ячеек Союза активной борьбы. Подготовка восстания была поставлена перед отправляющимися в Царство Польское стрелковыми подразделениями в качестве одной из основных задач. В канун и первые дни войны активизировалась отправка в Царство Польское людей из его движения для ведения там пропагандистской деятельности. Этой работой руководил Славек, еще до начала войны получивший от Рыбака бланки пропусков через границу с печатями, которые он мог заполнять по своему усмотрению. Так, 7 – 9 августа в Царство Польское проследовала группа бывших боевиков под командованием Арцишевского, которым Пилсудский, как уже упоминалось ранее, поручил

ведение разведывательной и пропагандистской работы в тылу русской армии. Вслед за разведчиками (по традиции их, как и боевиков, называли «беками») в оставленные русскими районы Царства Польского направились политические и общественные деятели. В их числе были, в частности, известные деятели ППС Сулькевич и Василевский, популярные литераторы Вацлав Серошевский и Густав Даниловский, художник В. Тетмайер. Некоторым из них, помимо ведения пропагандистской деятельности, поручалось также исполнение обязанностей представителей Национального правительства и создание его военных комиссариатов на местах. Эти административно-политические образования должны были играть в отношении вторгшихся на территорию Царства Польского немецких и австро-венгерских армий роль органов польской государственной власти и представителей местного населения.

Но реальность оказалась далеко не такой, как ее себе планировал Пилсудский. С первых же дней войны оказалось, что никакого энтузиазма у жителей «освобожденных» сел и местечек появление стрелков и эмиссаров Пилсудского не вызывало. Это вынужден был уже 9 августа признать сам организатор аферы. В уже упоминавшемся донесении в штаб оперативной группы Куммера он писал: «Что касается гражданского населения, то я всюду отмечаю полную дезориентацию и пассивность в отношении происходящего. Всеобщий страх перед русскими, которые якобы должны скоро вернуться, как и перед пруссаками, о жестокости которых повсюду говорят, и не в меньшей степени перед австрийскими частями и моими стрелками овладел многими людьми». Правда, далее Пилсудский уверял, что настроения населения постепенно меняются в более благоприятном направлении, что уже поступило более 130 заявлений от желающих вступить в стрелковые части, население «везде торопится оказать добровольную и обильную материальную помощь. Поэтому я ожидаю, что в ближайшее время повсюду отмечаемая пассивность жителей края изменится в пользу моей организации» [Там же. S. 626 – 627.]. Но, несмотря на демонстрируемый оптимизм, он, несомненно, уже понимал, что обещанного им австрийцам восстания не будет. В 1939 году профессор Шимановский вспоминал об этом времени: «Тот, кто видел Пилсудского в Кельце так, как видел его я, тот должен был заметить у него следы большого разочарования и подавленности... Пилсудский был в страшном настроении и под впечатлением общего провала» [РГВА. Ф. 476. Оа. 1. Д. 79. Л. 50.].

Интересна реакция на действия Пилсудского и его стрелков такого непредвзятого свидетеля событий, как Осип Мандельштам. В октябре 1914 года он написал стихотворение «Polaci», в котором не смог скрыть своего недоумения:

Поляки! Я не вижу смысла

Г.Ф. Матвеев. Пилсудский

В безумном подвиге стрелков,

Иль ворон заклюет орлов?

Иль потечет обратно Висла?

Или снега не будут больше

Зимою покрывать ковыль?

Или об Габсбургов костыль

Пристало опираться Польше?

А ты, славянская комета,

В своем блуждании вековом,

Рассыпалась чужим огнем,

Сообщница чужого света.

Перечисленные Пилсудским причины крайне низкой активности населения Царства Польского в самом общем виде верны. Он лишь не сказал о том, что за прошедшие после революции годы ППС утратила свое некогда немалое влияние в пользу национальных демократов, предлагавших более универсальную модель одновременного решения польского вопроса для трех частей страны сразу. Отнюдь не способствовали популярности стрелков широко применявшиеся ими рукоприкладство и реквизиция продовольствия, лошадей, повозок и оружия. Взамен они давали расписки, выписанные на некую Польскую военную казну. Такое поведение сильно беспокоило австрийцев, стремившихся к поддержанию порядка на оккупированной территории Царства Польского. Поэтому капитан Рыбак даже приостановил временно формирование стрелковых подразделений, запретил одиночный переход добровольцев через русскую границу и приказал Пилсудскому решительно пресечь реквизиции в районах действия австрийских частей.

Не подтвердились расчеты Пилсудского и на то, что русские войска быстро оставят левобережную Польшу с Варшавой и отойдут за Вислу. Тяжелое положение, в котором оказалась Франция в начале войны, потребовало от России сделать все, чтобы отвлечь на себя как можно больше немецких и австро-венгерских войск. Русское командование, готовившее наступление на Львов и Краков, не могло сдать без боя Варшаву, ибо это сразу же ухудшило

бы стратегическое положение армии. Оно оставило на левом берегу Вислы часть своих сил, что заставило Пилсудского во второй половине августа отказаться от честолюбивого плана первым, раньше немцев и австрийцев, войти в польскую столицу.

Таким образом, разрабатывавшийся Пилсудским несколько лет план создания польской армии, как необходимого и достаточного условия обретения Царством Польским независимости, провалился уже в первые дни. В 1919 году Пилсудский в частной беседе признавался, что 1914 год был для него одним из самых тяжелых в его жизни. Казалось, что ничего не получается и все идет наперекосяк. Австрийские военные так и не дождались обещанного Пилсудским антирусского восстания в Царстве Польском. Поэтому они должны были безотлагательно предпринять какие-то меры в отношении стрелков, представлявших, по сути дела, запрещенные международным правом некомбатантские партизанские формирования.

Скорее всего, эта мысль пришла в голову ответственным чинам габсбургской армии не позже 11 августа 1914 года. Именно в этот день капитан Рыбак, отвечавший до 10 августа за стрелков, в донесении в адрес Главного командования армии писал о позитивной оценке штабом 7-й кавалерийской дивизии выгод от использования стрелковых частей в караульной службе, связи и особенно в разведке, что «само по себе свидетельствовало в пользу сохранения этой организации» [Galicyjska dziala nosc wojskowa Pifeudskiego... S. 636.]. Последние слова позволяют предположить, что капитан уже что-то знал о планах ликвидации стрелковых частей в их тогдашнем виде.

Тем же вечером 11 августа Владислав Сикорский, которого Пилсудский накануне назначил военным комиссаром для Галиции, имел беседу с начальником информационного отдела Главного командования армии при командовании оперативной группы генерала Г. Куммера подполковником Яном Новаком, к которому перешли от Рыбака контакты с представителями Главной комендатуры стрелковых частей. В ходе встречи Новак высказал в адрес Пилсудского и стрелковых частей ряд замечаний, указав, в частности, на случаи несубординации в отношении австрийских военных органов, выдумку с Национальным правительством и созданием его органов на местах. Из этой беседы Сикорский сделал вывод о том, что над стрелковыми частями нависла серьезная угроза ликвидации, поскольку вряд ли Новак излагал свое личное мнение.

Для противодействия этому Сикорский в ту же ночь подготовил свои предложения, которые изложил в памятной записке на имя Главного командования армии, и передал Новаку По мнению военного комиссара

Галиции, на базе стрелковых и сокольских частей следовало создать Польский добровольческий корпус в составе двух легионов. Корпус имел бы некоторые отличия от австро-венгерской армии (польские команды, язык внутренней служебной переписки, знамена, форма) и должен был подчиняться непосредственно австрийскому Главному командованию. Сикорский также считал необходимым привлечь к формированию корпуса Пилсудского.

13 августа в одном из краковских кафе Пилсудский встретился с Новаком, который предъявил ему самый настоящий ультиматум: на занятых австро-венгерской армией территориях самостоятельная деятельность добровольческих отрядов, а также организация ими административных органов недопустима. Пилсудский ответил, что обсудит со своими людьми возникшую ситуацию и через два дня известит Новака о принятом решении. В ходе встречи обозначились два возможных направления дальнейшего развития событий: или же прежняя стрелковая организация будет распущена, а желающие продолжить борьбу будут использованы для разведывательной и диверсионной работы, или же стрелки, как это сделали «Соколы», вступят в ряды армии Габсбургов. В обоих случаях Пилсудский должен был бы оставить командование.

Во время встречи с Новаком он узнал об инициативе краковских консерваторов и демократов по созданию общенационального органа, который стал бы руководящим политическим центром для польского добровольческого корпуса. Эти последовательные сторонники проавстрийского курса в решении вопроса о судьбе Царства Польского опасались, что бесконтрольные действия Пилсудского нанесут делу непоправимый урон. Уже 9 августа в Кракове состоялось политическое совещание с участием депутатов центрального и галицийского парламентов, представителей духовенства, научных, хозяйственных и общественных учреждений и других влиятельных лиц. О своем желании сотрудничать в рамках широкого фронта польских политических и общественных сил заявили Комиссия конфедерированных партий и Центральный национальный комитет. Таким образом, среди галицийских польских политиков впервые наблюдалась единодушная готовность к солидарному решению вопроса о судьбе русской Польши. Момент проведения совещания совпал с оглашением распоряжений министра обороны Австро-Венгрии от 3 августа 1914 года о преобразовании польских военизированных организаций Галиции в части ландштурма.

Участники совещания согласились с необходимостью решения вопроса о будущем Царства Польского, хотя каких-либо конкретных решений не приняли, предполагая сделать это после выяснения мнения официальной Венны. Своим полномочным представителем они избрали тайного советника Юлиуша Лео, председателя польской фракции в рейхсрате и президента Кракова.

Переговоры, которые Лео провел в Вене с высокопоставленными государственными и военными деятелями, убедили его в том, что у вопроса о судьбе Царства Польского неплохое будущее, если только не упустить момент и создать добровольческий корпус под политическим патронатом всех польских политических партий Галиции. Исследователи, правда, отмечают, что Лео явно переоценивал значение услышанных в Вене обещаний, не получил никаких твердых гарантий от своих партнеров по переговорам. Думается, что упреки в адрес Лео за излишнюю доверчивость не совсем оправданы. Президент Кракова был опытным политиком и прекрасно понимал, что венские официальные круги не могли давать никаких твердых гарантий в начале войны, результаты которой были им неизвестны. Для него самым главным было то, что он не получил в Вене решительного отказа.

В пользу такой трактовки указывает обсуждение вопроса об издании манифеста императора Франца Иосифа I к населению Царства Польского на совещании 20 августа у министра иностранных дел Австро-Венгрии графа Леопольда Берхтольда [Там же. S. 652 – 656.]. В нем приняли участие такие искушенные политики, как главы австрийского и венгерского правительств граф Карл фон Штюргк и граф Стефан Тиса, венгерский министр при венском дворе барон Стефан Буриан фон Раеч, министр общих финансов Леон Билиньский, экс-наместник Галиции Михал Бобжиньский. В его ходе венгерский премьер «заявил о необходимости дать населению Царства Польского обещание относительно его будущего и выразил убеждение, что это следует сделать; однако он считает, что императорский манифест не нужен. Следует соблюдать осторожность, чтобы Его Королевское и Императорское Апостольское Величество не оказался в неприятном положении, давая обещания, которые, быть может, он не смог бы выполнить без ведения войны а outrance [До победного конца (фр.)] и обречения своего государства на весьма серьезные опасности. Такое Высочайшее обращение создавало бы моральную связь с краем, который нам еще не принадлежит. Этого следует избегать, пока не произойдет *fait accompli*... По его мнению, нельзя соревноваться с Россией в завоевании симпатий поляков... С практической точки зрения следует учитывать, что если война завершится благоприятно для нас, но не повлечет за собой полного разгрома России, нам будет нелегко склонить русских к отказу от Польши. Необходимо также помнить, что императорский манифест, провозглашающий включение Польши в состав монархии, чрезмерно затруднил бы установление лучших отношений с Россией».

Кроме того, назывались и другие причины, по которым не следовало торопиться с принятием обязывающего решения по вопросу о Царстве Польском, в том числе и опасение, что это может спровоцировать польский

сепаратизм в Галиции. Поэтому участники совещания постановили, что объединение Царства Польского с Галицией «в рамках монархии с австро-венгерской точки зрения желательно только при условии, что прочность и единство монархии в результате этого не ослабнут, и что мы будем уверены в том, что государственно-созидательные элементы в Царстве Польском будут работать в этом направлении и противодействовать развитию центробежных стремлений».

Вышеприведенное выступление Тисы было очень важным, если принять во внимание, что оно имело место по горячим следам русского манифеста от 14 августа 1914 года по польскому вопросу, объявлявшего целью войны объединение всех польских земель в составе России на правах автономии. Из слов Тисы видно, что политики Австро-Венгрии правильно поняли пропагандистский характер манифеста, поскольку он был подписан не Николаем II, а главнокомандующим русской армией великим князем Николаем Николаевичем. Тем самым Россия оставляла для себя приоткрытой дверь для сепаратных переговоров с Австро-Венгрией и Германией, и у Вены не было желания эту дверь захлопывать.

Вместе с тем участники совещания не исключали возможности в будущем, в случае победы в войне, заняться решением вопроса о Царстве Польском. Но для этого поляки этой провинции должны были внести свою лепту в эту победу. Как заявил Тиса, «мы не можем брать на себя ответственность перед поляками, что они получают самостоятельность; каждый народ, борющийся за свободу, должен рисковать».

15 августа пополудни в Кракове состоялось совместное заседание представителей Комиссии конфедерированных партий, Центрального национального комитета, польских депутатов общеимперского и краевого парламентов, на котором решались проблемы объединения усилий всех польских политических партий Галиции и ППС, а также создания польского добровольческого корпуса. Образованная на совещании согласительная комиссия организовала серию консультаций планируемых участников соглашения для снятия разногласий. В тот же день состоялось секретное совещание представителей краковских консерваторов и Комиссии конфедерированных партий, в ходе которых последние согласились отказаться от концепции Национального правительства, ликвидировать Польскую военную казну и Комиссию конфедерированных партий, а также ограничить деятельность создаваемого политического органа исключительно территорией Галиции. Взамен консерваторы согласились сотрудничать с Пилсудским.

На следующий день, поздним воскресным вечером 16 августа, в краковской

ратуше состоялось повторное заседание участников переговоров, завершившееся созданием Главного национального комитета (ГНК) как высшей инстанции в сфере политической, военной и финансовой организации польского ландштурма. Председателем ГНК, состоявшего из 40 представителей политических группировок галицийских поляков, был избран Лео. Комитет был разделен на две секции – восточную во Львове и западную в Кракове. Общие вопросы находились в ведении исполнительного комитета, возглавленного тем же Лео. В его состав вошли также члены президиумов обеих секций: председатели в ранге вице-председателей (консерваторы Тадеуш Ценьский от Львова и Владислав Леопольд Яворский от Кракова), руководители военного, организационного и финансового департаментов, генеральные секретари. В связи с созданием ГНК Комиссия конфедерированных партий приняла 17 августа решение о самороспуске. Таким образом, с политической сцены ушел орган, в котором мнение Пилсудского было определяющим, и появился руководящий центр, в котором откровенно доминировали его вчерашние оппоненты.

Исходя из полученного от австрийцев согласия на формирование добровольческого корпуса, ГНК принял решение организовать два легиона, по одному в Восточной и Западной Галиции. Их основу должны были составить стрелковые союзы и стрелковые дружины. Польский характер корпуса планировалось обеспечить путем назначения на все командные должности австрийских офицеров польской национальности, введения особой формы одежды и польских знамен. Планировалось вооружение легионов по нормам, предусмотренным для армейских частей, в том числе артиллерией и пулеметами. В результате бойцы легионов автоматически приобретали статус комбатантов (это было очень важно сделать, потому что русские войска, в полном соответствии с признанными европейскими государствами нормами ведения войны, расстреливали попавших в их руки на поле боя бойцов Пилсудского, как это случилось 13 августа с пятью стрелками, захваченными в окрестностях Кельце). О создании Главного национального комитета и принятых им решениях в военной области Лео проинформировал подполковника Новака, а тот, в свою очередь, венское начальство.

Пока происходили все эти, имевшие для Пилсудского серьезные последствия, события, он находился со своими стрелками на территории Царства Польского. 15 августа он реорганизовал находившиеся под его командованием стрелковые отряды в 1-й пехотный полк. Это был демонстративный шаг с целью показать бойцам, что все идет по плану, что потом будут создаваться другие полки. Но реального значения он не имел, потому что судьба Пилсудского и стрелков была полностью в руках австрийцев. Консультации с людьми из ближайшего

окружения относительно австрийского ультиматума не смогли подсказать Пилсудскому какого-либо выхода из критической ситуации. У него не было ни одного серьезного контраргумента, способного заставить австрийцев изменить свою позицию. Обещанного Пилсудским восстания не случилось, а это был единственный аргумент, способный обеспечить ему самостоятельный статус. Конечно, его люди снабжали австрийцев разведывательной информацией и даже осуществляли диверсии, создавая некоторые затруднения для русской армии в Царстве Польском. Но этого было недостаточно для того, чтобы с ним считались как с самостоятельной силой, способной повлиять на исход войны.

Поэтому у Пилсудского оставались две возможности: или признать свое поражение и сойти с политической сцены, или же принять условия австрийцев, как наименьшее зло на данный момент, и попытаться выработать новый план осуществления главной цели своей жизни – освобождения Царства Польского из-под русского господства. Будущий маршал решил отсрочить ответ австрийцам еще на несколько дней, а за это время совместно с галицийскими политиками найти какой-то устраивающий его выход.

17 августа Пилсудский направил Славека в Краков с поручением сообщить Дашиньскому, что в сложившихся условиях он соглашается с инициативой Лео и принимает австрийские условия. Но это решение Пилсудского имело сугубо символический характер. С момента образования Главного национального комитета Пилсудский переставал быть для австрийцев самостоятельным партнером. Комиссия конфедерированных партий исчезла, и он не мог опираться на авторитет представленных в ней политических сил. Стрелковые союзы и стрелковые дружины в ближайшие дни должны были быть выведены из его подчинения и включены в польский добровольческий корпус под оперативным австрийским командованием. Из Главного коменданта стрелковых формирований Пилсудский вновь превращался в обычного политического эмигранта, судьба которого полностью находилась в руках властей приютившей его страны.

Согласие Пилсудского на австрийские условия означало, что ему следовало поставить жирный крест на своем плане относительно Царства Польского. С этого момента над ним выстраивалась иерархическая пирамида, персонально представленная председателем ГНК Лео, руководителем Западной секции ГНК профессором Яворским и руководителем Военного департамента Западной секции Сикорским, его недавним подчиненным по Союзу активной борьбы. К тому же не было ясности относительно собственной судьбы Пилсудского.

В начале консультаций по вопросу о создании ГНК Дашиньский настаивал, чтобы командование добровольческим корпусом было поручено именно

Пилсудскому, но его предложение не нашло поддержки. По мнению Славека, в этом были повинны национальные демократы, для которых Пилсудский все еще оставался социалистом. Они якобы опасались, что в случае передачи всего польского ландштурма под командование Главного коменданта он поведет молодежь к социальной революции. К тому же «эндеки» крайне низко оценивали профессиональную пригодность Пилсудского для занятия генеральской должности и сумели убедить в этом часть польского общества Галиции. Но дело было не только в интригах национальных демократов, как убеждал Слабек. Ведь планировалось создание достаточно крупного военного соединения, и австрийцы не могли доверить командование им самоучке-любителю, к тому же имевшему весьма колоритное прошлое марксиста и террориста.

19 августа Пилсудский был проинформирован Славеком и Сокольниковым о качественно новой ситуации, сложившейся в Галиции в связи с созданием ГНК. Жизненный опыт подсказывал ему, что раз с ним не посоветовались по вопросу о судьбе стрелков, то ему вряд ли доверят командование легионами. Нужно было искать такой выход, чтобы не похоронить дело, которому он посвятил два десятилетия. 20 августа Главный комендант обратился к своим офицерам с вопросом, как поступать дальше – подчиниться и перейти на службу Австрии или же сохранить независимость, уйти в леса и вести там повстанческую борьбу, как в 1863 году. Большинство склонялось ко второму варианту, но Пилсудский не мог не понимать, что его молодые подчиненные руководствуются эмоциями а не рассудком. Поэтому он выбрал первый путь. На следующий день на заседании Главного национального комитета он признал новый политический центр и принятые им решения, в том числе и касавшиеся организации легионов. В тот момент это было единственно возможное для него решение, оставлявшее надежду на сохранение хотя бы частичного влияния на ход событий. Не случайно на заданный ему в тот день Дашиньским вопрос об отношении к созданию ГНК Пилсудский ответил: «Это спасло мое существование».

Таким образом, первые две недели войны Австро-Венгрии с Россией со всей очевидностью показали провал долго и тщательно разрабатывавшегося Пилсудским плана решения вопроса о судьбе Царства Польского в полусвободном союзе с монархией Габсбургов. Поляки русской Польши не увидели своих освободителей ни в пруссаках, без всякой надобности жестоко обстрелявших из орудий город Калиш, ни в их союзниках австрийцах. Не вызвало сколько-нибудь серьезного патриотического порыва и появление вместе с австрийцами плохо вооруженных полувоенных людей с польскими кокардами на фуражках-мацеювках, немедленно приступивших к реквизициям

продовольствия и лошадей. В одном из своих выступлений в конце 1914 года на собрании офицеров 1-й бригады Пилсудский с горечью отметил, что поляки оказались «поросшим мхом камнем, а не зарядом динамита».

Другой на месте Пилсудского, пережив уже вторую неудачу в реализации своей главной жизненной цели, наверное, сломался бы, сдался, опустил руки. Но наш герой и на этот раз проявил характер настоящего политика, готового бороться за реализацию вынашиваемой идеи до конца, независимо от того, каким будет этот конец – триумфальным или катастрофическим.

На службе Францу Иосифу

Сделав свой личный выбор – подчиниться Главному национальному комитету и открыто перейти на службу Австро-Венгрии – Пилсудский должен был оправдать его в глазах своих подчиненных. Прибыв 21 августа в Кельце, к этому моменту вновь оставленное русскими войсками, он провел совещание со своими офицерами, во время которого проинформировал их о создании ГНК и легионов, а также о своей полной поддержке действий галицийских политиков. Это свое решение Пилсудский оправдывал тем, что получил соответствующее распоряжение от тайного Национального правительства. Таким образом, его недавняя мистификация, потерявшая всякое значение после появления ГНК, сослужила ему на этот раз неплохую службу, избавив от необходимости знакомить участников совещания с подлинными мотивами своего поведения.

Аналогичным образом он объяснил свою позицию и в изданном на следующий день приказе по стрелковым подразделениям. Характерно, что Пилсудский не оставил подчиненным права на собственный выбор, объявив, что поддержал ГНК и легионы не только от своего, но и от их имени. Содержание приказа заслуживает того, чтобы остановиться на нем более подробно. Во-первых, он особо подчеркнул историческое значение факта участия стрелков в первые две недели войны в качестве якобы самостоятельной силы, того, что «самые смелые и самые энергичные взвалили на свои плечи ответственность, инициативу как искра воспламенить порох. И вы стали этой искрой, давая пример другим как передовые участники борьбы польского народа за независимость родины». Как всегда, когда Пилсудский говорил публично о цели своих усилий, он придавал своим словам максимально общее звучание. Поэтому борьба за изгнание русских из Царства Польского превращалась в борьбу за независимость всей Польши. Если принять во внимание, что несколькими днями ранее он согласился поступить на австрийскую службу и в данный момент ждал назначения на новую должность, такое заявление звучало более чем странно. Но, по его признанию в 1932 году, он всю войну должен был всех обманывать – друзей, подчиненных, «опекунов», уверяя, что

обязательно победит.

Пилсудский не мог не понимать, что стрелки переживают определенный психологический шок в связи с тем, что их героический порыв не только не нашел признания у жителей Царства Польского, но и был встречен враждебно. Именно поэтому он, явно стараясь наполнить оптимизмом своих подчиненных, попытался успокоить их словами, что «сегодня народ начинает пробуждаться и не хочет оставить нас в одиночестве, в котором мы были до настоящего времени». Заметим, что размышления о причине провала его стратегического плана занимали его в тот момент самым серьезным образом. Пилсудский пытался убедить себя и своих сотрудников, что причиной был не его просчет, а объективные обстоятельства. Так, 19 августа он в числе причин назвал то, что его не пустили в Домбровский бассейн, где у него были подготовленные люди и условия, а бросили в бедные районы с менее всего подготовленным населением, где и помещики, и крестьяне настроены к стрелкам враждебно.

Известно много критических высказываний Пилсудского в адрес польского народа. Вот только одно из них, относящееся к февралю 1915 года. На вопрос, что будет с Польшей после войны, он со злостью ответил: «А что, собственно говоря, должно случиться с Польшей, с этим народом, который никогда не способен ни на какое действие, который является позором Европы и тридцатимиллионным пятном на человечестве» [Цит. по: Jedrzejewicz W., Cisek J. *Kalendarium zycia...* Т. I. S. 287.].

Важным рубежом в процессе перехода Пилсудского и стрелков на австрийскую военную службу стало 5 сентября 1914 года, когда 1-й полк Западного легиона на Кафедральной площади Кельце принес присягу австрийского ополчения. Но окончательным его завершением следует считать, видимо, рубеж 1914 – 1915 годов, когда все легионеры, от офицеров до рядовых включительно, получили первое жалованье из австрийской казны.

Поведение стрелков в кардинально изменившихся условиях убедило Пилсудского в том, что на них можно полностью рассчитывать. Никаких случаев протеста или неподчинения не было, хотя стрелки и присягали, как отмечается в польской литературе, без энтузиазма. Первый месяц войны показал, что сделки безгранично доверяют своему коменданту, готовы слепо следовать за ним, не особенно задумываясь, насколько правильны принимаемые им решения. Процесс формирования группы, безгранично преданной руководителю, вождю и прочно связанной с ним взаимным доверием, начавшийся еще в Боевой организации ППС и продолжившийся в стрелковых союзах, был резко активизирован после начала войны.

Феномен этой группы, позже получившей название «пилсудчики», очень точно охарактеризован историком Анджеем Гарлицким: «...Развитие событий было непонятно большинству стрелков. Шок, вызванный безразличием или неприязнью общества Царства Польского к стрелковым отрядам, оставил глубокий след в психике этой молодежи. Рухнули мечты, была подорвана вера в целесообразность действий. Благородный молодой порыв, готовность на самые большие жертвы столкнулись с холодом и недоверием.

Это имело разнообразные последствия. Несомненно, оно ускорило интеграционные процессы этой группы, стерло прежние деления, сцементировало внутренне. Начали формироваться связи, порожденные не только чувством одиночества, чувством миссии: «Марш первой бригады» был написан позже, но он передает настроение, которое возникло уже тогда, в августе 1914 года. Вот последний куплет марша, который, правда, в межвоенное двадцатилетие был лишен скабрёзного окончания:

Мы не хотим от вас признанья,

Ни ваших слов, ни ваших слез,

Не будем больше мы стучаться

В ваши сердца – е...л вас пес!

Рождалось чувство презрения к тем, которые «кричали, что нас обманули, не веря нам, что хотеть – значит мочь», чувство презрения к обществу, к собственному народу. У легионеров сложилось убеждение, что только они правы – вопреки всему, вопреки рассудку. Они не понимали изгибов политики. Не понимали, почему они, будучи солдатами Национального правительства, должны подчиняться Главному национальному комитету, почему должны присягать австрийскому императору, даже если ко всем его титулам добавлен еще и титул короля Польши. Но они и не хотели этого понимать. «Комендант знает, что делает», – это решало все проблемы.

Безграничное доверие к Пилсудскому, культ вождя – были для этой массы стрелков, а позже для 1-й бригады существенным компенсационным фактором. Личность вождя в определенной степени подменяла политическую программу. В личности коменданта персонифицировалась идея борьбы за независимость...

Культ вождя, позволяющий подчиненным ему людям освободиться от ответственности, типичное явление для всех групп военных, особенно во время войны. Но в случае стрелковых отрядов, а позже 1-й бригады силу этого

явления увеличивало своеобразие ситуации. Отсутствие собственного государства, отсутствие политической базы, недоброжелательность общества, отсутствие шансов на разрыв союза с захватчиками – это были факторы, усиливавшие культ коменданта. Жизнь задавала десятки вопросов, на которые эти молодые люди не могли дать себе ответ. И сознательно не искали ответа, имея один ключ к пониманию действительности: «Комендант знает, что делает». Эта позиция позволяла пережить очередные политические кризисы, позволяла без колебаний подчиняться очередным меняющимся директивам. События ближайших лет принесут этой группе множество психических переживаний. Она выйдет из них успешно именно благодаря такой позиции. Но за это следовало заплатить определенную цену; ею был отказ от самостоятельности мышления...» [Garlicki A. Jozef Pifeudski... S. 172 – 173.]

Другим важным элементом рождающейся легенды легиона было то, что носит название войскового братства, чувство которого особенно легко возникает у молодых людей. Все тяжести, грязь, пот и кровь войны со временем как бы меркнут, остаются только светлые воспоминания о настоящей мужской дружбе и прекрасных днях молодости. В памяти сохраняются знаки-сигналы, вызываемые даже много лет спустя всего одним словом. Таковым знаком-сигналом стала, например, написанная адъютантом Пилсудского Болеславом Венявой-Длугошовским в 1915 году на фронте песня, начинавшаяся со слов «Шел улан раз на отдых...». Дальше шел совершенно не поддающийся воспроизведению на бумаге текст, составленный автором из всех нецензурных выражений, которые знали его друзья. Пилсудский, которому эту песню исполнили на фронте подчиненные после обильного возлияния, был в таком восторге, что вспоминал об этом моменте восемь лет спустя, сидя в компании львовских артистов театра.

На определение линии поведения в изменившихся обстоятельствах Пилсудскому потребовалось некоторое время. Для начала, в конце августа 1914 года, когда австрийцы уточняли свое отношение к польским добровольческим формированиям и ГНК, а также решали личную судьбу командира стрелков, он попытался обеспечить себе серьезное влияние на военный департамент ГНК. С этой целью для работы в этом учреждении были откомандированы офицеры его полка Мариан Янушайтис, Мариан Кукель, Казимеж Фабрицы, Мечислав Трояновский. По свидетельству Славека, они якобы должны были саботировать, по возможности, работу австрийского командования, а также убеждать, что только полностью независимое от Центральных держав национальное движение и Пилсудский могут пробудить повстанческие настроения в русской Польше. Но из задумки коменданта ничего не вышло – по разным причинам эти офицеры отказались или не смогли сыграть отведенную

им Пилсудским роль. Но зато у него была возможность получать конфиденциальную информацию о действиях военного департамента.

В связи с тем, что австрийцы решительно требовали ликвидации военных комиссариатов Национального правительства на местах, а общество Царства Польского не проявляло к ним ни малейшего интереса, Пилсудский в начале сентября 1914 года принял решение о их преобразовании в Польскую национальную организацию (ПНО), состоявшую исключительно из выходцев из Царства Польского. Возглавили ПНО его старый соратник по ППС Йодко-Наркевич, что было равнозначно его политической реабилитации, а также Сокольниковский, в августе назначенный Пилсудским гражданским комиссаром Келецкой земли. Актив новой организации составили старые, испытанные товарищи Пилсудского Василевский, Малиновский, Перль, Сулькевич, а также Владислав Мех, Иза Мощеньская-Жепецкая, Казимеж Праусс, Вацлав Токаж и др.

С помощью ПНО Пилсудский предполагал решить несколько задач. Во-первых, устранить с политической сцены призрак тайного Национального правительства в Варшаве, который совершенно не вписывался в новую реальность. Нельзя было служить одновременно двум политическим центрам, один из которых был чистой воды мистификацией и давал о себе знать только устами Пилсудского. Во-вторых, следовало попытаться сохранить под новым названием созданную усилиями прибывших из Галиции соратников сеть военных комиссариатов, которая могла понадобиться в будущем, в изменившихся условиях. В-третьих, ПНО в случае успеха плана мог стать политической базой Пилсудского в Царстве Польском, так как ГНК ограничил свою деятельность только Галицией.

Кроме того, он планировал использовать ПНО в контактах с немцами. Первое непосредственное знакомство с германскими военными произошло 19 – 21 августа в Кельце. Они произвели на Пилсудского позитивное впечатление, так как, в отличие от австрийцев, не требовали от него роспуска комиссариатов и демонстрировали готовность к сотрудничеству.

Согласно опубликованной программе ПНО ее официальными целями являлись содействие вооруженному антирусскому восстанию в Царстве Польском и созданию польской армии, а также формирование в обществе понимания целей борьбы Пилсудского и его единомышленников.

К этому же времени относится начало конфликта Пилсудского с военным департаментом ГНК и командованием Западного легиона. О конфликте пишут все биографы Пилсудского, обычно, вслед за ним самим и его окружением

возлагая вину на противоположную сторону, особенно на В. Сикорского и В. Загурского. Представляется, что вопрос не столь прост. Причина конфликта крылась не в том, что эти и другие офицеры отговаривали волонтеров от вступления в 1-й полк Пилсудского под тем предлогом, что это не воинская часть, а политиканы, банда, не желающая носить предписанные черно-желтые нарукавные повязки. Ведь еще в первые дни войны Пилсудский назначил Сикорского военным комиссаром Галиции, чем даже вызвал недовольство своего ближайшего сподвижника Сл. Следующим ударом по планам Пилсудского в Царстве Польском стало отступление разгромленной на Люблинщине армии генерала Данкла и группы генерала Куммера на исходные позиции в первой декаде сентября 1914 года. Вместе с армией отступали и легионеры Пилсудского, так и не принявшие участие ни в одном сколько-нибудь серьезном бою. По свидетельству его подчиненных, будущий маршал внутренне протестовал против оставления Царства Польского и отступления в Галицию. 13 сентября его легионеры даже получили благодарность австрийского главного командования за образцовое отступление.

Уже в эти сентябрьские дни 1914 года австрийцам должно было стать понятно, что в лице Пилсудского они получили не самого дисциплинированного офицера ландштурма. Так, он отказался раздать бойцам своего полка черно-желтые нарукавные повязки, как он позже язвительно комментировал, «опасаясь, чтобы не были профанированы цвета опекающего нас государства». Получив приказ организовать оборону участка фронта на правом берегу Вислы, он самовольно приказал переправиться на противоположный берег. В результате было нарушено взаимодействие с соседями слева и справа и затруднена связь с основными силами армии. Если бы противник вдруг начал наступление крупными силами на позиции полка, трудно было бы предсказать его последствия. К счастью, русская армия вела боевые действия на других участках фронта, поэтому легионеры Пилсудского спустя несколько дней без помех вернулись на правый берег, причем Пилсудский переправился на последнем пароме.

8 октября он лично, без согласования с командованием легионов, присвоил группе своих подчиненных офицерские звания. До этого они пользовались названиями своих подразделений с добавлением, как в армии Тадеуша Костюшко во время восстания 1794 года, слова «гражданин»: гражданин отделенный, гражданин взводный и т. д. Не все его назначения были впоследствии подтверждены австрийцами, но в его полку, а затем бригаде они строго соблюдались. Сохранил Пилсудский в своем полку и фуражки-мацеювки, хотя все другие полки носили конфедератки (четыреугольные фуражки польских военных формирований конца XVIII – начала XIX века).

В это же время немецкая армия успешно развивала наступление на Варшаву. Ситуация на фронте подтолкнула Пилсудского к мысли о налаживании связей с Германией и выводе таким образом легионеров из-под австрийского командования. Не без его ведома 21 сентября 1914 года в Берлин выехали Йодко-Наркевич и Сикорский для налаживания взаимодействия с германскими политическими и военными кругами. Им удалось с помощью известного польского политика из Верхней Силезии, депутата рейхстага Войцеха Корфанты встретиться с рядом сотрудников военного министерства, министерства внутренних дел и министерства иностранных дел. Немцы много и охотно рассуждали о перспективах решения вопроса о Царстве Польском после победоносного окончания войны, но добиться от них каких-либо политических обещаний применительно к текущему моменту не удалось. Сикорский вернулся в Краков, а к Йодко-Наркевичу присоединился Сокольниковский, до этого безуспешно пытавшийся установить контакты со ставкой фельдмаршала Пауля фон Гинденбурга.

На этот раз объектом их усилий стало командование 9-й германской армии, которая вела боевые действия на территории Царства Польского. Партнером по переговорам был специально назначенный куратором польского направления капитан Людерс. 3 октября представителями штаба армии и Польской национальной организации было подписано тайное соглашение о сотрудничестве. Немцы разрешали ПНО вербовку на оккупированной ими территории добровольцев в польский легион, их военную подготовку и сбор необходимых для этого материальных и финансовых средств, а также ведение политической деятельности. Со своей стороны, ПНО обязалась осуществлять диверсии, саботаж и сбор разведывательной информации в занятых русскими районах Царства Польского. В документе прямо говорилось, что немцы в ближайшее время не собирались использовать польские полки в боевых действиях на фронте, то есть у Пилсудского почти не оставалось шансов на серьезное воздействие и на этого союзника при решении вопроса о будущем Царства Польского. А этот момент, как тогда казалось, мог наступить в самое ближайшее время – германская армия находилась на ближних подступах к Варшаве.

Несомненно, это обстоятельство стало одной из причин новых переговоров, в начальной стадии которых, 5 октября, участвовал Пилсудский. Он предложил собеседникам план передислокации 1-го полка польского легиона на германский участок фронта, что позволило бы использовать его для диверсий в тылах русской армии. Поскольку это предложение встретило положительную реакцию немцев, Пилсудский спустя несколько дней обратился к командованию 1-й австрийской армии с просьбой разрешить самостоятельный

рейд его полка в направлении Варшавы и переход в расположение немецких частей. Австрийцы согласились отпустить его со своей службы, но без полка, что лишало задуманное мероприятие всякого смысла.

Никаких результатов, как показывало развитие событий, не дало и взаимодействие с немцами. 10 октября был согласован текст дополнительного договора между командованием 9-й немецкой армии и ПНО. Немцы согласились допустить к участию в штурме Варшавы пехотный батальон (500 бойцов) и эскадрон (160 кавалеристов) из польского легиона, выделить для них 500 карабинов и амуницию. В случае успеха операции они готовы были разрешить легионерам остаться в Варшаве и выставлять караул в тамошнем Королевском замке. От ПНО они требовали регулярного предоставления информации о русских войсках в Варшаве и окрестностях и других сведений разведывательного характера, активной пропагандистской обработки населения в благоприятном для немецкой армии духе, а также предотвращения подрыва мостов через Вислу, особенно в черте города. Но самым неприятным для Пилсудского моментом было, пожалуй, включение в текст дополнительного соглашения тезиса, что оно не влечет за собой никаких политических последствий.

Ознакомившись с текстом дополнительного договора, Пилсудский попытался скорректировать его, хотя бы в вопросе о численности легионеров – участников штурма Варшавы. Но его старания стали беспредметными, поскольку русские остановили немецкое наступление. Более того, капитан Людерс, отвечавший в штабе 9-й немецкой армии за контакты с Пилсудским и ПНО, 13 октября открыто заявил К. Соснковскому что поляки выдвигают завышенные требования, не выполняя при этом взятых на себя обязательств в области разведки и диверсий. Об этом же капитан написал в письме Пилсудскому рекомендуя вначале завоевать доверие немецких военных и лишь потом предъявлять им претензии.

Все попытки представителей ПНО улучшить отношения с немцами не дали ощутимых результатов. Более того, в начале ноября 1914 года новые союзники потребовали, чтобы эта организация, все еще находившаяся в стадии становления, прекратила свою деятельность в оккупированной ими части Царства Польского и перебралась в Краков. При этом немецкие военные не собирались полностью порывать с Пилсудским и выражали надежду на тесное сотрудничество в будущем, когда положение на Восточном фронте изменится для Центральных держав к лучшему. Но они последовательно игнорировали политические намерения Пилсудского, в том числе и связанные с формированием польских добровольческих частей на стороне Германии, а также восстанием в русском тылу. Немцев интересовали его услуги только

разведывательного и диверсионного характера.

В этих условиях Пилсудскому не оставалось ничего иного, как продолжать взаимодействие с австрийцами, согласившимися на создание польского легиона. С этого момента ПНО утратила свое значение для Пилсудского. На территории Галиции у нее не было ни малейшего шанса составить конкуренцию Главному национальному комитету, пользовавшемуся твердой поддержкой австрийского военного и политического руководства.

К октябрю 1914 года относится еще одна инициатива Пилсудского, как оказалось впоследствии, достаточно удачная. 2 октября на совещании со своими соратниками в Кракове он обосновал необходимость создания тайной военной организации в контролируемой русскими властями части Царства Польского. Ее основу должны были составить существовавшие в Варшаве структуры Союза активной борьбы и Польских стрелковых дружин, объединившиеся после начала войны. Эта организация первоначально не имела ни названия, ни четко определенных целей деятельности. Она, в частности, занималась тайной военной подготовкой своих членов, сбором оружия с целью использовать его в момент штурма польской столицы войсками Центральных держав и легионерами Пилсудского, а главное, помогала агентам разведывательного отдела польского легиона.

Многое изменилось после 20 октября 1914 года, когда организацию возглавил присланный Пилсудским молодой офицер Тадеуш Жулинский. Она получила название «Польская военная организация» (ПВО), а в качестве главной цели в полном соответствии с планами Пилсудского определила освобождение Царства Польского от русского господства. Постепенно ее деятельности удалось придать более организованный характер, создать местные отделения в других городах провинции и даже в Петрограде и Киеве. Помимо прежней организационной и пропагандистской работы, существенное внимание стали уделять разведке, саботажу и диверсиям, в том числе и на железнодорожном транспорте. Таким образом, Пилсудскому удалось создать очередную полностью ему подконтрольную тайную структуру, которую он планировал использовать для реализации главной цели его жизни в благоприятный момент, если таковой когда-либо наступит. А пока что она должна была служить повышению его веса в отношениях с австрийской армией.

Поддержание связи с Польской военной организацией было поручено Пилсудским сохраненной им в составе своего полка разведывательной службе, сформированной в начале августа 1914 года. В ее задачи в основном входила политическая работа за линией фронта. Не случайно будущий маршал по результатам инспекторской проверки деятельности своей разведки в конце

февраля 1915 года приказал и в дальнейшем главное внимание обращать на политическую сторону работы, поскольку только она обеспечивает этическое обоснование существования этой службы. Поэтому Пилсудский до апреля 1915 года всеми доступными средствами откладывал расформирование своего разведывательного отдела, как того хотело главное командование австро-венгерской армии, вполне довольное разведданными собственной разведки, а с декабря 1914 года и разведслужбы военного департамента Главного национального комитета. Он опасался, и не без оснований, что это может привести к нарушению контактов с ПВО и другими связанными с ним организациями за линией фронта.

Октябрь и ноябрь 1914 года Пилсудский провел вместе со своим полком, участвовавшим в боях на различных участках фронта 1-й австрийской армии. Его legionеры показали себя смелыми, отважными бойцами. В этом не было ничего необычного, и не только потому, что за несколько прошедших с начала войны месяцев они приобрели определенный боевой опыт. Ведь в своем большинстве это были молодые люди, часто с гимназическим и даже университетским образованием, оказавшиеся на фронте не по мобилизации, а добровольно ведомые высокой целью освобождения Польши.

Особенно высокую оценку у биографов Пилсудского получил проведенный под его командованием маневр, известный как марш через Улину Малую. Его суть заключалась в том, что три батальона пехоты и два эскадрона кавалерии под командованием Пилсудского должны были провести глубокую разведку боем русских позиций. В нарушение приказа австрийского командования, нуждавшегося в достоверных сведениях о противнике, Пилсудский 9 ноября принял решение пробиваться к Кракову. Спустя несколько лет он сам признавал, что это абсолютно политическое решение базировалось на ложном предположении, что между противоборствующими сторонами существует свободный коридор, достаточный для прохода двух тысяч человек. На самом же деле этот коридор был уже перекрыт, хотя и не очень плотно. 11 ноября группировка поляков под покровом ночной темноты чудом сумела без боев проскочить между русскими и австрийскими порядками и выйти к Кракову.

Австрийское командование было крайне недовольно открытым невыполнением приказа, но, видимо, решило в непростой для себя ситуации отступления не начинать против Пилсудского служебного расследования. К тому же спустя четыре дня после этого случая пришел приказ австро-венгерского главнокомандующего эрцгерцога Фридриха о присвоении Пилсудскому звания бригадира польского легиона. Весьма интересна мотивировка этого решения: «...За его выдающиеся заслуги в борьбе с врагом и учитывая то обстоятельство, что помимо 1-го полка ему подчиняются также 2

батареи горной артиллерии и кавалерийский эскадрон...» [Galicyska dziaialnosc wojskowa Pifeudskiego... S. 679.] Исходя из мотивировки приказа, речь шла о звании выше полковника, но ниже генерала. Присвоение Пилсудскому звания бригадира облегчило преобразование 18 декабря 1914 года его полка в 1-ю бригаду польского легиона. То же было сделано и с двумя другими полками. Бригада первоначально состояла из двух полков, а в январе 1915 года сформировали третий. Было улучшено ее вооружение, в феврале появилась даже батарея скорострельных пушек.

Оказавшись на некоторое время вне зоны боевых действий, бригадир Пилсудский вновь активно окупился в политику. По его мнению, на галицийской политической сцене сложилась благоприятная ситуация для того, чтобы отвоевать утраченные в момент создания ГНК позиции. Дело в том, что в последней декаде октября 1914 года на фоне кризиса Восточного легиона Главный национальный комитет покинули национальные демократы и их единомышленники из других партий, сторонники решения польского вопроса в опоре на державы Антанты, прежде всего Россию. Пилсудский предложил ослабленному расколом ГНК расширить свой состав за счет его Польской национальной организации, оказавшейся к тому моменту не у дел. Руководители ГНК приняли предложение Пилсудского. Вот как описывал мотивы этого решения член исполкома ГНК Константы Сроковский: «По ту сторону стрелковых окопов это был единственный человек, который вел за собой ряд людей, преданных ему слепо и до конца, который мог их класть на колеблющуюся чашу весов и снимать с нее по своей воле. Поэтому нельзя было начинать против Пилсудского процесс из-за того, что он, нарушая принципы лояльности ГНК и его конституции, вступал в соглашения с немцами, а нужно было, когда он возвращался с этой неудачной прогулки, принять его так, как этого требовала общая ситуация и расстановка действующих в ГНК реальных сил» [Srokowski K. NKN. Zarys historii Naczelnego Komitetu Narodowego. Krakow, 1923. S. 291.].

22 ноября 1914 года Главный национальный комитет пополнился тремя представителями Польской национальной организации – С. Довнарвичем, М. Сокольницким и В. Токажем. 30 ноября съезд ПНО принял решение о самороспуске и передаче своих функций ГНК. Вслед за этим произошли важные изменения в руководстве ГНК. Место покинувшего свой пост председателя ГНК Ю. Лео занял В. Яворский, в состав исполнительного комитета были избраны сторонники Пилсудского: социалист Дашиньский, Сокольницкий (он возглавил генеральный секретариат ГНК), а также руководители военного департамента В.Сикорский и организационного департамента – социалист Зыгмунт Марек. Но это была только видимость

успеха Пилсудского, поскольку его влияние на принимаемые ГНК решения по-прежнему было невелико.

Да и общая ситуация ноября 1914 года не способствовала актуализации вопроса о судьбе Польши. Австро-Венгрия после русских успехов на фронте оказалась в весьма затруднительном положении, ее руководству нужно было думать о судьбе собственной страны, а не о будущем Царства Польского. Эвакуировавшийся в Вену Главный национальный комитет был крайне ограничен в своих возможностях влиять как на польское общество, так и на правительство империи. Поэтому Пилсудский пытался использовать комитет главным образом для того, чтобы получить с его помощью от командования австро-венгерской армии большую свободу действий, а также согласие на объединение всех частей польского легиона, использовавшихся австрийцами поодиночке.

Тяжелая военная ситуация Австро-Венгрии стала главной, пожалуй, причиной сближения между Пилсудским и ГНК во время его приезда с фронта в Вену во второй половине декабря 1914 года. Это открыто проявилось 21 декабря во время данного Яворским в его честь торжественного ужина в одном из венских ресторанов. Политики различных направлений, аристократы, писатели, университетские профессора, офицеры легиона и прочие представители польской элиты из Галиции, эвакуировавшиеся в Вену из Кракова и Львова в связи с русским наступлением, всячески превозносили в своих речах военные заслуги Пилсудского и его легионеров. Конечно, это не могло не тешить самолюбия бригадира и его соратников, посвятивших свою жизнь делу освобождения Царства Польского. Во время банкета произошел весьма знаменательный инцидент. В своем тосте известный в то время писатель Густав Даниловский, служивший в 1-й бригаде легиона, стал льстиво укорять своего командира в том, что не бережет свою жизнь в боях и лезет под пули. Пилсудский ударил кулаком по столу и крикнул: «Смирно! Если хотите критиковать вашего коменданта, то снимите мундиры. Вы солдаты. Вы должны слепо слушаться, а не критиковать...»

Это был не единственный пример начавшегося возвеличивания командира 1-й бригады польского легиона. Как отмечал один из современников, все считали Пилсудского как минимум исторической личностью, олицетворением и символом легиона. И бригадир против этого не возражал. Показателен обмен речами между Сикорским и Пилсудским при посещении раненых и больных солдат из его бригады в сочельник Рождества 1914 года. Сикорский отметил, что именно его спутник взял на себя весь груз ответственности за вторжение стрелков на территорию Царства Польского и подчеркнул: «Его воля и решимость преодолели колебания». В ответ Пилсудский подчеркнуто скромно

заявил, что бремя славы, которое сейчас ложится на его плечи, принадлежит не ему – все, что он сделал, сделано только благодаря верной, неустранимой помощи солдат.

Свою признательность Пилсудскому демонстрировали и австрийцы. 31 декабря 1914 года бригадир был принят на аудиенции 84-летним императором Францем Иосифом. Монарх с большой теплотой отозвался о польском легионе и особенно подчеркнул тот факт, что поляки выставили не только рекрутов в постоянную армию, но и сильный добровольческий корпус. Всевозможные благотворительные акции в пользу легиона, в том числе сбор теплой одежды, организовывала эрцгерцогиня Изабелла. Но при этом австрийцы вовсе не собирались менять своих взглядов на судьбу Царства Польского и роль легиона. Даже после того, как Центральным державам удалось переломить ситуацию на Восточном фронте в свою пользу, они не торопились связывать себя какими-либо обязательствами в польском вопросе. Берлин и Вена все еще надеялись на возможность заключения сепаратного мира с Россией, особенно после того, как им вновь улыбнулось военное счастье. В отличие от Пилсудского они не рассматривали легионеров как зародыш будущей польской армии. Поэтому легион наряду с другими войсками использовался на различных участках Восточного фронта, в том числе в Карпатах, где бои носили особенно кровопролитный характер. Это не нравилось Пилсудскому, опасавшемуся, что большие военные потери приведут к обескровливанию легиона и окончательной утере им своего значения как козыря в игре с Центральными державами, ставкой в которой был будущий статус Польши.

Не могло не беспокоить Пилсудского и нарастание разногласий между ним, руководством военного департамента ГНК и командирами других легионерских частей. Командир 1-й бригады подходил к войне как политик. Он не чувствовал себя гражданином Австро-Венгрии, не был ее патриотом, поэтому вовсе не собирался твердо следовать данной присяге. С империей Габсбургов он идентифицировал себя только в той степени, в которой она могла помочь в достижении главной цели его жизни. Пилсудский считал нужным уже во время войны сформировать своего рода национальное правительство Царства Польского, независимое от ГНК, добиться от Центральных держав предоставления русской Польше политического статуса и национальных свобод по образцу Галиции. Его уже не устраивал бригадирский статус – он хотел иметь в подчинении всех легионеров. Считая, что лишь его бригада адекватно выражает интересы поляков Царства Польского, Пилсудский добивался, чтобы все добровольцы из этой провинции направлялись только к нему. Точно так же смотрели на войну его соратники, в этом же духе они воспитывали своих подчиненных из 1-й бригады легиона.

По-иному относились к войне Владислав Сикорский и командиры двух других бригад польского легиона. Они были не меньшими польскими патриотами, чем Пилсудский, но иначе представляли себе пути решения судьбы Царства Польского. Единственным, что могло этому способствовать, они считали честное исполнение присяги на верность Габсбургам и тесный боевой союз с войсками Центральных держав. Это должно было в будущем, в случае победы Германии и Австро-Венгрии, заставить их почувствовать себя должниками поляков и обеспечить Царству Польскому статус, аналогичный тому, который был у Галиции. Чисто политический подход столкнулся с чисто военным, и их приверженцы так и не смогли достичь взаимопонимания.

Совершенно очевидно, что австрийская сторона поддерживала оппонентов Пилсудского, не доставлявших ей политических хлопот и точно исполнявших приказы Главного командования. Снижение интереса к сотрудничеству с Пилсудским выразилось, например, в издании 25 марта 1915 года австрийцами приказа о ликвидации разведывательного отдела 1-й бригады, реализованного к концу мая. Это даже привело к временному прекращению связи Пилсудского с Варшавой, все еще находившейся в руках русских.

Сказка о потерянном времени

Успех весенне-летнего наступления армий Центральных держав в Царстве Польском привел к возникновению качественно новой политической ситуации в этой провинции. До конца лета 1915 года вся ее территория была занята германскими и австрийскими войсками. Но Пилсудский на этот раз не пытался использовать благоприятное, с точки зрения его прошлого плана, развитие событий для немедленного решения вопроса об изменении статуса Царства Польского. Характерно, что бригадир, в отличие от октября 1914 года, не вступал в переговоры с немцами на предмет участия легионеров в занятии Варшавы. Польская военная организация, объявившая мобилизацию и боевую готовность своих членов в Варшаве, никаких вооруженных выступлений или диверсий против покидающих город русских войск не осуществила. Не было заметных сдвигов и в настроениях жителей Царства Польского. Многие варшавяне провожали русскую армию со слезами на глазах и не скрывали своей тревоги в связи с приходом немцев, которых они вполне справедливо считали оккупантами.

Русская Польша была разделена на две зоны оккупации: австро-венгерскую с центром в Люблине и германскую с центром в Варшаве. Оккупационные власти стремились к установлению хороших отношений с местным населением. В частности, были открыты польские университет и политехнический институт в Варшаве, чего поляки многие годы безуспешно добивались от царского

правительства. Свободно действовали политические и общественные организации. Наконец-то у сторонников решения судьбы русской Польши с помощью Центральных держав появилась возможность без помех заняться реализацией своих планов, в том числе и вербовкой в польский легион для превращения его в значимую военную силу. 3 июня 1915 года в губернском городе Петрокове, где с 1914 года дислоцировался военный департамент ГНК, состоялось организованное этим комитетом совещание. Делегаты от Царства Польского полностью поддержали линию ГНК и его военного департамента на австро-польское решение вопроса о судьбе их провинции.

Пилсудский посчитал решения совещания не только несвоевременными, но и вредными для судьбы вопроса о будущем русской Польши. В письме от 11 июня 1915 года Пилсудский попытался убедить Сикорского в ошибочности линии ГНК на охват своим влиянием Царства Польского и противопоставил ему собственную тактику, которой он намеревался придерживаться: «Вы поспешно строите ГНК в Царстве, а я стараюсь организовать Царство самостоятельно, помимо ГНК, как аргумент, в меньшей степени связанный с любой властью. Вы в своих отношениях как с властями, так и с ГНК хотите убедить их своими действиями, что жители Царства соглашаются с обоими институтами. А я вовсе не стремлюсь к взаимному согласованию этих дел: наоборот, я использую Царство как аргумент против неверной и глупой политики как Австрии, так и ГНК. Вы думаете, что вы всемогущи как в ГНК, так и в отношениях с Главным командованием армии. Я же считаю себя (так же как и вы) отыгранным козырем, тысячу раз проданным и битым, который может капризничать и демонстрировать недовольство, но без большого скандала неспособным изменить отношения. Как видите, я вовсе не украшаю цветами цепи, в которые я закован. А вы постоянно это делаете... Я говорю об этом только для того, чтобы высказать свое мнение о будущем. Например, я считаю, что все резолюции со стороны Царства, поддерживающие ГНК, плохие и не нужные, что ГНК на галицийской основе или найдет в себе достаточно сил, чтобы воспротивиться разложению, или погибнет... Мы обязаны поддерживать ГНК тем, что имеем, то есть я с подчиненными и вы, как часть ГНК, но нет политического смысла втягивать в это Царство и его внутренние силы, его моральные силы, так как только они могут стать новой основой для новых комбинаций, когда старая основа рухнет». Это письмо весьма знаменательно в свете произведенного вскоре Пилсудским тактического маневра, который должен был, по его замыслу, привести к достижению главной цели его жизни. Это видно из следующего фрагмента все того же письма, где он укоряет ГНК, что его деятельность ведет к «преждевременной демонстрации того, что Царство можно душить, как захочется, или же дешево купить, как дешево было куплено польское предприятие в Галиции, в то время как без

этого Царство долго бы еще оставалось тем сфинксом, с которым следует считаться и принимать во внимание» [Там же. S. 341 – 342.].

Спустя 20 дней после этого письма Пилсудский приступил к реализации высказанных в нем идей. Он распорядился прекратить пополнение польского легиона добровольцами из Царства Польского. Осталось интересное свидетельство Славека о том, как Пилсудский познакомил его со своим новым планом действий: «4 или 3 августа 1915 года я был приглашен Комендантом поздней ночью на разговор и получил следующее поручение: приближается занятие Варшавы, Центральные страны, видимо немцы, войдут туда, судьбы войны выглядят так, что они начинают побеждать. В этих условиях наша роль не очень им нужна для этой работы чисто военного характера, и поэтому нужно начинать выдвигать от своего имени условия Центральным государствам. В момент, когда столица Польши будет освобождена, появляется возможность, чтобы [польское] общество решилось выдвигать условия Центральным странам. Пока легионы были на окраинах бывшего Царства [Польского], комендант брал на себя поддержание связи с польской армией, но в тот момент, когда столица сможет говорить, польское общество должно от себя выдвигать политические условия, для исполнения которых козырем было бы предоставление рекрутов. То есть комендант возвращается к проблеме, что рекруты из Царства не могут быть мобилизованы Центральными государствами. Центральные государства могут получить помощь, но взамен должны легализовать польскую проблему в политической форме и дать политические гарантии. Так как уже сейчас польское общество может вести эти переговоры, комендант хочет переложить роль политического фактора с себя на польское правительство, которое сформирует Варшава, а Варшава не должна давать добровольцев в легионы без получения от Центральных государств соответствующих гарантий политического характера» [Цит. по: Samus P. Walery Slawek... S. 421.].

Итак, Пилсудский попытался в отношениях с Центральными державами еще раз использовать фактор общества Царства Польского, точнее Варшавы, где, как он надеялся, у него должно было найтись много сторонников. Но на этот раз козырем в новом туре игры должно было стать не восстание, поскольку прошедший после начала войны год убедительно показал, что жители русской Польши на него не пойдут, а вопрос о пополнении частей польского ландштурма. Учитывая слабый отклик в Царстве Польском на его призывы подняться на борьбу с Россией, Пилсудский не мог не опасаться, что в случае вступления этих немногих волонтеров в легион у него просто не останется человеческого материала для ПВО – его последнего шанса удержаться на политической сцене.

Но в остальном новый план Пилсудского был ремейком его прежних проектов: сформировать в Варшаве некий достаточно представительный политический орган, обладающий моральным правом говорить от имени Царства Польского, который в обмен на обещание обеспечить массовый приток добровольцев в польский легион склонил бы Берлин и Вену к решению вопроса о будущем этой провинции в австро-польском духе. Сам Пилсудский свой план определял как «сфинксирование» Царства Польского. Помимо главной задачи он надеялся попутно решить еще несколько важных лично для него вопросов: освободиться от тяготившего его контроля Главного командования австро-венгерской армии и военного департамента ГНК, вернуть себе роль единоличного лидера движения за освобождение польских земель из-под русского господства.

Однако реализовать задуманный Пилсудским план оказалось нелегким делом. 5 августа 1915 года, в день оставления русскими войсками Варшавы, состоялось собрание деятелей ряда политических партий и организаций, стоявших на платформе освобождения Царства Польского из-под русского господства. Предпринятая на нем попытка создания Национального правительства или Национального совета оказалась безуспешной; удалось договориться лишь о создании Главного комитета объединенных партий-сторонниц независимости. Конечно же и в данном случае речь шла только о партиях Царства Польского, а не всех польских земель. Участники совещания, в соответствии с планом Пилсудского, согласовали воззвание, в котором говорилось о необходимости создания правительства провинции, а также формирования на базе легиона польской армии. Но руководители Польской военной организации в Варшаве, не знавшие о новом плане Пилсудского, придерживались ранее принятой тактики. Они перевели отобработанный добровольческий батальон на казарменное положение и обратились к немецкой стороне с просьбой оказать помощь в его отправке в 1-й бригаду польского легиона.

15 августа Пилсудский, оставив бригаду на Казимежа Соснковского, без согласования с вышестоящими инстанциями приехал в Варшаву. Здесь он провел совещание с рядом близких ему политических деятелей, стараясь склонить их к поддержке своего плана, но не получил единодушной поддержки. Как вспоминал позже адъютант Пилсудского, известный поэт Венява-Длугошовский, собравшиеся были поражены и подавлены. Ничего удивительного в этом не было, если принять во внимание, что они мечтали об активном участии Польши в борьбе за независимость, о поражении России, агитировали за вступление в легион. И вот теперь, когда для этого, наконец, возникли благоприятные условия, творец и моральный вождь польского легиона перечеркивает все их усилия и надежды, более того, отказывается от

своих собственных идей и начинаний! Пилсудскому не оставалось ничего иного, как бросить на чашу весов весь свой авторитет. Поэтому он решительно заявил, что ни при каких обстоятельствах не допустит дальнейшей вербовки в Царстве Польском добровольцев в легион, пока Центральные державы не примут решения относительно его будущего статуса.

Правда, Главный комендант все же согласился на отправку в его бригаду уже сформированного и находившегося на казарменном положении варшавского батальона Польской военной организации численностью в 300 человек. Идя на этот противоречивый его плану шаг, Пилсудский руководствовался разными соображениями. Одним из них, несомненно, было опасение деморализующего воздействия его отказа на бойцов батальона, рвавшихся в бой с русской армией. Кроме того, факт готовности батальона к отправке на фронт в первые же дни после занятия немцами Варшавы можно было использовать как доказательство того, что в Царстве Польском множество людей, готовых сражаться с монархией Романовых. И если Центральные державы согласятся безотлагательно заняться решением вопроса о судьбе Царства Польского, то таких людей будет во много раз больше.

Первое после длительного перерыва пребывание Пилсудского в Варшаве оказалось недолгим – всего 48 часов. Германские власти, используя в качестве предлога немногочисленную манифестацию в его честь у гостиницы «Французская», где он остановился, потребовали от него покинуть город. 17 августа Пилсудский уехал из Варшавы и следующие две недели пребывал в ее окрестностях, главным образом в Отвоцке. Здесь он провел ряд встреч, на которых обсуждались вопросы активизации деятельности Польской военной организации, а также приостановки вербовки добровольцев в польский легион. В Отвоцке его посетили, в частности, Сокольниковский, Сливинский, Сикорский, делегация ГНК. Далеко не все собеседники соглашались с его позицией в вопросе о пополнении легиона.

Новая тактика Пилсудского углубила трещину, возникшую в движении сторонников освобождения Царства Польского из-под русского господства еще в 1914 году, в момент создания Главного национального комитета. Те организации, в которых влияние Пилсудского было преобладающим, пусть не сразу, но переходили на его сторону. Так, Главный комитет объединенных партий-сторонниц независимости 1 сентября 1915 года известил о прекращении вербовки в легионы до проведения в них изменений, учитывающих национальные устремления поляков Царства Польского или соответствующего решения представляющего их полномочного национального органа.

Основным оппонентом Пилсудского стал ГНК, пытавшийся развернуть в

Царстве Польском активную пропагандистскую и организационную деятельность в пользу австропольского варианта решения судьбы этой провинции. Биографы Пилсудского обычно указывают на незначительное влияние комитета в русской Польше в тот момент, но ведь и резонанс от деятельности самого бригадира также был невелик. Большинство жителей по-прежнему занимали выжидательную позицию.

Раскол в лагере сторонников изменения статуса Царства Польского выразился, в частности, в том, что с лета 1915 года с легкой руки популярного в то время писателя Юлиуша Каден-Бандровского в политический обиход вводится термин «пилсудчики»: так называлась его опубликованная в июле 1915 года книга. Если распространенный до войны термин «ирредентисты» охватывал всех сторонников освобождения Царства Польского из-под русского господства, то «пилсудчиками» считались только военнослужащие 1-й бригады легиона и преданные своему лидеру политики. Заметим, что круг людей, приближенных к Пилсудскому, не был постоянным. Во второй половине 1915 года своеобразным пропуском в него было отношение к новому плану вождя. Все сомневавшиеся в правильности курса на конфронтацию с ГНК, даже если они были его давними соратниками, начинали терять его полное доверие, постепенно отодвигаясь на второй план. Так случилось, например, с Сокольниковым и Сливинским. Отходили в тень и его бывшие товарищи по ППС, в деятельности которой Пилсудский с начала войны участия не принимал. Их место занимали молодые офицеры 1-й бригады, слепо доверявшие своему командиру.

Во время войны получил дальнейшее развитие наблюдавшийся уже накануне ее процесс нарастания дистанции между Пилсудским и его окружением. Биографы отмечают, что все меньше становилось людей, осмеливающихся делать ему замечания. Он отдалялся от прежних приятелей, а с новыми сотрудниками уже не допускал близких отношений. Если в бытность его в руководстве ППС он со многими соратниками был на короткой ноге, то в годы войны ситуация кардинально изменилась. За исключением Дашиньского, он с 1914 года и вплоть до своей кончины ни с кем не выпил на брудершафт, в том числе со своим начальником штаба Соснковским и своим будущим преемником на посту Генерального инспектора польских вооруженных сил Эдвардом Рыдз-Смиглы. Он вообще никогда и ни к кому не обращался на «ты», даже к рядовым и прислуге, но при этом любил употреблять в разговоре применительно к новым хорошим знакомым уменьшительные имена.

Неверно объяснять эти поступки Пилсудского какими-то изменениями в психике, появлением у него мании величия. Просто он был намного старше всех своих офицеров, у него был более богатый жизненный опыт, он

генерировал идеи, разрабатывал планы, а они были только исполнителями. Но самая главная причина, несомненно, заключалась в том, что он проникся духом армии; ему нравились присущая ей иерархия, язык команд и приказов, солдатское братство. Совершенно не случайно со времени создания стрелковых союзов и до конца жизни полувоенная и военная форма была его любимой одеждой. Кроме того, в зрелом возрасте люди сближаются с окружающими не так быстро и близко, как в молодости.

Одновременно в нем нарастало ощущение, что сама судьба предопределила ему сыграть особую роль в польской истории, и он исполнит эту свою миссию, даже вопреки желанию поляков. Показательно в этом отношении его письмо Сокольниковскому и Соснковскому от 14 ноября 1915 года. В нем Пилсудский поведал о посетившей его мысли о том, что он послан Польше в наказание за какие-то страшные провинности в прошлых реинкарнациях. Что он, по своей природе любитель риска и вояка, должен пройти весь крестный путь по земле с народом, который как черт ладана боится риска, дует на холодное и немедленно пасует перед любой борьбой. И ничего с этим поделать нельзя – нужно до конца отбыть эту миссию или срок наказания. Когда народ не хотел войны, он рискнул начать войну от имени своего народа – и в наказание сразу же попал в тюрьму. Имел задатки стать вождем, но любимый народ сразу же подрезал ему крылышки и сказал: «Стой, братишка, иди, как и твой милый народец, в презренные наемники. А, тебе все еще мало! Весь народ ждет практического шага – шага большой капитуляции! Чудесного шага без риска, шага запродажи себя в обмен на спокойствие и безответственность». Но он, Пилсудский, не сдастся, не продастся и рискнет сделать еще один безумный шаг. И надеется выиграть.

На первый взгляд мы имеем дело с исповедью человека, презирающего свой народ. Но если вдуматься глубже, то это монолог отчаявшегося борца, постоянно наталкивающегося на более сильные, чем его воля, обстоятельства. И все же он не сломлен, в нем еще жива вера, что не все потеряно, что у него еще есть шанс, и этот самый последний шанс он постарается использовать вопреки всему. Это еще одно подтверждение того, что Пилсудский был настоящим политиком, умевшим держать удар любой силы, подниматься с колен и начинать бой сначала.

Скорее всего, двухнедельное пребывание в Варшаве и Отвоцке во второй половине августа – начале сентября 1915 года убедило Пилсудского в необходимости внесения некоторых корректив в его план. Учитывая не только нежелание Центральных держав прислушиваться к его требованиям, но и противодействие ГНК, который стремился подчинить своему влиянию Царство Польское, командир 1-й бригады легионов еще больше утвердился во мнении,

что Польскую военную организацию следует обязательно развивать, сохраняя при этом ее полуконспиративный характер. На одном из совещаний 21 августа 1915 года с участием руководителей ПВО он заявил, что наступил момент, когда нужно выдвигать требования в адрес оккупантов, а не предлагать им свои услуги. Нужно начать игру на повышение значимости польского вопроса на международной арене. В России неизбежны революция и падение самодержавия, поэтому отношение к ней теряет политическую актуальность. Но вместо русского появляется новый фронт. Хотя он и не назвал его прямо, но, учитывая предшествующие его заявления близким людям, это могла быть только будущая борьба с Центральными державами. Поэтому бригадир потребовал дальнейшего развития ПВО, а также намекнул, что, возможно, он будет вынужден пойти на жесткие действия в отношении легиона.

Его слова о возможном изменении отношения к польскому легиону не были пустым звуком. По всей видимости, они свидетельствовали о серьезной переоценке Пилсудским роли легиона, с помощью которого он в 1914 году надеялся получить у Германии и Австро-Венгрии добро на создание независимого государства на территории бывшей русской Польши и желании закрыть эту страницу своей политической биографии. О направлении планировавшейся смены политической линии он дал понять Яворскому уже 1 сентября 1915 года. В своем письме бригадир требовал от ГНК прекратить набор добровольцев в легион, резко критиковал его командование за покорность австрийцам и заявил, что поскольку компромиссное решение, заключающееся в назначении его командиром легиона, невозможно, то он не исключает, что покинет его ряды вместе со своими единомышленниками.

Правда, эту свою угрозу Пилсудский выполнил только через год. И эта затяжка, вне всякого сомнения, была вызвана не опасением потерять свою достаточно высокую общественную позицию или генеральское жалованье (все офицеры 1-й бригады по предложению своего командира часть своего жалованья отчисляли в специальный фонд, средства из которого использовались не только на помощь нуждающимся коллегам, но и на политическую деятельность). Пилсудский был смелым человеком – он доказал это и во время «экса» под Безданами, и на фронте, где не прятался за спины солдат. Просто в 1915 году он не считал, что исчерпал все возможности приближения к главной цели своей жизни. Попытки бригадира снова договориться с немцами, в том числе и обещание выставить миллионную армию в обмен на согласие Германии на его план решения судьбы русской Польши, были Берлином проигнорированы. Но все еще оставались надежды на австрийцев, более удобного партнера хотя бы в силу того, что они во всех отношениях были слабее Германии. Кроме того, пойдя в свое время на

создание легиона и ГНК, они были глубже вовлечены в перипетии вопроса о будущем Царства Польского. Угроза отставки нужна была Пилсудскому для тонкого шантажа союзников с привлечением к нему Главного национального комитета. Ведь без легиона ГНК терял смысл своего существования.

2 сентября 1915 года Пилсудский возвратился в свою бригаду, которая вместе с двумя другими бригадами польского легиона в это время воевала на северо-западе Волыни (историческая область Украины, охватывающая в настоящее время Волынскую, Ровенскую и Житомирскую области), и тут же направил в Варшаву ряд надежных офицеров для работы в ПВО. В их числе в разное время были Соснковский, майор Михал Жимерский (во время Второй мировой войны командующий созданной польскими коммунистами Гвардии людовой) и др. Общее руководство этой работой в Варшаве Пилсудский возложил на Валерия Славека. Ему же было поручено возглавить деятельность по формированию Национального комитета – общего представительства политических партий Царства Польского.

От идеи создания польского правительства пришлось отказаться почти сразу, так как она не получила поддержки не только национальных демократов и их единомышленников, но и других партий и организаций. Но и из затеи с Национальным комитетом тоже ничего не вышло. В конце концов 18 декабря 1915 года в Варшаве на съезде представителей ППС, Национального рабочего союза и еще нескольких небольших левых партий и групп был создан Центральный национальный комитет (ЦНК), безоговорочно поддерживавший Пилсудского и его план. Поскольку ни одна из вошедших в ЦНК организаций не обладала сколько-нибудь массовой базой, то его влияние в обществе было незначительным.

После ухода на фронт 22 августа 1915 года варшавского батальона Польской военной организации, а затем и еще нескольких групп добровольцев работу по формированию этой очень важной для Пилсудского структуры пришлось начинать чуть ли не с нуля. С середины сентября 1915 года по поручению Пилсудского ее возглавил капитан Тадеуш Каспшицкий, один из самых близких ему на тот момент людей из 1-й бригады. Была подготовлена новая программная декларация организации, определившая в качестве стратегической цели подготовку собственных вооруженных сил с целью борьбы за независимость Царства Польского. Хотя в историографии широко распространено мнение, что одной из целей деятельности ПВО ее руководители считали подготовку сил к будущей борьбе с Центральными державами, в декларации на это не было ни малейшего намека. Там содержались только традиционные антироссийские выпады. Формально эта полуконспиративная структура имела аполитичный характер, но, учитывая политические амбиции

Пилсудского и его ближайшего окружения, ее следует считать военно-политической организацией. В пользу такого определения говорит и то, что одной из важнейших задач ПВО ее руководители считали преодоление безразличного и даже враждебного отношения значительной части населения Царства Польского к идее изменения его государственного статуса. А это была задача сугубо политическая.

Формально аполитичный характер Польской военной организации позволял ей вести работу во всех слоях общества Царства Польского. В ее рядах состояли рабочие и крестьяне, ремесленники и предприниматели, интеллигенты и помещики. Несмотря на достаточно благоприятные условия для деятельности ПВО в обеих оккупационных зонах, рост ее рядов вряд ли можно назвать быстрым. В декабре 1916 года в Царстве Польском она насчитывала около семи тысяч членов обоего пола.

После возвращения в сентябре 1915 года из Отвоцка на фронт главным объектом нападков Пилсудского становится командование польского легиона. Причем бригадир не останавливался даже перед неисполнением приказов вышестоящего командования, как это было в случае с так называемым маршем на Черемошно на Волыни. Суть происшествия такова. Получив приказ командира польского легиона генерала Кароля Дурского-Тшаски об отправке двух батальонов 1-й бригады на другой участок фронта, Пилсудский не выполнил его, а поднял бригаду по тревоге под предлогом атаки русских на одну из рот бригады и покинул расположение кавалерийского корпуса, которому она была придана, в неизвестном направлении «за реку Стырь». Этот демарш Пилсудского сошел ему с рук, хотя Дурский требовал отстранения его от командования бригадой.

И на фронте главным для Пилсудского оставалась политическая деятельность. Воспользовавшись тем, что в сентябре 1915 года все три бригады легиона оказались на одном участке фронта, будущий маршал развернул активную деятельность по распространению на них своего влияния. Одним из средств к этому стала идея «легионизации легиона», то есть замены в них австрийских офицеров польского происхождения легионерами. Сама по себе идея была весьма привлекательной, давая возможность продвинуться по служебной лестнице тем офицерам из числа легионеров, которые не имели военного образования. В случае ее реализации у Пилсудского появлялся шанс занять место командира легиона.

Не без его ведома офицерами 1-й бригады было направлено открытое письмо своим коллегам из двух других бригад с протестом против попыток неодинаковой трактовки командованием прав и обязанностей легионеров. Сам

Пилсудский его не подписал, но зато не преминул переслать это обращение председателю ГНК Яворскому, снабдив его сопроводительным письмом. В нем он помимо прочего опять угрожал подать в отставку, если к командованию легиона не будут приняты меры. Поскольку Яворский проигнорировал его требования, в середине ноября 1915 года Пилсудский дал аналогичные по содержанию инструкции своим агентам влияния в Главном национальном комитете Дашиньскому и Сокольницкому. Но и на этот раз его усилия не увенчались успехом.

Не исключено, что последовательная критика Пилсудским командования легиона могла оказать какое-то влияние на уход в первой половине декабря 1915 года Дурского в длительный отпуск и последующее его отстранение от командования легионом в конце января 1916-го. Но причиной мог быть и возраст генерала, родившегося в 1849 году. Пилсудский попытался использовать этот момент в своих целях, выступив устами Соснковского с предложением Главному национальному комитету развернуть польский легион в 150-тысячную армию. Основным условием этого была передача командования армией кому-то из легионеров. Но и из этой инициативы ничего не вышло, ГНК идея не заинтересовала, а новым командиром был назначен очередной польский генерал на австрийской службе – Станислав Пухальский. В борьбе Пилсудского с командованием легиона наступил перерыв, так как никто не знал, какую политику будет проводить новый командир. Но это не значило, что Пилсудский прекратил свои усилия по политизации легиона. Воспользовавшись инициативой снизу, он создал в середине февраля 1916 года Совет полковников в составе командиров полков 1-й и 2-й бригад – по сути политический орган, не предусмотренный ни одним армейским уставом. С его помощью он планировал оказывать давление на командование легиона.

27 февраля 1916 года Пилсудский решился на важный шаг – возвращение в католицизм. Акт об отречении от протестантизма и переходе в лоно католической церкви был составлен капелланом 1-го пехотного полка 1-й бригады Хенриком Чепихаллом. Его заверили ближайшие Пилсудскому люди – начальник штаба Соснковский и адъютант Венява-Длугошовский. Невозможно установить, что послужило причиной этого решения, которое почти до конца жизни Пилсудского хранилось в тайне. Можно только строить предположения, но в данном случае это не очень продуктивное занятие. Известно только, что этот глубоко личный шаг бригадир сделал во время своей очередной «инфлюэнцы». Пилсудский никогда не отличался крепким здоровьем и часто простужался, что в полевых условиях не было чем-то исключительным. Стоит напомнить, что его возраст приближался к пятидесяти, а жил он на фронте в таких же условиях, как и его подчиненные.

В начале марта 1916 года Пилсудский оставил 1-ю бригаду, вместе с двумя другими находившуюся на зимних квартирах, и уехал в отпуск, во время которого планировал подлечиться, а также решить волновавшие его политические проблемы. К числу главных на тот момент вопросов он относил «легионизацию» и передачу ему командования всеми формированиями легиона, свертывание деятельности военного департамента ГНК в Царстве Польском. Эти же проблемы он поручил ставить перед ГНК и Совету полковников. Причем этот самозванный орган должен был запугивать политических покровителей легиона возможностью его раскола на два отдельных формирования – галицийское и царствопольское.

Из разговора с руководителем австрийской военной разведки Граниловичем (это был самый высокий уровень в военных кругах, к которому он имел прямой доступ) Пилсудский понял, что для реализации задуманного ему следует заручиться поддержкой краковских консерваторов. В связи с этим ему пришлось уделить много внимания обработке галицийских политиков в надежде склонить их к поддержке его планов. Однако очень скоро Пилсудский понял, что краковские консерваторы вряд ли поддержат его постулаты. Они выслушивали его аргументы, вели длительные переговоры, но идти на полный отказ от прежней политики ради того, чтобы дать Пилсудскому полную свободу распоряжаться судьбой легиона, они не собирались. Не желая обострения конфликта, искушенные галицийские политики, давно познавшие вкус реальной власти, готовы были согласиться на некоторые кадровые перестановки в командовании легиона и военном департаменте ГНК, но не более. В результате Пилсудский так и не смог непосредственно донести свои идеи до высшего политического и военного руководства Австро-Венгрии, единственно полномочного принимать кардинальные решения по волновавшим его вопросам. В конце апреля 1916 года, после двухмесячного отсутствия, он вернулся в бригаду, вновь отправленную на передовую на Волынь. Пилсудский все еще не терял надежды, что краковские политики изменят свою позицию и учтут его постулаты.

Но поскольку до середины мая 1916 года галицийские опекуны бригадира так и не предприняли удовлетворявших его шагов, он во второй половине мая обрушился с резкой критикой на все польские вышестоящие военные органы. На этот раз больше всего досталось военному департаменту ГНК. В частности, командир 1-й бригады обвинял его руководителей в том, что они превратили департамент в элемент австро-венгерского оккупационного режима в русской Польше и тем самым вредят польскому делу. Он настаивал на его «демилитаризации», превращении в гражданский орган и свертывании деятельности на территории Царства Польского. От командования легиона он

продолжал требовать «легионизации» этого формирования и активного продвижения в главном командовании австро-венгерской армии идеи преобразования легиона в армейский корпус (15 июля Совет полковников даже направил в этот орган соответствующую просьбу).

Пилсудский сумел придать драматическое звучание даже такому частному вопросу, как разрешение легионерам 2-й и 3-й бригад носить знаки отличия 1-й бригады, а не австрийские. Предварительно он провел такое решение через Совет полковников. Для достижения цели он не останавливался перед шантажом ГНК. Так, он обязал группу офицеров, занимавшихся вербовкой в легионы, потребовать благоприятных для него изменений в военном департаменте. В случае отказа они должны были подать в отставку, что ими и было сделано 4 июля, поскольку руководители департамента ультиматум подчиненных проигнорировали. Все эти действия Пилсудского носили исключительно политический характер.

Поведение Пилсудского четко указывает на осознание им тупикового характера ситуации, в которой он вновь оказался. План «сфинксирования» Царства Польского не давал никаких результатов. Не получилось втянуть компетентные органы Центральных держав в политический торг относительно будущего Польши, поэтому круг адресатов его требований ограничивался командованием легиона и ГНК. А те, как и прежде, были к ним абсолютно невосприимчивы. Несмотря на его противодействие, вербовка добровольцев из русской Польши в легион продолжалась. Единственным успехом последнего года Пилсудский мог считать только то, что ему удалось привлечь на свою сторону часть офицеров и рядовых двух других бригад. Но в тот момент это могло дать только моральное удовлетворение, и не более того.

Одним словом, за год оккупации Центральными державами Царства Польского, с которой Пилсудский в начале войны связывал все свои надежды на решение вопроса о будущем этой провинции, он так и не смог склонить австрийцев к реальным шагам в решении вопроса о судьбе Царства Польского. Позже, на съезде легионеров в 1922 году, он сам признал, что считает время с августа 1915-го по июль 1916 года потерянным [Piisudski J. Pisma zbiorowe... T. V. S. 271.]. Дальнейшая ориентация на Австро-Венгрию, особенно если учесть, что «двуединая монархия» все больше превращалась в младшего партнера Германии, теряла политический смысл.

Правда, оставалась пусть и слабая, но надежда на Германию. Берлин явно подавал сигналы, что не желает в будущем объединения Царства Польского с Австро-Венгрией, в том числе и потому, что боялся трансформации монархии Габсбургов в еще одну славянскую державу. Его больше устраивало

превращение русской Польши в буфер между Германией и Россией. Поэтому немцы склонялись к созданию на территории Царства Польского формально самостоятельного, а фактически полностью зависимого от Центральных держав польского государства. А это значило, что Вильгельм II мог пойти в польском вопросе дальше того предела, о котором мечтал Пилсудский, вступая в союз с Веней.

Будущий маршал сумел, как ему казалось, понять намерения немцев. Так, в письме Яворскому от 22 июля 1916 года он признавался, что его разочаровала политика Австро-Венгрии в оккупированном Царстве Польском. Но зато стало заметным заигрывание немцев, склоняющихся к предоставлению полякам этой провинции возможности самостоятельной деятельности. Это тем более важно, что в союзе Австрии с Германией лидером является Германия, следовательно, именно она будет диктовать линию поведения в польских делах. Для него было очевидным, что прежняя политическая линия перестает быть актуальной. А спустя два дня он откровенно признавался тому же адресату, что столь близкая ему еще недавно мысль об объединении двух частей Польши «начинает... темнеть и угасать».

Несомненно, именно надежда на удачный розыгрыш немецкой карты толкнула Пилсудского на шаг, приведший его к разрыву с Австро-Венгрией. Зная, что Яворский, которому он уже неоднократно говорил о своем намерении покинуть австрийскую службу, довел его угрозу до австрийского политического и военного руководства, он решил прибегнуть к откровенному шантажу – заявить официально о своем желании получить согласие австрийцев на освобождение от присяги на верность Габсбургам.

29 июля 1916 года Пилсудский обратился к командованию польского легиона с рапортом о демобилизации. Основными мотивами своего шага он назвал конфликт с польскими вышестоящими военными инстанциями, противодействие его назначению командиром всех польских формирований, а также желание посвятить больше времени укреплению позиций своих сторонников в Царстве Польском, чтобы стимулировать активность Центральных держав в решении главного вопроса его жизни.

Пилсудский вновь рисковал, причем серьезно. У него не было твердой уверенности в том, что австрийцы дрогнут и пойдут на его условия и что немцы захотят иметь с ним дело в случае неудачи демарша. Еще в июле 1916 года Сливиньскому который по его поручению вел политические разговоры с представителями оккупационных властей, было сказано, что польский вопрос Германия будет решать только вместе с Австро-Венгрией, но относительно сроков ясности не было. Поэтому нужно ждать, когда наступит подходящий

момент, чтобы не повредить делу. Мешало Пилсудскому и его социалистическое прошлое, вызывавшее настороженность верно служивших своим монархиям государственных деятелей Германии и Австро-Венгрии, от которых зависели судьбоносные для него решения.

При этом бригадир не прекращал шантажировать ГНК, постоянно давая понять, что есть только одна возможность удержать его на стороне Австрии – принять его условия. Так, 3 июня 1916 года он признавался Яворскому в связи со своим нежеланием вести вербовку добровольцев в легион и расширять свою бригаду, что рискует больше, чем 6 августа 1914 года, потому что тогда терять было нечего, а выиграть можно было много. Сейчас же, после 20 месяцев войны, когда выиграно очень мало, а проиграно множество надежд и иллюзий, решиться на риск тяжело. Тем не менее 2 августа 1916 года, то есть уже после подачи рапорта, в ответ на критику его шага Яворским, Пилсудский заявил, что ему уже почти нечего терять, поэтому он с легкостью идет ва-банк.

Несомненно, австрийскую сторону и Главный национальный комитет не очень устраивал уход Пилсудского, сумевшего за годы войны завоевать большой авторитет у галицийских поляков. Но они не могли пойти на его требования, поскольку их удовлетворение зависело не только от Вены, но и от Берлина и даже от Антанты. После безуспешных уговоров изменить решение Пилсудскому был предоставлен отпуск.

5 сентября 1916 года он выехал из расположения бригады в ставку Главного командования австро-венгерской армии, располагавшуюся в городе Тешин для обсуждения его письма от 22 августа, в котором он изложил свои требования. Австрийское военное командование по-прежнему не оставляло надежды удержать Пилсудского в легионе. Это было важно и потому, что 11 – 12 августа Вена и Берлин достигли принципиального соглашения о создании на территории Царства Польского формально самостоятельного польского государства, в политическом, военном, экономическом и других отношениях полностью зависимо от Германии и Австрии. Степень влияния каждой из этих империй не была определена, что создавало почву для соперничества между ними.

В Тешине Пилсудского принял Гранилович. Полковник заявил, что серьезность содержащихся в письме постулатов требует их консультации с министерством иностранных дел, на что нужно некоторое время. Пилсудский сам затронул вопрос о судьбе его рапорта об отставке, заявив, что не может возвращаться к своим солдатам с пустыми руками. Это был откровенный шантаж австрийского командования. Дабы не усугублять возникший конфликт, было принято решение о предоставлении ему отпуска до 15 октября.

Пилсудский решил провести отпуск в любимом Закопане, тем более что теперь он мог позволить себе снимать хорошее жилье, а не ютиться в бедных лачугах. Отдых был относительным, поскольку постоянно приходилось вести переговоры по разным политическим вопросам. В частности, именно здесь он узнал о решении создать на базе легиона вспомогательный корпус в составе двух дивизий. Но и это известие его не порадовало, поскольку он был убежден, что ключ к вопросу о судьбе Царства Польского находится в руках немцев, а не австрийцев.

26 сентября 1916 года Пилсудский приехал в Краков, а на следующий день узнал, что его рапорт о демобилизации из легиона накануне был удовлетворен. В историографии существует мнение, что это было сделано под влиянием фельдмаршала Гинденбурга, не желавшего, чтобы несговорчивый Пилсудский участвовал в создании армии планировавшегося польского государства.

Это решение было неожиданным для искушенного шантажиста. 27 сентября в разговоре с Сокольниковым и Юлианом Стахевичем он не скрывал, что ошибся в расчетах. Он делал ставку на соперничество за него австрийцев и немцев, но не хотел пока что порывать с Австрией и не предполагал, что Вена так быстро порвет с ним. Но из свидетельств соратников видно, что Пилсудский не был деморализован. Он приказал Сокольникову выйти из состава ГНК и оставить пост его секретаря, потребовал активизации процесса формирования полулегальной Польской военной организации, а также непротиводействия начавшемуся исходу легионеров из 1-й бригады.

Уход Пилсудского вызвал большой резонанс среди легионеров, особенно 1-й бригады. Они, привыкшие слепо доверять своему командиру, не понимали этого его шага, чувствовали себя покинутыми и даже обманутыми. Некоторые легионеры из числа российских подданных последовали его примеру, отдельные галичане просили о переводе их в регулярную армию, были даже случаи самоубийства среди горячих приверженцев Главного коменданта. Но все же большинство легионеров остались верны присяге. Пилсудский лично воздерживался от каких-либо призывов, давая тем самым понять, что не желает кризиса бригады.

Свидетельством того, что Пилсудский окончательно расстался с мыслью о возможном возвращении в легион, может служить факт приобретения им 19 октября 1916 года в галантерейном магазине братьев Билевских в Кракове гражданского платья: пальто, шляпы, пяти сорочек, галстука, шести манжет и воротничков, дюжины носовых платков запонок – всего на сумму 393 кроны 10 кройцеров [РГВА. Ф. 476. Оп. 2. Д. 39. Л. 23.].

С отставкой завершился длившийся два года период службы Пилсудского монархии Габсбургов. Несмотря на его бесконечные нарекания в письмах, статьях и выступлениях на преследования со стороны австрийцев, бесконечно чинимые ими препятствия, а также интриги вышестоящих польских военных инстанций, он отнюдь не был пасынком судьбы. Просто его ожидания и запросы были больше того, что ему могла дать Вена. Но дунайская монархия по достоинству оценивала его вклад в войну с Россией – его заслуги были, в частности, отмечены в 1915 году орденом Железной короны. Социалисту, не имевшему никакого военного образования, было присвоено высокое воинское звание и доверено командование бригадой ландштурма.

Вместе с тем у Пилсудского были весомые основания для нареканий. Ему так и не удалось осуществить свои грандиозные политические планы, связанные с войной. Не оправдались расчеты на горячую поддержку населения Царства Польского, в том числе и варшавян, в активность которых он так верил. Вена так и не осмелилась на австро-польское решение вопроса о судьбе царства Польского. Легион не удалось преобразовать в польскую армию. Но главной причиной неудач были вовсе не коварство Вены и интриги ее военачальников, а слабость идей Юзефа Пилсудского. У него не оказалось мощной опоры в лице политически консолидированного общества Царства Польского. Его требования противоречили нормам ведения войны, которые Австро-Венгрия старалась в большей или меньшей степени соблюдать. Пилсудский так и не сумел получить прямой доступ к главным имперским центрам принятия политических решений, эта функция была закреплена за Главным национальным комитетом. Не лучше обстояло дело и с общением с высшим военным командованием, контакты с которым находились в ведении военного департамента ГНК и командования легиона. Отсутствие прямого доступа к высшему политическому и военному руководству монархии Габсбургов вынуждало его все эти два года принаравливаться к проводимой ими политике в польском вопросе, не будучи в состоянии влиять на нее. Таким образом, реальные условия, в которых пришлось действовать Пилсудскому, не имели ничего общего с его расчетами. Разделявшийся им жизненный принцип «хотеть – значит мочь» не сработал...

Парадоксальность ситуации заключалась в том, что неудачи Пилсудского видели только его противники и оппоненты. Для политически неискушенных людей они были незаметны, меркли в свете его триумфальных успехов, о которых много писали и говорили. В их числе был и смелый рейд 6 августа 1914 года 1-й кадровой роты в оставленные русскими войсками районы Царства Польского, и формирование 1-го полка (1-й бригады), на целую голову превосходившего другие части польского легиона, и успехи в боях местного

значения, умело преподносившиеся обществу как громкие победы чуть ли не стратегического значения. Целенаправленном Активном формированию легенды Пилсудского в немалой степени способствовало то, что занимавшиеся этим люди действовали не анонимно, они не были пиарщиками в современном понимании этого слова. Возвеличивая вождя, они возводили на пьедестал истории и самих себя. Как отмечает В. Сулея, «трудно ответить на вопрос, все ли они понимали, что, как это выразил Ю. Каден-Бандровский, их „подхватила на свои крылья история“, но и из этого подсознательного убеждения рождалась вера в коменданта как вождя, который обеспечил им этот „орлиный полет“, – вера, усиленная убеждением в их собственном значении» [Suleja W. Jozef Piłsudski... S. 143.].

После расставания с австро-венгерской армией на руках у Пилсудского оставались два козыря: его легенда и Польская военная организация, своего рода ремейк Стрелкового союза, используя который можно было попытаться начать новую игру, на этот раз с немцами. Не было только ясности, захотят ли в Берлине садиться с ним за карточный стол.

Финальная игра

Подавая в отставку, Пилсудский уже, скорее всего, знал от краковских политиков, имевших хороших информаторов в венских придворных кругах, о достигнутой в августе 1916 года немецкими и австро-венгерскими политиками договоренности относительно будущей судьбы Царства Польского. Берлин и Вена пришли к общему мнению, что настало время провозгласить создание в этой оккупированной их войсками провинции Российской империи самостоятельного государства – Польского королевства.

Среди исследователей все еще нет единства мнений относительно причин такого решения, принятого спустя год после оставления русской армией Царства Польского. Чаще всего называют желание мобилизовать на этой территории от 500 тысяч до миллиона солдат и с их помощью склонить чашу весов войны в свою пользу. Но есть и другое мнение: инициаторами решения были немцы, стремившиеся воплотить в жизнь идею Срединной Европы. Польское королевство должно было стать первым самостоятельным государством на западных окраинах Российской империи, призванным сыграть роль буфера между Великороссией и Германией. Затем аналогичные государства-сателлиты были бы созданы в Прибалтике, Финляндии и на Украине. Фактически этот крайне недружественный акт в отношении империи Романовых был равнозначен признанию Центральными державами невозможности заключения с ней сепаратного мира. Решение о создании Польского королевства свидетельствовало, что Центральные державы пошли в

войне, кардинально отличавшейся от всех предшествующих вооруженных конфликтов, на крайнее средство: поддержку и поощрение сепаратизма угнетенных народов. Надо сказать, что названные причины не противоречат друг другу, поэтому можно считать, что обе они принимались во внимание, по крайней мере, Германией. Что же касается Вены, то для нее августовское соглашение 1916 года означало расставание с идеей польско-австрийского решения вопроса о судьбе Царства Польского. Но у Австро-Венгрии, как более слабого союзника, не было иного выбора, кроме как согласиться с Германией.

Решение о создании Польского королевства было грубым нарушением международного права, разрешающего проводить территориальные изменения только на мирных конференциях с участием всех заинтересованных сторон. Не меньшим нарушением было бы и введение в этом эфемерном государстве всеобщей воинской повинности, то есть прямое принуждение подданных России польской национальности к государственной измене со всеми вытекающими для них последствиями.

О своем решении явочным порядком создать Польское королевство Центральные державы объявили 5 ноября 1916 года в манифесте, изданном от имени императоров Вильгельма II и Франца Иосифа I германским и австро-венгерским генерал-губернаторами в Царстве Польском Гансом Гартвигом фон Безелером и Карлом фон Куком. Манифест был оглашен в Колонном зале Королевского замка в Варшаве, затем состоялись торжественное заседание Варшавского городского совета, а также демонстрации варшавян и студенческие митинги.

В манифесте провозглашалось создание самостоятельного (но не независимого) Польского королевства на землях, которые Центральные державы силой своего оружия вырвали из-под русского господства. Это должно было быть государство с наследственной монархией и конституционным строем, тесно связанное с Германией и Австро-Венгрией. Решение вопроса о будущем монархе и границах откладывалось на послевоенное время. Что же касается судеб прусской и австрийской частей Польши, то в манифесте не было ни малейшего намека на возможность изменения их статуса. Более того, Германия по стратегическим соображениям даже планировала включить в свой состав некоторые районы Царства Польского.

Следует сказать, что это провокационное решение Центральных держав, как это ни странно, оказало благоприятное воздействие на судьбу польского вопроса, заставив Николая II наконец-то определиться с официальной позицией. Россия, а вслед за ней и союзники по Антанте заявили о своем решительном осуждении очередного попрания Центральными державами норм

международного права и незаконности принятого ими решения. Но этого осуждения было недостаточно для того, чтобы удержать поляков Царства Польского, в том числе и служивших в русской армии, от перехода на сторону противника. Проекту Центральных держав следовало противопоставить русский проект, и он был сформулирован Николаем II в рождественском приказе по армии и флоту в декабре 1916 года. В числе главных целей войны для России император назвал также отвоевание польских земель у Австро-Венгрии и Германии и их объединение с Царством Польским в составе России на правах широкой автономии, аналогичной той, которая была предоставлена Царству Польскому в 1815 году.

Это решение высшего российского руководства означало победу концепции лидера национал-демократов и личного врага Пилсудского Романа Дмовского, который и после начала войны не прекращал усилий склонить Россию к предоставлению Царству Польскому автономии и присоединению к ней других польских земель [Пилсудский в это время вообще не думал о судьбе польских земель в составе Германии. Еще в конце 1916 года он полагал, что Познань и Гданьск отойдут к Польше не раньше чем через 20 – 30 лет. – См.: Jędrzejewicz W, Cisek J. Kalendarium zycia...Т. I. S. 363.]. Более того, выехав на Запад в ноябре 1915 года, он стал активно привлекать к польскому вопросу внимание политиков держав Антанты и США. Отъезд Дмовского из России был связан с тем, что к этому моменту он пришел к выводу, что по причине общей слабости монархии Романовых союзники смогут подтолкнуть ее к более решительным действиям в польском вопросе.

Определение Николаем II своей позиции по польскому вопросу получило полное одобрение и поддержку государств Антанты, о чем они не только не преминули известить мировую общественность, но и предоставили России право самой устанавливать свою будущую западную границу. Фактически согласился с польским проектом России и президент США Вудро Вильсон, к этому моменту уже принявший для себя решение об участии Америки в Первой мировой войне. Консолидированная позиция Антанты и США не оставляла Пилсудскому ни малейших шансов для маневра, который, по утверждению ряда исследователей из числа его почитателей, он намеревался совершить на заключительном этапе войны. Суть маневра заключалась в том, чтобы порвать с Австро-Венгрией и Германией и переметнуться в лагерь Антанты. Этот план был столь же наивен, как и нереален.

Поведение держав Антанты на Парижской мирной конференции 1919 года показало, что они оставались лояльными своему восточному союзнику и формально не вышли в польском вопросе за рамки, установленные Временным правительством России в марте 1917 года. Опыт аналогичного движения

украинских сечевых стрелков в Галиции, возникшего одновременно с польскими стрелковыми союзами, показывает, что западные державы не проявили в конце войны ни малейшего желания считаться с ними и учитывать их национальные требования. А вот чешские политические эмигранты Томаш Гарриг Масарик и Эдуард Бенеш, изначально делавшие ставку на Антанту, уже в 1916 году могли занести себе в актив позитивное отношение Франции и Англии к своим требованиям о предоставлении Чехии независимости, не имея на тот момент на родине и за границей никаких вооруженных формирований.

Реакция на манифест 5 ноября Пилсудского, в очередной раз оказавшегося не у дел и проводившего время в давно уже ставшем ему близким Кракове, была сугубо положительной. Он тут же призвал своих сторонников в польском корпусе из числа подданных Российской империи вернуться на службу, а также предложил будущему правительству Польского королевства свои услуги. На первый взгляд манифест выглядел как триумф всех предшествующих начинаний Пилсудского, преследовавших цель освобождения Царства Польского из-под русского господства, его первым действительным успехом с начала войны. Более того, авторы манифеста превзошли его самые смелые ожидания и вместо связи с АвстроВенгрией Царству Польскому даровали свободу. Поляки Галиции с восторгом встретили факт провозглашения Польского королевства, прямо приписывая основную заслугу в этом Пилсудскому. В качестве образчика такой реакции можно привести отправленное на его имя в краковский отель «Саский» следующее приветствие: «Собравшиеся 12 ноября с. г. в Новом Тарге на торжественное собрание по случаю провозглашения Польского государства legionеры всех бригад и граждане всех сословий местного общества воздают почести творцу легионов и выражают надежду, что тот, который мощью своего великого духа создал легионы, организует Польскую армию, что приведет к возрождению вольного польского народа» [РГВА. Ф. 476. Оп. 2. Д. 39. Л. 98.]. Легендарного бригадира приветствовали так горячо, особенно после манифеста, что в конце ноября 1916 года в письме Александре Щербиньской он даже не без тайной гордости сетовал: «Ты знаешь, я уже боюсь своей славы. Я постепенно становлюсь ее невольником и, как когда-то был нелегальным от полиции, так сейчас часто мечтаю о нелегальности от публики, которая постоянно досаждаёт своему избраннику» [Jedrzejewicz W, Cisek J. Kalendarium zycia...Т. I. S. 355.].

«Сердцу и совести возрождающейся Польши» после 5 ноября было посвящено немало панегирических виршей, отраженных в многократно издававшейся во Второй Речи Посполитой антологии Аполинария Крупиньского «Песнь о Юзефе Пилсудском». Там помещено даже стихотворение неизвестного автора на плохом русском языке с чудовищными рифмами, написанное, по

Г.Ф. Матвеев. Пилсудский

свидетельству составителя, «после оглашения манифеста 5 ноября». Такое мог наверняка сочинить один из легионеров Пилсудского, которому русский язык был значительно ближе польского:

Эй, горы, эй, вершины,
Где кровь лилась рекой,
Там польския дружины
Бились за край родной.
Там гетман их, Пилсудский,
Великий человек,
Водил своих молодцев
За волю на весь век.
Студенты и другие
Пошли в кровавый бой,
За «отчизну» родную,
За новый, лучший строй!
Два года воевали,
Два года вели бой, —
И «отчизну» достали

За свой кровавый зной! [Piesn o Jozefie Pifeudskim. Wyd. III. Zamosc, 1920. S. 130.]

По команде Пилсудского резко активизировали свою пропагандистскую и агитационную деятельность в Варшаве и на местах Центральный национальный комитет и Польская военная организация. Рост численного состава ПВО стал особенно заметным с октября 1916 года, когда в нее стали вступать молодые люди, которые до отставки Пилсудского пополняли польский легион. Суть усилий этих структур сводилась к подталкиванию оккупационной

администрации к скорейшему созданию правительства Польского королевства и армии, командование которой было бы поручено «великому человеку».

Но Центральные державы очень быстро показали истинную цель своего великодушного жеста в адрес сторонников освобождения Царства Польского из-под русского господства. Уже 9 ноября 1916 года оккупационные власти без каких-либо обещаний в политических вопросах призвали жителей Царства Польского вступать в ряды «Польского вермахта», к созданию которого приступали без промедления. В тот же день генерал-губернатор Безелер издал распоряжение о будущем Государственном совете и сейме Польского королевства, но о правительстве или главе нового государства по-прежнему хранили молчание. Создание Польского королевства не покончило с оккупационным режимом; вся полнота власти находилась в руках Безелера и Кука. Продолжался принудительный набор рабочей силы для работы в Германии, не прекращался вывоз сырья и продовольствия, учителей заставляли участвовать в вербовке волонтеров для армии. Временному государственному совету вменялась в обязанность главным образом подготовка озабоченной независимостью провинции России к будущему самостоятельному существованию.

Подавляющая часть населения Царства Польского безразлично отнеслась к действиям оккупационных властей, не проявляя, как и годом ранее, желания сотрудничать с Центральными державами. И это крайне усложняло позицию активных сторонников создания Польского королевства под эгидой Берлина и Вены. С одной стороны, они не могли отказаться от участия в формировании новой реальности в Царстве Польском, так как это было основной целью их деятельности, начиная, по крайней мере, с 6 августа 1914 года. Тем более что немцы и австрийцы вполне могли обойтись без них, поручив миссию создания Польского королевства консервативным силам, в том числе и Главному национальному комитету, проявлявшему к этому очевидную склонность. Высокую активность демонстрировали военный департамент ГНК и его руководитель Сикорский, считавший, что Царству Польскому представился уникальный шанс для решения вопроса о своем будущем. С другой стороны, игра по правилам Безелера и Кука означала возвращение к модели отношений, существовавшей между польским легионом и властями Австро-Венгрии и имевшей крайне низкую результативность.

Найти правильную линию поведения пилсудчиков в отсутствие в Варшаве их вождя было не то что сложно, но просто невозможно. Регулярная переписка со Славеком и другими доверенными лицами в Польском королевстве не могла заменить Пилсудскому личного знакомства с ситуацией в Варшаве. Но приехать туда без согласия генерал-губернатора он не мог, а тот не торопился

давать разрешение на приезд отставного бригадира. Только в конце ноября Пилсудскому сообщили, что он должен обратиться к Безелеру с соответствующей письменной просьбой. 5 декабря Венява-Длугошовский передал Безелеру памятную записку Пилсудского, в которой тот излагал свое видение проблемы вербовки добровольцев в армию Польского королевства. Главный комендант без особой скромности дал понять, что без него оккупантам вряд ли удастся создать Польский вермахт. Он писал: «Поляки не являются организованным народом, которым можно управлять рациональным путем, *via Vernunft* [через рассудок]. Это куча сыпучего песка, которая движется только тогда, когда удастся умело организовать сильный ветер в нужном направлении... Сейчас все зависит от того, удастся ли, используя факт 5 ноября, умело организовать сильный ветер, который ... сделает армию и военную службу популярными в умах и сердцах» [Piisudski J. Korespondencja 1914 – 1917. Londyn, [1984]. S. 239 – 240.].

Ознакомившись с посланием Пилсудского, немецкий генерал-губернатор 8 декабря пригласил его приехать в Варшаву, но при этом не предложил никаких официальных функций в формирующихся институтах власти Польского королевства.

12 декабря 1916 года многочисленные сторонники горячо приветствовали прибывшего в Варшаву своего кумира. Когда он, выйдя из здания Венского вокзала, сел в экипаж, молодежь выпрягла лошадей и отвезла его в гостиницу на себе. В Варшаве он нанес визиты важным польским официальным и политическим деятелям, был принят Безелером. Однако длившаяся около двух часов беседа не дала конкретных результатов. Собеседники расходились в главном вопросе – Пилсудский хотел, чтобы дело создания польской армии было поручено Госсвету, то есть ему лично, а Безелер считал, что это дело не поляков, а оккупационных властей. Немецкий генерал был убежден, что должность командующего требует многолетней практики и технической подготовки, а Пилсудский, хотя и является пламенным патриотом, в военном и организационном отношении совершенно для такой работы непригоден. Единственным конструктивным моментом встречи стало предложение Пилсудскому подготовить меморандум по вопросу о создании Польского вермахта.

Варшавские политики в это время были заняты подбором 25 кандидатов в члены Временного государственного совета (ВГС), решение об образовании и численном составе которого было оглашено генерал-губернаторами оккупационных зон 6 декабря. Задачей ВГС было участие под контролем оккупационных властей в создании государственных и административных органов и учреждений Польского королевства, а также в организации армии,

подчиняющейся Центральным державам. Процесс согласования списка кандидатов в члены ВГС оказался чрезвычайно сложным и длительным. Каждый из политических лагерей – центр, правые и левые, – пытался усилить свои позиции за счет оппонентов.

Пилсудский, считавший, что в интересах дела следует отказаться от партийных пристрастий и руководствоваться одними лишь интересами общества Царства Польского, активно искал соглашения с правыми. Славек следующим образом комментировал принципиальную позицию Пилсудского: «Государственный совет, не обладающий административной властью, следовательно, лишенный возможности силой заставить исполнять свои решения, должен опираться на моральную силу, которая только тогда достаточна, когда представляет все группы. Только тогда Государственный совет имеет моральную силу, когда он представляет всю нацию и не растрчивает сил на внутреннюю борьбу с теми, кто этот Государственный совет не признает...» [Цит. по: Samus P. Walery Siawek...S. 464.] Такая «надпартийная» линия поведения бригадира вызывала недовольство левых и подозрительность правых. Из политиков его последовательно поддерживали только Славек, Сокольниковский, Иодко-Наркевич, Сливинский, то есть старые соратники, глубоко убежденные в том, что Пилсудский всегда прав.

Лишь в начале января 1917 года удалось согласовать состав Временного государственного совета. 14 января состоялось его торжественное открытие, а на следующий день – инаугурационное заседание и распределение обязанностей. Пилсудский стал референтом военной комиссии Временного государственного совета, состоявшей практически полностью из политиков. Создание военного департамента представлялось немцам излишним, поскольку Польский вермахт не подчинялся ВГС.

Временный госсовет, вопреки истинному положению дел, представлялся пилсудчиковской пропагандой как первое после 1863 года национальное правительство, которое должно создать все институты государства, прежде всего армию. Пилсудский считал, что для этого следует убедить немцев и австрийцев передать Польский вермахт под контроль ВГС. Обосновывая свое видение проблемы, он писал летом 1917 года в меморандуме на имя Безелера, что нельзя создать польскую армию, если ее командование ответственно не перед польскими политическими центрами – Временным государственным советом или Польским национальным комитетом, – а перед иноземными инстанциями. В этом случае армия не будет иметь связи со своим народом, в ее рядах начнут шириться политиканство и доноительство, снизится моральный уровень контингента. Армию, формирующуюся на добровольческих началах, только на время войны, не могут воспитывать чужестранные кадровые

офицеры, не понимающие специфики своих подчиненных.

У проблемы есть только одно решение: подчинить армию польскому политическому органу, признанному оккупационными правительствами. Этим правительствам необходимо предоставить право контроля за военным хозяйством и распоряжения уже готовым к участию в боевых действиях частями на Восточном фронте, а также, по согласованию с польским политическим органом, назначение главнокомандующего. Вербовку в армию должны вести только гражданские лица, получившие полномочия от польского политического представительства. Офицерские кадры армии надо взять из польского легиона, а во главе соединения, скорее всего корпуса, поставить офицера-поляка. Конечно же на этом месте Пилсудский видел только себя. Интересна в связи с этим его характеристика, данная Безелером в декабре 1916 года: «Этот не лишенный способностей человек, лично, видимо, деловой, но строптивый и наверняка очень далекий от настоящих военных знаний, дилетант и демагог, оказывает просто гипнотическое воздействие на близкие ему круги и выросшие из них организации и как создатель легионов уважаем и почитаем ими как национальный святой... Пилсудский верит или внушает себе, что является руководителем и спасителем нации, и особенно единственно возможным руководителем армии. Поэтому он считает ошибочным все, что делают другие лидеры, и запрещает своим сторонникам откликаться на их призыв...» [Цит. по: Swietek R. *Lodowa sciana...* S. 827.]

Надо сказать, что Пилсудский был настойчив в своих усилиях по реализации этой программы. Он постоянно будоражил своих коллег по Временному государственному совету докладами о плачевном состоянии дел с формированием Польского вермахта, требовал скорейшего создания правительства Польского королевства и решения вопроса о монархе. Одновременно он чинил всяческие препятствия Сикорскому, распространявшему деятельность Военного департамента ГНК на Польское королевство. Пилсудский был против активной вербовки в Польский вермахт, пока не будут услышаны его требования, и ориентировал на это своих бывших подчиненных из легиона. Не считал он нужным и поддерживать атмосферу братства по оружию с немецкими и австрийскими союзниками.

В качестве аргумента в своей борьбе за польскую армию Пилсудский умело использовал Польскую военную организацию и легион, созданные в разное время при его самом активном участии. Особенно важной в это время была ПВО, выгодно отличавшаяся численностью от Польского вермахта, основу которого составили отдельные части легиона, переброшенные в начале декабря 1916 года в Варшаву. Так, до конца января 1917 года в Польский вермахт записалось две тысячи добровольцев, в то время как Польская военная

организация имела в тот момент в своих рядах уже 11 тысяч членов, а в марте 1917 года – около 15 тысяч.

Для того чтобы ПВО могла беспрепятственно действовать, она 11 января формально подчинилась Временному государственному совету. Формы привлечения в ее ряды добровольцев были различными, но, по сути, большинство из них сводилось к демонстрации обществу своего присутствия. В населенных пунктах на всей территории Польского королевства устраивались торжественные шествия людей в полувоенной форме, учения в поле, иногда с приглашением немецких офицеров в качестве наблюдателей. Члены ПВО были непременными участниками различных массовых общественных и религиозных мероприятий и торжеств. Были организованы офицерские курсы, выпускникам которых присваивались воинские звания. Все это привлекало к ним внимание поляков, особенно старшекласников и студентов. Распространению влияния ПВО способствовали также создание военно-спортивного общества «Пехур» («Пехотинец»), агитационно-пропагандистская работа различных общественных организаций, печатные издания.

Окунувшись вновь в привычную для него стихию военнополитической деятельности, Пилсудский и на этот раз, как это было уже в стрелковых союзах и 1-й бригаде легиона широко использовал проверенные методы управления. Так, своим заместителем в бюро Военной комиссии Временного госсвета он сделал бесконечно преданного ему Казимежа Соснковского, вслед за ним оставившего службу в 1-й бригаде, а большинство сотрудников аппарата состояли прежде в Главной комендатуре Польской военной организации. Такая кадровая политика обеспечила Пилсудскому решающее влияние на работу одного из важных органов Госсвета.

Связывая большие планы с успешным развитием ПВО, Пилсудский счел нужным укрепить ее в организационном отношении. Он решил сформировать в ПВО своего рода общественно-политическую структуру, аналогичную Союзу активной борьбы в стрелковом движении перед войной. На рубеже 1916 и 1917 годов Славеком по поручению Пилсудского был создан Военный союз (ВС). В него вошли наиболее надежные и проверенные члены ПВО, а также отдельные политики из близкого окружения Пилсудского. Официальной задачей членов Военного союза было наблюдение за организационным развитием и деятельностью ПВО на местах, но, главным образом, они должны были стать его опорой в качестве сплоченной и абсолютно преданной ему группы людей – послушных исполнителей его приказов, а не советчиков или экспертов. Это со всей очевидностью проявилось уже в первые месяцы существования Военного союза [Nalecz T. Polska Organizacja Wojskowa 1914 – 1918. Warszawa, 1984. S.132 – 133.].

Переезд Пилсудского в Варшаву в связи с вхождением в состав Временного государственного совета конечно же сказался на его личной жизни. Несколько раньше его, в ноябре 1916 года, в столицу приехала Александра Щербинская, которую он ласково называл уменьшительным именем Оля. С первого дня войны она активно участвовала во всех проектах Пилсудского, была одной из руководительниц женской связи, выполняла и другие поручения. В ноябре 1915 года она была арестована немцами в Варшаве за ведение пропаганды против вступления в легион и почти год провела в лагере. Все это время между влюбленными велась регулярная переписка, Пилсудский всячески поддерживал ее и морально, и материально. После возвращения в Варшаву Александра включилась в деятельность Польской военной организации. Ее встречи с Пилсудским стали более регулярными, но они по-прежнему формально не были семьей – о разводе с законной женой не было и речи.

Что касается отношений Пилсудского с официальной супругой Марией Юшкевич, то здесь все оставалось по-старому. Во время приездов в Краков он почти всегда останавливался на снятой ими еще до войны квартире на улице Шляк. Они вместе отправлялись в частные поездки. Мария приезжала к нему в январе 1915 года, когда 1-я бригада была отведена с фронта на отдых в горы, в район Нового Сонча, сопровождала его во время торжеств в связи с манифестом 5 ноября 1916 года о создании Польского королевства, представляла на различных общественных мероприятиях в Кракове. У них было много общих друзей из времен совместной деятельности в ППС, которые любили и уважали «Прекрасную даму».

В декабре 1916 года Мария не поехала за мужем в Варшаву – то ли не захотела, то ли он ее не позвал. Пилсудский и после этого приезжал к ней в Краков, правда, еще реже, чем прежде. Но они так же выходили на люди вместе. К ней обращались по делам, связанным с супругом. Так, 28 февраля 1917 года краковский кружок женщин ГНК благодарил ее за то, что она позволила кружку сделать копию портрета Пилсудского кисти Я. Мальчевского [РГВА. Ф. 476. Оп. 2. Д. 39. Л. 95.]. То есть внешне, для непосвященных, они оставались любящей супружеской парой. Мария знала, что у мужа есть другая женщина, но развода ему так и не дала. Конечно, это мучило Пилсудского, не желавшего решительным разрывом причинить Марии еще большую боль.

Расставание с союзниками

В марте 1917 года в России произошло событие, сразу же занявшее центральное место в мировых средствах массовой информации. Династия Романовых, десятью годами ранее успешно справившаяся с вышедшим из повиновения обществом, а затем пышно отметившая свое 300-летие,

практически без сопротивления уступила бразды правления умеренным политическим оппонентам. Социальных радикалов разных мастей пока что удалось оставить на обочине власти, хотя они и сумели обеспечить себе беспроигрышную в условиях России позицию решительных критиков правительства и авторов популистских непродуманных решений. Одним из них можно считать воззвание Петроградского совета от 27 марта, признававшее право польского народа на полную государственную самостоятельность без каких-либо предварительных условий. Такое решение столь непростого дела, как выход какой-то территории из состава государства, не могло не привести к недоразумениям, спорам и конфликтам в момент его практической реализации. В числе наиболее сложных был вопрос о границах новой Польши, весьма немаловажный, если вспомнить, что Речь Посполитая вплоть до своего упадка являлась многонациональным государством, простиравшимся на восток до Днепра. Теперь же, пережив в XIX веке национальное возрождение, литовские, украинские, а с началом Первой мировой войны и белорусские политические группировки боролись за собственные государства, вовсе не собираясь связывать свою судьбу с поляками.

Воззвание Петросовета не имело обязательной силы, но оно вызвало определенный резонанс, заставивший Временное правительство определиться по вопросу, целый век не дававшему покоя властям и обществу России. Его обращение от 29 марта «Народу польскому» конкретизировало планы официального Петрограда относительно судьбы Царства Польского. Признавая безоговорочное право поляков бывшей русской провинции на государственность, его авторы вместе с тем определяли главные условия, на которых оно могло быть реализовано: применение этнического принципа как основополагающего при определении границ будущей Польши и ее связь «свободным военным союзом» с Россией, чтобы не допустить перехода на враждебные России позиции [Именно эти принципы были реализованы на практике Сталиным в 1944—1945 годах, причем последний из них позволил советской дипломатии вплоть до конца 1980-х годов не думать о польском факторе, что Российская Федерация вынуждена делать в наши дни.]. Все практические вопросы выхода Царства Польского из состава России оставлялись на усмотрение Учредительного собрания, что вполне соответствовало демократическому принципу разделения властей. И конечно же само собой разумеющимся был будущий республиканский характер нового польского государства.

Февральская революция в России изменила международноправовое звучание польского вопроса. Что касается Царства Польского, то его будущее можно было считать в принципе решенным. В случае победы Антанты здесь

создавалось свободное в решении всех внутренних вопросов государство, то же произошло бы, и оказался военное счастье на стороне Центральных держав. А будущее австрийской и прусской частей Польши вновь приобретало характер открытого вопроса, поскольку Россия отказывалась от претензий на них, последний раз подтвержденных союзниками в феврале 1917 года.

В начале этого года никто не мог с уверенностью предсказать, чем закончится Великая война. Даже вступление в апреле в войну на стороне Антанты Соединенных Штатов Америки не устраняло этой неопределенности, поскольку долгое время этот шаг имел политическое и моральное, но не сугубо военное значение. США еще предстояло создать, вооружить, обучить и перебросить в Европу свою армию, а на это нужно было время и флот. Поэтому вопрос о победителе оставался открытым, по крайней мере, до провала немецкого наступления на Западном фронте в марте 1918 года.

Произошедший в марте 1917 года поворот в судьбе вопроса о будущем Царства Польского теоретически освобождал Пилсудского от необходимости предпринимать какие-то дальнейшие усилия в этом направлении. Он с удовлетворением воспринял победу Февральской революции в России. Ненавистный царизм рухнул, и Россия плавно погружалась в анархию. Пилсудский, активный участник первой русской революции, хорошо представлял себе неизбежные последствия произошедшего на востоке политического переворота. Он по достоинству оценил принятые в Петрограде решения по польскому вопросу, снимавшие международно-правовые препятствия для строительства на территории бывшего Царства Польского независимого польского государства уже во время войны, не дожидаясь мирной конференции. Об этом он прямо заявил в июне 1917 года на закрытом заседании ВГС. Выполнив, как он полагал, свою часть работы по завоеванию независимости Царства Польского, он неоднократно говорил окружающим, что теперь настал черед его оппонента Дмовского добиться аналогичного успеха на Западе.

В первые пять месяцев 1917 года отношение Пилсудского к Центральным державам в целом оставалось лояльным. Правда, добиваясь контроля над создающейся ими польской армией, он даже подбивал своих соратников по Временному государственному совету солидарно подать в отставку в связи с нежеланием оккупантов прислушаться к его словам. Но, наученный горьким опытом отставки из легиона, при этом собственной отставкой грозить не торопился. Неявно противодействуя вербовке добровольцев в польскую армию, он не стал в конце апреля голосовать против соответствующего воззвания ВГС, а только воздержался, мотивируя это тем, что не может быть армии без правительства.

Однако в конце мая – начале июня в поведении Пилсудского стали заметны новые моменты. Бригадир стал явно тяготиться своим положением члена ВГС и верного союзника Центральных держав. На одном из заседаний совета в начале июня он объявил о своем намерении подать в отставку и вступить в армию. Во второй половине июня 1917 года он вел в Люблине переговоры с генералом Станиславом Шептицким о возможности возвращения на австрийскую службу, а также предлагал свои услуги в качестве командира польских частей. Однако австрийцы ему отказали. В июне – начале июля Пилсудский вполне серьезно рассматривал возможность перехода через линию фронта на русскую сторону, но в конечном счете от этой идеи отказался. Общавшиеся с ним в то время соратники свидетельствуют, что к тому времени он уже не сомневался в поражении Центральных держав.

В таких условиях следовало определить тактику дальнейшего поведения для своего движения и себя лично. При этом бригадир понимал, что она не обязательно должна быть одной и той же. Что касается военно-политического движения в Польском королевстве, то он дал указание перевести всю его деятельность в подполье, продолжая одновременно расширять и укреплять ПВО, а центром заграничной деятельности сделать Россию, быстро «навести мост» через фронт к существующим там организациям ПВО и политическим центрам, признающим его авторитет. А он был немалым, о чем свидетельствует избрание его 8 июня 1917 года съездом Союза военных поляков в Петрограде своим почетным председателем. На базе этих сил следовало формировать польскую армию.

Требовала своего разрешения проблема легиона, в апреле 1917 года выделенного австрийцами из состава вспомогательного корпуса и переданного под командование Безелера. В его рядах было много его горячих сторонников, готовых выполнить любой приказ своего бригадира. К началу июля 1917 года он пришел к выводу, что у них нет иного выхода, как отказаться принести воинскую присягу, работа на текст которой как раз завершалась, и перенести все последствия этого своего шага. Правда, теоретически еще оставалась возможность возвращения легиона под австрийское командование и повторное его включение в состав вспомогательного корпуса. Но надежд на такое решение было немного, поскольку Австро-Венгрия все заметнее превращалась в младшего партнера Германии.

Пилсудский определил и собственную линию поведения. Если до июля 1917 года ею была организация давления на Безелера с помощью Временного госсовета, обращений, петиций и т. д., то теперь он решил бросить на чашу весов свой личный авторитет и влияние, особенно в польском легионе. Ясности относительно того, какой цели он хотел добиться, нет. Ею в одинаковой

степени мог быть и шантаж Безелера чтобы заставить его, наконец, убедить Берлин в необходимости создания подлинно польской, а не наемной армии, и демонстрация нежелания участвовать в проекте «Польское королевство», и создание условий для возвращения на австрийскую службу.

Свой путь Пилсудский начал с отставки с поста референта Военной комиссии. Показательно, что раньше других он известил о своем решении Безелера. Генерал-губернатор, играя на честолюбии Пилсудского, безуспешно пытался уговорить его остаться и участвовать в формировании армии. Взамен германский полководец сулил «далекому от настоящих военных знаний дилетанту и демагогу» захватывающую перспективу стать одним из самых известных военачальников эпохи, славу и почет, о которых тот и не мечтал, но при этом не обещал переподчинить Польский вермахт полякам. Пилсудский, несомненно, не чуждый громкой воинской славе, человек с большими амбициями, тем не менее решительно отказался от заманчивых посулов. Он больше не верил в возможность договориться с немцами на своих условиях.

2 июля на заседании ВГС бригадир заявил о своей отставке с поста референта Военной комиссии, а также попросил вычеркнуть его фамилию из платежной ведомости за прошедший месяц, поскольку о своем уходе с поста референта Военной комиссии он якобы объявил еще в начале июня 1917 года [Стоит отметить, что и после ухода бригадира и ряда его ближайших сотрудников из Военной комиссии он участвовал в определении ее дальнейшей судьбы и решении кадровых вопросов.]. Главной причиной отставки он назвал нежелание немцев, на сотрудничество с которыми он пошел из патриотических, а не политических соображений, дать согласие на создание самостоятельной польской армии. Такое объяснение позволяло достичь нескольких целей одновременно. Во-первых, заявив, что в состав Временного госсвета он вошел «не ради политической службы», бригадир тем самым отделил себя от сторонников решения вопроса о судьбе Царства Польского с помощью Центральных держав. Во-вторых, подчеркнув (и это полностью соответствовало истине), что все его действия периода войны диктовались исключительно желанием создать подлинно самостоятельную национальную армию для борьбы за независимость Царства Польского, он тем самым оправдывал не только свои действия, но и всех, кто последовал его призыву и примеру. В-третьих, назвав свой поступок «единственной службой, которой он может послужить братьям в польской армии, последним предупреждением тем, которых следует предостеречь», он еще раз сказал legionерам, что, даже несмотря на отставку с должности командира бригады, он всегда думает и заботится о них. Но самый главный вывод, который можно было сделать из выступления Пилсудского, сводился к тому, что он все делал правильно, и если

его планы не осуществились, то только по вине австрийцев и немцев [Piisudski J. Pisma... Т. IV. S. 201 – 204.]. Вряд ли стоит осуждать его за отсутствие самокритики, особенно если исходить из того, что его речь служила будущему, а не расчетам с прошлым. Главный комендант вовсе не собирался покидать политическую сцену, а только намеревался сменить площадку.

Совершенно очевидно, что уход Пилсудского в отставку был связан с запланированным на 3 июля утверждением ВГС текста военной присяги, которую должны были приносить бывшие российские подданные, вступая в Польский вермахт. Она окончательно перечеркивала надежду на то, что немцы согласятся хотя бы на ограниченное участие польской стороны в делах Польского вермахта, полностью отдавала его в руки Германии. Пилсудский, хорошо знавший содержание присяги, понимал, что голосование за нее равнозначно личному поражению. Изменить ее текст он не мог, голосовать против не имело смысла, потому что большинство членов ВГС были «за».

Бригадир знал, что его призыв отказаться от присяги получит серьезную поддержку у легионеров. Но он, как человек вот уже третий год связанный с армией, знал, что за этим незамедлительно последуют арест и заключение «отказников» в лагеря. Он попытался облегчить участь хотя бы части кандидатов в жертвы репрессий. 7 июля Пилсудский выехал в Краков. Сугубо служебный характер его поездки подчеркивался даже тем, что на этот раз он остановился в гостинице, а не дома. Цель поездки заключалась в том, чтобы добиться согласия на перевод из легиона в Галицию всех австрийских подданных и назначение его их командиром. Однако это его предложение не было принято. Теперь и легионеры, и сам Пилсудский встали перед выбором: подчиниться силе Германии или идти в своем протесте до конца.

9 июля состоялась церемония присяги легионеров из числа бывших подданных России, завершившаяся глубочайшим кризисом легиона. Около 3300 российских подданных, отказавшихся присягнуть, были интернированы и заключены в концентрационные лагеря: офицеры – в Беньяминово, рядовые и унтер-офицеры – в Щиперно. Примерно 3500 австрийских подданных были отправлены в Перемышль, включены в австрийскую армию и отправлены на Итальянский фронт. Но часть легионеров, в том числе почти вся 2-я бригада, не последовала их примеру. Позже, оказавшись на Восточном фронте, эта бригада перешла на русскую сторону. Это был еще один выход, но Главный комендант отказался от него в июне 1917 года.

Пилсудский понимал, что после отказа от предложений Безелера и связанного с присягой кризиса у него практически нет шансов остаться на свободе. В связи с этим возникала проблема руководства ПВО в его отсутствие. Уже в мае 1917

года старый конспиратор приступил к формированию узкой по составу участников и еще более засекреченной, чем Военный союз, политической организации. Как и ПВО и ВС, ее деятельность ограничивалась территорией бывшей русской Польши. В отличие от ВС, наделенного исполнительными функциями, новая структура должна была стать своеобразным штабом Пилсудского, позволяющим влиять на военную, политическую и экономическую сферы. Планировалось, что она будет состоять из двух самостоятельных частей. Одна из них (организация А) должна была объединять близких Пилсудскому политиков из левых партий, относительно состава второй (организации Б) ясности нет. По одним сведениям, ее составили бы готовые с ним сотрудничать представители правых партий, по другим – экономисты, финансисты и предприниматели, которые занялись бы подготовкой к созданию независимого государства. Во главе организации должен был стоять руководящий и координирующий деятельность обеих ее структур коллективный орган – Конвент. Точную цель замысла установить невозможно. Несомненно одно: Пилсудский скорее всего создавал эту организацию с мыслью не только о сегодняшнем дне, в том числе на случай своего ареста, но и о послевоенном будущем. Со своим проектом Пилсудский познакомил ближайшее окружение, но довести задуманное до конца до момента ареста не успел.

Репрессиям подверглись также члены Польской военной организации, а соратники Пилсудского Валерий Славек, Вацлав Енджеевич, Медард Довнарлович, Петр Турецкий, Стефан Помараньский и многие другие были арестованы и посажены в Варшавскую цитадель.

Теперь Пилсудского ничего больше не связывало с вчерашними союзниками, он из государственного деятеля превратился в частное, хотя политически и достаточно влиятельное лицо. Продолжая свою линию «мягкого расставания» с союзниками, Пилсудский в середине июля приступил к подготовке Безелеру памятной записки, в которой вновь повторил, что прежний союз возможен только при условии создания польской армии на базе легиона, политически подчиняющейся польским органам власти и возглавляемой поляком. На случай, если его предложение будет проигнорировано, он просил позволить ему разделить судьбу своих солдат, которые, как и он, готовы отдать жизнь и кровь за свой край, но не могут приносить присягу, в которой нет ни слова о польских органах власти. Но вручить документ Безелеру он не успел, поэтому передал его при аресте доктору Эриху Шульце, шефу немецкой тайной полиции в Варшаве [Э. Шульце был застрелен 1 октября 1918 года в центре Варшавы по приговору Главной комендатуры ПВО членом ППС Адамом Пурталом.].

В пять часов утра 22 июля 1917 года немецкая тайная полиция арестовала

Пилсудского, а спустя некоторое время и Соснковского. В тот же день они были увезены из Варшавы. Вначале немцы объявили, что причиной ареста явилась его последняя поездка в Краков, объявленная попыткой покинуть Польское королевство по поддельным документам. Но в начале августа от этого обвинения немцы отказались. Второй причиной ареста было названо направление Пилсудским молодых людей в Польскую военную организацию, ставшую в последнее время тайной структурой, деятельность которой враждебна Центральным державам. Такие же мотивы задержания Пилсудского и Соснковского назвал Безелер Временному государственному совету. Юридическим основанием для ареста стало распоряжение, предоставлявшее генералам право применять к иностранным подданным арест, лишение свободы на определенное или неопределенное время, отправку вглубь страны и т. д.

Пройдя через тюрьмы в Данциге, Шпандау и крепости Везель, Пилсудский спустя месяц оказался в Магдебурге. Его содержали на офицерской гауптвахте бастиона Королевы в форте Магдебургской крепости. В его распоряжение были представлены три комнаты на втором этаже двухэтажного деревянного дома, после войны перевезенного в Варшаву и установленного в Бельведерском парке на правах музея. Хозяйством занимался фельдфебель, проживавший на первом этаже. Условия содержания не были излишне суровыми. Пилсудского трактовали как пленного офицера высокого ранга, что обеспечивало ему право пользоваться специальными привилегиями. Кроме того, на личные нужды ему выдавали 250 марок в месяц. Пилсудский сам признавался, что одиночество переносил относительно легко, – по его мнению, он был рожден для тюремной жизни. Тоску он преодолевал с помощью усиленной мыслительной работы. И все же, учитывая деятельный характер будущего маршала, его не могли не тяготить неопределенность судьбы (ему не предъявили никаких обвинений и не судили, а интернирование могло продлиться неопределенно долго) и монотонность существования. К тому же беспокоили мысли о состоянии Александры, которая ждала их первого ребенка. Ей было уже 35 лет (по тем временам почтенный возраст), и он сильно опасался возможных осложнений при родах.

Как писал Пилсудский Александре, обычно он вставал в половине восьмого, скромно завтракал, следующие два с половиной часа гулял в саду или читал единственную доступную ему газету «Магдебургише цайтунг», затем обедал (еду заказывал в ресторане «Магдебургес гоф») и пил чай, который заваривал лично. После обеда читал, писал (здесь, в частности, были написаны воспоминания об эпизодах боевых действий легиона во время Первой мировой «Улина Малая», «Лиманова – Марчинковичи», «Новый Корчин – Опатовец», изданные после войны под общим названием «Мои первые бои») или садился

за шахматную доску. После раннего, в половине седьмого вечера, ужина раскладывал пасьянс (этой страсти, позволяющей отвлекаться от однообразной повседневности и не замечать одиночества, он был подвержен до конца жизни) и в 10 часов ложился спать, потому что выключали свет.

Ему очень хотелось увидеть дочь Ванду, которая родилась в начале февраля 1918 года и которую он знал только по письмам Александры и фотографиям. Все его попытки получить под слово чести разрешение на отпуск или добиться освобождения оказались напрасными.

Легче стало лишь в конце августа 1918 года, когда к нему перевели Соснковского, содержавшегося в военной тюрьме в Магдебурге. Теперь у Пилсудского был не просто товарищ по неволе и собеседник, но очень близкий и беспредельно преданный ему человек, в чем он имел возможность неоднократно убедиться в предшествующие годы. С этого момента время пошло значительно быстрее. Ко всему прочему они получили разрешение на отлучки в город без сопровождения, что сразу же создало ощущение нормальности бытия. Облегчало жизнь и все более очевидное приближение конца войны, особенно после прорыва союзниками Салоникского фронта и их быстрого продвижения к границам Австро-Венгрии. Окончание Первой мировой лично для них означало свободу и возвращение на родину, о будущем которой Пилсудский подолгу разговаривал со своим товарищем по заключению.

Германские политические круги принялись думать о том, как будут развиваться их отношения с будущим польским государством. Об этом свидетельствовал визит к магдебургским узникам 31 октября 1918 года посланца канцлера графа Гарри Кесслера, который познакомился с Пилсудским на фронте на Волыни в октябре 1915 года. Целью визита было выяснить актуальные взгляды Главного коменданта на будущие польско-германские отношения, а также добиться от него декларации о лояльности. Пилсудский заявил собеседнику, что, по его мнению, нынешнее поколение поляков не будет воевать за Познанщину и Западную Пруссию. Но делать какое-либо письменное заявление на эту тему он отказался.

Спустя несколько дней Германия уже стояла на пороге революции, устранившей старый режим, узником которого был Пилсудский, так же быстро, как это случилось в России и совсем недавно в Австро-Венгрии. Но о Пилсудском не забыли. 5 ноября германское правительство приняло решение о его освобождении при условии, что он все же подпишет обязательство ничего не предпринимать против Германии. Осуществить эту миссию поручили тому же Кесслеру 6 ноября он приехал в Магдебург, но поскольку комендант

крепости не получил соответствующих распоряжений, освобождение пришлось отложить. Соответствующее указание из Берлина поступило только на следующий день пополудни, но его нельзя было выполнить немедленно, поскольку не было поезда до столицы. И лишь ранним утром 8 ноября, когда в Магдебурге начались революционные выступления, Кесслер, наконец, приступил к исполнению поручения. Быстро собрав самые необходимые вещи, узники, сопровождаемые Кесслером, в тот же день, с несколькими остановками для замены покрышек везшего их автомобиля (они были изготовлены из ненадежных искусственных материалов и буквально лопались, нагреваясь во время движения), были доставлены в Берлин. Эвакуация была проведена так поспешно, что они не взяли с собой даже смены белья. Из-за прекращения по причине революции железнодорожного сообщения с Варшавой пришлось на сутки задержаться в Берлине. И лишь во второй половине дня 9 ноября, после очередной, вновь неудачной и на этот раз не очень настойчивой попытки склонить Пилсудского к заявлению о своем отношении к Германии, специальный поезд в составе паровоза и одного вагона увез Пилсудского и Соснковского в Варшаву, которая все еще была в руках немцев.

Несмотря на неблагоприятные лично для Пилсудского как человека обстоятельства пребывания в Магдебургской крепости, в политическом плане он оказался в крупном выигрыше. В целом можно согласиться с мнением супругов Наленч, что «в политическом смысле такая развязка была для него огромным благодеянием. Арест немцами делал безосновательным обвинение в сотрудничестве с Центральными государствами. Значение этого трудно переоценить, учитывая растущие военные успехи Антанты. Также в глазах польской общественности он из союзника Австрии и Германии превратился в жертву их преследований. Становился даже символом борьбы с оккупантами. Тем более что оставшиеся на свободе его сторонники делали все возможное для распространения такого мнения. Чем дольше его не было, тем больше людей с нетерпением ожидали его возвращения» [Наленч Д., Наленч Т. Указ. соч. С. 79.].

Еще более глубокую оценку последствий интернирования дает Анджей Гарлицкий: «Если в личном отношении пребывание в Магдебурге было тягостным и трудным для Пилсудского, то в политическом отношении оно стало его огромным успехом. Оно принесло разнообразные выгоды. Автоматически ликвидировался тупик, в котором оказался Пилсудский после русской революции. Арест стал великолепным выходом из все более двусмысленной и непопулярной концепции сотрудничества с Германией. Пилсудский становился жертвой преследований, символом борьбы с оккупантами. Каждая неделя, каждый месяц пребывания в Магдебурге

повышали его популярность, превращали его в руководителя нации. Конечно, это происходило не без широкой и последовательной пропагандистской кампании, но эта кампания давала положительные результаты как раз потому, что попадала на благоприятную почву, что обращалась к широко распространенным эмоциям.

Тот факт, что Пилсудский был изолирован, не имел никаких возможностей политической деятельности, так же – как это ни странно – действовал в его пользу. Поскольку Пилсудский не мог участвовать в текущих политических играх, он не мог связать себя с созданным оккупантами в сентябре 1917 года в качестве высшего органа власти в [Польском] королевстве Регентским советом, с его правительствами, с Польским вермахтом. По мере компрометации всех этих мероприятий рос политический капитал Пилсудского. Время работало на него. И поэтому эти месяцы немецкой тюрьмы стали полным политическим успехом, позволили Пилсудскому не только восстановить прежнюю репутацию, но и создать позицию, которой у него еще никогда не было. Больше не имели значения зигзаги его политики – их заслонил факт заключения» [GarlickiR. Jozef Pifeudski... S. 199.].

Конечно, вряд ли в обществе Царства Польского сохранилась бы в полной мере память о Пилсудском как борце за независимость, если бы не активная пропагандистская деятельность его сторонников. В феврале 1918 года они решили организовать массовую акцию поздравления магдебургского узника с именинами, приходившимися на 19 марта. С этой целью в Варшаве ими был создан специальный «Комитет 19 марта», который обратился ко всем жителям всех трех частей Польши с призывом принять в ней самое активное участие. В распространенном обращении говорилось, в частности, что «содержание коменданта Юзефа Пилсудского в немецком заключении будит в польском обществе хроническое раздражение и обеспокоенность. Содержание в тюрьме Главнокомандующего становится символом кошмара, нависшего над жизнью народа и отравляющего его спокойствие. Это психическое состояние народа требует своего внешнего выражения. Чтобы индивидуальная бессильная тревога уступила место ощущению силы коллективного проявления. Чтобы грубый, уверенный в своем кулаке угнетатель услышал ропот народного гнева. Такова всеобщая воля...». В планы варшавского комитета входило издание брошюры о военной и политической деятельности коменданта, художественного альбома и коллективной памятной книги.

Местные комитеты должны были заняться организацией фонда имени Пилсудского, демонстративным празднованием именин в учреждениях науки и культуры, проведением лекций. Но наиболее актуальным проектом инициаторы празднования считали посылку Пилсудскому прямо или через посредство

Г.Ф. Матвеев. Пилсудский

комитетов мужчинами и женщинами, пожилыми людьми и детьми почтовых карточек с поздравлениями. Цели этого проекта были определены следующим образом: выразить признательность национальному герою, проверить ряды приверженцев идеи, символом которой стал Пилсудский, показать оккупационным властям, что они не смогут с помощью насилия вырвать из общества дух коменданта, укрепить собственный дух «путем установления коллективного духовного контакта с вождем».

Были даны подробные указания, как должна быть организована поздравительная кампания, что писать, как отправлять и т. д. Заканчивалось это извещение-инструкция следующим пассажем: «Мы не призываем к живому и горячему участию всего общества, потому что мы убеждены, что идеи коменданта и любовь, которую народ испытывает к своему Герою и Вождю, будут достаточным стимулом к участию всех, кто живет и хочет жить» [РГВА. Ф. 476. Он. 2. Д. 45. Л. 2 – 5.].

Обращение пилсудчиков нашло в обществе отклик. Стоит привести текст некоторых из сохранившихся поздравительных открыток из Калиша и Блашек. Так, Войцех Словиньский писал: «Бригадир! Я, старый поляк, в день твоих именин желаю тебе, чтобы наша любимая Польша имела больше таких сынов». Другой калишанин: «Бригадиру Пилсудскому, благодаря которому „наш сон о шпаге наконец стал явью“, в день именин скорейшего возвращения желает Петровский». Маленькая девочка: «Большие поздравления от маленькой Ганки 19-3-18. Г. Родолинская». Не обошлось и без рифмованных поздравлений:

О, Вождь! В день именин твоих

Мы присягаем кровью,

Такой несем

К твоим стопам подарок:

Когда приказ придет,

Когда нахмуришь брови,

То Польской Матери

Мы отдадим всю кровь.

Фр. Ольшевский [Там же. Л. 20, 27, 31, 38.]

Общий тон процитированных выше посланий Пилсудскому от простых людей свидетельствовал, что в сознании многих поляков понятие борьбы за независимость и имя Пилсудского слились в одно целое, что он стал для них на обыденном уровне символом героизма, мудрости и патриотизма. Традиции празднования именин бригадира, родившейся в 1-й бригаде в 1915 году, был придан общенациональный масштаб. И эта практика сохранится во все последующие годы, вплоть до трагического 1939-го.

Глава шестая

НАЧАЛЬНИК ГОСУДАРСТВА

Конец войны и польское дело

За 15 месяцев отсутствия Пилсудского в Польше в судьбе польского народа произошли существенные изменения. И основную заслугу в этом с полным основанием мог приписать себе главный политический соперник Пилсудского Роман Дмовский. Как нам уже известно, в ноябре 1915 года, видя, что Петроград не готов на серьезные шаги в польском вопросе, лидер национальных демократов уехал на Запад, чтобы ознакомить тамошнее общественное мнение и политиков со своей программой и показать, что в Польше существуют серьезные силы, не согласные с ориентацией, символом которой был Пилсудский. Местом его постоянного пребывания был избран Лондон, где Дмовский имел немало влиятельных знакомых. В своей агитационно-пропагандистской деятельности пан Роман был неодинок – ему ассистировали многие авторитетные на Западе поляки, в частности, известнейший пианист и композитор Игнаций Юзеф Падеревский, граф Мауриций Замойский, Эразм Пильц, Мариан Сейда и др.

В странах Антанты существовали в целом благоприятные для польского дела настроения. Либерально-демократические политики, испытывавшие определенное чувство вины за международное признание своими предшественниками разделов Речи Посполитой и решения Венского конгресса 1815 года о ликвидации герцогства Варшавского, не афишировали до поры до времени эти свои взгляды. Пока судьба войны была неясна, они не желали портить отношений с Россией, без героических усилий армии которой Франция вряд ли сумела бы выстоять в 1914 году. Но на неофициальном уровне Дмовский чувствовал их поддержку и благосклонное отношение к своим планам. Эта поддержка позволила бывшему депутату Государственной думы, не отказываясь от своего главного постулата – объединения всех польских земель, – внести в него существенные коррективы.

В феврале 1916 года он передал русскому послу в Париже Александру Извольскому меморандум с требованием предоставления польскому народу права на независимое государственное существование. В нем отмечалось, что поляки, как более многочисленная и более развитая нация, нежели все прочие народности Центральной Европы и Балкан, имеют не меньшие, чем они, права на независимое национальное государство и совесть им не позволяет отречься от этого права, которое за ними признают все другие народы.

Февральская революция в России открыла путь решению польского вопроса в соответствии с проектом Дмовского, придав ему характер международного. Петроград, отказавшись от своих прав на этнически польские земли, развязал своим союзникам руки в постановке и решении вопроса о судьбе австрийских и прусских земель Польши. Теперь Дмовский и его сторонники могли вести не только пропагандистскую, но и практическую деятельность по созданию институтов польской государственности. В мае 1917 года в польских эмигрантских кругах во Франции родилась и получила поддержку официального Парижа идея создания польской добровольческой армии из числа военнопленных немецкой армии и эмигрантов из Европы и Америки. Эта армия, получившая впоследствии название «голубой» (за цвет мундиров, выданных им из французских военных запасов), была признана в 1918 году странами Антанты и США в качестве союзной. В июне 1918 года первый польский полк отправился на фронт.

Польская независимость стала приобретать более реальные очертания: если есть армия, то должно быть и государство (в 1917 – 1918 годах по этому пути пошли, например, чешские борцы за независимость Масарик и Бенеш). Важным шагом в этом направлении стало создание 15 августа 1917 года Польского национального комитета (ПНК) со штаб-квартирой в Париже. Его возглавил Дмовский, в начале августа перебравшийся из Великобритании на континент. 28 августа ПНК объявил о своем образовании и обратился к союзным правительствам с просьбой признать его официальной польской организацией.

Первой, уже 20 сентября 1917 года, Польский национальный комитет в качестве официальной политической организации признала Франция, 15 октября это сделала Великобритания, 30-го числа того же месяца – Италия, а 1 декабря – США. С просьбой о признании к Временному правительству России ПНК не обращался. Комитет не добивался для себя и статуса польского временного правительства, как это сделал на следующий год Чехословацкий национальный совет. Но и без этого он имел достаточно широкие полномочия в качестве официального представительства польского народа. В частности, ПНК выполнял некоторые дипломатические функции, включая выдачу

дипломатических паспортов, осуществлял патронат над поляками на Западе и формирующейся польской армией, с 1918 года участвовал в подготовке мирной конференции. С рубежа 1917 – 1918 годов можно говорить о фактическом международном признании возрождения польского государства. За независимость Польши официально высказались ведущие государственные деятели Италии, Франции, Великобритании и США [В декабре 1918 года Пилсудский в письме французскому маршалу Ф. Фошу вынужден был признать, что польская свобода была завоевана армиями Антанты.]. Особенно важным для польского дела, учитывая стремительно возрастающее влияние США на державы Антанты, был 13-й пункт январской программы Вудро Вильсона (14 пунктов Вильсона), гласивший: «Следует создать независимое польское государство, которое должно охватывать земли с бесспорно польским населением, иметь свободный и безопасный выход к морю, политическая, хозяйственная и территориальная целостность которого должна быть гарантирована международным пактом». Из этого пункта следовало, что независимая Польша должна быть воссоздана из земель, входивших в состав всех трех империй, а не одной только России.

В августе 1918 года Совет народных комиссаров РСФСР, выполняя навязанные Центральными державами по Брестскому миру условия, заявил об аннулировании всех договоров о разделах Речи Посполитой. Тем самым были созданы условия для установления отношений между советской Россией и Регентским советом Польского королевства. Это государственное образование получило пока что теоретическую возможность стать центром притяжения для других польских земель, еще оставшихся под властью Вены и Берлина [Окончательное международно-правовое признание независимости Польши состоялось только на Парижской мирной конференции в 1919 году, санкционировавшей территориальные уступки Германии и изменения в бывшей Австро-Венгрии.].

Таким образом, в 1917 – 1918 годах, когда Пилсудский, чей проект освобождения бывшего Царства Польского из-под русского господства потерпел фиаско, был исключен из польской политической жизни, Дмовский сумел в главном осуществить свой проект освобождения и объединения всех трех частей разделенной Польши. А то, что это произошло с помощью не России, а Запада, было следствием не просчета лидера национальных демократов, а кардинальных перемен в бывшей империи Романовых в результате Февральской и Октябрьской революций 1917 года.

Другим направлением в деятельности команды Дмовского стала пропаганда среди западных политиков и общественности польского видения будущих границ их государства. Этот вопрос был крайне сложным. Свое независимое

существование Польша прекратила в XVIII веке, будучи в составе более крупного государственного образования – Речи Посполитой. В ней помимо поляков на своих национальных территориях компактно проживали литовцы, белорусы и украинцы, а также достаточно многочисленное еврейское и немецкое население. Вполне закономерным был вопрос о том, на основании какого принципа воссоздавать новое польское государство – этнического или исторического. Из программы Вильсона можно было сделать вывод, что ее автор отдавал предпочтение этническому принципу, но именно он был неприемлем для польских политиков по целому ряду причин. Многовековые миграционные процессы привели к тому, что миллионы поляков жили в областях со смешанным населением, причем в отдельных местах – в Вильно, Львове и других более мелких украинских и белорусских городах и местечках, – преобладая над автохтонами. В случае принятия этнического принципа проведения границ эти территории должны были остаться вне Польши, а ее территория в целом составляла бы менее 150 тысяч квадратных километров. То есть это было бы небольшое государство, зажатое между Германией и Россией – государствами, которые многие поляки считали извечными соперниками и врагами своей страны.

На территориях со смешанным населением, особенно на востоке, крупными землевладельцами были в основном поляки (а земледелие здесь все еще оставалось основной отраслью экономики). Потеря этих регионов вела бы к сокращению поступлений в государственный бюджет, уменьшению возможностей приобретения земли крестьянами и т. д. Не следует сбрасывать со счетов и эмоционально-ностальгические моменты, ведь многие выдающиеся польские государственные, политические, общественные и культурные деятели были выходцами с многонациональных окраин (кресов). Среди них были поэты Адам Мицкевич и Юлиуш Словацкий, драматург Александр Фредро да и сам Пилсудский. Наконец, Польша была бы весьма уязвимой в военном отношении в силу не только отсутствия естественных рубежей на востоке, севере и западе, но и ограниченности стратегического пространства, необходимого для построения глубоко эшелонированной обороны, как того требовала тогдашняя военная наука.

Дмовский уже в июле 1917 года подготовил меморандум на имя британского министра иностранных дел лорда Артура Джеймса Бальфура, в котором изложил свое видение будущих границ Польши. Этот его проект впоследствии получил название «линии Дмовского». На востоке он требовал включения в состав Польши Литвы, большей части Белоруссии и Волыни, а также Восточной Галиции. Герман Таким образом, к моменту окончания Первой мировой войны и возвращения Пилсудского в Варшаву благодаря усилиям

Дмовского была решена главная для поляков проблема – западные державы, от которых зависела судьба польского вопроса, единодушно согласились на создание объединенного, независимого, полностью суверенного польского государства. Но лидер национальных демократов не обладал необходимыми возможностями для того, чтобы в момент окончания оккупации Царства Польского войсками Центральных держав быстро создать все институты власти, особенно армию, и тем самым обеспечить сколько-нибудь нормальную жизнедеятельность возрожденного государства. Его попытки организовать переброску частей польской армии из Франции сразу же после окончания мировой войны не принесли успеха из-за противодействия прежде всего Великобритании. Польские воинские формирования в России были втянуты в начавшуюся Гражданскую войну или, как корпус Юзефа Довбор-Мусницкого, перешли на оккупированную Центральными державами территорию и разоружены.

А собственная армия была нужна возрождающейся Польше как воздух. Без нее нечего было думать о реализации амбициозных территориальных проектов, только она могла успешно помешать распространению на Царство Польское смуты, охватившей бывшую Российскую империю и пока что сдерживаемой на западном направлении оккупационными армиями Центральных держав. Без армии нельзя было создать сильное и авторитетное правительство, способное справиться с растущим радикализмом части общества и влиянием революционных партий СДКПиЛ и ППС-левица, боровшихся за установление в Польше не чего-нибудь, а советской власти.

В связи с этим резко возрастали шансы Пилсудского на ведущую роль в государственном строительстве независимой Польши. Дмовский вот уже три года находился вне Польши, причем все это время его связи со страной были крайне ограниченными. Сторонники его линии в основной своей массе не участвовали в деятельности создававшихся оккупантами органов власти в Варшаве и на местах, не имели военизированных организаций. Пилсудчики же все это время неустанно трудились над укреплением и расширением своего влияния в обществе. И хотя большинство поляков Царства Польского игнорировали их усилия, все же Польская военная организация объединяла 15 тысяч молодых, активных людей. Она была структурирована на военный манер, достаточно дисциплинирована и предана своему вождю. В распоряжении Пилсудского были тысячи легионеров, имевших значительный боевой опыт и способных стать костяком регулярной армии. Наконец, за годы войны Главный комендант из малоизвестного лидера социалистической партии и руководителя ее боевой организации превратился в популярного деятеля, известного во всех частях Польши, авторитетного и ко всему прочему

имевшего опыт управления большими массами людей.

И хотя большинство проектов Пилсудского не выдержало испытания реальностью, но полностью оправдалась его мысль, что создаваемые им военные и политические структуры могут оказаться востребованными в момент перехода вопроса о независимости страны в практическую стадию. Находясь в изоляции в Магдебурге, Пилсудский не то что не мог руководить действиями оставшихся на свободе сторонников, но даже не имел сколько-нибудь полной и достоверной информации о состоянии своего лагеря. А оно в конечном счете оказалось не безнадежным, хотя его сотрудники, привыкшие, что все политические решения принимает только Пилсудский, не скоро отошли от намеченного им еще в конце 1916 года курса на создание подчиняющейся Временному госсовету польской армии.

Июльские аресты 1917 года ослабили Польскую военную организацию, особенно в немецкой зоне оккупации. Кроме того, начался отток из нее членов, по тем или иным причинам не желавших участвовать в нелегальной деятельности. Чтобы не потерять этих людей, члены ПВО были разделены на две группы: находящихся на действительной службе, то есть продолжающих конспиративную деятельность, и пребывающих в запасе. На рубеже 1917 – 1918 годов ПВО, которую с осени 1917-го возглавил Эдвард Рыдз-Смиглы, распространила свою деятельность на Галицию, от чего Пилсудский воздерживался. Это позволило, в частности, привлечь в организацию легионеров-галичан, сумевших после июльского кризиса избежать призыва в австро-венгерскую армию. Таким образом, удалось сохранить наиболее массовую военную структуру лагеря пилсудчиков, способную повести за собой патриотически настроенную молодежь, желавшую служить делу освобождения своей родины из-под иноземного господства. Польская военная организация по-прежнему оставалась конкурентом Польского вермахта, который создавали немцы сначала с помощью Временного государственного совета, а с сентября 1917 года – Регентского совета [В литературе устойчиво сохраняется пренебрежительное отношение к Польскому вермахту, как, впрочем, и к деятельности органов управления Польского королевства. Не вдаваясь в причины, по которым утвердилась такая традиция, следует все же отметить, что эти институты сыграли важную роль в момент, когда процесс становления польской независимости в начале ноября 1918 года вступил в этап практической реализации.]

Следующей, существенно более многочисленной, чем ПВО, структурой лагеря был Военный союз, объединявший в своих рядах более активных и опытных пилсудчиков. И венчала эту пирамиду последняя из организационных инициатив будущего маршала, так и не получившая общего названия. После

ареста Пилсудского, в руках которого были сосредоточены все нити управления лагерем его сторонников, эта организация оказалась обезглавленной. Бригадир не успел создать ее руководящий коллективный орган и даже не сообщил соратникам, кого он планировал ввести в его состав. Возникла реальная опасность, что лагерь останется без полноценного политического руководства. Ситуацию спас Богуслав Медзиньский, руководивший ПВО в австрийской оккупационной зоне. Вместе с Тадеушем Каспшицким, главным комендантом ПВО, и Енджеем Морачевским они самостоятельно определили состав Конвента, объявив каждому из его членов, что таково было распоряжение Пилсудского накануне ареста.

Таким образом, несмотря на потерю вождя, лагерь пилсудчиков сумел сохранить и даже развить созданные им военную и политическую структуры. Осенью 1918 года, когда союзники прорвали Салоникский фронт и начали успешное наступление на Балканах, окончание войны стало приобретать реальные очертания. В этих условиях Главная комендатура ПВО приступила к разработке плана вооруженного выступления на территории австрийской и немецкой оккупационных зон. План был достаточно масштабным (дезорганизация транспортных артерий, нападение на важные военные объекты), но малореальным, поскольку ограниченные силы повстанцев вряд ли были в состоянии на равных сражаться с еще далеко не деморализованными регулярными армиями. Да и военно-стратегическая цель такого вооруженного выступления при отсутствии поблизости войск Антанты была не очень понятна. Но зато совершенно очевидной была политическая сверхзадача: возбудить патриотические настроения и обеспечить лагерю пилсудчиков главенствующие позиции в независимом государстве. В конечном счете все эти планы и проекты организованных вооруженных и политических действий так и остались на бумаге. С конца октября 1918 года развитие событий на польских землях приняло стихийный характер, и Польской военной организации не оставалось ничего иного, как стараться не отстать от них.

В середине октября глубочайший кризис поразил империю Габсбургов. Попытки нового императора Карла I спасти ее путем преобразования в союзное государство, в котором каждый из населявших империю народов получил бы право создавать собственные властные органы, только усилили центробежные стремления. Этот процесс коснулся и соседних с поляками народов. 19 октября во Львове украинское Конституционное собрание провозгласило создание западноукраинского государства, включавшего в свой состав всю Галицию к востоку от реки Сан. 20 сентября возник чешский Земельный национальный комитет, выдвинувший претензии на так называемые чешские исторические земли, в том числе и Тешинскую Силезию, которую поляки считали своей.

Таким образом, появились зародыши будущих вооруженных конфликтов Польши с соседями на спорных территориях со смешанным населением.

Прогрессирующее ослабление Центральных держав позволило польскому Регентскому совету начать дистанцирование от оккупационных властей. 12 октября 1918 года совет издал декрет о переходе в его ведение Польского вермахта. Но на практике это произошло лишь после сложения 20 октября Безелером своих полномочий командующего этим формированием. 27 октября появился декрет о начале формирования национальных вооруженных сил на основании временного закона о всеобщей воинской повинности. С этого момента развернулась практическая деятельность по созданию руководящих органов и организационной структуры польской армии (военного министерства, Генерального штаба, военных округов и т. д.).

28 октября венское правительство обратилось к Антанте с просьбой о перемирии. Это был конец империи Габсбургов, которая стала стремительно разрушаться. Не остались в стороне и поляки. В тот же день, 28 октября, в Кракове была создана Польская ликвидационная комиссия, объявившая о возвращении польских земель Австро-Венгрии в состав польского государства. Спустя два дня Краков, а затем и другие районы Малой Польши (Западной Галиции) уже полностью контролировались поляками. Столь же быстро распался оккупационный режим в австрийской оккупационной зоне бывшего Царства Польского. Поскольку поляки из австро-венгерской армии, формально переподчиненные Регентскому совету в Варшаве, были полностью деморализованы и стремились как можно скорее оказаться дома, единственной организованной вооруженной силой в этом регионе оставалась ПВО. Ее члены участвовали в разоружении австро-венгерской армии, захватывали военные казармы и склады. Это была эффектная и при этом совершенно безопасная акция, поскольку никто не оказывал им сопротивления.

Рыдз-Смиглы, в начале ноября подчинившийся Регентскому совету, был назначен командующим всеми польскими воинскими частями в австрийской оккупационной зоне. Это облегчило так называемый «люблинский переворот» в ночь с 6 на 7 ноября 1918 года. В Люблине левыми пропилсудчиковскими партиями было создано Народное правительство во главе с галицийским социалистом Игнацием Дашиньским, многие годы тесно сотрудничавшим с Пилсудским. Оно провозгласило достаточно радикальную программу политических и социальных преобразований в возрождающейся Польше, что сразу же оттолкнуло от него умеренные и правые партии. Это правительство не было признано ни Краковом, ни Варшавой, все еще контролировавшейся немцами. Вполне реальной становилась опасность того, что еще не конституировавшееся государство окажется ввергнутым в глубокий конфликт,

а может быть, и гражданскую войну. А это могло негативно повлиять на подход к польскому вопросу западных держав, победоносно завершавших мировую войну и готовившихся к перекройке политической карты Восточно-Европейского региона и Балкан.

Революция в Германии оказала деморализующее воздействие на моральное состояние немецких войск и оккупационной администрации в Варшавском генерал-губернаторстве. К тому же здесь сильны были позиции лагеря пилсудчиков, в том числе и Польской военной организации. У люблинского правительства появилась реальная возможность распространить свою власть и на этот регион. 10 ноября в Варшаву из Люблина были направлены эмиссары, которые должны были передать приказ Рыдз-Смиглы о мобилизации ПВО и начале активных действий против оккупантов.

Именно в этот день в Варшаву в семь часов утра прибыл специальный поезд из Берлина, главным пассажиром единственного вагона которого был Пилсудский. Немцы хранили в секрете не только время, но и сам факт возвращения на родину своего строптивного узника. Поэтому на Венском вокзале его встречали не толпы сторонников, как потом гласила легенда, а всего несколько человек: член Регентского совета князь Здислав Любомирский, узнавший о приезде накануне ночью, а также главный комендант ПВО немецкой зоны оккупации Адам Коц, семья Присторов и еще несколько человек. Так, без лишней помпезности, начинался новый этап в жизни Пилсудского, наполненный важными для него и Польши событиями.

Во главе республики

С самого начала пребывания на родной земле Пилсудский дал понять встречавшим, какой линии поведения он будет придерживаться. Как вспоминал Коц, после первых приветствий Пилсудский уже на перроне вступил в разговор с Любомирским, не обращая внимания на усилия Александра Пристора хотя бы на момент прервать их беседу и проинформировать о политической ситуации в стране. С вокзала он отправился во дворец Любомирского, а не в комендатуру Польской военной организации. Это была явная демонстрация представителям двух течений в польской политике того, что, оставаясь безусловным лидером одного из них, левого, он желает самым тесным образом сотрудничать с другим, представлявшим интересы умеренных и правых кругов [О том, что ему чужды были какие-либо революционные намерения, свидетельствует его обращение 10 ноября к пришедшим поприветствовать его варшавянам: «Граждане! Варшава в третий раз приветствует меня. Я верю, что мы еще не один раз увидимся в еще более счастливой обстановке. Я всегда служил и буду служить своей жизнью, кровью отчизне и польскому народу. Я вас

приветствую очень кратко, так как я простужен и у меня болят горло и грудь» (Kurjer poranny. 1918.II.X)]. То есть Пилсудский считал нужным и дальше продолжать курс на консолидацию, а не раскол политической элиты. Об этом говорят и другие его поступки. Например, на что обращается явно недостаточное внимание исследователей: в демократический период в развитии Польши Пилсудский не создал собственной политической партии – скорее всего, чтобы не затруднять диалог с различными политическими силами в интересах всей страны, а не какой-то отдельной социальной или политической группы.

В 1919 году Пилсудский, как это следует из обнаруженного нами в Российском государственном военном архиве (РГВА) документа, в очередной раз отказался от предложения вступить в масонскую ложу [РГВА. Ф. 476. Оп. 1. Д. 41.]. Впервые такое предложение он получил еще до войны, в 1908 году, после операции в Безданах. Тогда на предложение Р. Радзивилловича и известного писателя Стефана Жеромского он ответил, что не хочет связывать себя международными обязательствами и быть инструментом в чьих-то руках. Владиславу Барановскому он сказал, что считает создание масонской организации в Польше желательным и целесообразным, но свое в ней участие не считал в тот момент возможным и окончательное решение оставил на потом [Jedrzejewicz W., Cisek J. Kalendarium zycia... S. 199; Samus P. Rozmowy Wladyslawy Baranowskiego z Jozefem Pilsudskim o masonerii polskiej (1919 – 1920) // Dzieje najnowsze. 1995. № 3. S. 113 – 121.].

Пилсудский, зная о тесных связях между ложами разных стран, члены которых были весьма влиятельными людьми, в том числе в политике, весьма активно использовал их в интересах Польши. Масонами были министр иностранных дел в 1919 – 1920 годах Станислав Патек и занимавший этот пост в 1926 – 1932 годах Август Залеский, польские делегаты на Парижской мирной конференции М. Сокольников и В. Барановский, в разное время входившие в близкое окружение Пилсудского, представитель Польши в Лиге Наций известный историк Шимон Ашкенази. По указанию Пилсудского масонами стали его ближайшие сотрудники Славек, Венява-Длугошовский и др. Но сам он в ряды «вольных каменщиков» так и не вступил.

Пилсудский при встрече на вокзале 10 ноября приказал Коцу приступить к разоружению немецких солдат [Gaul J. Polityczne aspekty uwolnienia Jozefa Pilsudskiego z Magdeburga w listopadzie 1918 r. // Dzieje najnowsze. 2006. № 3. S. 15.]. В отличие от австрийцев немцы в ряде случаев оказали сопротивление, в Варшаве были даже жертвы с обеих сторон, но развитие событий в городе все же удалось удержать под контролем. После решения Берлина о ликвидации Варшавского военного генерал-губернаторства, отзыва Безелера и передачи

власти польскому правительству командование Варшавским гарнизоном перешло вечером 10 ноября к солдатским советам. Их делегаты незамедлительно вступили в переговоры с представителями левых партий и Пилсудским, предлагая передать полякам власть и все военное имущество в обмен на беспрепятственное возвращение в Германию 80 тысяч военнослужащих оккупационных войск. Ранним утром следующего дня Пилсудский принял предложение немцев. Исчезли последние препятствия для ликвидации оккупационного режима на всей территории Варшавского генерал-губернаторства. Там, как и накануне в Варшаве, началось разоружение немецких солдат. Ход ликвидации оккупационного режима показал, что Польская военная организация сыграла в этом определенную, но далеко не решающую роль. Вместе с ней действовали военизированные организации других партий, а также подразделения Польского вермахта. Несмотря на энтузиазм участников разоружения, какой-то практической надобности в нем не было, поскольку австрийцы и немцы не собирались силой удерживать в своих руках Царство Польское. Весьма интересна оценка этих событий Г. Кесслером, не знавшим, что их инициатором был как раз его подопечный: «К сожалению, Пилсудский прибыл в Варшаву слишком поздно, чтобы помешать этому театральному и ненужному разоружению немецких войск гимназистами и студентами, выросшими до масштабов героев» [Цит. по: Swiatek W. *Lodowa sciana...* S. 854.].

11 ноября 1918 года бывшее Царство Польское и Малая Польша (Западная Галиция) были свободны от чужеземных органов власти. Здесь можно было без помех приступить к государственному строительству. В Восточной Галиции разгоралась война с украинцами. Прусская часть польских земель продолжала оставаться под властью Германии, поскольку по условиям перемирия немцам надлежало отвести свои войска к государственным границам 1914 года. Судьба этих территорий в соответствии с международным правом должна была решаться на мирной конференции. Попытки некоторых боевых групп ПВО из Царства Польского начать разоружение немецких войск на Познанщине были решительно пресечены. Правда, 10 ноября в Познани был создан Главный народный совет в качестве органа, который должен был заниматься польскими делами до мирной конференции, но вся полнота власти оставалась в руках немецкой администрации.

По-прежнему крайне запутанной была политическая ситуация. В Варшаве, Кракове и Люблине действовали не признающие друг друга органы власти: Регентский совет, Польская ликвидационная комиссия и люблинское Народное правительство (кроме того, в ситуации всеобщей неразберихи наблюдались попытки создать локальные государственные образования со своими

правительствами, например, Тарнобжегскую или Краковскую республики). Надежд на соглашение между претендентами на власть и создание единого правительства было немного, никто из них не был готов к компромиссу. В стране наблюдался рост радикальных настроений, чем пытались воспользоваться коммунисты, взявшие курс на революцию и создание Польской Советской Социалистической Республики. Избежать угрозы революции и открытого вооруженного конфликта можно было, только передав власть какой-то стоящей над этим конфликтом структуре или политику. И таким политиком стал 50-летний Юзеф Пилсудский.

12 ноября Регентский совет поручил ему сформировать общенациональное правительство, а также передал военную власть и главное командование польской армией. В этот же день он приехал в Генеральный штаб и официально взял его под свой контроль, а также издал первый свой приказ по армии. В нем он объявил, что берет армию под свое командование, и призвал военнослужащих преодолеть все то, что мешает единству ее рядов. Спустя два дня Регентский совет самораспустился, предварительно передав всю полноту власти Пилсудскому. Казалось бы, в условиях опасной радикализации масс ему удастся сформировать широкую коалицию, но национальные демократы не решились войти в ее состав.

18 ноября к работе приступило новое правительство, как и люблинский кабинет, составленное только из представителей левых партий. В какой-то мере это был вынужденный шаг – стране нужна была власть. Но несомненно и то, что Пилсудский, еще недостаточно укрепившийся у власти, предпочел опереться на левые партии, в лояльности которых он был уверен. Первоначально он поручил формирование правительства своему старому знакомому по Галиции, главе люблинского правительства Дашиньскому. Но его кандидатура не получила поддержки правых, отдававших предпочтение Енджею Морачевскому, инженеру, майору польского легиона, руководителю Конвента, старому деятелю Польской социально-демократической партии Галиции и Тешинской Силезии. Он и стал премьером нового правительства, формирование которого завершилось 18 ноября. Первое время Пилсудский был в нем военным министром.

Кабинет Морачевского продолжил линию люблинского правительства. Был издан ряд важных декретов в социальной области, узаконивших в Польше стандарты, принятые в это время в развитых западноевропейских государствах: восьмичасовой рабочий день и укороченный рабочий день в субботу (английская суббота), социальное страхование по болезни, минимальную зарплату на государственных предприятиях, инспекции и биржи труда, защиту прав квартиросъемщиков и др.

22 ноября правительство Морачевского назначило Пилсудского временным, до созыва сейма, начальником государства, после чего он оставил пост военного министра. Идею учреждения такого поста подал Станислав Буковецкий, работавший вместе с Пилсудским во Временном госсвете Польского королевства. Должность начальника государства была хорошо известна в польской политической традиции и соответствовала руководителю государства в экстремальных для страны обстоятельствах. Первым начальником был Тадеуш Костюшко, вождь национально-освободительного восстания 1794 года. Пилсудский совместил полномочия главы государства с президентскими: он назначал и отправлял в отставку правительство, утверждал принятые правительством проекты законов, в том числе и бюджет, назначал высших государственных служащих. В его ведении была армия. Издававшиеся Пилсудским государственные акты требовали контрасигнации премьера, что теоретически должно было ограничивать власть начальника государства.

Столь широкие полномочия дают некоторым исследователям основания утверждать, что начальник государства стал фактическим диктатором Польши. Конечно, ни о какой настоящей диктатуре Пилсудского в тот момент не могло быть и речи. Для ее установления и сохранения у него не было реальных возможностей. Армия пребывала в зачаточном состоянии и насчитывала по самым оптимистическим оценкам около 20 тысяч человек. Не мог он положиться и на какую-либо левую политическую партию, не пообещав выполнять ее программу. Правые и центристские партии относились к нему настороженно или враждебно. В этих условиях диктатура не консолидировала бы, а делила польское общество, что было крайне опасным, когда у страны не было международно признанного правительства и границ. Идея диктатуры претила Пилсудскому еще и потому, что противоречила его вынесенному из социалистического прошлого пониманию свободы как высшей общественной ценности. Поэтому он в конце декабря 1918 года решительно отверг предложение Барановского установить в Польше диктатуру. Стране, балансировавшей на грани анархии, нужна была авторитетная власть, а ее могло обеспечить только взаимодействие основных политических сил и начальника государства.

Пилсудскому приходилось решать и личные проблемы. Чтобы не дразнить консервативное общественное мнение, он не мог поселиться в одной квартире с Александрой и дочерью Вандой. Формально он все еще состоял в браке с Марией. Александра с дочерью снимала две комнаты на улице Котиковой, 70. Летом они жили в деревне под Варшавой, в небольшом, из двух комнат домике, любезно предоставленном в ее распоряжение Пашковскими, бывшими членами ПВО. Пилсудский старался посещать их каждый вечер и в праздники, благо и

квартира, и дача были расположены недалеко от Бельведера. Он очень любил дочь Ванду, никогда не расставался с ее фотографией.

Сам же он своей официальной резиденцией выбрал Бельведер, небольшой, двухэтажный дворец в классическом стиле, тремя сторонами выходящий на один из самых известных варшавских парков – Лазенки. Во дворце, построенном в XVIII веке, с 1818 года была резиденция наместников Царства Польского. Пилсудский жил в Бельведере с конца ноября 1918-го до начала 1923 года, а затем с середины 1926 года до смерти. До переезда в Бельведер осенью 1921 года Александры с дочерьми (вторая дочь Ядвига родилась в феврале 1920-го) в личном распоряжении начальника государства фактически была одна довольно большая комната, окнами выходящая в парк.

Меблировка была достаточно скромной, ближе к спартанской, и состояла из кровати, с одной стороны которой располагался небольшой столик с радиоприемником, а с другой – тумбочка с настольной лампой и фотографией Ванды, большого шкафа рядом с дверью в небольшую гостиную. Возле выходящего на парк окна стояли стол, два кресла, несколько стульев. В правом углу комнаты находился небольшой камин. Пол покрывал большой персидский ковер. Над изголовьем кровати висели турецкий чепрак и две скрещенные сабли, одна из которых была подарена ему офицерами 1-й бригады легиона 6 августа 1916 года. Ее рукоятку украшал памятный знак бригады «За верную службу». Между саблями находилась средней величины иконка Остробрамской Божией Матери, по его признанию, наиболее им почитаемая, а по обеим сторонам от сабель – дагеротипы родителей в костюмах времен восстания 1863 – 1864 годов.

В Варшаве Пилсудский вновь вернулся к привычному образу жизни, от которого отказался в Магдебурге. Просыпался он довольно поздно, читал газеты и работал в своем кабинете на втором этаже или ехал в Генеральный штаб. Наибольшая активность приходилась на вторую половину дня и вечер. Обедал он около трех часов дня в большом зале на первом этаже Бельведера вместе с дежурившими во дворце офицерами Генеральной адъютантуры. После 1920 года все чаще трапезничал в одиночестве в соседней со спальней небольшой комнате с балконом. Пилсудский был неприхотлив в еде, но многих продуктов не любил, например овощей. Не лучше обстояло дело с фруктами, хотя его врач настойчиво их ему рекомендовал. Выход подсказала Александра: адъютант обычно очищал яблоко или грушу, резал на кусочки и ставил тарелку на стол, и начальник государства понемногу это съедал. Зато обожал чай: заваривал его в специальном чайнике, пил только из стакана, до шести раз в день.

Он ложился спать в два-три часа ночи. Во время ночных бодрствований вел политические беседы, чаще всего с соратниками, в большинстве своем еще по социалистической партии и стрелковым отрядам (Василевским, Славеком, Сокольницким, Сливинским, Пристором). В свободное время любил раскладывать пасьянсы, в шахматы играл чаще всего с Соснковским. Много курил – специально для него изготавливались папиросы «Маршалковские», то есть «Маршальские».

Круг интересов Пилсудского не ограничивался только армией, государственными делами и политикой. Он с молодых лет был глубоко убежден в своем историческом предназначении воскресителя Польши, и эта вера помогала ему стойко переносить все политические неудачи и просчеты, которых в его жизни было не так уж и мало. Его всегда интересовали теософия, оккультизм и метафизика, служащие, как он считал, духовному развитию человека, его моральному возрождению. Он поддерживал знакомство с широко известным в Польше ясновидящим Стефаном Осовецким и участвовал в его экспериментах передачи мыслей на расстояние. Пилсудский даже подарил ему свою фотографию с дарственной надписью: «Господину Стефану Осовецкому на память о наших беседах, в понимании того, чего нет и что есть». Присутствовал он и на спиритических сеансах, которые организовывал Свительский с участием пользовавшегося популярностью медиума Ключка-Моджеевского. Но суеверным начальник государства не был. Когда во время отдыха на Мадейре в начале 1931 года ему пришло «письмо счастья», которое нужно было переписать лично в десяти экземплярах и отправить адресатам не позже чем через девять дней, он этого делать не стал, хотя письмо подписали такие известные люди, как премьер-министры Франции Аристид Бриан и Великобритании Джеймс Рамсей Макдональд, известный американский летчик Чарльз Линдберг, американский миллионер Генри Форд и т. д.

Левое правительство Морачевского оказалось в сложном положении, подвергалось нападкам со всех сторон. Революционные партии обвиняли его в оппортунизме, измене социалистическим идеям и предательстве интересов рабочего класса. Для правых и центра оно было излишне радикальным. Свое недовольство оппоненты правительства демонстрировали на страницах печати и в ходе массовых уличных демонстраций. Циркулировали слухи о готовящемся правыми государственным перевороте. В промышленных центрах бывшего Царства Польского возникли Советы рабочих депутатов, и ППС, преобладавшей в большинстве из них, с трудом удавалось удерживать их от радикальных действий.

В декабре 1918 года представители Дмовского провели ряд переговоров с Пилсудским. Глава Польского национального комитета понимал

необходимость консолидации польского политического класса и международного признания правительства. Без этого нельзя было надеяться на полноценное участие Польши в мирной конференции, подготовка к которой шла полным ходом. Дмовский хотел довести до сознания начальника государства, что нахождение у власти левого правительства настораживало западные державы, вызывало у них опасение, что Польша под руководством социалистов Пилсудского и Морачевского может пойти по пути России, став мостом между большевиками и немецкими революционерами. В результате переговоров Пилсудского с членом

ПНК Станиславом Грабским, в свое время активным участником польского социалистического движения, были обсуждены и согласованы вопросы создания общенационального правительства, формального подчинения польской армии Верховному главнокомандующему союзных войск маршалу Франции Фердинанду Фошу, введения в состав ПНК и польской делегации на мирных переговорах представителей Пилсудского, территориальные требования и т. д. В ответ на звучавшую в окружении Пилсудского критику его компромисса с правыми он как-то сказал с раздражением: «Меня ждет борьба с Россией, а не с Дмовским».

Смена кабинета министров была для Пилсудского непростым делом. Ведь в нем главным образом были его горячие сторонники, обеспечивавшие ему полный контроль над внутренней политикой и армией. Он защищал кабинет Морачевского перед Грабским, мотивируя его необходимость тем, что социалистическое правительство является единственным препятствием распространению большевизма в Польше. Но все же не мог игнорировать обеспокоенности Дмовского, тем более что от последнего зависели международное признание польского правительства, поставки Польше военных материалов и переброска из Франции «голубой» армии. Есть свидетельство, что Пилсудский уже в конце декабря подыскивал кандидата на должность премьер-министра вместо Морачевского. Новый премьер должен был устраивать как ППС, без которой трудно было бы сохранять контроль над рабочим движением, так и национальных демократов, за которыми стояли имущие классы, католическая церковь и западные державы. Первоначально рассматривалась кандидатура известного историка, профессора Варшавского университета Владислава Смоленьского, но тот от предложения отказался. Затем в поле зрения Пилсудского оказался знаменитый на весь мир пианист Падеревский, только что приехавший из Парижа в Варшаву.

Пилсудского, несомненно, тревожило то, что большинство общества по-прежнему считало его социалистом и марксистом, то есть почти большевиком. Таким же было и отношение к назначенному им кабинету министров. Леон

Василевский вспоминал, что в одной из бесед в то время Пилсудский сказал ему: «Ах, как было бы хорошо, если бы большевики организовали на меня покушение, бросили бомбу или что-нибудь наподобие этого... Естественно, покушение бы не удалось, но какой эффект это вызвало бы за границей! Они бы сразу убедились, что все, что говорится о большевизме правительства Морачевского, – глупость» [Wasilewski L. Jozef Pifeudski... S. 158 – 159.]. Избавиться от этого «хвоста» можно было, лишь заменив правительство более умеренным.

Все исследователи согласны в том, что сделать это ему помогла неудавшаяся попытка государственного переворота в ночь с 4 на 5 января 1919 года, известная как заговор Сапеги-Янушайтиса. Инициаторами заговора традиционно считали полковника Мариана Янушайтиса, оппонента Пилсудского еще со времен стрелкового движения, национальных демократов Тадеуша Дымовского, руководителя Общества развития хозяйственной жизни в Польше «Розвуй», и Ежи Здзеховского, а также князя Эустахия Сапегу близкого друга Здзеховского. Правда, некоторые авторы выражали сомнения по поводу этой версии, считая, что заговор был спровоцирован самим Пилсудским, но у них не было веских доказательств. Находка нами в РГВА документа о том, что Тадеуш Дымовский был агентом созданного и полностью контролируемого пилсудчиками II отдела Генерального штаба Войска польского, то есть военной разведки и контрразведки, позволяет с большей уверенностью утверждать, что Пилсудский знал все подробности готовящегося государственного переворота, целью которого был не начальник государства, а правительство Морачевского [Подробнее об этом см.: Matwiejew G. Kto krył sie za kulisami spisku styczniowego 1919 r. oraz manifestacji grudniowych 1922 r.? // Teki archiwalne. Seria nowa. T. 5 (27). 2000. S. 3 – 11.]. Да и Сапега участвовал в заговоре явно с ведома и одобрения Пилсудского, который во время встреч и бесед с ним как бы подсказывал князю путь избавления страны от кабинета Морачевского [Jedrzejewicz W., Cisek J. Kalendarium zycia... T. II. S. 31, 40.]. Зная все планы заговорщиков, Пилсудский в момент переворота был абсолютно спокоен и уверен в собственной безопасности. Больше того, когда ему доложили о происходящих в городе событиях, он презрительно отозвался о них как о «вертепе». Переворот, как и было задумано, не удался. Заговорщики из числа гражданских лиц выслушали нотацию Пилсудского и были отпущены домой, военные отправлены под кратковременный домашний арест. Князь Сапега вскоре будет назначен послом в Лондоне, а Янушайтис дослужится до генерала.

16 января Пилсудский отправил правительство Морачевского в отставку и назначил на его место кабинет во главе с Игнацием Падеревским, в годы войны

тесно сотрудничавшим с Польским национальным комитетом. На этом социалистический этап в управлении страной кончился, и левые до 1939 года больше ни разу самостоятельно Польшей не правили.

Кабинет Падеревского можно считать реконструированным предшествующим правительством, поскольку соотношение новых и старых министров было 6 к 9. Формально он создавался не политическими партиями, а из специалистов, представлявших три части Польши. Новое правительство пользовалось доверием основных польских партий, за исключением коммунистов, изначально занявших негативную позицию по отношению к независимому государству и призвавших пролетариат бойкотировать парламентские выборы. Выбор кандидатуры президента Совета министров оказался для Пилсудского удачным. Падеревский, во время войны сблизившийся с национальными демократами на почве совместной борьбы за освобождение Польши с помощью западных держав, не был слепым последователем этого направления в польской политической жизни. Смена кабинета позволила решить следующую после подтверждения права польского народа на независимость важнейшую задачу становления польской государственности – признание правительства Западом.

Пилсудский уже пытался сделать это в середине ноября, отправив правительствам стран Антанты соответствующую радиограмму от своего имени как главнокомандующего польской армией, а не начальника государства. Но она так и осталась без ответа. Лишь Берлин с самого начала признал правительство Морачевского и назначил в Варшаву своего посланника – графа Г. Кесселера. Он приехал в Варшаву 16 ноября 1918 года и был там единственным иностранным представителем. Принятие верительных грамот у Кесселера не способствовало улучшению имиджа Пилсудского на Западе, где его еще долго осуждали за союз с Центральными державами.

Под давлением национальных демократов и желая показать лояльность Антанте, польское государственное руководство приняло в середине декабря 1918 года решение выслать Кесселера из Варшавы. Одновременно в различных интервью западным газетам Пилсудский оттачивал аргументацию, почему он воевал на стороне Центральных держав. В конце концов был отработан следующий вариант объяснения. Вот как он выглядел в изложении одного из итальянских генералов, посетивших Польшу в начале 1919 года в составе военной миссии, принятой начальником государства: «Я всегда был другом Антанты, но в первую очередь должен был заботиться о благе моей Отчизны. Это диктовало мне борьбу с царизмом, что не означало намерения бороться с Антантой. Поэтому, когда царизм рухнул, я прекратил борьбу с Россией и распустил мои легионы. Вернувшись в Польшу после поражения Центральных держав, я понял, что моя личность могла бы помешать установлению близких

отношений между моей отчизной и Антантой. Я задал себе вопрос, должен ли я остаться или устранился. Я пережил страшную внутреннюю борьбу. И на этот раз любовь к отчизне заставила меня остаться, потому что я понял, что мое присутствие сохранит Польшу от самой большой опасности – разрушительной революции, – и наоборот, позволит ей встать на путь мирной эволюции. Поэтому я остался. И сейчас, когда между мной и Антантой уже не стоит царизм, я могу открыто говорить о моих дружественных чувствах к Антанте, с которой мы должны и дальше крепить наши связи» [Цит. по: Jedrzejewicz W., Cisek J. Kalendarium zycia... Т. II. S. 58.].

После создания кабинета Падеревского вопрос признания сдвинулся с места. 21 января 1919 года новое правительство признал Польский национальный комитет, что дало западным державам свободу рук в этом вопросе. 30 января польское правительство признали США, 24 февраля – Франция, на следующий день – Англия, 27 февраля – Италия. Получив международно-правовое признание, польское правительство имело возможность вести полноценную международную деятельность, вступать в официальные сношения с другими странами, заключать договоры, получать кредиты и т. д.

Пилсудского мало волновало отсутствие у Падеревского опыта государственной деятельности (да и его собственный опыт на этом поприще исчислялся не годами, а неделями). Главным достоинством Падеревского, с его точки зрения, было то, что он больше других подходил на роль человека, способного смягчить политическое противостояние в стране и представлять интересы Польши на мирной конференции в Париже, начавшей свою работу 18 января 1919 года. В марте Пилсудский так оценивал достоинства Падеревского: «Наши профессиональные политики пренебрежительно отзываются о Падеревском как профане и наивном артисте, не понимающем настоящей политической игры. А я вам скажу, что именно в нем я нашел то, чего не мог найти у всех других как в моем собственном лагере, так и в противоположном: понимание иерархии вопросов в политике и такой простой вещи, что нужно уметь откладывать и отбрасывать в сторону менее важные дела ради тех, которые в данный момент являются самыми важными» [Цит. по: Suleja W. Jozef Pifeudski... S. 217.].

Во время войны лидеры Великобритании, Франции и особенно США постоянно подчеркивали, что они ведут ее против милитаризма и автократической власти, за демократию. Возникшие в конце 1918 года на развалинах трех империй независимые государства Восточной Европы не могли игнорировать явно выраженную волю победителей. Главным институтом демократического режима является, как известно, парламент, который и следовало как можно скорее избрать. Пилсудский это прекрасно понимал и,

борясь за международное признание польского правительства, буквально настоял на скорейшем проведении выборов в Учредительный сейм и безотлагательной разработке избирательной процедуры. Было решено, что выборы будут всеобщими, равными, прямыми, пропорциональными при тайном голосовании. Избирательное право получили женщины, но его не имели лица, находившиеся на действительной военной службе. Главными участниками избирательного марафона были политические партии. Сам Пилсудский особого интереса к выборам не проявил, собственной партии не создал и ни одну из существующих на выборах открыто не поддерживал, в том числе и свое детище – ППС. Конечно, это вовсе не означало, что его не волновало будущее взаимодействие с сеймом. Но эту задачу он надеялся решать с помощью своих людей в левых и отчасти центристских партиях, то есть так, как это делал во время войны, когда нуждался в политической поддержке той или иной своей инициативы. Следует сказать, что, встав во главе государства и всячески демонстрируя равноудаленность от разных политических направлений, Пилсудский сохранил все свои прежние контакты в левом лагере и активно ими пользовался в случае необходимости, особенно если нужно было осуществить какие-то тайные замыслы.

Выборы в сейм 26 января 1919 года закончились успехом национальных демократов и их союзников. Они получили относительное большинство голосов и мандатов, что было знаменательным сигналом. Оказалось, что, несмотря на видимость радикализации общества, большинство избирателей придерживаются умеренных или консервативных позиций. К тому же результаты выборов показали, что польское общество не осуждало национальных демократов за их прошлый курс на взаимодействие с Россией и не испытывало повышенных симпатий к партиям, боровшимся за освобождение Царства Польского из-под русского господства. Тем самым подтвердилась правильность отказа Пилсудского от ставки на близкие ему левые партии. Однако правым не хватало мандатов, чтобы сформировать свой кабинет, поэтому сейм подтвердил полномочия правительства Падеревского.

10 февраля Пилсудский открыл первое заседание Учредительного сейма. Он вышел на трибуну в сопровождении четырех адъютантов, что должно было особенно подчеркнуть историческое значение переживаемого страной события. В своем выступлении начальник государства обратил внимание депутатов на те трудности и проблемы, с которыми столкнулась Польша. В числе основных задач парламента он назвал принятие конституции, налаживание хороших отношений с соседями и пресечение любых посягательств на польские земли, а также участие в создании сильной, хорошо вооруженной армии.

Но свои полномочия главы государства Пилсудский сложил только спустя

десять дней, хотя при их получении обещал сделать это в день созыва сейма. Этому акту предшествовала активная закулисная деятельность его сторонников, сумевших убедить большинство депутатов в необходимости оставить Пилсудского во главе страны. На третьем пленарном заседании сейма начальник государства напомнил депутатам о своих заслугах в созыве сейма и обеспечении Польше внутреннего мира и спокойствия. Затем он объявил, что считает свою миссию завершенной и, согласно военной присяге, а также собственному убеждению, передает свою власть в распоряжение сейма. После этого он покинул зал заседаний.

Затем маршал сейма Войцех Тромпчиньский огласил подписанное более чем ста депутатами предложение выразить Пилсудскому благодарность за его службу родине и поручить и дальше исполнять обязанности начальника государства. В документе также были определены принципы, на которые будет опираться его власть, получившие название малая конституция. Предложение было принято единогласно. Теперь Пилсудский становился легитимным главой государства до следующих парламентских выборов.

В соответствии с малой конституцией сейм являлся суверенной и законодательной властью, а начальник государства – представителем государства и верховным исполнителем решений сейма по гражданским и военным вопросам, имевшим также право по согласованию с сеймом назначать правительство. Таким образом, Пилсудский получил полномочия, близкие правам главы государства в президентской республике, хотя, в отличие от парламента, не был избран всеобщим голосованием. Со временем, когда процесс конституирования государства подойдет к концу, эта двусмысленность малой конституции не раз станет причиной конфликтов между парламентским большинством и начальником государства.

Серьезная дискуссия развернулась при обсуждении вопроса о взаимоотношениях главнокомандующего с органами военной и государственной власти. Часть депутатов настаивала на подчинении главнокомандующего сейму и военному министру, ответственному перед парламентом, Пилсудский был против. В конечном счете ему удалось добиться зафиксированного в приложении к малой конституции решения, согласно которому военный министр не мог контролировать стратегические или тактические военные распоряжения главнокомандующего.

Столь упорное нежелание Пилсудского допустить над собой контроль парламента и правительства было глубоко осознанным решением, о чем сохранилось интересное свидетельство Барановского. В ответ на его и Йодко-Наркевича попытку отстоять правительство Морачевского и не допустить

усиления позиций правых Пилсудский раздраженно ответил: «Вы совсем не понимаете моей ситуации и ситуации в целом. Дело не в левых или правых, все это я видел в гробу. Я здесь не от левых и не для них, я для всех. И не так важно, что бурлит на Познанщине и что в Варшаве постоянные волнения. Все это второстепенные вещи. Меня волнует армия, которой в действительности у меня еще нет... Вы же видели, как трудно со Львовом и Вильно... Внутренние вопросы решит сейм, который я для этого и созываю. Каким он будет, левым или правым, – увидим. Все мои усилия должны быть направлены на армию... Вы живете только сегодняшним днем. Народная власть! Мне абсолютно все равно, какая сейчас власть, народная или другая, лишь бы была власть, которая даст Польше то, что ей нужно. Когда у меня будет армия, все будет в моих руках». А когда собеседники выдвинули новые возражения, Пилсудский разошелся не на шутку и приподнялся в кровати (в тот момент он в очередной раз болел): «Хватит этой болтовни, этих подказок! В задницу вас с вашими советами, в задницу! Мне нужны солдаты, вы слышите!» [Baranowski W. *Moje goznowy...* S. 105 – 107.]

Уже в первые месяцы независимости в поведении Пилсудского проявились черты характера, не свойственные лидерам демократических государств. Как отмечал долго беседовавший с ним в конце февраля 1919 года член Польского национального комитета в Париже Константы Скимунт, Пилсудский был проникнут сознанием собственного величия и важности своей роли и стремился к тому, чтобы в него верили и видели в нем единственного вождя. О том же свидетельствует первое в независимой Польше торжественное празднование именин Пилсудского 19 марта 1919 года. Теперь его поднимали на государственный уровень. В Бельведере было получено много поздравительных посланий из разных уголков страны. С утра Пилсудского поздравили руководители иностранных военных миссий, маршал Тромпчиньский и президиум сейма, военные и деятели культуры. В полдень на Саксонской площади именинник принял военный парад. В 16 часов в Бельведер прибыла чета Падеревских. Вечером Пилсудский присутствовал в Большом театре на спектакле, составленном из актов опер «Галька», «Мазепа», «Эрос и Психея» и сцен из балетов.

Война за границы

Создание стабильных органов политической власти позволило Пилсудскому вплотную заняться решением еще двух, тесно между собой связанных задач государственного строительства: установлением государственных границ Польши и созданием мощной армии. Выше уже говорилось об объективных трудностях вопроса о границах. На первый взгляд могло показаться, что проще всего он разрешится в завершающей свое существование Австро-Венгрии. Но в

жизни все оказалось по-иному – уже на рубеже октября и ноября 1918 года возникла проблема Львова и Восточной Галиции. 1 ноября власть во Львове взял в свои руки Украинский народный совет, провозгласивший создание Западно-Украинской Народной Республики (ЗУНР). Польские политические и военизированные организации воспротивились этому акту, следствием чего стали польско-украинские боевые действия вначале во Львове, а затем и в других районах провинции.

В другой спорной провинции, Тешинской (Австрийской) Силезии, которая с XIV века входила в состав земель чешской короны, события вначале развивались мирно. Этот район был важным в экономическом отношении, здесь находились богатые залежи коксующихся углей, металлургические, текстильные и другие предприятия, проходила железная дорога из Чехии в Словакию. Возникшие в октябре 1918 года местные польские и чешские национальные органы договорились о разделе провинции на основании этнического принципа. Но такое решение не устроило Прагу, так как Чехословацкому национальному совету еще в ходе войны удалось получить согласие Парижа на проведение чешских границ в соответствии с историческим, а не этническим принципом (в противном случае Чехия автоматически теряла бы практически все пограничные области с абсолютно преобладавшим нечешским населением). Всякое нарушение этого принципа создавало прецедент, неприемлемый ни для Чехословакии, ни для Франции.

Сложно решалась проблема самой протяженной польскогерманской границы. В отличие от империи Габсбургов Германия не демонстрировала ни малейших признаков распада на вошедшие в ее состав в 1870 году государства. За исключением Эльзаса и Лотарингии, необходимость возвращения которых Франции была признана ее союзниками в ходе войны, все другие территориальные претензии соседей планировалось решить с помощью плебисцитов, чтобы по возможности полно учесть волю населения спорных областей. Эти плебисцитные области должна была определить мирная конференция.

Еще более запутанной была ситуация с восточной границей. На территории бывшей Российской империи одновременно развивались несколько типов вооруженных конфликтов. Во-первых, гражданская война, причем не только между белыми и красными, но и между противниками и сторонниками советской власти на Украине, в Белоруссии, Литве и других окраинных территориях. Во-вторых, между приверженцами идеи национального освобождения угнетенных народов и сторонниками сохранения единой и неделимой России. В дополнение ко всему наблюдался невиданный разгул анархии и бандитизма. Лидеры Антанты, ожидая, что такое состояние

продлится недолго и Россия в недалеком будущем вернется в ряды великих держав, не желали решать вопрос о ее западной границе.

Тем самым проблема восточной границы Польши приобрела двусмысленное звучание. Ее решение было поставлено в зависимость или же от результатов завершения очередной русской смуты, или же от действий поляков, фактически ничем не ограниченных в своей экспансии на восток. И Пилсудский решил использовать предоставленную историей возможность. 7 февраля 1919 года он говорил Барановскому, уезжавшему на мирную конференцию в Париж, что в настоящий момент у Польши настоящих границ еще нет. Западные рубежи полностью зависят от воли Антанты. Совсем иное дело на востоке – «здесь дверь, которая открывается и закрывается, и все зависит от того, кто и как широко откроет ее силой». Эту же мысль он будет повторять неоднократно и в последующем.

У Пилсудского теоретически было две возможности. Или ждать, пока вопрос о границах решится сам собой, по воле великих держав, или же попытаться самостоятельно, силой решить эту задачу. Он отдал предпочтение второму пути, как более эффективному. К такому решению его склоняло, помимо соображений военно-стратегического и экономического характера, также и совершенно очевидное нежелание Великобритании способствовать усилению Франции и ее потенциальных политических союзников в Восточной Европе за счет Германии и России. А силовой вариант требовал армии, достаточно мощной и способной осуществить не только амбициозные территориальные планы начальника государства, но и противостоять Германии и России даже после того, как они преодолеют свою временную слабость.

Как уже упоминалось, формирование польской армии было начато Регентским советом еще в период оккупации, а 11 ноября ее подчинили Пилсудскому. Это решение было вызвано твердым отказом бригадира стать четвертым регентом и командующим Польского вермахта, поскольку в этом случае он бы лишился свободы действий [При этом Регентский совет оговорил следующее условие: «После создания Национального правительства, которому Регентский совет в соответствии со своими прежними заявлениями передаст верховную государственную власть, бригадир Юзеф Пилсудский обязуется передать военную власть, являющуюся частью верховной государственной власти, этому же Национальному правительству, что подтверждает подписанием этого воззвания». По мнению Казимежа Бадзяка, «это замечание имеет чрезвычайно важное значение. В представленном фрагменте мы находим генезис отказа Пилсудского от попыток создания Национального правительства в ноябре 1918 года, а также неприятия всех попыток создания такового на базе кабинета Е. Морачевского. В январе 1919 года начальник государства заставил

Падеревского сформировать правительство специалистов. Иначе говоря, он не хотел допустить ограничения или утери военной власти...». – См.: Badziak K. W oczekiwaniu na przełom. Na drodze od odrodzenia do zalamania państwa polskiego: listopad 1918 – czerwiec 1920. Łódź, 2004. S. 54.]

Первоначально армия формировалась на добровольческой основе из членов ПВО, бывших легионеров, военнотружущих австрийской, русской и в меньшей степени немецкой армий, гимназистов старших классов и студентов, рабочей и крестьянской молодежи. Но масштабность территориальных вопросов, решаемых Варшавой, требовала большой армии. Добровольческий принцип ее формирования не позволял быстро решить эту задачу. Поэтому вскоре была введена всеобщая воинская повинность для граждан Польши. Уже к концу первого квартала 1919 года численность польской армии приблизилась к 200 тысячам человек. В апреле 1919 года в ее состав влилась передислоцированная из Франции 70-тысячная, хорошо обученная и вооруженная «голубая» армия под командованием генерала Юзефа Галлера.

В 1919 – 1920 годах польская армия комплектовалась главным образом поляками и частично евреями. Такая мононациональность армии благоприятно сказывалась на ее боеспособности и моральном духе. Правда, принятый территориальный принцип формирования частей замедлял интеграцию «галичан», «крулевиак», «познаняков» и «кресовых», но, учитывая, что более ста лет поляки разных частей страны почти не взаимодействовали друг с другом, это было единственно приемлемое решение, позволявшее избежать непонимания и трений. В первые годы наиболее боеспособными, дисциплинированными и одновременно антисемитски настроенными были части из Познанщины, где самой влиятельной политической силой были национальные демократы. Из этого общего правила выбивались три легионерские дивизии, лучше вооруженные и с большим штатным составом. В межвоенной польской армии они играли роль своего рода гвардии.

Пилсудский с самого начала военного строительства постоянно напоминал о необходимости интеграции армейских рядов. 7 декабря 1918 года он издал специальный приказ о единстве вооруженных сил, который обязывал командиров всех уровней тактично, но настойчиво культивировать в своих подразделениях дух единства, преодолевать всякие проявления локального патриотизма, берущие свое начало в прошлом.

С самого начала формирования армии Пилсудский особое внимание обращал на то, чтобы уберечь ее от влияния политических партий. Его кредо в этом вопросе выглядело следующим образом: «Армия – это машина, которую нельзя использовать в партийных играх. Потому что в этом случае она перестает быть

тем, чем должна быть – защитницей всего народа» [Piisudski J Pisma zbiorowe... T. V. S. 29.]. На первый взгляд может показаться, что он стремился держать армию вне политики. Именно так многие исследователи и трактуют его слова. На самом же деле все было не так. Пилсудский, при всей его любви к армии и презрению к политикам, в ноябре 1918 года из политики не ушел. Да и как могло быть иначе, если до созыва Учредительного сейма в феврале 1919 года в его руках была сосредоточена практически вся законодательная и исполнительная власть в стране. Летом 1919 года он писал Станиславу Шептицкому что всеми способами оберегает армию от вмешательства нынешнего сейма, в котором нет прочного большинства, господствуют интриги и мелочная борьба партий. И он сумел дать армии прочную опору, хотя и временную – опору на себя. Пилсудский не скрывал, что сделал это с нарушением закона и поддерживает положение лишь благодаря хладнокровию, настойчивости и определенному политическому такту. Представляется, что в этом признании Пилсудского изложена философия всех его действий в независимой Польше.

Реализовав в возрасте 50 лет главную цель своей жизни – восстановление независимого государства, – он автоматически должен был перейти к следующей задаче – гарантировать независимость от поползновений извечных соседей-врагов России и Германии. Сделать это можно было только с помощью мощной, дисциплинированной армии. Постоянно конфликтующие между собой партии такую армию создать не могут. Поэтому ее нужно вывести из-под контроля сейма, а для этого следует решительно ограничить его полномочия в пользу того, кто понимает значение армии для будущего Польши. Такой ход мыслей не мог не привести его со временем к решению о государственном перевороте.

Являясь одновременно создателем армии и ее главнокомандующим, Пилсудский с самого начала предпочитал назначать на важные должности в вооруженных силах преданных людей, если даже они не лучшим образом справлялись со своими обязанностями. Но поскольку таких кадров не хватало, даже он, самый старший по званию из легионеров-стрелков, был только бригадиром, то есть самым младшим из генералов. В польском легионе было не более полутора десятков полковников, в несколько раз больше майоров. В большинстве своем они были офицерами-практиками, не имевшими даже среднего военного образования. А нужны были военный министр, начальник Генерального штаба, командующие фронтами, командиры оперативных групп и т. д. Поэтому приходилось привлекать в армию офицеров, особенно с высшим военным образованием, из австро-венгерской и русской армий. Они, в отличие от легионеров, были профессионалами-одиночками, а не сплоченной,

связанной общим прошлым группой достаточно молодых людей, беспредельно преданных своему вождю.

По мере накопления опыта и взросления легионеры двигались вверх по служебной лестнице. Так, Казимеж Соснковский, начальник штаба 1-й бригады, уже в 1920 году стал военным министром, сменив на этом посту генерала русской армии Виктора Лесьневского. Командир полка Эдвард Рыдз-Смиглы получил под свое командование дивизию, а в 1920 году – армию, такова же карьера Владислава Сикорского. Поэтому вполне можно согласиться с К. Бадзяком в том, что Пилсудский осуществил «своеобразную узурпацию военной власти, ставшую в его руках в значительной степени исключительно политической структурой, которую постепенно подчинили его сторонники из ПВО и 1-й бригады. Эта задача была реализована таким образом, что обладание военной властью давало право самостоятельно издавать декреты и тем самым позволяло создать отдельную и самостоятельную государственную структуру, которой будут подчинены другие военные институты» [Badziak K. W oczekiwaniu na przelom... S. 54 – 55. Подробнее об особой роли Пилсудского в управлении армией см. там же. S. 55 – 58.].

И после начала работы парламента Пилсудский упорно отказывался от того, чтобы законодатели или правительство осуществляли хотя бы минимальный контроль за военной областью. Поэтому на практике требование держать армию вне политики означало только одно: армия – вотчина влияния Пилсудского, его инструмент воздействия на политическую жизнь в стране. Ведь не случайно же он заявил Барановскому и Йодко-Наркевичу, как уже цитировалось выше, что «когда у меня будет армия, все будет в моих руках». И в дальнейшем, даже оказавшись не у дел, Пилсудский будет пристально следить за всем происходящим в армии и делать все, чтобы не выпустить ее из-под своего контроля.

Первой ареной боев стала Восточная Галиция. Против Западно-Украинской Народной Республики были брошены несколько тысяч бойцов из Западной Галиции, которые в ночь с 21 на 22 ноября овладели Львовом. Войска ЗУНР не признали поражения и продолжали борьбу. В конце 1918 года, когда линия польско-украинского фронта на севере приблизилась к Волыни и украинскому Полесью, в конфликт были вовлечены военные формирования Украинской Народной Республики, теснимые с востока Красной армией. Это потребовало от Пилсудского переброски на открывающийся новый фронт дополнительных сил.

Следующий вооруженный конфликт возник в Великой Польше. Не имея возможности распространить на польские земли Пруссии свою власть, Варшава

совместно с местными политиками приступила к подготовке здесь вооруженного восстания. Организаторы надеялись с его помощью заставить державы Антанты передать эти территории Польше, не дожидаясь заключения мира с Германией. Пилсудский, несомненно, знал и одобрял эти планы. Не случайно самую активную роль в подготовке восстания играл II отдел Генштаба Войска польского, состоявший практически полностью из пилсудчиков. С его помощью на этих территориях были созданы подпольные структуры Польской военной организации, через границу перебрасывались инструкторы, оружие и снаряжение. Восстание должно было начаться одновременно на Познанщине, в Верхней Силезии и Поморье (Померании). Но этот план был нарушен стихийно начавшимся в конце декабря 1918 года восстанием в Познани. Тем самым появился новый, Великопольский, фронт. Повстанцы в течение января и начала февраля освободили большую часть Великой Польши и Восточного Поморья и добились досрочной передачи их Польше. Успех Великопольского восстания утвердил Пилсудского в правильности линии на достижение поставленных целей с помощью политики «свершившихся фактов», хотя она и грозила непоправимым ухудшением отношений с ее объектами.

23 января 1919 года чехи начали наступательные действия против вчерашних союзников в Тешинской Силезии. Они понимали, что проведение здесь назначенных на 26 января выборов в польский сейм равнозначно утрате спорной территории. За неделю боев чехословацкие войска сумели овладеть большей частью территории, с 5 ноября находившейся под польским контролем. Основные польские силы из Западной Галиции в это время вели бои с украинцами и не могли оказать поддержки небольшой группировке, пытавшейся отстоять эту важную для обеих стран область. Переброска на Тешинский фронт дополнительных войск позволила остановить чешское наступление, но на большее у Пилсудского резервов не было.

Конфликт грозил принять затяжной характер, что не устраивало державы Антанты. По их настоянию военные действия 3 февраля были прекращены, а судьбу спорной территории предложено решить путем плебисцита. Ухудшение отношений с Чехословакией затруднило доставку в Польшу западной помощи, особенно оружия с австрийских армейских складов, предназначенного союзниками для формирующейся польской армии. Кроме того, Пилсудскому пришлось держать в регионе значительные силы на случай, если чехословаки возобновят боевые действия.

В первые месяцы независимости восточное направление не требовало особого внимания Пилсудского, поскольку по решению Антанты здесь оставалась немецкая оккупационная армия, сдерживавшая продвижение Красной армии на

запад. Однако Германия не могла до бесконечности держать здесь свои войска и постепенно отводила их в Восточную Пруссию. На оставляемых немцами территориях немедленно устанавливалась советская власть. Это уменьшало шансы начальника государства на реализацию своей концепции безопасной восточной границы. Пилсудский полностью соглашался со своим заклятым врагом Дмовским в том, что касалось присоединения к Польше части Литвы, Западной Белоруссии, Западной Волыни и Восточной Галиции. Но если бывший депутат Государственной думы полагал, что остальные части Белоруссии и Украины должны оставаться в составе России, то недавний социалист думал иначе. С подачи своего друга Леона Василевского, автора концепции «федерализма», Пилсудский считал необходимым способствовать созданию здесь и на других национальных окраинах Российской империи дружественных Варшаве независимых государств. Литва и Белоруссия должны были возродить единое государство по образцу Великого княжества Литовского и вступить в федеративные отношения с Польшей. А с формально независимой Приднепровской Украиной были бы установлены союзные отношения. В результате между Польшей и Россией вновь, как и до 1569 года, не было бы общей границы [Поскольку при этом Пилсудский не собирался отказываться от претензий на их западные области, то попытки современных польских авторов представить его восточную политику не как экспансионистскую/империалистическую, а как стремление обеспечить Польше величие, сделав ее центром кристаллизации общего стремления к самостоятельному существованию как поляков, так и их окраинных побратимов, выглядят малоубедительными. О каких побратимских отношениях можно говорить, если за оказанную помощь украинцам и белорусам нужно было расплачиваться собственными территориями с преобладающим непольским населением. Да и сам Пилсудский не скрывал от своих ближайших соратников инструментального подхода к вопросу о судьбе бывших восточных земель Речи Посполитой. В апреле 1919 года он писал Л. Василевскому: «Полагаю, что в ближайшее время я смогу приоткрыть дверь для политики, связанной с Литвой и Белоруссией. Ты знаешь мои на этот счет взгляды, состоящие в том, что я не хочу быть ни империалистом, ни федералистом, пока у м Установление советской власти в Литве, Белоруссии и на Украине эти планы разрушало. Для Пилсудского, как и для всего мира, не было секретом, что большевики не намерены ограничиваться установлением своей власти только на территории России, но твердо настроены нести факел революции на Запад. Ленин и другие большевистские вожди и теоретики были убеждены в невозможности построить социализм в отсталой России без помощи пролетариата развитого Запада. А поскольку этот пролетариат не проявлял достаточно высокой революционной активности, то ее следовало подстегнуть с помощью советской Красной армии. В связи с этим Польша раньше или позже

неизбежно стала бы объектом экспансии с востока. Но он точно так же хорошо знал, что и белые генералы в случае их победы над большевиками не допустят существования независимых государств у входивших в состав Российской империи народов и не позволят полякам расширить свое государство за пределы этнографических границ. Пилсудский хорошо представлял себе оба эти сценария развития событий во взаимоотношениях с Россией и самым серьезным образом готовился им противодействовать.

Февраль 1919 года оказался наполненным важными для Польши событиями. Прекратились военные действия в Тешинской Силезии. В Варшаве, на улице Вейской, в отремонтированном здании бывшего русской женской гимназии заработал сейм. Политика постепенно покидала улицы и площади, перемещаясь в парламент, фракции, партийные руководящие органы, епископские курии, масонские ложи. Антанта приняла решение о прекращении боевых действий в Великой Польше и проведении демаркационной линии, что означало полный успех поляков. Польская делегация, возглавляемая Дмовским и Падеревским (он одновременно был президентом Совета министров и министром иностранных дел), самоотверженно отстаивала польские территориальные требования. Теперь у Пилсудского появилась возможность больше внимания уделять восточному направлению, положение дел на котором его все больше тревожило.

После овладения в начале января 1919 года Вильно Красная армия продолжала движение на запад, к Гродно и Бресту. Поскольку немцы не вели против РККА боевых действий, в начале февраля было достигнуто соглашение о пропуске через немецкие порядки польских войск, чтобы они могли войти в непосредственное соприкосновение с советской армией. Формально это было равнозначно взятию на себя Польшей функций сдерживания большевизма в регионе, а фактически – возможности проведения здесь экспансионистской политики. 17 февраля в ряде районов Белоруссии, а также на северо-западе украинской Волыни произошли первые столкновения польских и советских воинских подразделений. Возник еще один фронт – Литовско-Белорусский, вскоре ставший для Польши главным. Так было положено начало длившейся два года войне советской России и Польши.

Этот вооруженный конфликт известен в историографии под несколькими названиями. Польские военачальники в межвоенный период обычно называли его польско-русской войной, что, как представляется, наиболее точно характеризует содержание конфликта, которое заключалось в борьбе России и Польши за расположенные между ними территории. Именно так смысл конфликта оценивал сам Пилсудский. По воспоминаниям Михала Коссаковского, он говорил ему летом 1919 года, что сейчас Польша имеет

уникальную возможность совершить на востоке великое дело – «занять место России», только с другими лозунгами. Полякам нужно больше веры в собственные силы и больше отваги, потому что только так можно победить советскую Россию, то есть стать гегемоном на этом пространстве и отделить, наконец, Польшу от России.

В советской историографии утвердилось другое название – польско-советская или советско-польская война. После Второй мировой войны оно вошло в обиход и в историографии Польской Народной Республики. В 1990-е годы это название было заменено на «польско-большевистскую войну», что полностью искажает подлинную суть войны, которую и Польша, и Россия вели за территории, а не по идеологическим соображениям.

Первой по важности политической целью восточного похода Пилсудский считал занятие Вильно, что должно было открыть ему дорогу к взаимодействию с литовскими и белорусскими политиками. Но до начала этой операции следовало прояснить военную ситуацию в Восточной Галиции, где армия ЗУНР не прекращала попыток выбить поляков из Львова и вновь взять под контроль всю провинцию. Лишь на рубеже марта – апреля 1919 года, мобилизовав резервы, удалось снять блокаду Львова, а затем отбросить украинцев на безопасное для города расстояние.

Теперь настала очередь Виленской операции, которой Пилсудский решил руководить лично, хотя формально это должен был делать командующий фронтом генерал Станислав Шептицкий, родной брат львовского униатского митрополита Андрея Шептицкого. В XIX – начале XX века на «кресах» нередкими были случаи, когда представители старых шляхетских родов, чьи предки когда-то полонизировались, вновь обращались к православию (или униатству) и местному языку, а их ближайшие родственники продолжали оставаться католиками и поляками. Самым колоритным был пример трех родных братьев Ивановских, ставших деятелями соответственно польского, литовского и белорусского общественного движения.

Заслуживает внимания объяснение Пилсудским причин, почему он, главнокомандующий польской армией, хочет лично руководить операцией, которую трудно было бы отнести к разряду даже фронтовых. В письме Шептицкому он назвал их несколько: ему нужно решить в Вильно важные политические вопросы; поскольку штурм будет осуществляться в основном силами 1-й дивизии легионов под командованием Рыдз-Смиглы, то его присутствие повысит боевой дух его прежних подчиненных и поспособствует успеху операции; это его личная мечта, осуществление которой принесет ему наибольшее за всю карьеру удовлетворение. Несомненно, все три причины

были важными для Пилсудского, но самой главной была первая. Изгнание большевиков из Вильно должно было дать старт осуществлению его проекта восточной политики. В начале апреля план Пилсудского обрел совершенно конкретные очертания, были определены последовательность действий и главные исполнители.

Суть плана заключалась в формировании в Вильно после изгнания оттуда большевиков правительства воссозданного Великого княжества Литовского с участием представителей всех проживавших на этой территории наций. Его руководителем Пилсудский наметил судьбу из Ломжи Михала Ромера, в годы войны служившего в 1-й бригаде польского легиона. Он имел близкие личные отношения с литовскими и белорусскими политиками, а также польскими деятелями в Литве. Задача Ромера заключалась в том, чтобы привлечь к участию в проекте Пилсудского знакомых ему левых литовских политиков из Ковно (Каунаса), а начальник государства обязался сразу же после занятия польскими частями Вильно издать прокламацию с обещанием передать решение судьбы литовско-белорусских земель на усмотрение местных жителей. В свою очередь правительство Ромера выступило бы с воззванием, объявляющим о факте своего существования и безотлагательном созыве Учредительного собрания нового государственного образования. Фактически весь этот антураж был нужен лишь для того, чтобы сделать приемлемым для государств Антанты и мирового общественного мнения фактическое подчинение Польшей Литвы и Белоруссии, на которые у нее не было никаких прав.

19 апреля, на Пасху, начались бои за Вильно, завершившиеся спустя три дня его занятием польскими войсками. При штурме города хорошо себя зарекомендовали уланы В. Белины-Пражмовского, сумевшие в первый же день сражения овладеть железнодорожной станцией и вокзалом, куда затем на поезде прибыли легионеры Рыдз-Смиглы. В тот же день было оглашено воззвание Пилсудского «Жителям бывшего Великого княжества Литовского». В нем он торжественно заявлял, что краю больше не грозит никакой чужеземный гнет, что здесь должны восторжествовать свобода и ничем не ограниченное право выражать свои стремления и нужды, что местное население должно само решать внутренние, национальные и конфессиональные вопросы «без какого-либо насилия или давления со стороны Польши». Пилсудский объявил, что занятая его войсками территория передается под управление не армии, а Генерального гражданского управления восточных земель, специального органа, задачей которого было обеспечение доминирующих позиций польскому населению в районах смешанного проживания, расположенных к востоку от бывшей границы империи и Царства

Польского.

Но жизнь в очередной раз опровергла его далекоидущие, но не имевшие под собой реальной почвы планы, показала несостоятельность его жизненного кредо: «Хотеть – значит мочь». Ковенские политики не поддались на уговоры Ромера и отказались участвовать в воссоздании Великого княжества Литовского под эгидой Польши. Трудно было рассчитывать и на белорусов, среди которых польская ориентация не пользовалась сколько-нибудь серьезным влиянием. С этого момента польская экспансия в литовских и белорусских землях лишилась флера братской помощи в борьбе с большевистским деспотизмом и национальным угнетением и стала тем, чем была с самого начала, – войной за территории. Результаты предпринимавшихся польской пропагандой и лично Пилсудским попыток представить занятие Вильно как практическое осуществление приписывавшегося Вудро Вильсону права наций на самоопределение были временными. На советско-польском фронте начала действовать логика войны. Хорошо известно, что войну можно начать в любой кажущийся подходящим момент, но нельзя точно так же окончить, потому что есть воля противника, сломить которую может только победа.

После занятия Вильно Пилсудский по внешнеполитическим соображениям на время снизил интенсивность боевых действий в Литве, Белоруссии и на Украине. Приближался кульминационный момент Парижской мирной конференции – подписание мирного договора с Германией, – и нужно было продемонстрировать максимум такта и показного миролюбия, чтобы получить требуемые территории на западе и севере. 21 июня 1919 года в Версальском дворце состоялось подписание договора с Германией, территориальные постановления которого были далеки от постулатов польской делегации. Польше передавались только те территории Великой Польши и Восточного Поморья, которыми она на тот момент фактически владела по результатам Великопольского восстания. Помимо этого она получила часть балтийского побережья и доступ к нему по так называемому коридору, отрезавшему Восточную Пруссию от остальной территории Германии. Данцигу (Гданьску) был предоставлен статус вольного города под верховным управлением Лиги Наций и с признанием за Польшей ряда прав на его территории и в акватории порта. Окончательное проведение германо-польской границы на спорных территориях в Восточной Пруссии и Верхней Силезии было отложено до проведения там плебисцитов. Таким образом, не были удовлетворены претензии Польши на Опольскую Силезию и Гданьск, а пресловутый коридор не мог не стать причиной постоянного раздражения Берлина. Недовольство Варшавы вызвало также причисление Польши к категории вновь созданных и

расширивших свою территорию государств Восточной Европы, в связи с чем ее заставили подписать договор о международно-правовой защите национальных меньшинств – немцев, евреев и галицийских украинцев. На державы Антанты и Германию такие обязательства не возлагались.

Ограниченный успех Польши в Париже еще раз показал Пилсудскому, что в территориальных вопросах реальные результаты приносит только политика «свершившихся фактов». В июне 1919 года на повестку дня вновь стал вопрос о судьбе Восточной Галиции. Парижские миротворцы, обеспокоенные успехами большевиков в борьбе с войсками Симона Петлюры, разрешили Польше временную оккупацию этого яблока польско-украинского раздора до реки Збруч, то есть до бывшей австрийско-русской границы. Польская армия, представлявшая к этому времени уже достаточно серьезную силу, 28 июня начала генеральное наступление, завершившееся в середине июля овладением всей провинцией. В этой операции была использована «голубая» армия, хотя западные державы запретили Польше это делать. Но Пилсудский запрет проигнорировал, понимая, что какие-либо неприятные последствия Польше в связи с этим не грозят. Действительно, все ограничилось жесткими нотами Совета четырех. В результате успешной операции в Восточной Галиции был ликвидирован еще один фронт, что позволило перебросить высвободившиеся войска в Белоруссию и на Волынь.

И на польско-советском фронте успех в те дни сопутствовал польской армии. Советское руководство, для которого главную угрозу в это время представлял уроженец Царства Польского и сын матери-польки Антон Иванович Деникин, располагало в Белоруссии ограниченным количеством не самых боеспособных частей. В течение июля – августа 1919 года польские войска продвинулись в Белоруссии далеко на восток, заняли Минск и вышли на линию рек Березина и Западная Двина. На Волыни польские подразделения, достигнув рубежа Сарны – Ровно – Острог – Шепетовка – Заслав, вошли в соприкосновение с армией Петлюры, теснимой большевиками и Деникиным. Отчаянное положение УНР давало Пилсудскому еще один шанс на осуществление провалившегося в Литве плана создания барьера против России. Петлюра демонстрировал готовность на существенные территориальные уступки взамен на польскую помощь. Но Пилсудский не торопился заключать союз, считая, что лидер УНР и его окружение пока еще не созрели для того, чтобы прочно связать свою судьбу и будущее Приднепровской Украины с Польшей. Он согласился лишь на договор о перемирии, оставлявший за поляками все оккупированные ими на тот момент украинские территории.

В августе 1919-го поляки попробовали с помощью столь любимой Пилсудским политики «свершившихся фактов» решить в свою пользу вопрос о Верхней

Силезии без плебисцита, в благоприятном исходе которого они не были уверены. Как в свое время в Великой Польше, это попытались сделать с помощью восстания. Но сил местной Польской военной организации (она стала создаваться в ноябре 1918 года) и тайно переброшенных ей на помощь из Польши подкреплений оказалось недостаточно. Варшава не имела возможности открыто помочь первому силезскому восстанию. Немцы силой подавили путч, были жертвы, но вскоре под давлением Антанты они вынуждены были объявить повстанцам амнистию.

Летом 1919 года Пилсудский оказался перед серьезным выбором тактики дальнейших действий на востоке. С одной стороны, западные державы, особенно Франция, признавшие Деникина в качестве верховного правителя России, настаивали на тесном взаимодействии польской армии с ним в борьбе с Красной армией. Для Пилсудского взаимодействие с «земляком» Деникиным, поборником «единой и неделимой России», было неприемлемым. Но открыто воспротивиться этому не представлялось возможным, поскольку Антанта могла прекратить поставки оружия, амуниции, продовольствия и т. д., без чего ни о какой сильной армии и расширении Польши на восток нечего было и думать. Стремясь не навредить собственным интересам, Пилсудский пошел на сближение с Деникиным, но только в политической области. К штабу командующего Добровольческой армией была прикомандирована польская военная миссия, состоялся официальный визит польской правительственной делегации. Польские власти не препятствовали также вербовке на подконтрольных им территориях добровольцев в белую армию. Позже, во время советского контрнаступления на Украине, Пилсудский разрешил укрыться на польской территории отрезанному от основных сил корпусу генерала Николая Эмильевича Бредова. Но от боевого взаимодействия с белыми, в частности, в августе 1919 года, во время похода Деникина на Киев, Пилсудский отказался.

С другой стороны, советское правительство в 1919 году неоднократно предлагало прекратить боевые действия в Белоруссии в обмен на уступку Польше значительной ее части, включая Минск. Несмотря на всю внешнюю привлекательность такого решения территориальной проблемы, согласие на него было равнозначно отказу Пилсудского от концепции безопасности, которую он считал оптимальной. Ведь в этом случае буфера между Польшей и Россией не возникло бы. Лишь в конце августа 1919 года начальник государства, серьезно обеспокоенный успехами Деникина, решился на неформальные польско-советские переговоры [Казимеж Свیتالский, один из ближайших сотрудников Пилсудского в независимой Польше, так характеризовал в 1938 году манеру работы своего патрона: «Самые важные

дела он не поручал ведомствам, а выбирал одного человека, обязывал его хранить тайну и поручал ему предварительное или окончательное решение проблемы. Например, переговоры с Россией в 1919 – 1920 годах (Бернер – Мархлевский) были бы вообще неизвестны, если бы не случай, что Бернер оставил заметки. Литовские проблемы решало не министерство иностранных дел, а выбранные маршалом самые разные люди. Это же относится и ко всей внутренней политике. Чем активнее был маршал, тем меньше у него было времени, и он решал все вопросы путем переговоров, а не переписки». – См.: РГВА. Ф. 476. Оп.1. Д. 10. Л. 141 – 142.]. Их ведение было поручено графу Михалу Коссаковскому, выступавшему от имени Польского общества Красного Креста. Формально переговоры носили гуманитарный характер и касались обмена «гражданскими пленными». Так в то время называли заложников, которых у сторон конфликта скопилось значительное число. Практика заложничества служила предотвращению расстрелов своих пленных противником. Поляки брали в заложники прежде всего коммунистов и сторонников советской власти, а советские репрессивные органы – представителей польских имущих классов, католических священников, интеллигентов.

Переговоры велись в Белоруссии – вначале в Лунинце, а с 11 октября в Микашевичах. Пилсудского на втором этапе переговоров представлял не раз уже выполнявший его важные поручения доверительного характера капитан Игнаций Бернер, советскую сторону – Юлиан Мархлевский, видный деятель польского революционного движения. Сторонам так и не удалось согласовать условия возможного мирного договора. Пилсудский, наряду с прочим, потребовал отказа большевиков от борьбы с Петлюрой, чтобы таким образом развернуть Украину в сторону Польши. Москва, естественно, отвергла претензии начальника государства на роль арбитра во внутривосийском, как она считала, конфликте. Но некоторые результаты переговоров в Микашевичах все же дали. Были достигнуты договоренности об обмене заложниками и отказе от крупных наступательных операций. За все время действия этого полуперемирия (до 25 апреля 1920 года) поляки нарушили его дважды – в конце декабря 1919 года, когда совместно с латышами захватили Двинск (Даугавпилс), а также в марте 1920-го в Белорусском Полесье. Однако бои местного значения не прекращались в Белоруссии ни на один день.

Пилсудский, заключая соглашения с советской стороной, прежде всего думал об интересах Польши. Успехи польской армии в 1919 году вскружили ему голову, породили уверенность в том, что он может бить врага в любое время и в любом месте. Польские историки любят цитировать слова начальника государства, сказанные Коссаковскому перед его отъездом на переговоры:

«Если вы (то есть белые или красные) затронете их [польские интересы], я буду вас бить. Если где-то и когда-то я вас не бью, то не потому, что вы этого не хотите, а потому, что этого не хочу я» [Цит. по: Garlicki A. Jozef Pifeudski... S. 222.]. Косвенно содействуя большевикам (они могли временно обращать меньше внимания на Западный фронт), Пилсудский облегчал себе задачу на будущее. Зависимость Польши от Антанты исключала возможность ее войны с белой Россией. Другое дело – большевики, чье правительство Запад упорно игнорировал. На борьбу с ними Пилсудский имел карт-бланш. Поэтому его больше устраивала победа большевиков в борьбе с Деникиным.

Кроме того, Пилсудский понимал, что его армия не сможет полноценно воевать в зимних условиях. Она нуждается в отдыхе и серьезном пополнении, чтобы следующей весной предпринять еще одну попытку осуществить его восточный проект. Показательно зафиксированное в конце декабря 1919 года его секретарем Свитальским высказывание: «Аннексионистскую и федеративную концепции не следует принципиально противопоставлять друг другу, одна не исключает другой; нужно только поставить федералистское решение на первый план, чтобы в случае, если его не удастся осуществить, оставался второй выход. В настоящее время реальные условия для однозначного решения вопроса о восточных окраинах в том или ином направлении еще отсутствуют» [Switalski K. Diariusz 1919 – 1935. Warszawa, 1992. S. 40.].

Наступившее затишье на фронте Пилсудский посвятил подготовке крупной стратегической операции против советской России, которая должна была привести к установлению на Правобережной Украине власти Петлюры и склонить Ковно к принятию его концепции реанимации Великого княжества Литовского. Он все больше убеждался, что от западных держав, особенно Великобритании, не следует ожидать полной поддержки польских территориальных притязаний на востоке. Это, в частности, продемонстрировала непоследовательность Верховного совета Антанты, который в ноябре 1919 года принял решение о передаче Польше на 25 лет управления Восточной Галицией с условием предоставления ей автономии, а спустя месяц отменил его. Не прибавляло ему оптимизма и решение Верховного совета от 9 декабря об этнической границе Польши на востоке (так называемой линии Керзона). Хотя оно не лишало Польшу права претендовать на территории, расположенные к востоку от этой линии, но все же его нельзя было считать благоприятным, потому что бесспорно польскими признавались только территории к западу от Буга.

Не увенчалась успехом попытка Польши сплотить на общей платформе балтийских соседей. На прошедшей в январе 1920 года в Хельсинки

конференции представителей Финляндии, Эстонии, Латвии, Литвы и Польши Варшаве не удалось уговорить своих партнеров вместе и одновременно заключить мирный договор с Россией. Правительства этих стран предпочли делать это самостоятельно и по отдельности. Аналогичную позицию заняла и Румыния.

Зимой 1920 года активизировалось обсуждение условий прекращения польско-советского конфликта. Его начала Москва, перешедшая в так называемое мирное наступление. Против затягивания войны на востоке Европы выступали многие западные политики, в Европе ширилось антивоенное движение. Однако польская сторона долгое время на предложения советского руководства о мире адекватно не реагировала. Лишь 8 марта 1920 года правительство Леопольда Скульского, первый парламентский кабинет в новейшей польской истории, созданный сеймом в первой декаде декабря 1919-го, определило польскую позицию по вопросу о мире с Россией. Ее авторы попытались удовлетворить главные политические лагеря, совместив инкорпорационную и федералистскую концепции. Даже неискушенному наблюдателю было понятно, что Варшава решила говорить с Москвой с позиции силы. Россия должна была отказаться от всех прав на земли в границах Речи Посполитой 1772 года. Если бы мирная конференция успешно решила этот вопрос применительно к Белоруссии, то Варшава сама бы определила, на каких условиях она будет договариваться с местным населением. Минимальные польские территориальные претензии в Белоруссии включали территории, лежащие к западу от линии: граница с Латвией (Двинск передавался Риге) – Западная Двина – Березина – впадение Припяти в Днепр. О судьбе области, лежащей между проектируемой польской границей и рубежами 1772 года, ничего не говорилось, но было очевидно, что они окажутся под польским контролем, возможно, на правах ограниченной автономии. Проведение границы в Литве откладывалось до момента заключения мира с Россией, но Вильно однозначно отходил к Польше.

Большое внимание было уделено проблеме Украины. Скульский был не меньшим, чем Пилсудский, сторонником создания связанного с Польшей украинского государства на Правобережной Украине, поэтому серьезных разногласий по этому вопросу между ними не было. Предполагалось провести польско-украинское разграничение по линии рек Збруч – Горынь – Припять. Польша, в случае победы над советской Россией, уступила бы Украине Петлюры земли, входившие до 1772 года в состав Речи Посполитой и лежащие между планируемой польско-украинской границей и Днепром, а также Киев и прилегающую область, которые в XVII веке Варшава уступила Москве за выкуп. Хотя авторы проекта ничего не говорили о судьбе украинских земель, до 1772 года находившихся вне границ Речи Посполитой, было очевидно, что

они поддержат их включение в состав УНР, чтобы создать мощный буфер между Польшей и Россией.

Одобрение коалиционным правительством условий мира с Россией означало, что план перекройки карты Восточной Европы был детищем не одного Пилсудского, а большей части польской политической элиты. Но выполнять его предстояло именно начальнику государства. Советская Россия, несмотря на все переживаемые трудности, не была настолько слабой, чтобы подчиниться диктату Польши. Поэтому план кабинета Скульского от 8 марта был равнозначен решению о возобновлении активных военных действий на востоке, как только это позволят сделать климатические условия.

«И первый маршал в бой нас поведет...»

19 марта 1920 года, в день именин Пилсудского, который отмечался с еще большим размахом, чем годом ранее, произошло чрезвычайно важное событие в военной карьере начальника государства, все еще носившего воинское звание бригадира. Общая аттестационная комиссия, которая занималась подтверждением званий, полученных офицерами-поляками в других армиях, попросила его принять звание Первого маршала Польши. Пилсудский не нашел в себе сил отказаться и в тот же день как главнокомандующий издал чрезвычайно лапидарный декрет, гласивший: «Звание Первого маршала Польши принимаю и утверждаю» [Это звание в таком звучании никогда не было подтверждено решением сейма, утвердившего лишь звание «маршал Польши». На это любили указывать его противники из рядов национальной демократии, давая понять, что обращение аттестационной комиссии было не совсем законным, поскольку ее возглавлял сам Пилсудский.]. Это сразу возвышало его над генералами, пришедшими в Войско польское из русской и австрийской армий в 1918 – 1919 годах, а также способствовало росту авторитета в армии и польском обществе. С этого момента соратники Пилсудского стали делиться на три категории в зависимости от того, как они неофициально титуловали. Те из них, кто был под началом Пилсудского в стрелковых дружинах, называли его комендантом, участники легиона – бригадиром, а все прочие – маршалом. Было еще одно обращение к нему, но им могли пользоваться только его самые близкие и самые старые соратники еще по начальному периоду ППС – «Зюк».

Пилсудский не мог не понимать, что для успеха войны на землях, где польскость уже не один век отождествлялась с помещиками и католицизмом, важно было иметь союзников из числа русских, белорусов и украинцев. В январе 1920 года он установил близкие контакты с видными деятелями партии эсеров Борисом Викторовичем Савинковым и Николаем Васильевичем

Чайковским, убеждавшими его, что только демократические силы России («третья Россия»), а не белые генералы, смогут справиться с большевиками. Пилсудского привлекло в их позиции то, что они не были против создания национальных государств на бывших окраинах Российской империи, в том числе украинского. Савинков, в обмен на политическую, финансовую и военную помощь, готов был сформировать союзную Польше русскую армию для совместной борьбы с большевиками.

Нашел прибежище в Польше и известный авантюрист Станислав Булак-Балахович, в свое время служивший у Юденича, а после его разгрома вместе с тысячей своих подчиненных укrywшийся в Эстонии. В январе 1920 года правительство эфемерной Белорусской Народной Республики включило его подразделение в состав белорусской армии. Одновременно Балахович вел переговоры с поляками, завершившиеся их согласием на передислокацию его отряда в Польшу. Здесь он приступил к формированию из эмигрантов, беженцев, военнопленных красноармейцев и польских добровольцев собственных частей, которые должны были участвовать в войне с советскими республиками.

Но главным своим партнером в осуществлении восточного проекта Пилсудский, несомненно, считал Петлюру, который после поражения от Красной армии укрылся в Польше с остатками своих войск и правительством УНР.

У Пилсудского было две возможности нанесения главного удара по Красной армии. Одна в Белоруссии, в направлении так называемых Смоленских ворот – в случае успеха отсюда можно было создать непосредственную угрозу Москве. Но у этого плана не было достаточной политической составляющей. Попытки создать в Белоруссии влиятельное движение сторонников союза с Польшей дали незначительные результаты. Основная часть белорусов отнеслась к ним безразлично или враждебно, а непримиримая позиция Ковно не оставляла надежд на осуществление проекта Великого княжества Литовского. К тому же здесь, на Западном фронте, были сосредоточены крупные силы Красной армии и сюда же перебрасывались войска, высвобождавшиеся на других фронтах Гражданской войны. С января по конец апреля 1920 года численность советских войск возросла на всем протяжении польского фронта в пять раз, до 20 дивизий и пяти бригад, и большинство этих войск было сосредоточено в Белоруссии.

Иное дело Правобережная Украина. Пилсудский был убежден (или пытался сам себя убедить) в том, что, в отличие от московского направления, на котором Красная армия использует тактику М. И. Кутузова, то есть уклонения

от активных боев и отступления, вплоть до сдачи Москвы, Киев является «невралгическим пунктом» большевиков, их «болезненным местом», где они не позволят себе такой тактики. К тому же на Украине у Польши был реальный партнер – Петлюра. Правда, основную задачу по разгрому советских войск и воссозданию Украинской Народной Республики решала бы польская армия. Но рядом с ней действовали бы три украинские дивизии, и их число можно было быстро увеличить за счет добровольцев и мобилизованных. Поляки должны были оставаться на Украине до того момента, пока правительство УНР не окрепло бы настолько, чтобы самому контролировать ситуацию. Естественно, что Варшава не собиралась безвозмездно оказывать эту услугу, стоящую больших денег и жизней ее солдат. Платой за нее должны были стать территориальные уступки и экономические преференции польской стороне.

В конце 1919-го – начале 1920 года в руководстве УНР не было единства по вопросу о том, на кого опираться, чтобы вернуться в Киев. Петлюра был за союз с Польшей, а украинский премьер Исаак Мазепа допускал возможность компромисса с Россией. Но позиции Петлюры были сильнее, поэтому победила его концепция. Первые контакты Пилсудского и Петлюры датируются маем 1919 года. 2 декабря делегаты Петлюры, который еще контролировал часть украинской территории, согласились на польско-украинскую границу по линии рек Збруч и Горынь. Спустя несколько дней в Варшаве произошла многочасовая личная встреча Пилсудского с Петлюрой, в ходе которой были, видимо, обсуждены основные моменты польско-украинского взаимодействия. Вскоре в польских лагерях для военнопленных и интернированных в Брест-Литовске, Щиперно и других местах стали формироваться украинские регулярные части.

Наконец, с начала апреля 1920 года на уровне правительств начались разработка и согласование польско-украинского политического и военного договоров. 21 апреля в Варшаве в присутствии Пилсудского дипломатами сторон был официально подписан политический договор, состоявший из девяти статей. В нем констатировалось, что Польша без каких-либо предварительных условий признает независимость Украины, определялась общая граница, гарантировались национальные и культурные права своих граждан соответственно украинской и польской национальности, фиксировалось намерение заключить торгово-экономическое соглашение и военную конвенцию, а также говорилось о необходимости найти приемлемое решение проблемы крупного польского землевладения в УНР. Вслед за этим была подписана военная конвенция, передававшая украинские войска на период наступления в подчинение польскому командованию, а также регулировавшая вопросы пребывания польской армии на Правобережной Украине.

Подготовка военной операции на Украине велась польским верховным командованием в глубокой тайне не только от собственной общественности, но и от части генералитета, чтобы застать врасплох дислоцированные там 12-ю и 14-ю советские армии и без промедления уничтожить их. В марте была проведена реорганизация польских сухопутных сил. Фронты упразднились, оставались только армии, напрямую подчинявшиеся главному командованию. 17 апреля Пилсудский издал приказ о наступлении на южном участке польскосоветского фронта, то есть на Волыни и Подолии, с задачей разгромить 12-ю и 14-ю советские армии. Маршал решил лично командовать 3-й польской армией, которая должна была наступать на Киев. Вечером 21 апреля он выехал в Ровно, в расположение штаба главнокомандующего, и два последующих дня посвятил совещаниям с командующими 2-й и 6-й армий и двух оперативных групп 3-й армии, а также инспекции войск. 24 августа вместе с так называемым «легким штабом» он передислоцировался в Звягель (Новоград-Волынь), и вечером того же дня литерный поезд польского главнокомандующего направился к фронту. В поездке его сопровождали глава французской военной миссии генерал Поль Анри, исполняющий обязанности начальника польского Генерального штаба полковник Станислав Галлер, начальники отделов Генштаба и другие военные.

25 апреля 1920 года, в воскресенье, польские и украинские войска начали стремительное наступление на расходящихся направлениях. Оказавшиеся на их пути красные части были сметены, а входившие в состав Красной армии три бригады бывших военнослужащих Украинской галицийской армии почти в полном составе (около 12 тысяч человек) перешли на сторону поляков. Уже 7 мая поляки без боя заняли оставленный противником Киев. Передовые патрули добрались в центр города на трамвае. Украинскую армию к штурму «матери городов русских» не привлекли. Перед ней ставилась другая задача – развернуть самостоятельное наступление в направлении Одессы. Несмотря на все внешние признаки блестяще проведенной операции, готовившейся при личном участии Пилсудского, она не достигла главной цели. Мощнейший удар 3-й и 6-й польских армий, усиленных дивизиями Петлюры, пришелся в пустоту. Советские армии не приняли боя, стремительно отошли на юг и восток за Днепр и сумели сохранить живую силу. Поняв, что у него не будет возможности показать свое военное искусство, маршал 3 мая передал командование 3-й армией Рыдз-Смиглы.

И вновь, как в свое время в Белоруссии и на Виленщине, в действие вступила логика войны. Советская сторона не только не запросила немедленного мира, но и попыталась компенсировать неудачу на Правобережной Украине наступлением Западного фронта, которым с весны 1920 года командовал

недавний поручик царской армии, выходец из смоленской шляхты Михаил Николаевич Тухачевский. Правда, поляки быстро сумели стабилизировать ситуацию в Белоруссии и восстановить прежние позиции, но это был сигнал, означавший, что перевести взаимоотношения с Россией из военной в дипломатическую плоскость не удастся. Не подтвердились также расчеты на то, что появление на Украине войск Петлюры вызовет энтузиазм местного населения и обеспечит ему широкую поддержку. Очевидная несамостоятельность атамана, бесцеремонное поведение польских солдат, особенно познанцев, для которых это была все та же война с Россией, в которой они участвовали начиная с 1914 года, мародерство, конфискации фуража и продовольствия вызывали недовольство местного населения [Об оценке самими поляками положения на Украине см., например: Матвеев Г. Ф. «Петлюра... должен быть повешен...» // Родина. 2003. № 3.], перераставшее в ряде случаев в партизанскую войну. Петлюровская гражданская и военная администрация так и не переехала в оккупированный польскими войсками Киев, оставаясь в Виннице.

Но Варшава, не зная истинного положения вещей, ликовала. Пилсудский находился в зените славы. Замолкли политические оппоненты, еще недавно критиковавшие его восточную политику, и он решил воспользоваться этим, чтобы еще больше укрепить свой имидж лидера нации. 12 мая он писал Соснковскому: «Буду 18-го в Варшаве, только что услышал от Олька Пристора, что там колеблются, не заболею ли я скромностью и не захочу ли устраниваться от этого. Так вот, на этот раз нет, наоборот: если такова воля и желание Варшавы, я подчинюсь этому, и даже с некоторым удовольствием. Не только потому, что я заслужил, честно говоря, орации, но и потому, что считаю, что в настоящий момент это будет полезно для дела. Послезавтра вышлю с этой целью Веняву в Варшаву для помощи в подготовке различных церемоний этой орации» [Цит. по: Garlicki A. Jozef Pifeudski... S. 229.].

18 мая вернувшегося в Варшаву Пилсудского на вокзале торжественно приветствовали премьер-министр Скульский и другие официальные лица. Затем было торжественное богослужение в костеле Святого Александра на площади Трех крестов. Пел хор Варшавской оперы. После богослужения охваченная энтузиазмом молодежь, как и в декабре 1916 года, выпрягла из экипажа лошадей и доставила маршала в Бельведер. Вечером состоялось специальное заседание сейма. Виднейшие польские государственные и политические мужи, включая и национальных демократов, приветствовали его как героя, блестяще повторившего боевой путь Болеслава Храброго [Польский король, в 1018 году захвативший Киев, чтобы восстановить на великокняжеском столе своего зятя Святополка Окаянного.].

Советское командование, не ослабляя группировки войск в Белоруссии, быстрыми темпами наращивало силы на Украине. С Северного Кавказа в район Киева срочно была переброшена 1-я конная армия Семена Михайловича Буденного, хорошо зарекомендовавшая себя в боях с белыми. Пилсудский знал о ее переправе на Правобережье Днепра, но это не вызывало у него опасений. Маршал был убежден, что кавалерия не может прорвать хорошо организованную линию обороны. Более того, он был рад предстоящим событиям, считая, что наконец-то Красная армия решится на настоящие боевые действия и конечно же будет разбита.

26 мая 1-я конная предприняла попытку прорвать хорошо оборудованную линию обороны, но успеха не добилась. Однако уже 5 июня конница Буденного прорвала фронт в районе Бердичева и, громя польские тылы, устремилась на Житомир и Киев. Пилсудскому, опасавшемуся окружения 3-й армии в Киеве, не оставалось ничего иного, как отдать приказ о ее отступлении. В связи с его исполнением возникает одно важное наблюдение, дающее представление о взаимоотношениях между Пилсудским и его ближайшими сподвижниками.

Рыдз-Смиглы дважды (8 и 9 мая) проигнорировал приказы Галлера об оставлении Киева, требуя личного приказа Пилсудского. И только 10 июня, когда он наконец получил такой приказ, его армия оставила город без боя. Приказ был составлен очень нечетко, вследствие чего командующий 3-й армией понял его не так, как хотел Пилсудский. Его войска, вместо того, чтобы догонять Буденного, начали отступление в направлении Киев – Коростень – Сарны, то есть вдоль южной границы Украинского Полесья, а не на Житомир, как якобы приказал маршал. Явная неразбериха с этим, как, впрочем, и с другими приказами, о которых позже будет говорить Пилсудский, свидетельствовала только об одном – он и главное командование теряли управление войсками на Украине. Это был вынужден признать позже и сам Пилсудский: «Паника в местах, даже находящихся на сотни километров от фронта, возникала раз за разом даже в штабах крупных частей, распространяясь все дальше и дальше. Начиная давать сбой даже государственная деятельность, в ней слышался неуверенный, неустойчивый пульс. Вместе с безосновательными обвинениями приходили мгновения неопишуемой тревоги и нервных реакций» [Pilsudski J. Pisma zbiorowe... T. VII. S. 48.].

4 июля началось наступление Красной армии в Белоруссии, сразу же опрокинувшее расчеты Пилсудского на то, что удастся с боями отойти на запад и закрепиться на линии немецких окопов Первой мировой. Войска Тухачевского неумолимо, со средней скоростью 20 километров в час, продвигались на запад. В историографии до сих пор ведутся споры о главном (или главных) виновнике катастрофы, постигшей польскую армию в июне –

июле 1920 года на Украине и в Белоруссии. Одни винят Пилсудского, затеявшего авантюру похода на Киев, другие – генерала Шептицкого, командовавшего Литовско-Белорусским фронтом, третьи пишут о численном преобладании сил у Тухачевского и т. д. Скорее всего, устраивающий всех ответ на этот вопрос так никогда и не будет найден. Несомненно одно – при тогдашних средствах связи о надежном управлении войсками на всех уровнях в условиях всеобщего отступления, впрочем, как и наступления, можно было только мечтать. Приказы главного командования, если и доходили до фронтов и армий, часто запаздывали, а их еще следовало довести до командиров дивизий, полков батальонов. Поэтому было очень много импровизации и ошибочных решений, неизбежных при недостатке или отсутствии достоверной информации. Ситуацию ухудшало, а может, и спасало то, что и польские, и советские войска на тот момент еще не превратились в подлинно регулярные армии. В их действиях было много партизанщины, недисциплинированности, неумения взаимодействовать с соседями и т. д.

Военная катастрофа негативно сказалась на международном и внутреннем положении Польши. В июле 1920 года на конференции Верховного совета Антанты в Сна был принят ряд неблагоприятных для Польши решений: по Тешинской Силезии (раздел по демаркационной линии без плебисцита), Восточной Галиции, Вильно, отношениям с вольным городом Данцигом. Ей настойчиво рекомендовали согласиться на линию Керзона в качестве восточной границы и отказали в переносе на более поздний срок плебисцита в спорных районах Восточной Пруссии. Под давлением Запада, опасавшегося прорыва Красной армии к униженной Версальским договором, весьма беспокойной Германии и начала там пролетарской революции, Варшава вынуждена была обратиться к Москве с просьбой начать переговоры о перемирии.

В первые дни июня 1920 года в Польше разразился правительственный кризис. Очередное внепарламентское правительство во главе с Владиславом Грабским вынуждено было пойти на крайние меры. Для повышения эффективности управления страной в экстремальных условиях по предложению премьера 1 июля сейм принял закон о создании чрезвычайного органа – Совета обороны государства (СОГ) под председательством начальника государства, в состав которого вошли представители правительства, армии и парламента. Совету законодатели предоставили право решать любые вопросы ведения войны и заключения мира, ущемив тем самым прежние почти неограниченные прерогативы Пилсудского.

Политические оппоненты маршала, особенно национальные демократы, не жалели критики в его адрес. Делались даже прозрачные намеки на измену в высших эшелонах власти. Царило почти повсеместное убеждение, что Польша

находится на краю гибели и без чрезвычайных мер спасти ее не удастся. Резкая критика в адрес Пилсудского звучала на заседании Совета обороны государства 14 июля. На шестом заседании СОГ 19 июля Дмовский обвинил главнокомандующего в развале армии, особенно той ее части, которая прибыла из Франции и была наиболее боеспособной. По его мнению, необходимо было сменить военное руководство. Положение Пилсудского было критическим, но он сумел найти из него достойный выход, обратившись с отчаянным призывом не выяснять отношения, не искать виновных, а сплотиться самим и сплотить все общество. И если для этого нужна его смерть, заявил он собравшимся, то он готов пустить себе пулю в лоб. Уверенность маршала в себе и в победе Польши склонила членов СОГ к выражению ему вотума доверия.

Тем не менее пилсудчики, опасаясь, что эндеки в случае дальнейшего ухудшения положение на фронте опять поставят вопрос о замене Пилсудского на посту главнокомандующего, решили организовать против них провокацию. В начале августа 1920 года известный нам Тадеуш Дымовский якобы планировал покушение на Пилсудского, когда тот будет ехать к Александре Щербиньской, и вел переговоры с известным кавалеристом ротмистром Ежи Домбровским, чтобы его полк усмирил возможные беспорядки после покушения. Но потом Дымовский якобы испугался и от своего намерения отказался [Jedrzejewicz W., Cisek J. Kalendarium zycia...Т. II. S. 183 – 184.].

Свою обеспокоенность состоянием дел на польско-советском фронте выражал Запад. Маршал Фош настойчиво рекомендовал Пилсудскому оставить за собой только пост начальника государства, а главное командование поручить одному из польских генералов, который будет действовать в соответствии с советами Антанты. Аналогичное требование было сформулировано на францужско-британской конференции, состоявшейся 8 – 10 августа 1920 года. Оказавшись под давлением западных союзников, от которых зависели военные поставки Польше, Пилсудский 12 августа вручил премьерминистру Витосу заявление о своей отставке, причем с поста не только начальника государства, но и главнокомандующего. Решение о времени оглашения его заявления он предоставил премьеру. Тот не считал нужным делать этого в наиболее критический для страны момент, а затем, после счастливого поворота в войне, надобность в этом отпала сама собой.

В условиях нарастающего кризиса и, как казалось, неумолимо приближающейся катастрофы внепарламентское правительство было недостаточно авторитетным. Нужен был кабинет с сильным премьером, способный действовать без оглядки на сейм. 24 июля было сформировано правительство национального единства во главе с лидером одной из крестьянских партий Винцентием Витосом [Владелец крестьянского хозяйства

в Малой Польше, самоучка, с конца XIX века активно занимался политической деятельностью, в независимой Польше трижды был премьер-министром. Он принципиально никогда не носил галстука, не говоря уже о смокинге и прочих непременных атрибутах этикета высшего света начала XX века. Поэтому его противники называли проводимую им политику «политикой без галстука».], произведены изменения на постах военного министра (им стал Соснковский, дослужившийся к этому времени до генерала) и начальника Генерального штаба. Еще раньше вновь были созданы фронты. Большое внимание было уделено пополнению армии, борьбе с дезертирством, принявшим достаточно массовые размеры. Чтобы стимулировать крестьян, составлявших подавляющую часть населения Польши, к службе в армии, в июле 1920 года сейм принял закон об аграрной реформе.

Горячий отклик встретил призыв СОГ вступать в добровольческую армию. В пункты записи приходили и безусые гимназисты, и университетские профессора (например, один из крупнейших польских историков Марцелий Хандельсман). ППС приступила к формированию рабочих батальонов для участия в обороне Варшавы. Члены правительства, включая премьера, ездили по фронтам, внушая бойцам чувство оптимизма, веры в неизбежную победу. Пресса, стимулируя ненависть к противнику, в красках описывала якобы допускавшиеся Красной армией зверства в отношении пленных и мирного населения на занятых территориях. Афишные тумбы и стены домов были заклеены плакатами с призывами «Бей большевиков!» с красочными, почти лубочными изображениями прекрасных, мужественных поляков и диких азиатских варваров. Страна переживала массовый патриотический подъем.

При всей видимости полного разгрома основные польские силы, как в апреле – мае 1920 года советские, уцелели. Вплоть до августа не было ни одного большого сражения – лишь на Волыни, в окрестностях Берестечка, в конце июля польские кавалерия и пехота провели успешный встречный бой с армией Буденного, несколько замедлив ее наступление на Львов. Все это время, с начала отступления с Украины, Пилсудский строил планы флангового удара в тыл частям Красной армии. И каждый раз они срывались, так как наступление противника было слишком стремительным и мощным.

В условиях успешного продвижения Красной армии на запад, в ходе которого были отвоеваны все потерянные в 1919 году территории, советское руководство должно было определиться: остановить ли свои войска на линии Керзона и приступить к мирным переговорам или же продолжать преследовать противника на польской территории и установить здесь советскую власть? В конечном счете было решено «добить врага в его логове». В начале августа войска Западного фронта вступили на территорию этнической Польши,

форсировали реки Буг и Нарев. Теперь на повестку дня встало взятие Варшавы. Однако по мере продвижения к столице темпы наступления существенно замедлились из-за возросшего сопротивления польских войск. Это обстоятельство привело Тухачевского к выводу, что именно здесь, на северном участке фронта, сосредоточены основные польские силы, которые во что бы то ни стало следовало уничтожить. В это же время войска Юго-Западного фронта достигли предместий Львова, натолкнулись здесь на хорошо организованную польскую оборону и остановились. 1-я конная армия утратила свое главное преимущество – маневренность. Действие фронтов на расходящихся направлениях порождало трудности в их взаимодействии, а также давало возможность противнику нанести удар во фланг одного из них. Расположенная на стыке фронтов так называемая Мозырская группировка была недостаточно сильной, чтобы выдержать мощный удар.

Именно на этом и был построен польский план разгрома Красной армии под Варшавой. Споры о его авторстве ведутся в исторической науке до сих пор, что неудивительно, если учесть, что только поражение бывает сиротой, а у победы всегда избыток родителей. Начало дискуссии было положено уже в 1920-е годы, и конца ей не видно. На этот счет существует три основные версии. Согласно первой из них автором плана был главнокомандующий армией Первый маршал Юзеф Пилсудский. Он достаточно подробно изложил все обстоятельства рождения идеи и ее разработки в труде «1920 год», написанном как ответ на брошюру Тухачевского «Поход за Вислу». Вскоре после окончания польско-советской войны национальными демократами была озвучена версия, согласно которой идея принадлежала члену союзнической военно-политической миссии в Варшаве французскому генералу Максиму Вейгану, начальнику Генерального штаба Военного совета Антанты, прибывшему в Варшаву 25 июля в составе военно-дипломатической миссии Верховного совета Антанты и назначенному советником начальника польского Генерального штаба. Третья версия приписывает авторство плана начальнику Генерального штаба генералу Тадеушу Розвадовскому. Естественно, сторонники каждой из версий стараются привести «убийственные», как им кажется, аргументы в пользу своего варианта, но не менее «убийственные» доводы есть и у их оппонентов.

Представляется, что это достаточно беспочвенный спор. Идея именно таких действий в условиях, когда польская армия была недостаточно сильна, буквально носилась в воздухе и могла прийти в голову любому военному, хорошо знакомому с положением на фронте. Главное в другом. Идею нужно было должным образом оценить и положить в основу плана. А этого за главнокомандующего сделать никто не имел права. Следовательно, Пилсудский

в любом случае имел решающий голос в принятии именно этого, а не другого плана контрнаступления, в то время как другие могли иметь только совещательный голос, не более.

Ударная группировка в составе пяти дивизий, в том числе двух легионерских, была дислоцирована в нижнем течении реки Вкра, под прикрытием крепости Демблин. Пилсудский принял решение лично возглавить операцию по прорыву фронта и с этой целью 12 августа выехал из Варшавы в Пулавы, где расположился его штаб. По пути он сделал большой крюк, чтобы увидеться с семьей, находившейся в то время в окрестностях Кракова. Как вспоминала Александра, маршал был уставшим и хмурым, придавленным грузом ответственности за судьбу страны. Он прощался с женой и детьми так, как будто шел на смерть.

Время, проведенное в Пулавах, Пилсудский использовал для поднятия морального духа бойцов ударной группировки, а также внесения последних уточнений в план. Первоначально планировалось начать операцию 17 августа, но, обеспокоенный усилением натиска Красной армии на Варшаву, Пилсудский перенес ее на 16-е. Для того чтобы удержать основные силы Тухачевского вдали от планировавшегося района прорыва, 14 августа на севере перешла в наступление 5-я армия Сикорского.

Начавшаяся 16 августа операция с целью отбросить противника от Варшавы оказалась более чем успешной. Из пяти дивизий лишь одной пришлось вступить в бой, остальные с противником вообще не встретились. Пилсудский, для которого это сражение было вопросом жизни и смерти, в его начале шел в первых рядах наступающих и лишь позже пересел в автомобиль [Кстати, сходным образом будут себя вести в начале Великой Отечественной героини Гражданской войны маршалы С.М.Буденный и К. Е. Ворошилов.]. Его адъютант нес маленький чемоданчик с орденами, которыми маршал сразу же после боя награждал отличившихся солдат и офицеров. Одновременно со стремительным рейдом воодушевленных успехом отборных польских дивизий по тылам Красной армии к наступательным действиям перешли оборонявшие Варшаву войска. Возникшая реальная угроза окружения заставила Тухачевского отдать приказ об отступлении из-под польской столицы, причем части войск из-за невозможности пробиться на восток пришлось искать убежища в германской Восточной Пруссии. Сильно потрепанные советские войска, потерявшие более 100 тысяч пленными и убитыми, большую часть обозов и тяжелого вооружения, отошли на линию реки Неман. 18 августа Пилсудский как начальник государства обратился к населению с «гуманным» призывом не дать уйти с польской земли ни одному оставшемуся в окружении красноармейцу [О различных аспектах судьбы плененных, раненых и

оказавшихся в окружении красноармейцев см. подробнее: Матвеев Г. Ф. Еще раз о численности красноармейцев в польском плену // Новая и новейшая история. 2006. № 5.].

В течение полутора недель территория этнической Польши была полностью очищена от неприятеля. Это был триумфальный успех польской армии и ее Первого маршала. Позже, с легкой руки английского дипломата лорда Эдгара Винсента д'Абернона, Варшавское сражение будет названо восемнадцатой решающей битвой в истории человечества. Его также стали называть «чудом на Висле» (накануне сражения один из правых публицистов написал, что Польшу при таком главнокомандующем может спасти только Провидение и чудо. Этим определением правые широко пользовались после успешного завершения операции, поскольку оно позволяло не связывать победу с именем Пилсудского. Со временем политический подтекст затерялся, а термин остался, причем им пользовались и пилсудчики).

Но на этом война не кончилась. На южном участке фронта Буденный, отказавшись наконец-то от намерения взять штурмом Львов, попытался прорваться через Замостье на тылы польской армии, но не смог этого сделать и вынужден был отступить. В первой половине сентября советские войска оставили Западную Украину. 22 сентября 1920 года началась последняя крупная операция польско-советской войны, известная как Неманское или Гродненское сражение. Общее руководство своими войсками осуществлял Пилсудский. И на этот раз военное счастье оказалось на стороне поляков.

Красная армия, упорно сопротивляясь, отступала на восток. В ходе польского наступления по приказу Пилсудского его добрый знакомый генерал Люциан Желиговский имитировал 8 октября бунт Литовско-белорусской дивизии и приданных частей, в существенной степени укомплектованных уроженцами северо-восточных «кресов» Речи Посполитой, заняв Вильно и прилегающий округ, в августе 1920 года переданные советской Россией Литве. Эта операция начала планироваться Пилсудским уже в сентябре, в ходе Неманского сражения. Пилсудский приказал командующему добровольческой дивизией Адаму Коцу передать в распоряжение Желиговского три тысячи бойцов-«кресовцев». Тот отказался выполнить приказ маршала, поскольку в его частях такого числа выходцев из исторической Литвы не было. Пилсудский кричал на него до тех пор, пока недогадливый полковник не понял, чего от него хочет любимый комендант. Он просто переименовал один из полков в Виленский и передал его Желиговскому, за что получил похвалу Пилсудского. На Виленщине было создано квазигосударство под названием Срединная Литва. Судя по всему, Пилсудский еще раз попытался вдохнуть жизнь в свой восточный проект, в чем ему помимо Желиговского должен был помочь Булак-

Балахович. Но и на этот раз план реализовать в полном объеме не удалось. Срединная Литва кое-как просуществовала до 1922 года и затем вошла в состав Польши.

Несмотря на успех осеннего наступления 1920 года, Пилсудский понимал, что продолжать войну в условиях приближающейся зимы слишком рискованно. Общество, измученное шестью годами войны, хотело как можно скорее вернуться к мирной жизни. Все еще оставался открытым вопрос о польско-германской границе в Верхней Силезии. Новая попытка решить его с помощью инспирированного и тайно поддержанного польским военным командованием второго силезского восстания вновь провалилась. Польско-германский территориальный спор должен был решить плебисцит, намеченный на март 1921 года. Как показал опыт июльского 1920 года плебисцита в Восточной Пруссии (в Вармии и Мазурах), никакая пропаганда и тайные действия спецслужб не могли убедить его участников в выгоде вхождения в состав государства, конфликтующего почти со всеми своими соседями. А Верхняя Силезия с ее развитой промышленностью была для Польши более важной, чем аграрные районы Восточной Пруссии. Да и сейм, а также западные державы все более настойчиво требовали прекращения войны и начала мирного диалога Польши с Россией и Литвой, резко протестовавшей в европейских столицах и Лиге Наций против польской оккупации ее исторической столицы.

Поэтому Пилсудский вынужден был согласиться с заключением 12 октября в Риге договора о перемирии с РСФСР и УССР, который вступал в силу в ночь с 18 на 19 октября 1920 года. Длившаяся 21 месяц польско-советская война завершилась победой польского оружия, но она не дала тех результатов, на которые рассчитывал Пилсудский, начиная ее в феврале 1919 года. Но маршал не очень афишировал свое разочарование по этому поводу.

Наоборот, он стремился максимально полно использовать для укрепления собственного имиджа (или легенды) бытующее в Польше убеждение, что Давид победил Голиафа. В воскресенье, 14 ноября 1920 года, в Польше в первый раз после окончания войны праздновали День независимости. Тогда эта дата еще не была прочно связана с днем 11 ноября. Центральным событием торжеств стало вручение Пилсудскому маршальского жезла, изготовленного из позолоченного серебра по проекту виленского профессора Мечислава Котарбиньского. Город был празднично украшен, от Бельведера до Королевского замка выстроились солдаты. В полдень на Замковой площади состоялось полевое богослужение, затем с речью выступил самый старый польский генерал Тшаска-Дурский, а жезл и адрес вручил Пилсудскому кавалер ордена «Виртути Милитари» рядовой Ян Живек. После этого на Краковском предместье перед маршалом парадным строем прошли войска. Затем были

прием в замке, торжественное заседание в городской ратуше, а вечером – представление в Большом театре. В конце дня Пилсудский отправился в солдатский клуб, где разговаривал и пил с солдатами.

В. Енджеевич и Я. Чвик в «Хронике жизни Юзефа Пилсудского» отмечают, что период, наступивший после окончания войны с большевиками, изобиловал военными торжествами, связанными с награждением за военные заслуги, вручением знамен отдельным частям, в которых высший руководитель государства и вооруженных сил с удовольствием участвовал.

Маршал и после заключения перемирия не верил в то, что советская Россия смирилась с поражением. Он не исключал, что весной 1921 года война может возобновиться. Не давала покоя мысль, что он так и не сумел осуществить данные Савинкову, Булак-Балаховичу, Петлюре обещания разгромить Красную армию и помочь им реализовать свои политические проекты. Будучи связанным условиями перемирия и жестким контролем сейма за его действиями на Украине и в Белоруссии, маршал, пользуясь тем, что прифронтовая зона находилась под полным контролем армии, позволил беспрепятственно организовать вторжение своих союзников на советскую территорию в конце октября – начале ноября 1920 года. По его поручению Славек даже попытался создать смешанные польско-украинские добровольческие части, которые должны были взаимодействовать с войсками Петлюры, демонстрируя тем самым, что идея польско-украинского военного и политического союза жива [Подробнее об этом см.: Матвеев Г. Ф. Последняя попытка польско-украинского военного взаимодействия // Версаль и новая Восточная Европа. М, 1996.].

Однако попытка Булак-Балаховича, Петлюры и Перемыкина прорваться в Белоруссию и на Украину провалилась, а ожидавшиеся ими восстания так и не вспыхнули. Остатки этих антисоветских формирований, в момент прорыва насчитывавших более 35 тысяч штыков и сабель, вернулись в Польшу, были там разоружены и интернированы. В мае 1921 года, уже после подписания мирного договора Польши с советскими Россией и Украиной, Пилсудский посетил один из лагерей интернированных петлюровцев в Щиперно и попросил прощения у вчерашних союзников за то, что не смог осуществить свой восточный проект и помочь им создать независимые государства. Не сумел Пилсудский отстоять и право Петлюры, Савинкова и их ближайших сподвижников остаться в Польше на положении политических эмигрантов [Об этом см., например: Матвеев Г. Ф. «Жертва польского русофобства...» // Родина. 1994. № 12. С. 114 – 118.]. Под давлением Москвы они были вынуждены в 1921 году покинуть польскую территорию [Но это не значит, что пилсудчики прекратили сотрудничество с антисоветски настроенными

эмигрантами различных народов СССР в Польше и других странах, особенно с украинцами, грузинами, татарами. Эта политика получила название «прометеизм». О сотрудничестве с украинцами из Приднепровской Украины см., например: Матвеев Г. Ф. Российско-украинский конфликт в планах польской дипломатии и военных кругов в межвоенный период // Россия – Украина: история взаимоотношений. М, 1997. С. 237 – 244.].

Состоявшийся в марте 1921 года плебисцит в Верхней Силезии не принес Польше ожидавшегося успеха. Всего в голосовании приняли участие почти 1,2 миллиона человек. Из них за сохранение спорной области в составе Германии проголосовали немногим более 700 тысяч человек, за присоединение к Польше – около 480 тысяч. Окончательное решение по вопросу раздела территории должны были принять державы Антанты. Англия и Италия были за проведение границы в соответствии с результатами волеизъявления населения, Францию такое решение не устраивало. Она стремилась максимально ослабить Германию, поэтому была крайне заинтересована в переходе к Польше Верхнесилезского промышленного округа. Командующий французским воинским контингентом в Верхней Силезии генерал Лерон откровенно дал понять польским лидерам провинции и Варшаве, что неблагоприятную для Польши ситуацию может переломить только новое восстание. Начавшееся в мае 1921 года вооруженное выступление, которое было скрытно поддержано польской армией, принесло искомый результат. Совет Лиги Наций отверг предложение Англии и Италии и разделил Верхнюю Силезию между Германией и Польшей. В 1922 году Польше была передана большая часть промышленного округа.

18 марта 1921 года в Риге делегациями Польши, РСФСР (она представляла и советскую Белоруссию) и УССР был подписан мирный договор, определивший границу в Белоруссии и на Украине, взаимные обязательства сторон в области защиты прав соответствующих национальных меньшинств, условия возвращения Польше ее культурных ценностей, вывезенных после разделов, а также выплату ей 30 миллионов золотых рублей в качестве компенсации за вклад в экономическое развитие России. 15 марта 1923 года Совет послов Антанты признал безоговорочное право Польши на Виленщину и Восточную Галицию и ее восточную границу в целом. С подписанием Рижского мирного договора Пилсудский переставал быть главнокомандующим польской армией. Теперь он был просто начальником государства, то есть высшим государственным должностным лицом.

Итак, решение третьей задачи – установления государственных рубежей – оказалось самым сложным и долгим, сопровождалось большими людскими (по официальным данным, безвозвратные потери польской армии в 1918 – 1921

годах составили более 50 тысяч человек, не считая жертв среди гражданского населения) и материальными потерями, особенно на восточных землях, были испорчены отношения с большинством соседей (исключениями были Румыния и Латвия), а в августе 1920 года казалось, что Польшу спасли только чудо и заступничество Девы Марии. Совершенно беспредметными являются рассуждения о том, нельзя ли было добиться этой же цели другими средствами. Более важным представляется другой вопрос: что этот нелегкий период значил для самого Пилсудского?

Жизнь еще раз опровергла его очередной глобальный план, на этот раз надежного обеспечения безопасности польской восточной границы. Фактически Пилсудский реализовал здесь инкорпорационную программу Дмовского и национальных демократов, но своими, рассчитанными на осуществление федеративного плана, средствами. Вместо дружественных, благодарных Польше за помощь Украины и литовско-белорусской федерации соседями Второй Речи Посполитой стали враждебные ей советские республики, с декабря 1922 года объединившиеся в СССР, и не менее враждебная Литва. Политика «свершившихся фактов», которая позволила Польше включить в свой состав ряд территорий на западе и востоке, породила у соседей стойкое убеждение в непредсказуемости и коварстве польского руководства, особенно Пилсудского, и конечно же скрытое желание реванша. Пилсудский это прекрасно понимал. Не случайно он в новогоднем приказе по армии от 31 декабря 1920 года подчеркивал, что Польша окружена неприятелями, которые только и ждут момента ее слабости, чтобы вновь напасть на нее.

Но и сам м Кроме того, успешное соперничество не то что на равных, а с позиции более сильного с двумя соседними, в тот момент крайне ослабленными державами – Германией и Россией, – породило у части польского политического класса, особенно у маршала и его сторонников, убеждение, что Польша – это держава, к мнению которой все должны прислушиваться. И это лестное, но крайне опасное заблуждение со временем будет только усиливаться, даже тогда, когда Германия и Россия восстановят и многократно увеличат свой экономический и военный потенциал, опередив Польшу по всем показателям мощи государства.

Наконец – и это имело важнейшее значение для дальнейшей политической карьеры Пилсудского – ему так и не удалось поправить свой имидж в глазах влиятельных политических сил в стране, особенно национальных демократов и их союзников. Более того, ряд его действий на востоке, приверженность военным средствам решения возникающих здесь проблем охладил отношение к нему ряда видных деятелей Польской социалистической партии, особенно тех из них, кто пришел в партию уже после того, как Пилсудский стал от нее

отдаляться. При отсутствии собственной партии это сужало возможности маршала влиять на парламент в нужном для себя направлении, и это в тот момент, когда на первый план выходил вопрос о политическом устройстве страны и месте в нем его самого.

На пути с Олимпа власти

В перешедшей к мирному строительству Польше у Пилсудского было несколько возможностей обеспечить себе достаточно прочные позиции на будущее. Можно было попытаться создать собственную политическую партию, используя для этого своих сторонников, многие из которых занимали видные посты в большинстве левых и в некоторых центристских партиях. То есть уйти в публичную политику. Но он, привыкший действовать исподволь или с помощью приказов, не испытывал к этому ни малейшей тяги. К тому же, учитывая состояние польской политической сцены, число игроков на которой постоянно возрастало, никто не мог гарантировать, что даже он, со своим имиджем отца-основателя государства, сможет обеспечить такой партии прочные позиции. К тому же, пока он был начальником государства, то есть до новых парламентских выборов, создание своей партии означало бы, что он перестал быть выразителем интересов всех граждан государства, независимо от их политических пристрастий.

Можно было попытаться добиться для будущего президента страны такой позиции, чтобы он мог реально влиять на внутреннюю и внешнюю политику государства, как это сделали, например, в соседней Чехословакии. Но для этого нужно было иметь абсолютное большинство сторонников уже в Учредительном сейме, а их у него не было.

Оставался единственный вариант – сделать своей опорой армию, то есть сохранить на нее свое определяющее влияние и в мирное время, когда он из ее реального главнокомандующего превратился в формального. Именно этой цели должен был служить его декрет от 7 января 1921 года об организации высших военных властей, определявший компетенции двух высших органов военной власти: Полного и Узкого военных советов. Первый из них, наделенный правами совещательного органа по важным военным вопросам, возглавлялся главой государства. Его заместителями были военный министр и генерал, предусмотренный на должность главнокомандующего во время войны. Второй совет, возглавляемый этим вторым заместителем, руководил всей работой, связанной с подготовкой к войне, разработкой оперативных планов и вопросами обороны. Решения Узкого совета были обязательными для военного министра и начальника Генерального штаба, функции которых сводились к руководству текущей работой в армии в мирное время. В его компетенцию

входила также оценка высшего командного состава, начиная с командиров полков, имевшая обязывающий характер. Учитывая, что таким генералом в ближайшем обозримом будущем мог быть только Пилсудский (старший по званию, наличие соответствующего опыта, авторитет в армии и т. д.), было совершенно очевидно, что маршал и в дальнейшем планировал полностью контролировать армию, сам при этом оставаясь вне всякого контроля, в том числе и парламентского.

В феврале 1921 года состоялся первый зарубежный визит Пилсудского в качестве главы государства во Францию. Путешествие в Париж оставило у него двойственное впечатление: и тем, что его не вышел встречать на вокзал президент Александр Мильеран, и тем, что французские военные и политические круги не очень верили в то, что Польша сможет заменить Россию в их политике сдерживания Германии. Тем не менее по результатам визита были подписаны политический договор и военная конвенция, включавшие Польшу в монтировавшуюся Парижем систему военно-политических союзов в Восточной Европе.

17 марта 1921 года сейм наконец-то принял конституцию страны, определявшую ее общественно-политическое устройство. В Польше устанавливалась парламентская республика, основанная на принципе разделения властей. Двухпалатному парламенту были предоставлены законодательные и контрольные функции, право назначения правительства и избрания президента страны. Очень сложная процедура роспуска парламента делала его практически неподконтрольным органом, стоящим над двумя другими ветвями власти. Права президента, формально считавшегося главой исполнительной власти, были сведены к минимуму. Он также не мог быть главнокомандующим во время войны. Это было сделано по настоянию национальных демократов, небезосновательно опасавшихся, что президентом страны скорее всего будет избран Пилсудский. Правительство также было ограничено в своих полномочиях в пользу парламента.

Следует сказать, что за образец мартовской конституции был взят Основной закон Французской Республики, разработанный с учетом условий общества, вот уже столетие шедшего по пути демократического развития зигзагами, с возвратом к монархии и революционными потрясениями. Польское же общество имело опыт развития только в условиях полудемократических режимов, существовавших в Австро-Венгрии и после 1905 года в России. Но, чтобы осознать это несоответствие, нужно было соотнести теоретическую конструкцию, положенную в основу мартовской конституции, считавшейся ее творцами наиболее демократической из всех, на тот момент существовавших в мире, с практикой. Должно было пройти какое-то время. Оно затягивалось,

поскольку депутаты Учредительного сейма, выполнив свою главную задачу – дав стране Основной закон, – приняли решение о продлении до ноября 1922 года своих полномочий, а тем самым малой конституции и полномочий начальника государства.

В 1921 году наконец-то нормализовалась семейная жизнь Пилсудского. 16 августа в Кракове после продолжительной болезни скончалась Мария Юшкевич. Она продолжала жить на прежней, снятой еще до войны квартире, не делала ничего, что могло бы навредить или поставить в неловкое положение ее мужа, теперь уже главу государства, но отказывалась от приглашения участвовать в различных торжественных мероприятиях в качестве его жены. Своего согласия на развод так и не дала, несмотря на уговоры их общих друзей. Похоронили Марию в родных местах, на виленском кладбище Росы (Расу), где покоилась и ее дочь Ванда. Пилсудский на похороны не поехал, семью представлял его младший брат Ян, что всепроникающим общественным мнением было воспринято с осуждением.

Теперь уже ничто не мешало легализовать многолетнюю связь двух любящих людей, создать свой дом, ежедневно видеть любимых дочерей. 25 октября в Бельведере состоялась скромная церемония венчания, проведенная прелатом дворца Марианом Токажевским. Свидетелями были адъютант маршала подполковник Венява-Длугошовский и личный врач полковник Эугениуш Пестшиньский. Новобрачному было уже почти 54 года.

Александра с дочерьми Вандой и Ядвигой переехала в Бельведер, где семья разместилась на первом этаже правого крыла дворца. Она получила возможность сопровождать мужа на официальных торжествах, заниматься общественной деятельностью, вместе с мужем проводить свободное время и отпуск. Им очень нравился бывший дворец царя в Спале, ставший в независимой Польше загородной резиденцией главы государства. Но уже тогда появилась мысль о собственном жилье, поскольку неумолимо приближались парламентские, а вслед за ними и президентские выборы.

В середине 1921 года Енджей Морачевский уговорил Александру купить в находящемся в 20 километрах от Варшавы Сулеювке участок с деревянным дачным домом. Дом стоял на окраине поселка, в окружении небольшой сосновой рощи, каких очень много в этой песчаной части правобережья Вислы. Пилсудскому место очень понравилось, но дом был непригоден для проживания в зимнее время. Как раз в это время общественная организация «Комитет солдат», несмотря на возражения маршала, провела сбор средств на приобретение для него жилья. Пилсудский в конечном счете согласился на то, чтобы на собранные деньги купить подходящий дом с большим участком, но

обязательно в Сулеювеке. Но сделать это не удалось, потому что цены на недвижимость пошли вверх, и денег на такой дом не хватило. Поэтому было решено построить каменный дом на уже имевшемся участке. Окончание строительства и переезд на новое место произошли в 1923 году.

Хлопоты по устройству семейной жизни ничуть не мешали начальнику государства активно участвовать в политической жизни. Неумолимо приближались парламентские выборы, на этот раз на территории уже всей страны. Если бы на выборах победили правые во главе с национальными демократами, сторонниками принципов «Польша для поляков» и «поляк = католик», то страна стала бы ареной острых межнациональных конфликтов, которые вкупе с неизбежными социальными коллизиями дестабилизировали бы внутривнутриполитическое положение и активизировали реваншизм обиженных соседей.

Да и сейчас межнациональные отношения оставляли желать лучшего, особенно в Восточной Галиции, где украинские партии призывали своих избирателей бойкотировать все мероприятия польского правительства. В 1921 году это была всеобщая перепись населения, на следующий год – парламентские выборы. При этом они подчеркивали, что эти мероприятия незаконны, поскольку великие державы еще не приняли окончательного решения о судьбе провинции. Надо сказать, что именно в Восточной Галиции Пилсудский, сам в свое время применявший террористические методы, чуть было не стал жертвой радикально настроенного борца за независимость Украины Стефана Федака по кличке Дракон – сына известного адвоката, председателя Львовского горожанского комитета. Покушение произошло во время посещения начальником государства Львова 25 сентября 1921 года. Когда Пилсудский и сопровождавший его львовский воевода Казимеж Грабовский вышли из городской ратуши и сели в ждавший их автомобиль, из толпы приветствовавших начальника государства львовян выскочил молодой человек и стал стрелять через заднюю стенку салона машины. После третьего выстрела револьвер заклинило, и террорист был схвачен [Подробнее см.: Матвеев Г. Ф. Четыре выстрела Дракона. Покушение на Пилсудского // Родина. 1999. № 8. С. 116 – 118.].

Сформированное накануне Варшавского сражения правительство национального единства Витоса просуществовало более года, но в сентябре 1921 года все же пало. У партий, входивших в состав правительственной коалиции, были разные интересы и программы, а их лидеры не могли не думать о приближающихся выборах. Поскольку новое большинство в парламенте сформировать не удалось, вновь, как и в январе 1919 года, было сформировано внепарламентское правительство во главе с Антонием Пониковским.

Отношения начальника государства и правительства, сформированного сеймом, складывались не лучшим образом. Его не устраивала слишком мягкая, по его мнению, политика главы МИДа Константы Скимунта в отношении Москвы. Особенно в условиях, когда большевики, стремясь выйти из международной изоляции, сумели серьезно сблизиться с Берлином и заключить с ним в 1922 году договор в Рапалло. Он был недоволен соглашением с Чехословакией, содержащим статью о взаимном признании существующих границ, что фактически означало отказ Польши от претензий на Тешинскую Силезию.

Пилсудский почувствовал, что теряет контроль над внешней политикой, которую он, наряду с военной областью, начинал считать своей вотчиной. Так, при назначении Скимунта министром иностранных дел он прямо предупредил его, чтобы все шаги в отношении Литвы и России были обязательно согласованы с ним. Усиленно запугивая страну угрозой неминуемого реванша со стороны Германии и России, этих изгоев мировой политики в первой половине 1920-х годов, он сумел спровоцировать в начале июня отставку кабинета Пониковского, положив начало одному из самых длительных правительственных кризисов в межвоенной Польше.

В его ходе Пилсудский еще раз показал, что является серьезным политическим игроком, с которым должны считаться оппоненты, и что он не позволит сформировать правительство, которое не получит его одобрения. С этой целью им было умело использовано не совсем четко сформулированное положение малой конституции, гласившее, что «начальник государства назначает правительство в полном составе по согласованию с сеймом». Его конфликт с сеймом по вопросу о компетенциях подтвердил, что ученый совет Ягеллонского университета не ошибся, присвоив ему в 1921 году звание почетного доктора права. Дело дошло даже до постановки вопроса о вынесении Пилсудскому вотума недоверия, но большинство депутатов сейма посчитали такой выход из кризиса слишком опасным. Лишь в конце июля стороны конфликта согласились на формирование нового внепарламентского правительства с малоизвестным в политических кругах профессором права, ректором Ягеллонского университета Юлианом Новаком, кандидатуру которого предложил начальник государства. На его долю выпало проведение парламентских выборов в сейм первого созыва в ноябре 1922 года. Министром иностранных дел стал по настоянию Пилсудского профессор Габриэль Нарutowич, оставивший в 1918 году свою кафедру в Швейцарии ради службы родине. Пилсудский, соглашаясь на назначение Новака главой правительства, выразил настойчивое желание, чтобы все вопросы внешней политики обязательно с ним согласовывались. Военным министром остался Соснковский.

Таким образом, начальник государства опять взял под свой контроль армию и внешнюю политику.

Планируя уход в тень с политического Олимпа, Пилсудский вовсе не видел себя в роли пенсионера, отставного спасителя родины. В распоряжении исследователей нет никаких свидетельств того, что он уже в это время подумывал о возвращении к власти в будущем с помощью государственного переворота. Несомненно одно: он намеревался и далее влиять на текущую политику, используя неминуемые промахи правительств и сеймовых коалиций во внутренней и внешней политике и не неся при этом никакой ответственности за происходящее. И делать это он намеревался не как частное лицо, а как моральный лидер большой группы людей, своей борьбой за независимость Польши завоевавших право иметь собственное мнение относительно того, что хорошо для их отчизны, а теперь, в независимой республике, все больше оказывавшихся на обочине жизни.

В 1922 году произошло несколько событий, свидетельствовавших о том, что пилсудчики, или, как еще их называли, бельведерский лагерь, начали процесс организационной консолидации. Его представители стали издавать еженедельник «Глос» и ежемесячный теоретический журнал «Дрога»; бывшими членами Польской военной организации была создана Польская организация свободы (их польские аббревиатуры выглядят одинаково – POW). В начале августа 1922 года в Кракове состоялся I съезд легионеров с участием 2 500 человек. Самое активное участие во всех его мероприятиях принял Пилсудский. В своем импровизированном выступлении он напомнил участникам съезда (и стране) о мотивах своих судьбоносных решений периода войны, естественно, тех, которые должны были продемонстрировать его независимость от австрийцев и немцев, а также поделился своими размышлениями об особой роли людей, на долю которых выпала обязанность вести других. У собравшихся не могло возникнуть ни малейших сомнений, что таким вождем в Польше был только Пилсудский. Съезд заявил о своей безоговорочной поддержке его прошлой и текущей деятельности. Было решено создать Союз обществ легионеров и объединиться с Польской организацией свободы. Съезд и сопутствующие ему мероприятия показали, что скрепами формирующегося лагеря маршал решил сделать историю, память о фронтовом братстве и свою миссию вождя.

Ноябрьские 1922 года выборы в сейм и сенат подтвердили в главных чертах расстановку сил, существовавшую в Учредительном сейме. Относительное большинство депутатских мест вновь досталось правым польским партиям, за которых проголосовало около 30 процентов избирателей, центристов и левых поддержали примерно по 25 процентов пришедших к избирательным урнам, 22

процента отдали свои голоса партиям национальных меньшинств. Таким образом, ни один из политических лагерей, не говоря уже об отдельной партии, не мог сформировать правительства. Польша на очередные пять лет была обречена на коалиционные или внепарламентские кабинеты.

Как и следовало ожидать, Пилсудский отказался баллотироваться в президенты, хотя большинство парламентариев готовы были проголосовать за него. При существующей расстановке политических сил у него не было ни малейших надежд на то, что на этом посту он сможет играть сколько-нибудь самостоятельную политическую роль. А на меньшее он не был согласен. Человек, не без оснований считавший себя одним из главных творцов независимого польского государства, не желал становиться заложником политических игр и комбинаций, тем более что тон работе парламента по-прежнему задавала его правая сторона.

9 декабря 1922 года на совместном заседании сейма и сената в пятом туре голосования был избран первый президент Польши. Им стал Габриэль Нарутович, поддержанный левыми и частично центристскими фракциями, а также депутатами от национальных меньшинств. Пилсудский же считал более предпочтительной на пост президента кандидатуру Станислава Войцеховского, чего не скрывал от Нарутовича. Но швейцарский профессор на свою беду решил баллотироваться. Правые, демонстративно выдвинувшие кандидатуру крупного землевладельца графа Мауриция Замойского, проиграли. Опасаясь сохранения сложившегося левоцентристского блока, поддерживаемого партиями национальных меньшинств, который мог сформировать устойчивое правительство, правые развернули мощнейшую пропагандистскую кампанию, формально направленную против президента, а на деле – на раскол коалиции.

Особого накала страсти достигли 11 декабря, в день приведения Нарутовича к присяге. Были организованы массовые демонстрации его противников; открытый экипаж, в котором новоизбранный президент направлялся на улицу Вейскую, забрасывали комьями грязного снега, один из которых угодил ему в лицо. Несколько демонстрантов с дубинками в руках вскочили на подножку президентского экипажа. Собравшаяся на площади Трех крестов толпа противников Нарутовича пыталась воспрепятствовать проходу депутатов и сенаторов в здание парламента. А полиция удивительным образом бездействовала.

Конечно же эти демонстрации не имели стихийного характера; руководивший ими центр находился в правлении организации «Розвуй», а заправляли всем депутаты сейма Роман Ильский и все тот же Тадеуш Дымовский. Как уже упоминалось выше, последний тесно сотрудничал со II отделом польского

Генштаба или «экспларитурой» – польской военной разведкой, в которой безраздельно заправляли пилсудчики. Он всегда оказывался инициатором провокаций, якобы выгодных правым, а на деле служащих интересам Пилсудского. Да и среди высокопоставленных чинов варшавской полиции было немало агентов «двойки».

Но процедура инаугурации все же состоялась. Показательно, что в тот же день на конфиденциальном заседании кабинета министров Пилсудский заявил: «Я не могу передать власть в тот момент, когда банда говнюков нарушает порядок, оскорбляет президента, а правительство не реагирует; дайте мне власть, и я успокою улицу; если нет, то я пойду один и успокою – не могу уходить в этих условиях...» [Rataj M. Pamietaiki 1918 – 1927. Warszawa, 1965. S. 126.] Но никто ему таких полномочий не дал, поскольку ситуация в стране и в городе в целом оставалась спокойной, а сам он никуда не пошел.

13 декабря Пилсудский с семьей переехал из Бельведера в квартиру жены на Котиковой улице. А на следующий день состоялась процедура передачи власти Нарutowичу. Сохранилось весьма достоверное свидетельство о том, как это выглядело, оставленное маршалом сейма Мацеєм Ратаем: «Стоя, ждал посреди зала Пилсудский – мрачный. Входит Нарutowич... Его приветствовал речью Пилсудский – речь нехорошая, эгоцентричная: я вошел в Бельведер вот в этом мундире 1-й бригады, в этом мундире я побеждал и в нем же терпел подлые нападки... в этом мундире я покину Бельведер... Прежде чем я передам власть, я должен настаивать на дополнительном протоколе... У меня такое окружение (?!), что я должен быть осторожным... Все удивлены! Что за дополнительный протокол? Входим во вторую комнату. Там Пилсудский представляет майора Свительского и какого-то доктора П. (?!) как своих уполномоченных. Переходим в третью комнату и там выясняется суть дела. „Открыть сейф! – приказывает Пилсудский. – Вот деньги, прошу пересчитать и проверить книги. Уполномоченный сообщает, что в наличии более четырехсот тысяч марок. Прошу посчитать“. Все остаются на местах – обеспокоенность, неловкость. Я подхожу к Пилсудскому: господин начальник, мы здесь не для этого, не для проведения ревизии – эта сцена унижительна для вас и для нас. Нет, нет – я настаиваю! Наконец министр Ястшембский: господин начальник, я беру на себя ответственность и подпишу не считая...» [Там же. S. 128.]

Несомненно, описанная сцена не лучшим образом характеризует Пилсудского. Но ведь и его можно было понять. Человек, всю свою жизнь посвятивший борьбе за освобождение родины, возглавивший страну в очень сложный момент ее истории, привыкший принимать ответственные решения и руководить государством и армией, через несколько минут должен был стать пусть и очень уважаемым, но отставным государственным деятелем. А ведь ему

только что исполнилось 55 лет – возраст для политика и в ту пору далеко не предельный. Вновь, как уже бывало не раз в его жизни, начиная с визита в Токио 18 лет назад, победа осталась за главным врагом Дмовским и его лагерем. Пилсудский при всем его огромном жизненном опыте, научившем его сдержанности в общении с людьми, все же был живым человеком. И он не смог, а может, и не захотел скрыть минутный эмоциональный порыв.

Обязательно ли было демонстрировать участникам церемонии свое дурное расположение духа? А почему, собственно говоря, он должен был стесняться людей, которые, как он считал, именно благодаря ему стали политической элитой независимого государства – депутатами, министрами, генералами? Это вполне могла быть демонстрация не его тяжелого характера, а того, как мало он уважал деятелей, пришедших в Бельведер посмотреть последний акт его политической агонии, и как высоко ценил свой вклад в дело возрождения Польши. В пользу этого можно сослаться на его тост, произнесенный через несколько минут после описанной выше сцены, во время завтрака, данного им в честь президента. Пилсудский, уже экс-глава государства, был по-военному краток: «Господин Президент Республики! Я необычайно счастлив, что первым в Польше удостоен высокой чести принимать в моем доме и в кругу моей семьи первого гражданина Польской Республики. Господин Президент, я единственный офицер действительной службы, который никогда ни перед кем не вставал по стойке смирно, встаю в данный момент по стойке смирно перед Польшей, которую ты представляешь, поднимая тост: да здравствует первый Президент Польской Республики!» [Piłsudski J. Pisma zbiorowe... T. V. S. 297.] То есть маршал вставал по стойке смирно не перед президентом, олицетворявшим Польшу, а перед Польшей, которую представлял, а не олицетворял Нарутович. Тем самым он как бы говорил, что между ним и Польшей никого равного им по значимости нет.

Спустя два дня произошло событие, которое потрясло Польшу и попало на первые страницы мировой прессы. При осмотре художественной выставки в галерее Варшавского общества поощрения искусств «Захента» президент Нарутович был смертельно ранен тремя выстрелами в спину. Он умер в тот же день, не приходя в сознание. Убийцей был Элигиуш Невядомский, несостоявшийся художник, искусствовед, в независимой Польше служащий министерства культуры. В молодости он состоял членом Национальной лиги. Зная убийцу люди считали его психически неуравновешенным человеком, легко поддающимся внушению. Следствием в качестве основной и единственной сразу же была избрана версия, согласно которой заговора не было, Невядомский действовал по собственной инициативе, причем первоначально он планировал покушение на Пилсудского. Но после

президентских выборов, по его словам, он решил, что теперь главным злом для Польши стал Нарутович – атеист, ставленник национальных меньшинств, в том числе и евреев. Моральная ответственность за смерть первого президента Польши была возложена левыми на национальную демократию. (Удивляет скорость, с которой были проведены следствие по этому делу, суд и приведение вынесенного Невядомскому смертного приговора в исполнение.)

Как и в случае с заговором Сапеги-Янушайтиса, в глаза бросается одно очень важное обстоятельство. Правые якобы организуют заговор, но при этом совершенно не готовы воспользоваться его результатами. Зато это делают их главные противники – Пилсудский и его лагерь. Причем опять в деле замешан депутат Дымовский, явный «троянский конь» в лагере национальной демократии. Как только стало известно о трагическом происшествии в «Захенте», в здании Генерального штаба состоялось совещание с участием видных пилсудчиков. По их решению были немедленно взяты под контроль армии министерство внутренних дел и комендатура полиции, среди высокопоставленных чинов которых также было немало агентов «двойки». Одновременно эта группа вместе с руководителем варшавской организации ППС, известным пилсудчиком Р. Яворовским, постановила провести «карательную операцию» против правых, то есть физически уничтожить видных правых политиков. Спустя 24 часа после ее начала в Варшаву вошли бы войска под командованием маршала и восстановили спокойствие и порядок.

Фактически в самое короткое время был разработан и стал приводиться в исполнение план своеобразного государственного переворота, в результате которого Пилсудский и армия снова выступили бы в качестве спасителей страны. Предполагавшийся сценарий весьма напоминал развитие событий 11 декабря 1922 года: антипрезидентские уличные манифестации и беспорядки, а затем решительное вмешательство Пилсудского, силой восстанавливающего общественный порядок. Нет свидетельств того, что маршал знал об этом совещании – скорее всего, нет. Но в этом случае тем более поражает необыкновенная скорость рождения столь важного плана, в котором главную роль должен был сыграть Пилсудский, без которого его соратники не принимали даже менее важных решений.

Было и второе обстоятельство, о котором стоит рассказать подробнее. Участники совещания считали необходимым придать спецоперации боевой группы пилсудчиков видимость массового общественного выступления. Такое прикрытие должна была обеспечить им Польская социалистическая партия. Но лидер ППС Дашиньский этот план не одобрил, более того, пригрозил по всей строгости партийной дисциплины наказать членов партии, которые нарушат его запрет. И тогда пилсудчики от дальнейших действий отказались, что

свидетельствует о первостепенной важности этого условия.

Да и власти не проявили растерянности. Уже в день убийства президента было сформировано правительство во главе с Владиславом Сикорским, до этого занимавшим пост начальника Генерального штаба. Оно опиралось на парламентское большинство, сложившееся при выборах Нарutowича. Нашлось занятие и для Пилсудского, круг обязанностей которого в тот момент ограничивался руководством Узким военным советом. Он занял место Сикорского в армии.

Сикорский показал себя жестким руководителем кабинета. Он убедил маршала сейма Ратая, по конституции временно исполнявшего обязанности президента, в целесообразности введения в стране военного положения. В первом же своем выступлении в качестве премьера генерал пригрозил в случае беспорядков использовать для их подавления армию, не разбирая, кто прав, а кто виноват. Это было серьезное предупреждение, адресованное прежде всего пилсудчикам.

19 декабря 1922 года состоялись похороны Нарutowича, а на следующий день национальное собрание избрало нового президента Польши. Им стал Станислав Войцеховский, бывший близкий соратник Пилсудского по ППС, перед Первой мировой войной отошедший от партийной деятельности и работавший в кооперативном движении. За него проголосовали те же парламентские фракции, что и за Нарutowича, включая и национальные меньшинства. На этот раз правые восприняли выбор спокойно. Политический кризис завершился без особых последствий, если не считать, что в его ходе национальным меньшинствам было, по сути, указано, что они не имеют права на равных с поляками участвовать в решении важнейших вопросов жизни польского государства.

В связи с новым назначением Пилсудский с семьей переехал в служебную квартиру на третьем этаже левого крыла Саксонского дворца, где располагался Генеральный штаб. Из нее был прямой вход в служебный кабинет маршала. Он активно участвовал в решении организационных вопросов и разработке оперативных планов, в работе капитула ордена «Виртути Милитари», встречался с иностранными военными и дипломатами, много ездил по стране, по-прежнему любил участвовать в торжествах в различных гарнизонах.

Близко знавшие Пилсудского люди стали обращать внимание на то, как испортился его характер. Он становился все более нетерпимым в отношениях с людьми, особенно военными. Стал на публике употреблять много грубых слов, чего раньше старался по возможности избегать. Енджеевич считает, что этот психологический перелом был вызван убийством Нарutowича. Его потряс не

факт покушения (он, сам в прошлом террорист, уже был объектом покушения Федака), а то, что президента Польши убил поляк. Конечно, «он не утратил веры в Польшу... Но перестал доверять людям, не только политикам противостоящих лагерей, но и своим, а в последние годы даже близким друзьям. Становился резким, требовательным, в беседах часто грубым и сухим» [Jedrzejewicz W., Cisek J. Kalendarium zycia... Т. II. S. 324.]. Но мог, как и прежде, быть приятным собеседником и обаятельным человеком.

Блок, приведший к власти двух президентов, был непрочным. Гибкий крестьянский политик Витос не очень верил в силу и конструктивные способности левых партий. Его вялотекущие переговоры с правыми завершились выработкой коалиционного соглашения и формированием в конце мая 1923 года правоцентристского правительства, которое он сам и возглавил [Витос стал первым главой кабинета, официально именовавшимся премьер-министром. До этого использовался термин «президент Совета министров», что с декабря 1922 года вносило некоторую неразбериху. В Польше принято титуловать государственных деятелей по должности, даже если они ее уже не занимают. Поэтому президентами помимо Войцеховского назывались и все предшествующие главы кабинетов.]. Этот политический успех правых Пилсудский воспринял как сигнал к уходу из публичной политики. И не заставил себя ждать. Он демонстративно переехал со служебной квартиры на только что построенную виллу в Сулеювке, а 29 мая подал в отставку с поста начальника Генштаба. Маршал оставался еще председателем Узкого военного совета, но выразил намерение 2 июля покинуть и его.

Но прежде чем Пилсудский это сделал, возник конфликт с военным министром Станиславом Шептицким, который без консультации с маршалом внес на рассмотрение сейма проект закона об организации высших военных властей. Он был подготовлен еще весной 1923 года, когда военным министром был соратник маршала Соснковский. Проект предусматривал контроль сейма за армией через ответственного перед ним министра, которому должны были подчиняться соответствующие военные органы. Пилсудский уже тогда подверг его критике, требуя создания независимого от сейма института генерального инспектора, который во время войны был бы главнокомандующим. Такое решение противоречило конституции и принципам парламентской демократии, предусматривающим подчинение законодательному органу всех институтов исполнительной власти. Но оно вполне соответствовало пониманию Пилсудским единственно возможного пути создания сильной армии, способной гарантировать безопасность и независимость Польши.

Генерал Шептицкий, став военным министром, внес на рассмотрение сейма проект закона о высших военных властях, получивший одобрение французской

военной миссии. Согласно проекту Верховным главнокомандующим вооруженных сил Польши был президент страны; командующим армией в мирное время – военный министр, отвечающий перед сеймом за всю совокупность вопросов функционирования армии в условиях мира и войны. Ему подчинялись Генеральный штаб и другие высшие административные и контрольные органы вооруженных сил. Как и в предыдущем проекте, Узкий военный совет подлежал ликвидации.

В ходе бурной дискуссии в присутствии только членов совета, без секретарей, Пилсудский даже нанес военному министру какое-то оскорбление. Дорожащий своей честью Шептицкий на заседании оставил этот выпад без ответа, но позже направил к маршалу своих секундентов. Тот от дуэли отказался, заявив, что не может этого делать с подчиненным. Посредником выступил президент, Пилсудский через него признал свою неправоту, и инцидент был исчерпан. Но маршал так и не изменил своего негативного мнения о проекте Шептицкого. 2 июля Пилсудский сложил с себя полномочия главы Узкого военного совета, оставшись только председателем капитула ордена «Виртути Милитари».

На следующий день в Малиновом зале варшавской гостиницы «Бристоль» группа сторонников маршала дала в его честь банкет, на котором присутствовало около 200 человек. Вот как описывал много лет спустя участник этого торжества Фелициан Славой-Складковский царившую перед его началом атмосферу: «Мы, легионеры, были поражены, точнее сказать, тяжело подавлены этим неожиданным решением коменданта – уходом с государственной службы, которой он посвятил столько лет непомерных усилий. Мы расставались с ним в третий раз... Сейчас у нас его отбирали не чужие, а свои, соотечественники...» [Stawoj SMadkowski F. Nie ostatnie slowo oskarzonego. Wspomnienia i artykury. Londyn, 1964. S. 51.] На банкете с большой речью выступил виновник торжества. Особенно эмоциональной была та ее часть, в которой он характеризовал своего главного политического не оппонента, но врага – национальную демократию, «ужасного карлика на кривых ножках», который неустанно преследовал его, не щадя ни семьи, ни близких людей, выдумывал о нем какие-то небылицы. Пилсудский прямо обвинил эндеков в причастности к убийству Нарutowича и заявил, что он как солдат не может защищать этих господ. Поэтому решил уйти из армии и с государственной службы.

На следующий день его речь была напечатана в газетах и стала предметом широкого достояния. Ни для кого больше не было секретом, кого вчерашний глава государства считает главным врагом той Польши, которую он хотел построить, – Польши, в основе государственной жизни которой будут лежать этика, приверженность высоким ценностям, а не ненависть, эгоизм,

пренебрежение общественными интересами. Совершенно прав А. Гарлицкий, подчеркнувший, что Пилсудский, лишенный возможности выиграть партию у национальных демократов на политическом поле, перенес ее на поле этическое. Оставаясь вне текущей политики, ни за что в государственных делах не отвечая, он мог теперь стать центром притяжения для всех недовольных правительством и сеймом. А таких людей в условиях тяжелейшего экономического кризиса, в который как раз в это время стремительно проваливалась страна (только за первые три недели нахождения у власти правоцентристского правительства курс марки упал в два раза, с 52 до 104 тысяч за доллар), и утраты иллюзорной веры во всемогущество парламентской демократии становилось все больше.

Пилсудский уходил, но не писать мемуары, как это делают американские президенты, а готовить почву для новой схватки за власть. Он в очередной уже раз оказался в достаточно привычной для себя ситуации проигранного сражения, но не войны. Как уже отмечалось, Пилсудский обладал очень важным для политика качеством – умением держать удар, не поддаваться, а анализировать положение, перегруппировывать силы и средства и снова идти в бой. А пока он почти на три года уходил из публичной политики в частную жизнь, для непосвященных ограниченную пределами виллы «Миллюсин» в Сулеювеке. Пилсудского так и называли в эти годы – отшельник из Сулеювека...

Глава седьмая

ВОЗВРАЩЕНИЕ ВО ВЛАСТЬ

Пророчества отшельника

Пилсудский ушел с государственной службы и из публичной политики в тот момент, когда в Польше разворачивался послевоенный экономический кризис. Аналогичные трудности пережили все государства, участвовавшие в Первой мировой войне, но раньше, чем Польша, вступившая в этап мирного развития только в конце 1920-го – начале 1921 года. Отложенный спрос, лимитируемый низкой покупательной способностью обедневшего за время войны населения, был удовлетворен достаточно быстро. Традиционные рынки сбыта польской сельскохозяйственной и промышленной продукции (Россия, Германия, Австро-Венгрия) стали практически недоступными, а внутренний рынок не отличался большой емкостью. Крестьянство, составлявшее 2/3 населения страны, в первую очередь думало о приобретении земли, а не инвентаря, машин и другой продукции тяжелой и легкой промышленности. Экономика нуждалась в серьезной реструктуризации, чтобы приспособиться к потребностям

государства, составленного из земель, более ста лет развивавшихся независимо друг от друга. Казна была пуста, а нужно было помимо всего прочего погашать государственные долги и кредиты, полученные на ведение войны. Особенно острый кризис переживала финансовая система возрожденной Речи Посполитой. Правительство для удовлетворения текущих потребностей государства все чаще прибегало к услугам печатного станка, увеличивая в обороте количество ничем не обеспеченных бумажных денег. Так, только за первые пять дней октября 1923 года официальный биржевой курс вырос с 350 тысяч до полумиллиона польских марок за доллар, но реальная стоимость американской валюты достигала 1,4 миллиона марок. Розничные цены увеличивались за день на 10 – 20 процентов.

Больше всего, как это всегда бывает, от гиперинфляции страдали мелкие предприниматели, крестьяне, рабочие, государственные служащие. Они требовали от правительства решительной борьбы с кризисом, а оно к этому по объективным и субъективным причинам не было способно. Растущее на глазах недовольство населения своим положением заставляло оппозицию ужесточать критику правительства, а у радикальных элементов, особенно у коммунистов, действовавших в Польше в нелегальных условиях, вызывало надежды на скорое начало пролетарской революции. Одним словом, копившийся в обществе разрушительный потенциал явно превосходил по силе готовность к конструктивному взаимодействию с правительством. В результате росла вполне привычная для Восточной Европы пропасть между обществом и правительством.

Доминирующая роль сейма в утвердившейся в Польше политической системе, когда ему принадлежали функции не только законодательной, но опосредованно и исполнительной власти, предопределила возникновение крайне неблагоприятного для польского парламентаризма явления. Он стал восприниматься не как устойчивое направление в общественно-политическом развитии, а как не очень удачное заимствование, инородное тело, не сдавшее экзамена в польских условиях. Возникло общественное ожидание диктатуры как единственно возможного способа выведения страны из постоянного кризисного или полукризисного состояния, в котором она пребывала в 1923 – 1926 годах. Одни ждали пролетарской диктатуры, полезность которой для страны отстаивали коммунисты. Но они были в явном меньшинстве и не делали погоды. Вторые – правой диктатуры, задачу установления которой должны были взять на себя национальные демократы, или правоцентристской диктатуры так называемого польского большинства, совместного детища эндеков и партии Витоса.

В лагере национальной демократии как раз в 1923 году стало зарождаться

праворадикальное течение сторонников сильной исполнительной власти, эталоном для которого служил итальянский фашизм. Лидером этого течения был Роман Дмовский, несомненно, наиболее авторитетный человек среди национальных демократов. Он раньше других пришел к выводу, что закрепленная в конституции 1921 года модель политического устройства для Польши не годится, не соответствует ее текущим условиям и потребностям. Поскольку его партийные коллеги так не считали, Дмовский, избранный в 1922 году в сейм, отказался войти в парламентскую фракцию национальных демократов, остался независимым депутатом. Но это течение, представленное в основном публицистами и партийными интеллектуалами, было слабым, не имело опоры в массовом движении и в ближайшее время не могло рассчитывать на реализацию своих достаточно туманных теоретических представлений. Но со временем оно могло набрать силу. А пока непрерывные дискуссии, организовывавшиеся ими в прессе, давали противникам национальных демократов повод для утверждения, что правые вот-вот попытаются установить в стране диктатуру. Поэтому многие антикризисные действия правительства Витоса преподносились оппозицией как шаги к диктатуре.

Наконец, немалая часть общества ожидала установления диктатуры Пилсудского. Непрерывная критика «отшельником из Сулеювека» партийного эгоизма и чрезмерного влияния на жизнь страны сейма, непоследовательного в своих действиях, неспособного создать прочное, устойчивое большинство, малодумающего об интересах всей страны, расколотого по партийному, классовому и национальному признакам, воспринималась именно как свидетельство его неверия в пригодность парламентаризма образца 1921 года к польским условиям. Пилсудский больше других подходил на роль диктатора. Он имел в своем распоряжении силу (бывшие легионеры и члены Польской военной организации), поддержку в офицерском корпусе и у влиятельных левых и частично центристских политиков. У него был серьезный опыт управления государством, общество не связывало с его пребыванием у власти экономических потрясений, ценило за победу над Красной армией и создание большой Польши, выходящей за этнографические пределы на исторические земли. Что уж совсем удивительно для восточноевропейского политика, бывший террорист не использовал своего пребывания у власти для личного обогащения и не позволял этого своему окружению. То есть Пилсудский обладал массой достоинств, позволяющих надеяться, что он не будет использовать диктатуру в частных интересах, только ради того, чтобы удовлетворить свои властные амбиции. Правда, сам Пилсудский никогда прежде не признавался, что считает диктатуру панацеей для Польши.

Внешне его жизнь в Сулеювке в первое время представлялась спокойной и размеренной, как и положено высокопоставленному пенсионеру, не обремененному заботами о хлебе насущном. Первый маршал просыпался в 10 часов утра, завтракал в постели (стакан крепкого горячего чая, булочка с маслом, иногда с медом) и читал «Курьер поранны» [Над этой польской газетой издевались Ильф и Петров в «Золотом теленке»: описание полета жителя Вороньей слободки летчика Севрюгова за полярный круг сопровождается замечанием, что по этому случаю «Курьер поранны» стал требовать возвращения Польши в границы 1772 года.] и «Экспресс», после чего часто снова засыпал до полудня. Рядом с кроватью всегда должна была стоять тарелка с фруктами и леденцами. В 12 часов он съедал второй, более плотный завтрак. Проснувшись окончательно, шел в сад, проверял недавно посаженные фруктовые деревья, а также пчел – у него было несколько ульев. Любовался цветами, но за ними не ухаживал.

Ровно в три часа пополудни семья обедала. Кухарка Аделя и ординарцы были из его родных мест. Пилсудский гурманом не был, но ел только любимые кушанья. При этом он не любил фирменные виленские блюда – бигос (кислая капуста, тушенная с различными сортами мяса, ветчины и колбас) и литовские колдуны (пельмени), а также супы. Водки почти не пил, иногда рюмку хорошего венгерского вина. Обожал домашнее печенье и сладкие сухарики. Из напитков признавал только крепкий, горячий, очень сладкий чай, который целый день должен был быть под рукой.

За обедом он всегда демонстрировал хорошее настроение, поддерживал веселую беседу, рассказывая анекдоты или забавные случаи из истории, поощряя у дочерей интерес к этой науке, знание которой считал очень важным в жизни. После обеда общался с детьми или читал на веранде. Его домашняя библиотека насчитывала около тысячи томов. Его интересовали воспоминания, и он часто перечитывал письма Наполеона, кумира всей своей жизни.

Настоящая работа начиналась вечером и продолжалась до глубокой ночи. Писал сам или диктовал жене, а порой К. Свитальскому – так быстро, что они не всегда поспевали за ним записывать. В сулеювекский период жизни он создал много работ на исторические темы из далекого и недавнего прошлого Польши.

Его повседневной одеждой был военный китель без знаков различия (излюбленная для той эпохи одежда полководцев из бывших террористов) и всегда чересчур длинные брюки. Если предстояла встреча с важным гостем или иностранцем, облачался в маршальский мундир с аксельбантами и польскими наградами. Зарубежные награды надевал очень редко.

Осенью и зимой больше времени уделял шахматам, а также пасьянсам. Как и у каждого аматора этого увлекательного занятия, у него было несколько любимых, предназначенных главным образом для двух колод карт, что существенно удлиняет процесс и делает его более захватывающим. По крайней мере, в его арсенале были: «Могила Наполеона» (очень редко сходится), «Простыня», «Коса Венеры», «Косынка», «Пирамидка», «Уземблина» (по имени научившей его этому пасьянсу женщины по фамилии Узембло, у которой он скрывался до войны), «Смиглина» (этимология та же), «Часы» и т. д. Временами, если хотел, чтобы пасьянс сошелся, он жульничал.

Сам спортом не занимался, но любил смотреть соревнования, особенно футбольные матчи. Сохранились свидетельства того, как он горячо переживал не только за профессиональные команды Кракова, но и за любительские игры полковых команд.

Пилсудский активно занимался благотворительностью. Положенное ему почетное пожизненное содержание в размере около тысячи злотых (новых, твердых, после финансовой реформы 1924 года) в основном тратил на пожертвования Виленскому университету имени Стефана Батория, созданному его декретом в 1919 году и избравшему его своим почетным доктором, солдатским вдовам и сиротским приютам, военным инвалидам, школам и т. д. [Так, в мае 1924 года ему было начислено 993 злотых 60 грошей пожизненного почетного содержания, из них были вычтены подоходный налог (33,78 злотого) и отчисление в пенсионный фонд (29,98 злотого). На руки маршал получил 929 злотых 34 гроша. Из этой суммы он перевел 200 злотых приюту для сирот военнослужащих в Рабке, остальные передал Виленскому университету. – См.: РГВА. Ф. 476. Оп. 2. Д. 3. Л. 206 – 206 об. В декабре того же года его содержание составило 1136,6 злотого, на руки причиталось 1053,44 злотого. – Там же. Л. 205 – 205 об.] На это же шли 300 долларов, ежемесячно получаемые им от Комитета национальной обороны из США. Уходя с государственной службы, маршал решил жить собственным литературным трудом и публичными лекциями. Эта деятельность приносила ему около 400 злотых в месяц, что соответствовало жалованью капитана. Летом 1923 года американская Полония организовала комитет имени Пилсудского, который стал высылать ему ежемесячно определенную сумму, предназначенную лишь на личные нужды. Адресат, однако, с таким условием не согласился, заявив, что в состоянии прокормить свою семью и что полученные деньги будет тратить на помощь убыточным издательствам и дорогостоящие разъезды.

Помогал Пилсудский нуждающимся и позже, уже будучи диктатором. Так, осенью 1928 года он потребовал от редакции «Экспресса поранного» 8 тысяч злотых в качестве гонорара за эксклюзивное интервью и передал их затем

семье, переживавшей серьезные материальные трудности.

Выбранный им образ жизни требовал постоянных разъездов по стране, обычно на поезде, в том числе и вторым классом, в компании обычных обывателей. Бывало и так, что обратный билет в Варшаву ему покупали почитатели. Довольно часто он встречался со своими соратниками, причем его старые коллеги по ППС (кроме Валерия Славека) явно отошли на второй план. Встречи политического характера происходили или у него на вилле, или в Варшаве, на квартире у Свیتالевского. Кроме того, во время кратковременных наездов в столицу он останавливался или у Суйковских, у которых в свое время снимала квартиру Александра, или у генерала Яна Кшеменьского, которого знал со времен легиона. Много ездил по стране с лекциями и докладами.

С 1924 года его любимым местом летнего отдыха стали Друскеники (ныне Друскининкай), небольшое курортное местечко (даже в 1931 году там насчитывалось всего 2 098 жителей), расположенное тогда у самой литовской границы. В первый раз семья остановилась в доме без электричества, где на всех была одна керосиновая лампа. Здесь Пилсудский работал над «1920 годом», много гулял, встречался со знакомыми.

С переездом в свой дом появилась проблема охраны маршала и его семьи. Ни до, ни после 1926 года он терпеть не мог, чтобы рядом с ним находились телохранители. В Сулеювке были отмечены случаи, когда в сад забирались какие-то неизвестные люди. Возникло подозрение, что это были что-то замышлявшие коммунисты. Свой вклад в нагнетание страха внесла и разведка, якобы установившая, что советские спецслужбы готовят покушение на Пилсудского. Начали на ночь запирают двери и ставни, а расквартированный в близлежащем Рембертове 7-й уланский полк организовал постоянную охрану виллы. Ответственность за ее безопасность была возложена на бывшего легионера, заместителя командира полка Казимежа Стамировского. Полк и Стамировский сыграют важную роль в осуществлении государственного переворота в 1926 году.

Рядом с Пилсудским в трудном для него 1923-м были люди еще достаточно молодые, энергичные, честолюбивые, познавшие вкус власти. В разное время они связали свою судьбу с комендантом, бригадиром, маршалом, всегда были его верными соратниками, вместе с ним достигли цели своей борьбы, добились для Польши независимость. И вот теперь пришедшие на готовое политиканы игнорируют их вклад в борьбу за польское государство, предлагают отойти на второй план, унижают их вождя. Они видят, что польское политическое поле уже занято другими и для них на нем нет места. Полная неудача созданной некоторыми из них партии «Национально-государственная уния» на выборах

1922 года утвердила их в убеждении, что им никогда не удастся завоевать не то что доминирующей позиции в политической системе, но и просто закрепиться в ней. Оставалось только одна возможность – вернуть к власти своего вождя и править от его имени. Тем более что они прекрасно знали, что маршала интересуют только внешняя политика и армия. И для полного контроля за другими сферами государственной жизни ему потребуются они, верные и точные исполнители всех его планов. Существование подобных настроений в лагере пилсудчиков не было тайной для их противников, они внимательно отслеживали их действия, в каждом их шаге стремились увидеть второе дно – в какой степени они служат делу возвращения Пилсудского на политический олимп.

В начале октября 1923 года Владислав Барановский в разговоре с Пилсудским упомянул, что в обществе и армии появилась мысль об организации заговора против существующего правительства. Весьма показательна реакция маршала. Он замахал руками и заявил, что не одобряет и не позволяет этого делать, «если вы спросите о моем мнении и с ним считаетесь. Как политики можете поступать так, как считаете нужным. Но армии таких предложений не делайте, она должна остаться вне политики, даже вопреки своим желаниям и чувствам ко мне».

К числу попыток силового возвращения Пилсудского к власти можно, пожалуй, отнести события осени 1923 года, часто называемые по главному их месту действия краковскими. Непрерывно ухудшающееся экономическое состояние страны, разбушевавшаяся инфляция, нарастающие трудности повседневной жизни стали причиной мощного подъема забастовочной волны в промышленных центрах Польши. Особенно встревожила правительство забастовка железнодорожников в Кракове и окрестностях, парализовавшая основной в то время вид транспорта в важном регионе. Не будучи в состоянии удовлетворить требования бастующих, правительство 25 октября 1923 года решилось на крайнюю меру, введя на железных дорогах военное положение. С этого момента все железнодорожники 1883 – 1901 годов рождения считались призванными на действительную воинскую службу. Одновременно командующий Краковским военным округом ввел военно-полевые суды для лиц, подлежащих военному судопроизводству. Уклоняющиеся от призыва транспортники считались дезертирами.

Это решение правительства вызвало резкое противодействие партий оппозиции. ППС пригрозила объявлением всеобщей стачки своих профсоюзов, если правительство не отменит своего распоряжения. Аналогичную позицию заняли руководители Национальной рабочей партии (НРП) и коммунисты, также имевшие свои профсоюзные центры. В воздухе запахло серьезным

социальным конфликтом, а коммунисты даже ожидали революции. Единственным средством избежать его был компромисс, но правительство, не желая показывать свою слабость, на него не пошло.

5 ноября всеобщую стачку членов своих профцентров объявили ППС и НРП, а в Кракове забастовали все предприятия и учреждения. Полиция получила приказ разогнать собиравшихся на улицах в районе Рабочего дома людей, в результате столкновений с обеих сторон появились первые раненые. На следующий день на помощь полиции были направлены воинские подразделения. Краков стал ареной уличных боев. Манифестанты не только оказывали сопротивление силам правопорядка, но и сумели разоружить ряд подразделений, и даже захватили броневик. При этом раздавались возгласы: «Да здравствует Пилсудский!», «Да здравствует народное правительство!», «Долой Витоса!» Некоторые районы города полностью контролировались участниками акций протеста. Общий итог столкновений в Кракове – 32 убитых и более 100 раненых с обеих сторон, жертвы были и в других городах. И правительству, и оппозиции стало ясно, что ситуация может выйти из-под контроля. Поэтому стороны наконец-то пошли на компромисс. Правительство отменило свои распоряжения последних дней и пообещало рассмотреть экономические требования забастовщиков, а ППС и ее профсоюзы прекратили всеобщую и железнодорожную забастовки.

В ходе краковских событий и правительство, и руководство ППС получали информацию, что большой интерес к событиям проявили пилсудчики, что в Краков прибыла большая группа вооруженных и проинструктированных людей, целью которых было дальнейшее обострение конфликта, занятие восставшими Кракова и организация марша на Варшаву. Трудно судить о степени достоверности этой информации, однако ряд биографов Пилсудского считают ее заслуживающей доверия. Они полагают, что это была уже вторая за год попытка людей из окружения отставного политика создать благоприятные условия для его возвращения во власть. Но если в декабре 1922 года это был экспромт, намерение, то в ноябре 1923 года, когда у пилсудчиков было некоторое время для подготовки, можно говорить о попытке практических действий. Причина неудач в обоих случаях была общая: нежелание социалистов взаимодействовать в кризисных ситуациях с пилсудчиками и предпочтение политическим методам разрешения конфликтных ситуаций [См. например: Garlicki A. Jozef Piłsudski... S. 277 – 288.].

Несомненно одно – Пилсудский хотел вернуться к активной деятельности, предпочтительно в армии. Но при этом он желал всей полноты военной власти и независимости от непредсказуемых изменений на политической сцене. Это стало очевидным на рубеже 1923 – 1924 годов. Пока у власти было

правоцентристское правительство Витоса, о каком-либо возвращении в армию не могло быть и речи. И не только потому, что проект генерала Шептицкого об организации высших военных властей абсолютно противоречил представлениям Пилсудского по этому вопросу. В речи в Малиновом зале «Бристоля» он прямо сказал, что служить национальным демократам не намерен. Но в декабре 1923 года ситуация изменилась. Правительство, после раскола в парламентском клубе партии Витоса, подало в отставку. Проект Шептицкого перестал быть актуальным.

Первоначально миссия создания правительства была поручена лидеру левой крестьянской партии Станиславу Тугутту. Он предложил Пилсудскому пост военного министра и получил согласие последнего, но на определенных условиях: восстановить действие январского 1921 года декрета об организации высших военных властей. Как записал в своем дневнике Свитальский: «Комендант все время подчеркивал, что в ходе этого кризиса нужно избавиться от партийной игры портфели министра военных дел и министра иностранных дел. Это должна быть первая фаза ограничения парламента до надлежащих границ» [Switalski K. Diariusz... S. 148.]. Однако Тугутт не сумел сформировать кабинет.

Так как парламентское большинство создать не удалось, Польша вновь была обречена на внепарламентское правительство. О роспуске сейма и назначении новых выборов большинство партий не хотели слышать. Новый кабинет возглавил известный экономист, общественный и политический деятель Владислав Грабский, долгое время связанный, как и его брат Станислав, с национальной демократией, но постепенно отошедший от нее. Это правительство оказалось весьма устойчивым, просуществовав почти два года, то есть дольше всех кабинетов парламентского этапа в истории межвоенной Польши. Грабский предложил сейму радикальную программу выхода из кризиса и получил поддержку правых и центристских партий. Важнейшими его достижениями, несомненно, были преодоление финансового кризиса, введение стабильной национальной валюты – польского злотого, обеспеченного золотовалютными резервами, – создание независимого от правительства эмиссионного Польского банка, успехи в стабилизации экономики.

Военное министерство в правительстве Грабского возглавил Казимеж Соснковский. Он связал свое назначение на этот пост с согласием премьера на возвращение Пилсудского в армию. Но условия Пилсудского по-прежнему противоречили конституции, поэтому президент Войцеховский не согласился с назначением маршала начальником Генерального штаба. 9 января 1924 года «отшельник из Сулеювека» дал интервью, в котором изложил условия, на которых он готов вернуться в вооруженные силы: аполитичность армии,

неучастие правительства в решении ее кадровых вопросов, возобновление действия декрета об организации высших военных властей от 7 января 1921 года, поручение ему постов председателя Узкого военного совета и начальника Генерального штаба. Поскольку Соснковский на последнее условие не согласился (против был и президент Войцеховский), то маршал отказался от его предложения. Скорее всего, прав А. Гарлицкий, считающий, что Пилсудский избрал тактику игры на повышение ставок. Как только правительственная сторона соглашалась на его требования, он тут же выдвигал новые, заводя переговоры в тупик. Как заметил в связи с этим Свитальский: «Комендант идет на углубление кризиса, желая освободить Польшу от сволочи и дать возможность работать сильным личностям. Иначе все и дальше будет гнить» [Там же.]. Одновременно его окружение развернуло шумную кампанию, убеждая общество, что армия без Пилсудского успешно развиваться не может.

8 февраля общество было взбудоражено известием, что II отдел Генштаба якобы вел слежку за маршалом.

Соснковский подготовил новый проект закона об организации военных властей, попытавшись максимально совместить в нем конституционные возможности и постулаты маршала, но Пилсудский его отверг как непригодный. В феврале 1924 года Соснковский, воспользовавшись формальным предлогом, подал в отставку. Он, видимо, так и не понял стратегической цели и тактики маршала, а также того, что ему на этом важном посту нужен был доверенный человек, который согласовывал бы с ним все свои решения по интересующим «отшельника из Сулеювека» вопросам. Нужно сказать, что он достиг этой цели. Соснковский действительно заложил традицию согласования проектов закона о высших военных властях с пенсионером, не занимавшим никаких государственных постов. То есть практически официально признал право Пилсудского решать вопрос, относящийся к прерогативам правительства.

По следам Соснковского последовал и Владислав Сикорский, сменивший его на посту военного министра. Он разработал новый проект, правда, существенно отличавшийся от того варианта, на котором настаивал Пилсудский. Проект предусматривал, что наряду с ответственным перед сеймом военным министром и его исполнительными органами (Генштаб, руководитель администрации армии, Генеральный военный контроль) будут существовать Военный совет, наделенный совещательными функциями, и генеральный инспектор войск. Председателем Военного совета должен был стать военный министр, а генеральным инспектором – генерал, предусмотренный на должность главнокомандующего во время войны. Его должен был назначать президент по представлению министра с контрассигнацией премьера.

Генеральный инспектор войск, подчиняющийся министру и являющийся постоянным заместителем председателя Военного совета и вторым заместителем председателя Совета обороны государства, отвечал бы за работу Генерального штаба, связанную с подготовкой к войне и т. д.

Ознакомившийся с новым проектом Пилсудский направил Сикорскому составленное в чрезвычайно неприличных выражениях письмо. Он заявил, что не согласен с самим принципом, положенным в основу проекта, что «в этом семейном треугольнике офицеров – министра, начальника штаба и, пускай уж, инспектора или председателя Узкого совета – у начальника штаба роль потаскушки, которая отдается двоим одновременно, чтобы получать выгоды от такой проституточной жизни с обеих сторон» [Piłsudski J Pisma zbiorowe... Т. VI. S. 210 – 211.]. Как уже упоминалось, после ухода Пилсудского из публичной политики он в политических выступлениях начал прибегать к похабному, солдафонскому языку, показывая, как низко он оценивает людей, что-то значащих в политической и государственной жизни страны.

Как отмечает В. Енджеевич, друзья пытались уговорить его не использовать бранных слов в политических выступлениях, потому что это создавало ненужные дополнительные трудности в их переговорах с оппозицией, мешало достижению нужных соглашений. Но он ничего не хотел менять в своем поведении, а со временем эта его привычка даже усугублялась.

Показательно в этом отношении совещание с участием премьера Грабского, маршала сейма Ратая, военного министра Сикорского и министра по делам образования и культов Тугутта 11 декабря 1924 года, посвященное обсуждению проекта закона о высших военных властях. Инициатором его проведения был премьер. Договориться с Пилсудским о встрече было поручено Тугутту. По свидетельству последнего, он специально просил маршала провести встречу в спокойном, деловом тоне и получил заверение: «Буду гладкий, как атлас». Совещанию должен был предшествовать совместный завтрак.

Пилсудский, несмотря на обещание, завтрак проигнорировал, но на совещание прибыл. Ратай так описал случившееся далее: «С проектом закона в руках Пилсудский стал анализировать его положения, предварив это не обещающим ничего хорошего вступлением: проект или фиктивный, или я должен думать, что генеральный инспектор – осел, военный министр – негодяй, а начальник штаба – вошь за воротом генерального инспектора. Проект закона – нонсенс, это – комическое, то – просто смешное, это – ерунда, то – идиотизм. Не найдется уважающего себя офицера, который был бы на основании этого закона генеральным инспектором или министром военных дел; начальника штаба, вошь, засунутую за ворот генеральному инспектору, последний должен

отхлестать по морде, поддать под зад и т. д. и т. п. Все выступление путаное, хаотичное, хотя и не лишённое дельных замечаний по существу, было набором хамских, brutальных и мелочных нападок на Сикорского. Тот пытался объяснить, что многие положения закона продиктованы конституцией, старался разрядить ситуацию, был крайне любезным, но на Пилсудского объяснения министра не произвели ни малейшего впечатления. Его ответ был еще более грубым и кончился неприличным, грязным предложением в адрес правительства как автора проекта» [Rataj M. Pamietaiki... S. 259 – 260.].

Самые нетерпеливые пилсудчики ждали от своего героя решительных действий; другие пытались решить вопрос его возвращения в армию путем переговоров с членами правительства и влиятельными политиками. Однако Пилсудский раз за разом разрушал их комбинации и успокаивал их тем, что он сам решит эту проблему, а они должны оставаться на своих постах, ждать и верить в неизбежный успех.

В период пребывания в Сулеюеве Пилсудский много писал на традиционные для себя темы: восстание 1863 года, мировая война, первые дни независимости. Наиболее известным из созданных в эти годы трудов является «1920 год. По поводу работы М. Тухачевского „Поход за Вислу“», увидевший свет в 1924 году. Фактически он посвящен только Варшавскому сражению. В нем маршал сделал немало нелюбезных замечаний в адрес генералов Шептицкого, Розвадовского и даже Сикорского; что же касается его собственных действий, то они представлены как практически безупречные. Это было вполне ожидаемо, если принять во внимание склонность Пилсудского к преувеличению собственной значимости и Большое внимание Пилсудский уделял консолидации легионеров, поддержанию в них убежденности в том, что именно они своей героической борьбой открыли польскому народу путь к свободе. Он участвовал в их ежегодных многотысячных съездах, каждый раз проводившихся в других городах, выступал с публичными лекциями, посещал различного рода торжественные мероприятия, так или иначе связанные с его именем. Широко были отмечены его именины в 1924 году. Накануне профессора варшавских вузов дали в его честь банкет в гостинице «Бристоль», а в филармонии Союз обществ легионеров организовал торжественный концерт. Прибывшему на него Пилсудскому была устроена горячая овация. В день именин Сулеюевек посетили тысячи людей, особенно много было молодежи. В 1925 году в этот день Сулеюевек посетили многие генералы, в том числе Люциан Желиговский, Густав Орлич-Дрешер, Фелициан Славой-Складковский, Якуб Кшемьский, Даниэль Конажевский. В Варшаве состоялся прием, в театрах шли торжественные спектакли, которые Пилсудский посетил к великой радости публики. Его сторонники на различных

Г.Ф. Матвеев. Пилсудский

массовых мероприятиях добивались принятия резолюций с требованием возвращения маршала на государственную службу. Город за городом присваивали ему звание почетного гражданина.

Трибуну IV съезда легионеров в Варшаве в 1925 году маршал использовал для начала кампании против Сикорского, который также был не прочь стать центром притяжения для легионеров. Для своего выступления Пилсудский использовал сюжет сказки о Золушке. Золушкой в его интерпретации был легион, а злыми мачехой и сестрами – Австро-Венгрия и военный департамент Главного национального комитета, возглавлявшийся Сикорским. Но самая большая неожиданность ждала слушателей в конце его выступления, когда он обвинил историческое бюро Генерального штаба в сознательной фальсификации и уничтожении документов. К тому же спустя три дня после съезда он опубликовал свое февральское 1924 года письмо Сикорскому по поводу его проекта закона о высших военных властях.

Скандал стал предметом обсуждения в прессе и в обществе, была создана специальная комиссия историков для изучения состояния дел в архиве Генерального штаба. Обвинения конечно же не подтвердились, но это мало волновало Пилсудского. Была брошена тень на текущее руководство армии. Сикорский, не желая способствовать усилению влияния Пилсудского на армию, запретил в 1925 году офицерам, находившимся на действительной военной службе, участвовать в мероприятиях, организуемых ветеранскими обществами. Но это не могло существенно сказаться на имидже Пилсудского, который со страниц центральных и региональных газет – в то время главного, а в Польше единственного широкодоступного средства массовой информации – регулярно напоминал о себе и своих заслугах, акцентировал фундаментальную роль для судьбы государства морали, духовности и патриотизма, носителями которых были он сам и его легионеры.

Возмутитель спокойствия

Первый маршал ждал подходящего момента, чтобы от мелких уколов перейти к решительному наступлению.

Правительство Грабского, добившись в 1924 году ряда успехов в финансовой и экономической областях, в 1925-м столкнулось с рядом новых вызовов, преодолеть которые было не так просто. Неблагоприятные погодные условия 1924 года стали причиной неурожая, что для Польши, где большая часть ВВП создавалась в сельском хозяйстве, означало серьезные экономические трудности. Высокий курс злотого привел к существенному превышению импорта над экспортом, нехватка оборотных средств и жесткая фискальная

политика снижали деловую активность и были причиной большого числа банкротств, вновь стала расти безработица. В 1925 году кончилось действие конвенции, разрешавшей беспошлинный ввоз в Германию угля и промышленной продукции из польской части Верхней Силезии, и Берлин тут же ввел на них эмбарго. В ответ Польша ввела ограничения на импорт ряда товаров из Германии, на что последовал симметричный ответ Веймарской республики. Потери Польши от этих мер составили около четверти стоимости ее экспорта. Так началась многолетняя польско-германская таможенная война.

Неблагоприятные для Польши тенденции наметились и в международных отношениях. Франция неумолимо теряла свою позицию самой сильной европейской державы и вынуждена была искать пути к нормализации отношений с Германией, в том числе и за счет ослабления своих связей с восточноевропейскими союзниками, включая и Польшу. На континенте росла роль Великобритании, нерасположенной поддерживать польские великодержавные амбиции. В октябре в Локарно Лондон, Париж и Берлин подкорректировали Версальскую систему, уравнив Германию в правах с державами-победительницами. Локарнские соглашения существенно понижали значение Польши в международных отношениях в пользу Германии и даже Советского Союза. Часть алармистски настроенной мировой и польской прессы, явно преувеличивая ожидающие Польшу негативные последствия, преподнесла Локарно чуть ли не как преддверие войны. В Польше воцарилась крайне тревожная атмосфера.

Тревоги добавило также подписание в апреле 1926 года советско-германского политического договора, расцененного в Польше как углубление линии Рапалло. Проблема безопасности Польши стала предметом широкого обсуждения, вновь актуализировала вопрос, в какой степени ее армия готова ее решать. В этой атмосфере предшествующие заявления Пилсудского о неблагоприятном положении в вооруженных силах приобретали особенно тревожное звучание. Не случайно Пилсудский в одном из интервью осенью 1930 года в числе причин, толкнувших его на переворот в мае 1926 года, назвал появление реальной угрозы того, что, пользуясь ситуацией, аналогичной временам упадка Польши в XVIII веке, соседи попытаются посягнуть на независимость страны.

Несмотря на все переживаемые Польшей трудности, сейм в силу разных обстоятельств не желал отставки правительства Грабского. Но все же 13 ноября 1925 года оно пало, поскольку Польский банк отказал премьеру в валютной интервенции для поддержания курса злотого.

На следующий день, 14 ноября, Пилсудский прибыл в Бельведер и вручил

президенту Войцеховскому декларацию, в которой предостерег от игнорирования моральных интересов армии при формировании нового кабинета и возможного назначения военным министром Шептицкого или Сикорского. Более того, он потребовал, чтобы глава государства подтвердил своей подписью на копии декларации факт ее получения. Этим шагом маршал открыто продемонстрировал, что ставит себя выше всех конституционных органов власти в Польше и оставляет за собой последнее слово при выборе кандидата на один из ключевых постов в правительстве. Как ни странно, Войцеховский не только выполнил его требование, но и поинтересовался кандидатурой возможного министра. Пилсудский от ответа уклонился, заявив, что сделает это после появления главы правительства. Начатая Соснковским в конце 1923 года практика согласования с «отшельником из Сулеювека» вопросов государственной жизни получила 14 ноября чуть ли не официальный статус.

Трудно сказать, какими мотивами руководствовался Войцеховский, пойдя на поводу у своего старого товарища. Конечно же не памятью о совместном издании «Роботника» или встречах в эмиграции и не боязнью гнева маршала. Скорее всего, президент хорошо ориентировался в том, что немалая часть офицерского корпуса готова беспрекословно выполнять приказы своего вождя, даже если он не занимает в армии никаких постов.

В пользу такого предположения свидетельствует получившая широкий отклик в армии и обществе демонстрация офицеров варшавского гарнизона у виллы маршала в Сулеювеке, состоявшаяся на следующий день, в воскресенье. В качестве предлога была выбрана седьмая годовщина возвращения Пилсудского из Магдебурга. Повод выглядел несколько странно, если учесть, что Пилсудский прибыл в Варшаву 10-го, а не 15 ноября, да и дата не была круглой. В демонстрации участвовали по разным данным от четырехсот до двух тысяч человек, в том числе значительная группа генералов. От их имени к Пилсудскому обратился генерал Орлич-Дрешер, легионер, кавалерист, участник польско-советской войны, особо прославившийся во время Гродненской операции осени 1920 года. Он коротко, по-военному поприветствовал своего вождя и закончил свою речь многозначительными словами: «Обращаясь к тебе сегодня, мы имеем те же боли и тревоги, которые вместе с нищетой заглядывают в дом. Хотим, чтобы ты верил, что наше горячее желание состоит в том, чтобы ты не остался в стороне от этого кризиса, делая сиротами не только нас, твоих верных солдат, но и Польшу, это не обычные комплименты по случаю торжества, но что мы несем тебе кроме наших благодарных сердец и надежные, отточенные в победах сабли» [Piisudski J Pisma zbiorowe... T. VIII. S. 248.].

Ответ виновника торжества оказался на удивление мирным; он как бы не понял скрытого смысла обращенной к нему речи, чем поразил и почитателей, и противников, уверенных, что Пилсудский со дня на день совершит переворот. Он снова говорил о морали: восстановление Польши не сопровождалось духовным возрождением общества, безуспешными оказались его попытки изменить положение, показывая полякам не только светлые, но и темные стороны действительности. Поэтому он пришел к выводу о необходимости борьбы со «злоупотреблением свободой» во имя защиты чести польской армии.

Сикорский, исполнявший обязанности военного министра до назначения нового кабинета, применил в отношении активных участников демонстрации, в том числе и Орлича-Дрешера, дисциплинарные меры, отправив их служить в провинцию. Но это не остановило адептов маршала. 19 ноября в Вильно, где была размещена 1-я пехотная легионерская дивизия, состоялось торжественное собрание по случаю седьмой годовщины возрождения независимой Польши. Присутствовавшие на нем офицеры направили Пилсудскому приветственную телеграмму следующего содержания: «Высокочтимый Маршал и дорогой Комендант! Мы, собравшиеся на торжественное заседание по случаю 7-й годовщины воскресения Польши, шлем Тебе, великий поборник чести службы, заверения в глубоком уважении и безграничной преданности, клянемся неустанно бороться под Твоим руководством за великую, благородную и жертвенную Польскую Душу» [Пит. по: Garlicki A. Jozef Piisudski... S. 305.]. И на этот раз были в дисциплинарном порядке наказаны командиры дивизии и двух ее полков.

Были и другие случаи открытого выражения «аполитичной» частью офицерского корпуса преданности человеку, создавшему армию и приведшему ее к победам, но из-за происков политиков оказавшемуся не у дел. Все эти публичные демонстрации в условиях правительственного кризиса должны были показать властям и обществу готовность пилсудчиков исполнить любой приказ любимого маршала и коменданта, даже если это будет приказ совершить государственный переворот. Есть весьма достоверное свидетельство одного из пилсудчиков, что речь Орлича-Дрешера была написана не им самим, а в соавторстве с Пилсудским.

В связи с этим исследователям кажется странной ответная речь Пилсудского, выдержанная в совершенно ином тоне. Она, как и последующее поведение «отшельника из Сулеювека», говорит о том, что в ноябре 1925 года он вроде бы не собирался возвращаться во власть с помощью государственного переворота. Он не терял надежды на то, что в конце концов будет выработан и принят сеймом такой закон об организации системы органов управления вооруженными силами, который обеспечит ему место неподконтрольного

парламенту генерального инспектора и главнокомандующего. То есть на то, что его давление на правительство и сейм заставит их рано или поздно отказаться от одного из принципиальных конституционных положений.

Пилсудский был убежден, что армия (впрочем, как и внешняя политика, но до нее пока не дошли руки) ни в коем случае не должна быть игрушкой в руках политических партий. В противном случае вооруженные силы не смогут надежно защитить безопасность и независимость страны, то есть решить задачу, которую он после обретения независимости считал для себя главной. Маршал был твердо убежден, что кроме него никто не сможет сделать этого. Другие генералы или непригодны к этому, или еще недостаточно опытные и авторитетны. Именно так следует интерпретировать подготовленную маршалом в самом конце 1922 года, в бытность его председателем Узкого военного совета, оценку пригодности генералов армии и генералов дивизии к руководству польской армией во время войны, а также деловых качеств бригадных генералов.

Ему не нужна была вся власть в стране, поскольку тогда он не смог бы уделять достаточно времени армии – ему нужна была безраздельная власть над вооруженными силами. Ноябрьские демонстрации 1925 года должны были показать, что армия доверяет только Пилсудскому и никому иному. Не случайно в Сулеювке оказались даже те генералы, которых Сикорский считал своими доверенными людьми. Таким образом, нет никаких оснований думать, что в ноябре 1925-го Пилсудский планировал государственный переворот, от которого отказался лишь в последний момент. Он просто сделал еще один шаг к реализации своей цели, практически закрепил за собой право определять судьбу военного министра, то есть человека, который должен подготовить и внести на рассмотрение сейма проект закона о военных властях, а фактически о месте для Пилсудского в армии.

И эта его претензия на роль единственного, хотя и неформального, куратора армии была признана руководителями страны как нечто само собой разумеющееся. 20 ноября было сформировано так называемое правительство национального согласия во главе с графом Александром Скшиньским, министром иностранных дел в предыдущем кабинете. В него вошли представители всех основных правых, центристских и левых партий, что должно было, по расчетам их лидеров, облегчить получение иностранного займа для стабилизации злотого. Однако столь разношерстный состав изначально обрекал кабинет на серьезные противоречия при выработке программы действий. «Своим человеком» в кабинете Пилсудский без колебаний мог считать Енджея Морачевского, рекомендованного ППС.

Пост военного министра остался вакантным. На следующий день с целью решения этого вопроса президент пригласил в Бельведер Пилсудского, Скшиньского, и. о. военного министра генерала Стефана Маевского, а также генералов Станислава и Юзефа Галлеров. Было совершенно очевидно, что Войцеховского интересовало лишь мнение маршала. Это понимал и Пилсудский, о чем свидетельствует его поведение, описанное Ратаем: «Пилсудский вел себя вызывающе, обходился с Войцеховским как со слугой. Достал из кармана приготовленный листок, зачитал ряд обвинений в адрес Сикорского, выражаясь о нем в оскорбительной форме, при этом посоветовал Сикорскому покинуть Варшаву, потому что ни за что не ручается. Назвал хорошими генералами (и кандидатами в министры военных дел) Желиговского, Токажевского, Скерского и Бербецкого. Затем вытащил другой листок и зачитал заявление, содержащее обещание враждебного отношения к правительству. К Скшиньскому также относился как к слуге. Пообещал, что свое заявление огласит, потому что должен это „своим людям“. Вышел, едва попрощавшись» [Rataj M. Pamiętaiki... S. 320. Войцеховский в начале мая 1926 года даже отказывался встречаться с маршалом, оправдываясь тем, что тот обращается с ним недопустимым образом.]. Налицо откровенный диктат своей воли первому лицу государства, который хотя и был старым товарищем по ППС, но давно уже не поклонником человека, которого он сам когда-то вовлек в политику. Демарш Пилсудского оказался успешным. 27 ноября военным министром стал один из названных им кандидатов – генерал Люциан Желиговский.

В числе первых шагов нового министра была отмена дисциплинарных взысканий предшественника в отношении участников демонстрации в Сулеювке. Орлич-Дрешер был назначен не только командиром дислоцированной в столице кавалерийской дивизии, но и начальником департамента кавалерии министерства военных дел. Возмущенный этими действиями начальник Генштаба С. Галлер, решительный противник Пилсудского, выразил резкий протест президенту и попросился в отставку с занимаемого им с 1923 года поста. Его заявление не было принято, но и не отвергнуто, в связи с чем он просто перестал выполнять свои обязанности. Руководство Генштабом было поручено генералу Эдмунду Кесслеру, хотя и не пилсудчику но полностью лояльному маршалу. Его заместителем стал откровенный пилсудчик генерал Станислав Бурхард-Букацкий. Пилсудчики возглавили и прочие центральные военные ведомства, штабы ряда военных округов, в том числе Варшавского, а в других заняли важные посты. В марте 1926 года покинул ряды армии Шептицкий, не дождавшись от военного министра защиты своей чести и достоинства от безосновательных обвинений Пилсудского. О деструктивном воздействии маршала на армию поставил в

известность военного министра, премьера и маршала сейма генерал Розвадовский, но никакой реакции не последовало.

Пилсудский все больше превращался в человека, стоящего над законом. К концу 1925 года он уже достаточно хорошо представлял, как ему надлежит действовать дальше. 15 декабря 1925 года Свитальский зафиксировал в дневнике: «План Коменданта: следующий правительственный кризис стараться преодолеть без сейма. Попасть в армию. Выступить, скорее всего, в роли министра военных дел, резко и брутально против сейма. Сейм не распускать, а реже его собирать. Сидя в кабинете, присматриваться к его членам для ориентации, с кем можно идти, а с кем нет. К власти возможно прийти осенью 1926 года. Тогда можно пойти на избирательную кампанию» [Switalski K. *Diariusz...* S. 152.]. Есть и другие свидетельства того, что в начале 1926 года Пилсудский в разговоре с близкими людьми представлял себя как будущий хозяин Польши. Следовательно, уже в конце 1925-го Пилсудский был заинтересован в новом правительственном кризисе и даже определил его примерные сроки – первая половина следующего года.

Поэтому последующие его действия можно рассматривать как поэтапное выполнение плана прихода к власти. К этому же времени относится разговор Пилсудского с Морачевским, во время которого тот «высказал опасение, что рабочие не выступят против правительства Скшиньского, потому что безработным платят пособия» [Jedrzejewicz W, Cisek J. *Kalendarium zycia...* Т. II. S. 413.]. Заявление более чем странное для министра. Оно вполне может говорить о существовании или подготовке какого-то плана массовых выступлений, о котором знали оба собеседника. Об этом свидетельствуют и последующие события.

Обеспечив уже в первые месяцы нахождения Желиговского на посту военного министра через преданных и лояльных себе офицеров и генералов фактический контроль над армией, Пилсудский вновь реанимировал вопрос о судьбе закона об организации высших военных властей. 7 января 1926 года на заседании Совета министров Морачевский, в соответствии с инструкцией маршала [Switalski K. *Diariusz...* S. 152.], поставил вопрос о возможности возвращения Пилсудского к активной государственной деятельности. В связи с этим было принято решение обратиться к маршалу сейма с просьбой ускорить работу над проектом закона об организации высших военных властей.

Тут же последовала резко негативная реакция Пилсудского, охарактеризовавшего находившийся в сейме проект, подготовленный еще Сикорским, как позорный, вредный и для армии, и для государства, а «применительно ко мне лично – как откровенное заявление, что маршал

Пилсудский никогда не вернется в армию, даже в момент наивысшей опасности для существования нашего государства» [Piisudski J Pisma zbiorowe... TVIII. S. 251.]. Непродолжительный период относительного затишья вокруг имени Пилсудского кончился. Маршал начал новый тур повышения ставок в игре, причем на этот раз объектом его критики стали С. Галлер, прежние военные министры Шептицкий и Сикорский, политики Грабский и Скшиньский, политические партии, якобы превратившие сейм в арену беспардонной борьбы за свои эгоистические цели и забывающие о национально-государственных интересах, так называемую «сеймократию». Как записал в своем дневнике Свитальский, «Комендант хочет своими интервью создавать трудности правительству Скшиньского. Одновременно он воздействует на Желиговского, чтобы тот и дальше производил кадровые перестановки в армии. Пусть правительственные сферы платят таким образом за затягивание решения вопроса о Коменданте» [Switalski K. Diariusz... S. 171.].

Польское общество впервые в своей истории стало объектом столь мощной, целенаправленной пропагандистской обработки со стороны пилсудчиковских и левых газет в стиле «грязного пиара». Тон задавал сам маршал. В своих интервью «Курьеру поранному» он в образной форме доказывал вредность находившегося в сейме проекта закона об организации высших военных властей, критиковал политические партии и сейм за их непонимание нужд армии [Кстати, эти интервью «Курьеру поранному» были платными. Пилсудский получил за них около 8 тысяч злотых, сумму по тем временам немалую.]. Активно действовал политический штаб маршала, в состав которого входили Славек, идеолог пилсудчиков Адам Скварчиньский, Богуслав Медзиньский, свой человек Пилсудского в крестьянском движении и парламенте, Сливиньский, публицист Тадеуш Голувко, считавшийся специалистом по национальному вопросу и идеолог антисоветской концепции «прометеизма», Войцех Стпичиньский, Морачевский, Венява-Длугошовский, Вацлав Гжибовский. В распоряжении Пилсудского были такие газеты, как «Курьер поранны», «Глос правды», «Экспресс поранны», «Жонд и войско», «Роботник» и др.

Связанная с пилсудчиками пресса ежедневно писала о подготовке правыми переворота с целью установления «фашистской диктатуры», о коррупции депутатов и государственных чиновников, казнокрадстве, некомпетентности должностных лиц. Любимыми объектами сатирических выступлений популярных юмористов стали политики, не пылавшие любовью и почтением к маршалу. В армии широко практиковали устную пропаганду. С целью сокращения расходов казны жалование военных было урезано настолько, что обремененные семьями офицеры жили буквально впроголодь. Этим

пользовались агитаторы из числа сторонников маршала, внушая своим собеседникам, что только Пилсудский сможет улучшить их участь [Как показывают недавно рассекреченные документы Архива Президента РФ, примерно то же самое происходило и с командным составом Красной армии: на секретных совещаниях высшего руководства страны сообщались шокирующие факты, вплоть до того, что офицерские жены вынуждены заниматься проституцией, чтобы прокормить семью. В качестве же главной угрозы и положительного примера заботы об армии с тех же высоких трибун упоминались... Польша и лично Пилсудский. – Состояние армии и обороны страны в 20-е годы // Вестник Архива Президента Российской Федерации. М, 2007.]

Всей этой грязи, непорядочности, моральному разложению властных структур противопоставлялся образ маршала – скромного (ездит вторым классом, отказался от маршальского жалованья, до сих пор ходит в сером мундире легионера), человеколюбивого, думающего только о судьбе страны и общем благе, настаивающего на моральном оздоровлении (санации) государственной жизни. В повсеместное употребление было введено еще одно определение Пилсудского – «дедушка». В марте 1926 года по всей стране необычайно торжественно, почти на уровне государственного праздника, были отмечены именины 58-летнего маршала. Его славили, славили, славили и при этом настойчиво внушали полякам мысль, что государство должно жить не по конституции, поскольку она плоха, а по понятиям Пилсудского – единственного человека в Польше, знающего, что нужно стране. И эта пропаганда давала результаты. Так, 25 апреля некий Вокульский из Ловичского повета послал ему следующего содержания письмо: «Любимый пан комендант. Во имя Господа Бога войди в правительство председателем кабинета, разгони эту грызущуюся банду и правь нами жестко, по-божески, чтобы и волк был сыт, и коза цела. Народ будет за это тебе благодарен...» [РГВА. Ф. 476. Оп. 2. Д. 4. Л. 7об.]

Росту авторитета «отшельника из Сулеювека» как неповторимого потенциального спасителя отечества способствовала наблюдавшаяся в этот момент глубокая дискредитация польской демократии образца 1921 года. В феврале – марте 1926-го произошло сближение правых и центристских партий по вопросу об основных направлениях реформирования польского парламентаризма. Поскольку сейм первого созыва не имел права менять конституцию, они сошлись на том, что прежде всего следует пересмотреть процедуру роспуска парламента и закон о выборах. Итогом этих перемен стало бы существенное увеличение в парламенте представительства польских правых и центристов. Тема необходимых перемен в польском парламентаризме в

первые месяцы 1926 года отчетливо выбивалась на первый план на страницах правой и центристской прессы, в выступлениях крупнейших политиков в сейме, на митингах и собраниях. Стихийные общественные настроения недовольства усиливались целенаправленной партийной пропагандой.

Что касается левых партий, то они все больше склонялись к признанию необходимости досрочного роспуска парламента и проведения новых выборов в сейм на основании прежнего закона. А поскольку надежд на самороспуск сейма не было, то они не прочь были поддержать Пилсудского, если он решится на вооруженный путч и разгон парламента.

Существует достаточно много свидетельств того, что Пилсудский в последние месяцы перед государственным переворотом вел переговоры с рядом влиятельных представителей помещиков и предпринимателей, обещая в случае прихода к власти добиться пересмотра закона об аграрной реформе, ограничить социальное законодательство и т. д. Эти его действия указывали на желание привлечь на свою сторону те влиятельные социальные группы, которые традиционно были опорой национальных демократов. Но при этом Пилсудский не порывал отношений со своими сторонниками в левых партиях, а также с руководителями левого профцентра, имевшими возможность с помощью стачки железнодорожников парализовать жизнь в стране, в том числе и затруднить военные перевозки.

Вхождение социалистов в состав правительственной коалиции и кабинета позволяло Пилсудскому, в соответствии с его планом, мешать ее сплочению. Уже в начале февраля Морачевский поставил на заседании парламентской фракции ППС вопрос о выходе из коалиции, но не получил поддержки. После этого министр-социалист без согласования с руководством партии оставил свой пост. Но на этот раз кризис не разразился. Большинство в руководстве соцпартии не было заинтересовано в новом обострении политической ситуации без видимой причины. Вместо Морачевского в правительство был введен Норберт Барлицкий, не испытывавший к Пилсудскому излишних симпатий.

Пилсудский попытался свалить кабинет с помощью отставки Желиговского, но Скшиньский ее не принял. И все же этому горемычному правительству не суждена была долгая жизнь. Начавшийся еще при Грабском экономический кризис так и не был преодолен в первые месяцы 1926 года, переговоры о зарубежных кредитах затягивались, непрерывно росла безработица. Вновь стал нарастать социальный протест, все чаще отмечались стычки безработных с полицией. Нужны были решительные меры по оздоровлению экономики. Предложенный 19 апреля правым министром финансов Ежи Здзеховским план ликвидации бюджетного дефицита предусматривал временное повышение на

10 процентов всех налогов, кроме имущественного, таможенных пошлин, введение налогов на помол зерна и осветительные электроприборы, снижение заработной платы государственным служащим, пенсий и пособий инвалидам, увольнение из армии части офицеров и сокращение 18 тысяч железнодорожников. Он вызвал протест социалистов, предложивших другое решение вопроса – увеличить поступления от налога на имущество, уменьшить расходы на армию, сократив продолжительность срочной военной службы в два раза, расширить масштаб общественных работ для безработных. Не получив поддержки у партнеров по коалиции, ППС 20 апреля покинула ее. В Польше разразился очередной, уже четвертый за неполные три года правительственный кризис. Таким образом, события развивались в полном соответствии с планом Пилсудского.

Граф Скшиньский подал прошение об отставке, но президент ее не принял, поручив правительству меньшинства осуществлять управление страной, пока не будет решен вопрос о новом кабинете. Начался лихорадочный поиск формулы нового кабинета. В течение полумесяца были испробованы все варианты (правоцентристское, левоцентристское, внепарламентское), некоторые обсуждались не один раз. Свое мнение о кризисе высказал и Пилсудский. 29 апреля появилось очередное интервью с ним, в котором он заявил о возможности создания в конституционных рамках сильного правительства, но для этого считал нужным покончить с дурными сеймовыми обычаями. На прямой вопрос, готов ли он встать во главе такого кабинета с диктаторскими полномочиями, маршал ответа не дал.

Пока шел межпартийный торг, военный министр Желиговский 4 мая, накануне окончательной отставки правительства, отозвал из сейма старый проект закона о высших военных властях и внес новый, который, по его мнению, давал Пилсудскому возможность вернуться в армию. Он предусматривал подчинение Генерального штаба генеральному инспектору вооруженных сил, то есть ликвидировал его двойное подчинение, так возмущавшее маршала в предыдущем проекте. Но потенциальный возвращенец оставил проект без внимания. Не заинтересовали Пилсудского и попытки вовлечь его в правительство в роли то премьера, то члена кабинета. Каждый раз он в грубой форме отклонял сделанные ему предложения, все больше нагнетая политическую напряженность, что вполне соответствовало его плану.

Давление Пилсудского на правительство и сейм встречалось с решительным сопротивлением национальных демократов, имевших самую крупную фракцию в сейме, который в тот момент насчитывал уже 26(!) клубов, то есть фракций. Эндеки были резко против возвращения Пилсудского к руководству армией вследствие его полной профессиональной непригодности. Выступая в военной

комиссии сената, его маршал (председатель) Тромпчиньский заявил, что это было бы равнозначно военной катастрофе государства, как в 1920 году. Он также напомнил, что у маршала нет специального военного образования и он способен руководить лишь партизанскими действиями. Столь же нелестной была его оценка пребывания Пилсудского на посту начальника Генштаба в 1923 году.

9 мая появилось интервью Витоса, в котором речь шла и о Пилсудском. Особый резонанс вызвали следующие его слова: «Пусть же, наконец, маршал Пилсудский выйдет из укрытия, пусть создаст правительство, пусть привлечет к сотрудничеству все творческие силы, заботящиеся о благе государства. Если он не сделает этого, то возникнет представление, что в действительности его не интересует упорядочение отношений в государстве... Если бы в моем распоряжении были определенные объективные данные, как у него, о которых в данный момент я не хочу говорить, то я бы создал правительство, если бы даже я потерял половину министров» [Цит. по: Garlicki A. Jozef Piłsudski... S. 329.]. Несомненно, под этими «объективными данными» «политик без галстука», как и читатели его интервью, подразумевал армию. Витос даже пошел дальше и сказал: если за Пилсудским действительно стоит армия, то пусть он возьмет власть силой – лично он сделал бы это, не колеблясь. Но если Пилсудский этого не сделает, то это будет означать, что эти силы за ним не стоят. Правда, в предназначенный для печати текст интервью этот пассаж Витос не включил. Интервью одного из кандидатов в премьеры дает представление об атмосфере, царившей тогда в Варшаве. Витос не только признавал как факт, что армия является политическим фактором в руках маршала, всегда настаивавшего на необходимости ее аполитичности, но не бил по этому поводу тревогу. Все это свидетельствовало лишь о том, насколько глубоким в польском политическом классе было пренебрежение к конституции 1921 года.

В тот же день, 9 мая, появился сигнал, что план Пилсудского начинает давать сбой. В сейме после длительных торгов сложилось правительственное большинство из правых и центристских партий и в полном согласии с парламентской процедурой было сформировано правительство во главе с все тем же Витосом. Для оппонентов нового кабинета возникла принципиальная дилемма: в соответствии с нормами парламентской демократии признать кабинет Витоса и вступить с ним в традиционные для этой формы правления отношения «правительство – оппозиция» или же признать допустимость самых радикальных мер по его устранению с политической сцены, включая и государственный переворот.

Левые партии повели себя достаточно двусмысленно, обратившись к обществу

с воззванием, в котором пообещали правительству непримиримую борьбу и самую решительную оппозицию. Еще более жесткой была реакция Пилсудского, зафиксированная 10 мая в его интервью «Курьеру поранному»: создание кабинета еще не означает окончания правительственного кризиса по причине игнорирования Витосом моральных интересов государства. Он запугивал своих читателей тем, что это будет правительство коррупции и злоупотребления властью ради партийной и личной выгоды, что особенно сильно пострадают вооруженные силы и обороноспособность страны, потому что вновь закрывается возможность его возвращения в армию. Поэтому маршал не только ни в коем случае не поддержит столь откровенное игнорирование моральных интересов армии, но и объявляет войну надругательству утративших чувство меры партий над Польшей, забвению ценностей высшего порядка ради материальных выгод. По своему содержанию, несомненно, это было обращение к офицерам и интеллигенции, особенно подверженной воздействию такого рода аргументов, а также открытый вызов правительству и конституции, в полном соответствии с которой было сформировано правительственное большинство.

В своей политике повышения ставок в игре маршал дошел до своеобразного Рубикона. Теперь у него оставалось только два выхода – навязать свою волю парламенту и правительству или в очередной раз проиграть, и на этот раз, скорее всего, окончательно.

Переворот

В литературе до сих пор нет единого мнения относительно того, был ли у Пилсудского в мае 1926 года разработанный план переворота. Несомненно, если говорить о перевороте как о военной операции с целью устранения всех существующих институтов государственной власти и замене их личной диктатурой, такого плана не было. Но события, начавшиеся 12 мая, не были и чистым экспромтом; им, как уже говорилось выше, предшествовала политическая подготовка. Но для того, чтобы оказать решительное и результативное давление на властные институты, нужна была не столько моральная, сколько военная сила, должным образом отмобилизованная и готовая к использованию в надлежащий момент. И такой силой Пилсудский начиная с 10 мая 1926 года обладал.

Еще 18 апреля, то есть перед началом правительственного кризиса, военный министр Желиговский отдал приказ о концентрации 10 мая в Рембертове близ Варшавы частей для проведения межгарнизонной военной игры под личным руководством Пилсудского. Инициатором приказа был многолетний адъютант «спасителя нации» Болеслав Венява-Длугошовский. Критерием отбора частей

для учений была степень преданности их офицеров «отшельнику из Сулеювека». Стержнем создаваемой группировки должен был стать 7-й уланский полк под командованием подполковника К. Стамировского, входившего в близкое окружение маршала. 8 мая Желиговский, исполнявший еще обязанности министра, подчинил Пилсудскому начиная с 10 мая создающуюся в районе Рембертова группировку войск.

11 мая номер «Курьера поранного» с интервью Пилсудского был конфискован, однако немалая часть тиража все же дошла до варшавских читателей, вызвав у них бурную реакцию. Особенно активны были офицеры-пилсудчики, весь вечер переходившие из кафе в кафе, выкрикивавшие здравицы в честь Пилсудского, демонстративно заказывавшие оркестрам «Первую бригаду», призывавшие публику слушать мелодию стоя и требовавшие отставки правительства. Варшава бурлила. Бросается в глаза одно заслуживающее внимания обстоятельство. Посетителями кафе были государственные служащие, интеллигенты, студенты – то есть представители все тех же образованных слоев, легче и быстрее других поддающиеся на демагогию мнимых защитников гражданских прав и свобод и жертв преследования действующей власти, которая им никогда не нравится.

В тот же день новый военный министр генерал Юлиуш Мальчевский (в июне 1920 года Пилсудский отстранил его от исполнения служебных обязанностей за то, что он сеял среди иностранных военных атташе пораженческие настроения и в недопустимой форме критиковал главнокомандующего за его манеру ведения войны) снял близкого маршалу Бронислава Перацкого с должности управляющего делами военного министра и ограничил передвижения генерала Орлича-Дрешера. Он также отменил приказ Желиговского о концентрации частей в окрестностях Рембертова и распорядился вернуть их на места постоянной дислокации. Но приказ был проигнорирован почти всеми командирами отобранных для игр подразделений. Это было открытое неповиновение. Решиться на такой шаг, грозивший самыми серьезными служебными последствиями, можно было лишь по чьему-то повелению, не выполнить которое они не решались. Учитывая дальнейшее развитие событий, этот приказ мог отдать только Пилсудский. Следовательно, уже 11 мая у него существовал план антиправительственных действий – причем его исполнение должно было начаться в самое ближайшее время, пока против взбунтовавшихся войск не будут предприняты решительные меры.

Утром 12 мая пресса запустила «утку», что ночью кто-то обстрелял виллу маршала. Естественно, подозрение сразу же пало на правительственный лагерь. Это еще больше накалило обстановку в столице Второй Речи Посполитой.

Теперь все было готово для открытого выступления. В ночь с 11 на 12 мая Пилсудский послал своих эмиссаров в дислоцированные в окрестностях Варшавы части, на командиров которых он мог полностью рассчитывать, с приказом двигаться на Варшаву. Руководство акцией он поручил генералу Орличу-Дрешеру помогли ему генерал Станислав БурхардБукацкий, полковники Адам Коц и Юлиуш Ульрих, подполковники Юзеф Бек, Анатолий Минковский и др. В семь часов утра 12 мая в сопровождении 7-го полка уланов маршал выехал в Рембертов, пообещав жене Александре вернуться на обед в 15.30. Пробыв в рембертовском офицерском клубе до десяти часов, спаситель отечества отправился в Бельведер, чтобы заставить Войцеховского отправить в отставку правительство Витоса. Но президента на месте не застал, поскольку тот незадолго до этого уехал в загородную резиденцию в Спале.

Вернувшись ни с чем в Рембертов, Пилсудский наконец-то решился продемонстрировать свою силу и решимость идти в борьбе с правительством до конца. Около 11 часов дня он отдал генералу Орличу-Дрешеру приказ овладеть мостами через Вислу, поскольку его главные силы были сосредоточены на правом берегу, а все государственные учреждения находятся в левобережной части города. Спустя примерно три часа военная колонна под командованием маршала двинулась в сторону Варшавы, на помощь подтягивались другие части, дислоцированные в окрестностях столицы. В поддержку переворота и с требованием отставки правительства Витоса выступили левые партии, в том числе и коммунисты.

Войцеховский, проинформированный о разворачивающихся событиях, срочно вернулся в Варшаву и включился в работу правительства. Вскоре появились правительственное сообщение о бунте нескольких воинских подразделений, обманутых ложными приказами заговорщиков, и требование подчиниться властям, а также обращение президента к армии с призывом сохранить верность законному правительству. В Варшаве, Варшавском воеводстве и части Люблинского воеводства было введено чрезвычайное положение. Военный министр Мальчевский еще раньше вызвал в столицу верные правительству части и организовал штаб обороны во главе с генералом Розвадовским. Назревало кровопролитие, хотя все еще оставалась возможность предотвратить трагическое развитие событий.

Именно поэтому президент выступил с инициативой личной встречи с предводителем бунтовщиков. Пилсудский согласился. Видимо, он надеялся, что Войцеховский, не считавший кабинет Витоса оптимальным выходом из правительственного кризиса, согласится на его отставку, хотя это и было бы нарушением конституции. В этом случае цель вооруженной демонстрации была бы достигнута. Каких-то последствий для себя лично или своих подчиненных

маршал не ожидал, ведь он не раз уже навязывал свою волю руководителям государства.

Встреча состоялась в 17 часов на западной стороне моста Понятовского, занятой сохранившими верность присяге курсантами военного училища. Сохранилось несколько свидетельств относительно содержания встречи. Пилсудский оставил свидетельство лишь об общем смысле разговора: он заявил президенту, что не ищет с ним войны, а только хочет отставки правительства Витоса. Более подробное свидетельство оставил Войцеховский: «Он приблизился ко мне, я встретил его словами: я защищаю честь польского войска. Это, видимо, задело его, потому что он схватил меня за рукав и сдавленным голосом сказал:

– Ну, ну! Только не так.

Я сбросил его руку и, не допуская возражений, сказал: «Я здесь олицетворяю Польшу, требую представить свои претензии легальным путем, категорического ответа на воззвание правительства».

– Для меня легальный путь закрыт. – Он обошел меня и направился к стоявшей в нескольких шагах за мной шеренге солдат. Я это воспринял как желание бунтовать солдат против правительства в моем присутствии, поэтому, проходя мимо строя к своему автомобилю, призвал:

– Солдаты, исполните свой долг!»

Стоявший несколько в стороне майор Мариан Порвит утверждал, что Пилсудский обратился к президенту со следующими словами: «Не мешайте. Обещаю, что ничего не случится ни с вами, ни с этими солдатами». На категорический отказ Войцеховского маршал отреагировал словами: «А я все равно пройду». Тогда глава государства обратился к Порвиту, командовавшему верными присяге курсантами офицерского училища: «Прошу исполнить полученные приказы» – и уехал.

После отъезда Войцеховского «спаситель отечества» стал безуспешно настаивать на пропуске его в город: «Когда я отказал в настойчивых просьбах, маршал Пилсудский подошел к цепи подхорунжих и обратился с вопросом: „Не пропустите меня, дети?“ Курсанты скрестили карабины и сомкнули строй со словами: „Не пропустим!“ Когда он спросил: „Будете в меня стрелять?“ – раздался возглас: „Да здравствует президент Речи Посполитой!“ – и одновременно команда, наверное, командира роты: „Заряжай!“»

Маршал отошел к группе ожидавших его офицеров и якобы сказал Веняведлугошовскому: «Это плохо!» [Jedrzejewicz W, Cisek J. Kalendarium zycia...Т. III. S. 13 – 14.]

О чем бы президент и маршал ни говорили на самом деле, из последующего развития событий совершенно очевидно одно – каждый из них остался при своем мнении. Компромисса достичь не удалось, и теперь конфликт могла разрешить только сила. Вскоре начался скоротечный бой на мосту Кербедзя, расположенном в районе Королевского замка, который положил начало длившемуся до 14 мая 1920 года сражению на улицах столицы. После встречи с президентом Пилсудский практически перестал интересоваться происходящим, руководство взяли на себя генерал Орлич-Дрешер и подполковник Бек. Пока бунтовщики организовывали наступление на правительственные войска, маршал, лежа на кушетке в канцелярии 36-го пехотного полка, рассуждал о корпусе Довбор-Мусницкого и его шансах в борьбе с немцами, то есть о событиях 1917 года.

Был ли это шок, вызванный пониманием того, что события вырвались из-под его контроля и пошли своим путем, то есть в очередной раз вступила в действие логика войны, или желание остаться лично в стороне от неизбежного братоубийственного столкновения? Сам Пилсудский не оставил об этом ни прямых, ни косвенных свидетельств. Несомненно одно: 12 мая 1926 года он пережил самый трагический момент в своей жизни. И дело было не в том, что вновь, как уже случалось не раз, не оправдались его расчеты. Много страшнее было то, что он, страстно желавший, чтобы Польша была государством, где правит закон, преступил конституцию. Не так важно, хорошей или плохой она была. Теперь маршал должен был грубо нарушить ее, ослабив тем самым фундамент всей польской государственности. Насилие над конституцией сопровождалось внесением брожения в армию, которую он считал своим главным и любимым детищем в независимой Польше, нарушением столь горячо им отстаивавшегося все последние годы принципа аполитичности вооруженных сил. Он понимал, что поставил тысячи людей перед нелегким выбором: сохранить верность ему, Первому маршалу Польши, или же конституции. Не все смогли это сделать легко.

Известны случаи самоубийства или покушения на суицид старших офицеров. В числе последних был и Казимеж Соснковский, которого с Пилсудским много лет связывали близкие отношения и общее дело: стрелковые дружины, легион, Военный департамент Временного госсвета, Магдебург, военное строительство в независимой Польше и ночные шахматы в Бельведере. Маршал был даже свидетелем на его свадьбе. 13 мая Соснковский, «шеф», как его обычно звал Пилсудский, командуя войсками Познанского военного

округа, часть из которых в это время двигалась на помощь правительству, выстрелил себе в грудь из пистолета крупного калибра, но не попал в сердце. Рана была тяжелой, но генерал выжил и прожил потом долгую жизнь, скончавшись в эмиграции в 1969 году в возрасте 84 лет. Но с 1926 года их пути с Пилсудским начали постепенно расходиться.

Ситуация в Варшаве с самого начала складывалась не в пользу правительства. Маршал изначально имел почти двукратное преобладание в живой силе. На его стороне были симпатии большинства варшавян, все еще находившихся под влиянием пилсудчиковской пропаганды и наивно веривших, что приход их кумира к власти сразу же решит все стоящие перед страной и каждым из них проблемы. Кроме того, бунтовщиков усилили около 800 членов Стрелкового союза. Варшавская организация ППС объявила мобилизацию своих членов и сформировала рабочий батальон (правда, оружия ему Пилсудский так и не доверил). Поведение варшавской улицы в дни переворота убедительно свидетельствует, что парламентаризм образца 1921 года не прижился в Польше, так и оставшись «платьем на вырост». Витос вспоминал: «Мне казалось, что все, что осталось живого в Варшаве, обратилось против нас... Национальные организации не выдержали экзамена совершенно... Какая большая разница между 1922 и 1926 годами! Тогда национальные элементы полностью господствовали на улице, а что сейчас?» [Witos W. *Moje wspomnienia*. Т. 3. *Państwowy Instytut Wydawniczy*, 1965. S. 97.] И это в столице, центре политической и культурной жизни страны, «втором Париже», где было больше всего людей, приверженных демократии и законности! Польша мечтала о сильной власти...

Войска Пилсудского в первый же день захватили главные узлы связи, расположенные в зданиях Совета министров, военного министерства, министерства почт и телеграфа, Генерального штаба. Линия фронта проходила неподалеку от Бельведера, резиденции президента, куда переехали правительство и штаб обороны Варшавы. Легальные власти могли теперь поддерживать связь с провинцией только с помощью авиации, базировавшейся на аэродроме «Мокотув» на самой окраине города, но недалеко от резиденции президента.

Душевный кризис «дедушки» продолжался недолго. Спустя три часа после встречи с президентом он уже был в городской военной комендатуре на улице Краковское Предместье и тут же приступил к решению политических вопросов, поскольку военные вполне могли обойтись и без него. В девять вечера состоялась его встреча с Ратаем, которого он просил довести до Войцеховского, что перевес сил на его стороне и правительству нечего надеяться на успех. Однако президент вновь отказался от любых переговоров. Затем состоялась его встреча с руководителем пэпээсовского профсоюза железнодорожников

Адамом Куриловичем, на которой обсуждался вопрос о забастовке на железнодорожном транспорте, чтобы не допустить переброски в Варшаву верных присяге войск.

Уже глубокой ночью состоялась импровизированная пресс-конференция Пилсудского, во время которой он пожаловался на физическую и моральную усталость, поскольку ему, всегда бывшему противником насилия, пришлось пойти, после длительных колебаний, на применение силы со всеми вытекающими из этого последствиями. Маршал так определил цель своей акции: «Я всю жизнь боролся за значение того, что называется *imponderabilia* – то есть честь, достоинство, мужество и вообще внутренние силы человека, а не за выгоды собственные или ближайшего окружения. Не может быть в государстве слишком много несправедливости по отношению к тем, кто трудится для других, не может быть в государстве – если оно не хочет погибнуть – слишком много беззакония» [Piisudski J Pisma zbiorowe... Т. IX. S.9.].

Из этих слов следовало только одно: он пошел на крайние меры не потому, что ему хочется встать над правом, конституцией, президентом, а чтобы государство было справедливым к своим гражданам и в нем торжествовал закон...

13 мая успех сопутствовал правительственной стороне, которая, получив подкрепления, сумела несколько потеснить соперника. Но решительного перелома ей добиться не удалось. В этот же день Пилсудский предпринял еще две безуспешные попытки договориться с президентом о прекращении борьбы на его условиях.

Все решилось 14 мая, когда Пилсудский получил подкрепления из Вильно, а верные присяге войска были задержаны забастовавшими железнодорожниками. После обеда его части заняли аэродром, лишив правительственную сторону всякой связи со страной. Из-за невозможности больше защищать Бельведер было решено эвакуировать пешим порядком президента, правительство и штаб в городок Вилянов рядом с Варшавой. Здесь состоялось совещание с участием президента, правительства и генералов С. Галлера и Т. Розвадовского. Военные высказывались за продолжение борьбы и переезд правительства и президента в Познань. Витос был против, считая, что гражданская война будет иметь для Польши плачевные последствия. Его поддержали другие министры. Выслушав всех, Войцеховский заявил, что слагает с себя полномочия президента [О глубине разделившего Польшу общественного конфликта свидетельствуют сохранившиеся письма Пилсудскому, написанные по горячим следам переворота. Одни называли его «убийцей», «низким бандитом», предателем,

продавшимися соседям за золото; другие, захлебываясь от восторга, величали его «польским Муссолини», «народным вождем» и т. п. – РГВА. Ф. 476. Оп. 2. Д. 4. Л. 10, 17, 37, 43 и др.]. В соответствии с конституцией его обязанности перешли к маршалу сейма Ратаю. Вслед за президентом решение об отставке принял кабинет министров.

Началась процедура передачи власти. Ратай наивно полагал, что как исполняющий обязанности президента он может заняться составлением нового кабинета национального примирения. Для этого у него даже был подходящий кандидат. Однако утро 15 мая показало, у кого теперь последнее слово в важнейших государственных делах. Пилсудский, остановившийся в дни переворота на квартире у старого друга Желиговского, из которой можно было непосредственно попасть в здание военной комендатуры Варшавы, уже принял решение. Проснувшись после ночного сна, он поручил формирование первого после государственного переворота правительства Казимежу Бартелю, профессору Львовского политехнического института, достаточно хорошо известному политическому деятелю. Он состоял в одной из тайных организаций сторонников «твердой власти», которая еще до переворота вошла в орбиту влияния Пилсудского. Для себя маршал зарезервировал пост военного министра. Так завершился парламентский этап истории Второй Речи Посполитой. За расставание с ним страна заплатила гибелью 379 человек (в том числе 164 гражданских лиц), 920 человек получили ранения.

Чрезвычайное напряжение нервных сил и моральные терзания не прошли для Пилсудского бесследно. Жена, увидевшая его после трех дней разлуки, вспоминала: «Я была поражена его видом. За последние три дня постарел на десять лет. Выглядел так, будто потерял половину тела, его лицо было пергаментно белым и удивительно прозрачным, как будто освещенным изнутри. Глаза глубоко запали от усталости. Еще только раз видела его в подобном состоянии – это было за несколько часов до смерти... Эти три дня оставили на нем свой безжалостный след до конца жизни. К нему больше не вернулись ни прежнее спокойствие, ни самообладание. Казалось, на его плечи лег какой-то большой груз...» [Piisudska A. Wspomnienia. Londyn, 1960. S. 291.]

Глава восьмая

ДИКТАТОР

Легализация режима «дедушки»

Решение Станислава Войцеховского о приведении в действие 40-й статьи конституции о преемственности власти президента в случае невозможности

исполнения им своих обязанностей обеспечило процедуру передачи власти. Пилсудский, изначально сделавший ставку на установление закамуфлированной, а не открытой диктатуры, не стал разгонять столь ненавистный ему сейм первого созыва. Хотя его штаб, не до конца посвященный в политические комбинации маршала, сразу же после окончания варшавских боев поспешил широко оповестить, что Войцеховский якобы передал высшую власть Пилсудскому, которого уходящий президент считал единственно способным и достойным управлять страной.

Как уже отмечалось ранее, маршалу сейма Ратаю, к которому по конституции перешли обязанности президента, в первый момент показалось, что он обладает реальными властными полномочиями. Однако Пилсудский без промедления показал, что маршал глубоко заблуждается. Без каких-либо консультаций с политическими партиями было сформировано правительство Бартеля, тут же утвержденное Ратаем. Подобная практика отныне стала традиционной. Теперь в межвоенной Польше будут меняться кабинеты (до 1939 года их будет 12), но не будет правительственных кризисов, коалиционных соглашений, межпартийных споров при дележе портфелей и прочих атрибутов презренной «сеймократии» образца 1921 года. Сам Пилсудский будет занимать пост военного министра во всех правительствах вплоть до своей смерти. Кроме того, маршал предупреждал всех премьеров нового режима о том, что в его компетенции будут также все вопросы внешней политики. Он не делал из этого тайны и хотел, чтобы об этом были проинформированы зарубежные партнеры. Первый кабинет Бартеля был составлен из малоизвестных в политике людей, полностью обязанных своим карьерным взлетом Пилсудскому. Никто из членов прежних кабинетов в правительство приглашен не был, равно как и более или менее известные деятели поддержавших переворот партий.

Неотложной задачей для маршала была ликвидация раскола армии. В момент прекращения боев в окрестностях Варшавы продолжалась концентрация верных присяге войск, в Великой Польше и Поморье формировался добровольческий легион. Это означало, что все еще сохранялась угроза возобновления боев и продолжительной гражданской войны. Вечером 15 мая 1926 года после приведения кабинета к присяге Ратай издал декрет, запрещающий дальнейшие военные действия. Его исполнение было поручено военному министру. Это еще раз показало, что Пилсудский соблюдал видимость конституционности нового режима. В соответствии с декретом была создана ликвидационная комиссия во главе с генералом Желиговским, задачей которой было полное умиротворение армии.

16 мая противостоящими воинскими группировками было подписано соглашение о прекращении военных действий и подчинении приказам военного

министра. Пилсудский потребовал от всех частей выделить представителей для участия в торжественных похоронах павших в боях военнослужащих. Изданная им инструкция гласила, что он запрещает обеим сторонам всяческие ссоры и споры, требует от них не поддаваться чувству мести, чтобы как можно скорее установить спокойствие и порядок в стране.

17 мая (этот день был объявлен в Варшаве траурным) с участием членов правительства прошла церемония похорон погибших военнослужащих. Военный министр Пилсудский на них не присутствовал. Во время отпевания в гарнизонной церкви случился инцидент, получивший широкий общественный резонанс. Из ризницы вышел капеллан легиона Юзеф Панась, автор вышедших в 1920 году воспоминаний, восхвалявших Пилсудского, сорвал с груди боевые награды и бросил их под ноги генералу Орличу-Дрешеру. Это свидетельствовало, что далеко не все прежние сподвижники маршала соглашались с его действиями. Со временем Панась, сблизившись с крестьянским движением, стал одним из символов антипилсудчиковской оппозиции.

22 мая появился известный приказ Пилсудского по армии, посвященный майским событиям. В нем он, в частности, написал: «Когда братья преисполнены любви друг к другу, то между ними завязывается узел крепче всех других людских узлов. Когда братья ссорятся и узел рвется, то их ссора также сильнее всех других. Это закон человеческой жизни. Это мы продемонстрировали несколько дней тому назад, когда в столице несколько дней сражались друг с другом. Наша кровь впиталась в одну землю – землю, одинаково дорогую одним и другим, обеими сторонами одинаково любимую. Так пусть эта горячая кровь, самая ценная в Польше кровь солдата, под нашими ногами будет новым посевом братства, пусть провозглашает общую для братьев правду... Пусть Бог всепрощающий смилуется над нами и карающую руку отведет, а мы займемся нашей работой по укреплению и возрождению нашей земли» [Piłsudski J. Pisma zbiorowe... T. IX. S. 10 – 11.].

Призыв к примирению и консолидации армии был сформулирован хотя и в беллетристической форме, но вполне однозначно. Маршал явно брал на себя обязательство не преследовать своих недавних противников. Но бросается в глаза отсутствие еще недавно столь популярных рассуждений о роли морали в жизни государства и армии, а также сведение имеющего под собой глубокие идеологические и политические причины конфликта к братской перебранке с дракой. Заметим, что Пилсудский не сдержал своего обещания, и в последующие месяцы и годы немало офицеров вынуждены были распрощаться со службой. Многие досрочно ушли в добровольную или вынужденную отставку. С 1926 по 1934 год убыль кадровых офицеров в армии составила 6

032 человека, то есть более трети офицерского корпуса. Уволилось и более 3 500 командиров молодого возраста [Zarys dziejow wojskowosci polskiej (1864 – 1939). Warszawa, 1990. S. 527.]. Конечно, далеко не все выражали свой протест таким образом, но о том, что их было не так уж и мало, свидетельствует поведение курсантов на мосту Понятовского. А судьба арестованного сразу же после переворота генерала Влодзимежа Загурского, по приказу которого авиация бомбила войска мятежников, неизвестна до сих пор.

Следующим рубежом в оформлении режима Пилсудского явились президентские выборы, назначенные на 31 мая. Они должны были дать ответ на вопрос о том, насколько удалось Пилсудскому деморализовать польский политический класс. Все прекрасно понимали, что Ратай, занимавший пост президента временно, не мог противостоять Пилсудскому, за которым была сила. Иное дело – парламент, в обеих палатах которого заседали в совокупности 555 депутатов и сенаторов.

В отличие от президентских выборов 1922 года, когда изначально существовала небольшая вероятность того, что в них будет участвовать Пилсудский, сейчас у него была совершенно иная позиция. Он, используя общественное возбуждение и наивное ожидание лучшей жизни, мог в качестве официального главы государства существенно увеличить свои полномочия за счет парламента, даже не распуская его. И в те две недели между окончанием переворота и заседанием национального собрания маршал ни разу не намекнул на нежелание взять на себя формальную ответственность за все, что будет происходить с Польшей. Более того, в своих интервью он всячески давал понять обществу, каковы будут его дальнейшие действия, что можно было трактовать как намерение встать во главе государства. В первом таком интервью 23 мая французской газете «Матэн» Пилсудский достаточно откровенно заявил, что ради блага Польши готов на любые действия, даже не совсем конституционные, и что является сторонником сильной власти. Чрезвычайно многозначительным было такое его высказывание: «Если и могут быть какие-то колебания в выборе средств, когда хочется остаться в рамках легальности, то их нет там, где цель – спасение Польши. Только правление на основе сильной власти может дать в данном случае хорошие результаты. Я не буду насиловать конституцию, но выполню свой долг» [Piisudski J. Pisma zbiorowe... T. IX. S. 11 – 13.].

Еще в одном интервью корреспонденту «Матэн», желая успокоить международную общественность, Пилсудский пообещал не менять миролюбивую внешнюю политику Польши. Зато достаточно определенно сформулировал свое видение необходимых стране преобразований в сфере государственного устройства. Он отверг модный тогда в Европе фашизм,

поскольку поляки его не примут, и личную диктатуру, хотя не скрывал, что любит лично принимать решения и считает себя сильным человеком. Больше всего ему нравилась американская модель государственной власти, с оговоркой, что ее следует приспособить к польским условиям. В числе необходимых преобразований в конституционном устройстве маршал назвал наделение президента правом самостоятельно принимать решения по важнейшим вопросам государственной жизни, ослабление роли парламента, упрощение законодательства. Тем самым он четко сформулировал направление эволюции польской политической системы: от ничем не ограниченного парламентаризма к республике президентского типа [Там же. S. 20 – 22.].

Вплоть до президентских выборов Пилсудский оттачивал аргументы, оправдывающие его открытое надругательство над законностью. В конечном счете они приобрели следующий обобщенный вид: «Я решился на него (переворот. – Г.М.) сам, в соответствии со своей совестью, и не считаю нужным объясняться по этому поводу. Главными причинами нынешнего положения в Польше – то есть нищеты, внутренней и внешней слабости – было воровство, остающееся безнаказанным. В Польше над всем господствовали интересы индивида и партии, царила безнаказанность за все злоупотребления и злодеяния». Упомянул он и о возрастающей зависимости государства от «нуворишей» [Там же. S. 31.]. Диктатор прямо говорил обычному, уставшему от кризиса поляку, что знает причины его бед, не может оставаться к ним безразличным и сделает все для их искоренения. А аргумент о том, что он знает расхитителей государственных средств и будет с ними бороться во все времена и при всех режимах, пока они еще молоды, беспроигрышен.

Решая, как и в ноябре 1918 года, задачу консолидации общества вокруг своего видения будущей Польши – богатой, сильной, справедливой к своим гражданам, – Пилсудский стремился к тому, чтобы каждая социальная группа, класс, сословие (но не партия) увидели в нем представителя и выразителя своих интересов. Поэтому 27 мая он убеждал читателей, что никогда не хотел быть членом какой-то партии и вообще был против господства партий в Польше. Главным для него в тот момент было убедить членов национального собрания в том, что он – идеальный кандидат в президенты. Следовало создать такой собственный имидж, чтобы получить максимально широкую поддержку. Наиболее настойчиво он доводил до своих выборщиков мысль, что государственный переворот – не преддверие революционных преобразований. Он с гордостью говорил: «...Я не перестану утверждать, что совершил единственное в своем роде историческое деяние, что я совершил нечто похожее на государственный переворот и сумел его тут же легализовать и что я совершил нечто вроде революции без каких-либо революционных

последствий» [Там же. S. 18.]. Обещал не проводить в жизнь левые или правые экспериментальные программы, в том числе и в решении социальных проблем, а уж тем более не следовать в этом за СССР.

О необходимости избрания маршала президентом твердили правительство, левые партии и, конечно, пилсудчики, оказывая давление на членов национального собрания. Сам же Пилсудский держал общество и парламентариев, помнивших его отказ от участия в президентских выборах в 1922 году, в состоянии неведения. Так, из его интервью от 27 мая следовало, что при нынешней конституции он не хочет быть президентом. А спустя два дня, на встрече с парламентариями, он говорил совершенно иное: «Условия сложились таким образом, что я, смеясь над вами всеми, мог бы не пустить вас в зал национального собрания, но я решил попробовать, можно ли еще в Польше править без кнута. Не собираюсь оказывать давление, но предостерегаю, что сейм и сенат – это наиболее ненавистные в обществе институты. Попытайтесь еще раз. Давления не будет. Никакая физическая сила не будет на вас влиять. Я дал гарантию свободного выбора президента и свое слово сдержу, но предупреждаю, не заключайте с кандидатом в президенты партийных договоров. Кандидат в президенты должен стоять над партиями, должен уметь представлять всю нацию. Знайте, в противном случае я не буду защищать сейм и сенат, когда к власти придет улица. Не может в Польше править человек, терроризируемый негодьями, и я этому противостою.

Я объявил войну негодьям, мерзавцам, убийцам и ворами и в этой борьбе не отступлю. У сейма и сената слишком много привилегий, и нужно, чтобы больше прав было у членов правительства. Парламент должен отдохнуть. Позвольте членам правительства отвечать за то, что они делают. Пусть президент формирует правительство, но без давления партий. Это его право.

С моей кандидатурой можете делать, что хотите. Я ничего не постыжусь, если мне не будет стыдно перед собственной совестью. Мне все равно, сколько голосов я получу – два, сто или двести. Но я не буду оказывать давление в пользу моего избрания. Выбирайте того, кого вы захотите, но ищите кандидатов непартийных и достойных высокого поста. Если же вы так не сделаете – то я вижу для вас все в черных тонах, а для себя в цветах неприятных, потому что я не хотел бы править с помощью кнута...» [Piisudski J. Pisma zbiorowe... T. IX. S. 32.]

Это выступление можно считать ключевым в избирательной кампании маршала. В нем он не только изложил свой план эффективного управления Польшей, но и пре 31 мая, с соблюдением повышенных мер безопасности, ровно в 10 часов утра начало свою работу уже третье за время работы

парламента первого созыва заседание национального собрания. Депутат от ППС Зыгмунт Марек предложил кандидатуру Пилсудского, а национальные демократы и их союзники поставили на познанского воеводу графа Адольфа Бниньского, демонстративно не признававшего кабинет Бартеля. Это означало, что правое крыло сейма не собиралось конструктивно вписываться в новую политическую реальность.

В зале заседаний присутствовали 546 депутатов и сенаторов, среди девяти отсутствующих был и Витос [Бывший премьер чувствовал себя глубоко оскорбленным. Обычно весьма сдержанный, он, незадолго до выборов, когда ему по поручению Пилсудского позвонил Бартель, раздраженно попросил снявшего трубку передать премьеру, чтобы он поцеловал его в одно место. К тому же он знал, что большинство депутатов из его парламентской фракции собираются голосовать за кандидатуру диктатора.]. Результаты тайного голосования были следующими: имя Пилсудского в бюллетени вписали 292 выборщика, Бниньского – 193, 61 бюллетень оказался незаполненным. За Пилсудского проголосовали не только представители левых партий и отдельных национальных меньшинств (евреи, немцы), но и значительная часть центристов. Среди правых капитулянтов практически не было. Оба кандидата не устраивали главным образом представителей украинцев и белорусов, а также коммунистов, воздержавшихся при голосовании. С учетом их голосов преимущество Пилсудского было не таким уж и внушительным. Тем не менее результаты голосования свидетельствовали, что большая часть польской политической элиты согласилась узаконить государственный переворот и признать право его устроителя на дальнейшее управление страной на условиях, которые он сформулировал в предшествующие недели.

Известие об избрании Пилсудского президентом Польши молниеносно облетело страну. Полные энтузиазма его сторонники организовывали митинги и торжественные шествия. Особо отличился генерал Роман Турецкий, который с группой офицеров прошествовал к памятнику князю Юлиушу Понятовскому [Племянник последнего короля Речи Посполитой, один из наполеоновских маршалов, во главе польских войск участвовал в Бородинском сражении, погиб в 1813 году под Лейпцигом. Фельдмаршал И. Паскевич после победы в польско-русской войне 1831 года вывез памятник к себе в имение в Белоруссию, откуда он был возвращен в Польшу на основании Рижского мирного договора.] на Саксонской площади и доложил покойному маршалу Франции, что Первый маршал Польши избран президентом Речи Посполитой.

В тот самый момент, когда, как казалось, вся интрига счастливо разрешилась, грянуло сенсационное известие. Пилсудский отказался принять пост. В письме Ратаю он поблагодарил национальное собрание за то, что с его помощью он

смог второй раз в своей жизни легализовать свои усилия и исторические деяния, за то, что, в отличие от 1919 года, выбор не был единогласным, но принять его не может: «Я не смог побороть свою память, не смог найти в себе веру в себя на этой работе, которой я уже однажды занимался, и в тех, кто меня призвал на этот пост. Слишком сильна в моей памяти трагическая фигура убитого президента Нарutowича, которого я не сумел уберечь от ужасной судьбы, слишком сильно действует на меня brutальное нападение на моих детей.

Не могу не сказать еще раз, что я не смогу жить без непосредственной работы, в то время как существующая конституция президента от такой работы отстраняет и отдаляет. Мне пришлось бы излишне мучиться и ломать себя. Для этого нужно иметь другой характер». Он также попросил извинения за то, что не оправдал надежд, у всех, кто за него голосовал и кто вне зала национального собрания требовал от него стать президентом.

Существует множество интерпретаций этого небольшого текста. Поскольку сам Пилсудский не оставил подробного комментария с изложением глубинных мотивов своего решения, остается только одна возможность – соотносить его с предшествующими и последующими действиями маршала. Для него было очевидным, что легализация переворота хотя и состоялась, но устами определенных партий, а не всего парламента. Поэтому формально он не мог считать себя президентом всех граждан Польши. Но более важным, как представляется, было другое соображение. Ему, получившему в полное распоряжение вооруженные силы, совершенно была не нужна должность президента, занятие которой автоматически заставляло его передать текущий контроль над армией пусть даже доверенному лицу, но другому. Таким образом, жалобы человека, только что совершившего государственный переворот, на ущербность конституции предназначались исключительно для широкой публики, не очень хорошо разбирающейся в тонкостях политики.

А общественность действительно горячо откликнулась на его стенания по поводу несовершенства Основного закона. По стране прокатилась волна массовых митингов и собраний, участники которых требовали изменить конституцию в желательном для маршала духе. Так в общественное сознание стала внедряться очень важная для пилсудчиков идея, что конституция 1921 года не дает спасителю отечества возможности осуществить имеющуюся у него программу улучшения условий жизни граждан Польши. Что же касается упоминаний о Нарutowиче и покушении на жизнь его дочек, то их можно трактовать только как предупреждение правым партиям, что его отношение к ним с момента знаменитой речи в Малиновом зале «Бристоля» не изменилось.

Отчаявшаяся общественность, не представлявшая себе жизни без Пилсудского во главе государства, направляла к нему делегации, умолявшие пересмотреть свое решение. Ситуация все больше походила на ту, которая была в Московской Руси в момент отъезда Ивана Грозного в Александровскую слободу. Пилсудский, в отличие от царя, на уговоры не поддавался.

Начался поиск другого кандидата в президенты. Были озвучены фамилии Мауриция Замойского, Сливиньского, профессора Виленского университета Мариана Здзеховского, но все они вызывали различные возражения. Тогда премьер Бартель назвал имя своего коллеги по Львовскому университету профессора химии Игнация Мосьцицкого. Пилсудскому кандидатура понравилась [Выбор Мосьцицкого вряд ли был случайным. Известно, что сразу же после переворота он посетил Пилсудского в Варшаве. Маршал также показывал, что таким образом он хотел увеличить в составе правящей группы долю людей с техническим образованием.]. Как мы помним, это был его старый знакомый по ППС, давно отошедший от политики и сделавший прекрасную научную и менеджерскую карьеру (директор государственной фабрики азотных соединений в Гожуве). В политических кругах его не знали, никакая политическая или хотя бы общественная организация за ним не стояла. То есть Мосьцицкому была изначально уготована роль марионетки в руках Пилсудского. О том, что диктатор хочет видеть его на посту главы государства, профессор узнал лишь 31 мая вечером. Об этом ему сказал премьер, а не диктатор.

Решение Пилсудского стало шагом, довольно оскорбительным для голосовавших за него выборщиков. У них было минимальное поле для маневра – или подчиниться воле маршала, или попытаться хоть как-то сохранить лицо, выдвинув собственных кандидатов на пост, от которого маршал отказался за ненадобностью. Но времени на подготовку было немного, поскольку выборы президента были назначены на следующий день, 1 июня. На этот раз участникам заседания нужно было выбирать из трех кандидатов: социалисты «для массовости» предложили на пост президента упомянутого выше Марека. Победителями первого тура голосования оказались Мосьцицкий и Бниньский, а во втором туре за кандидата режима проголосовал 281 выборщик, а за Бниньского – 200. И на этот раз левоцентристское большинство, сложившееся 31 мая, согласилось с волей Пилсудского. Он мог торжествовать, продемонстрировав всей Польше справедливость своих слов о беспринципности польских парламентариев, особенно центристов, входивших в состав свергнутой им правительственной коалиции.

С избранием Мосьцицкого президентом завершился второй, после замирения армии, этап в становлении диктатуры санации – «оздоровления» Польши.

Парламент был окончательно деморализован, правые партии изолированы от своих потенциальных союзников из центра, левые разделили с Пилсудским ответственность за дальнейшее развитие Польши. Новая реальность в Варшаве была принята как должное и за границей.

Теперь, имея за собой послушное большинство, Пилсудский мог заняться решением других вопросов: модификацией польского парламентаризма образца 1921 года, чтобы встроить в уже существующую политическую систему сильную исполнительную власть, мало зависимую от сейма, а также юридическим закреплением его особой позиции в армии.

6 июня Мосьцицким, приведенным к присяге за два дня до этого, было назначено постоянное правительство во главе с тем же Бартелем. В его составе, особенно на ключевых постах, было немало масонов. Если напомнить, что Пилсудский в свое время через Владислава Барановского, магистра ложи «Великий Восток», ввел в состав этой тайной организации нескольких своих особо доверенных лиц (Славека, Веняву-Длугошовского и др.), то в этом не было ничего неожиданного. Тем более что масоны, объединявшие в своих ложах либерально настроенных представителей образованных слоев населения, были заклятыми врагами национальных демократов, а те платили им взаимностью. Именно это правительство и должно было решить задачи третьего этапа оформления диктатуры.

Первым делом кабинет занялся вопросом об отношениях военного министра с президентом, правительством и сеймом. Пилсудский сам определил, как эти отношения должны выглядеть, а затем свое решение адресовал премьеру в качестве условий, на которых он готов занять во втором правительстве Бартеля пост военного министра. Это было трудно объяснимое поведение – ведь именно маршал, а не премьер или президент принимал решения по основным политическим вопросам. В июне по предложению Пилсудского Совет министров и президент утвердили его председателем Узкого военного совета. Было также решено, что все вопросы, входящие в компетенцию высших военных властей и не отнесенные конституцией к прерогативам законодательной власти, будут регулироваться в дальнейшем декретами президента, согласованными с военным министром.

Наиболее важные изменения были внесены в конституцию 2 августа 1926 года (так называемая «августовская новелла»). В соответствии с ними президент получал право по предложению Совета министров распускать парламент (раньше он мог это сделать лишь с одобрения сената), а палаты парламента лишились возможности самороспуска. Президенту разрешили издавать распоряжения, имеющие силу закона с момента их оглашения, то есть декреты.

Они переставали действовать в двух случаях: 1) не были представлены на рассмотрение парламента в течение 14 дней с момента открытия сессии; 2) не утверждены парламентом. Менялся регламент работы сейма – с постоянной на сессионную. С этого момента главной задачей парламента становилось принятие государственного бюджета на созываемой раз в год очередной сессии продолжительностью пять месяцев. Если сейм не успевал принять бюджет в отведенные ему сроки, то это мог сделать президент своим решением.

Одновременно сейм одобрил закон о полномочиях президента. Теперь только он мог созывать и закрывать сессии парламента, а также распускать сейм. В совокупности с правом вмешательства в работу кабинета министров это обеспечивало ему возможность прямо влиять на функционирование высшей законодательной и исполнительной власти. Формально именно президент являлся теперь наиболее влиятельным человеком в государстве. На практике же реальной властью обладал лишь Пилсудский.

5 августа правительство приняло решение о существенном повышении жалованья кадровому составу армии, что полностью соответствовало ожиданиям офицерского корпуса. А на следующий день президент подписал подготовленный Пилсудским проект декрета об организации высших военных властей. Президент получил право издавать декреты по вопросам, не требующим законодательного урегулирования, назначать и освобождать от должности по решению кабинета, принятому по предложению военного министра, генерального инспектора вооруженных сил, заместителя военного министра и начальника Генерального штаба. Он также производил по представлению военного министра назначения на должности командиров дивизий и выше, а также присваивал все офицерские звания.

Военный министр командовал вооруженными силами в мирное время, назначал на должности, не включенные в номенклатуру президента, и освобождал от них, нес конституционную и парламентскую ответственность за свои действия. Поскольку согласно конституции президент не мог быть главнокомандующим в военное время, вводился институт генерального инспектора вооруженных сил, который во время войны становился главнокомандующим. В мирное время он был постоянным заместителем военного министра по всем вопросам, касавшимся подготовки армии на случай войны. При этом министр обязан был согласовывать с ним все вопросы назначений на должности командира полка и выше. Генеральный инспектор разрабатывал и контролировал все мобилизационные и оперативные мероприятия.

Формально декрет предоставлял президенту как верховному

главнокомандующему вооруженных сил большие, чем прежде, права. Теперь он не руководил, а командовал армией через посредство военного министра. При этом в командовании выделялись две области деятельности: в мирное и в военное время. Первой должен был руководить военный министр, второй – генеральный инспектор. Отношения между ними были прописаны в декрете в самом общем виде. Необычным было то, что генеральный инспектор имел больше полномочий, чем военный министр, формально его прямой начальник. Генеральный инспектор был также референтом Комитета государственной обороны, созданного в октябре 1926 года. Без его согласия этот высший коллективный орган, отвечавший за все аспекты обороны государства, не мог принять ни одного решения. Введенная в Польше модель организации высших военных властей не имела аналогий в других странах, так как она устанавливала институт генерального инспектора, не подконтрольный никаким конституционным органам власти.

Пилсудский, готовя декрет, исходил не только из стремления обеспечить себе прочный контроль над армией, но и необходимости освободить готовящего армию к войне генерального инспектора от повседневной текучки дел в военном министерстве.

28 августа декретом президента генеральным инспектором был назначен Пилсудский. При этом он сохранил за собой и кресло министра военных дел. Теперь в его руках было сосредоточено руководство армией как в мирное, так и военное время. Первоначально он рассматривал такое совмещение в качестве временной меры, но до своей кончины так и не решился оставить хотя бы один из постов. В результате ему пришлось рассматривать и решать не только вопросы развития отдельных родов войск и оборонной промышленности, но и текущей жизни вооруженных сил, военного бюджета и т. д. Одним из последствий совмещения стало возрастание роли военных в государственном аппарате.

На основании декрета об организации высших военных властей Пилсудский осуществил реорганизацию института инспекторов армии, которые во время войны должны были стать командующими армиями. Со временем их численность увеличилась с шести до четырнадцати. Помимо инспекторов армии был введен институт генералов для работы при генеральном инспекторе вооруженных сил, будущих командующих оперативными группами. Эта реформа позволила маршалу отстранить с первых ролей генералов, не вызывавших у него доверия, и приступить к формированию собственной военной элитарной группы, в которой все большую роль играли выходцы из польского легиона. Так, с 1928 по 1932 год количество легионеров среди генералов возросло с 44 человек (54 процента всех генералов) до 54 (74

процента), инспекторов армии – с 3 (44,4 процента) до 7 (70 процентов), командующих военными округами – с 5 (50 процентов) до 8 человек (80 процентов) [Zarys dziejow wojskowonьsi polskiej ... S. 527.].

С момента издания декрета от 6 августа 1926 года можно говорить о завершении в основных чертах процесса становления в Польше ранней модели режима «санации». Она представляла собой своеобразный симбиоз личной диктатуры Пилсудского, опирающейся главным образом на армию, и остатков парламентаризма в виде легально действующих политических партий и представительных органов. Хотя они и потеряли ряд своих важных прерогатив, но все же сохраняли способность оказывать сопротивление диктатуре. Пилсудский не считал целесообразным открыто узурпировать государственную власть. Его интересовал только абсолютный контроль за военной и внешнеполитической областями государственной жизни. И он такую возможность получил на основании формально интерпретируемого права.

Своеобразие процесса становления режима заключалось в том, что Пилсудский, отказавшись от роспуска парламента, чего настойчиво добивались поддерживавшие его левые партии, сумел опереться на достаточно внушительное большинство депутатов. Одни из них объясняли свое голосование за предложения Пилсудского убеждением в их необходимости и полезности для страны. Другие руководствовались слепой верой в гений маршала. Третьи – хотя это и скрывалось – опасением потерять выгоды, связанные с участием в представительных органах власти. Против были, хотя и по разным соображениям, парламентарии от национальных демократов, коммунистов и славянских национальных меньшинств. Объективно лишь они сумели в какой-то степени сохранить лицо – свое и польского парламентаризма, но не более того. Если бы точно так же поступили другие депутаты, политическое развитие Польши пошло бы иначе. Невозможно точно утверждать как, но режиму, несомненно, пришлось бы опираться лишь на одну ногу – армию, а здесь в первое время после переворота позиции Пилсудского доминирующими не были.

Особое место Пилсудского на Олимпе власти подчеркнул переезд в июне 1926 года с квартиры Желиговского в Бельведер, до переворота служивший столичной резиденцией главы государства. Президенту был предоставлен варшавский Королевский замок. Пилсудский еще в 1918 году отказался от предложения устроить в нем свою резиденцию под предлогом, что замок в этом качестве подходит только монарху. Несомненно, Королевский замок был более представительным зданием, пригодным для светских мероприятий, которые со временем очень полюбил Мосьцицкий. Бельведер был уютнее, лучше подходил для жизни семьи с маленькими детьми. Александра Пилсудская вспоминала,

что существовало множество легенд о Бельведере и его прошлых обитателях, духи которых якобы бродили по ночам по его коридорам. На втором этаже в центральной части дворца располагалось несколько комнат, предназначенных лично для маршала, в том числе спальня и кабинет. По мере развития болезни Пилсудский все реже ими пользовался, потому что ему трудно было подниматься туда по лестнице. После смерти маршала в этих комнатах был устроен его музей.

С правой стороны к центральному вестибюлю примыкала адъютантская. Затем шла анфилада гостиных с окнами на парк, которую замыкала так называемая угловая комната, особенно любимая маршалом. В ней он и умер. Правое крыло начиналось с «зеленой комнаты» (ее еще называли комнатой княгини Лович – морганатической супруги великого князя Константина Павловича), а за ней – анфилада из шести комнат, занимаемых Александрой и девочками. В это крыло был отдельный вход со двора. Мебель во дворце в основном была выполнена в стиле бидермейер.

Дворец был удобен еще и потому, что недалеко располагался Генеральный инспекторат вооруженных сил (ГИВС). Он занимал построенный в начале XX века комплекс зданий Варшавского юнкерского училища, в которых в первые годы независимости находилось пехотное училище. Начиная с рубежа 1927 – 1928 годов Пилсудский перенес сюда из военного министерства свое основное рабочее место и даже иногда оставался ночевать. Со временем он будет оставаться там чаще, даже на несколько дней. Его апартаменты располагались на втором этаже. В кабинете стояли письменный стол, стол для совещаний, накрытый зеленым сукном, книжный шкаф с часами, кушетка, небольшой столик с художественно выполненной картой Вильно и окрестностей и сконструированный президентом Мосьцицким аппарат «горный воздух», насыщавший воздух озоном. Благодаря этому Пилсудский стал реже простужаться. Стены были украшены картинами, гравюрами, акварелями современных художников, а также фотографиями вождей восстания 1863 года. Окна кабинета выходили на густо заросший двор. В теплую погоду маршал любил сидеть в красном кожаном кресле на украшенной цветами большой террасе, вход на которую был из кабинета.

Рядом с кабинетом оборудовали спальню. Это была большая, с высокими потолками, довольно темная комната, доступ света в которую затрудняли высокие тенистые деревья. Мебели здесь было немного: большой стол, заваленный книгами и бумагами, небольшой столик, использовавшийся в качестве обеденного и для раскладывания пасьянсов, обычная кровать с ночным столиком, несколько стульев, на стене икона Остробрамской Божией Матери, которую Пилсудский считал своей небесной покровительницей

[Сохранилась интересная характеристика религиозности Пилсудского, данная варшавским митрополитом и кардиналом Александром Каковским: сомневается в существовании Бога, но глубоко верит в Деву Марию.]

Рядом со спальней располагалась комната для врача. С 1926 года обязанности личного врача Пилсудского в ГИВС стал исполнять Марчин Войчиньский, выпускник Петербургской военно-медицинской академии, участник социалистического движения, член Боевой организации ППС и Стрелкового союза. Войчиньский с женой, тоже врачом, временами даже готовившей обеды для Пилсудского, жили в здании Генерального инспектората этажом ниже маршала, что способствовало их частому общению и доверительным отношениям. Пилсудский, знавший Войчиньского с 1896 года [РГВА. Ф. 476. Оп. 1. Д. 79. Л. 198.], обращался к нему на «ты», использовал в качестве личного секретаря и при всей своей нелюбви к врачам терпел медицинскую опеку с его стороны.

Образ жизни Пилсудского по сравнению с сулеювековским периодом не изменился. «Дедушка» мало заботился о своем гардеробе, предпочитая серый легионерский китель без знаков различия, брюки с генеральскими лампасами и шинель. Лишь во время зарубежных поездок надевал костюм и пальто (в независимой Польше он впервые приобрел себе гражданское платье лишь перед поездкой в декабре 1927 года в Женеву на ассамблею Лиги Наций, рассматривавшую вопрос о польско-литовском споре). Проблемы возникали с пошивом новых мундиров, потому что он не любил примерок.

Жена маршала ввела обычай примерно раз в месяц приглашать к себе на чай дипломатический корпус, высших государственных чиновников и военных, парламентариев и других известных в обществе людей. Пилсудский часто бывал на этих приемах, занимал гостей военными историями или рассказами о дочерях. О политике говорил редко.

Несмотря на не очень крепкое здоровье, которое к тому же постепенно ухудшалось, маршал не хотел отказываться от привычного образа жизни. По-прежнему много курил и пил крепкий чай, ложился спать очень поздно, бывало, на рассвете, но не прочь был ненадолго вздремнуть днем. Многие свои встречи он назначал на ночное время, чем приводил привыкших к этикету аристократов в замешательство. Так, князь Януш Радзивилл, приглашенный в Бельведер в два часа ночи, был в полной растерянности, не зная, как ему одеться. Читал немного, в основном поэзию Юлиуша Словацкого и Станислава Выспяньского, «Хроники» Мацея Стрыйковского, а также литературу по военной истории. Вряд ли этому стоит удивляться, принимая во внимание огромный объем информации, с которой ему ежедневно приходилось иметь

дело. К тому же его, как человека, склонного к сложным политическим играм и интригам, вряд ли могли увлечь достаточно простые фабулы современных ему беллетристов.

Лучшей разрядкой и отдыхом было для него общение с детьми. Когда дочери подросли, а у него было немного свободного времени, он даже сопровождал их в магазин, чтобы помочь сделать покупки. В общении с ними был непосредствен и весел. Из поездки в Женеву в декабре 1927 года привез им в подарок два шуточных сюрприза. Один – в виде банки с джемом. Долго рассказывал о необычном вкусе ее содержимого, а когда они наконец открыли крышку, из банки выскочила резиновая змея. Вторым подарком были аппетитного вида булочки – тоже резиновые и с пищалкой внутри. В 1928 году, когда он уезжал на отдых в Румынию, дочери попросили проверить, действительно ли в Черном море черная вода. 1 октября в Констанце был составлен протокол, подписанный военным атташе Польши и подтвержденный автографом Пилсудского, что погруженная в море голубая ленточка через час не изменила своего цвета. По вышедшему сейчас из моды обычаю маршал вписывал в альбомы девочек в дни их именин трогательные стихи.

В шахматы он играл все реже, чтобы не давать повода для обид тем, кто не был приглашен на партию. По этой же причине отказался от карточных игр, хотя в свое время их любил, но по-прежнему с удовольствием раскладывал пасьянсы. Иногда при этом загадывал желания. Незадолго до смерти, когда силы его оставили, он просил, чтобы карты раскладывал один из адъютантов или младшая дочь, а сам с удовольствием наблюдал.

В 1930-е годы Пилсудский полюбил смотреть фильмы, показ которых в Бельведере организовывал один из его адъютантов. Особенно ему нравились документальные и комедийные ленты, на которых от души смеялся: «Пат и Паташон», «Флип и Флап». Слушал радио – известия и музыку. В поездки и в отпуск всегда брал с собой много книг, обязательно трилогию Сенкевича и «Хроники» Стрыйковского. Последней книгой, которую он читал незадолго до смерти, был польский перевод «Лорда Джима» английского писателя польского происхождения Джозефа Конрада (Юзефа Коженевского).

Особых мер безопасности он не признавал, в хорошую погоду ходил на службу пешком в сопровождении адъютанта, раскланиваясь с прохожими и обращая особое внимание на детей. Лишь в 1930 году, когда Фелициан Славой-Складковский доложил ему о раскрытом заговоре в рядах милиции ППС (о его достоверности существуют разные мнения), Пилсудский согласился на усиление мер безопасности при поездках, особенно в Сулеювек.

Пилсудский очень любил свою малую родину, часто сюда приезжал. В Вильно он обычно останавливался или у родственников, или в Представительском дворце. Но ему очень хотелось иметь какое-нибудь уютное пристанище на Виленщине, в сельской местности. Его родной Зулув давно уже был в руках других владельцев [Федерация польских защитников родины на собранные пожертвования в 1933 году выкупила ту часть Зулува, где раньше стоял дом, и подарила ее Пилсудскому на именины.]. В 1930 году мечту маршала удалось осуществить. Согласно закону кавалеры ордена «Виртути Милитари» имели право на земельный надел. В семье Пилсудских этим правом обладали оба супруга. После нескольких неудачных вариантов наконец-то было найдено остаточное имение Пекелишки, расположенное в 16 километрах к северу от Вильно. Всего в распоряжении Пилсудских оказалось 133 гектара угодий, в том числе большое озеро площадью 73 гектара. Был сделан ремонт деревянного дома, приведен в порядок старый парк и разбит фруктовый сад. Пилсудский полюбил свою новую обитель и с удовольствием приезжал сюда на отдых, в том числе и на автомобиле. Ему нравилась быстрая езда, и он даже составлял перед выездом график движения и следил за точным его соблюдением. Однажды из Варшавы до Друсkenиков шофер домчал его за 5 часов 40 минут – по тем временам почти что со скоростью гоночного автомобиля.

В отдыхе маршал нуждался все больше, поскольку постоянное нервное напряжение подрывало его и так не очень хорошее здоровье. Сейчас трудно установить, кто заставил его пройти углубленное медицинское обследование в 1927 году. Скорее всего, это сделала жена, имевшая возможность наблюдать его близко и регулярно, а может, и кто-то другой, имевший непосредственное отношение к медицине. Результаты обследования, видимо, были более чем тревожными. В связи с этим Пилсудский сформулировал десять вопросов к врачам, объединенные в три группы, на которые получил 27 июня 1927 года неутешительный ответ. Он гласил, что с медицинской точки зрения по причине переутомления «маршал временно не способен ни к какой службе» и ему необходим немедленный отдых продолжительностью три-четыре месяца. Врачи назначили достаточно строгую диету (употреблять в пищу только белое мясо и овощи, полностью отказаться от алкоголя, крепкого чая, черного кофе и супов на мясном бульоне, ограничить потребление жидкости четырьмя стаканами в день, выкуривать ежедневно не более 12 сигарет) и неутомительные пешие прогулки. Рекомендовалось регламентировать время и скорость поездок на автомобиле. Но самое главное, даже в случае выполнения пациентом всех этих предписаний, ему следовало наполовину сократить объем своих служебных обязанностей [Там же. Оп. 2. Д. 2. Л. 5.]. Это было более чем серьезное предупреждение. Но он им пренебрег, поскольку на кону была судьба создаваемого им режима, отождествляемого с высшим благом Польши.

Маршал очищает землю от нечисти

Установление режима санации происходило в достаточно благоприятной экономической обстановке. Уже в начале 1926 года в ряде отраслей наметилось оживление хозяйственной конъюнктуры, велись переговоры о внешних займах. Затянувшаяся стачка английских горняков повысила в Западной Европе спрос на польский уголь. Правительство Бартеля в экономической сфере практически продолжило курс прежних правительств, признало необходимость государственной поддержки сельского хозяйства и промышленности, но без внедрения механизмов государственного регулирования, пообещало сохранить главные социальные завоевания. Это обеспечивало ему нормальные отношения и с имущими классами, и с трудящимися.

По-иному развивалась ситуация в политической области. Сохранение за парламентом ряда его функций породило у депутатов иллюзию, что существует возможность отвоевать потерянные в пользу режима позиции. Бюджетная комиссия сейма существенно урезала проект бюджета на последний квартал 1926 года, особенно расходы военного министерства. Несмотря на противодействие правительства, сейм остался при своем мнении. Более того, 24 сентября он выразил вотум недоверия министру внутренних дел генералу Казимежу Млодзяновскому и министру по делам культов и народного образования Антонию Суйковскому. Географ и статистик, профессор Главной торговой школы Суйковский мало подходил на роль министра, но он был крестным отцом старшей дочери Пилсудского, а его жена – подругой Александры Пилсудской (как мы помним, государственную казну маршал не опустошал, в остальном же оставался типичным восточноевропейским политиком). После этого кабинет подал в отставку в полном составе, продолжая исполнять свои обязанности до формирования нового правительства. В этой ситуации Пилсудский, отдохавший в тот момент в Друскениках, сделал ход, приведший парламентариев в замешательство.

27 сентября президент Мосьцицкий назначил кабинет в прежнем составе. С формальной точки зрения такое решение не противоречило конституции, но фактически это была откровенная издевка над парламентом. Теперь сейм должен был или смириться с очередным поражением, или сделать ответный ход. 30 сентября сейму предстояло голосовать за урезанный им более чем на 40 миллионов злотых правительственный проект бюджета на последний квартал года. Причем участники голосования знали, что уже есть решение правительства о досрочном роспуске парламента и президент якобы готов подписать соответствующий декрет. Тем не менее они бросили вызов режиму, утвердив скорректированный проект бюджета. И вновь столкнулись с совершенно неожиданным ответом власти.

Бартель подал президенту прошение об отставке кабинета. Это лишило сейм возможности поставить вопрос о доверии правительству. А дальше последовали маневры, вызвавшие всеобщее удивление. Президент отставку Бартеля принял и 2 октября назначил новое правительство, на этот раз во главе с самим Пилсудским. Одновременно была закрыта сессия сейма, так что парламент не имел официальной возможности выразить свое отношение к случившемуся. Это был прием борьбы с парламентской оппозицией, к которому режим будет прибегать еще не раз, пока не обеспечит себе большинство мест в сейме и сенате.

Одновременно оппозиция столкнулась с еще одной фигурой ее устрашения. В ночь на 1 октября группой офицеров в собственной квартире был избит депутат от национальной демократии Ежи Здзеховский, активно настаивавший на сокращении государственных расходов, в том числе на армию. Возбужденное по этому поводу следствие закончилось ничем. Когда Ратай затронул этот сюжет в разговоре с Пилсудским, тот ответил, что это не его дело: пусть Здзеховский сам ищет своих обидчиков, а он ради какого-то «мерзавца» не разрешит запятнать подозрением всех офицеров. Впоследствии жертвами хулиганских нападений офицеров окажется еще не один критик режима из числа политиков и публицистов, и ни разу следствие не найдет виновных...

Пилсудский возглавил кабинет не только из-за активизации оппозиции. Как показали события сентября 1926-го, у него было достаточно возможностей игнорировать законодателей, формально оставаясь в рамках конституции. Но через год истек срок полномочий парламента и нужно было заниматься созданием сильной партии власти, ориентированной на диктатора, а не какую-либо идеологию. К тому же представилась прекрасная возможность привлечь на свою сторону имущие классы, прежде поддерживавшие главным образом национальных демократов и их союзников.

Сам Пилсудский, помимо премьерского, занимал еще и кресло военного министра. Он по-прежнему уделял большое внимание перестройке руководящих органов вооруженных сил с точки зрения интересов будущего главнокомандующего. Изменились функции Генерального штаба, главной задачей которого до 1926 года была подготовка армии к войне. Он постепенно превращался в личный штаб маршала и в случае вооруженного конфликта должен был сразу же стать штабом главнокомандующего. Польский Генштаб все больше отходил от модели довоенных французского или германского штабов, оказывавших немаловажное влияние на государственные дела, особенно в области внешней политики, лишился права принимать кардинальные решения в вопросах жизни армии, а также заниматься обучением и кадровыми делами офицеров. Теперь его обязанности сводились к подготовке

материалов для генерального инспектора, составлению и рассылке приказов. В 1928 году Генеральный штаб был переименован в Главный штаб.

Трансформацию переживало и военное министерство, к которому переходили функции, прежде относившиеся к компетенции Генерального штаба: подготовка армии к войне и организация ее жизни в мирное время, обучение, работа с офицерскими кадрами.

Пилсудский решающим образом повлиял на польскую военную мысль и военное искусство. Теперь разработка всех вопросов подготовки и ведения войны переместилась в Генеральный инспекторат вооруженных сил. Именно Пилсудский руководил подготовкой инспекторов армии к выполнению своих будущих обязанностей. Для них же и других высших офицеров он организовывал военные игры (чаще всего в любимом Вильно) и совещания-инструктажи.

Участники военных игр вспоминали, что Пилсудский готовился к каждой из них очень тщательно. Например, выбирал 10 – 12 кандидатов в бригадные генералы и разыгрывал с ними какое-то сражение Первой мировой в Восточной Пруссии или на Волыни, то есть на вероятных театрах будущих военных действий. Представлял офицерам общую обстановку, затем выяснял их решения и просил зафиксировать их письменно. Ознакомившись с ответами, он на следующий день ставил новые задачи. Результаты игр учитывались им при присвоении очередных воинских званий и продвижении по служебной лестнице.

Маршал не был сторонником разработки оперативных планов, требующих длительной предварительной подготовки, предпочитая импровизацию. Он еще в годы революции 1905 – 1907 годов сделал для себя вывод, что ни один из великих полководцев никогда не имел готового плана всей военной кампании, поэтому считал возможным ограничиться планированием первой стадии войны – концентрации сил. Возможно, определенную роль играло и его, принявшее со временем почти болезненный характер, стремление к сохранению тайны. Он даже заставил инспекторов армии и их офицеров, занимавшихся разработкой оперативных планов, приносить клятву о неразглашении тайны главному военному капеллану епископу Станиславу Галлу.

Пилсудский решительно отказался от концепции войны на два фронта, разработанной Сикорским и С. Галлером, считая, что у польской армии для этого недостаточно сил. Он исходил из того, что будущая война будет иметь для Польши оборонительный характер. А так как инициатива будет принадлежать противнику, то нужно заниматься не разработкой подробных

оперативных планов, а изучением противника и собственных сил.

Поскольку Пилсудский сделался фактически единственным авторитетом в области военного искусства, понятие «военная доктрина» практически исчезло из словаря польских военных. В основу представлений о характере будущей войны был положен анализ опыта военной кампании 1920 года с ее быстрыми перемещениями больших масс войск и маневренностью. Широкий пространственный маневр становился предметом поклонения армии, но при этом явно недостаточно делалось для его технического исполнения.

Вплоть до своей смерти Пилсудский считал, что основным театром войны будет восточный. Только в апреле 1934

года, когда на созванном им совещании с участием 20 высших и старших офицеров, включая инспекторов армии и офицеров для работ при генеральном инспекторе, 13 человек сочли, что большую опасность представляет Германия, и лишь двое указали на Советский Союз, он стал сомневаться в своем прогнозе. В связи с этим в июне 1934 года в Генеральном инспекторате было создано секретное подразделение, которое должно было стимулировать и инспирировать изучение инспекторами армии и их штабами возможностей Германии и СССР, решительно наращивавших в тот момент свою военную мощь.

Так как Пилсудский преимущественно занимался делами вооруженных сил, текущей деятельностью его кабинета руководил тот же Бартель, на этот раз в ранге вице-премьера. В составе правительства было немало новых людей, в том числе и давно связанных с Пилсудским. Еще больше пилсудчиков заняли должности заместителей министров и руководителей департаментов, что давало маршалу возможность изнутри контролировать текущую работу всех ведомств. Впрочем, то же положение было и в аппарате президента. Это означало, что Пилсудский приступил к формированию собственного кадрового резерва для занятия ключевых постов в правительстве из хорошо ему известных и доверенных людей. Поскольку решение о составе каждого следующего кабинета было делом не многих партий с собственными интересами, а диктатора, то у него теоретически была возможность постепенно подбирать все более профессиональных исполнителей на министерские и другие важные государственные посты [Ставший в этом правительстве министром внутренних дел генерал Славой-Складковский оставил интересное свидетельство о том, как происходило его назначение. Пилсудский вызвал его в Бельведер и без всяких предисловий заявил, что назначает министром внутренних дел, потому что Млодзяновский больше не хочет работать с этим сеймом. А на робкое замечание генерала, что он политикой никогда не

занимался, маршал рассмеялся и сказал, что здесь не нужна никакая политика: «Все кричат, что вы администратор, поэтому будете министром. Отправляйтесь к Бартелю. Ну, до свидания!» – См.: Stawoj Skladkowski F. Strzepy meldunkow. Warszawa, 1936. S. 61 – 62.].

Но на практике так не получалось. Перегруженный обязанностями и не слишком привыкший к регулярной работе почти 60-летний маршал не мог контролировать положение дел во всех областях государственной жизни. Поэтому вокруг него, как это уже бывало не раз в прошлом, вновь начинает складываться новый ближний круг соратников, на которых он мог переложить менее важные обязанности. Рядом с ним давно уже не было тех, кто был с ним на «ты», привык называть его «Зюком» и даже «Зючком», мог иметь собственное мнение. Теперь в составе его политического штаба состояли те, кто имел право обращаться к нему как к своему коменданту. Это уже известные нам Б. Венява-Длугошовский, А. Прыстор, Ю. Бек, К. Свигальский, Б. Медзиньский, В. Славек, Б. Перацкий, И. Матушевский, а также Януш Енджеевич и главный интерпретатор конституции в нужном режиме духе Станислав Цар. Все они были значительно моложе Пилсудского и всем, чего добились, считали себя обязанными только ему. У большинства из них за плечами были стрелковые дружины, польский легион и Польская военная организация. Они безгранично доверяли политическому гению своего коменданта и никогда не ставили под сомнение его указания.

Пилсудский привлек в свое правительство двух представителей так называемых виленских консерваторов, представлявших интересы крупных землевладельцев восточных областей Польши. Особенно скандальным представлялось назначение министром юстиции Александра Мейштовича. Он активно участвовал в торжественном открытии в 1904 году в Вильно памятника Екатерине II, что в польском обществе оценивалось как глубоко непатриотический шаг: все прекрасно помнили, что именно эта просвещенная государыня приложила руку ко всем трем разделам Первой Речи Посполитой. Но это не остановило Пилсудского. Он стремился максимально расширить социальную базу режима, без чего нельзя было надеяться на успех на парламентских выборах, и казус Мейштовича был для него принципиально важным. Маршал открыто сигнализировал имущим классам Польши, в период неволи активно сотрудничавшим с иноземными поработителями, что его это несколько не волнует и он готов с ними конструктивно сотрудничать. Так он возвращал на политическую арену консерваторов, которые в домайской Польше были оттеснены на задний план партиями, ориентированными на массовую поддержку.

Этой же цели служило посещение Пилсудским 25 октября 1926 года

Несвижского замка в Белоруссии, знаменитого родового гнезда князей Радзивиллов. Официальным поводом было возложение золотого креста ордена «Виртути Милитари» на саркофаг бывшего одно время адъютантом Пилсудского ротмистра князя Станислава Радзивилла. Он погиб во время киевского похода 27 апреля 1920 года в боях за город Малин на Волыни.

Но не забывал диктатор и о левом электорате. Этому должно было служить включение в состав правительства социалиста Морачевского и деятеля одной из левых крестьянских партий Медзиньского. Правда, ради этого им пришлось оставить свои партийные билеты. Их присутствие в правительстве делало его политическое лицо менее выразительным, что является важным приемом политических технологий.

Уже возглавив правительство, Пилсудский не упускал случая дискредитировать, унизить, оскорбить нелюбимый им парламент, не выходя при этом за рамки конституции. С этой целью использовались самые неожиданные поводы. Так, ссылаясь на то, что конституция определяет крайние сроки созыва сессий парламента, но ничего не говорит о том, когда должны начинаться его заседания, Пилсудский, пользуясь наивностью маршала сейма Ратая и его заместителей, не понявших смысла задуманной им тонкой интриги, узаконил практику произвольного определения правительством даты первого заседания сейма. Исполнительный орган власти, получивший в соответствии с августовской новеллой право предлагать президенту дату закрытия сессии, теперь обеспечил себе возможность определять срок начала работы законодательного органа. В результате сессия сейма была созвана 31 октября 1926 года, за полчаса до истечения крайнего срока, предусмотренного конституцией. Но парламент приступил к работе лишь 13 ноября.

Одновременно возникло так называемое дело «стоять или сидеть». Диктатор настаивал, чтобы распоряжение президента о начале работы очередной сессии сейма депутаты заслушали стоя. Сейм воспротивился этому, как выразился Ратай, «византизму», но Пилсудский не отступил от своего намерения. Открытие состоялось в одном из залов Королевского замка, из которого... были вынесены все стулья. Большинство депутатов в итоге бойкотировали церемонию.

Параллельно стабилизации началось наступление на свободу слова. 4 ноября 1926 года было опубликовано распоряжение президента о прессе, автором которого был Мейштович. Декрет предусматривал штраф от 100 до 10 тысяч злотых или тюремное заключение от десяти дней до трех месяцев за распространение «ложных» или «искаженных» сведений, могущих нанести ущерб интересам государства или возбудить общественное беспокойство, а

также обязанность раскрывать фамилии авторов анонимных статей или пользующихся псевдонимами. Наказанию подлежали автор, ответственный редактор и руководитель соответствующего отдела. Вводилась также солидарная имущественная ответственность издателя и владельца газеты, руководителя, владельца или арендатора типографии. Поскольку подлежащие наказанию действия были определены в самом общем виде, у правительства появлялись практически неограниченные возможности преследования оппозиционной печати [С этого времени в Польше была введена предварительная цензура. Цензоры безжалостно вычеркивали из представляемых на их утверждение макетов газет слова, фразы, абзацы и целые статьи. На следующий день читатели брали в руки свои любимые печатные органы и вместо критиковавших режим публикаций видели белые пятна. Редакторы вычеркнутые материалы другими не заменяли, чтобы не нарушать технологический процесс выпуска газеты.]. В декабре 1926 года сейм отклонил декрет о прессе, но в мае следующего года президент вновь ввел в действие практически идентичное распоряжение, лишь несколько ограничив максимальный размер штрафа.

Важным шагом в процессе подготовки режима к выборам стал запрет оппозиционных правительству Белорусской крестьянско-рабочей громады и Независимой крестьянской партии. Обе эти организации относились к революционному лагерю и находились под сильным политическим и идеологическим влиянием нелегальной Коммунистической партии Польши и ее самостоятельного крыла – компартии Западной Белоруссии. Они имели фракции в сейме и, действуя в рамках закона, играли роль радикальных критиков текущей правительственной политики. Майский переворот стал важным рубежом в их организационном развитии, особенно Белорусской громады, численность которой за полгода возросла с 569 человек до 100 тысяч. Независимая крестьянская партия развивалась не так бурно, но и в ее рядах к марту 1927 года было более 11 тысяч членов.

Правительство решило устранить этих противников с политической сцены чисто административными методами. В середине января 1927 года с нарушением конституционного положения о неприкосновенности парламентариев были арестованы пять депутатов от этих организаций, произведены обыски в офисах Общества белорусской школы, закрыт Белорусский кооперативный банк. В общей сложности арестовали около 800 человек. Но на этом гонения на революционные организации не прекратились. После неудачной попытки властей дискредитировать одного из лидеров Независимой крестьянской партии 21 марта она была запрещена. Спустя шесть дней была запрещена и Громада. Характерно, что неоценимую помощь властям

в придании видимости законности арестам депутатов оказал маршал сейма Ратай. Это послужило Пилсудскому еще одним доказательством того, что сейм не готов решительно ему противодействовать.

Словно забавляясь, Пилсудский то усиливал, то ослаблял давление на парламент. После печально для сейма завершившегося конфликта по вопросу о созыве и открытии сессии в отношениях режима и законодательного органа наступило определенное затишье (если не считать арестов депутатов из революционных фракций). Однако диктатор не собирался предоставлять законодателям длительную передышку, предпочитая держать их в постоянном напряжении. 11 февраля Бартель выступил в сейме с необычной для него жесткой речью. Он в завуалированной форме дал понять партиям, что они могут быть запрещены, а вместо них появятся политические организации, менее склонные к «партийной эксклюзивности».

Тремя днями позже, когда в сейме проходило голосование по бюджету, в зал заседания неожиданно для всех вошел Пилсудский в сопровождении военных и гражданских лиц. В руках он держал свернутый в рулон лист бумаги, перевязанный яркой ленточкой. Посидев в зале некоторое время, он точно так же, молча, покинул здание парламента. Судя по всему, диктатор таким образом давал понять, что у него в руках декрет президента о досрочном роспуске парламента и что он даст ему ход, если депутаты забаллотируют проект бюджета. Самое смешное заключалось даже не в том, что такого декрета у него не было, а в том, что к моменту его появления в сейме депутаты уже проголосовали положительно по интересовавшему его вопросу. Тем не менее инцидент получил широкую огласку и частью общества был воспринят как свидетельство того, что депутаты сейма руководствуются не государственными интересами, а эгоистическим желанием не потерять свое теплое местечко.

Несмотря на то, что зимняя сессия парламента была сокращена на две недели, бюджет был принят в срок, и 25 марта сейм был отправлен на каникулы. Но Пилсудский пообещал Ратаю созвать 20 июня чрезвычайную сессию для продолжения рассмотрения уже начатых вопросов, в том числе предложения о возвращении сейму права самороспуска, законов о собраниях и самоуправлении. В мае к этому добавился новый президентский декрет о прессе. Но прежде чем сейм сумел определить свое отношение к декрету, 13 июля президент закрыл сессию, что было открытым вызовом режиму парламента.

В конце августа было собрано необходимое число подписей депутатов под требованием созыва второй чрезвычайной сессии сейма. Президент постановил собрать ее 13 сентября, но заседать депутатам позволили лишь с 18 сентября.

Приобретшие уже некоторый опыт отношений с правительством депутаты в тот же день отменили действие декрета о прессе [Это решение не вступило в силу, поскольку правительство отказалось опубликовать его в «Дзеннике устав» под тем предлогом, что его не рассмотрел сенат. Несомненно, это было сделано и для того, чтобы не позволить оппозиции на полную мощь использовать прессу в будущей избирательной кампании в парламент.]. А на следующий день Бартель перед принятием сеймом повестки дня огласил распоряжение президента о переносе заседаний парламента на 30 дней. За день до истечения этого срока президент распорядился закрыть сессию. Спустя два дня президент в полном соответствии с конституцией назначил очередную сессию на 31 октября. В день ее открытия она была отложена до 28 ноября, и сейм первого созыва больше уже не собирался, поскольку в связи с истечением срока полномочий парламента президент распустил обе палаты...

Продемонстрированное режимом в 1927 году обращение с парламентом свидетельствовало, что он сумел создать механизм отстранения законодателей от управления страной. Причем в большинстве случаев законы формально соблюдались, но при этом полностью выхолащивалась их суть. Главная роль в низведении парламента до уровня пятого колеса у телеги конечно же принадлежала Пилсудскому, а ассистировали ему президент и министры, прежде всего Бартель, воспринимавшийся как третий после Пилсудского и Мосьцицкого человек режима.

Следует сказать, что все более очевидная дискредитация парламента не встречалась со сколько-нибудь массовым общественным протестом, в том числе и со стороны демократической интеллигенции, так горячо реагировавшей накануне мая 1926 года на все мнимые нарушения демократических свобод. Режим «санации» достаточно успешно укреплял свое влияние в различных слоях общества. Этому хорошо служили благоприятная экономическая конъюнктура, положительный внешнеторговый баланс, превышение государственных доходов над расходами, резкое сокращение безработицы. После переворота, правда, сменилось три правительства, но эти смены имели скорее формальный характер. Никаких поворотов в политике не происходило, инспиратором деятельности и верховным контролером кабинетов оставался Пилсудский.

Росту популярности режима в обществе служила проводившаяся правительством в атмосфере гласности борьба со злоупотреблениями людей, связанных с домайским режимом. Многим нравилась практика работы генерала Славой-Складковского на посту министра внутренних дел. Он постарался упростить процедуру подачи и рассмотрения жалоб граждан на местах, прилагал серьезные усилия по сокращению бюрократического аппарата, что

всегда встречается с общественным одобрением, хотя и не всегда служит пользе дела, любил совершать неожиданные инспекционные поездки и визиты с немедленным наказанием виновных. В довершение своих подвигов генерал обязал всех сельских домовладельцев иметь уборные и регулярно белить их известью (эти сооружения еще долго называли «славойками»).

Наконец, пилсудчики неплохо овладели приемами политтехнологий, умело играя на чувствах патриотизма, гордости за осуществленную мечту не одного поколения поляков – возрождение Польши и блестящие победы над ее врагами. Контролировавшиеся режимом печать и радио, военизированные, молодежные, женские, детские и другие общественные организации активно трудились над внушением своим членам чувства глубокого почитания деяний маршала и его верных легионеров, насаждением в их сознании культа вождя и отца нации. День именин маршала стал практически национальным праздником. Сам он обычно в этих мероприятиях не участвовал, уезжая с семьей во вторую столицу Вильно. Коллективы государственных учреждений и школ, воинские части слали ему в этот день благодарственные послания и пожелания здоровья, счастья и новых свершений во благо родины. Наиболее пышно дату 19 марта, за два месяца до смерти именинника, отметили в 1935 году в Варшаве. Накануне, после многолюдного митинга на площади его имени, его участники прошли по так называемой Королевской трассе до Бельведера. Вечером в Большом театре состоялось торжественное собрание с участием президента. В день именин на военном аэродроме Окенче (рядом с современным варшавским аэропортом) был открыт памятник маршалу, созданный на деньги, собранные среди летчиков полка. В Варшавской филармонии, в присутствии президента, правительства и дипломатического корпуса, состоялась премьера фильма о жизни Пилсудского.

В ноябре 1928 года Варшавский городской совет принял решение о переименовании Саксонской площади в площадь Пилсудского. Затем в общественных учреждениях стали устанавливать его бюсты. Вначале его еще об этом спрашивали, но, услышав в ответ: «Ставьте, что хотите», лишних вопросов не задавали. Города поочередно присваивали ему почетное гражданство, дети присылали фотоальбомы о своей счастливой жизни при новой власти.

В начале 1934 года юридический факультет Ягеллонского университета в Кракове выдвинул кандидатуру Пилсудского на Нобелевскую премию мира. А в июле того же года городской совет Кракова принял решение насыпать в честь Пилсудского курган на возвышенности Совинец.

В домайские годы люди устали от нестабильности, черного пиара,

бесконечных разоблачений политических противников в подготовке к установлению какой-то фашистской диктатуры, о которой не так уж и много поляков имели четкое представление. А пилсудчиковская пропаганда предлагала им позитивный образ государственного руководителя, культивировала идеологию «радостного творчества» на благо всего народа и государства. Именно государство, его интересы, процветание и безопасность были обозначены как главные ориентиры в деятельности режима. И не случайно, ибо Пилсудский был уверен, что полиэтничное общество Польши (национальные меньшинства составляли более трети ее населения) можно было сплотить лишь вокруг идеи культа государства. В целом же в пропаганде режима уже в первые полтора года его существования отчетливо просматривались черты, характерные для государств с авторитарными режимами. А поскольку занимавшиеся этой деятельностью люди неплохо ориентировались в общественных настроениях и ожиданиях, умело смешивали правду, полуправду и неправду, то им удавалось добиваться неплохих результатов. Был создан настолько сильный миф и культ Пилсудского, что он живет в обыденном сознании многих поляков даже сейчас, в начале XXI столетия.

Великий комбинатор и Беспартийный блок

Низведение парламента первого созыва до роли статиста в государственной жизни не было главной целью режима, поскольку с августа 1926 года судьба законодательного органа и так полностью находилась в руках Пилсудского. Он не планировал также запрета легальных политических партий, за исключением революционных и радикальных сепаратистских организаций. Неслучайно Пилсудский еще летом 1927 года решил проводить выборы в новый сейм на основании прежнего избирательного закона, отдававшего предпочтение партиям перед независимыми кандидатами. Дискредитируя парламент, Пилсудский метил не столько в сам институт как таковой, сколько в представленные в нем оппозиционные партии. Диктатору легко было помыкать сеймом потому, что режим не имел в нем собственной фракции, а были лишь противники, временные попутчики и деморализованные парламентарии, которых никак нельзя было считать надежной опорой «санации».

С приближением срока полномочий парламента первого созыва перед режимом во весь рост встала задача завоевать в новом составе законодательного органа максимально большое число мандатов. Несомненно, оптимальным вариантом было бы обеспечить себе квалифицированное большинство, чтобы иметь возможность изменить конституцию и проводить через сейм все законопроекты правительства. Не следует думать, что режим стал готовиться к выборам лишь с ноября 1927 года. Как известно, в

парламентский период у Пилсудского не было собственной партии, а число настоящих пилсудчиков со стрелковой, легионерской и пэвэовской родословной не превышало нескольких десятков тысяч человек, так что их никак нельзя было считать достаточной силой для достижения поставленной цели. Ситуации не меняло появление в лагере победителей так называемой «четвертой бригады» (в легионах, как мы помним, было три бригады), то есть разного рода карьеристов, приспособленцев и просто энергичных людей. Единственный опыт участия пилсудчиков в выборах в 1922 году оказался неудачным.

Следует сказать и о том, что основная часть политически активных людей (а их в любом обществе обычно бывает не более 10 процентов) уже давно определилась в своих партийных предпочтениях. Поэтому набрать достаточное количество человеческого материала для еще одной, притом мощной, а желательно даже самой мощной в Польше политической партии было не то что тяжело, а невозможно. Имевшие в 1926 – 1927 годах место расколы в оппозиционных партиях и создание сторонниками маршала параллельных организаций показали бесперспективность этого пути обеспечения режиму надежной политической базы. У режима, решившего пойти на выборы, оставалась только одна возможность – создать блок различных партий и организаций, формально объединенных признанием верховенства государственного блага над интересами отдельных политических партий. Фактически в основу деятельности блока была положена не какая-то групповая идеология, а поддержка режима Пилсудского как единственной силы, адекватно выражающей интересы польского государства. О необходимости организации именно такой политической структуры маршал говорил Барановскому еще в июне 1926 года.

Решая эту стратегическую задачу, Пилсудский вел переговоры и налаживал сотрудничество с различными политическими, общественными и представительными организациями, а также авторитетными деятелями, представлявшими различные группы польского общества. Как правило, эти его действия связывают с обеспечением широкой общественной опоры правительству. С одной стороны, это действительно так. Но Пилсудский не планировал проведения какой-либо хозяйственной реформы, которая затрагивала бы интересы влиятельных социальных слоев, не отказался от уже осуществлявшейся аграрной реформы (хотя о таком его намерении очень много говорила и писала оппозиция). Следовательно, эти контакты были ему нужны для налаживания доверительных отношений, без которых нечего было и думать о формировании проправительственного избирательного блока.

По мнению маршала, в рамках блока могли взаимодействовать консерваторы,

либералы, социалисты и крестьянские партии, поляки и национальные меньшинства, одним словом, все граждане Польши, считающие, что хорошее правительство должно гармонично выражать всеобщие интересы и вести политику бесконфликтного разрешения неизбежно возникающих противоречий. Пилсудский поручил проведение избирательной кампании правительственного лагеря своим самым доверенным и наделенным хорошими организаторскими способностями приближенным – Валерию Славеку и Казимежу Свитальскому. Было решено, что в основу избирательной стратегии будет положен выбор избирателя между новой реальностью, возникшей с приходом к власти Пилсудского, и ее противниками, желающими вернуть страну в «лихие двадцатые», в домайское прошлое. Собственно говоря, это была единственно возможная и приемлемая для лагеря стратегия. В условиях наиболее благоприятной за всю предшествующую историю независимого существования Польши хозяйственной конъюнктуры оппозиции оставалось только одно – критиковать правительство за его пренебрежительное отношение к парламенту. Но эта тема не очень интересовала обычных избирателей. К тому же все помнили, что сами депутаты оказали режиму немалую помощь в модификации польского парламентаризма.

В октябре 1927 года Слаvek доложил Пилсудскому о завершении многомесячных подготовительных работ по организации новой организационной структуры лагеря пилсудчиков. Ею стало роскошное по стилю словосочетание – Беспартийный блок сотрудничества с правительством (ББСП) маршала Пилсудского, просуществовавший до 30 октября 1935 года. Правда, последние два слова в названии блока, использованные с единственной целью – мобилизовать под его знамена всех сторонников маршала, – впоследствии, после ухода Пилсудского с поста премьер-министра, не использовались.

Активная работа с кандидатами в состав партии власти завершилась публикацией 19 января 1928 года декларации Беспартийного блока (ББ), под которой поставили свои подписи 373 человека, главным образом деятели местных комитетов блока, уже созданных к тому времени по инициативе и при участии локальных и воеводских органов государственной власти. Центральная идея этого пространного документа сводилась к тому, чтобы избрать в сейм людей, способных к конструктивному сотрудничеству с правительством в деле хозяйственного развития страны и создания конституционных основ сильной исполнительной власти. Одновременно режим поддерживал две небольшие политические партии, созданные сторонниками Пилсудского до и сразу же после переворота, но не сумевшие к 1928 году приобрести массовый характер.

Помимо традиционных методов борьбы за привлечение избирателей –

митингов, собраний и печати – активно использовались давление, шантаж и даже репрессии в отношении коммунистов и членов левых партий. Особенно бесцеремонно администрация запугивала противников режима и население в восточных районах Польши. И все же главными своими противниками на выборах 1928 года режим считал национальных демократов и их союзников. Оппозиционные режиму правые партии оказались объектами нападков с двух сторон – режима и левых партий. И те и другие помнили, что именно правые были победителями двух предшествующих избирательных кампаний. Но методы борьбы режима и левых с правыми существенно различались. Левые в основном занимались критикой эндеков и их лидера Дмовского, постоянно твердили об их склонности к фашизму и желании установить диктатуру буржуазии и помещиков, режим же помимо критики постарался лишиться национальных демократов финансовых спонсоров. И это ему в полной мере удалось: крупнейшие организации предпринимателей, финансистов, торговцев и помещиков в декабре 1927 года практически отказались от финансовой поддержки правых. Беспартийный блок, в отличие от других партий, вообще не имел проблем с финансированием, поскольку Пилсудский приказал выделить из государственной казны на его избирательную кампанию 8 миллионов злотых, что было по тем временам огромной суммой.

Характер избирательной кампании свидетельствует, что ни одна из традиционных политических партий не сумела понять в общем-то очевидной истины: политическая система Польши после мая 1926 года претерпела настолько существенные изменения, что теперь линия водораздела проходила не между революционными, левыми, центристскими и правыми партиями, а между всеми ними вместе взятыми и режимом. Следует сказать, что это прекрасно понимал Пилсудский – не случайно он стремился придать выборам характер плебисцита, ставя избирателей перед выбором: за или против режима. А Славек и Свитальский одну из своих главных задач во время избирательной кампании видели в том, чтобы не допустить блокирования даже близких по духу партий.

Сам Пилсудский в избирательную кампанию явно не вмешивался, видимо, потому, чтобы в случае неудачи своего лагеря не нести за это ответственности. Но если принять во внимание, что он начал работать на выборы 1928 года еще в 1926-м, его вклад был огромным. Маршал сумел убедить имущие классы в том, что будет защищать их интересы лучше, чем национальные демократы. Последовательно выполняя и перевыполняя положения закона об аграрной реформе 1925 года, который предусматривал обязательную ежегодную парцелляцию не менее 200 тысяч гектаров помещичьих и государственных земель, дав крестьянам возможность получать на приемлемых условиях

государственные ссуды на покупку земли и развитие производства, он усилил в сельской среде позиции своих сторонников. И это несмотря на то, что католический клир чаще всего агитировал за национальных демократов. Быть может, не столь заметными были его успехи в ра Маршал позволил использовать свое имя в названии избирательного блока режима. Наконец, он не испугался прямо нарушить закон, приказав субсидировать за государственный счет избирательную кампанию ББ.

4 марта 1928 года состоялись выборы в сейм, а спустя неделю в сенат. Их итоги не поддаются однозначной интерпретации. Беспартийный блок, поддержанный 25 процентами избирателей, получил в сейме 122 места, а всего проправительственные партии имели 130 мандатов. По сравнению с выборами 1922 года это был колоссальный успех лагеря Пилсудского, но с точки зрения его текущих и перспективных интересов скорее следует говорить о болезненном поражении партии власти. Хотя почитатели Пилсудского и стали крупнейшей фракцией в сейме, однако до абсолютного большинства им не хватало 93 мандатов. Своим несомненным успехом режим мог считать сокрушительное поражение правых партий (37 мандатов вместо 120) и центристов (партия Витоса завоевала 21 мандат вместо 50). Увеличили свое представительство в сейме левые и революционные партии, что также стало для властей определенным сюрпризом. Национальные меньшинства сохранили свои позиции. Сходная картина наблюдалась и в сенате. Расклад сил в новом парламенте был таков, что главными противоборствующими сторонами теперь были не правые и левые, а партии, поддерживающие режим, и левые.

Результаты выборов в сейм, по признанию Пилсудского, превзошли его ожидания. Он был бы доволен даже в том случае, если бы Беспартийный блок получил 60 мандатов. Маршал полагал, что, имея более 100 депутатов, можно будет серьезно влиять на работу нижней палаты. Но итоги выборов в сенат его разочаровали. Он рассчитывал на получение ББ большинства мест в верхней палате, поскольку имел свои планы ее использования во взаимоотношениях с сеймом.

Проанализировав результаты выборов, Пилсудский определил план действий режима в условиях, более благоприятных, чем в предшествующие два года, но далеко не тех, которые ему хотелось бы иметь. Его он изложил на встрече с наиболее авторитетными деятелями проправительственного крыла сейма 13 марта 1928 года. Начав с критики, он назвал неправильной ситуацию, когда президент лишен права самостоятельного принятия решений, когда группа депутатов может остановить или замедлить всю работу парламента, когда сейм занимается решением преимущественно маловажных вопросов и не желает сотрудничать в определении повестки дня своей работы с правительством,

знающим истинные потребности государства в тех или иных законах.

Перейдя к определению задач Беспартийного блока, маршал разделил их на стратегические и текущие. К первым он отнес изменение конституции, но при этом отметил, что быстро сделать это не удастся, потребуется определенное время. Это значило, что он по-прежнему не хотел в конституционном вопросе формально выходить за пределы правового поля. В числе вторых было названо обеспечение исполнительной власти первенства перед законодательной. Для этого он считал нужным изменить процедуру принятия бюджета, предоставить кабинету право ратифицировать межгосударственные экономические соглашения, устанавливать таможенные тарифы и т. д. Как прямая угроза прозвучали его слова, что судьба парламента зависит от того, сумеет ли тот изменить методы своей деятельности. Пилсудский указал на особую роль маршала сейма как гаранта конструктивного взаимодействия нижней палаты с правительством. В качестве лучшего кандидата на этот пост он назвал Бартеля, имевшего опыт работы в обеих ветвях власти.

Следует сказать, что после парламентских выборов 1928 года Пилсудский все чаще будет говорить собеседникам, что реформа государственного устройства – последняя задача, которую он должен решить во внутренней политике. Это единственное, на что он согласен использовать свой авторитет. Естественно, это не означало бы его ухода с политического Олимпа вообще, поскольку внешнеполитическая и военная области по-прежнему оставались бы в исключительном ведении маршала.

Человек, даже диктатор предполагает... Расчеты Пилсудского на то, что ББ, завоевавший относительное большинство мест в сейме, сможет оказывать определяющее воздействие на работу законодательного органа, не оправдались. 27 марта 1928 года Пилсудский понял, что будет иметь дело с сеймом, вовсе не собирающимся работать под его диктовку. На этот день были назначены официальное открытие парламента, приведение депутатов к присяге, а также избрание маршала сейма и его заместителей. Скандальными оказались уже первые минуты заседания. Как только Пилсудский поднялся на трибуну с постановлением президента в руках, депутаты-коммунисты стали выкрикивать: «Долой фашистское правительство Пилсудского!» Трижды призвав буянов к спокойствию, маршал приказал министру внутренних дел Славой-Складковскому удалить их из зала. Тот попытался сделать это с помощью полиции, чем вызвал возмущение многих депутатов. На помощь сопротивлявшимся коммунистам пришли социалисты. И только после введения в дело еще одной группы вооруженных полицейских, пустивших в ход приклады, церемония открытия была продолжена. Депутаты-коммунисты были доставлены в отделение полиции и тут же отпущены, успев вернуться к началу

процедуры присяги.

Но на этом неприятности для режима не кончились. Пилсудский планировал, что маршалом сейма будет Бартель, которого в политических кругах считали умеренным пилсудчиком, сторонником мирного сосуществования с парламентом. Однако его план провалился – спикером нижней палаты был избран социалист Игнаций Дашиньский. Как мы помним, он был знаком с маршалом с довоенных времен, много ему помогал, будучи депутатом австрийского рейхсрата, поддерживал с ним конструктивные отношения и в независимой Польше. Пилсудский был крестным отцом его ребенка. Все изменилось в мае 1926 года. Дашиньский осудил переворот и режим санации, настаивал на восстановлении в стране демократического правления, но не исключал возможности сотрудничества с Пилсудским. Ошеломленные неожиданным поражением депутаты от Беспартийного блока и члены правительства покинули зал заседаний. В их отсутствие был избран президиум сейма, в котором не оказалось ни одного представителя самой крупной фракции нижней палаты. Впоследствии Пилсудский не раз скажет, что это было непростительной ошибкой Беспартийного блока.

В политических кругах ожидали ответного шага Пилсудского, многие предсказывали роспуск парламента. Однако это было бы не лучшее решение. Вряд ли результаты следующих выборов могли оказаться для правительственного лагеря более благоприятными. Поэтому Пилсудский рекомендовал ББ активно включиться в работу сейма. К тому же левые партии не спешили развивать свой тактический успех – ведь основные рычаги власти по-прежнему оставались в руках пилсудчиков.

И именно в этот момент для режима прозвучал тревожный сигнал, на первый взгляд не связанный с политикой. Как уже упоминалось выше, врачи еще в 1927 году рекомендовали маршалу резко, на 55 процентов, снизить нагрузки, а он поступил ровно наоборот, взвалив на себя помимо генерального инспектората и военного министерства еще премьерские обязанности. И организм не выдержал такого над ним насилия. В ночь с 17 на 18 апреля 1928 года 60-летний Пилсудский перенес легкий инсульт. Лечение в целом было успешным, но подвижность правой руки полностью восстановить так и не удалось. Окружение Пилсудского до этого, видимо, не очень задумывалось о здоровье шефа. Все близкие к нему люди привыкли к его частым заболеваниям и не самой хорошей физической форме и, как обычно в таких случаях бывает, не придавали этому большого значения. И вдруг они осознали, что, будь инсульт посильнее, они бы остались без вождя, который думал, планировал и принимал решения за весь лагерь, отводя им лишь роль послушных исполнителей его приказов. Более того, здание диктатуры все еще было в

строительных лесах, у нее не было прочного правового основания и необходимых несущих конструкций, которые позволили бы пилсудчикам удержать власть при отсутствии коменданта.

Сходные мысли, видимо, пришли в голову и Пилсудскому. 5 мая он провел совещание с инспекторами армий и офицерами группы «Восток», предназначенной для управления войсками на случай войны с Советским Союзом. После речи об исключительной значимости этого театра военных действий маршал разделил его на отдельные участки и поставил перед генералами конкретные задачи, связанные с инспекцией частей, прикрытием и организацией обороны. Теперь он мог не опасаться, что его армия будет захвачена врасплох восточным соседом. В политической же области он пришел к выводу о необходимости более активно приучать своих подчиненных к управлению государством. Он лучше других знал, что в его распоряжении нет подготовленных кандидатов на пост премьера, если не считать его самого и Бартеля.

Примирительная позиция, которой Пилсудский придерживался в отношениях с сеймом после 27 марта, успокоила законодателей. 22 июня 1928 года парламент на пять недель ранее конечного срока утвердил бюджет. В тот же день президент закрыл сессию. Казалось, у правительства не было особых поводов для недовольства, никакой политической напряженности не чувствовалось. Но 25 июня в Королевском замке в присутствии президента состоялось заседание правительства, в самом начале которого Пилсудский от имени всех министров подал главе государства прошение об отставке кабинета. Самое интересное заключалось в том, что никто из министров об этом его решении заранее оповещен не был. Причинами отставки Пилсудский назвал состояние здоровья, недостаточные полномочия президента, вследствие чего основная тяжесть государственных дел падает на главу кабинета, а также приводящие его в бешенство отношения с сеймом. Для повышения эффективности работы правительства он тут же предложил президенту создать резерв кандидатов в премьеры из трех или четырех наиболее ответственных и хорошо контактирующих между собой политиков, которые поочередно возглавляли бы кабинет. Это не только обеспечило бы преемственность правительственной политики, но и позволило бы этим людям нормально отдыхать. Из его выступления, по форме очень нервного, иногда переходящего в крик, сквозило отчаяние от мысли, что поляки не меняются к лучшему так быстро, как ему бы хотелось. Не случайно в марте 1928 года, подводя итоги предшествующего года, маршал признал, что выполнил свою работу только частично и если он умрет, то вернутся воровство и власть партий.

27 июня было объявлено об отставке правительства и назначении нового, в

очередной раз во главе с Бартелем. 1 июля появилось интервью Пилсудского, в котором главными причинами своей отставки он назвал недостаточные полномочия исполнительной власти и нежелание иметь дело с новым сеймом, который начал работу по образцу предшествующих. Пилсудский не скрывал своего презрительного отношения к обоим сеймам и к парламентариям, которых он назвал «публичными тряпками», как и того, что после событий 27 марта подумывал о разрыве всяких отношений с парламентом и октроировании конституции. Состояние здоровья как одну из причин своей отставки Пилсудский отверг. Видимо, на эту тему, обычно очень популярную у людей старшего возраста, он предпочитал говорить только с близкими людьми. Но то, что он считал ее важной и актуальной с политической точки зрения, не вызывает сомнений.

Об этом свидетельствует его совещание с ближайшими соратниками Славеком, Пристором, Беком, Венявой-Длугошовским и Свитальским, состоявшееся 14 июля 1928 года в Бельведере. О содержании выступления маршала известно из дневниковых записей Свитальского: «Комендант начал с поручения Пристору запротоколировать ход собрания. В результате этого у нас сложилось впечатление, что комендант придает этому совещанию какое-то особое значение, потому что во время предыдущих встреч он никогда не требовал, чтобы их кто-то фиксировал.

Комендант начал с того, что его здоровье пошатнулось. Он может умереть, к чему он готов, лично для него это не проблема. Но он должен думать, как обезопасить свой труд, чтобы Польша, когда его не будет, не упала слишком резко с той высоты, на которую комендант ее втащил.

Первое, что тревожит коменданта, – нехватка людей. Эту нехватку он чувствовал на всем протяжении своей государственной работы. Он стремился к тому, чтобы государственную деятельность могли возглавить люди, которые за эту Польшу боролись, а не те, для кого это государство было, по сути дела, сюрпризом. При достижении этой цели он столкнулся с непреодолимыми трудностями.

Одни не желали заниматься этой работой, к которой у них были определенные способности. Другие – это либо люди, хотевшие действовать методами своего прошлого конспиративного гетто, то есть методами, непригодными для управления государством, либо люди с настолько посредственными и неразвитыми способностями, что при таком умственном уровне нельзя управлять даже малым предприятием, не говоря уже о государстве...

Комендант обращает внимание на многократно им подчеркивавшуюся

необходимость выявлять людей и информировать его о них...» [Switalski K. Diariusz... S. 353 – 354.]

Затем Пилсудский дал характеристики тем людям из своего окружения, с которыми он связывал будущее режима, – Медзиньскому, Славой-Складковскому, Славеку, Свительскому, Пристору, Беку, Веняве-Длугошовскому – и перечислил, на каких государственных и военных постах он планирует их использовать.

Диктатор также поделился своими размышлениями о необходимых изменениях в конституции. При этом он предостерег от всякой спешки и отметил, что, угрожая 1 июля октроированием конституции, он хотел только напугать оппозицию. Прежде чем решаться на такие радикальные меры, нужно сориентироваться в расстановке сил. Но это не значит, что правительственный лагерь может предаваться бездействию. Ближайшее время нужно посвятить широкой пропаганде основных направлений пересмотра конституции. В их числе он назвал переход к сессионному порядку работы парламента, усложнение процедур созыва внеочередных сессий сейма и выражения вотума недоверия правительству, усиление влияния президента на внешнюю и военную политику, наделение его правом издавать декреты и т. д. [Ibid.]

Конечно, эту речь Пилсудского нельзя считать политическим завещанием, поскольку он вовсе не собирался отправляться на покой. Это пока что свидетельство глубоких размышлений диктатора о будущем установленного им режима, который он считал благом для Польши и гарантией ее безопасности в беспокойном мире. Неслучайно свою речь он завершил рассуждениями о возможности войны с красной Россией. При этом он повторил свою старую мысль, что большевики в случае внутреннего кризиса могут ради своего спасения выдвинуть лозунг войны. И он не уверен, что тогда кто-нибудь справится с «нашими трудностями, потому что это огромный груз». Из выступления следовало, что маршал связывал будущее режима с изменением конституции, усилением исполнительной власти за счет законодательной и более активным выдвижением на ключевые посты в армии и государстве людей из близкого окружения, вместе с ним переживших эпопею легионов. Все три названных направления и были положены в основу его последующих шагов.

О том, что Пилсудскому была вовсе не чужда мысль о смерти, говорит и его выступление на виленском съезде легионеров в 1928 году. В нем он, предвосхищая свое завещание, попросил похоронить его сердце в Вильно, на Росах, где спят вечным сном легионеры, погибшие ради того, чтобы сделать ему в 1919 году пасхальный подарок.

Несмотря на всю нелюбовь к лечению, Пилсудский все же осознавал, что состояние его здоровья перестало быть его личным делом, что он так и не подготовил своего коллективного преемника. Как известно, характерной чертой всякой диктатуры является отсутствие рядом с вождем сколько-нибудь настоящего сильных индивидуальностей. И Пилсудский в этом отношении исключением не был. В сложившейся вокруг него со времен мировой войны команде креативные личности отсутствовали полностью – были только послушные исполнители. По рекомендации врачей он решил уйти в длительный отпуск и провести его за границей, чтобы отвлечься от текущих проблем. Возникновения проблем стратегического значения до момента созыва бюджетной сессии парламента он не предвидел. В общей сложности в этот раз он провел в Румынии шесть недель – с 19 августа по 2 октября 1928 года.

Согласно конституции 1921 года правом внесения изменений в Основной закон был наделен лишь сейм второго созыва. Последующие сеймы могли принимать только новые конституции. И Беспартийный блок, и многие другие партии в своих предвыборных программах требовали ревизии конституции, естественно, в разном ключе. Поэтому этот вопрос не мог не стать предметом обсуждения в сейме, а тем самым и объектом политических баталий. Видимо, в тот момент у Пилсудского не было четкого представления не только о процедуре изменения, но и ее необходимости. Поэтому он то говорил, что это нужно обязательно сделать, то рекомендовал Славеку не торопиться с конкретным проектом.

31 октября 1928 года на первом заседании осенней сессии сейма фракция Беспартийного блока предложила приступить к работе по внесению изменений в конституцию. Готового проекта поправок она на тот момент еще не имела, хотя Пилсудский не раз на эту тему высказывался и определенные ориентиры наметил. В ответ три левые партии – ППС и две крестьянские – создали Согласительную комиссию для защиты республики и демократии. Соглашение о единстве действий распространялось только на вопросы укрепления и защиты республиканского строя, демократии, парламентаризма и политических свобод. Во всех других вопросах партии-подписанты сохраняли полную самостоятельность действий. Как бы критически ни оценивать ограниченность платформы совместных действий, это было важное событие в польской политической жизни – в сейме наметилась консолидация оппозиции.

Проект конституционных изменений был внесен Беспартийным блоком на рассмотрение сейма в феврале 1929 года. К его подготовке не привлекались ни члены фракции (они познакомились с ним за час до начала заседания), ни премьер Бартель, имевший собственное видение того, как должна выглядеть конституция, особенно в области прав главы кабинета. В проекте в полной мере

проявились намерения режима в конституционной области. Они сводились к отказу от принципа равенства трех ветвей власти. Верховным представителем власти становился президент, который избирался бы всеобщим голосованием из двух кандидатов (один предлагался действующим президентом, второй – национальным собранием). Главе государства планировалось предоставить значительные полномочия в области внешней и внутренней политики, право решать все вопросы формирования, функционирования и отставки кабинета. Существенно ограничивались контрольные функции сейма в отношении исполнительной власти, предусматривались меры по ускорению процесса принятия законов и постановлений. Все это, по замыслу авторов проекта конституции, должно было повысить эффективность работы высших органов государственной власти.

Проект Беспартийного блока был встречен в штыки всеми оппозиционными фракциями сейма, что делало проблематичным его принятие. Но руководители проправительственного крыла были настроены достаточно оптимистично, надеясь договориться с левыми. Иного мнения был Пилсудский. На одном из совещаний со своими приближенными он высказал убеждение, что проект встретится с серьезными трудностями в сейме. Более того, из его уст в адрес Славека неожиданно прозвучал упрек, что ББ запоздал с внесением проекта в сейм [Славек после совещания пожаловался Свитальскому, что в затяжке виноват не он, а Пилсудский, который сам «закопался» с одобрением общей концепции изменений. Но таков был стиль работы Пилсудского, привыкшего все свои промахи списывать на окружающих, в том числе и на самых близких и преданных соратников, которых он сам приучил действовать с постоянной оглядкой на него. Для понимания сущности созданной Пилсудским модели управления полезны следующие наблюдения Гарлицкого: «Пилсудский даже ближайшим и наиболее доверенным соратникам не привык раскрывать свои планы. Это всегда таило угрозу, что предпринятые ими шаги будут дезавуированы. Практически нельзя было узнать его мнение даже по принципиальным вопросам... Пилсудский отличался крайним непостоянством настроения, и идущие с ним на встречу люди не могли предвидеть того, как она будет проходить, а иногда и содержания. Его инструкции временами были солдатски четкими, но временами использовались эзопов язык и неконкретные метафоры. Пилсудский никогда не вступал в дискуссию. Иногда у него уже было готовое решение, иногда он выслушивал собеседника или мнение участников собрания и только после этого формулировал свое мнение. Но о дискуссии, в которой сталкиваются взгляды и есть возможность изменения мнения, в которой у каждого участника есть шанс убедить остальных, не могло быть и речи. В дискуссии он всегда был арбитром и никогда участником». – См.: Garlicki J. Jozef Pilsudski... S. 533.]

Не лучшая судьба ожидала проект поправок к конституции Согласительной комиссии для защиты республики и демократии, который предусматривал увеличение полномочий сейма. Правые и центристские партии не устраивали содержащиеся в нем предложения ликвидировать сенат, отделить церковь от государства, признать за компактно проживающими национальными меньшинствами право на территориальную автономию. В 1930 году правые выступят с собственными проектами ревизии конституции. Проект левых показал неготовность оппозиционных партий к взаимодействию в вопросах, в равной мере касающихся интересов каждой из них. Но он точно так же серьезно мешал сближению левых с Беспартийным блоком.

Но все же в центре конфликта между режимом и сеймовой оппозицией оказались не конституционные разногласия, а вопросы более приземленные, но прямо затрагивавшие Пилсудского. В ноябре 1928 года правые озвучили проблему превышения правительством без соответствующего решения сейма расходов государственного бюджета почти на 560 миллионов злотых, из которых 8 миллионов по личному распоряжению премьера были потрачены на избирательную кампанию Беспартийного блока. Так появилось дело министра финансов Габриэля Чеховича, еще одного известного польского франкмасона. Следует сказать, что аналогичное превышение бюджетных расходов случалось и ранее, но каждый раз с разрешения сейма. Поэтому парламентарии расценили последний случай как вызов парламенту и игнорирование законных прав.

В феврале 1929 года, по мнению Пилсудского, в отместку за это бюджетная комиссия сейма урезала на 2 миллиона злотых запланированный в проекте государственного бюджета резервный фонд министерства военных дел. Это был ощутимый удар, так как из средств фонда финансировались, в частности, военные атташаты, а также военная разведка и контрразведка.

Одновременно в сейм было внесено предложение привлечь Чеховича к ответственности перед государственным трибуналом. Спустя месяц сейм принял это предложение. Пилсудский взял Чеховича под свою защиту, заявив, что это он принимал решение о превышении бюджета. Скандал получился громким, оппозиция сумела в какой-то степени взять реванш за бесконечные упреки в ее адрес в злоупотреблениях и необоснованной растрате государственных средств в домайский период, показала обществу, что все утверждения санации о том, что она пришла к власти ради морального возрождения общества, не больше чем демагогия. Правда, дело Чеховича, при всем его резонансе и усилиях оппозиции, надеявшейся с его помощью опрокинуть режим, каких-либо серьезных последствий не имело.

То же самое можно сказать и о так называемом деле Медзиньского, который в

бытность свою министром почт и телеграфа растратил на личные нужды государственные средства. Затем возникла афера, связанная с поездкой премьера Свитальского в отпуск в Италию на служебном автомобиле. Как обычно бывает в таких случаях, большинство общества с интересом обсуждало коррупционные скандалы. Но какихто радикальных перемен в верхних эшелонах власти не желало, будучи не без оснований убеждено, что лучше оставить у государственной кормушки прежних сановников, уже наполнивших свои кубышки, чем допускать к ней новых, не вкусивших прелестей жизни наверху, которые тут же начнут воровать пуще прежнего.

Дело Чеховича прямо затрагивало лично Пилсудского, в 1927 – 1928 годах возглавлявшего правительство, что, естественно, вызывало его неудовольствие. И не из-за боязни ответственности (он знал, что его к суду никто привлечь не решится), а из-за нежелания выступать в качестве свидетеля перед органом, который он считал рудиментом эпохи «сеймократии». В начале апреля 1929 года диктатор объявил заменявшему Бартеля на время его болезни Славой-Складковскому, что в Польше три источника власти – президент, он сам и Бартель. И министрам нечего ходить в сейм, с которым он начинает такую же борьбу, как и с сеймом маршала Ратая.

Новую схватку диктатор начал традиционным уже для себя способом – подверг сейм жесткой словесной атаке. Первой его публичной реакцией на дело Чеховича стала статья «Глазное дно, или Впечатления больного человека от бюджетной сессии в сейме», напечатанная в начале апреля 1929 года в ведущей газете санации «Глос правды». Текст поражал своей грубостью даже тех, кто привык к непарламентским выражениям диктатора. Он был полон площадной брани и оскорблений в адрес депутатского корпуса в целом и отдельных парламентариев – самых активных участников расследования дела о перерасходе бюджетных средств. Тон статьи был таков, что все ожидали незамедлительного разгона сейма.

Но Пилсудский, который не скрывал от окружения, что он не сторонник того, чтобы избранный в 1928 году сейм просуществовал весь срок своих полномочий [Switalski K. Diariusz... S. 365.], пока что такой шаг считал преждевременным. Само по себе дело Чеховича не имело столь опасного общественного резонанса и веса, чтобы из-за него прибегать к крайней мере. Досрочный роспуск парламента в момент, когда дело еще только набирало обороты, мог быть расценен как попытка замять скандал. Да и выборы 1928 года показали, что режим не настолько популярен, чтобы надеяться на убедительную победу. Ко всему прочему, кончилась благоприятная экономическая конъюнктура, польская экономика испытывала все большие трудности.

В этих условиях диктатор решился на шаг, который многие оппозиционные политики восприняли как последнюю попытку режима удержаться на плаву. Пилсудский решил сменить кабинет, заодно выведя на авансцену наиболее доверенных людей из своего кадрового резерва, сформированного главным образом из легионеров. 13 апреля 1929 года кабинет Бартеля подал в отставку. На следующий день было сформировано правительство во главе со Свитальским. Почти половина министров были старшими офицерами, в связи с чем новый кабинет его противники называли «правительством полковников». Новый премьер имел уже достаточно большой опыт государственной деятельности – последовательно занимал посты заместителя начальника гражданской канцелярии президента, директора политического департамента министерства внутренних дел, одного из руководителей избирательной кампании Беспартийного блока, министра по делам религиозных культов и народного образования. Весьма необычной представляется манера назначения Пилсудским не только министров (ранее приводился пример Славой-Складковского), но и руководителей кабинетов. Свитальский вспоминал: «В начале апреля Мосьцицкий организовал как бы абсолютно частную встречу со мной, в ходе которой известил меня, что собирается после обращения Бартеля об отставке предложить мне миссию создания кабинета. При этом он не ссылался на договоренность по этому вопросу с Пилсудским. Но я был уверен, что Мосьцицкий не делает этого без предварительного согласия Пилсудского. Поэтому я, хотя и был этим предложением застигнут врасплох, заявил, что попытаюсь выполнить это задание...» [Там же. S. 367.]

Назначая Свитальского премьер-министром, Пилсудский как бы временно передавал ему часть своих оперативных руководящих функций в правящем лагере. Включение в состав кабинета шести военных было воспринято в обществе как свидетельство желания режима ужесточить политику в отношении оппозиции. Но сразу же показать сейму свою силу у правительства не было возможности, поскольку парламент, приняв закон о государственном бюджете, был до осени распущен на каникулы. Чтобы кабинет и лагерь санации в целом не расхолаживались, Пилсудский на встрече со Свитальским 21 апреля 1929 года указал на важность борьбы с левыми для упрочения позиций Беспартийного блока. Он также подчеркнул, что главное сейчас – это пропаганда, направленная на подрыв авторитета сейма.

Уже на следующий день Свитальский провел совещание со Славекком, Пристором, Славой-Складковским, Беком и Матушевским, первым пунктом которого был вопрос о пропагандистской деятельности Беспартийного блока. И если накануне Пилсудский давал поручение премьеру, то теперь в этой роли выступал глава кабинета. Он заявил, что, поскольку в данный момент сейм и

пресса не критикуют правительство, у него «нет повода лезть на стенку. Но зато сейчас может начать свой пропагандистский марш ББ. Темой пропаганды для ББ могут быть нападки на сейм, в частности, потому, что это беспокоит правительство, затем конституционный вопрос...» [Там же. S. 400.]. Фактически это был приказ руководителю сеймовой фракции Беспартийного блока Славеку ближе всех других стоявшему к маршалу. Совершенно очевидно, если бы Пилсудский 21 апреля имел в виду только ББ, то он пригласил бы к себе его лидера. Этот пример очень важен для понимания механизма функционирования режима санации. Совершенно очевидно, что никто, не считая Пилсудского, не имел жестко закрепленного места в иерархии. Следующим за вождем был тот, через кого маршал передавал свои приказы и инструкции.

Создание «правительства полковников» и отсутствие с его стороны каких-то нападков на парламент, с одной стороны, не могли не породить у сейма убеждения, что его скоро распустят. С другой – левая часть сейма не исключала возможности договориться с правительственным лагерем о взаимодействии. Теряясь в догадках относительно будущих шагов режима, доверительные контакты с премьером и даже с Пилсудским попытались установить руководители ППС. В первой половине мая к Свигальскому с просьбой о неофициальной встрече обратились видные деятели ППС Томаш Арцишевский и Мечислав Недзьялковский. 24 июня в Бельведере Пилсудский принял по его просьбе Дашиньского, который выступал не как маршал сейма, а как один из лидеров ППС. Эта встреча подтвердила точность наблюдения Пилсудского, что новый сейм «не утратил амбиций правления» [Там же. S. 357.]. По словам диктатора, Дашиньский предложил сформировать устойчивое парламентское большинство в составе Беспартийного блока, ППС и крестьянских партий. Акция Дашиньского свидетельствовала о его полном непонимании сути режима, не собиравшегося идти ни на какие коалиционные соглашения, связанные с торгом, уступками, компромиссами. Ответ Пилсудского был совершенно предсказуемым: «...Не будучи главой кабинета, я предпочитаю этот разговор переадресовать премьеру, г-ну Свигальскому, полагая, что он может лучше, чем я, заняться этим вопросом, а относительно Беспартийного блока я посоветовал ему пойти естественным путем – к председателю этого клуба г-ну Славеку» [Pilsudski J. Pisma zbiogowe... T. IX. S. 186.]. Ответ диктатора полностью подтверждал зафиксированное 12 февраля 1929 года наблюдение Свигальского, что комендант не желает договариваться с сеймом. О непримиримом отношении Пилсудского к парламенту свидетельствовало и его выступление 26 июня перед государственным трибуналом по делу Чеховича, выдержанное в весьма грубой форме.

Но на досрочный роспуск сейма Пилсудский по-прежнему не решался. Как

всякий много переживший человек и опытный политик, он не мог не понимать, что в результате возникнет совершенно новая политическая реальность, точные контуры которой предсказать невозможно, если не провести солидной предварительной подготовки. В этом он убеждал и своих сторонников, полагавших, что сейм настолько слаб, что его можно без всяких проблем распустить. Официально с Пилсудским солидаризировались его ближайшие политические помощники. Об этом свидетельствует, например, выступление премьера Свигальского 30 апреля 1929 года на обеде с группой сенаторов от Беспартийного блока. Он высказался против роспуска сейма и октроирования конституции, поскольку общественное мнение неустойчиво: сегодня оно за роспуск, а завтра качнется в другую сторону и всю вину возложит на режим. Поэтому лучше действовать не спеша, естественным путем внедряя новые формы политической жизни.

О том, что в действительности Свигальский был настроен по-иному, указывает совещание у Пилсудского 1 июля 1929 года с участием премьера, Славека и Пристора. На вопрос маршала, проводить ли решительную схватку с сеймом в текущем году или отложить на более поздний срок, все три его ближайших соратника высказались за первый сценарий, причем считали, что это нужно сделать как можно скорее. Но Пилсудский с ними не согласился. Вот его окончательное мнение, озвученное на одной из встреч со Свигальским и Славеком: «Комендант считает, что, несмотря на глупое польское общество, которое хотело бы или немедленного роспуска сейма, или октроирования конституции, проводимая комендантом политика в отношении сейма, заключающаяся в том, что есть сейм и нет этого сейма, что конституционные принципы не нарушаются, дает Польше большие плюсы в международных отношениях» [Switalski K. Diariusz... S. 453.].

Для более решительной атаки на сейм Пилсудскому был нужен основательный повод. Он считал, что его может дать только скандал вокруг конституционного вопроса, который должны спровоцировать Беспартийный блок и правительство во время бюджетной сессии парламента. Готовиться к сессии Пилсудский начал уже в мае 1929 года. В самом общем виде его план действий выглядел следующим образом: созвать сессию сейма в самый поздний из дозволенных конституцией сроков, внести на рассмотрение краткий вариант бюджета, а затем без промедления отложить заседания на месяц под предлогом, что правительство только в декабре сможет подсчитать государственные доходы и расходы. Работу сейма возобновить не ранее середины января и в это время предложить ему начать обсуждение вопроса об изменениях в конституции. Одним словом, поставить конституционный вопрос в центр внутренней политики. Пилсудский также должен был включиться в борьбу и помочь делу

своими выступлениями в печати на тему конституции.

На совещании 1 июля с участием Свитальского, Славека и Пристора Пилсудский дополнил этот план соображениями относительно создания условий для роспуска сейма. С этой целью Славеку надлежало пригласить сеймовые партии к обмену мнениями по конституционному вопросу. В момент, когда эти переговоры провалятся, ББ должен решительно заявить в сейме, что больше не позволит откладывать ревизию конституции. Это и станет моментом, когда можно будет пойти на роспуск сейма. Чуть позже появилась мысль, что для введения оппозиции в заблуждение относительно истинных планов режима Свитальский должен пригласить сеймовые клубы на совещание по бюджету с участием Пилсудского. Суть интриги была следующая: показать обществу, что режим хочет сотрудничать с сеймом, а тот противится, потому что не заботится об интересах государства и общества.

Но жизнь и на этот раз внесла коррективы в столь тщательно продуманный план. Беспартийный блок, состоявший из людей с различными политическими и идеологическими предпочтениями, не демонстрировал той агрессивности, которой от Славека требовал Пилсудский. По его мнению, выступления депутатов ББ по конституционному вопросу носили излишне академический характер и не могли возбудить общественное мнение. Но это было дело поправимое.

Хуже было то, что оппозиция явно не собиралась безропотно мириться с уготованной ей участью пассивного наблюдателя, лишённого права голоса в вопросах управления страной. В ее рядах неуклонно зрело убеждение в том, что консолидированными усилиями удастся заставить режим считаться с волей большинства сейма, а может, даже покончить с «санацией». Демонстрацией ее готовности вступить в борьбу с режимом можно считать выдвинутое в начале сентября правыми партиями требование созвать чрезвычайную сессию сейма, под которым свои подписи поставили депутаты от центристских и левых партий.

Мечь и закон

Летом 1929 года у Пилсудского вновь возникли проблемы со здоровьем, заметно хуже стала слушаться правая рука. Он впервые отказался участвовать в очередном съезде легионеров, потому что ему нужно было отдохнуть. Учитывая, что он всегда придавал этому мероприятию важное значение, можно с уверенностью утверждать, что он чувствовал себя далеко не лучшим образом, хоть и не хотел в этом признаваться даже самым близким людям. Не проявлял он интереса и к текущим событиям, что с озабоченностью отметил общавшийся

с ним в то время Славой-Складковский.

На этот раз отпуск провел в Друскениках, и, кроме Свитальского и Славека, которым дал указания относительно того, какой линии поведения ББ должен придерживаться в сейме, никого из политиков маршал не принимал. Это его нежелание поддерживать широкие контакты нашло отражение в одном из писем, относящихся именно к этому времени. Пилсудский явно начинал замыкаться в себе, что для него ранее не было характерно. Видимо, таким образом он подсознательно берег свою нервную систему от излишних нагрузок. Это ухудшение самочувствия своего кумира отметил для себя и Свитальский. Но отдых пошел Пилсудскому на пользу, и осенью он выглядел уже существенно более энергичным и деятельным.

4 сентября 1929 года Свитальский в соответствии с указаниями Пилсудского предложил Дашиньскому созвать совещание по бюджету. Этот шаг был задуман как своеобразный тест, который должен был показать, кто помимо ББ готов поддержать правительство. Но проверка вызвала последствия, которых Пилсудский никак не ожидал. 14 сентября шесть центристских и левых партий обратились к Дашиньскому с просьбой в ответ на эту инициативу правительства сообщить кабинету о необходимости ускорить созыв сейма и обсудить с ним все детали совершенствования работы над бюджетом. Они также подчеркнули, что после закрытия сессии парламента единственным органом, имеющим право представлять палату, является ее президиум во главе с маршалом сейма. Так на политической сцене появился левоцентристский блок Центролев, обладавший большинством мест в сейме.

Оппозиция точно так же отказалась от участия в предложенном Славекком совещании по вопросам ревизии конституции. Тогда Пилсудский попытался перессорить между собой партии Центролева. С этой целью он сообщил в печати, что Дашиньский 24 июня вел с ним переговоры и сделал предложение о едином блоке ББ с ППС и одной из крестьянских партий. Дашиньскому пришлось оправдываться тем, что он действовал от собственного имени, а не по поручению своей партии. Но все же, вопреки расчетам маршала, оппозиционный блок устоял.

Не сумев разрушить единство оппозиции, Пилсудский вновь решил перейти к тактике прямого давления на строптивых депутатов под его непосредственным руководством. Он даже планировал отдых за границей, чтобы набраться сил перед нелегким столкновением, которое его ожидало. Но болезнь помешала зарубежной поездке.

Следующую провокацию режим приурочил к открытию сессии сейма,

назначенному на 31 октября. Пилсудский уже 12 октября обсудил со Свигальским будущую тактику поведения. Для себя он избрал роль жесткого политика, премьер же должен был демонстрировать готовность к переговорам. При этом маршал заявил, что никогда не допустит возвращения к власти партий и если будет в том нужда – готов совершить еще четыре «мая».

31 октября события развивались следующим образом. Поздним пополуднем, задолго до назначенного времени открытия сессии, перед зданием парламента, а также в общедоступном вестибюле сейма стали собираться офицеры, в основном полковники и подполковники, общим числом 30 – 50 человек. Некоторые были при саблях. Они пришли сюда прямо с работы в центральных военных ведомствах. В своих рапортах на имя коменданта города полковника Венявы-Длугошовского они называли разные поводы, по которым явились в здание сейма. Одни – якобы повидаться с депутатом сейма полковником Коцем, другие – потому что узнали, что распоряжение об открытии сессии сейма вместо заболевшего премьера Свигальского будет зачитывать Пилсудский, и решили его поприветствовать, третьи – в расположенное в здании парламента общедоступное почтовое отделение. Военные вели себя спокойно, но на просьбы покинуть здание не реагировали.

Когда Пилсудский в сопровождении Славой-Складковского и Бека вошел в вестибюль, офицеры образовали живой коридор и приветствовали своего кумира. Но и после этого они не ушли, поскольку-де были оскорблены необоснованным требованием покинуть вестибюль и ждали извинений от сеймового руководства [РГВА. Ф. 476. Оп. 2. Д. 6. Л. 41 – 45об.].

Дашиньский, решив, что присутствие офицеров грозит сейму, возможно, даже кровавой расправой, отказался открывать сессию, пока они не покинут здание. Об этом он тут же написал в письме президенту. Пилсудский, прождав около часа открытия сессии, отправился в кабинет спикера. Состоявшийся между ними в весьма резких тонах разговор результата не дал. Маршал сейма твердо стоял на своем: «Под угрозой штыков, револьверов и сабель сессию не открою!» Ничего не добившись, Пилсудский оставил кабинет спикера. 1 ноября в письме президенту по поводу инцидента он назвал Дашиньского «безумцем», которому нужно лечиться, а не заниматься политической работой, «ослом», «опереточным комиком», «сумасшедшим» [Там же. Л. 39 – 40об.].

Поскольку офицеры и после отъезда диктатора здание сейма не покинули, Дашиньский перенес церемонию открытия на 5 ноября. Но в назначенный срок сейм опять к работе не приступил, так как президент отложил заседание на 30 дней. Это означало, что Пилсудский от намеченного плана давления на сейм отказываться не собирался.

Инцидент в связи с открытием сейма явно прибавил оппозиции уверенности в собственных силах. Она по-прежнему не до конца понимала, что Пилсудский вовсе не намерен считаться с тем, что более 70 процентов граждан Польши, принявших участие в голосовании, сказали его режиму «нет». Диктатор знал, что у оппозиции на тот момент не было достаточного арсенала средств, способных заставить его считаться с волей сеймового большинства. Как показала всепольская кампания митингов, проведенных по инициативе Центролева 1 декабря, общество достаточно безразлично отнеслось к очередному конфликту режима и оппозиции в сейме.

Выбор противником наступательной тактики подтолкнул Пилсудского к корректировке стратегии. Понимая, что время работает на оппозицию, не обремененную необходимостью сокращать государственный бюджет, он посчитал опасным для режима дальнейшее откладывание решения вопроса о судьбе сейма. 28 ноября 1929 года на встрече с премьером и председателем парламентской фракции Беспартийного блока Пилсудский изложил свой план дальнейших действий. Он считал, что следует сконцентрировать усилия на двух направлениях. Во-первых, учитывая международные и внутренние обстоятельства, постараться, чтобы бюджет все же принял сейм. Во-вторых, добиться перехвата политической инициативы правительством. Именно кабинет должен определять стратегию взаимоотношений с сеймом, пока тот не примет бюджет, «и тогда можно с этим сеймом делать все, что захочется. Принципиально следует исходить из того, что эта бюджетная сессия – последняя для этого сейма». Пилсудский высказался также и по вопросам тактики ускорения процесса прохождения бюджета в сейме. Для этого он намеревался сделать вид, что лично для него важнейшим является конституционный вопрос, поэтому для его решения он готов пойти на большие уступки. Тревожила его и возможность вынесения сеймом вотума недоверия правительству. Для предотвращения этой угрозы он считал возможным припугнуть сейм роспуском или же воспользоваться парламентскими методами, «произнося речи и затягивая дискуссию с помощью обсуждения каждого правительственного заявления». Сам же Пилсудский планировал вступить в борьбу с сеймом в марте 1930 года [Switalski K. *Diariusz...* S. 519 – 520.].

Спустя неделю после этого совещания началось практическое осуществление плана Пилсудского. Случилось событие, которого опасался маршал. 5 декабря, в день начала работы сейма, партии Центролева внесли предложение о вотуме недоверия кабинету Свیتالевского и на следующий день приняли абсолютным большинством голосов. Президент утвердил отставку, страна оказалась без правительства. Это не был правительственный кризис в точном понимании

этого слова, потому что за вотумом недоверия не последовали переговоры его инициаторов о создании собственного кабинета. Правда, они заявили, что не будут возражать, если президент поручит кому-нибудь из представителей оппозиции сформировать правительство, но дальше этого не пошли, оставив инициативу Мосъцицкому Тем самым сейм как бы подтвердил исключительное право президента, а фактически Пилсудского, определять весь состав кабинета. Добившись отставки Свигальского, оппозиция исчерпала свой наступательный потенциал. А это автоматически отдавало инициативу Пилсудскому, накопившему к этому времени огромный опыт борьбы с оппозицией.

Августовская новелла 1926 года ограничивала время работы парламента над бюджетом пятью месяцами, и если он его не успевал утвердить, то это должен был сделать президент своим декретом. Таким образом, правительство не могло остаться без бюджета. Один месяц из отпущенного парламенту срока уже прошел. Заставить парламента интенсивнее работать над бюджетом Пилсудский мог, и далее препятствуя его работе. Согласно парламентским обычаям во время правительственного кризиса работа депутатов приостанавливается. Поэтому чем дольше сейм бездействовал, тем меньше у него оставалось времени для работы с правительственным проектом государственных расходов. А если бы парламента бюджет вовремя не одобрил, то тогда у санации был бы повод заявить, что сейм не хочет исполнять свои конституционные обязанности. Пилсудский знал, что опытные парламентарии это понимают и поэтому постараются лишить режим этого аргумента, приняв бюджет вовремя. Сам он в это время избегал делать какие-то громкие заявления или высказывать угрозы в адрес сейма. Лишь президент демонстрировал активность, ведя переговоры с руководителями палат и парламентских клубов. Но последнее слово было за Пилсудским.

Лишь 21 декабря 1929 года появился реальный кандидат в премьеры – все тот же Бартель. Новый кабинет был приведен к присяге 29 декабря. Есть интересное свидетельство, записанное со слов Бартеля, о том, как Пилсудский уговаривал его принять этот пост в четвертый раз. Первоначально с этим предложением к нему обратился президент, но профессор своего согласия не дал. «Однако после этого он был вызван к Пилсудскому и там сдался перед настойчивыми просьбами великого человека, к которому он глубоко привязан. „Если бы вы были на моем месте, – сказал он, – то и вы бы не могли отказать“. Я сидел рядом с ним, он очень трогательно провел своей рукой по моему колену и грустным голосом обратился ко мне с такими словами: „Пан Казимеж, я очень болен, может, мне даже придется умереть, и я бы хотел, чтобы после моей смерти был сильный человек, который сумеет защитить мою честь. Этим человеком можете быть только вы“. Эти слова, – продолжал Бартель, – глубоко

меня потрясли и развеяли все мои сомнения, я был совершенно разоружен и не способен к малейшему сопротивлению воле коменданта» [Цит. по: Garlicki A. Jozef Pilsudski... S. 568.]. Радикальных изменений в составе правительства не произошло.

Назначение премьером Бартеля, считавшегося либералом среди пилсудчиков, было воспринято оппозицией с удовлетворением как подтверждение ее силы. На самом же деле в выигрыше оказался Пилсудский. Незаметно для оппозиции он сумел стимулировать работу сейма над бюджетом, в первой половине февраля 1930 года она была успешно завершена, и проект бюджета, претерпевший незначительные изменения по сравнению с правительственным вариантом, был передан в сенат. Теперь диктатор мог переходить к осуществлению намеченной им стратегической цели – роспуску парламента. Что касается сроков этой акции, то он не был ограничен каким-либо конкретным временем, поскольку открытие следующей бюджетной сессии сейма уже традиционно могло быть назначено только на 31 октября 1930 года. И вновь оппозиция облегчила ему задачу. 8 марта сеймовая фракция ППС внесла предложение о вотуме недоверия министру труда и социального обеспечения Александру Пристору, другу и близкому соратнику диктатора. Поводом стала его политика в отношении больничных касс, в руководящих органах которых прежде доминировали социалисты.

В ответ на этот вызов санации Пилсудский, видимо, приказал Бартелю резко выступить в парламенте, что тот и сделал спустя четыре дня. Суть речи премьера сводилась к тому, что парламент себя изжил и не способен решать задачи, стоящие перед современным государством, депутаты перестали соответствовать своему предназначению представителей народа, превратили служение в профессию и т. д. Оппозиция сочла это выступление покушением на основы демократии и отреагировала на него 14 марта выражением вотума недоверия Пристору, хотя Бартель и предупредил сейм, что в случае такого решения правительство в полном составе подаст в отставку. Схватка правительства и оппозиции завершилась очередной кажущейся победой последней.

Пилсудского более чем устраивала отставка кабинета Бартеля. Вопрос с бюджетом можно было считать решенным, хотя проект еще не вернулся из сената и не был окончательно утвержден нижней палатой. Теперь это без ущерба для престижа режима мог сделать президент, а ответственность за это можно было возложить на сейм, якобы безответственно относящийся к своим обязанностям. Но в повестке дня работы сейма были еще два вопроса, в решении которых режим было крайне не заинтересован. Во-первых, все еще незавершенное дело Чеховича – Государственный трибунал не стал выносить

по нему окончательного решения, хотя и признал факт нарушения закона. Он вернул дело сейму, заявив, что только тот может по существу оценить открытые правительством кредитные линии и произведенные расходы. И лишь после получения соответствующего решения нижней палаты можно будет возобновить процесс. Во-вторых, утверждение выводов специальной комиссии сейма, созданной для расследования инцидента при открытии сессии сейма 31 октября 1929 года. Однако в связи с известной практикой, что сейм не работает, пока нет кабинета, можно было дотянуть до конца марта, когда истекал предусмотренный августовской новеллой срок работы бюджетной сессии.

17 марта президент принял отставку правительства Бартеля и предложил сформировать новый кабинет Пилсудскому, но тот отказался. 19 марта в прессе появилась его статья с изложением мотивов такого решения, в целом сводящихся к испытываемому им отвращению к парламентским методам работы вообще и польского сейма в особенности. Следующим кандидатом в премьеры стал маршал сената Юлиан Шиманьский, всемирно известный врач-окулист, профессор Виленского университета. Будучи человеком, не посвященным в тонкости политической игры, проводившейся Пилсудским, он со всей серьезностью отнесся к порученной ему миссии. Проведя переговоры с представителями сеймовых фракций, кандидат в премьеры пришел к выводу о возможности достижения мира между противостоящими сторонами и создании правительства политического примирения, о чем не преминул сделать публичное заявление.

Но когда спустя неделю Шиманьский, гордый достигнутым успехом, пришел к Пилсудскому, то вместо похвалы услышал весьма неприятные для него слова: диктатор не собирается выводить оппозицию из тупика, в который она сама себя загнала, без твердых гарантий с ее стороны, что его дело не пострадает. Он согласится взаимодействовать с оппозицией только в том случае, если депутаты и партии откажутся от контроля работы правительства и его персонального состава, не будут вмешиваться в вопросы, связанные с уже одобренным бюджетом, согласятся отменить шестой пункт закона о государственных финансах, регулирующий полномочия правительства при открытии не предусмотренных бюджетом кредитных линий, наконец, если сейм уйдет на каникулы, по крайней мере, на полгода [Pilsudski J. Pisma zbiorowe... Т. IX. S. 214 – 215.]. Это были и ультиматум оппозиции, и программа изменения характера режима, сложившегося в Польше после мая 1926 года, и завуалированный отказ войти в правительство Шиманьского. Затем миссия премьера была поручена брату маршала Яну Пилсудскому. Было очевидно, что это назначение – всего лишь очередной акт фарса, разыгрываемого по сценарию диктатора.

В этих условиях Игнаций Дашиньский, понимавший, что времени у сейма для работы остается все меньше, решил нарушить неписаный обычай и созвать сессию сейма на 29 марта 1930 года. Для парламента наступил момент истины. Или бросить перчатку режиму и вступить в поединок, чем бы он ни кончился, или проиграть, и на этот раз окончательно и бесславно. Всю серьезность положения осознавал и Пилсудский. Если бы сейму удалось довести дело Чеховича до конца, то диктатору пришлось бы отказаться от видимости пребывания режима в правовом поле. И это было бы, пожалуй, его наиболее болезненным поражением. А распускать сейм в столь критический момент было опасно, ведь у оппозиции появилось бы основание утверждать, что режим таким образом пытается замять дело Чеховича. Единственное, что оставалось спасителю отечества, – начать очередную игру нервов.

В бой были брошены депутаты Беспартийного блока. Не имея возможности помешать принятию неблагоприятных для режима решений, они широко прибегали к обструкции на заседании бюджетной комиссии сейма, распуская слухи, что они придут на заседание сейма, вооруженные револьверами и резиновыми дубинками, что Дашиньский будет избит, когда пойдет открывать заседание. И маршал сейма сдался – доклад о бюджетных нарушениях был снят с повестки дня. Польская демократия еще раз продемонстрировала трусость, когда дело касалось решительного противодействия диктатуре. Несомненно, существовал страх за личную судьбу, но главным было опасение, что от этого пострадают интересы государства, будет внесен раскол в общество, активизируются претензии к Польше ее соседей, так и не смирившихся с территориальными потерями. Оппозиционеры опасались непредсказуемости Пилсудского и все больше склонялись к проведению досрочных выборов и вынесению конфликта на суд избирателей. При этом они убеждали себя, что режим не посмеет сфальсифицировать результаты выборов.

Последнее, что успел сделать сейм на заседании 29 марта, – это одобрить бюджет. В тот же день Ян Пилсудский отказался от формирования кабинета, и без промедления и каких-либо консультаций было сформировано правительство во главе с Валерием Славеком. В тот же день президент закрыл сессию сейма. У руля государственного корабля вновь оказался кабинет полковников, чей состав был почти идентичен предыдущему. Пилсудский приступал к осуществлению конечной цели своего плана борьбы с парламентом, представленного 28 ноября 1929 года Свитальскому и Славеку, – его роспуску.

Оппозиция, которая также была за досрочный роспуск парламента и считала это делом решенным, уже в апреле 1930 года стала вести закамуфлированную избирательную кампанию, используя традиционные методы: пропаганду своей

политической линии в печати, на собраниях и митингах. Суть этой линии – устранение диктатуры и восстановление демократии – была сформулирована в принятой Центролемом 5 апреля декларации, содержащей оценку ситуации, начиная с майского переворота. Отличием ожидавшихся вскоре выборов от всех предыдущих должно было стать то, что шесть партий Центролева собирались выступить на них единым фронтом. Для поддержания их боевого настроения было решено собрать чрезвычайную сессию сейма. Реализовать эту задумку было нетрудно, но результат получился нулевой. Созванная 23 мая сессия сейма была тут же отложена на 30 дней, а 20 июня, что было вполне предсказуемо, закрыта распоряжением президента, так и не начав работу. Режим последовательно лишал оппозицию возможности использовать для борьбы с ним парламентскую трибуну.

К этому времени Пилсудский твердо решил в самое ближайшее время распустить парламент и провести новые выборы. Он явно хотел, чтобы следующий бюджет утверждал новый, послушный его воле парламент. 26 мая вызванный в Бельведер Славой-Складковский узнал о предстоящем роспуске законодательного органа как окончательно решенном деле. Пилсудский приказал ему вернуться на должность министра внутренних дел (в это время генерал был замминистра военных дел) и «сделать» вместе со Славком и Свигальским новые выборы в течение шести недель. Соратник попросил на это три месяца, и маршал согласился [Slawoj Skladkowski F. Strzepy meldunkow... S. 193.].

После провала с созывом внеочередной сессии сейма оппозиция фактически перешла к открытой избирательной кампании, обратившись к массовым внепарламентским формам агитации. На 29 июня 1930 года в Кракове был назначен Конгресс защиты законности и воли народа. По его итогам была принята политическая декларация, выдержанная в достаточно жестких тонах. В ней режим предостерегался от попыток осуществить государственный переворот и подавить движение за восстановление демократии с помощью террора, поскольку они встретятся с самым решительным сопротивлением, вплоть до физического. Объектом критики оказался и президент Мосьцицкий, что уже становилось традицией. Таким образом, оппозиция отказывала в праве на моральный авторитет всем столпам режима – Пилсудскому правительству и президенту. После завершения конгресса состоялся массовый митинг с числом участников около 30 тысяч человек, на котором была принята аналогичная резолюция.

Успех краковского конгресса показал, что для оппозиции следующие выборы будут отличаться от предыдущих. Теперь вся ее объединенная мощь будет обращена против одного противника – санации. То есть левые и центристы

пошли по тому же пути, что и режим на выборах 1928 года, когда он сплотил всех своих приверженцев в единый блок. Правда, интенсивность избирательной кампании оппозиции была пока что невелика, потому что так до конца и не было известно, распустит ли Пилсудский парламент или оставит все как есть.

Летом 1930 года диктатор полтора месяца провел в своих Пекелишках. Немного болел, немного отдыхал, изредка проводил политические встречи. В Варшаву вернулся 8 августа, а спустя два дня уехал в Радом на IX съезд легионеров. На этот раз с речью не выступал. Все свое внимание он сконцентрировал на подготовке к запланированному им на ближайшее время роспуску сейма.

11 августа Славой-Складковский получил от маршала поручение составить досье на всех депутатов Центролева. Это могло означать только то, что Пилсудский в качестве главного противника режима избрал объединенную оппозицию. В это же время был до конца разработан общий план действий режима, предусматривающий не только роспуск парламента, но и деморализацию противника. Режиму предстояло провести столь ответственную операцию стратегического характера, что Пилсудский, как это было во время польско-советской войны 1919 – 1920 годов, взял руководство ею на себя. Обсуждались также меры противодействия «саботажу» украинских националистов в Восточной Галиции.

Не бездействовала и оппозиция. 21 августа Политическая комиссия Центролева постановила провести 14 сентября в 21 местности массовые митинги с требованием немедленного созыва сейма, устранения диктатуры и борьбы с экономическим кризисом. Центральный митинг должен был пройти в Варшаве. Было также решено в случае роспуска президентом сейма без определения даты следующих выборов объявить всеобщую забастовку, а если срок выборов будет определен, то принять в них участие единым блоком.

22 августа Пилсудский предупредил Славой-Складковского, что через несколько дней сам возглавит правительство и распустит сейм, министр внутренних дел своим приказом проведет аресты ряда бывших депутатов, а затем состоятся новые выборы в парламент. Этот план начал осуществляться уже на следующий день, когда Славек подал в отставку с поста премьера, мотивируя это усталостью, вызванной совмещением обязанностей главы кабинета и председателя парламентского клуба Беспартийного блока. Тут же Пилсудский объявил министрам, что президент попросил его возглавить правительство и что он конечно же согласится. 25 августа Пилсудский во второй раз стал премьер-министром. Своим заместителем и руководителем всей текущей деятельности кабинета он сделал Юзефа Бека. Уже третий

полковник из кадрового резерва диктатора становился у штурвала государственного корабля.

На следующий день Пилсудский дал интервью «Газете польской», в котором в очередной раз в самой грубой форме высказался по поводу демократии, парламентаризма, конституции 1921 года (он назвал ее «конституткой» по аналогии с известным словом) и деятельности Центролева. Весьма зловеще прозвучало его заявление, что депутатов следует выставлять за двери из всех учреждений, а если им еще при этом и накостыляют – то вреда от этого не будет [Pilsudski J. Pisma zbiorowe... Т. IX. S. 217 – 224.]. Это означало, что своему личному отвращению к парламентаризму как форме правления, требующей согласования различных интересов, он решил придать статус правительственной политики. После этого страну могло ожидать только одно – прекращение мезальянса диктатуры и парламентаризма, возникшего в мае 1926 года, и торжество силы над компромиссом.

Решение Пилсудского во второй раз возглавить правительство означало, что он больше не позволит оппозиции мешать развитию страны по пути, который считал единственно правильным. Систему, способную корректировать свои ошибки с помощью противопоставления и согласования различных мнений, он решил заменить единоличным правлением сильной личности, будучи глубоко убежден, что только он знает, что нужно Польше, как сделать ее великой и процветающей державой, способной противостоять внутренним и внешним напастям.

Маршал действовал весьма оперативно. 29 августа 1930 года он предложил кабинету рассмотреть вопрос о досрочном роспуске парламента. Сохранилось интересное свидетельство Славои-Складковского: «Когда мы сели за стол совещаний, господин маршал заговорил глубоким, взволнованным голосом: „Я собрал вас, чтобы внести предложение на ваше одобрение. Это предложение о роспуске сейма... Эта глупая конституция, эта глупая конституция... Господа, я приступаю к мотивировке. Я давно установил, что я могу, а чего не могу делать. Первое, что меня склоняет к роспуску сейма, – это нежелание копать во всей этой грязи. Я никогда этого не мог переносить – я родился в поместье, меня называли паничем, и я не могу копать в грязи, лучше уж убить человека. А в сейме я постоянно вынужден был копать в грязи. Во-вторых, господа депутаты овладели мастерством различным образом и непрерывно преступать закон. Как я могу зависеть от каникулярного времени какого-то мерзавца? Я бы должен был отвечать на это свинство постоянным насилием, резко пресекая попытки анархизации государства. (Передразнивая)... Именем сейма! Сейм существует только тогда, когда идет заседание! В противном случае это банда, которую я не могу уважать!!! ...Я человек войны, я могу прибегнуть к насилию,

но не могу высечь такого-то господина на улице за стрельбу в полицию... Видите ли, у него иммунитет!!! Это второй повод, может, самый страшный. Третий, наконец, мотив – это необходимость постоянно создавать новые ситуации с сеймом. Я должен бы был совершать насилие за насилием, но тогда мне бы жизнь обрыдла“. В этом месте комендант прервался, барабаня пальцами по столу и глядя вдаль. Один из министров спросил, когда будут выборы. Комендант бросил на него быстрый взгляд и с жаром ответил: „Извините, я сейчас добавлю. Конституция позволяет распустить сейм, но все вопросы, связанные со сроками, находятся в ведении президента, и я не могу обсуждать это с вами. Скажу вам только, что сейчас у меня передышка, потому что эти скоты отдыхают... Я не собираюсь уважать даже депутатский иммунитет. Они должны быть наказаны, а вы сразу о сроках выборов. Выборы наверняка будут назначены, потому что я правлю конституционно. Я вам не буду чистить сортиры ‘октроированием’! Я даже могу согласиться на бюджетную сессию, но это противно... Иначе диктатором станет комиссар полиции, назначенный господином Складковским, который будет всех бить по морде, так что зубы полетят“» [Slawoj Skladkowski F. Strzepy meldunkow... S. 217 – 219.].

Фактически Пилсудский изложил весь свой план действий, предусматривавший замену конституции, изменение характера парламента, освобождение правительства от контроля представительного органа, репрессии в отношении бывших депутатов. О своем намерении расправиться с парламентариями Пилсудский заявил и в интервью «Газете польской» от 7 сентября. И это были не пустые слова. Его призыв накостылять «этим курвам», как он стал называть парламентариев от оппозиции, был услышан уже 27 августа. В этот день группа военных избил лидера одной из левых крестьянских партий, вице-маршала сейма Яна Домбского, незадолго до этого перенесшего операцию. Нападение произошло рядом с домом, в котором он жил, и, как всегда, его участники не были обнаружены.

30 сентября президент распустил обе палаты парламента и назначил новые выборы на ноябрь 1930 года. Все действия и выступления Пилсудского того времени свидетельствовали, что он не повторит эксперимент 1928 года, не будет больше создавать «новые ситуации с сеймом». С этой целью он решил совершить еще одну «революцию без революционных последствий» – ликвидировать остатки парламентаризма, но сохранить парламент как орган, присущий республиканской форме правления. Опыт других европейских диктатур, а также деятельности Беспартийного блока показал, что вполне может существовать квазипартия, посл Оппозиция приняла вызов режима в убеждении, что он и на этот раз будет играть более или менее честно. 9 сентября пять партий Центролева создали избирательный блок под названием

«Союз защиты закона и свободы народа». Шестой участник Центролева, христианские демократы, по различным мотивам остался вне блока, но как союзник, а не противник объединенной оппозиции. Оппозиция обратилась к народу с воззванием, обвинявшим диктатуру во всех несчастьях трудового народа, нежелании продолжать реформы, начатые до мая 1926 года, служении интересам буржуазии и помещиков, предательстве прекрасных традиций борьбы за независимость Польши («союз Юзефа Пилсудского с представителями бывших соглашателей с государствами-захватчиками нанес удар в самое сердце легенде легионов»), а также непродуманной национальной политике. Был использован также аргумент из арсенала Пилсудского и его окружения: «Над всей польской жизнью навис груз невыносимых моральных отношений».

Это был документ, явно сориентированный на трудящиеся слои общества, который грешил демагогией (самым глубоким экономический кризис был в демократических Соединенных Штатах Америки и веймарской Германии) и не очень внятно рисовал пути хозяйственного оздоровления страны. Оппозиция недостаточно четко представляла, чего она хочет помимо ухода режима с политической сцены и восстановления демократии образца 1921 года. Существует традиция обвинять польскую оппозицию в том, что она не решилась прибегнуть к внепарламентским массовым формам борьбы трудящихся. Но в 1930 году в Польше не было ни малейших признаков того, что массы готовы выйти на улицы. Оппозиции, желающей оставаться в правовом поле, не пристало звать на баррикады. Это могли делать только загнанные в подполье революционные партии и созданная в 1929-м Организация украинских националистов (ОУН) Коновальца и Бандеры.

По-иному думал и действовал режим, выполняя намеченный Пилсудским план. Следующим его этапом был удар по оппозиции. 1 сентября маршал лично отметил в предложенном ему списке бывших парламентариев от оппозиции тех, кого он считал наиболее заклятыми врагами режима. В ночь с 9 на 10 сентября полицией и военной жандармерией были арестованы 18 бывших депутатов, в том числе трехкратный премьер-министр Витос. Все они, кроме одного строптивного парламентария от ББ, были членами оппозиционных партий. Спустя неделю был арестован руководитель восстаний в Силезии Войцех Корфанты, во время мировой войны помогавший эмиссарам Пилсудского устанавливать контакты с немецкими военными и политиками в Берлине. Все они были заключены в военную тюрьму в Брестской крепости.

Эти меры были проведены с многократным нарушением закона (арест без постановления суда, заключение в военную тюрьму). Арестованных начали избивать уже по пути в тюрьму, физическое и психическое насилие над ними

продолжалось и в крепости, комендантом которой на это время был назначен известный своими садистскими наклонностями полковник Вацлав Костка-Бернацкий, в 1-й бригаде легиона командовавший жандармами. В помощь ему были приданы такие же садисты-офицеры. Арестованных полностью изолировали от внешнего мира, и о жестоком обращении с ними стало широко известно только после парламентских выборов.

Этими арестами репрессии не ограничились. 10 сентября состоялось заседание кабинета, на котором Пилсудский потребовал, опять же вопреки праву, не восстанавливать на прежней работе бывших государственных служащих, которые были депутатами от оппозиции. Пилсудский твердо решил покончить с послемайской моделью режима. Как он заявил своим приближенным, изменить конституцию и «исправить вредные политические и парламентские обычаи». С этой целью он требовал широко использовать меры устрашения, включая аресты, обыски, судебное преследование. Власти сделали все, чтобы максимально ограничить масштаб запланированных оппозицией на 14 сентября митингов и демонстраций. И это им удалось, в том числе и с помощью силы. Были запрещены митинги на открытом воздухе, а владельцам больших залов настойчиво рекомендовали не сдавать их в аренду оппозиции. Участники организуемых Центролевым мероприятий и активисты избивались дружинниками проправительственных партий.

1 сентября Пилсудский приказал через 15 дней приступить к проведению операции так называемого «умиротворения» в Восточной Галиции. Поводом к ней послужила начатая летом 1930 года Организацией украинских националистов и Украинской военной организацией кампания противодействия полонизации провинции, которую они считали украинской. Поскольку протесты украинцев в парламенте, на публичных мероприятиях и в печати не помогали, они решились на крайние меры. Начались нападения на недавно прибывших сюда колонистов из Центральной и Западной Польши, польских учителей, поджоги их хозяйственных построек и жилых домов, уничтожение железнодорожных путей и оборудования, подрыв мостов и т. д.

Проведение операции было поручено полиции и армии. Она охватила 450 сел в 16 уездах Львовского, Тернопольского и Станиславского воеводств и сопровождалась разгромом украинских культурных и хозяйственных организаций, закрытием трех украинских гимназий, арестами бывших депутатов и сенаторов, обысками, наложением контрибуций и даже публичной поркой активистов украинского национального движения. Были арестованы 1 739 украинцев, из которых 1143 отданы под суд за террористическую и антигосударственную деятельность. Полиция изъяла около 2 500 единиц огнестрельного оружия.

При всем кажущемся успехе операции она не достигла цели, которую перед ее исполнителями поставил Пилсудский, – умиротворить провинцию. Наоборот, она еще больше углубила антагонизм между польским государством и украинским национальным движением и, что еще хуже, между поляками и украинцами. Действия властей дали повод украинским политикам обратиться в Совет Лиги Наций с жалобой на невыполнение поляками своих обязательств в области защиты прав национальных меньшинств. И хотя этот международный орган не усмотрел в действиях Варшавы нарушения взятых ею обязательств в области охраны прав меньшинств, конфликт негативно сказался на имидже Польши.

В общей сложности в предвыборный период в Польше были арестованы по политическим мотивам около пяти тысяч человек, в том числе 84 бывших депутата и сенатора и 1 600 сторонников Центролева. Это был удар, к которому легальная оппозиция, привыкшая к борьбе с режимом в правовом поле, пусть и деформированном, была абсолютно не готова. Ответственность за судьбы страны не позволяла ей даже допускать мысли о возможности использования нелегальных форм борьбы с ненавистной санацией. С точки зрения политиков, конфликт с режимом не мог выходить за рамки легальной политической борьбы. Пилсудский же не останавливался перед использованием самых непарламентских методов выдавливания оппозиции с политической сцены, поскольку считал непослушные его воле политические партии вредными и опасными для Польши.

Поддерживавшие режим партии, не испытывавшие недостатка средств, сумели организовать мощную избирательную кампанию, по числу проведенных мероприятий и их участников во много раз превосходящую кампанию оппозиции. В отличие от 1928 года в нее активно включился Пилсудский, решивший на сей раз на полную мощь использовать свой по-прежнему немалый авторитет в различных слоях общества. Он согласился, чтобы его имя было поставлено на первое место в общегосударственном избирательном списке Беспартийного блока в сейм и сенат, хотя, естественно, заседать ни в одной из палат не собирался. Следом за ним шли фамилии политиков из его ближайшего окружения, преимущественно из группы «полковников». Он же задавал тон агитационно-пропагандистской деятельности всего лагеря своими семью интервью «Газете польской» с резкой критикой польского парламентаризма образца 1921 года и зависимости правительства от сейма.

Эти же мотивы составляли стержень пропагандистской кампании Беспартийного блока, отказавшегося от формулирования избирательной программы. Как и в 1928 году, санация подходила к выборам как к плебисциту, а не соревнованию концепций решения актуальных и перспективных проблем.

При этом она не жалела черной краски для характеристики противников, называла творцов Центролева убийцами, намекала на их связи с иностранными государствами, использовала для сплочения общества вокруг правительства требования официальных лиц Германии пересмотреть границу с Польшей. Немаловажную роль сыграло принятое в 1930 году фракцией Беспартийного блока решение об отказе его членов от депутатского иммунитета в случае предъявления им уголовных обвинений.

Одновременно превозносились достоинства нового государственного устройства, которое намеревался создать Пилсудский вопреки сопротивлению своих врагов. С этой целью популяризировались основные постулаты конституционного проекта ББ: сильное правительство, избираемый на всеобщих выборах президент, конструктивно действующий парламент, хозяйственное самоуправление, создание палат наемного труда, чтобы непосредственные производители могли влиять на решение кардинальных хозяйственных проблем.

Следует сказать, что победу режима на выборах обеспечили не только репрессии в отношении оппозиции и эффективность пропаганды правительственного лагеря, но и достаточно безразличное отношение значительной части избирателей к борьбе между санацией и Центролевым, значения которой они не понимали и со своей личной судьбой не связывали, трудности повседневного существования в условиях кризиса, уважительное отношение к Пилсудскому, умело поддерживаемое пропагандой, – нестигаемый борец за независимость, подвижник сильной, свободной, пользующейся международным авторитетом Польши, мудрый вождь, прекрасный семьянин, лучший друг польских детей, женщин, тружеников, стариков, физкультурников и т. д. и т. п. За Беспартийный блок отдали свои голоса 44,8 процента пришедших к урнам избирателей, что обеспечило партии власти 249 из 444 мест в сейме. Партии Центролева существенно сократили свое представительство (со 180 до 97 мандатов), в том числе и по причине аннулирования их списков в ряде избирательных округов. Зато более чем в полтора раза больше мест в сейме досталось национальным демократам, не привлекавшим после поражения 1928 года повышенного внимания режима. Состоявшиеся неделей позже выборы в сенат принесли ББ еще более убедительный успех – 76 из 111 мест.

Постоянное психическое напряжение, помноженное на давно уже плохое состояние здоровья, разрушительно действовало на организм маршала. Польский посланник в Софии В. Барановский, увидевший его в апреле 1930 года после нескольких лет отсутствия в Варшаве, был буквально потрясен произошедшими внешними изменениями: это был настоящий «дедушка»,

осунувшийся, исхудавший, согнутый пополам старик с потухшим взглядом и лысеющей головой.

На заре туманной старости

Итоги выборов 1930 года не могли не порадовать Пилсудского. Наконец-то были созданы условия для такого взаимодействия правительства и сейма, к которому он стремился. Теперь ему в ближайшие годы не нужно было думать о том, как управляться с непокорными законодателями. Об этом он в присущей ему директивной манере заявил 18 ноября 1930 года на совещании у президента с участием Свитальского, Славека и Бека. Свитальский записал в дневнике: «Комендант при первой встрече с нами после выборов прибегнул к своим обычным поучениям, убеждая нас не предаваться чувству победы, а немедленно переходить к выработанному плану дальнейшей работы. Он в общей форме констатировал, что у нас есть пять лет спокойной жизни и нужно уметь использовать это время» [Switalski K. Diariusz... S. 524.].

Как и все другие встречи Пилсудского с ближайшими сподвижниками, эту лишь условно можно считать совещанием. В действительности говорил лишь сам маршал – на этот раз о ближайших шагах и кадровых перестановках в правительстве. В самом начале встречи он заявил, что в ближайшие дни уйдет в отставку с поста премьер-министра, а также откажется от мандатов депутата и сенатора. Официальная причина – состояние здоровья. Новым премьером будет Славек, потому что из всех кандидатов он самый волевой. При этом маршал указал, что слабыми сторонами премьерства Свитальского и Славека было то, что они не чувствовали себя достаточно свободными и боялись принимать решения по вопросам финансов и внешней политики. Стоит обратить внимание на одно высказывание о внешней политике: «Когда Коменданта не станет, Польша должна будет уступать за границей в вопросах, которые вообще не требуют уступок...» Как видно, в тот момент его серьезно занимала мысль о судьбе Польши без Пилсудского, впервые появившаяся после инсульта 1928 года. В подтверждение этого предположения можно привести слова, сказанные маршалом Сливинскому в ноябре 1931 года: «Я неслыханно упорен в работе мысли. Об одном и том же деле я могу думать несколько лет и по истечении нескольких лет вновь к нему вернуться...»

Совсем неслучайно сразу же после решения по кандидатуре премьера диктатор заговорил о необходимости внесения корректив во внешнюю политику. Пилсудский, при всей его нелюбви к политическим партиям, не считал, что угроза польской государственности таится внутри самой страны. В апреле 1931 года он говорил своим приближенным: «Положение в Польше значительно улучшилось, и Польша – единственная страна, у которой в настоящий момент

урегулированные внутренние отношения...» [Там же. S. 607.] Опасность могла исходить только из-за рубежа, и поэтому важно было определить от кого. Маршал был против акцентирования внимания на западном направлении («влезания в задницу» Западу), чем занимался Август Залеский, возглавлявший МИД с 1926 года. Он считал нужным сосредоточиться на восточном направлении, то есть на Советском Союзе, в связи с чем приказал провести кадровые изменения в аппарате министерства [На том же апрельском совещании 1931 года эта мысль была выражена еще определеннее. Дадим снова слово Свитальскому: «Во внешней политике комендант всегда считает, что наше поле деятельности на востоке – там мы можем быть сильными, и комендант всегда считает бессмысленным слишком поспешное втягивание Польши в западные международные отношения, потому что нас не может ждать что-то другое, кроме влезания Западу в задницу. Зато на востоке Запад будет абсолютным нулем, потому что у нас есть штыки». – См.: Switalski K. *Diariusz...* S. 608. На это его высказывание следует обратить внимание не для того, чтобы использовать его для доказательства агрессивных замыслов Пилсудского в отношении СССР. Оно важно как показатель не совсем адекватной оценки Пилсудским истинной силы соседей, хотя окружение и пыталось обратить его внимание на происходящие у них изменения. Так, он оставил без внимания слова Свитальского, что общественное мнение опасается усиления СССР в случае успешного выполнения первой пятилетки, но зато живо отреагировал на второстепенный аспект отношений с Германией. – *Ibid.* S. 593.]

Следующей по важности проблемой Пилсудский назвал совершенствование деятельности правительства, обозначил желательные кадровые перестановки, а затем перешел к новому парламенту. Пилсудский не назвал, кого он хочет видеть на посту маршала сейма. Это сделал Славек, предложив кандидатуру Свитальского. Пилсудский с ним согласился, выразив лишь сожаление, что лишается одного из кандидатов в премьеры. Свитальский, как и Славек, получил обстоятельные рекомендации относительно своей будущей деятельности: «с самого начала нагло использовать численный перевес», изменить регламент работы сейма, по вопросу о нарушениях на выборах и заключенных Бреста сохранять полное спокойствие, отвести на обсуждение этих проблем всего один день и не оправдываться. Все должны понять, что ББ не хочет заниматься этими вопросами, прерывая нужную государству работу.

Получили сотрудники маршала и рекомендации относительно того, как следует решать конституционный вопрос, а также по другим, более частным вопросам. Например, президенту надлежало организовать раут для депутатов и сенаторов, чтобы все увидели изменение отношения режима к парламенту,

сконцентрировать внимание на борьбе с национальными демократами, вновь объявленными главными противниками [Switalski K. Diariusz... S. 524 – 529.]. Никакого обсуждения затронутых им вопросов конечно же не было.

24 ноября, на следующий день после выборов в сенат, под денежный залог стали выходить на свободу узники Брестской крепости. Только сейчас общество узнало всю правду о том, что им пришлось пережить за эти месяцы. С разных сторон стали раздаваться возмущенные голоса, протесты, требования наказать виновных. Национальные демократы потребовали парламентского расследования «Брестского дела». С запросом к правительству обратились партии Центролева, подробно описавшие отношение тюремщиков к арестованным. Особо активно против насилия над узниками Бреста протестовали университетские профессора, люди творческих профессий, профсоюзы и общественные организации. В очередной раз жизнь опровергала официальную мифологию о режиме как образце высокой морали.

Пилсудский не придавал особого значения этим проявлениям возмущения. Об этом можно судить по нескольким моментам. Во-первых, 4 декабря Пилсудского на посту главы кабинета сменил Славек. Более того, маршал уже в конце ноября известил своих сотрудников, что уезжает отдыхать, потому что зимой очень плохо себя чувствует. Действительно, 15 декабря он отправился в длительный, более чем трехмесячный отпуск на португальский остров Мадейру. Это могло означать только то, что его совершенно не тревожили возможные последствия «Брестского дела». Не беспокоили они и Славека. На совещании в президиуме Совета министров 18 декабря 1930 года новый премьер заявил, что это дело волнует только интеллигенцию и поэтому скоро о нем забудут. А раз так, то не следует драматизировать его негативные последствия и уходить в оборону. Наоборот, нужно перейти в контрнаступление, подчеркивать, что брестские узники, в отличие от политзаключенных царских тюрем, не сумели вести себя достойно, и пригрозить, что, если потребуется, власть вновь применит насилие. С аналогичным заявлением он выступил и на заседании сейма. Принимая во внимание общественное звучание проблемы, совершенно очевидно, что премьер всего лишь развил рекомендацию Пилсудского.

Перед отъездом диктатор сделал несколько важных назначений. Бек стал вице-министром иностранных дел, что исключало возможность неподконтрольных действий главы внешнеполитического ведомства Залеского. К его деятельности «полковники» давно уже предъявляли претензии, но Пилсудский на них пока что не реагировал. В Генеральном инспекторате его подменил Соснковский, к которому маршал, несмотря на охлаждение отношений, по-прежнему испытывал полное доверие.

Пилсудский еще летом 1930 года выбрал для отдыха остров Мадейру в Атлантическом океане. В качестве второго вероятного места отдыха фигурировал Египет, но дочери отдали предпочтение Мадейре, и отец с ними согласился. Это было его четвертое по длительности, после Сибири, Магдебурга и Англии в 1896 году, пребывание вне Польши. Маршрут был составлен так, чтобы миновать Германию: Чехословакия, Австрия, Швейцария, Франция, Испания, Португалия. Путешествие проходило в вагоне-салоне, который прицепляли к соответствующему поезду. Лишь в Испании, из-за разницы в ширине колеи, пришлось пересест в другой вагон, любезно предоставленный здешним правительством. Польский вагон вернулся в Варшаву, увозя с собой забытую в нем саблю маршала, – позже ее привезут на Мадейру. В Лиссабоне Пилсудский пересел на пассажирское судно «Ангола» и 22 декабря достиг места назначения – главного города Мадейры Фуншала. Здесь, в северо-западном предместье Сан-Мартино, для него была снята удобная вилла «Бетанкур» с видом на океан. Это был крытый черепицей двухэтажный домик светло-кремового цвета. Никакой охраны диктатор с собой не взял – эти обязанности были возложены на местную полицию.

То, что маршал, не очень-то прислушивавшийся к рекомендациям врачей, на этот раз им последовал, дает основание для некоторых выводов. Видимо, он действительно очень устал, потому что не привык перепоручать свои обязанности помощникам и ему приходилось одновременно решать все главные вопросы функционирования режима, контролировать деятельность правительства и государственного аппарата, а также вплотную заниматься делами армии. Ему исполнилось 63 года, и работоспособность была уже далеко не та, что прежде. Да и могучим здоровьем Пилсудский никогда не отличался. Отдых вдали от родины, посреди океана, был ему во всех отношениях полезен. По признанию самого маршала, накануне отъезда на Мадейру он даже подумывал об оставлении поста военного министра. Конечно, это не означало бы его ухода с вершины властной пирамиды, он и далее оставался бы генеральным инспектором вооруженных сил. Но, перестав быть членом кабинета, он не мог бы прямо контролировать деятельность министров.

Немаловажным были и «педагогические» соображения. Нужно было приучать своих ближайших соратников, с которыми он связывал будущее режима (и Польши), не только к участию в управлении страной под его опекой, но и принятию самостоятельных решений и их выполнению. Сложившуюся после выборов ситуацию он считал, видимо, вполне для этого подходящей. Во внешней политике никаких тревожных явлений не наблюдалось. «Брестское дело» режиму серьезно не угрожало, оппозиции нужно было время для того, чтобы прийти в себя после учиненного погрома, на время присмирели и

украинские националисты. Мосьцицкий, Славек и Свитальский приобрели уже достаточный опыт в решении текущих вопросов [Об этом красноречиво свидетельствует запись в дневнике Свитальского от 29 апреля 1931 года: «Я спросил... коменданта, не отказывается ли он от своей готовности давать советы по вопросам [государственного] устройства. Комендант ответил, что с удовольствием будет их давать. На вопрос Славека, будет ли комендант придерживаться и в дальнейшем прежнего порядка работы коменданта, состоящего в том, что решения по мелким вопросам мы принимаем сами, а по каждому более серьезному вопросу спрашиваем, не хочет ли комендант что-нибудь сказать, — комендант ответил, что сохраняет эту систему». — См.: Switalski K. Diariusz... S. 608.]

Пилсудский не опасался заговоров в своем окружении. Он лучше других знал, что режим держится преимущественно на его личном авторитете и легенде, а не на насилии, и без него при действующей конституции он долго не просуществует. Поскольку в 1931 году маршала в Польше не было, его окружение решило организовать всепольскую акцию поздравления его с днем патрона по почте. Почта на Мадейре была буквально завалена поздравительными письмами и открытками на имя Пилсудского; его спутникам Войчиньскому и Лепецкому в общей сложности пришлось получить более миллиона таких посланий.

Таким образом, ничто не мешало ему уехать из Варшавы на всю зиму оставив «хозяйство» на своих преданных помощников. С поездкой на Мадейру связан еще один весьма загадочный факт его биографии. Известно, что Пилсудский отправился на Мадейру без семьи. Конечно, это легко объяснить тем, что дочери учились в школе и поэтому кто-то из родителей должен был остаться дома. Естественно, речь могла идти только об Александре. Правда, можно было бы попросить заняться девочками братьев или старшую сестру Зофию (Зулю), с которой маршал был очень близок. Но не исключено, что и у них были обстоятельства, мешающие войти в положение самого известного на тот момент в мире поляка.

Интрига заключалась не в отсутствии семьи, а в том, что маршала в его поездке сопровождали всего три человека. Во-первых, известный нам полковник Войчиньский, его личный врач в Генеральном инспекторате. Вторым был референт в канцелярии министра военных дел капитан Мечислав Лепецкий, в последние годы жизни маршала его адъютант в Бельведере. Он приехал на Мадейру по распоряжению Бека, поручившего ему оказывать втайне от Пилсудского помощь Войчиньскому в уходе за своим подопечным. И лишь спустя несколько недель Войчиньский сообщил диктатору, что на острове случайно оказался Лепецкий и организовал их встречу. Таким образом, у

Пилсудского появился еще один слушатель и горячий почитатель.

Самым загадочным пассажиром вагона Пилсудского была Евгения Левицкая, врач из Друскеников. Как и первая любовь нашего героя Леонарда Левандовская, Левицкая была родом с Украины, из Черкасс. Училась в Киевском женском медицинском институте, в 1923 году переехала в Польшу и завершила свое образование в Варшаве спустя два года. Начало знакомства маршала с этой миловидной 28-летней женщиной относится к 1924 году, когда он с семьей отдыхал в любимых Друскениках, а она проходила здесь практику. Знакомство имело продолжение. В 1925 году он был ее пациентом все на том же курорте, причем приезжал сюда несколько раз, и всякий раз один. В сентябре 1926 года, в весьма напряженный для режима момент, маршал вновь в Друскениках и вновь без семьи.

В 1927 году Левицкая стала членом созданного по распоряжению Совета министров Научного совета по физическому воспитанию при министерстве военных дел, а также руководителем его секретариата. В. Енджеевич полагает, что особое внимание, которое Пилсудский с конца 1926 года стал проявлять к вопросам физического воспитания, стало следствием его бесед с Левицкой в Друскениках. Возглавил совет Пилсудский, что позволяло им видеться достаточно регулярно, – «лучший друг физкультурников» старался не пропускать заседаний. Сентябрь 1927 года он вновь провел на своем любимом курорте.

Каких-то достоверных свидетельств о характере отношений маршала и молодого врача не сохранилось, хотя сплетен и слухов было немало. Близкое окружение маршала умело молчать обо всем, что касалось его личной жизни. Так, капитан Лепецкий, написавший книгу о пребывании Пилсудского на Мадейре, ни словом не обмолвился о том, что там была Левицкая. Весьма немногословен был и Енджеевич.

Однако на острове произошло нечто такое, что заставило Левицкую вернуться в Польшу раньше Пилсудского. Поговаривали, что якобы после возвращения у нее была встреча с Александрой Пилсудской. Окончание этой истории было трагическим. 27 июня 1931 года Евгению обнаружили в Центральном институте физического воспитания в Варшаве с признаками отравления химическим веществом. Спасти ее не удалось. Поговаривали, что смерть Левицкой была делом рук бельведерской камарильи, опасавшейся ее влияния на диктатора. Но это вполне могло быть и самоубийством, на чем следствие и остановилось. Если это так, то не очень понятен факт церковной траурной церемонии. Некоторое время на ней присутствовал Пилсудский, сопровождаемый Венявой Длугошовским и Славой-Складковским [Это тем

более удивительно, если вспомнить, что маршал не присутствовал ни на одном траурном мероприятии по погибшим в ходе майского переворота.]. Но на кладбище маршал не пошел. Зато в последний путь скромного врача проводили много высокопоставленных военных и председатель Совета министров, личный друг диктатора Александр Пристор. Это было достаточно необычно, если учесть, что Левицкая не занимала каких-то высоких государственных постов и не была светилом медицины мирового уровня.

На Мадейре Пилсудский действительно отдыхал, полностью отойдя от текущей политики. Никому из своих соратников не писал, а они сами тем более этого не делали. За событиями в стране следил по двум политически нейтральным варшавским газетам, которые были выписаны по его поручению и приходили с естественным для тогдашних средств коммуникации опозданием. Радикально изменился распорядок дня маршала. Он просыпался рано, в восемь часов утра завтракал, затем гулял в большом саду возле виллы. В 11 часов был второй завтрак, до обеда читал или диктовал Войчиньскому. В 15 часов обедал, в еде, как всегда, был умерен, супа не ел вообще. Вина почти не пил, лишь в новогодний вечер распили бутылку хорошего вина, приобретенную Войчиньским, – по мнению маршала, слишком дорогого. После обеда уходил в свою комнату. После небольшого отдыха в 16 часов опять был в саду, читал в беседке, раскладывал пасьянс или играл в шахматы с Войчиньским. В 20 часов ужинал, после чего в его комнате еще долго горел свет. Одевался, как в Бельведере, – стрелковый китель без знаков различия. Гостей не принимал. Исключение составил только местный губернатор, с которым они обменялись визитами вежливости [Jsdzejewicz W., Cisek J. Kalendarium zycia... Т. III. S. 205 – 207.].

Длительное пребывание на лоне экзотической природы, в ограниченном пространстве и в окружении малого числа людей и безбрежного океана очень скоро стало его тяготить. Ему больше нравились пейзажи родной страны, особенно Виленщины. О его эмоциональной связи с малой родиной свидетельствует даже то, что третьей выписанной для него на остров газетой был «Курьер Виленьски».

С появлением свободного времени в Пилсудском вновь проснулась тяга к писательской деятельности. За время отдыха он надиктовал Войчиньскому свою последнюю значительную работу «Исторические поправки». Это была его полемика с Игнацием Дашиньским и Леоном Билиньским, авторами весьма популярных воспоминаний, имевших самое непосредственное отношение к Пилсудскому и легиону. У маршала не было возможности сверяться с документами и литературой, и он творил по памяти. После возвращения домой он поручил начальнику исторического бюро Главного штаба генералу Юлиану

Стаховичу подготовить «Исторические поправки» к публикации, а тот в свою очередь перепоручил это профессиональному историку Владиславу Побуг-Малиновскому, после войны написавшему в эмиграции одну из интереснейших обобщающих работ по новейшей истории Польши. Побуг-Малиновский был поражен большим числом допущенных Пилсудским неточностей и ошибок, о чем не преминул сообщить Стаховичу. Но автор отказался вносить в текст какие-либо поправки. Чтобы уберечь маршала от заслуженной критики и зная, что он никогда не читает своих трудов после их выхода в свет, было решено напечатать работу с учетом правки, что и было сделано без каких-либо последствий для инициаторов [В результате этой операции был уничтожен важный источник о представлениях маршала о событиях, к которым он имел непосредственное отношение.].

Отдых на Мадейре продлился до 23 марта 1931 года. Обратный путь было решено проделать по морю, на эскадренном миноносце «Вихрь» – одном из самых современных кораблей польского военно-морского флота. Вступив на борт корабля, маршал пообещал наколдовать хорошую погоду на все время плавания, потому что он якобы унаследовал этот дар от жрицы святого огня, которую умыкнул один из его предков. И действительно, море было спокойным до самой Гдыни. Во время плавания он познакомился с жизнью корабля, устроил даже учебную тревогу. Обедая в офицерской кают-компании, много разговаривал и шутил с офицерами.

Пилсудский, гонимый ностальгией, торопился скорее вступить на родную землю. Поэтому капитан устанавливал рекорды скорости. 29 марта корабль причалил к пристани в Гдыне, новом балтийском порту, построенном в независимой Польше и заслуженно считавшемся предметом ее гордости. Здесь вождя режима встречали Славек, Пристор, Славой-Складковский, Бек, министр транспорта Альфонс Кюн, первый заместитель военного министра генерал Даниэль Конажевский и др. В тот же день ночью поезд доставил его в Варшаву. Маршал явно чувствовал себя отдохнувшим и готовым к активной деятельности.

К моменту возвращения диктатора в Польшу на ее политической сцене произошли определенные перемены. Центролев в новом сейме прекратил свое существование. Он не сумел решить главной задачи, поставленной перед ним в момент создания: режим не только устоял, но и окреп, нанеся ощутимый удар по консолидированной оппозиции. Потеряв контроль над сеймом, оппозиционный блок утратил смысл существования в прежней форме. Но пребывание шести партий в одном блоке имело и позитивные последствия: повысилась степень их доверия друг к другу, более четко определился истинный масштаб существующих между ними разногласий. Они более четко

осознали, что их главный противник – санация, что сулило хорошую основу для будущего взаимодействия.

Погром оппозиционных сил в 1930 году положил конец господствовавшей на протяжении всех 1920-х дезинтеграционной тенденции в партийной системе. Первым консолидировалось крестьянское движение: в 1931 году три крестьянские партии объединились в одну, «Стронництво людове» (Крестьянскую партию). Интеграционные тенденции наблюдались в рядах городских центристских партий, но их консолидация произойдет позже. На правом фланге происходило усиление национальных демократов, все более откровенно переходивших на платформу агрессивного национализма. Одним словом, оппозиционные партии были ослаблены, но не раздавлены и в перспективе таили еще немало угроз режиму.

Будущее санации, несмотря на победу на выборах, не было безоблачным. Страна переживала глубочайший за ее недолгую историю экономический кризис, и конца ему не было видно. Кризис охватил финансы, промышленность, сельское хозяйство, социальную сферу, лишил режим одного из важнейших аргументов в пользу проводимой им экономической политики. Правительства, возглавляемые чистыми политиками, приобретенными за время существования режима богатый опыт борьбы с оппозицией, были бессильны перед обрушившимся на страну мировым структурным кризисом.

Пилсудский, отсутствовавший в стране более ста дней, не сразу почувствовал эту новую ситуацию, таящую серьезные вызовы для режима. Он все еще был в расслабленном состоянии, в которое его привела победа на выборах. Как записал в дневнике 30 марта 1931 года маршал сейма Свитальский: «Было видно, что комендант не хочет себя „грузить“ всякими известиями за период его отсутствия в Польше». В ходе этой беседы мемуарист сделал неожиданный для себя вывод: «Я первый раз отметил, что инструкции коменданта по принципиальным вопросам не совсем понятны, может быть, потому, что комендант очень часто прибегает к кратким высказываниям, которым легко можно придать более общий характер и распространить на более широкий спектр проблем» [Switalski K. Diariusz... S. 593.].

Из этого разговора можно определить иерархию проблем с точки зрения их важности для окружения диктатора. Свитальский отнес к числу тем, с которыми вождя следует познакомить в самом общем виде, деятельность сейма, состояние оппозиции, внешнюю политику, причем последняя проблема была представлена так, чтобы убедить Пилсудского в необходимости заменить Залеского на посту министра иностранных дел. Как отметил маршал сейма, «я не затронул только конституционную проблему, отложив разговор на эту тему

на более поздний срок». Совершенно очевидно, он считал наиболее важным, требующим специального рассмотрения, вопрос принятия новой конституции. Санации нужен был новый Основной закон, и вовсе не для того, чтобы полнее удовлетворить властные амбиции диктатора, он и так имел власти столько, сколько хотел. Режим, понимаемый как вертикаль власти от низшего до высшего уровня, нуждался в такой конституции, которая позволяла бы ему оставаться во главе государства и после ухода Пилсудского из политики. Последователи маршала отдавали себе отчет в том, что препарированная конституция 1921 года и действующий закон о выборах им такой исход дела не гарантируют.

О том, что Пилсудский решил несколько отстраниться от текущих проблем, свидетельствует и его встреча с президентом Мосьцицким 31 марта 1931 года. Он предупредил, что по состоянию здоровья не может больше брать на себя дополнительные обязательства и оставляет за собой только вопросы армии и внешней политики. Но этого зарюка соблюсти ему не удалось, и в дальнейшем он будет внимательно отслеживать положение как во внутривнутриполитической, так и финансовой областях.

Совершенно иначе выглядело совещание в Бельведере спустя месяц, 29 апреля. Как отметил Свитальский, «в том же составе, который когда-то комендант определил как тех людей, которых он ставит в известность о своих самых важных решениях. Из этой группы отпал только Венява». На тот момент ближайшее окружение диктатора составляли Мосьцицкий (формальный инициатор встречи), Славек, Свитальский, Пристор и Бек. Совещание имело, несомненно, знаковый характер для всех его участников, включая Пилсудского.

За проведенный дома месяц диктатор сориентировался в ситуации и, видимо, пришел к заключению, что особых ошибок соратники без него не совершили. Свитальский зафиксировал: «Первое впечатление с конференции – это изменение к лучшему настроения коменданта, о котором мне Славек постоянно сообщал, что он как будто на всех нас, особенно на правительство, обижен, что было причиной определенной депрессии у Славека все время после возвращения коменданта с Мадейры. Комендант провел встречу ровно, не раздражаясь, в абсолютно спокойном и мирном тоне».

Значительную часть своего выступления Пилсудский посвятил рассказу об итогах его размышлений на Мадейре о результатах своей деятельности в независимой Польше. По его словам, он совершил за это время два «чудачества». Во-первых, преодолев небывалые трудности, добился победы на внешнем фронте и обеспечил Польше государственные границы. Как он выразился в свойственной ему манере, продемонстрировал «искусство высечь

огонь из говна». Но, сосредоточившись на проблеме границ, он не имел возможности заниматься внутренними делами. Поэтому и здесь пришлось совершить «чужачество» – государственный переворот в 1926 году.

Свое игнорирование сейма в последующий период Пилсудский объяснил тем, что не мог сотрудничать «с мерзавцами, шпионами и негодьями», поддерживать с ними какие-либо контакты, не «демонстрируя им своего презрения». Поэтому он был весьма признателен Бартелю, который не только освободил его от необходимости этого общения, но и способствовал созданию «хорошей легенды» коменданта, в которой он мог играть роль «человека, не сталкивающегося со всей той мерзостью».

Учитывая характер слушателей, нет никаких сомнений в том, что Пилсудский действительно страдал идиосинкразией на польский парламентаризм образца 1921 года, считая его смертельно опасным для страны. Такая его реакция выглядит странной, если учесть, что свою политическую биографию Пилсудский начинал в партии, боровшейся за демократию. Но ее можно понять, приняв во внимание его длительное пребывание в Боевой организации ППС, стрелковых дружинах, польском легионе и армии, то есть структурах, построенных на принципах строгой иерархии. К тому же Пилсудский был твердо убежден, что возрождение Польши – это исключительная заслуга лично его и тех, кто в него поверил и пошел за ним по нелегкому пути. Поэтому только эта группа людей имела законное право управлять возрожденным государством, а демократия их этого права лишила.

Вот его слова в пересказе Свитальского: «Основным недостатком предшествующих отношений в Польше является то, что они усиливали всех мерзавцев, но ослабляли государство и выбрасывали на обочину всех тех, кто проводил ночи без сна, думая о независимости или работая для нее. Просто эти люди оказались в Польше в меньшинстве, в соответствии с демократическими принципами были побеждены и забаллотированы всеми теми, которые не принимали никакого участия в этой работе для независимости».

Приведенные выше высказывания Пилсудского – а Свитальский явно не стремился их переиначить – показывают, что маршал всерьез убедил себя, что совершил переворот не для захвата власти, а для восстановления законных прав истинных борцов за независимость. По его словам, в Польше всегда есть выбор: действовать силой или по закону. Сила, в отличие от закона, ломает, но не воспитывает. Поэтому он всегда выбирал закон и, даже осуществив переворот, постарался поскорее его узаконить.

Пилсудский был убежден, что за прошедшее после мая 1926 года время он

существенно изменил внутренний климат в стране. Остался лишь конституционный вопрос. Так как Бартель с ним не справился, то ему пришлось пойти на досрочные выборы в парламент, чтобы последний раз попытаться его решить в рамках закона. Если и на этот раз не получится, то он не остановится перед применением силы, но доведет дело до конца. В этом месте своей речи он не удержался от стариковских сетований на молодежь, на поколение Славека и Свитальского («говенное поколение, поколение без больших амбиций»), и дал понять слушателям, что без него они вряд ли сумеют решить конституционный вопрос. Это свое уничижительное мнение о молодом поколении он высказывал и прежде, будет его повторять и в будущем.

Итак, диктатор считал главной задачей сейма третьего созыва принятие новой конституции, которая гарантировала бы удержание государственной власти его группой. Пилсудский потребовал от собравшихся привыкать действовать самостоятельно и от «чужаков» переходить к более нормальным методам работы, пообещав предоставить им больше самостоятельности. Слушателей буквально ошеломило его заявление о несогласии с положением, когда он «бросает слишком большую тень на отношения в Польше. Все вертится вокруг него, он является решающим элементом...». Но Пилсудский, видимо, увидев растерянность на их лицах, тут же заверил, что он еще не уходит со сцены. Правда, перед отъездом на Мадейру он подумывал о своем преемнике на посту военного министра, но после возвращения от этой идеи отказался, опасаясь, что это приведет к ослаблению военной силы Польши. В ходе дальнейшего разговора выяснилось, что он не собирался отказываться и от контроля над внешней политикой страны.

Свитальский так охарактеризовал смысл этого совещания: «У всех нас... сложилось мнение, что комендант не меняет... своего прежнего метода работы, что практически на всем поле деятельности, которое комендант ранее считал важным, он будет продолжать работать, что здесь не произойдет никаких принципиальных изменений. Зато со стороны коменданта совещание, как всегда, имело педагогический характер с целью заставить сотрудников коменданта брать ответственность за все более широкий диапазон государственной работы, тривиально говоря, он пообещал пустить нас в более свободное плавание, не переживая по поводу того, выплывем мы или утонем. Знаменательным было выражение неслыханно ценного и невозможного, пожалуй, ни у одного государственного мужа взгляда, что тень, которую комендант отбрасывает на отношения в Польше, нужно со временем укорачивать для того, чтобы без серьезных потрясений перейти к работе без коменданта. Это, а также сильное подчеркивание ценности работы в рамках закона, а не работы с помощью силы – вот наиболее важные вещи из всего

сказанного комендантом» [Там же. S. 604 – 609.].

О том, что Пилсудский и дальше будет держать руку на пульсе политической жизни Польши, его сотрудники смогли убедиться в самое ближайшее же время. 26 мая 1931 года диктатор отправил Славека в отставку. Официальной причиной было желание Пилсудского поручить своему ближайшему соратнику проведение конституции в сейме. Славек достаточно успешно справился с поставленными перед ним задачами. Он сумел без особой борьбы провести через сейм бюджет и добиться подтверждения законности превышения государственного бюджета 1927 – 1928 годов, что позволило закрыть дело Чеховича. В первой половине 1931 года правительством были запрещены две легальные левые партии, стоявшие на революционной платформе. Многие их руководители и активисты были арестованы и осуждены.

Во главе кабинета был поставлен Александр Пристор. Скорее всего, в соответствии с намеченной еще в 1928 году программой, диктатор «обкатывал» свой кадровый резерв. Пристор был уже третьим по счету выходцем из его ближайшего окружения, занявшим этот высокий государственный пост. Произошли изменения и в составе кабинета. Наиболее неожиданным стало назначение на пост министра финансов младшего брата диктатора Яна Пилсудского, не имевшего никакого опыта государственного управления. Многие наблюдатели сразу же решили, что фактическим руководителем этой важнейшей сферы государственной деятельности будет сам маршал. И они не ошиблись – в сентябре 1931 года Пилсудский жаловался, что он настолько погружен в финансовые вопросы, что ничем другим заниматься не может. На посту министра внутренних дел генерала Славой-Складковского заменил 36-летний полковник Бронислав Перацкий. К моменту своего назначения он уже побывал на должностях второго заместителя начальника Главного штаба, вице-министра внутренних дел и министра без портфеля. В правительстве появились и другие новые люди, все без исключения из окружения маршала. Отозванные из правительства пилсудчики получили высокие назначения в государственном аппарате.

На долю Пристора выпало завершение «Брестского дела», доставлявшего режиму определенные неудобства. Его нужно было как можно скорее прикрыть, пока общество пребывало в состоянии апатии и мало интересовалось политикой. В октябре 1931 года в варшавском окружном суде начался процесс над 11 узниками Брестской крепости, обвиненными в намерении силой устранить законное правительство. Как часто в таких случаях бывает, обвиняемые превратились в обвинителей, напомнив полякам обо всех нарушениях режимом конституции и законодательства. Им не разрешали говорить лишь об условиях содержания в военной тюрьме. Процесс был

проведен весьма оперативно: 55 его заседаний завершились в январе 1932 года. 10 из 11 обвиняемых были признаны виновными и осуждены на различные сроки заключения. Окончательно судебное разбирательство в судах разных инстанций завершилось лишь в октябре 1933 года утверждением приговора первой судебной инстанции. Процесс показал, что польская судебная система оказалась под контролем режима. Пятеро из осужденных, в том числе экспремьер В. Витос, бежали за границу, не желая отбывать несправедливый приговор.

Правительством Пристора в 1931 году были введены новый тюремный устав, уравнивавший политических заключенных в правах с уголовниками, и военно-полевые суды. Режим явно демонстрировал свою силу и готовность решительно пресекать все проявления общественного радикализма. Не было лишь прогресса в решении конституционного вопроса, хотя Пилсудский регулярно напоминал своим сотрудникам о необходимости его скорейшего решения. Это вовсе не значило, что Свигальский, Славек, Цар и другие, кому было поручено это дело, бездействовали.

Главная трудность заключалась в том, что у режима санации не было легальной возможности провести новую конституцию через парламент. Для этого требовалось квалифицированное большинство в две трети депутатов нижней палаты, а его у Беспартийного блока не было. Поэтому режиму не оставалось иного выхода, как пойти на октроирование нового Основного закона, что было бы наихудшим решением, или же совершить «трюк». Например, внести какие-нибудь незначительные поправки в текст действующей конституции, хотя бы просто переставить запятые, а затем передать этот документ в сенат, где у санации было требуемое большинство. Сенат под видом поправок мог полностью переписать конституцию. После этого конституция вернулась бы в сейм как проект обычного закона, для принятия которого хватило бы простого большинства. Но оппозиция знала о возможности такого «трюка» и готова была ему противодействовать [Там же. S. 624 – 625.]. Поэтому санацией была избрана тактика выжидания благоприятного момента и поиска лазейки в законодательстве, чтобы соблюсти видимость законности новой конституции, которая гарантировала бы ей полноту власти и после смерти Пилсудского.

Состояние здоровья маршала было предметом постоянных тревог и его самого, и его окружения. Приближалась зима, и он боялся нового приступа простуды. Хорошее самочувствие после отдыха на Мадейре убедило Пилсудского в пользе для его здоровья теплого климата. 11 октября, не дожидаясь именин дочери (15 октября), чего ранее с ним никогда не случалось, он уехал в румынскую Констанцу. В окрестностях этого черноморского города для него

была снята вилла, но воспользоваться ею не удалось. Погода была плохой, и на следующий день после приезда у него поднялась температура. Врачи определили воспаление легких, в связи с чем маршала перевезли в Бухарест. Здесь польский посланник граф Ян Шембек уступил больному свою квартиру на территории посольства. Факт болезни тщательно скрывался от общественности.

На этот раз Пилсудский очень плохо перенес болезнь, прежде всего морально. Если ранее он рассуждал о своей кончине с подчеркнутым спокойствием, то теперь ему казалось, что смерть уже близка, и его очень тревожило, как Польша обойдется без него. Сохранилось свидетельство польского военного атташе в Бухаресте о потрясшей его сцене, невольным свидетелем которой он оказался. Случайно оказавшись в комнате маршала среди ночи, он выслушал его монолог. Суть речи сводилась к тому, что никто не осознает грозящих Польше внутренних и внешних опасностей. Маршала очень беспокоит судьба страны после его ухода из жизни. Если все поляки не сплотятся для защиты интересов родины, а его не будет, то уже через десять лет Польша погибнет. Конечно, можно списать его слова на болезнь, на манию величия. Но нельзя забывать и того, что Пилсудского очень тревожило отсутствие в его окружении достойного преемника, которому он мог бы передать бразды правления.

После возвращения из Румынии диктатор пригласил в Бельведер своего близкого соратника в годы мировой войны Артура Сливиньского, который в независимой Польше профессионально занимался историей. Пожаловавшись, что чувствует приближение кончины, маршал попросил визитера написать его биографию. Он так обосновывал свое желание: «Такого Пилсудского, как его представляют мои современники, я не знаю. Не раз я с удивлением читаю, что пишут обо мне разные люди. Чаще всего это ложь и бред, делающие из меня какого-то чудака, с которым у меня нет ничего общего. Такой Пилсудский, как его представляют как мои поклонники, так и мои противники, не существует и никогда не существовало. Я бы хотел, чтобы что-нибудь из правды обо мне дошло до потомков» [Цит. по: Garlicki A. Op. cit. S. 627.]. Источниками для его биографа должны были послужить, помимо прочего, рассказы самого маршала. К сожалению, состоялись только три такие беседы. Видимо, Пилсудский почувствовал себя лучше, и его повседневные обязанности оставляли слишком мало времени на такое общение.

После смерти диктатора Сливиньский опубликовал выдержки из этих бесед, дающих представление об оценках Пилсудским и собственного характера, и польского народа, которым ему пришлось руководить большую часть межвоенного двадцатилетия. Последние были, по замечанию публикатора, настолько «ужасными», что он отказался их воспроизводить.

Но диктатор видел в характере польского народа и достоинства. Сливиньский привел высказывание о высоко ценимом маршалом «инстинкте свободы» у поляков: «В Польше нельзя править террором. Это не пройдет. Я мог себе многое позволить и пользовался этим, потому что хотел поляков кое-чему научить. Это не смог бы сделать никто иной. Но инстинкт свободы нельзя убивать, и его не удастся убить. И это очень ценное достоинство» [Ibid. S. 629.].

Эти слова показывают, что маршал учитывал специфику польского национального характера и не ставил перед собой цели создания тоталитарного режима, основанного только на страхе. Конечно, как и всякая другая авторитарная власть, санация, если считала нужным, не останавливалась перед насилием, но Пилсудский никогда не стремился сделать его тотальным. Выводя режим из-под контроля общества (через парламент), Пилсудский одновременно не ставил перед собой цель запугать каждого члена общества, как это было в тоталитарных режимах. Террор имел «точечный» характер, его жертвами были не любые инакомыслящие, а лишь самые радикальные противники режима. Ради справедливости стоит напомнить, что традиция запрещения деятельности революционных и сепаратистских организаций возникла еще в демократической Польше, то есть не была изобретением санации. Поэтому можно утверждать, что генеральной задачей режима его создатель считал воспитание польского народа в соответствии со своими представлениями о том, как должен выглядеть «государственник», но без откровенного насилия над ним. Послевоенные правители Польши до конца 1980-х годов также не допускали реального контроля общества за своей деятельностью, но при этом еще и пытались переломить его через колено, вытравить из него «инстинкт свободы», чего маршал не делал. И в этом, кстати, одна из причин того, что память о Пилсудском в польском обществе живет до сегодняшнего дня.

С эпохой экономического кризиса рубежа 1920 – 1930-х годов связано возникновение не только существенных хозяйственных и социальных трудностей в странах с рыночной экономикой, но и появление тревожных явлений в сфере международных отношений, имевших длительные последствия. Утратила прежнюю силу Франция – одна из главных опор версальской системы и гарант безопасности государств Восточной Европы. Не будучи в состоянии надежно контролировать поведение Берлина, Париж все более серьезно рассматривал возможность сближения с Москвой, уверенно превращавшейся в новый центр силы на востоке континента. А это подрывало основы прежней внешнеполитической линии Польши, в равной степени антигерманской и антисоветской. И Пилсудский, который еще в первой половине 1931 года считал международное положение своей страны стабильным, а деятельность министра Залеского вполне удовлетворительной,

вскоре приступил к корректировке внешней политики.

Первым его шагом стал пакт о ненападении с Советским Союзом, разговоры о котором велись с первой половины 1920-х годов, но очень вяло, с длительными перерывами, без особого желания довести дело до успешного конца. Теперь Варшава наконец-то услышала советские аргументы, Москва – польские, нашлось компромиссное решение, и в июле 1932 года договор был подписан [В историографии широко распространено мнение, что договор о ненападении 1932 года явился важным рубежом в истории польско-советских отношений. Совершенно по-иному его оценивали польские военные, причастные к «прометеизму». Как отмечалось в подготовленной ими в конце 1930-х годов аналитической записке, «руководители прометейской эмиграции прекрасно поняли тактический, а не существенный шаг в польской восточной политике, сделанный пактом о ненападении, и не утратили веры в прочность заключенных с ними союзов... Без преувеличения можно сказать, что обаяние имени Юзефа Пилсудского и понимание в рядах эмиграции, что под его руководством наша внешняя политика будет использовать пакт как инструмент для того, чтобы ставить в сложное положение Советы, оказались достаточными для устранения опасений». – См.: РГВА. Ф. 453. Оп. 1. Д. 3. Л. 181.]. Пакт минимизировал возможные негативные последствия для Польши советско-германского договора 1926 года. Одновременно решалась задача нейтрализации реваншистских тенденций Берлина, никогда не скрывавшего желания пересмотреть территориальные постановления Версальского договора. В июне 1932 года, в нарушение норм международного права, известный нам польский эскадренный миноносец «Вихрь» вторгся в территориальные воды вольного города Данцига. О готовящейся демонстрации силы Пилсудский даже не счел нужным поставить в известность Залеского, который в это время находился на конференции по разоружению в Женеве.

Еще одним вызовом для Варшавы стала сформулированная в октябре 1932 года итальянским диктатором Бенито Муссолини концепция директората четырех держав – Италии, Франции, Великобритании и Германии, которые взяли бы на себя всю ответственность за поддержание мира на континенте, в том числе и путем мирного изменения границ (возможность чего, кстати, предусматривалась мирными договорами, заключенными в Париже по итогам Первой мировой войны). Пилсудский, и не без основания, усмотрел в этой идее угрозу для польско-германской границы, правовой основой для которой был Версальский договор. Лига Наций, опыт сотрудничества с которой у Польши был далеко не самый лучший, еще больше утратила в его глазах свое значение гаранта сохранения европейского статус-кво. Кроме того, его не могло не задеть откровенное игнорирование Западом польских претензий на статус

великой державы, игравших немаловажную роль в повышении авторитета режима внутри страны.

Для ведения новой политики нужен был другой человек во дворце Брюля на улице Вежбовой в Варшаве, где размещался польский МИД. В начале ноября 1932 года антантофил Август Залеский со всеми почестями был отправлен в отставку, а на его место Пилсудский назначил полковника Юзефа Бека, для союзников-французов фигуру достаточно одиозную. В 1923 году, в бытность свою военным атташе в Париже, он был даже объявлен персоной нон грата. Как и другие члены ближнего круга маршала, Бек прошел легион, имел опыт руководящей работы на различных должностях в армии, дипломатии и правительстве, после назначения в 1930 году заместителем министра иностранных дел курировал и кадровые вопросы в этом ведомстве. По его инициативе там была проведена большая кадровая чистка, открывшая путь к дипломатической карьере немалому числу пилсудчиков. Назначая Бека руководителем внешней политики, Пилсудский передавал людям из своего кадрового резерва техническое руководство еще одной сферой государственного управления. Вплоть до своей смерти он не разочаровался в своем избраннике и считал Бека идеальным министром иностранных дел [В предвоенные годы Юзеф Бек проводил политику отказа Польши от союза с СССР против агрессивных устремлений Гитлера. После захвата страны нацистами вместе с польским правительством бежал в Румынию, где и умер в 1944 году.].

Осень патриарха

Состояние здоровья маршала не позволяло ему, как прежде, одновременно заниматься стратегическими вопросами внутренней и внешней политики и текущими делами. После перенесенного осенью 1931 года воспаления легких врачи советовали ему сменить климат. На этот раз, весной 1932 года, он остановил свой выбор на Египте за его сухой, теплый климат. Пилсудский не признавал путешествий самолетом, поэтому был избран сухопутно-водный путь: Румыния – Босфор (с остановкой в Стамбуле) – Греция (Пирей) – Египет. Здесь он отдыхал целый месяц, немного путешествовал по стране, осмотрел пирамиды, встретился с королем Фуадом I. Почувствовал себя намного лучше. Возвращался тем же путем на том же пассажирском судне «Романия». На качку не реагировал. На обратном пути состоялись небольшие экскурсии по Афинам и Стамбулу.

Июль и август 1932 года Пилсудский провел вместе с семьей в Пекелишках. Казалось, что болезни отступили. Но наступила осень, и опять начались простуды и скачки температуры. Видимо, давало уже о себе знать

онкологическое заболевание, которое, принимая во внимание характер больного и уровень диагностики рака на ранних стадиях, не было своевременно выявлено. Владислав Барановский так описывал его состояние в это время: «Физическое состояние, здоровье, которыми он всегда пренебрегал, моментами брали верх над волей, и тогда на лице была видна усталость, голос слабел, речь замедлялась. Все болезни коменданта, как он обычно говорил, происходили от простуд, но, глядя в его глаза, временами замирающие и угасающие, на пожелтевшее и постаревшее лицо, можно было догадаться... о более глубоких и тревожных причинах. Какое-то невидимое зло, упрямое, тупое, казалось, боролось с этим организмом. Оно особенно часто давало о себе знать в последние годы, почти всегда незаметно, в беспокойном и болезненном выражении» [Baranowski W. Rozmowy z Pilsudskim... S. 12 – 13. Посетивший Пилсудского в сентябре 1932 года начальник американского Генштаба Дуглас Макартур пришел к выводу, что маршал слаб и дни его жизни сочтены.]

Пилсудский старался не поддаваться болезни, но это было делать все труднее: часто не мог уснуть всю ночь и ложился в кровать только на рассвете, отдых не приносил облегчения, не всегда хватало сил для работы. Он все еще заблуждался относительно того, что в состоянии надежно контролировать государственный аппарат и общество, не видя, как зафиксировал в 1932 году в своем дневнике один из его генералов, «какой балаган творится в государстве и армии».

Близко в это время стоявшие к маршалу люди не могли не замечать, что их кумир меняется на глазах. Правда, временами он был весел и приветлив, но все чаще производил на окружающих удручающее впечатление. Даже его будущий преемник в армии Эдвард Рызд-Смиглы в узком кругу признавался, что Пилсудский «ненормальный человек». Диктатор становился все более несдержанным в отношениях с окружающими и все более, с их точки зрения, непредсказуемым. В подтверждение этого обычно приводят два примера, относящиеся к 1933 году. Первый связан с переизбранием Мосьцицкого на пост президента. Срок его полномочий истекал в начале июня 1933 года. По договоренности с президентом премьер Пристор назначил заседание национального собрания на 1 июня. Неожиданно для всех 25 апреля в десять часов вечера маршал заявил президенту, что выборы нужно провести на месяц раньше. Он мотивировал это тем, что времена наступили не очень надежные и не следует тянуть с этим делом [Действительно, его в это время серьезно тревожили отношения с Германией. Он даже подготовил план мероприятий на случай войны с западным соседом, в реализации которого немаловажная роль отводилась президенту.]. С технической стороны это ничего не меняло. Но Пилсудский не сказал Мосьцицкому, оставит ли его во главе государства на

следующие семь лет или же укажет на другого кандидата.

Напряжение среди близкого политического окружения диктатора достигло крайнего предела. И не случайно, ибо летом 1932 года Пилсудский сказал ряду своих ближайших сотрудников, что хотел бы видеть на посту президента после окончания срока полномочий Мосьцицкого Валерия Славека. 26 апреля Свигальский, Славак и Цар встретились, чтобы обсудить ситуацию. В конечном счете они пришли к выводу, что, видимо, президентом все же останется Мосьцицкий.

Действительно, через несколько дней Пилсудский поручил Славеку известить Мосьцицкого о предложении остаться во главе государства на второй срок. Думается, это было сделано не случайно. Посылая Славека к президенту, диктатор, вероятно, надеялся предотвратить возможный конфликт в будущем между профессором и полковником. Но с полной уверенностью об истинных мотивах этого его решения судить невозможно. Может, ему стало жалко президента, незадолго до этого похоронившего жену. 2 мая Славак в присутствии Свигальского информировал маршала, что Мосьцицкого очень обрадовало доверие маршала и он без раздумий согласился на перевыборы. Реакцией Пилсудского на это сообщение Славека было недовольство излишним послушанием президента его воле, но не более.

Биографы чаще всего объясняют эту сцену серьезными изменениями в психике Пилсудского. Несомненно, характер всех людей с возрастом меняется, и не всегда в лучшую сторону. Но можно и по-иному объяснить это недовольство диктатора. Чувствовал он себя все хуже, следовательно, как человек, для которого главным было благо Польши, задумывался о том, что будет с режимом (а тем самым и со страной) после его ухода из жизни. Подчеркнутое послушание его воле людей из ближайшего окружения, которых он начиная с 1928 года готовил себе на смену, не могло не расстраивать. Ведь на совещании 26 апреля никто из них даже не спросил о кандидате, не говоря уже о том, чтобы кого-то предложить, даже того же Мосьцицкого. Своим поведением они как бы подтверждали его мнение о них как о «говенном поколении» без амбиций. Не задал этот вопрос и Мосьцицкий, хотя уже 26 апреля было решено, что выборы главы государства состоятся 8 мая, то есть через две недели.

Продолжая тему отношений маршала и президента, нельзя не сказать, что Пилсудский в присутствии посторонних всячески подчеркивал свое уважительное отношение к конституционному главе государства. Однако когда Мосьцицкий осенью 1933 года, вскоре после смерти первой жены, вновь вступил в брак, Пилсудский настоял, чтобы первый визит вежливости его жене

нанесла новая первая дама государства. Чтобы президент не чувствовал себя уязвленным, визит был назван посещением.

Не исключено, что недовольство несамостоятельностью соратников стало причиной критической оценки Пилсудским деятельности Пристора на посту главы кабинета. Два года были вполне достаточным сроком, чтобы проявить себя как формально второй человек в государстве. Но качеств руководителя с широкими взглядами в премьерере Пилсудский как раз и не увидел. А ведь в свое время он считал, что Пристор больше других похож на него в молодости, говорил, что его решения обычно ближе всего к тем, которые бы принял он сам. 2 мая 1933 года на совещании со Славекком и Свитальским маршал неожиданно для них негативно оценил деятельность Пристора как премьер-министра. Из плюсов он назвал только успешное решение вопросов сокращения государственного аппарата и снижения цен. Минусов же – во много раз больше. Маршал осудил его «систему работы, заключающуюся в желании все знать и во все вмешиваться. Это великолепная система и ее можно поддерживать только очень напряженной работой. Когда приходит усталость, все недостатки такой системы выступают отчетливо и это кончается бесконтрольностью. Система работы Пристора похожа на систему Бартеля, но стиль работы Бартеля был выше».

Свитальский же счел самым тяжелым обвинением другое: «Пристор пользуется „своими“ людьми, которых трактует как своих доверенных и оплачивает (деньгами или должностями). Эти мерзкие собачонки дразнят, но при этом в любой момент могут Пристора скомпрометировать в моральном отношении. Создаются группы уже против Пристора, грозящие тем, что в ближайшие три месяца по какому-нибудь случаю может возникнуть скандал, который Пристора скомпрометирует и помешает его использованию впоследствии». Поэтому Пилсудский пришел к заключению, что Пристора следует спасти и лучший для него выход – подать в отставку под предлогом избрания президента. При этом он подчеркнул, что если премьер не прислушается к его совету и не подаст в отставку, то он займет по отношению к нему позицию «недоброжелательного нейтралитета». Кроме того, маршал обвинил премьера в личной нелояльности, в толерантности к не очень «чистым людям», высказал нарекания в адрес Оценка Пилсудским Пристора была воспринята Свитальским и Славекком как приговор их коллеге по вершине санационной пирамиды. Поэтому они, пожалуй, впервые попытались переубедить своего патрона, но безуспешно. Показателен вывод Свитальского: «Комендант – отшельник, он отгораживается от людей и обречен на мнения или даже замечания своих случайных собеседников, которые коменданту искажают реальную картину внутренних отношений» [Switalski K. Diariusz... S.

648 – 649.]. Это замечание важно не только своим прямым содержанием, но и как свидетельство того, что соратники стали позволять себе сомнения в правильности решений патрона. До 1930-х годов они себе этого не позволяли.

Жесткая характеристика Пилсудским деятельности Пристора, его личного друга и соратника еще со времен Боевой организации ППС, шокировала Славека и Свیتالьского. В тот же день они сообщили ее Пристору. Из их разговора видно, что все трое так и не поняли суть претензий маршала. Особое недоумение вызвало у них обвинение в нелояльности. Были ли другие, кроме перечисленных, причины отставки премьера, судить трудно. Свою роль вполне могла сыграть и личная неприязнь, по неизвестным причинам возникшая у Александры Пилсудской к Пристору и его жене, которую она даже не хотела скрывать от окружающих. Хорошо известно, насколько сильным может быть воздействие остающихся в тени жен на своих облеченных властью мужей. К чести Пилсудского следует сказать, что он сохранил Пристора в своем ближайшем окружении. Происшедшая с Пристором неприятность хорошо говорит и о его коллегах из группы «полковников», не бросившихся топтать неудачника, попавшего в немилость у диктатора.

В связи с отставкой Пристора (он, конечно, не мог ослушаться своего коменданта) возник вопрос о новом премьерe. У Пилсудского было два выхода – назначить главой кабинета кого-то из прежних премьеров-полковников или же пополнить их круг новыми людьми. На встрече Пристора с президентом 4 мая был составлен список из трех кандидатов: Ю. Бек, В. Славак и Януш Енджеевич. Славак был премьером уже дважды, Бек был вице-премьером во втором правительстве Пилсудского, выполняя весь объем работы премьеров «санационных» правительств. Я. Енджеевич был их коллегой по легиону и Польской военной организации, в армии независимой Польши дослужился до майора, ушел в отставку, был директором учительской семинарии в Варшаве, в 1928 году пришел в большую политику. В правительстве Пристора он был министром по делам религий и народного просвещения, в ближайшее окружение маршала прежде не входил. Мосьцицкий 9 мая, на следующий день после переизбрания на пост президента, был у Пилсудского и представил ему список из несколько кандидатов. Маршал указал на Енджеевича, по своему обычаю предварительно не согласовывая с кандидатом вопрос о его назначении. Выдвижением Енджеевича на формально вторую роль в государстве Пилсудский расширил круг потенциальных претендентов на лидерство в лагере санации после его ухода.

Нежелание Пилсудского в последние годы жизни назвать своего преемника так и не нашло однозначного объяснения, поскольку сам он об этом никому прямо не говорил. Поэтому имеет право на существование и следующее

предположение, тем более что оно не противоречит известным фактам. Пилсудский, судя по его оценкам ближайших сотрудников, не видел среди них никого, равного себе – конечно, не авторитетом, но хотя бы честолюбием и умением управлять другими. Ближнее окружение диктатора состояло из людей исключительно исполнительных, но не умеющих, по его мнению, мыслить стратегически, поддерживать равновесие в отношениях с обществом, не перебарщивая ни с либерализмом, ни с насилием. Он чувствовал себя в отношениях с ними не старшим товарищем, не руководителем, а отцом. Эта патриархальность имела множество выражений, в том числе даже в стиле общения. Как вспоминал Славой-Складковский, свидетельством наибольшего расположения Пилсудского к подчиненному было обращение «дитя мое», хуже, если он говорил «вы», и совсем плохо – «господин генерал». А ведь Славой-Складковский был не молоденьким поручиком, а зрелым человеком 1885 года рождения.

Для того чтобы подготовить Польшу к жизни без его руководящего начала, Пилсудский поставил перед собой задачу решить три основополагающие задачи. Первой из них было создание новых конституционных основ польской государственности. Так как однозначного преемника у него не было, а власть следовало сохранить за лагерем санации, то не оставалось ничего другого, как создать систему, делающую своеобразным Пилсудским каждого, кто встанет во главе властной пирамиды, и при этом исключить всякую возможность легального перехода власти к оппозиции. В соответствии со стратегической линией, намеченной диктатором еще в 1926 году, это должна была быть разновидность президентской республики. К этой мысли он возвращался и впоследствии. Так, на совещании с ближайшими сотрудниками 18 ноября 1930 года маршал говорил о необходимости поставить президента во главе всей системы государственной власти, над правительством и парламентом, но при этом освободить его от непосредственной ответственности за правление. Фактически он говорил о закреплении *de jure* системы, созданной им *de facto* начиная с 1926 года.

Все вопросы, связанные с содержанием конституции и порядком ее принятия, Пилсудский оставил на усмотрение своих ближайших сотрудников. В 1930 году он, правда, пообещал, что в свое время выскажет свое мнение по вопросу о конституции и соответствующем проекте Беспартийного блока. Есть свидетельство, что в 1929 году Ян Пилсудский, референт в сейме по этому вопросу, познакомил своего старшего брата с подготовленным ББ проектом и получил от него добро. Но глубоко он этим вопросом не занимался. Об этом прямо свидетельствует В. Енджеевич, неплохо осведомленный о событиях последних лет жизни маршала. В посвященном 1934 году разделе своего

«Календаря жизни Юзефа Пилсудского» он написал, что маршал мало интересовался конституционным вопросом. Считал, что свое мнение он высказал в интервью 1930 года, а все остальное оставил на усмотрение Славека. Из этого можно сделать только один вывод: лично для него, в отличие от окружения, содержание конкретных статей, разработанных в соответствии с его основополагающей директивой, не имело особого значения.

Этого нельзя было сказать о соратниках диктатора. Своим высоким местом в государстве они были обязаны лишь его протекции. Их будущее место в органах власти напрямую зависело от того, каким будет новый Основной закон. Они могли получить искомый продукт, только пока жив был Пилсудский, прикрываясь тем, что это делается для того, чтобы обеспечить достойное место в государстве этому великому человеку. Не случайно встречающееся до сих пор мнение, что новый Основной закон писался под Пилсудского. В действительности же, наблюдая его ежедневно вблизи и зная подлинное состояние его здоровья, они не могли не понимать, что с новой конституцией нужно торопиться. Именно поэтому диктатор мог поручить техническую сторону этого дела соратникам, оставив для себя роль погонщика.

В собственном исключительном ведении он оставил два других, самым тесным образом между собой связанных вопроса, имевших первостепенное значение не только для режима, но и для судеб страны в целом. Один из них – укрепление основ безопасности Польши в условиях быстроменяющейся расстановки сил на международной арене и все более заметной утери Лигой Наций роли инструмента поддержания мира в Европе. В отличие от конституционного вопроса эту задачу он, полностью контролировавший сферу внешней политики, не хотел перепоручать никому другому Вторым вопросом была армия – его любимое детище и предмет особой заботы.

Решению этих, а также неизбежно возникающих текущих вопросов и были посвящены последние годы жизни маршала. Для этого нужно было много времени и сил, а того и другого у Пилсудского оставалось все меньше. Тем не менее в начале 1934 года он мог с удовлетворением констатировать, что две задачи из трех успешно решены.

Продвижение новой конституции началось в феврале 1931 года, когда Беспартийный блок под нажимом Пилсудского внес в сейм проект Основного закона. После обсуждения на пленарном заседании сейма 3 марта того же года проект был передан в конституционную комиссию, которая провела его правовую экспертизу. В конце августа 1931 года Пилсудский на совещании со Славеком, Свистальским и Пристором поинтересовался судьбой конституции и упрекнул их в недостаточном внимании к этому вопросу. Однако, выслушав

объяснения маршала сейма об объективных причинах, мешающих форсированию конституционного вопроса, Пилсудский согласился, что спешить с вынесением проекта конституции на пленарное заседание не следует, а больше внимания нужно уделить пропаганде ее основных положений в обществе.

Обсуждение проекта продолжалось в конституционной комиссии во время очередных сессий парламента в 1931 – 1933 годах. Летом 1932 года было проведено многодневное совещание с участием наиболее видных представителей лагеря санации из числа бывших легионеров и членов Польской военной организации, посвященное различным аспектам будущей конституции. Различные совещания и обсуждения, в том числе и в СМИ, организовывались и в последующем. В решающую стадию процесс работы над конституцией вступил осенью 1933 года, когда лидер Беспартийного блока В. Славек поручил С. Цару и Богдану Подоскому (юрист, член ПВО, депутат сейма от Беспартийного блока) изложить главные принципы будущего Основного закона в виде конституционных тезисов. При этом тезисы надлежало максимально сблизить с формулировками проекта новой конституции или даже повторить их дословно. Из этого можно сделать вывод, что, скорее всего, у ответственных за прохождение конституции в парламенте соратников Пилсудского уже вышло решение относительно того, как они будут исполнять поручение маршала. В декабре 1933 года парламентская фракция ББ рассмотрела 63 конституционных тезиса и передала их в конституционную комиссию сейма. Оппозиция заседания комиссии бойкотировала, понимая, что у нее нет ни малейшего шанса повлиять на содержание документа. Поэтому 11 января 1934 года без особых проволочек тезисы были приняты комиссией.

26 января 1934 года они стали предметом обсуждения на пленарном заседании нижней палаты парламента. Как, видимо, и предполагали «санационные» политтехнологи, депутаты от оппозиции (за исключением одного члена фракции национальных демократов), заявив о своем несогласии с изменением конституции, покинули зал заседаний. Эта непродуманная демонстрация позволила санации совершить прорыв в конституционном вопросе. Суть использованного для этого «трюка» заключалась в принятии нижней палатой решения об ускоренной процедуре рассмотрения проекта. Действующий регламент работы сейма не оговаривал, что эта процедура не распространяется на Основной закон. Эта лазейка в отсутствие оппозиции давала возможность легко получить квалифицированное большинство участников заседания. Если бы оппозиция присутствовала на заседании, то «трюк» бы не удался. Правда, нарушения все равно были бы, но главным образом процедурного характера,

поэтому можно было сделать вид, что право соблюдено полностью.

Для придания «трюку» видимости законности его организаторы В. Славек, К. Свитальский, С. Цар и Б. Подоский решили принимать не текст конституции, так как в повестке дня пленарного заседания сейма такого пункта не было, а конституционные тезисы. Чтобы продемонстрировать оппозиции свое желание играть по правилам, они даже приказали служащим аппарата парламента предупредить одного из лидеров ППС Мечислава Недзялковского, который в тот момент якобы находился в здании сейма, о том, что после обеда сейм будет принимать важное решение. Но оппозиция в зале заседаний на Вейской так и не появилась.

«Трюк» с принятием конституции прошел гладко – депутаты от Беспартийного блока единогласно проголосовали и за ускоренную процедуру, и за конституционные тезисы в качестве проекта Основного закона. Свитальский закрыл заседание, а окрыленные успехом депутаты от партии власти спели неофициальный гимн пилсудчиков «Мы первая бригада».

Окрыленные успехом авторы «трюка» тут же позвонили Пилсудскому надеясь, видимо, что он их без промедления примет, чтобы похвалить за решение вопроса, о котором он начал говорить еще до переворота в мае 1926 года. Но в ответ услышали, что он готов их видеть у себя только через пять дней. Вот как Свитальский описывает эту встречу: «Я формально доложил коменданту о случившемся 26 января. Отношение коменданта к этому факту в принципе не было негативным, но он сразу согласился со мной, что принятие конституционного закона с помощью шутки и трюка нельзя считать здоровым, и в связи с этим этот трюк следует прикрыть и нейтрализовать путем детального обсуждения и изменения в сенате... Затем поправки следовало бы принять в сейме...

Комендант возмутился, когда Славек заявил, что нужно спешить с конституцией. Комендант абсолютно так не думает и категорически советует решить вопрос о конституции на чрезвычайной сессии, чтобы избежать ее принятия одновременно с одобрением тех или иных глупых вопросов.

Комендант добавил, что единственным оправданием нашего трюка является то, что вообще конституции в истории никогда не принимались в точном соответствии с формальными требованиями... Что касается сути конституции, то комендант признался, что конституционных тезисов не читал...

Славек... даже сказал, что по причине его вовлеченности в это дело он должен будет сделать выводы. На это комендант ответил, что не следует принимать

близко к сердцу то, что советует комендант, но в принципе он не собирается принимать решений по конституционным вопросам – во всяком случае, не зимой, может, летом. Лето называлось комендантом потому, что в это время он физически чувствует себя лучше.

Комендант молча выслушал мое принципиальное замечание, что нужно конструировать такое устройство, в котором бы и президент, и правительство имели максимальную свободу рук, а не создавать орган, который мог бы доставлять трудности и хлопоты исполнительной власти» [Там же. S. 653 – 655.].

Процитированная пространная запись из дневника Свитальского подтверждает, что Пилсудский не примеривал новую конституцию на себя. Ему хватало власти и при старом Основном законе. Он заботился о будущем режима, и «трюк» в сейме его вполне устраивал. Но маршал хотел, чтобы режим сохранил лицо, и поэтому порекомендовал подчиненным не спешить с окончательным принятием конституции и введением ее в действие уже на текущей сессии парламента, хотя технически это было возможно.

Эта рекомендация была воспринята окружением неоднозначно. В. Славек был сторонником быстрого решения. Вопрос о сроках стал предметом обсуждения во время совещания вечером того же дня, то есть 31 января 1934 года, у Славека с участием Свитальского, Пристора и Енджеевича, а также на встречах Свитальского с Царом и Беком на следующий день. В их ходе было решено сохранить лояльность Пилсудскому и не форсировать принятие конституции. Свитальский записал 1 февраля: «Очень коротко разговаривал с Царом. Я так убеждал его: если умеешь отступить, то исторически это конечно же будет огромным плюсом, когда станет известно, что мы, как лагерь, переборщили как в методах создания какой-то мафии с целью удержать режим, так и в процедуре проведения конституции в сейме, а вот комендант сдержал нас в нашем порыве и сориентировал нас на более спокойные и более легальные формы» [Там же. S. 658.].

В конечном счете верхушка лагеря санации вынуждена была согласиться с патроном, чтобы не вызвать его гнева. Не случайно Свитальский 31 января 1934 года, убеждая коллег прислушаться к мнению Пилсудского, говорил, что комендант может формулировать свои советы в мягкой форме, но если к ним не прислушиваются, то может сделать очень жесткие выводы.

Установки Пилсудского относительно темпов завершения работы над конституцией предопределили их неспешный характер. Принятый сеймом проект был передан в сенат лишь в конце бюджетной сессии 1933 – 1934 годов.

В верхней палате санация обладала необходимым большинством в две трети голосов, что позволило ей внести в конституцию все нужные режиму поправки. Сенат завершил свою часть работы в январе 1935 года, после чего документ вернулся в конституционную комиссию сейма, а та, обсудив его дважды и не внося изменений, передала на рассмотрение сейма уже как обычный закон, для утверждения которого достаточно простого большинства. Сейм проголосовал за поправки сената 23 марта 1935 года. Теперь конституцию должны были подписать все члены правительства и президент. И здесь возникла загвоздка, поскольку никак не могли договориться с Пилсудским, когда он как военный министр сможет поставить свою подпись. Лишь 12 апреля это удалось сделать главе МИДа Юзефу Беку, одному из немногих сотрудников, которых маршал еще принимал. Только после этого свои автографы поставили другие члены кабинета, а 23 апреля 1935 года текст конституции подписал президент. После опубликования на следующий день в «Дневнике законов Польской Республики» она вступила в действие.

Апрельская конституция (именно под этим названием она фигурирует в литературе) принципиально отличалась от мартовского Основного закона 1921 года. На первый план она выдвигала не народ, а государство, а ведущее и руководящее место в этом государстве признавала за президентом, соединяющим в своих руках «единую и неделимую государственную власть». Все избиратели делились на обычных граждан и «лучших сынов», фактически наделенных более широкими правами.

Конституция практически вводила в Польшу специфическую разновидность президентской формы правления. Теперь глава государства должен был избираться всеобщим голосованием, что с точки зрения статусности уравнивало его с парламентом. При этом число возможных претендентов на пост главы государства ограничивалось двумя. Одного из них предлагало специально с этой целью создаваемое собрание выборщиков, второго – уходящий президент. Если президент своим правом воспользоваться не хотел, то тогда главой государства автоматически, без голосования становился кандидат собрания.

Президент был наделен огромными полномочиями: утверждал кабинет министров, созывал и распускал парламент, открывал, закрывал и приостанавливал его сессии, был Верховным главнокомандующим, решал вопросы войны и мира, заключал и ратифицировал международные договоры, назначал и отзывал премьер-министра, руководителей Верховного суда и Верховной контрольной палаты, главнокомандующего, генерального инспектора вооруженных сил, судей государственного трибунала, треть сенаторов и т. д. Он попрежнему сохранял право издавать распоряжения с

силой закона. За свои действия в качестве главы государства президент отвечал лишь «перед Богом и историей».

Роль двухпалатного парламента была ограничена некоторыми контрольными и совещательными функциями, ему и правительству принадлежала законодательная инициатива. Было изменено избирательное законодательство в сейм – вместо 64 многомандатных округов вводились 104 двухмандатных. Тем самым количество депутатов сокращалось с 444 до 208. Отменялся принцип пропорционального распределения мандатов. Число сенаторов было также уменьшено – со 111 до 96, 32 из них назначались президентом из числа «лучших сынов», остальные избирались в 64 одномандатных округах. Партии были лишены права выдвижения кандидатов в депутаты, его отдали избирательным собраниям, определяющее влияние на персональный состав которых имел режим. Эти собрания имели право выдвигать двух кандидатов на одно место. Тем самым выборы и президента, и депутатов сейма практически были превращены в плебисцит по кандидатурам санации, а оппозиция фактически лишилась возможности влиять на исход выборов и состав депутатского корпуса.

С введением в действие апрельской конституции 1935 года завершился переход от ранней модели режима санации к его зрелой форме. Если ранняя модель могла функционировать лишь благодаря Пилсудскому с его легендой, авторитетом и умением воздействовать на общество и оппозицию, то зрелый режим, по мысли его конструкторов, должен был чувствовать себя достаточно комфортно и в отсутствие этого благоприятного для санации фактора, но только при условии, что удастся сохранить прежнюю расстановку сил внутри самого правящего лагеря. А как раз это и было наиболее сложной задачей, на решение которой Пилсудский после смерти повлиять не мог. Но, по крайней мере, при жизни он мог надеяться, что задача закрепления власти за его соратниками решена успешно и новое всевластие сейма, с которым он боролся большую часть своей жизни в независимой Польше, ей не грозит.

Не менее успешно на первый взгляд решалась и задача обеспечения внешнеполитических условий безопасности Польши. Нормализовав отношения с Советским Союзом, Пилсудский получил возможность больше внимания уделять германскому направлению внешней политики. Уже весной 1932 года он стал внимательно приглядываться к Адольфу Гитлеру, видя в нем политика с большим будущим. Но при этом он считал его «крикуном», который даже в случае прихода к власти не сможет быстро нормализовать внутривнутриполитические отношения в Германии.

Победа национал-социалистов на январских выборах в 1933 году не стала для

Пилсудского неожиданностью. Он не драматизировал ее возможные последствия, хотя и был убежден, что Германия мечтает о взаимодействии на антипольской основе с Россией, как во времена канцлерства Отто фон Бисмарка. Противодействовать такому развитию событий он считал возможным двумя путями: или напугать более слабого партнера, или пойти на очередную разрядку отношений. Поскольку демонстрацию силы он устраивал в июне 1932 года в Гданьском заливе и она была еще свежа в памяти, то теперь следовало прибегнуть ко второму способу. В связи с этим во второй половине апреля 1933 года он по дипломатическим каналам предложил Гитлеру выступить с заявлением, что Германия будет соблюдать все действующие соглашения с Польшей. В связи с положительной реакцией Гитлера на эту инициативу Пилсудский счел, что возникли благоприятные предпосылки для перехода Польши к политике равного удаления от Германии и СССР.

Но необходимые условия для подлинного примирения, по признанию самого маршала, возникли только после выхода Германии 19 октября 1933 года из Лиги Наций и последовавшей за этим ее международной изоляции. Польский диктатор счел, что судьба подарила ему уникальный шанс для преодоления напряженности в двусторонних отношениях. 15 ноября польский посланник в Берлине передал Гитлеру устное послание Пилсудского. В нем маршал напомнил о своем взвешенном отношении к приходу национал-социалистов к власти, полном доверии к канцлеру и его политике, высказал удовлетворение тем, что благодаря фюреру отношения между двумя соседними государствами заметно улучшились. Маршал заявил о желании сохранить добрососедский характер этих отношений и в дальнейшем, однако его озабоченность вызвал выход Германии из Лиги Наций, членство в которой он назвал одной из основ безопасности Польши наряду с хорошими двусторонними отношениями с другими странами. Поэтому он, прежде чем принимать решение о дополнительных мерах по повышению безопасности Польши, решил обратиться к Гитлеру с вопросом, не видит ли тот возможности «компенсации в прямых польско-германских отношениях ущерба, нанесенного этому элементу безопасности».

Гитлер позитивно отреагировал на послание Пилсудского, а в опубликованном после приема польского посланника в Берлине коммюнике говорилось об отказе обоих правительств от применения силы и готовности решать все интересующие стороны вопросы путем переговоров. Пилсудский, обсуждая итоги этого шага с Беком и его заместителем, подчеркнул, что главное не результат, а момент, в котором он был сделан, – после выхода Германии из Лиги Наций. Спустя 12 дней Гитлер передал Пилсудскому проект декларации о ненападении. 9 января свой проект представили поляки, а 26 января декларация

была подписана польским посланником в Берлине и германским министром иностранных дел.

7 марта 1934 года на совещании в Бельведере с бывшими и актуальными «санационными» премьерами диктатор ознакомил собравшихся с причинами изменения внешнеполитического курса и достигнутыми успехами. И не отказал себе в удовольствии констатировать, что благодаря пактам о ненападении с СССР и Германией удалось обеспечить Польше такой уровень безопасности, которого она никогда еще не имела.

Монолог Пилсудского на этом совещании дает богатый материал для понимания его взглядов на польскую внешнюю политику и свою в ней роль. Декларацию о неприменении силы с Германией он считал значимой не только с точки зрения межгосударственных отношений, но и в плане воздействия на внутригерманские процессы, ибо «благодаря позиции Гитлера меняется психология немецкого народа в отношении Польши. Поэтому даже в том случае, если бы к власти пришли пруссаки (самое плохое, что для нас может быть), то это психологическое изменение в немецком народе будет для них препятствием в возвращении к прежней антипольской политике».

При этом Пилсудский призывал не обольщаться прочностью декларации о ненападении, считал, что хорошие польско-германские отношения сохранятся не более четырех лет (тут он оказался провидцем). Потом, если его не станет, Польшу ждут трудные времена, эту систему будет очень тяжело сохранить, поскольку лишь он один обладает умением при необходимости отсрочить решение вопроса или поставить его иначе. «Такой уж у меня изощренный ум», – пошутил маршал.

Не обошел диктатор вниманием и вопрос о вкладе режима в обеспечение безопасности Польши. Его он видел в том, что после 1926 года никто не может использовать внутренние отношения в Польше для влияния на ее внешнюю политику, тогда как Польша такой возможностью в отношении других стран обладает.

Резюмируя свои размышления о польской внешней политике, Пилсудский сформулировал три основных принципа, исходя из которых он дипломатическими методами обеспечивал в последние годы безопасность Польши: реализм в определении целей; абсолютная самостоятельность; концентрация только на восточном направлении, где можно добиться серьезного влияния, и неучастие в отношениях между западными странами [Там же. S. 659 – 661.].

Из этой речи Пилсудского в узком кругу ближайших сотрудников видно, что его взгляды на проблемы безопасности Польши за последние годы практически не изменились. Он явно недооценил угрозу, порожденную приходом к власти Гитлера, дав к тому же последнему возможность использовать Польшу для демонстрации своего миролюбия в момент ухода из Лиги Наций. И одновременно не отреагировал адекватно на перемены во внешней политике СССР, предпринявшего как раз в эти годы попытку конструктивного взаимодействия с Западом [В отличие от Гитлера, в искренности которого Пилсудский в 1933 году был убежден, И. В. Сталину он абсолютно не доверял и как-то выразился о нем следующим образом: «Когда я смотрю на его портрет, мне кажется, что я вижу бандита»]. Отнюдь не случайно, что весной 1934 года маршал не согласился с экспертной оценкой польских высокопоставленных военных и дипломатов, считавших, что наибольшая опасность грозит Польше со стороны Германии, а не Советского Союза. Он был твердо убежден, что война обязательно будет, но начнется она не на польско-германской границе. Следует помнить, что выступление Пилсудского на совещании «санационных» премьеров имело директивный характер, определяя основные параметры польской внешней политики на годы вперед. И в этом можно усматривать одну из существенных причин последующих внешнеполитических провалов Бека.

Уверенность Пилсудского в своем внешнеполитическом успехе очень скоро была подвергнута серьезному испытанию. В мае 1934 года союзной Польше Францией был выдвинут проект Восточного пакта, с помощью которого Париж и Москва надеялись существенно повысить уровень безопасности в восточноевропейском регионе. Однако в случае его реализации Варшава утратила бы ту самостоятельность на международной арене, которой, по мнению Пилсудского, ей удалось добиться в январе 1934 года. Бек на совещании в начале июля 1934-го так представил позицию маршала: «Вся эта комбинация (Восточный пакт. – Г. М.) не устраивает Польшу, так как это снова создание большого концерна, в данном случае русско-французского, для того, чтобы опустить Польшу. Но проблему не удастся решить без нас, так как Россия, не соседствующая с Германией, только при нашем участии может давать какую-то гарантию французским границам» [Там же. S. 663 – 664.].

Руководствуясь этими соображениями, маршал решил бойкотировать предложение Парижа. Объективно Польша второй раз протянула руку помощи Германии, увидевшей в этом проекте угрозу для своих экспансионистских устремлений. Но при этом Пилсудский сдержанно относился к легко завуалированным предложениям его германских собеседников, особенно Геринга, полюбившего ездить в Польшу на охоту, принять участие в антисоветских планах Гитлера.

В целом же успех диктатора во внешней политике оказался временным, но при жизни маршала это не очень бросалось в глаза, особенно неискушенной общественности. Конечно, Пилсудский, имевший большой опыт внешнеполитической деятельности, понимал, что мир для Польши не вечен, и не скрывал от близкого окружения своей тревоги за более отдаленное будущее страны, но пропагандистский аппарат санации об этих его тревогах молчал.

Менее всего сам Пилсудский был удовлетворен положением дел в армии и не делал из этого тайны. На то, что некому оставить армию, он жаловался в середине января 1934-го Беку. На совещании с членами политического штаба 31 января он посвятил этому вопросу три часа. Свитальский записал: «Комендант высказывался о персоналиях армии очень плохо, причем – что характерно – считал легионеров не очень хорошими из-за их несобранности и неумения быть точными.

Критические замечания, не раз очень неприятные, высказывал комендант о высших генералах с легионерской родословной...

Я был несколько удивлен, что комендант так при нас, «гражданских», обкладывает военных, лишая нас уверенности в том, что кто-то из офицеров мог бы заменить коменданта в работе» [Там же. S. 655.].

Характеристики генералов-легионеров были столь жесткими, что Свитальский даже не решился зафиксировать их, чтобы они не «попали когда-нибудь в неподходящие руки».

О положении дел в армии Пилсудский говорил и на совещании 7 марта 1934 года с «санационными» премьерами. Он начал с заявления, что намерен оставить пост военного министра после решения кадрового вопроса в армии. Свое намерение маршал мотивировал упадком сил и невозможностью одновременно заниматься тремя делами: внешней политикой, генеральным инспекторатом и военным министерством. Он посетовал, что и так уже запустил дела государственной обороны и единственное, что его утешает, так это то, что «хорошей внешней политикой он работает на дело обороны».

Из этих трех выступлений за неполных два месяца видно, что Пилсудского не удовлетворяло положение дел в армии, вот уже восемь лет находившейся под его безраздельным контролем. Он даже подумывал об уходе с поста военного министра, чтобы иметь больше времени для работы в генеральном инспекторате. Но в конечном счете так и не уступил ни одного из занимаемых постов ни Рыдз-Смиглы, ни Соснковскому которых считал наиболее подходящими кандидатами в преемники в вооруженных силах.

В мае 1934 года Пилсудский произвел свою последнюю самостоятельную перестановку на посту премьер-министра. Вместо подавшего в отставку Яна Енджеевича главой кабинета стал профессор археологии Леон Козловский [Козловский также служил в польском легионе, после Первой мировой войны сделал научную карьеру, стал профессором Львовского университета имени Яна Казимира по специальности археология, но с политикой не расставался. Был депутатом сейма от Беспартийного блока и членом нескольких кабинетов министров. В 1939 году оказался в заключении в СССР, а после освобождения из тюрьмы в 1941 году перешел через линию фронта на немецкую сторону. Официально он погиб в Берлине в 1944 году при бомбежке, но есть свидетельства, что его видели в Латинской Америке чуть ли не в 1960-е годы.]. Появление нового человека в его ближнем окружении означало, что диктатор все еще занимался расширением кадрового резерва. Именно с этим кабинетом связано создание в Польше лагеря для политических противников режима.

15 июня 1934 года в самом центре Варшавы на улице Фоксаль среди бела дня боевиком из ОУН был смертельно ранен 39-летний министр внутренних дел Бронислав Перацкий, с которым Пилсудский связывал немалые политические планы. Поскольку террорист с места преступления скрылся, следователи первоначально полагали, что покушение совершили представители одной из правых польских организаций. Но затем от этой версии отказались, и началась разработка украинского следа: выяснилось, что одним из главных организаторов теракта был 25-летний в ту пору Степан Бандера, один из лидеров ОУН.

Непосредственной реакцией на покушение стал декрет президента (его инициатором был премьер Козловский) от 17 июня 1934 года «О лицах, угрожающих безопасности, спокойствию и общественному порядку». Он предусматривал помещение в специальные лагеря в административном порядке, а не по суду людей, не совершивших преступления, но неугодных режиму. Срок изоляции составлял до трех месяцев, но ничто не мешало властям повторять его несколько раз. В конечном счете был создан только один лагерь, в окрестностях известного своим не самым здоровым климатом местечка Береза-Картузская в Белорусском Полесье, на полпути между Брестом и Барановичами. За время существования лагеря его узниками были украинские националисты, коммунисты, представители других течений и партий. В отношении них широко применялись меры физического и психологического воздействия – например, время отправления естественных надобностей издевательски ограничивалось семью секундами.

Конечно, Пилсудский знал об этом декрете и созданном на его основании концлагере: Козловский обговаривал с ним эту идею в день покушения. По

утверждению Лепецкого, в то время адъютанта маршала, тот согласился на эту чрезвычайную меру лишь на один год. Но поскольку этот вопрос не был напрямую связан с проблемами безопасности и будущего Польши, то он, видимо, оставил проведение в жизнь согласованного решения на усмотрение своих соратников. Не все они были убеждены в полезности такого шага. Об этом, в частности, может свидетельствовать совещание с участием Козловского, Бека, Славека, Пристора и Свитальского 2 июля 1934 года. Тогда восторжествовало мнение, что раз угрозы активных антиправительственных выступлений нет, то и с созданием лагерей торопиться не следует. Поэтому всю ответственность за осуществление декрета, согласно свидетельству Свитальского от 29 марта 1935 года, пришлось взять на себя Козловскому [Switalski K. Diariusz... S. 662 – 663, 666.].

Сердце, нашедшее покой

Назначение Козловского премьер-министром пришлось не по душе его предшественникам на этом посту из числа полковников, опасавшихся, что он постарается ослабить их позиции в пользу других групп в лагере пилсудчиков. Свитальский, обычно сдержанный в оценке действий своих коллег на посту главы кабинета, на этот раз не скрывал своего несогласия с политикой львовского профессора. Это свидетельство того, что ближайшие сотрудники Пилсудского, знавшие о его истинном физическом состоянии (это была совершенно секретная информация) и готовившиеся взять всю полноту власти, не одобряли этот выбор. В марте 1935 года, как свидетельствует В. Енджеевич, Мосьцицкий, Слабек, Пристор и прочие члены ближнего круга обсуждали вопрос о премьере. Конечно, такие совещания они проводили и раньше. Новым было то, что они решили добиться от маршала замены Козловского Славеком. Так больной Пилсудский впервые стал инструментом в руках своего политического штаба. Можно сказать, что политическая смерть диктатора наступила раньше его физической кончины. Конечно, он этого не знал, ему казалось, что все решения он по-прежнему принимает самостоятельно. Скорее всего, в необходимости отставки Козловского маршала убедил президент во время их встречи 22 марта 1935 года. Тогда же было получено согласие на назначение премьером Славека. Но для непосвященных в интригу все было представлено как личная воля маршала.

А диктатор вот уже второй год боролся с поразившим его недугом. В 1934 году пока еще не очень заметная онкологическая болезнь давала о себе знать частыми повышениями температуры, простудами, плохим самочувствием. Пилсудский по-прежнему боялся серьезного легочного заболевания, не подозревая, что у него развивается рак желудка. Общавшиеся с Пилсудским люди уже тогда обращали внимание на то, что его покидают физические силы,

он быстро устает, все меньше занимается делами, в том числе и военными кадрами, находившимися в его исключительном ведении. А он старался это от всех скрывать или делал вид, что это всего лишь временные недомогания. Его адъютант Лепецкий вспоминал, что, поднимаясь в последние годы жизни по лестнице Представительского дворца в Вильно, Пилсудский обычно останавливался на площадке между этажами, чтобы отдохнуть, но при этом делал вид, что просто любуется цветами. Аналогичным образом он поступал, когда ходил на работу в генеральный инспекторат вооруженных сил, расположенный в нескольких сотнях метров от Бельведера. Французский посол Жюль Ларош, посетивший маршала в конце января 1934 года, нашел, что он постарел и очень утомлен, а его высказывания стали еще менее понятными. А один из его собеседников вспоминал, что в июне того же года он выглядел, как тень человека. По ночам, в темноте, в кабинете на втором этаже Бельведера ему стали слышаться чьи-то шаги, поэтому он перестал выключать на ночь свет.

На военном параде 11 ноября 1934 года по случаю Дня независимости он чуть не потерял сознание, что было замечено многими из находившихся неподалеку гостей, и вынужден был дожидаться конца торжественного мероприятия сидя. И так не сдерживавший себя в выражениях Пилсудский стал откровенно груб. Причем не только с политическими противниками, как прежде, а и с ближайшими сотрудниками. И они вынуждены были это терпеть, даже не столько опасаясь его гнева и возможных последствий для карьеры, сколько понимая, что причина кроется в неумолимо подтачивающей его здоровье болезни.

Еще одним симптомом тяжелого заболевания было обострение подозрительности. Диктатор стал бояться, что его хотят отравить, опасался за сохранность секретных документов, находившихся в его квартире в генеральном инспекторате. Но больше всего поразило и обескуражило окружающих его немотивированное подозрение жены одного из его наиболее близких и доверенных людей – доктора Войчиньского – в шпионаже. Она даже была на несколько дней арестована, а преданный медик без промедления съехал с квартиры в инспекторате и был освобожден от обязанностей личного врача.

Особенно часто причинами глубокой депрессии Пилсудского называют его переживания по поводу непрочности международного статус-кво, тревогу за Польшу, которую, как он считал, ждут тяжелейшие испытания с непредсказуемыми последствиями, мучившее его чувство, что у него все меньше сил и времени, чтобы этому противодействовать. Близкий сотрудник маршала в генеральном инспекторате Казимеж Глабиш написал: «Я вблизи наблюдал эти пустые метания и порывы смертельно больного титана,

встревоженного не усиливающимися страданиями, а постепенной потерей сил. Его тревожило одно лишь опасение, что он не успеет завершить свое дело и что Польша, все еще слабая и лишенная проверенного вождя, не сможет противостоять нарастающим с востока и запада опасностям» [Цит. по: Jedrzejewicz W., Cisek J. Kalendarium zycia... S. 329.]. Конечно, в этом есть большая доля правды, но не следует забывать и о клинических проявлениях ракового заболевания. Депрессию усугубляла и неизлечимая болезнь (лейкемия) старшей сестры Зули (Зофии), умиравшей в одной из варшавских больниц.

Недуг маршала обострился в январе – феврале 1935 года, появились боли в боку и в области желудка, а затем тошнота и рвота. 67-летний Пилсудский стал очень быстро худеть. Как и большинство мужчин, он никогда не любил иметь дело с врачами, а теперь просто отказывался от серьезного медицинского осмотра. Обещал, что выпишет какого-то знаменитого терапевта из австрийской столицы, потому что считал венских врачей лучшими. А пока занялся самолечением, сел на диету, со временем все более строгую, – компоты, фрукты, сухарики. Вначале это давало определенный результат, самочувствие несколько улучшилось, ослабели боли. Но зато от постоянного недоедания усиливалась слабость. Пилсудский начал ограничивать физические нагрузки, сокращал продолжительность, а потом и вовсе отказался от прогулок по своему кабинету.

Старания окружающих организовать консилиум очень долго были безрезультатными. Только 21 апреля 1935 года маршал вновь заявил, что нужно пригласить врача из Вены, но лишь спустя два дня было решено, что им будет профессор Венкенбах, известный специалист-онколог. Консилиум состоялся 25 апреля в инспекторате. Пилсудский не хотел, чтобы его осматривали в Бельведере, чтобы туда не проникла эта «паршивая докторская атмосфера».

Диагноз Венкенбаха прозвучал как приговор: неоперабельный рак печени, скорее всего в результате метастаз из желудка. Смерть может наступить в любой момент. Позднейшее вскрытие этот диагноз подтвердило. Но жене Александре диагноз не назвали, сказали только о тяжелом заболевании.

В конце апреля, все еще находясь в здании генерального инспектората, Пилсудский от руки написал распоряжение о своих похоронах. Его полный текст звучал следующим образом: «Не знаю, быть может, меня захотят похоронить на Вавеле [Вавель – холм в Кракове с королевским замком и кафедральным собором, в подземельях которого находится усыпальница членов правивших в Польше династий.]. Пусть! Но пускай тогда мое закрытое сердце похоронят в Вильно, где лежат мои солдаты, которые в 1919 году мне,

Г.Ф. Матвеев. Пилсудский

своему вождю, Вильно как подарок бросили к ногам.

На камне или надгробии выбить девиз, избранный мною для жизни:

Когда б мог выбрать, выбрал бы вместо дома

Гнездо на скалах орла.

Еще заклинаю всех, любивших меня, перенести останки моей матери из Сугинт Вилькомирского уезда в Вильно и похоронить мать величайшего рыцаря Польши надо мной. Пусть гордое сердце упокоится у стоп гордой матери. Мать похоронить с военными почестями, тело на лафете, и пусть все пушки загрохочут прощальным и приветственным залпом, так чтобы окна в Вильно задрожали. Мать готовила меня к той роли, что мне выпала. На плите должны выбить стихотворение из «Вацлава» Словацкого, начинающееся словами: «Гордые несчастьем не могут...» Перед смертью мама просила меня по несколько раз это ей читать».

4 мая вечером Пилсудского наконец-то перевезли из здания Генерального инспектората в Бельведер. Раньше этого не делали из-за боязни, что переезд, хотя и очень непродолжительный, его очень ослабит. Его поместили в любимую угловую комнату, что было удобно и для обслуживавших его людей, и для семьи. К тому же маршал эту комнату любил.

Единственный, кого Пилсудский еще принимал по делам в Бельведере, был Юзеф Бек. Последний раз они общались вечером 10 мая. Его последние указания во внешнеполитической области, если верить Беку, не отличались новизной: не верить Сталину, стараться как можно дольше поддерживать хорошие отношения с Германией, крепить союз с Францией, попытаться привлечь к нему Великобританию, ни в коем случае не вмешиваться в отношения между западными державами.

В субботу 11 мая случилось первое горловое кровотечение, еще больше ослабившее больного. Потом оно повторилось еще несколько раз. Пилсудский раз за разом впадал в беспамятство. 12 мая решили вновь, уже в третий раз, пригласить Венкенбаха, а также прелата Владислава Корниловича из Лясек. Пилсудский когда-то на свадьбе сына Вацлава Серошевского попросил этого священника оказать ему последнюю духовную услугу.

Корнилович выполнил обряд миропомазания и отпущения грехов и остался в Бельведере ожидать дальнейшего развития событий. Они не заставили себя долго ждать. В 20.45 12 мая 1935 года Первый маршал Польши Юзеф Клеменс

Пилсудский, не приходя в сознание, скончался в присутствии жены, дочерей, священника и личного врача.

О смерти диктатора были немедленно проинформированы президент Мосъцицкий и Совет министров, с вечера заседавший во дворце наместника на Краковском предместье (сейчас там резиденция президента). В тот же день были произведены назначения на ставшие вакантными должности. Преемником покойного на важнейшем посту генерального инспектора вооруженных сил стал Эдвард Рыдз-Смиглы (получивший вскоре маршальское звание), министром военных дел был назначен генерал Тадеуш Каспшицкий, соратник маршала со времен легиона и Союза вооруженной борьбы, в 1934 – 1935 годах первый заместитель военного министра. Правительство приняло решение об объявлении шестинедельного траура и текст обращения к народу. До этого сам факт болезни Пилсудского тщательно скрывался.

Информационные агентства немедленно разнесли новость по всему миру. Правительственные органы и пресса всех стран откликнулись пространными статьями, подчеркивая важнейшую роль, которую Пилсудский сыграл в возрождении Польши и ее становлении как независимого государства. Не стал исключением и Советский Союз. В газете «Известия» 14 мая, во вторник (по понедельникам газета не выходила), на первой странице было напечатано небольшое сообщение ТАСС о кончине Пилсудского. На второй странице, в рубрике международной информации была напечатана подвальная статья Карла Радека «Маршал Иосиф Пилсудский» (явно с ведома Сталина), в которой Пилсудский был назван «организатором независимости польского государства», «горячим польским патриотом», «вождем польского государства», творцом польских границ и т. д. Советский нарком иностранных дел Максим Литвинов (в свое время, как и Пилсудский, участвовавший в «эксах» на партийные цели) направил телеграмму с соболезнованиями Ю. Беку, а заведующий 1-м Западным отделом НКВД СССР выразил соболезнования польскому послу в Москве Ю. Лукасевичу.

В ночь с 12 на 13 мая приступили к подготовке тела и помещений дворца к траурной церемонии. Тело было забальзамировано, сердце подготовлено к захоронению в Вильно [Сердце Пилсудского поместили в серебряную урну, 30 мая 1935 года перевезли в Вильно и временно замуровали в нише в церкви Святой Терезии. В начале июня того же года с согласия литовского правительства была проведена эксгумация останков матери Пилсудского и двух его младших братьев. Они были вывезены в Вильно и также временно помещены в церкви Святой Терезии. 12 мая 1936 года, в первую годовщину смерти маршала, на виленском кладбище Росы состоялась торжественная церемония, связанная с исполнением его последней воли. На большой черной

могильной плите, закрывающей склеп, выбиты строки из стихотворения Ю. Словацкого «Вацлав»: Ты знаешь, что гордые несчастьем не могут По следам других идти тем же путем. В середине плиты помещались слова: «Мать и сердце сына». При советской власти монумент не тронули – лишь в 1944-м при наступлении советских войск кто-то дал по черной плите очередь из автомата, следы которой хорошо видны до сих пор.], а мозг – для проведения его изучения в Виленском университете имени Стефана Батория.

Металлический гроб с телом был выставлен на катафалке в большой гостиной дворца. Маршал был в мундире, с большой лентой ордена «Виртути Милитари» и боевыми наградами. В руках держал иконку Остробрамской Богоматери. Над головой разместили знамена польской армии 1831 и 1863 годов, а также легиона. Рядом с катафалком расположили хрустальную урну с сердцем Пилсудского, легионерскую фуражку, саблю и маршальский жезл. Круглосуточный почетный караул у гроба поочередно несли военнослужащие от генерала до рядового.

Два дня, понедельник и вторник 13-го и 14-го, Бельведер был открыт для делегаций военных и гражданских лиц, а также дипломатического корпуса. Во Франции и Германии был официально объявлен траур. Руководители многих государств тогдашнего мира прислали свои соболезнования.

В среду, 15 мая, тело было торжественно, в сопровождении траурной процессии с участием членов семьи, президента, членов правительства, генералитета, маршалов палат парламента перевезено в варшавский кафедральный собор Святого Иоанна, с ночи со среды до пятничного утра открытый для прощания для всех желающих. Всего через кафедральный собор прошло несколько сотен тысяч человек.

В десять часов утра 17 мая началась траурная панихида, которой руководил кардинал Александр Каковский. В ней приняли участие члены дипломатического корпуса и делегации различных стран. Францию представляли министр иностранных дел Пьер Лаваль, накануне вечером приехавший в Варшаву из Москвы, и маршал Анри Филипп Петэн, Германию – прусский министр-президент, рейхсмаршал Герман Геринг в сопровождении трех генералов родов войск и адмирала, Англию – фельдмаршал граф Фредерик Каван, Румынию – маршал Константин Презан, Финляндию – министр иностранных дел Хаксель. Советский полпред в Польше Я. Х. Давтян возложил на гроб усопшего венок с надписью «Иосифу Пилсудскому от советского правительства» [В польской литературе упоминается, что в СССР якобы был объявлен траур, однако такая информация в «Известиях» отсутствует. Нет там и отчетов о траурной церемонии в Варшаве и похоронах Пилсудского в

Кракове.]. Проповедь произнес капеллан польской армии епископ Юзеф Гавлина.

После этого гроб вынесли из собора и установили на орудийном лафете. Траурная процессия двинулась по улицам Варшавы на Мокотувское поле. Здесь состоялся военный парад под командованием старого соратника маршала генерала Орлича-Дрешера. Он начался и завершился рапортом командующего парадом без слов перед гробом, установленным на возвышении, с которого Пилсудский обычно принимал парады. Затем в тишине торжественным маршем прошли генералы-инспекторы армий, а затем представители всех родов войск и полков польской армии и корпуса охраны границы. Не участвовали только моторизированные части, чтобы не нарушать торжественной тишины. Исключение составила истребительная авиация.

После завершения парада сводный оркестр всех полков заиграл национальный гимн, а артиллерия произвела салют из 101 выстрела. Генералы во главе с Рыдз-Смиглы перенесли гроб на железнодорожную платформу, поданную к месту торжеств по специально построенной ветке, и затем вручную, на веревках откатали ее к стоявшему в стороне локомотиву. Оркестры играли «Первую бригаду». И именно в этот момент совершенно неожиданно разразилась майская гроза с громом, молниями и проливным дождем, длившаяся около получаса. Так Варшава и природа прощались с человеком, девять последних лет единолично определявшим судьбу Польши...

Поезд, с освещенным прожекторами гробом на открытой платформе, медленно двигался в направлении Кракова. На всем пути его следования к магистрали выходили тысячи людей, зажигали костры и прощались с маршалом. Ночь была темная, дождливая. В памятном для Пилсудского городе Кельце попрощаться с ним пришло около 40 тысяч человек. На окружающих город холмах горели костры, а на въезде в город были зажжены два огромных факела.

Утром 18 мая траурный поезд прибыл в Краков. Здесь его встречали первые лица государства, приехавшие из Варшавы ночью, дипломатический корпус, городские руководители, представители духовенства. После краткой молитвы, прочитанной краковским митрополитом Адамом Сапегой, гроб установили на артиллерийский лафет, и траурная процессия двинулась на Вавель. Впереди гроба шло краковское католическое духовенство, иерархи других конфессий, представители всех полков польской армии со своими знаменами. Вслед за ними – семья, делегация Виленщины с капсулой с землей с могилы матери Пилсудского, президент, правительство и в алфавитном порядке члены дипломатических миссий в парадных мундирах или вечерних костюмах. Когда процессия в десять часов утра вступила на Рынок, с колокольни Мариакской

церкви раздался знаменитый краковский хейнал [По легенде, в XIII веке, увидев подходившую к стенам Кракова монгольскую армию, трубач затрубил тревогу, но был сражен стрелой. В память об этом каждый полдень с колокольни звучит «хейнал» – трубный сигнал, который обрывается на середине.], а при подходе к Вавелю зазвонил «Сигизмунд», самый большой колокол кафедрального собора.

При входе в собор с прощальным словом, проект которого подготовил Казимеж Свигальский, выступил президент Мосьцицкий. После того как гроб был внесен внутрь собора и установлен на катафалке, состоялась траурная служба с участием митрополита Сапеги и униатского епископа Иосафата Коциловского. По ее окончании генералы на плечах понесли гроб в подземелье собора. В этот момент зазвонил «Сигизмунд», загремел салют из 101 залпа, оркестр заиграл государственный гимн, а затем «Первую бригаду». Гроб с телом Пилсудского был поставлен в склепе святого Леонарда, где покоится прах Яна III Собеского, польского короля, прославившегося своей победой над турками под Веной в 1683 году. В этот момент вся страна на три минуты погрузилась в молчание [Останки маршала были переложены из металлического гроба в серебряный, имевший сверху и с боков хрустальные окошечки, через которые можно было увидеть лицо усопшего. Вскоре оказалось, что через окошечки проникает влага, и их ликвидировали, закрыв серебряными пластинами. Гроб находился в склепе святого Леонарда до 1937 года. Все это время шли ремонтные работы в склепе под колокольной Серебряных колоколов. Был объявлен конкурс на саркофаг, в который должны были поместить гроб. Однако 23 июня 1937 года архиепископ Адам Сапега своим решением перенес сюда гроб, не дожидаясь решения конкурса. Несмотря на давление президента и папы римского, Сапега своего решения не изменил. Гроб Пилсудского до сих пор находится в склепе под колокольной Серебряных колоколов без саркофага.].

Так закончился земной путь человека, оказавшего огромное влияние на судьбу Польши в XX столетии и не забытого ею и сейчас.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

После достаточно подробного ознакомления читателя с жизненным путем Юзефа Клеменса Пилсудского, более четырех десятилетий сознательно, целенаправленно и настойчиво боровшегося сначала за освобождение Польши из-под власти России, а после Великой войны – за укрепление основ ее независимого существования, – подводить его итог и просто, и сложно. И потому, что сама личность героя далеко не однозначна, и потому, что неоднозначны итоги его деятельности. Работая над этой книгой, я пытался

понять Пилсудского как человека, у которого мелкие повседневные дела и заботы, радости и неприятности никогда не заслоняли главной цели, точнее, двух целей, в центре каждой из которых была Польша.

Он уже в юности поверил в свое предназначение воскресителя польской государственности. Конечно, его можно упрекнуть в том, что думал он при этом не обо всех польских землях, а только о находившихся под властью России, что был непоследователен и выбирал не тех союзников. Это тоже правда, но не вся. Нельзя не признать очевидного факта: начав свою борьбу с небольшой группкой единомышленников, в условиях глубокого подполья, Пилсудский сумел зажечь своим примером и верой в успех сотни и тысячи молодых сердец, стать их кумиром, духовным руководителем и вождем. Они пошли за ним с абсолютной верой, что комендант обязательно приведет их к цели.

В ноябре 1918 года они все вместе дождались исполнения мечты. Пусть Польша своим освобождением была обязана не только, даже и не столько им, а счастливому для нее стечению обстоятельств, деятельности других сил и политиков. Но это была та самая Польша, которую Пилсудский им обещал, – свободная, но слабая, без границ и без армии, раздираемая внутренними конфликтами, подверженная серьезным внешним опасностям страна. Пилсудский решительно встал во главе тех сил, которые хотели изменить положение, сделать так, чтобы Польша была не только свободной, но и сильной, крупной, сплоченной, чувствующей себя в безопасности державой. Это была его вторая цель, вернее сказать, все та же первая, только для новых условий.

Ради ее осуществления он даже пошел в мае 1926 года на братоубийственный конфликт, кровопролитие, память о котором мучила его до конца жизни. Тогда этот переворот казался великим преступлением против демократии, иным он представляется случайно забредшим в XX век из предыдущего столетия. Я с этим не согласен. За прошедшие после этого поворотного в межвоенной истории Польши восемь десятилетий выяснилось, что переход от недемократических режимов к демократии редко проходит гладко. Чаше всего такие общества нуждаются в каких-то переходных этапах, авторитарных режимах, не останавливающихся ни перед чем ради достижения общегосударственных и общенациональных, а не партикулярных целей отдельных классов и партий. И Пилсудский, создавая свой режим, подсознательно пытался сыграть как раз такую роль. Именно поэтому герой этой книги сказал в 1931 году своему соратнику и несостоявшемуся биографу Артуру Сливиньскому, что идея служения Польше очень рано сформировалась в его голове и ей он остался верным до конца. И хотя он нередко говорит о

«дурной» Польше, ругает Польшу и поляков, он служит только Польше.

За свою не самую долгую жизнь Пилсудский потерпел немало неудач и совершил еще больше ошибок. Но никогда не сдавался, не опускал рук, а стискивал зубы и снова принимался за дело. Его энергия, решительность, постоянная готовность брать на себя ответственность и принимать решения, указывать путь другим и идти по нему вместе с другими сделали его имя легендарным уже при жизни. Историки и публицисты любят рассуждать о легенде и даже мифе Пилсудского. А мне кажется, что самую точную оценку этого феномена он дал сам в разговоре с женой английского министра иностранных дел Остина Чемберлена в Женеве в 1927 году. В ответ на ее слова, что она так хотела познакомиться с ним, несущим на своих плечах такую легенду, маршал произнес удивительную по глубине и точности фразу: «Может, это легенда несет меня». И она, несомненно, несет его до сих пор все новым поколениям его соотечественников...

ХРОНОЛОГИЯ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Ю. ПИЛСУДСКОГО (все даты даны по новому стилю)

1867, 5 декабря – рождение Юзефа Клеменса Пилсудского в семье Юзефа Пилсудского и Марии Биллевич.

1877 – 1885 – учеба в гимназии.

1885 – 1886 – учеба на медицинском факультете Харьковского университета.

1887 – 1892 – административная ссылка в Восточную Сибирь.

1890 – 1891 – роман с польской революционеркой Леонардой Левандовской.

1892, ноябрь – создание в Париже Заграничного союза польских социалистов (ЗСПС) и принятие им программы Польской социалистической партии (ППС).

1893 – создание Польской социалистической партии в Царстве Польском.

Март – первая статья Пилсудского в журнале ЗСПС «Пшведзит».

Июль – участие Пилсудского в Понарском совещании польских социалистов (Первом съезде ППС).

1894, февраль – избрание Пилсудского членом Центрального рабочего комитета ППС.

Г.Ф. Матвеев. Пилсудский

Июль – в Липнишках в окрестностях Вильно с участием Пилсудского напечатан первый номер центрального органа ППС – газеты «Роботник».

Декабрь – первая зарубежная поездка Пилсудского в Швейцарию и Англию.

1895, июнь – Пилсудским и С. Войцеховским издан первый номер «Роботника» в Вильно.

1896, март – август – поездка в Великобританию, участие в IV конгрессе Второго интернационала.

1899, 24 мая – переход Пилсудского из католичества в лютеранство.

15 июля – женитьба на Марии Юшкевич.

Осень – перенос подпольной типографии «Роботника» из Вильно в Лодзь.

1900, ночь с 21 на 22 февраля – провал типографии и арест Ю. и М. Пилсудских.

Апрель – декабрь – пребывание Пилсудского в X павильоне Варшавской цитадели.

1901, ночь с 14 на 15 мая – побег из петербургской больницы для душевнобольных имени Святого Николая.

Июнь – нелегальный переход русско-австрийской границы. Возвращение к партийной работе.

1904, февраль – начало Русско-японской войны.

Март – начало операции «Вечер» – сотрудничества группы Пилсудского с дипломатическим и военным ведомствами Японии.

Июль – поездка Пилсудского в Японию для переговоров о взаимодействии в борьбе с Россией.

Осень – создание по инициативе Пилсудского Боевой организации ППС.

13 ноября – первое вооруженное выступление Боевой организации в Варшаве.

1905, 22 января – расстрел мирной манифестации в Петербурге.

Г.Ф. Матвеев. Пилсудский

Август – начало нападений боевиков на финансовые учреждения и почтовые вагоны в Царстве Польском.

1906, май – знакомство с будущей второй женой Александрой Щербиньской.

29 сентября – предложение Пилсудского начальнику штаба 10-го корпуса австро-венгерской армии полковнику Францу Канику о сотрудничестве против России.

Ноябрь – раскол Польской социалистической партии, создание Пилсудским ППС-революционной фракции.

1908, июнь – создание Казимежем Соснковским тайной военизированной организации Союз активной борьбы, позже подчиненной Пилсудскому.

22 сентября – нападение боевиков под началом Пилсудского на почтовый вагон курьерского поезда на станции Безданы.

Октябрь – эмиграция Пилсудского в Австро-Венгрию.

Ноябрь-декабрь – начало сотрудничества Пилсудского с австро-венгерской военной разведкой и контрразведкой на антирусской основе.

1910 – создание Пилсудским в Галиции легальных военизированных организаций «Стрелковый союз».

1912, 1 декабря – Временная комиссия конфедерированных партий – сторонниц независимости Царства Польского назначила Пилсудского Главным комендантом стрелковых союзов и стрелковых дружин.

1914, 3 августа – Пилсудский формирует из стрелков 1-ю кадровую роту.

6 августа – объявление Австро-Венгрией войны России; вторжение 1-й кадровой роты на территорию Царства Польского; заявление Пилсудского на заседании Комиссии конфедерированных партий о том, что в Варшаве 3 августа якобы создано Национальное правительство и он переходит в его распоряжение.

16 августа – в Кракове образован Главный национальный комитет, взявший под свой контроль формирование польского добровольческого корпуса (легиона) ландштурма на базе стрелковых организаций.

Октябрь – создание Пилсудским Польской военной организации (ПОВ) –

Г.Ф. Матвеев. Пилсудский

нелегальной военизированной структуры своих сторонников в Царстве Польском.

Ноябрь – присвоение Пилсудскому воинского звания бригадира польского легиона.

1916, 26 сентября – удовлетворен рапорт Пилсудского об отставке из польского легиона.

5 ноября – оглашен манифест германского и австро-венгерского императоров об образовании Польского королевства на территории Царства Польского.

12 декабря – Пилсудский приехал в Варшаву для участия в становлении армии Польского королевства.

1917, январь – император Николай II определил объединение всех польских земель под скипетром Романовых в качестве одной из целей войны.

15 января – назначение Пилсудского референтом (руководителем) Военной комиссии Временного государственного совета Польского королевства.

22 июля – арест Пилсудского германской тайной полицией и его изоляция в Магдебургской крепости.

Август – декабрь – создан и признан державами Антанты и США в качестве официального представительства польского народа Польский национальный комитет (ПНК), приступивший к формированию польской армии во Франции.

1918, 8 февраля – рождение дочери Ванды (от А. Щербиньской).

1 ноября – начало польско-украинского вооруженного конфликта из-за Восточной Галиции.

8 ноября – освобождение Пилсудского из Магдебургской крепости.

10 ноября – приезд из Берлина в Варшаву.

12 ноября – Регентский совет Польского королевства передал Пилсудскому командование польской армией и поручил ему сформировать общепольское правительство.

16 ноября – Пилсудский назначил правительство во главе с Игнацием Падеревским, вскоре признанное ПНК и великими державами.

Г.Ф. Матвеев. Пилсудский

22 ноября – правительство Анджея Морачевского назначило Пилсудского временным начальником государства.

1919, 23 – 29 января – польско-чешский вооруженный конфликт в Тешинской Силезии.

26 января – выборы в Учредительный сейм Польской Республики.

17 февраля – первые вооруженные столкновения польских и советских войск в Белоруссии и на Украине, положившие начало необъявленной польско-советской войне 1919 – 1920 годов.

20 февраля – Учредительный сейм подтвердил полномочия Пилсудского как начальника государства.

Июль – завершение оккупации польскими войсками Восточной Галиции.

1920, 28 февраля – рождение дочери Ядвиги (от А. Щербиньской).

19 марта – присвоение Пилсудскому звания Первого маршала Польши.

25 апреля – начало военной кампании на Правобережной Украине.

5 июня – прорыв 1-й конной армией С. М. Буденного польского фронта и начало советского наступления на Украине.

4 июля – начало наступления советских войск под командованием М. Н. Тухачевского в Белоруссии.

Август – Варшавское сражение, закончившееся поражением войск советского Западного фронта.

Октябрь – захват польскими войсками столицы Литовской Республики города Вильно (Вильнюса); заключение польско-советского перемирия.

1921, 7 января – декрет Пилсудского об организации высших военных властей, оставлявший армию под его исключительным контролем и в мирное время.

Февраль – первый зарубежный визит Пилсудского в качестве главы государства во Францию.

17 марта – принятие сеймом конституции Польши.

Г.Ф. Матвеев. Пилсудский

18 марта – подписание в Риге польско-советского мирного договора.

16 августа – умерла Мария Пилсудская.

25 сентября – неудачное покушение на Пилсудского во Львове.

25 октября – брак Пилсудского с А. Щербиньской.

1922, ноябрь – выборы в сейм и сенат Польской Республики.

6 декабря – избрание Габриэля Нарutowича первым президентом Польской Республики.

14 декабря – передача Пилсудским полномочий главы государства Г. Нарutowичу.

16 декабря – убийство Г. Нарutowича.

20 декабря – избрание Станислава Войцеховского президентом Польской Республики.

1923, 2 июля – Пилсудский вышел в отставку и поселился в Сулеювке. 15 ноября – манифестация офицеров Варшавского гарнизона в Сулеювке по случаю годовщины возвращения Пилсудского в Польшу.

1926, 11 мая – конфискация номера «Курьера поранного» с интервью Пилсудского, содержащего антиправительственные выпады. 12 – 14 мая – государственный переворот под руководством Пилсудского, отставка президента С. Войцеховского и правительства.

31 мая – Пилсудский избран президентом Польской Республики, но отказался занять этот пост.

1 июня – национальное собрание избрало президентом Польши Игнация Мосьцицкого.

6 августа – декрет президента об организации высших военных властей, обеспечивший полный контроль Пилсудского над армией. 28 августа – назначение Пилсудского генеральным инспектором вооруженных сил Польши.

1926, 2 октября – 1928, 25 июня – первое правительство Пилсудского.

1927, декабрь – поездка в Женеву на заседание Совет Лиги Наций в связи с

Г.Ф. Матвеев. Пилсудский

польско-литовским конфликтом.

1928, 19 августа – 2 октября – отдых маршала в Румынии.

1929, сентябрь – оформление шестипартийного оппозиционного блока «Центролев».

1930, 29 июня – проведение Центролевым в Кракове конгресса защиты законности и воли народа.

1930, 25 августа – 4 декабря – второе правительство Пилсудского.

30 августа – досрочный роспуск парламента второго созыва по инициативе Пилсудского.

Сентябрь – проведение по приказу Пилсудского арестов оппозиционных политиков и операции по «умиротворению» в Восточной Галиции.

Ноябрь – парламентские выборы, победа сторонников Пилсудского.

1930, декабрь – 1931, март – отдых Пилсудского на португальском острове Мадейра.

1931, октябрь – неудавшийся отдых Пилсудского в Румынии.

1934, 26 января – «трюк» с принятием сеймом проекта новой конституции.

1935, 24 апреля – вступление в силу новой конституции, гарантировавшей сохранение власти в руках лагеря Пилсудского.

12 мая – кончина Юзефа Пилсудского.

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

Наленч Д., Наленч Т. Юзеф Пилсудский: Легенды и факты / Пер. с польск. М., 1990.

Парсаданова В. С. Юзеф Пилсудский // Вопросы истории. 1996. № 1.

Baranowski W. Rozmowy z Pilsudskim. Warszawa, 1938.

Brzechwa J. Imie wielkosci. Wiersze o Jozefie Pilsudskim. Warszawa, 1938.

Г.Ф. Матвеев. Пилсудский

Garlicki A. Jozef Pilsudski 1867 – 1935. Wydanie III. Warszawa, 1990.

Giertych J. O Piisudskim. Londyn, 1987.

Jedrzejewicz W. Jozef Pilsudski 1867 – 1935. Zyciorys. Londyn, 1982.

Krupinski A. Piesn o Jozefie Piisudskim. Zamosc, 1920.

Lepecki M. Pamietaik adiutanta Marszalka Pilsudskiego. Warszawa, 1987.

Lipecki J. [Panenkowa I.] Legenda Pilsudskiego. Poznac, 1922.

Lipinski W. Wielki Marszalek (1867 – 1935). Warszawa, 1936.

Nowak A. Polska i trzy Rosje: Studium polityki wschodniej Jozefa Pilsudskiego (do kwietnia 1920 r.). Warszwa, Krakow, 2001.

Pilsudska A. Wspomnienia. Londyn, 1960.

Pilsudski J. Pisma zbiorowe: wydanie prac dotychczas drukiem ogloszonych. T. I-X. Warszawa, 1937 – 1938.

Suleja W. Jozef Pilsudski. Wyd. II. Wroclaw-Warszawa-Krakow. 2004.

SwiętekR. Lodowa sciana: Sekrety polityki Jozefa Pilsudskiego 1904 – 1918. Krakow, 1998.

Wasilewski L. Jozef Pilsudski jakim go znatem. Warszawa, 1935.

Wielopolska M. J. Jozef Pilsudski w zyciu codziennym. Warszawa, s.a.

Wojszwiiiio J. [Pobog-Malinowski W]. Jozef Pilsudski. Zycie, idee i czyny 1867 – 1935. Warszawa, 1990.

Фотографии

Первый маршал Польши

Герб рода Пилсудских

Г.Ф. Матвеев. Пилсудский

Зулув – родина Юзефа Пилсудского

Юзеф в годы учебы в виленской гимназии

Старший брат Бронислав Пилсудский

Леонарда Левандовская

Одно из писем Юзефа Леонарде

Розыскной лист государственного преступника Пилсудского. 1887 г.

Польские социалисты в Лондоне. Слева направо: И. Мосьцицкий, А. Енджеевский, С. Миклашевский, Ю. Пилсудский, А. Дембский, В. Йодко-Наркевич. 1896 г.

Вильно в конце XIX века

Пилсудский на охоте в Полесье. 1893 г.

Роман Дмовский

Г.Ф. Матвеев. Пилсудский

Феликс Дзержинский

Газета «Роботник», издаваемая Пилсудским в Вильно

Варшавская цитадель – место заключения Пилсудского

1905 год. Казаки разгоняют демонстрацию в Варшаве

Комендант Пилсудский ведет своих стрелков на учения. Закопане, 1913 г.

Первая жена Пилсудского – Мария Юшкевич

Пилсудский – бригадир Польского легиона

Пилсудский и его штаб в отбитом у русских городе Кельцы

С легионерами на Волыни. 1916 г.

Комендант распекает подчиненных. 1917 г.

Легионерское братство. Карикатура времен Первой мировой войны

Г.Ф. Матвеев. Пилсудский

Торжественная встреча Пилсудского в Варшаве. Ноябрь 1918 г.

Начальник государства

Игнаций Падеревский

Владислав Сикорский

Генерал Юзеф Галлер (справа)

Противники Пилсудского – Михаил Тухачевский и Александр Егоров

Пилсудский на советско-польском фронте

«Бей большевика!». Польский плакат 1920 г.

Маршал на верной Каштанке

С дочками Вандой и Ядвигой

Г.Ф. Матвеев. Пилсудский

Пилсудский и первый президент Польши Габриэль Нарутович

Одно из тысяч писем Пилсудскому от его поклонников

Пилсудский с руководством Варшавского университета

Дом маршала в Сулеювке

Со второй женой Александрой Щербиньской

В Сулеювке с дочками

Правительство В. Витоса, свергнутое Пилсудским в мае 1926 года

На мосту Понятовского в день переворота

Пилсудский и его правительство. 1927 г.

Министерский кордебалет. Польская карикатура

Бельведерский дворец – резиденция Пилсудского

Г.Ф. Матвеев. Пилсудский

Маршал Пилсудский в рамках конституции. Польская карикатура

Игнаций Мосьцицкий

Казимеж Соснковский

Эдвард Рыдз-Смиглы

Пилсудский принимает парад в Варшаве. Ноябрь 1929 г.

Адам Коц – верный соратник Пилсудского

Гитлер и министр иностранных дел Польши Юзеф Бек

Пилсудский с Йозефом Геббельсом. 1934 г.

До конца жизни маршал бдительно следил за состоянием польской армии

Пилсудский и его соратники – «пилсудчики»

Г.Ф. Матвеев. Пилсудский

Пилсудский в последние годы жизни. Рисунки З. Черманского

Маршал с Евгенией Левицкой на острове Мадейра

Последнее фото. Пилсудский возвращается с похорон сестры Зофьи. 21 марта 1935 г.

На смертном одре. 12 мая 1935 г.

Гробница Пилсудского в краковском Вавеле

Памятник Пилсудскому в Варшаве